МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Филиал ТИУ в г. Сургуте

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Материалы VII Международной научно-практической конференции-2026

Сборник научных трудов

Том 2

Тюмень
ТИУ
2026

УДК 622.24(06): 001.3(06)
ББК 33.1+72

Редакционная коллегия:
кандидат педагогических наук, доцент Л. К. Иляшенко
(ответственный редактор)
кандидат химических наук О. Л. Шепелюк
(технический редактор)
специалист А. Э. Сабитова
(технический редактор)

Перспективы развития высшей школы: материалы VII Международной научно-практической конференции. В 4 томах. Т. 2 / отв. редактор Л. К. Иляшенко. – Тюмень: ТИУ, 2026. – 590 с. – Текст: непосредственный.

ISBN

В материалы конференции включены статьи, отражающие актуальные проблемы научного знания по направлениям: «Теория и методика профессионального образования», «Культурология и филология: современный взгляд и исследования», «Особенности воспитательной среды в высшей школе: традиции и инновации», «Актуальные вопросы современного образования».

Научное издание предназначено для преподавателей вузов, практикующих специалистов, аспирантов, магистрантов, студентов учебных заведений, проявляющих интерес к рассматриваемой проблематике с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 622.24(06): 001.3(06)
ББК 33.1+72

ISBN

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», 2026

Секция 2

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Малютина Т. П., докт. ист. наук, доцент,
Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, г. Воронеж
E-mail: chal.04@mail.ru

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ НАГЛЯДНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ НА ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026-0015)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью разработки системы эффективных методов исторического просвещения и воспитания патриотизма у студентов педагогических вузов новых территорий. В качестве примера рассмотрена изобразительная наглядность и ее образовательный потенциал.

Ключевые слова: историческое просвещение, воспитание патриотизма, изобразительная наглядность, студенты, педагогические вузы, вновь присоединенные территории.

Malyutina T. P., D. Hist. Sc., Associate Professor,
Voronezh State Pedagogical University,
Russia, Voronezh
E-mail: chal.04@mail.ru

VISUAL EDUCATION AS A MEANS OF HISTORICAL EDUCATION AND PATRIOTISM EDUCATION OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES IN THE NEWLY ACCREDITED TERRITORIES OF RUSSIA

The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation as part of the implementation of a state assignment in the field of science (topic number OTGE-2026-0015)

The article discusses issues related to the need to develop a system of effective methods for historical education and the cultivation of patriotism among students of pedagogical universities in the newly annexed territories. As an example, the article examines visual aids and their educational potential.

Keywords: historical education, the cultivation of patriotism, visual aids, students, pedagogical universities, newly annexed territories.

Формирование патриотического сознания неизменно выступает ключевым фактором в становлении личности гражданина любого государства. В современной России, переживающей период серьёзных перемен и сталкивающейся с новыми геополитическими вызовами, важность целенаправленной работы по патриотическому воспитанию молодёжи существенно возрастает. Особенно актуальной данная работа видится для вновь присоединенных территорий, жители которых долгое время находились за пределами информационного поля России, а дети в школах знания о российской истории если и получали, то – зачастую в искаженном и фальсифицированном виде [1].

Чтобы быстро и успешно интегрировать новые регионы в общественно-политическую и культурную жизнь страны, необходимо разработать систему эффективных методов исторического просвещения студентов педагогических вузов. Ведь именно они в ближайшем будущем будут ответственны за образование и воспитание в патриотическом ключе детей вновь присоединенных территорий.

Кто он – настоящий патриот? Ответ есть в «Толковом словаре русского языка» С. Ожегова: это человек, который предан своему народу, испытывает любовь к Отечеству и готов жертвовать собой, совершая подвиги во имя интересов Родины [2, С. 447]. В XXI веке патриотизм в России становится важнейшим объединяющим ресурсом, стимулирующим развитие личности, общества и государства. Он сплачивает граждан вокруг стратегической цели – построения экономически сильной и политически устойчивой державы.

Патриотизм, как известно, не является генетическим свойством личности, его воспитывают на основе осознанного отношения к историческому прошлому Отечества, сохранения памяти о героических подвигах предков, понимания традиционных культурно-ценностных установок и их особенностей [3, С. 31-32]. Вот почему на вновь присоединенных территориях именно историческое просвещение в решении этого вопроса выходит на первый план.

В рамках исторического просвещения своеобразным мостом между знанием и ценностным отношением к Отечеству выступают наглядные методы обучения [4, С. 126]. Зрительное восприятие исторических событий, памятников культуры и природных объектов активизирует эмоциональную

сферу обучающихся, способствует глубокому осмыслению материала, формирует устойчивые позитивные образы Родины, улучшает восприятие информации через зрительные образы.

Потому представляется важным организация специальных историко-культурных локаций в педагогических вузах новых территорий, доступных и открытых для всех студентов. Это может быть музей, центр патриотического воспитания или просто рекреация (например, у актового зала вуза) с настенными стендами.

Представленная экспозиция должна содержать яркий, красивый и запоминающийся иллюстративный материал, краткие и ёмкие заголовки и небольшой информационный материал, в доступной и понятной форме отражающий и подчеркивающий значимость исторических традиций и культурного наследия нашего народа.

Здесь можно представить историю России по эпохам, выделить крупных исторических деятелей и раскрыть их вклад в развитие Отечества.

Отдельную серию стендов обязательно стоит посвятить культурному наследию и достоянию России, где представить шедевры русской живописи, архитектуры, скульптуры, театра, музыки и кино. Обязательно стоит подчеркнуть вклад России в современную науку и на стендах представить портреты и краткую информацию о М.В. Ломоносове, Д.И. Менделееве, А.Г. Столетове, Н.И. Лобачевском, И.И. Мечникове, И.П. Павлове, А.С. Попове, С.В. Ковалевской, Н.И. Вавилове, И.В. Курчатове, А.Ф. Йоффе и других выдающихся отечественных ученых. Можно отдельным блоком выделить российских ученых – лауреатов Нобелевской премии и охарактеризовать их открытия. Неплохо также было бы создать яркий и запоминающийся стенд о вкладе России в освоение космоса.

Еще один блок стендов стоит посвятить государственной символике Российской Федерации, структуре государственной власти и достижениям современной России. Здесь можно отметить качество российского образования (подчеркнуть, что Россия в первой десятке стран по этому критерию), достижения в спорте, уважение к памяти предков (рассказать о создании масштабных мемориалов: советскому солдату в Ржеве, Воину-освободителю в Кемерове, мемориального комплекса «Курская битва», о возрождении из руин в 2022 г. мемориального комплекса «Саур-могила»). Необходимо дать информацию также о том, что по инициативе Президента В.В. Путина в 2018 г. была создана АНО «Россия – страна возможностей», которая помогает любому человеку, независимо от возраста и пола, раскрыть свой творческий потенциал, реализовать свои способности, найти единомышленников и объединяет уже более 25 млн участников.

Несколько стендов стоит посвятить традициям и обычаям, языкам и праздникам народов России. Обязательно при этом отметить, что Российская Федерация – это многонациональная страна, где проживают более 190 народов, говорящих более чем на 170 языках. Это культурное многообразие

делает нашу страну богатой, самобытной, уникальной и многогранной. Стоит подчеркнуть также, что в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства лежат традиционные ценности, бережно передающиеся из поколения в поколение.

Обязательно стоит выделить стенды, посвященные героическим страницам истории Отечества. Здесь видятся стенды следующей направленности: Дни воинской славы России, Выдающиеся полководцы и флотоводцы, Великая Отечественная война: подвиг советского народа, Города-Герои, День Победы, Маршалы Победы, Память поколений о ратных подвигах защитников Отечества.

На одном из стендов следует охарактеризовать мощь современной России, отмечая, что вооруженные силы Российской Федерации – это основа безопасности нашей страны. Представляется важным дать краткую характеристику видам и родам войск, в цветном варианте представить их эмблемы. Несколько стендов стоит выделить под историю специальной военной операции, где охарактеризовать ее причины, цели России, рассказать о Героях и подвигах.

Серию стендов можно посвятить молодежным движениям России, развитию спорта и системы здравоохранения, социальной политике и проектам в сфере материнства и детства.

Количество стендов и их наполненность можно расширять и варьировать, но общая концепция должна сводиться к их доступности, яркой наглядности, запоминающимся образам. И еще один немаловажный момент – в системе наглядных стендов следует проводить мысль о том, что вновь присоединенные территории – это часть России. У нас общий менталитет, язык, история и Герои. Соответственно при создании стендов следует особое внимание уделять местным краеведческим аспектам, которые ложатся в общую концепцию, ее подтверждают и делают более наглядной и доступной.

Список использованной литературы

1. Бондарь Т. Г. О важности патриотического воспитания среди молодежи во вновь присоединенных территориях России / Т. Г. Бондарь. – Текст : электронный // Педразвитие : [сайт]. – URL : https://pedrazvitie.ru/servisy/publik/publ?id=51815 (дата обращения : 26.01. 2026).

2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : [72500 слов и 7500 фразеологических выражений] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с. – Текст : непосредственный.

3. Моисеева И. М. Сохраняя культурный код России / И. М. Моисеева, М. Б. Лобанова, Н. С. Кузьмина. – Текст : непосредственный // Воспитание гражданина и патриота современной России : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 30-32.

4. Мирошниченко Л. В. Взаимодействие студента и педагога в образовательном процессе : новые проблемы и тенденции / Л. В. Мирошниченко. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – № 1. – С. 121-126.

Зятева Л. А., канд. пед. наук., доцент,
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского,
Россия, г. Брянск
E-mail: zyateva@inbox.ru

КВАЗИПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье рассматривается потенциал квазипрофессиональной деятельности при подготовке студентов к организации педагогического сопровождения школьников в учебно-воспитательном процессе.

В работе отражен опыт автора по включению обучающихся в квазипрофессиональную деятельность в рамках курса «Педагогическое сопровождение воспитательного процесса» на основе современных нормативных требований. Раскрыты возможности проектной деятельности в формировании профессиональных компетенций.

Ключевые слова: квазипрофессиональная деятельность, практико-ориентированное образование, профессиональные компетенции, педагогическое сопровождение обучающихся, гражданственность, проектная деятельность.

Zyateva L. A., Ph. D., Associate Professor,
Bryansk State University named after
academician I. G. Petrovsky,
Russia, Bryansk
E-mail: zyateva@inbox.ru

QUASI-PROFESSIONAL ACTIVITIES AS AN ELEMENT OF STUDENT TRAINING FOR PEDAGOGICAL SUPPORT

The article examines the potential of quasi-professional activities in preparing students to organize pedagogical support for schoolchildren in the educational process.

The work reflects the author's experience in involving students in quasi-professional activities within the course "Pedagogical support of the educational

process" based on modern regulatory requirements. The possibilities of project activities in the formation of professional competencies are revealed.

Keywords: quasi-professional activity, practice-oriented education, professional competencies, pedagogical support of students, citizenship, project activities

В сложившейся в настоящее время социально-культурной ситуации, в условиях стремительно изменяющейся среды нарастает потребность в высокой профессионализации выпускников вузов. В связи с этим в университетской подготовке будущих специалистов акцент смещается на практико-ориентированное образование, при котором содержание и технологии организации образовательного процесса будут максимально ориентированы на запросы современных предприятий и организаций.

Специалисты в области практико-ориентированного обучения (Н.А. Коновалова, А.В. Савицкая, А.И. Уман, Л.Ю. Фалько и др.) сходятся во мнении, что оно активно стимулирует не только готовность, но и способность принимать обоснованные решения в реальных условиях профессиональной деятельности, развивает критическое мышление, творческий потенциал обучающегося. В результате выпускник вуза оказывается более подготовленным к постоянным вызовам современного рынка труда [1, С. 74-78].

Осуществить практико-ориентированное образование в традиционной «школе памяти», опирающейся в основном на знания невозможно. Перевод теоретических знаний в компетенции возможен только в условиях развития каждого обучающегося как субъекта, способного принимать обоснованные решения, открытого изменениям, ориентированного на оптимальную стратегию взаимодействия с окружающим миром, способного творить безопасную среду обитания.

Решением указанной проблемы может стать включение студентов в квазипрофессиональную деятельность, которая предоставляет им возможность «реализовать свои педагогические знания в ситуациях, специально смоделированных в различных аспектах образовательного процесса» [2, С. 61]. В ситуациях, моделирующих предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности [3, С. 5-7], студенты получают возможность освоить новые способы получения знаний и приобретения квазипрофессионального опыта.

Изучение научных исследований, посвященных квазипрофессиональной деятельности (А.А. Вербицкий, Е.В. Кузеванова, Т.Н. Приходченко, Т.В. Пушкарева, Н.Г Спиренкова Т.Н. Яблонская и др), позволило сделать вывод о том, что ее можно рассматривать, как деятельность, профессиональную по содержанию и учебную по форме, в результате выполнения которой студенты приобретают опыт самостоятельного проектирования отдельных элементов будущей профессиональной деятельности [2; 3; 4].

В качестве примера можно привести опыт включения студентов в квазипрофессиональную деятельность в рамках курса «Педагогическое сопровождение воспитательного процесса», поскольку профессиональная деятельность педагога сегодня в первоочередном порядке предполагает способность моделировать воспитательную среду современной образовательной организации.

Подготовка к реализации педагогического сопровождения воспитательного процесса предполагает более детальное знакомство с современными требованиями к реализации воспитательного воздействия на учащихся в образовательной системе школы, осознание сущности профессионально-педагогической деятельности классного руководителя, как профессионального организатора такого воздействия.

Работа в условиях данной учебной дисциплины ориентирована на учет интересов участников педагогического процесса, проявление их творческого потенциала. Она предусматривает активный поиск наиболее продуктивных вариантов организации воспитательной работы, апробацию эффективных практик педагогического сопровождения воспитательного процесса, настраивает на развитие у студентов учебных компетенций, раскрывающих их исследовательские, организаторские, проектировочные способности и умения.

Будучи ориентированным на организацию продуктивной деятельности обучающихся, курс отвечает всем требованиям практико-ориентированной учебной дисциплины, имеющей достаточные ресурсы для реализации деятельностного подхода и располагающей существенными возможностями для включения студентов в квазипрофессиональную деятельность.

Учитывая тот факт, что важной составляющей практико-ориентированного обучения является участие студентов в реальных проектах, мы, в качестве примера квазипрофессиональной деятельности, считаем возможным остановиться на проектной деятельности студентов, которой в программе курса «Педагогическое сопровождение воспитательного процесса» отводится значительное место.

Проектную деятельность мы рассматриваем как интегративный вид деятельности по созданию изделий или услуг, обладающих объективной или субъективной новизной и имеющих личную или общественную значимость и видим в ней современную модель взаимодействия образовательной организации и социума, инструмент синхронизации образовательной, социальной и профессиональной среды.

Включение студентов в квазипрофессиональную деятельность по социальному проектированию открывает перед обучающимися возможность определять цели собственной деятельности, самостоятельно выбирать пути и разрабатывать модели достижения поставленных целей, включаясь в сов-

местную работу над их решением, что способствует формированию социально-личностных компетенций, социальной мобильности, гражданской активности.

Учитывая возрастающую роль гражданско-патриотического воспитания и признание данного направления приоритетным в содержании современной воспитательной деятельности, остановимся на социальных проектах гражданско-патриотической направленности в процессе подготовки будущих педагогов к реализации педагогического сопровождения школьников.

Так, при изучении темы «Проектная деятельность в воспитании» студентами были разработаны и реализованы ряд социальных проектов, в частности проект «Поколения в едином строю», в рамках которого оказывается поддержка социальных инициатив ветеранов и заслуженных работников вуза. Оставаясь активными, имея значительный опыт общения со студентами, бывшие преподаватели, чья жизнь может стать примером для подрастающего поколения, выступают перед молодежью, проводят дискуссии и круглые столы, обсуждая проблемы гражданственности, социальной активности, профессиональной компетентности выпускников университета. Не менее значим и социальный проект «Несущий знания – бессмертен», содержание которого составляет пропаганда подвига учительства в Великой Отечественной войне. Участниками проекта собирается и постоянно пополняется материал о преподавателях, студентах, выпускниках вуза, брянских учителях, воевавших на фронтах, в партизанских отрядах, работавших в подполье. Воспитательным событием, ориентированным на повышение интереса к истории «малой родины» стали проекты «Улицы моего города», и «Университет, в котором я учусь». В рамках учебного проектирования обучающиеся разрабатывали и размещали на сайтах факультетов, в социальных сетях, в тематических чатах материалы о героях Отечества, ветеранах трудовой славы, почетных жителях, имена которых носят улицы Брянска и населенных пунктов Брянской области, углубляют знания об истории вуза и родного факультета. Изучая тему «Формы взаимодействия школы и семьи в процессе сопровождения личностного роста обучающегося», студенты разрабатывают проекты «Семейная династия», «Реликвии моей семьи», «Судьба семьи в истории страны», «Моя родословная», «История моего героя», привлекая к проектной деятельности родителей и представителей старшего поколения семьи.

Включение в социальное проектирование позволяет создать условия для приобретения специальных компетенций и успешной интеграции будущих выпускников в сферу будущей профессиональной деятельности.

В рамках мониторинга результативности курса «Педагогическое сопровождение воспитательного процесса» студентам были предложены вопросы, позволяющие оценить уровень их готовности к социальной и профессиональной активности.

81% респондентов выразили уверенность в том, что активность молодежи составит основу для благополучия общества, а 67% слушателей курса заявили о готовности связать свою будущую профессиональную деятельность со своей малой родиной – Брянской областью и принять личное практическое участие в улучшении социальной ситуации в местном сообществе;

Таким образом, участие обучающихся в квазипрофессиональной проектной деятельности, включение их в активные социальные практики, может способствовать построению и реализации траектории профессионального роста каждого студента.

Список использованной литературы

1. Фалько Л. Ю. Модернизация образовательного процесса на основе практико-ориентированной модели обучения / Л. Ю. Фалько, Н. А. Коновалова. – Текст : непосредственный // Университетское управление : практика и анализ. – 2012. – № 4. – С. 73-79.
2. Пушкарева Т. В. Квазипрофессиональная деятельность будущего социального педагога как основа интериоризации профессиональных знаний / Т. В. Пушкарева. – Текст : непосредственный // Наука и бизнес : пути развития : Педагогика и психология. – 2011. – № 6. С. 61-63.
3. Вербицкий А. А. Инварианты профессионализма : проблемы формирования: монография / А. А. Вербицкий, М. Д. Ильясова. – Москва : Логос, 2011. – 288 с. – Текст : непосредственный.
4. Приходченко Т. Н. Квазипрофессиональная деятельность в профессиональной подготовке будущих педагогов / Т. Н. Приходченко, Н. Г. Спиренкова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 85-4. – С 334-337.

Объещенко Т. Е., ассистент
кафедры психолого-педагогического
и эстетического образования
Азовский государственный педагогический университет
имени П. Д. Осипенко
Россия, Бердянск
E-mail: tatyana.objeshenko@yandex.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается потенциал воспитательной среды высшего учебного заведения в формировании семейных ценностей и укреплении межпоколенческих связей у студентов, проживающих в расширенных семьях. На основе интеграции аксиологического, системного и личностно-

ориентированного подходов разработана и апробирована комплексная программа педагогического сопровождения. Результаты формирующего эксперимента свидетельствуют о статистически значимом повышении уровня осознанности семейных традиций, улучшении качества коммуникации и усилении субъектной позиции студентов в выстраивании отношений со старшими поколениями. Делается вывод о необходимости целенаправленного проектирования воспитательной работы в вузе как пространства для ценностной преемственности.

Ключевые слова: воспитательная среда вуза, межпоколенческие связи, семейные ценности, расширенная семья, аксиологический подход, системный подход, личностно-ориентированный подход, педагогическое сопровождение.

Obyeshchenko T. E., Assistant of the
Department of Psychological,
Pedagogical and Aesthetic Education
Azov State Pedagogical University named
after P. D. Osipenko
Russia, Berdyansk
E-mail: tatyana.objeshenko@yandex.ru

EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY AS A FACTOR IN STRENGTHENING INTERGENERATIONAL TIES AND FORMING FAMILY VALUES AMONG STUDENTS

The article examines the potential of the educational environment of a higher educational institution in shaping family values and strengthening intergenerational ties among students living in extended families. Based on the integration of axiological, systemic, and personality-oriented approaches, a comprehensive program of pedagogical support has been developed and tested. The results of the formative experiment indicate a statistically significant increase in the level of awareness of family traditions, improvement in the quality of communication, and strengthening of the students' subjective position in building relationships with older generations. The conclusion is made about the need for targeted design of educational work at the university as a space for value continuity.

Keywords: educational environment of the university, intergenerational ties, family values, extended family, axiological approach, systemic approach, personality-oriented approach, pedagogical support.

В условиях трансформации социальных институтов и переоценки традиционных ценностей особую значимость приобретает вопрос сохранения и укрепления семьи как фундаментальной ячейки общества. Для новых субъектов Российской Федерации, проходящих процесс социокультурной

интеграции, данная проблема стоит особенно остро [1]. Студенческая молодежь, находящаяся в возрасте активного мировоззренческого самоопределения, является ключевой целевой группой для формирования просемейных установок. При этом многие студенты продолжают проживать в расширенных семьях, что создает уникальный контекст для межпоколенческого взаимодействия, но также порождает специфические конфликты и ценностные разрывы [2].

Исследование, проведенное на констатирующем этапе, выявило противоречие между декларативно высоким уважением к семье и низкой осознанностью ценностей преемственности, традиций и глубинного взаимопонимания между поколениями. Более трети студентов демонстрировали низкий уровень сформированности условий для осознанного укрепления связей, что актуализировало поиск эффективных педагогических инструментов.

Целью данного исследования стала разработка и экспериментальная проверка модели воспитательной среды вуза, направленной на укрепление межпоколенческих связей и формирование семейных ценностей у студентов из расширенных семей.

Методологической основой выступил **интегрированный подход,** объединяющий:

1. **Аксиологический подход** (Н.А. Рыбалкина, С.Г. Абрамова), направленный на перевод семейных традиций и ценности старших поколений в личностные смыслы студентов [3, 4].
2. **Системный подход** (А.Н. Петрова, Т.В. Ковалева), рассматривающий семью как целостную систему и формирующий навыки анализа семейных взаимосвязей и конструктивной коммуникации [5, 6].
3. **Личностно-ориентированный подход** (В.В. Сериков), активизирующий субъектную, созидательную позицию студента в процессе выстраивания семейных отношений [7].

На базе высших учебных заведений новых субъектов РФ был проведен педагогический эксперимент (2024 – 2025 гг.), в котором приняли участие 160 студентов (экспериментальная и контрольная группы по 80 человек), проживающих в расширенных семьях. На **формирующем этапе** в экспериментальной группе была реализована специальная программа, структурированная в три взаимосвязанных модуля:

1. **Аксиологический модуль:** цикл дискуссий «Ценности моей семьи», мастер-классы по созданию семейной летописи, проведение структурированных интервью с прародителями.
2. **Системный модуль:** тренинги по ненасильственной коммуникации и разрешению конфликтов, занятия по составлению и анализу генограмм (семейных схем).

3. **Личностно-ориентированный модуль:** проектная деятельность (разработка и реализация личного проекта по укреплению связей в своей семье), волонтерские акции помощи пожилым людям совместно с членами семей.

Для оценки эффективности использовался комплекс диагностических методик: авторская анкета, адаптированная «Шкала семейных ценностей», тест-опросник «Понимание, эмоциональное притяжение и уважение в межпоколенческих отношениях» (ПЭУ-М), метод экспертной оценки.

Результаты контрольного этапа показали статистически значимые положительные изменения в экспериментальной группе по сравнению с контрольной (расчет проводился с использованием U-критерия Манна-Уитни в IBM SPSS Statistics). Наиболее выраженная динамика наблюдалась по следующим параметрам (Таблица 1):

Таблица 1

Сравнительные результаты диагностики в ЭГ и КГ на контрольном этапе (фрагмент)

Диагностируемый параметр	Экспериментальная группа (M±σ)	Контрольная группа (M±σ)	Уровень значимости (p)
Ценность «Традиции» (max=5)	**4.1 ± 0.6**	3.2 ± 0.7	$p < 0.01$
Ценность «Преемственность поколений» (max=5)	**3.9 ± 0.7**	2.9 ± 0.8	$p < 0.01$
Когнитивный компонент «Понимание» (max=5)	**3.8 ± 0.8**		$p < 0.01$
Интегральный уровень (высокий, %)	**38.8%**	12.5%	–

Качественный анализ продуктов деятельности (семейных летописей, проектов) и данных фокус-групп подтвердил, что у студентов ЭГ сформировалась более осознанная, деятельная позиция: они стали инициаторами семейных бесед, проявили интерес к истории рода, научились артикулировать и транслировать семейные ценности.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило, что воспитательная среда вуза при условии ее целенаправленного проектирования может выступать мощным фактором укрепления межпоколенческого диалога. Интеграция аксиологического, системного и личностно-ориентированного подходов позволяет преодолеть формальное отношение к семейным ценностям, переводя их в план личностной значимости и практического действия. Разработанная программа педагогического сопровождения, включающая рефлексивные, коммуникативные и проектные формы работы, доказала свою эффективность и может быть рекомендована для внедрения в практику воспитательной работы вузов, особенно в регионах с высокой долей расширенных семей. Дальнейшие исследования могут быть связаны с адаптацией

данной модели для студентов, проживающих отдельно от семьи, и изучением долгосрочных эффектов проведенной работы.

Список использованной литературы

1. Рыбалкина Н. А. Ценностные основания межпоколенческих отношений в современной семье / Н. А. Рыбалкина. – Текст : непосредственный // Вестник педагогических наук. – 2018. – № 5. – С. 45-52.

2. Абрамова С. Г. Аксиологический подход в формировании межпоколенческого взаимодействия в семье / С. Г. Абрамова. – Текст : непосредственный // Семья и образование. – 2019. – № 3. – С. 18-25.

3. Петрова А. Н. Системный подход к анализу семейных кризисов / А. Н. Петрова. – Москва : Academia, 2020. – 176 с. – Текст : непосредственный.

4. Ковалева Т. В. Семейная система и коммуникация: тренинг конструктивного общения / Т. В. Ковалева. – Санкт-Петербург .: Речь, 2021. – 224 с. – Текст : непосредственный.

5. Сериков В. В. Личностно-ориентированное образование : поиск новой парадигмы / В. В. Сериков. – Москва : Смысл, 2017. – 268 с. – Текст : непосредственный.

Тиняков С. В., аспирант кафедры
педагогики и профессионального образования,
Научный руководитель: Щербатых Л. Н., канд. пед. наук,
профессор кафедры восточных и европейских языков,
перевода и лингводидактики,
Елецкий государственный университет
имени И. А. Бунина
Россия, г. Елец
E-mail: sergey12111994@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЕДОМСТВЕННОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КУРСАНТОВ

В статье рассматриваются подходы к определению структурных компонентов образовательной среды ведомственного учебного заведения. Автор выделяет примерную структурную организацию образовательной среды учебного заведения. Рассматриваются особенности образовательной среды ведомственного учебного заведения и их влияние на формирование профессиональных ценностных ориентаций курсантов. Автор дает рекомендации по улучшению компонентов образовательной среды ведомственного учебного заведения с целью качественного формирования профессиональных ценностных ориентаций выпускников.

Ключевые слова: профессиональные ценностные ориентации, курсанты, ведомственные учебные заведения, образовательная среда, компоненты образовательной среды.

Tinyakov S. V., postgraduate student,
Department of Pedagogy and Professional Education,
Scientific advisor: Shcherbatykh L. N., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Professor of the Department of Eastern and European Languages
of Translation and Linguodidactics
Bunin Yelets State University
Russia, Yelets
E-mail: sergey12111994@mail.ru

IMPROVEMENT OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A DEPARTMENTAL EDUCATIONAL INSTITUTION IN ORDER TO IMPROVE THE QUALITY OF FORMATION OF PROFESSIONAL VALUE ORIENTATIONS OF CURRENT STUDENTS

This article examines approaches to defining the structural components of the educational environment of a departmental educational institution. The author outlines an exemplary structural organization of the educational environment of an educational institution. The characteristics of the educational environment of a departmental educational institution and their influence on the development of cadets' professional value orientations are examined. The author provides recommendations for improving the components of the educational environment of a departmental educational institution to effectively develop graduates' professional value orientations.

Keywords: professional value orientations, cadets, departmental educational institutions, educational environment, components of the educational environment.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется постоянным ростом угроз безопасности и территориальной целостности со стороны внешних и внутренних агрессоров. Этот факт обусловливает важность качественной подготовки военного специалиста в специально организованных ведомственных учебных заведениях.

В ведомственных учебных заведениях проходят подготовку военные специалисты высшего и среднего звена, которые в дальнейшем проходят службу на важных для вооруженного противостояния должностях, требующих определенной подготовки и квалификации. Особенно высокие требования предъявляются к офицерам.

Личностной основой деятельности военного специалиста являются профессиональные ценностные ориентации. Ценностные ориентации отражают «ориентированность» личности на определенные общественные нормы и ценности [2, С. 66]. Под профессиональными ценностными ориентациями принято понимать системно организованные представления личности, характеризующие её отношение к своей деятельности в профессии. [5, С. 119]. Профессиональные ценностные ориентации оказывают значительное влияние на профессиональную и личностную реализацию специалиста.

Вопрос профессиональных ценностных ориентаций военного специалиста остается дискуссионным. К необходимым профессиональным ценностным ориентациям военного специалиста современные ученые относят патриотизм, глубокое понимание и осознание воинского долга, воинская честь, дисциплинированность, героизм, верность воинским традициям и др.

Формирование профессиональных ценностных ориентаций военного специалиста происходит в образовательной среде ведомственного учебного заведения и для улучшения данного процесса целесообразно рассмотреть каждый ее компонент.

Под образовательной средой в педагогической науке понимают совокупность образовательных, психологических, коммуникативных и психолого-педагогических условий формирования личности обучаемых. [3, С. 56].

В современной науке нет единого подхода к структуре образовательной среды. Наиболее совершенным подходом к структурно-системной организации образовательной среды видится выделение следующих компонентов образовательной среды: пространственно-семантического (архитектурная и символическая организация образовательного пространства учебного заведения), содержательно-методического компонента (концептуальная основа и содержание учебно-воспитательного процесса учебного заведения), коммуникационно-организационный компонент (специфика взаимодействия между субъектами образовательного процесса) [7, С. 136]. Структура образовательной среды учебного заведения представлена на рисунке 1.

Рис. 1 – Примерная структура образовательной среды ведомственного учебного заведения

Образовательная среда ведомственного учебного заведения имеет особенности, определяющие специфику формирования профессиональных ценностных ориентаций обучаемых. К наиболее значимым особенностям образовательной среды ведомственного учебного заведения относятся:

– закрытый и консервативный характер среды;

– постоянная включенность обучаемых в образовательный и воспитательный процесс;

– нахождение курсантов в состоянии постоянной боеготовности;

– совмещение и неразрывность процесса обучения и военной службы;

– ограничение социальных и образовательных взаимодействий;

– повышенная значимость коммуникативного компонента образовательной среды, связанная с постоянным взаимодействием обучаемых в учебной служебной и бытовой деятельности;

– особая важность и нормативное закрепление традиций;

– строгая регламентация применения технических средств воспитания;

– повышенное воздействие на обучаемых стресс-факторов;

– преобладание военных специалистов в преподавательском коллективе и особый педагогический климат в них.

Д.В. Соловей, рассматривая специфику военных учебных заведений, выделяет следующие компоненты, присущие образовательной среде ведомственного учебного заведения: военно-профессиональный, служебный, служебно-бытовой и воспитательный [6, С. 42].

В.А. Костромин выделяет организационный, содержательный, управленческий, нормативно-правовой, материально-технический и результативный компоненты образовательной среды ведомственного учебного заведения [4, С. 173].

Образовательная среда ведомственного учебного заведения имеет ярко выраженный профориентационный характер, направленный на подготовку высококвалифицированных военных специалистов с определенным набором специализированных знаний, умений, навыков и ценностных ориентаций, необходимых для дальнейшей успешной деятельности в качестве военного специалиста. [1, С. 270]. Немаловажным является формирование необходимых профессиональных ценностных ориентаций, основой которых должен быть патриотизм и любовь к своей Родине. В этой связи видится целесообразным выделение аксиологического (ценностного) компонента образовательной среды ведомственного учебного заведения. Особенностью данного компонента является его включенность во все другие компоненты образовательной среды ведомственного учебного заведения. Структура образовательной среды ведомственного учебного заведения представлена на рисунке 2.

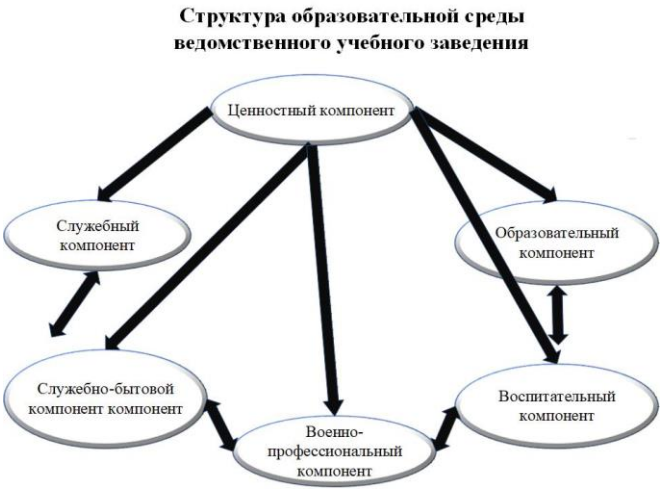

Рис. 2 – Структура образовательной среды ведомственного учебного заведения

Основными препятствиями для формирования профессиональных ценностных ориентаций в рамках образовательной среды ведомственных учебных заведений являются:

– неиспользование воспитательного потенциала каждого ее компонента;

– деструктивное информационное влияние со стороны противника на элементы образовательной среды ведомственного учебного заведения;

– слабая методическая подготовка педагогического состава учебных заведений;

– медленное внедрение информационных технологий в элементы образовательной среды ведомственного учебного заведения;

– недостаточно эффективная организация учебного процесса и отсутствие воспитательного компонента в других элементах деятельности обучаемых.

Каждый компонент образовательной среды ведомственного учебного заведения имеет широкие перспективы совершенствования воспитательных возможностей для формирования профессиональных ценностных ориентаций.

Для улучшения формирования профессиональных ценностных ориентаций в рамках образовательной среды ведомственного учебного заведения необходимо:

– дальнейшее научное изучение влияния структуры и содержания образовательной среды ведомственного учебного заведения на формирование и развитие профессиональных ценностных ориентаций обучаемых;

– постоянное совершенствование каждого компонента образовательной среды ведомственного учебного заведения;

– постоянное развитие процесса интеграции и повышения воспитательного потенциала учебной, воспитательной, служебной и бытовой деятельности обучаемых;

– повышение аксиологического содержания каждого компонента образовательной среды ведомственного учебного заведения;

– постоянное профессиональное совершенствование и улучшение уровня методической подготовки педагогов-воспитателей и специалистов военно-политических органов;

– постоянное внедрение инновационных образовательных технологий в образовательную среду учебного заведения и изучение возможностей их использования для формирования профессиональных ценностных ориентаций;

Ценностный компонент личности военного специалиста является базисным для прогнозирования дальнейшей успешной деятельности. Для качественного и устойчивого формирования профессиональных ценностных ориентаций в рамках образовательной среды ведомственного учебного заведения необходимо совершенствование всех ее элементов с использованием комплексного, системного и средового научно-педагогических подходов.

Список использованной литературы

1. Гончаров С. А. Особенности воспитания гражданской ответственности военного летчика в условиях образовательной среды военного вуза / С. А. Гончаров. – Текст : непосредственный // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 51. – С. 268-274.

2. Жалагина Т. А. Мотивация профессиональной деятельности и ценностные ориентации личности как факторы успешности профессиональной деятельности педагога / Т. А. Жалагина, К. С. Виноградов. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета : Педагогика и психология. – 2021. – № 2 (55). – С. 66-75.

3. Жежель Л. В. Особенности образовательной среды военного вуза / Л. В. Жежель. – Текст : непосредственный // Психология и педагогика на современном этапе. – 2014. – № 5. – С. 56-61.

4. Костромитин В. С. Особенности становления профессиональных качеств будущих офицеров в образовательной среде военного вуза : обзорное исследование / В. С. Костромитин, А. А. Дьячков, П. Ю. Наумов. – Текст : непосредственный // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 6-1. – С. 272-279.

5. Самойлик Н. А. Педагогические условия формирования профессионально-ценностных ориентаций в процессе обучения курсантов ФСИН России / Н. А. Самойлик. – Текст : непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования : материалы VII Междунар. науч. конф., сент. 2015 г. – Краснодар, 2015. – С. 119-122.

6. Соловей Д. В. Особенности образовательной среды военного вуза / Д. В. Соловей, В. И. Спирина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 36-44.

7. Тарасов С. В. Образовательная среда: понятие, структура, типология / С.В. Тарасов. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 3, № 3. – С. 133-138.

Савченко А. Ю., обучающийся,
Грицев Д. Л., старший преподаватель,
Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого,
Республика Беларусь, г. Гомель
E-mail: antosha.savchenko.03@mail.ru
vitalijcarun26@gmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАНЯТИЙ ПО ИГРОВЫМ ВИДАМ СПОРТА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются различные подходы психологического обеспечения занятий по игровым видам спорта в университетах. Отмечены задачи данной поддержки и различные меры ее реализации.

Ключевые слова: интеллект, команда, психологические особенности, психология.

Savchenko A. U., student,
Gritsev D. L., professor,
Gomel State Technical University named
after P. O. Sukhoi,
Republic of Belarus, Gomel
E-mail: antosha.savchenko.03@mail.ru
vitalijcarun26@gmail.com

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR TEAM SPORTS CLASSES IN HIGHER EDUCATION

This article examines various approaches to providing psychological support for team sports classes at universities. The objectives of this support and various measures for its implementation are outlined.

Keywords: intelligence, team, psychological characteristics, psychology.

Игровые виды спорта предстают как особая среда для обучения, где двигательная активность сочетается с быстрыми решениями, работой в команде и контролем эмоций. В отличие от циклических видов игровые требуют постоянной работы мышления. Поэтому психологическая поддержка тут не просто желательна, а обязательна в образовательном процессе университета [1, С. 67].

Психологическая работа должна решать три задачи:

– обучение

Развитие спортивного интеллекта – умения быстро понимать ситуацию, видеть, как будут развиваться события, и принимать верные решения.

– развитие

Улучшение эмоционального интеллекта – способности понимать свои и чужие чувства, владеть ими, находить мотивацию для себя и других.

– воспитание

Создание чувства команды – ощущение себя частью группы, ответственности, умение работать вместе и помогать друг другу.

Психологическая работа строится по нескольким модулям:

Модуль 1. Оценка и постановка целей (первые 2 – 4 занятия)

Используются такие методики, как:

– карта мотивации

Короткий опрос, чтобы понять, что важно студенту (победы, общение, здоровье, лидерство).

– наблюдения

Отслеживание психологических особенностей во время игры.

– обсуждение в группе

Вместе определяем ценности и правила работы.

– результат

Понимание психологических особенностей группы и личных целей каждого студента.

Модуль 2. Развитие основных умений (5 – 12 занятия)

– тренинг общения

1) упражнение «слепая сборка»: команда с закрытыми глазами собирает что-то по указанию лидера.

2) упражнение «немая разминка»: разминка только жестами.

3) прием «активное слушание в игре»: обязательно подтверждать, что они поняли информацию (Понял, Принято).

– тренинг управления эмоциями

1) «метод стоп-кадра»: остановка по сигналу, чтобы понять, что они сейчас чувствуют.

2) дыхательное упражнение: для быстрого восстановления между играми.

3) дневник эмоций: коротко записываем, что чувствуют до и после тренировки.

Модуль 3. Улучшение работы в команде (13 – 20 занятия)

Как формировать команду:

4) смена ролей: каждый пробует себя в разных ролях (лидер, стратег, мотиватор, наблюдатель).

5) планирование вместе: команда сама разрабатывает план на следующую игру.

6) анализ «плюс-дельта»: что стоит оставить (плюс) и что поменять (дельта) в следующей игре.

Как решать конфликты:

1) прием «взгляд с трех сторон»: смотрим на ситуацию глазами каждого участника и со стороны.

2) «правило 24 часа»: делаем перерыв, прежде чем обсуждать конфликты.

Модуль 4. Подготовка к соревнованиям (21 – 28 занятия)

– психология соревнований:

1) метод «управляемого волнения»: превращаем тревогу в энергию с помощью специальных действий.

2) прием «точки концентрации»: сосредотачиваемся на конкретной задаче, а не на общем волнении о результате.

3) создание стрессовых ситуаций: учебные игры с дополнительными сложностями (мало времени, меняющийся счет).

Использование в обучении.

Для реализации вышеперечисленных приемов преподавателям предлагаются следующие методики:

– в начале занятия (5 – 7 минут):

1) психологическая разминка: коротко спрашиваем о состоянии студентов.

2) ставим не только физическую, но и психологическую задачу на занятие.

3) включаем психологические элементы в упражнения (например, передаем мяч с обязательным зрительным контактом).

4) делаем психологические перерывы для обсуждения работы в команде.

– в конце занятия (10 минут):

1) обсуждаем, что получилось в общении, а что было сложно.

2) даем советы по психологической подготовке к следующему занятию.

Отслеживание результатов.

Простой список для наблюдений, который заполняет преподаватель:

– насколько каждый студент вовлечен (1 – 5 баллов).

– сколько раз команда позитивно взаимодействовала.

– как реагируют на ошибки (свои и чужие).

Короткий отчет студента (2 минуты в конце занятия):

– сегодня я научился;

– работа в команде была;

– на следующем занятии я хочу;

Решение типовых проблем

Ситуация 1: плохой командный лидер

Признаки: один студент командует, подавляет других, создает напряжение.

Решение:

1) назначаем его тренером-стажером, чтобы он помогал другим.

2) вводим правило первого паса – нужно сначала отдать мяч, а потом атаковать.

3) разговариваем с ним лично о том, как важна его роль в развитии команды.

Ситуация 2: пассивный участник

Признаки: не участвует, избегает ответственности, просто наблюдает.

Решение:

1) постепенно даем больше ответственности (сначала следить за временем, потом давать тактические задания).

2) вводим правило обязательного высказывания – каждый должен предложить хотя бы одну идею.

3) ставим в пару с позитивным студентом.

Ситуация 3: конфликтная пара/группа

Признаки: постоянные споры, критика, нет сотрудничества.

Решение:

1) Временно объединяем их в ответственную пару с общим заданием.

2) Ставим общую задачу, которая требует объединения против внешнего вызова.

3) Предлагаем поменяться ролями в игре.

Психологическая работа помогает при выполнении следующих критериев:

1) Быстрые результаты (проверка раз в месяц):

2) Больше позитивного общения в команде.

3) Меньше конфликтов.

4) Большая посещаемость.

Результаты за семестр:

1) В команде формируются устойчивые группы.

2) У пассивных студентов проявляются лидерские качества.

3) Умеют самостоятельно решать конфликты.

Результаты за год:

1) навыки работы в команде переносятся на учебу и другие занятия.

2) сохраняется интерес к спорту.

3) умеют владеть собой в стрессовых ситуациях.

Психологическая поддержка на занятиях игровыми видами спорта – это не просто дополнительная работа, а способ сэкономить время и силы в будущем. Если в начале семестра уделить внимание психологическому климату, группа станет более управляемой, заинтересованной и эффективной.

Главное – делать все постепенно и регулярно. Нельзя сразу создать команду, но можно каждый раз делать шаг в этом направлении. Начните с малого: с 5-минутного обсуждения в конце занятия, с одного правила общения, с наблюдения за одной проблемой [2, С. 78].

Если занятия организованы с учетом психологии, они станут для студентов не просто выполнением упражнений, а местом, где они растут как личности, учатся общаться и развивают свои эмоции. В современном образовании, где есть риск уйти в онлайн и потерять навыки общения, такая практика становится особенно важной и выходит за рамки обычной физической подготовки.

Список использованной литературы

1. Горбунов Г. Д. Психология физической культуры и спорта : учеб.-метод. пособие / Г. Д. Горбунов, Е. Н. Гогунов ; ред. Е. Н. Гогунова. – Москва : Академия, 2009. – 120 с. – Текст : непосредственный.
2. Загайнов Р. М. Психолог в команде / Р. М. Загайнов. – Москва : Физкультура и спорт, 1984. – 144 с. – Текст : непосредственный.

Моцовкина Е. В., канд. пед. наук, доцент,
Чижевская Е. В., обучающаяся,
Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
Республика Крым, г. Ялта
E-mail: mozovkina_helen@mail.ru
samalka1997s@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена исследованию влияния культурных традиций на процесс воспитания студенческой молодежи в условиях современного вуза. Рассматриваются исторические корни, современные тенденции и законодательные основы, механизмы трансляции ценностей, роль университетской среды, семьи и регионального контекста, а также риски формализации воспитательной работы вузов России. Особое внимание уделено роли традиционных ценностей в формировании мировоззрения современной молодежи.

Ключевые слова: культура, традиции, студенты, воспитание, ценности, образование, университет, идентичность.

Motsovkina E. V., Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor,
Chizhevskaya E. V. student,
Humanitarian and Pedagogical Academy,
Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky,
Republic of Crimea, Yalta
E-mail: mozovkina_helen@mail.ru
samalka1997s@mail.ru

THE INFLUENCE OF CULTURAL TRADITIONS ON THE EDUCATION OF STUDENTS

The article is devoted to the study of the influence of cultural traditions on the process of educating students in a modern university. It examines the historical roots, current trends, and legal foundations, as well as the mechanisms of value transmission, the role of the university environment, family, and regional context, and the risks of formalizing the educational work of Russian universities. Special attention is paid to the role of traditional values in shaping the worldview of modern youth.

Keywords: culture, traditions, students, upbringing, values, education, university, identity.

Современное российское общество характеризуется многообразием этнических групп, каждая из которых обладает уникальными традициями и обычаями. Воспитание студентов в высшей школе в последние годы вновь становится предметом пристального внимания исследователей и практиков образования. Студенчество – это особый период в жизни человека, характеризующийся не только профессиональным становлением, но и окончательным формированием ценностно-смысловой сферы личности. Причины тому связаны не только с изменениями в нормативном регулировании и институциональных задачах вузов, но и с усложнением социокультурной реальности: усиливается культурное разнообразие студенческой аудитории, меняются коммуникационные практики, трансформируются формы передачи ценностей и социального опыта.

В соответствии с целями, обозначенными в Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 года, основное внимание уделяется формированию у обучающихся гражданских качеств, патриотизма и социальной ответственности [3]. В условиях многообразия этнических групп, каждая из которых обладает уникальными традициями и обычаями, воспитание студентов в высшей школе становится особенно актуальным. Студенчество – это переломный момент, в течение которого происходит не только профессиональное становление, но и окончательное оформление системы ценностей и жизненных ориентиров личности [4].

Причины возрастания интереса к вопросам воспитания студентов заключаются не только в изменениях нормативного регулирования и институциональных задачах вузов, но и в усложнении социокультурной реальности. Увеличение культурного разнообразия студенческой аудитории, изменение коммуникационных практик и трансформация форм передачи ценностей и социального опыта требуют от образовательных учреждений новых подходов к воспитанию. Стоит отметить, что культурные традиции – это, по сути, набор правил и обычаев, которые сложились исторически и приняты

обществом для организации повседневной жизни. В их основе лежат обычаи, ритуальные действия, система ценностей и образцы поведения, которые непрерывно передаются между поколениями, тем самым гарантируя сохранение и развитие культурного наследия [1]. Эти особенности оказывают значительное влияние на формирование личности молодого поколения, особенно студентов высших учебных заведений. Воспитание студентов представляет собой сложный процесс, содержащий в себе интеллектуальное развитие, духовно-нравственное становление и социальную адаптацию. Поэтому важно понимать роль культуры и национальных традиций в данном процессе.

Необходимость изучения культурного наследия в учебных заведениях продиктована задачей воспитания гармонично развитого гражданина. Этот гражданин должен обладать способностью к адаптации в условиях современного межнационального сотрудничества, сохраняя при этом свою национальную самобытность. Культурные традиции можно определить, как исторически сформированные и социально одобренные модели жизни, включающие нормы, обычаи, ритуалы, ценностные установки и поведенческие образцы, которые передаются из поколения в поколение, обеспечивая преемственность культурного опыта. В контексте воспитания студентов традиции проявляются в различных масштабах: от семейных и локальных (региональных, этнокультурных) до общегражданских и профессиональных. Они служат ориентиром для допустимого и желательного поведения, формируют представления о таких качествах, как достоинство, ответственность, уважение, служение обществу, и влияют на образовательную мотивацию и характер взаимодействия в академической среде. Важность сохранения и передачи культурных традиций и ценностей подчеркнута в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], который фиксирует воспитание как деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения.

Исторически российские университеты формировались под влиянием европейских образовательных моделей, однако постепенно стали учитывать специфику русской ментальности и культурных традиций. Это отразилось в содержании учебных курсов, методиках преподавания и организации внеклассной работы. Например, в дореволюционной России большое значение придавалось гуманитарному образованию, которое включало изучение истории, философии, этики и эстетики.

Сегодня, несмотря на процессы интеграции в мировое образовательное пространство, многие учебные заведения продолжают сохранять элементы традиционной педагогической системы. Одним из примеров служит опыт Московского государственного университета имени М.В. Ломоно-

сова, где особое внимание уделяется развитию творческой активности студентов, приобщению их к научным знаниям и формированию нравственных качеств [2].

Современные образовательные учреждения активно используют инновационные методы воспитания, сочетающие традиционные и новые формы взаимодействия с молодежью. Среди них выделяются проекты по вовлечению студентов в волонтерские движения, культурно-просветительные мероприятия, научные конференции и спортивные соревнования. Такие инициативы способствуют расширению кругозора учащихся, развитию коммуникативных способностей и приобретению опыта командной работы.

Однако существует ряд проблем, препятствующих эффективному осуществлению воспитательных функций вуза. К ним относятся недостаточная координация усилий преподавателей и администрации, нехватка ресурсов для реализации масштабных проектов, отсутствие четких критериев оценки результатов воспитательной деятельности. Для преодоления обозначенных проблем целесообразно разработать и реализовать комплексную инициативу, призванную интегрировать культурное наследие в образовательную среду и стимулировать вовлеченность студентов в жизнь университета.

Законодательство Российской Федерации предусматривает меры поддержки и защиты прав студентов, гарантирующие доступ к качественному образованию и создание условий для полноценного духовного роста. Основные положения содержатся в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» статье 43 которого закреплены обязанности обучающихся соблюдать устав образовательного учреждения, уважительно относиться к сотрудникам и друг другу, проявлять бережливость к имуществу организации [3]. Таким образом, закон определяет рамки поведения студентов, стимулируя уважение к общечеловеческим нормам морали и традициям народов нашей страны.

К тому же, федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) предусматривают включение дисциплин, направленных на ознакомление с историей, культурой и традициями народов России. Данный подход способствует формированию снисходительности к представителям разных этносов и созданию атмосферы взаимопонимания среди учащейся молодежи.

Культурные традиции представляют важную роль в формировании личности студентов, влияя на их взгляды, убеждения и поведение. Их сохранение и передача следующим поколениям способствуют гармоничному развитию человека, формируют чувство гордости за свою страну и укрепляют единство многонационального российского государства.

Рекомендуется улучшить работу вузов по пропаганде культурного достояния путем расширения списка предметов гуманитарного цикла, разра-

ботки специальных программ для привлечения внимания студентов к вопросам этнокультурного разнообразия и углубления понимания значимости традиционных ценностей.

Таким образом, понимание роли культурных традиций открывает перспективы для совершенствования воспитательной работы в вузах, обеспечивая подготовку специалистов, обладающих высоким уровнем гражданской ответственности и профессиональными компетенциями.

Список использованной литературы

1. Иванов П. С. Культурные традиции как фактор воспитания в высшей школе / П. С. Иванов. – Текст : непосредственный // Научные исследования в образовании. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 22-30.

2. Мельникова О. Н. Формирование профессиональных компетенций студентов технических специальностей средствами народной культуры / О. Н. Мельникова, Т. И. Макарова. – Текст : непосредственный // Вестник МГТУ. – 2019. – Т. 22, № 3. – С. 214-221.

3. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. – Текст : электронный // Министерство просвещения Российской Федерации : [официальный сайт]. – 2020. – URL : https://edu.gov.ru/press/3137/pravitelstvo-utverdilo-plan-meropriyatiy-v-ramkah-strategii-razvitiya-vospitaniya-do-2025-goda/ (дата обращения : 26.02.2026).

4. Смирнова А. В. Воспитание студентов в условиях культурного разнообразия / А. В. Смирнова. – Текст : непосредственный // Вестник образования. – 2021. – № 12 (3). – С. 45-50.

Дидык В. Н., обучающийся,
Научный руководитель: Иванова С. Ю.,
канд. пед. наук, доцент
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
E-mail: rodroxi851@gmail.com

СТУДЕНЧЕСКИЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ КАК ЦЕНТР ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ВУЗЕ: ОТ ТЕЛА К СООБЩЕСТВУ

В статье доказывается, что студенческий спортивный клуб может играть гораздо более важную роль, чем просто спортивная секция. Он способен стать центром, который объединяет студентов, формирует общие для университета ценности и воспитывает социально активных людей. Автор предлагает модель из трёх взаимосвязанных уровней, показывающую, как

через спорт студент растёт как личность, становится частью команды и затем - активным гражданином.

Ключевые слова: студенческий спортивный клуб, культура университета, социальная активность, личностные навыки (soft skills), воспитание, сообщество, сплочённость.

Didyk V. N., student,
Academic Supervisor: S. Yu. Ivanova,
Ph. D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor
Kemerovo State University,
Russia, Kemerovo
E-mail: rodroxi851@gmail.com

STUDENT SPORTS CLUB AS A CENTER FOR THE FORMATION OF CORPORATE CULTURE AND SOCIAL ACTIVITY IN THE UNIVERSITY: FROM BODY TO COMMUNITY

The article argues that a student sports club can play a much more important role than just a sports section. It can become a center that unites students, forms common university values, and educates socially active individuals. The author proposes a model of three interconnected levels, showing how through sports a student grows as a person, becomes part of a team, and then an active citizen.

Keywords: student sports club, university culture, social activity, soft skills, education, community, cohesion.

Актуальность исследования: сегодня от высшего образования ждут не только знаний по специальности, но и воспитания зрелой, ответственной личности, которая умеет работать в команде и адаптироваться к жизни. В наш цифровой век, когда много общения происходит онлайн, студентам часто не хватает настоящего, живого взаимодействия. Студенческий спортивный клуб становится таким уникальным местом встречи – где общаются не через экраны, а через совместные усилия, взгляды, поддержку и общие эмоции на тренировке. К сожалению, часто его потенциал используют не полностью, видя в нём только оздоровительную услугу или кружок для энтузиастов. На самом деле, клуб может стать ядром, вокруг которого формируется дух университета, где студенты получают жизненный опыт и учатся быть активными. Современная задача – перестать смотреть на спорт узко, только как на способ улучшить здоровье или добиться результатов. Спорт – это мощный инструмент для развития человека в целом: его тела, умения общаться и моральных качеств. Поэтому новая роль спортивного клуба как центра культуры и активности – это ответ на запрос времени на единение, общность и полезные действия.

Цель исследования: разработать целостный взгляд на студенческий спортивный клуб как на полноценную и важную часть системы воспитания в университете. Мы хотим показать, что клуб может быть генератором общих ценностей и социальной активности студентов. Для этого мы используем знания из разных областей: теории физического воспитания, социологии (чтобы понять, как формируется культура), психологии и педагогики (чтобы разобраться в групповой динамике и развитии навыков), а также исследований социального капитала (чтобы оценить общественную пользу). Такой комплексный подход позволяет увидеть клуб как многофункциональный центр, где пересекаются различные виды деятельности и взаимодействия.

Трёхуровневая модель: от личности к сообществу. Наша модель описывает спортивный клуб как динамичную систему из трёх уровней, которые связаны между собой и поддерживают друг друга, образуя спираль развития.

1. Уровень личности: спорт как школа жизненных навыков. Это базовый уровень, на котором происходят личные изменения. Здесь спорт – это не просто упражнения, а «практика преодоления», где студент сталкивается с усталостью, проигрышем, необходимостью быстро принимать решения. Именно в таких условиях лучше всего развиваются важные для жизни гибкие навыки (soft skills): управление эмоциями и устойчивость к стрессу: спорт учит справляться и с радостью победы, и с горечью поражения, превращая их в мотивацию. Дисциплина и управление временем: регулярные тренировки, встроенные в учебное расписание, учат планировать время и быть ответственным перед командой. Умение ставить цели и анализировать: достижение спортивного результата (например, пробежать быстрее) становится моделью для достижения учебных и жизненных целей. Критическое мышление и находчивость: в игровых видах спорта нужно быстро анализировать ситуацию и находить нестандартные тактические решения. Ключевую роль здесь играет тренер. Он становится не просто инструктором, а наставником, который помогает студенту осмыслить свой физический опыт, лучше понять себя, свои сильные стороны и пределы возможностей.

2. Уровень команды: клуб как основа общности и ценностей. Этот уровень объединяет отдельных людей в настоящее сообщество. Клуб становится «фабрикой» по созданию общего чувства «мы». Как это работает? Традиции и ритуалы: посвящение новичков, награждение, совместные поездки, свои «кричалки» – всё это создаёт сильную эмоциональную связь и общие воспоминания, отличные от формальных учебных мероприятий. Символы: эмблема, форма, цвета клуба становятся видимым знаком принадлежности. Внутренние шутки, названия команд создают свой уникальный язык общения. Общие правила и ценности: честная игра, взаимопомощь,

уважение к сопернику, дисциплина из абстрактных идей становятся реальными повседневными нормами. Нарушителя ждёт не выговор, а потеря уважения команды. Совместные переживания: общая радость от победы и поддержка в поражении создают эмоциональные связи, которые крепче, чем во многих официальных группах.

Таким образом, формируется чувство гордости и принадлежности не к абстрактному университету, а к конкретному, живому сообществу внутри него. Клуб становится «лицом» вуза для внешнего мира, а его победы радуют всех студентов, укрепляя связи между разными факультетами.

3. Уровень общественных дел: спорт как инструмент для помощи другим. Это уровень, где влияние клуба выходит за стены университета. Спорт становится не самоцелью, а языком общения с городом и обществом. Основные направления: волонтёрство: организация спортивных праздников для детей из детских домов, тренировки для людей с инвалидностью, общественные акции. Это развивает сопереживание и гражданскую позицию. Межвузовское и городское взаимодействие: проведение турниров и фестивалей с другими университетами или городскими командами. Это помогает разрушить академическую изоляцию, создаёт полезные связи и показывает вуз как активную часть городской жизни. Организация мероприятий: самостоятельное планирование и проведение событий - от поиска спонсоров до работы со СМИ. Это бесценный практический опыт в управлении, финансах и коммуникации в реальных условиях. Просвещение: лекции, мастер-классы, открытые тренировки о здоровом образе жизни для всех студентов.

На этом уровне студенты учатся применять ценности и культуру сотрудничества, выработанные в клубе, в реальном мире, превращаясь из пассивных получателей знаний в активных создателей социальной среды.

Синергия уровней: цикл развития. Суть модели в том, что все три уровня связаны в один непрерывный цикл, похожий на восходящую спираль: студент развивается в спорте (Уровень 1) и получает уверенность и навыки. Он приносит этот «капитал» в команду (Уровень 2), усиливая её дух и культуру. Сильное и сплочённое сообщество хочет и может действовать вовне (Уровень 3). Опыт этой общественной деятельности (удачи, неудачи, признание) обогащает культуру клуба новыми историями и смыслами (возврат на Уровень 2). Обновлённая, более зрелая культура клуба ставит новые задачи и открывает новые возможности для личностного роста его членов (возврат на Уровень 1), но уже на более высоком уровне.

Если этот цикл разорвать (например, если клуб заботится только о спортивных результатах и не занимается общественной деятельностью или если руководство вуза видит в нём лишь развлекательную секцию), то система теряет целостность, а её воспитательный и социальный потенциал сводится к минимуму.

Таким образом, студенческий спортивный клуб будущего - это не просто место для тренировок. Это сложная, открытая и развивающаяся система,

которая является ключевым инструментом в формировании не просто выпускника с дипломом, а гармоничной, социально активной и ответственной личности, чувствующей связь со своим университетом и обществом.

Список использованной литературы

1. Концепция развития студенческого спорта в Российской Федерации до 2025 года. – Текст : электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL : https://www.minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=33317 (дата обращения : 19.01.2026).

2. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. И. Лубышева. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва : Академия, 2010. – 272 с. – Текст : непосредственный.

3. Быховская И. М. Основы культурологии / И. М. Быховская. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 485 с. – Текст : непосредственный.

4. Шеманов А. Ю. Инклюзивный спорт как социальная практика / А. Ю. Шеманов. – Текст : непосредственный // Педагогика и просвещение. – 2019. – № 4. – С. 95-98.

5. Журавлёва А. В. Корпоративная культура как фактор повышения эффективности деятельности предприятия : специальность 08.00.05. «Экономика и управление народным хозяйством (экономика труда)» : автореф. дис. … канд. экон. наук / А. В. Журавлева. – Москва, 2010. – 25 с. – Текст : непосредственный.

6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман. – Текст : непосредственный // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2, № 3. – С. 63-67.

Лисова С. Ю., канд. полит. наук, доцент,
Ивановский государственный энергетический университет,
Россия, г. Иваново
E-mail: lisovaSU@yandex.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

Профориентационная работа в парадигме воспитания способствует профессиональному самоопределению обучающихся, их личностному развитию, социальной адаптации. В статье рассматриваются формы и методы профориентационной работы, проводимой современными вузами. На примере ИГЭУ показаны наиболее эффективные мероприятия как традиционных, так и инновационных форматов в контексте воспитания будущих студентов и специалистов.

Ключевые слова: профориентация, воспитательная работа, профильные классы, школьники, студенты, популяризация инженерных профессий, стройотряды.

Lisova S. U., Ph. D., Associate Professor,
Ivanovo State Power University,
Russia, Ivanovo
E-mail: lisovaSU@yandex.ru

EDUCATIONAL EFFECTS OF UNIVERSITY'S PROFESSIONAL GUIDANCE ACTIVITIES

Career guidance work in the educational paradigm promotes both the professional self-determination of students and their personal development, social adaptation, and also has a positive impact on society as a whole. The article discusses the forms and methods of career guidance work carried out by modern universities. Using the example of ISPU, the most effective activities of both traditional and innovative formats are shown in the context of educating future students and specialists.

Keywords: career guidance, educational work, specialized classes, schoolchildren, students, popularization of engineering professions, construction brigades.

Профориентационная деятельность является одним из магистральных направлений современной системы образования. Тема профориентационной работы находит отражение в многочисленных трудах отечественных и зарубежных исследователей в сфере психологии, педагогики, социологии, экономики. Основные проблемы профориентации, с которыми сталкиваются вузы, связаны с оценкой эффективности, формами и методами работы подразделений, ответственных за приемные кампании, профильным трудоустройством по окончании учебы. Большинство старшеклассников отмечают, что они самостоятельно принимают решение относительно выбора поступления в вузы или ссузы. При этом следует отметить, что недостаточность знаний и жизненного опыта, отсутствие представления о специфике и функциональном содержании выбранной профессии часто приводит к тому, что подобные решения принимаются под влиянием ситуации (стереотипы, давление родителей, стадный эффект, сиюминутное желание и т.д.). Результатом слабой мотивированности выбора специальности является то, что студенты утрачивают интерес к учебе, отчисляются, переводятся на другие направления/специальности. Та же тенденция наблюдается среди выпускников, инвестировавших в высшее образование, но не работающих по профилю либо со временем разочаровавщихся в выбранной профессии.

Преодоление обозначенных проблем возможно в ситуации ясного и однозначного понимания целей и задач профориентации, объективной оценки достигнутых результатов, а также грамотного встраивания профориентации в воспитательный процесс вуза. Вопрос о воспитательных эф-

фектах профориентации становится особенно актуальным в условиях динамично развивающегося рынка труда и перехода понятия «профессия» в конструкт «трансфессия», означающего вид трудовой активности, реализуемой на основе синтеза разных социально-профессиональных компетенций [1, С. 114]. В данном контексте задачей высшего образования, в том числе проводимой вузами профориентационной работы, становится не только формирование специальных компетенций, но и духовно-нравственное совершенствование личности, развитие ее адаптационного ресурса, адекватное реагирование на социальные вызовы, ориентация на использование способностей каждого человека во благо общества и государства. Рассмотрим на примере отдельного спектра традиционных и инновационных форматов профориентационной работы реализацию ее воспитательного потенциала.

К наиболее эффективной форме довузовской профориентации следует отнести профильное обучение в старших классах школы, предполагающее осознанное самоопределение в отношении будущей профессиональной деятельности. В научной литературе проблема профориентационной работы средствами специализированных классов не раз становилась объектом внимания [2, С. 208-209]. Школы, вузы и работодатели совместно обсуждают необходимость создания таких организационных условий, при которых процесс подготовки в профильных классах стал бы более эффективным. Так по инициативе Концерна «Росэнергоатом» действуют инженерные классы [3], а также первый атомкласс в подшефной школе Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ) [4]. Было создано специальное образовательное пространство с углублённым изучением естественнонаучных дисциплин, возможностью заниматься проектной и исследовательской деятельностью в области ядерных технологий. Атомкласс формируется на конкурсной основе, обучение ориентировано на выбор профессий, востребованных индустриальным партнером. В процессе учебы школьники активно включаются в насыщенную жизнь университета: научно-практические конференции, патриотические форумы, тематические выставки, экскурсии, встречи, концерты, спортивные праздники, соревнования, военно-тактические учения и т.д. Совместные воспитательные акции школы и вуза способствуют формированию профессиональной идентичности, расширению представления школьников о мире труда и осознанию ценности созидательного труда.

Сотрудничество с Концерном «Росэнергоатом» также позволило реализовать инициативу по популяризации инженерных профессий в рамках Школы инженерного лидерства [5]. Основная цель проекта – формирование инженерной ментальности на более ранних этапах школьной подготовки. Образовательная программа Школы предполагает посещение занятий, где разбираются задания повышенной сложности по математике, физике, информатике, разработку и защиту проектов, экскурсии по вузу и прочие активности. Обучающиеся принимают участие в групповых обсуждениях,

презентациях и других формах взаимодействия, что способствует развитию их интеллектуально-творческих способностей, коммуникативных навыков, раннему выбору профессии.

Вузовский уровень профориентации помимо таких традиционных форм как учебная и производственная практики, экскурсии на предприятия, на современном этапе дополняется участием в профессиональных конкурсах, в том числе созданием стартапов [6], ярмарками вакансий, реализацией программы «Обучение служением», включением студентов-волонтеров в профориентационные мероприятия с абитуриентами (презентация вуза на встречах со школьниками и родителями, ведение социальных сетей вуза, работа в приемной комиссии и т.п.). Подобная работа способствует осознанию студентами связи между выбранной профессией и учебным процессом, повышая мотивацию к обучению и улучшению академических результатов. Кроме этого, студенты учатся принимать ответственность за свой выбор и последствия выбора, что является важным аспектом личностного роста. Так программа «Обучение служением» на факультете информатики и вычислительной техники позволила студентам закрепить свои профессиональные навыки с помощью реализации социально-значимых проектов в образовательных учреждениях разного уровня (детский сад, школа, колледж, вуз) [7].

Значительным воспитательным потенциалом обладают строительные отряды. В процессе работы на профильном предприятии студенты имеют возможность не только познакомиться с азами будущей профессии, но и развить такие качества, как упорство, трудолюбие, организованность и стрессоустойчивость. Работа в отряде развивает навыки сотрудничества и взаимодействия, учит работать в команде, что является важным качеством для будущей профессиональной деятельности, формирует лидерские качества, способствует установлению контактов с будущим работодателем и т.д. [8].

Не менее важным этапом профориентации является профессиональная маршрутизация выпускников вузов. Как правило, профориентация со взрослым населением ведется центрами занятости, агентствами по трудоустройству, которые предлагают широкий спектр ресурсов (тестовые системы, информационные порталы, интерактивные симуляторы, консультационные сервисы) для выбора работы или построения карьеры с учетом интересов, способностей, ценностей кандидата, с одной стороны, и требования рынка труда – с другой. Вместе с тем, кадровый дефицит, имеющий место во многих сферах экономики, обусловливает политику кадросбережения, основанную на приоритете сохранения и развития текущих сотрудников перед поиском нового персонала. В Национальном проекте «Кадры» в качестве ключевого мероприятия закреплено усовершенствование системы центров карьеры на базе организаций высшего образования. С позиции воспитания главной задачей профориентационного сопровождения выпускников

и молодых специалистов в вузе является успешная адаптация на предприятии и установление контактов с единомышленниками и профессионалами в своей области. В качестве иллюстрации успешного мероприятия выступает «Форум молодых энергетиков», организованным предприятием ПАО «Т Плюс» на базе ИГЭУ. Форум объединил молодых специалистов и студентов, которые совместными усилиями обсуждали насущные проблемы и делились мнениями по направлениям – проектная деятельность, социальные и спортивные инициативы, профессиональное развитие и адаптация. Результатом мероприятия стали определение векторов развития молодёжного актива на 2026 г. и разработка проекта дорожной карты по обозначенным направлениям. По отзывам самих участников, подобные форматы снижают уровень стресса, укрепляют корпоративную культуру, активизируют наставнические навыки молодых людей, занятых на производстве.

Профориентационная работа в вузе играет ключевую роль не только в профессиональном становлении школьников, студентов и выпускников, но и в их личностном развитии и социальной адаптации. К основным воспитательным эффектам профориентации следует отнести: (1) формирование профессиональной идентичности; (2) развитие критического мышления; (3) привитие коммуникативных навыков; (4) повышение мотивации к обучению и саморазвитию; (5) расширение границ личной ответственности; (6) построение траекторий личностного успеха; (7) укрепление системы традиционных ценностей.

Список использованной литературы

1. Тулупова О. Н. Теоретико-методологические установки определения понятий «профессия» и «трансфессия» : сравнительный анализ / О. Н. Тулупова, Г. И. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 56. – С. 113-121.

2. Савельева Н. Н. Формирование инженерной ментальности школьников как условие дальнейшего профессионального самоопределения / Н. Н. Савельева, Е. В. Гейдебрехт. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 5 (194). – С. 207-211.

3. ИГЭУ и Росэнергоатом развивают сотрудничество с ивановскими школами. – Текст : электронный. // Ивановский государственный энергетический университет : [официальный сайт]. – 2026. – URL : http://ispu.ru/press/novosti/1121 (дата обращения : 09.02.2026).

4. Первый в Иванове «Атомкласс» открыт в средней школе № 35. – Текст : электронный. // Ивановский государственный энергетический университет : [официальный сайт]. – 2026. – URL : http://ispu.ru/press/gallery/949 (дата обращения : 09.02.2026).

5. «Школа инженерного лидерства-2025» завершена. – Текст : электронный. // Ивановский государственный энергетический университет : [официальный сайт]. – 2026. – URL : http://ispu.ru/press/gallery/1373 (дата обращения : 09.02.2026).

6. Результаты конкурса «Студенческий стартап» (очередь VI). – Текст : электронный. // Ивановский государственный энергетический университет : [официальный сайт]. – 2026. – URL : http://ispu.ru/press/novosti/1562 (дата обращения : 09.02.2026).

7. В ИГЭУ подвели итоги работы по проекту «Обучение служением». – Текст : электронный. // Ивановский государственный энергетический университет : [официальный сайт]. – 2026. – URL : http://ispu.ru/press/novosti/1032, http://ispu.ru/press/novosti/798 (дата обращения : 10.02.2026).

8. В «Россети Центр» и «Россети Центр и Приволжье» стартовал сезон студотрядов. – Текст : электронный. // Ивановский государственный энергетический университет : [официальный сайт]. – 2026. – URL : http://ispu.ru/press/novosti/1468 (дата обращения : 18.02.2026).

Чистякова С. В., канд. пед. наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
Россия, Пенза
E-mail: mir-876@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются вызовы современного высшего образования. Анализируется необходимость совершенствования механизма профессионального воспитания студентов как одного из условий высшего образования. Выделяется необходимость профессионального воспитания студентов, обучающихся на педагогических специальностях. В качестве ответа предлагается внедрение процесса профессионального воспитания студентов, основанного на реализации средств, методов, форм работы и контроля результатов.

Ключевые слова: профессиональное воспитание, студенты, будущие педагоги, вуз, социализация, контроль, цифровая трансформация.

Chistyakova S. V., Ph. D., Associate Professor,
Penza State University,
Russia, Penza
E-mail: mir-876@yandex.ru

SOME ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING OF PEDAGOGICAL STUDENTS

This article examines the challenges of modern higher education. It analyzes the need to improve the mechanism for professional development of students as a prerequisite for higher education. The need for professional development of students studying in pedagogical specialties is highlighted. As a response, the article proposes the implementation of a professional development process for

students based on the implementation of tools, methods, forms of work, and performance monitoring.

Keywords: professional development, students, future teachers, university, socialization, monitoring, digital transformation.

Профессиональное воспитание определяется как важный компонент образовательного процесса. Без воспитательных инструментов невозможно усвоение личностью ценностей, норм и принципов того общества, в которое планирует вступить молодой человек в данном случае это конкретное профессиональное сообщество. Основываясь на первостепенности воспитания перед обучением, о котором говорил И.П. Подласый [1], и особенностях практики педагогического труда нужно говорить о предшествующей воспитательной подготовке личности человека к процессу усвоения новых знаний. Этот принцип должен лечь в основу профессионального образования студентов.

Сейчас проблемы общества авторы исследований связывают с такими молодёжными проявлениями как индивидуализм, меркантилизм, отстранённость от социальной активности, гедонизм и т.д. [2, 3]. Эти проявления вызывают глубокие опасения о возможностях современного молодого поколения решать те задачи, которые им ставит общество и государство. К этому добавляется и цифровая социализация молодых людей, которая у них идёт более быстрыми темпами, чем у старших поколений. Однако стоит указать на такой фактор, как сочетание цифровой и традиционной социализации. Это даёт возможности приобретения молодыми людьми социально важных качеств, которые будут транслироваться в цифровую среду.

По мнению Солдатовой Г.В., Костиной Е.Ю. с соавторами личностные и социальные изменения, которые выделяют современное поколение молодых людей, стоит отнести к «новой нормальности». Под «новой нормальностью» понимаются все происходящие изменения в личности человека и его поведении, которые отражают особенности цифровой трансформации в обществе и условиях его жизнедеятельности. Для представителей молодого поколения эти изменения связаны с гиперподключенностью, смешанной (конвергентной) реальностью, характеристиками расширенной личности и «новой социальностью» [4]. Студенты, будучи школьниками уже погрузились в цифровую реальность, и многие приобрели те качества и навыки, которые давали им преимущество в учете, развлечениях, общении. Это, по мнению исследователей, относится к так называемым последствиям цифровизации и информатизации. К вызывающим опасение явлениям современного поколения, относят: клиповость мышления; способность в большей степени удерживать путь поиска информации, нежели саму информацию; снижение потребности учить или освоить что-то, когда можно узнать в Интернете; снижение физических контактов (особенно в группе риска молодые люди со слабо выраженной социальной активностью) и т.д. «Новая

нормальность» требует понимания её природы, характеристик, средств и процессов для того, чтобы скорректировать отрицательное воздействие и развить положительные стороны цифровой реальности. Профессиональное воспитание студентов идёт этими путями.

Профессиональное воспитание представляет собой глобальную область педагогических и психологических исследований, потенциал которых пока неизмерим в связи с недостаточностью разработанности или изученности ряда аспектов, прямо или косвенно связанных с воспитанием личности будущих специалистов. Безусловно профессионально воспитанная личность, т.е. обладающая социально (профессионально) значимыми качества имеет шанс быть реализованной в обществе (в профессиональной деятельности) и принести положительные результаты.

Как явление профессиональное воспитание имеет глубокие корни, уходящие в процесс социализации. Поэтому профессиональное воспитание часто определяет, как социализация личности. Погружение или приобщение к профессиональной деятельности сталкивает личность с социальной реальностью, представленной профессиональным сообществом, где действуют нравственные, правовые, трудовые закономерности. В результате процесса социализации личность либо принимает законы и принципы профессионального сообщества, либо не принимает, либо изменяет их или себя [4].

Однако всегда существовала потребность в готовом специалисте, обладающим необходимыми профессиональными личностными качествами, которые развиваются и формируются в процессе целенаправленной работы со студентами. Поэтому профессиональное воспитание рассматривается как процесс, содержащий конкретные инструменты для воспитания необходимых профессионально значимых и профессионально важных качеств, а также ценностей и культуры.

Вузовское образовательное пространство в большей степени ориентировано на приобретение студентами необходимых общекультурных и предметных знаний, тогда как как формирование личности будущего профессионала происходит чаще всего стихийно. Причиной этому является отсутствие контроля как фактора управления профессиональным воспитанием студентов [4].

Профессиональным воспитанием сложно управлять. Важно определить критерий стихийности этого процесса в вузе, чтобы уточняя уровень образованности понимать, что выпускники недобирают по приобретенным профессионально значимым качествам, а значит в будущем будут потеряны годы на их приобретение или потеря потенциального специалиста в связи с отсутствием у него значимости этих профессионально значимых качеств.

Описывая профессиональное воспитание студентов как воспитательную среду, мы находим связь с преподавателями, организацией вузовского пространства, сохранением статуса «храма науки», организации и содержа-

ния обучения и т.д. Каждый из этих элементов включен в систему воздействий на личность студентов. Изменение одного из них сразу же находит отражение в личностных изменениях [5]. Отсутствие изменений вузовской среды, отвечающих требованиям современного времени, также влияет на профессиональное воспитание, которое уже не может существовать на тех же ценностях-целях, ценностях-действиях и т.д. Тогда профессиональное воспитание не имеет смысла. Оно не отвечает требованиям времени, хотя и базируется на основных ценностях отношения общества к профессионалам. Реагирование процесса профессионального воспитания на изменения внешней среды есть условие подготовки будущих специалистов к реальности. Но при этом мы всегда помним, что даже в современной среде ключевые личностные качества профессионала остаются неизменными.

В условиях цифровой трансформации, когда происходит активное внедрение цифровых технологий в образовательный процесс и среду вуза в виде её организации и администрирования, профессиональное воспитание в лице преподавателей столкнулось с невозможностью стать управляемым и контролируемым процессом. Цифровая трансформации добавила стихийности профессиональному воспитанию студентов. В цифровом пространстве контролировать влияние на личность сложнее. Поэтому нужно опираться на то, что профессиональное воспитание – это всегда изменяющий процесс, базирующийся на ценностях общества, в том числе и профессионального общества.

Почему тогда готовя профессиональные кадры, мы мало уделяем внимание их профессиональному воспитанию. Изучение предметов «педагогика, «психология», «физиология», «методика физичексого воспитания», «биомеханика», которые знакомят педагогов с особенностями взросления детского организма мало согласуются с практической потребностью понимать и чувствовать каждого учащегося в своём классе. Учитель, демонтирующий равнодушие, эгоцентризм, неуважение, непонимания своих учеников способен заложить мину замедленного действия, которая может потом представь в виде обиды на школу, учителей, одноклассников, совершения роковых поступков как в период обучения, так и после. Поэтому педагог – это прежде всего личность и личность, обладающая профессионально важными педагогическими качествами. Понятно, что руководитель, прекрасно управляющийся с работой завода, магазина или коллектива не всегда может продемонстрировать навыки педагога и воспитателя. Задачи педагога формировать в детях те духовные качества и навыки, которые в дальнейшем будут определять активную деятельность, уважение к чужому труду, стремление к миру, проявление взаимопомощи и поддержки и т.д.

Список использованной литературы

1. Подласый И. П. Педагогика / И. П.Подласый. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 575 с. – Текст : непосредственный.
2. Батуева А. Ц. Проблема гедонизма в современном российском обществе / А. Ц. Батуева. – Текст : непосредственный // Вестник БГУ. – 2020. – № 3. – С. 77-82.
3. Пузанова Ж. В. «Здоровая личность» современного студента вуза как исследовательский концепт / Ж. В. Пузанова, Т. И. Ларина. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2022. – № 7. – С. 151-166.
4. Тома Ж. В. Анализ подходов к определению понятия «профессиональное воспитание» / Ж. В. Тома. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 1. – С. 42.
5. Воскрекасенко О. А. Дистанционные образовательные технологии в системе профессиональной подготовки будущих педагогов / О. А. Воскрекасенко, Ж. В. Тома, Л. В. Шварева. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 82-4. – С. 76-79.

Кузнецова Е. Д., канд. пед. наук, доцент,
Кузнецова А. С., обучающийся,
Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, г. Барнаул
E-mail: helen.k72@mail.ru
alina.kuznetsova.08.05@mail.ru

ВКЛЮЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ КАК СПОСОБ СОВМЕЩЕНИЯ УЧЕБЫ И ЗАНЯТИЙ СПОРТОМ

В статье рассматривается необходимость привлечения студентов к занятиям спортом как необходимость организации их двигательной активности, формирования здорового образа жизни и реализации этапа спортивного долголетия. Как пример, приводится обзор реализации проекта АСБ, обеспечивающего максимально комфортные условия для совмещения занятий спортом с учебным процессом.

Ключевые слова: студенты, Ассоциация студенческого баскетбола, двигательная активность, баскетбол, учёба.

Kuznetsova E. D., Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor,
Kuznetsova A. S., student,
Altai State Pedagogical University,
Russia, Barnaul
E-mail: helen.k72@mail.ru
alina.kuznetsova.08.05@mail.ru

INCLUSION OF STUDENTS IN THE ALL-RUSSIAN PROJECT AS A WAY TO COMBINE STUDYING AND SPORTS

The article discusses the need to involve students in sports as a means of organizing their physical activity, promoting a healthy lifestyle, and achieving athletic longevity. As an example, the article provides an overview of the implementation of the AUB project, which provides the most comfortable conditions for combining sports with the educational process.

Keywords: students, Association of Student Basketball, physical activity, basketball, education.

Физическая культура является неотъемлемой частью системы образования. В настоящее время значительно выросло осознание физической культуры как социальной и личностной ценности, это позволяет образовать свежие направленности в развитии общественного мнения и личностных мотиваций к освоению ценностей физической культуры. Проблематика организации здорового образа жизни молодежи привлекает все большее внимание специалистов из различных наук: медицина, психология, социология, философия и т.д. Спорт становится не только модной тенденцией, а необходимостью в жизни передового общества.

Одной из ведущих задач системы образования является внедрение в повседневную жизнь студентов организованной и осознанной двигательной работы, которая, помимо своей первостепенной задачи – формирование физической подготовленности, будет способствовать развитию качеств социально-психологического характера – общительность, дружба, самостоятельность, уверенность в себе, интеллектуальные способности и другие.

Низкая посещаемость занятий физической культурой, низкая успеваемость, рассеянность, нежелание выполнять поставленные учебные задачи заставляют нас все чаще и чаще актуализировать вопросы мотивации и формирование интереса к занятиям физической культурой и спортом. Формирование мотивации в учении является важной задачей как для системы образования, так и общественности в целом, ведь в современном мире общество нуждается в повышении качества образования и воспитания.

В следствии вышеперечисленных проблем актуальным становиться организация спортивно-культурного пространства студентов. Одним из наиболее успешных проектов привлечения студентов к занятиям спортом является деятельность Ассоциации студенческого баскетбола.

Ассоциация студенческого баскетбола была основана в 2007 году. В рамках проведения Чемпионата России задействованы 800 мужских и женских команд 450 вузов и ссузов из 71 субъектов Российской Федерации. Важнейшая задача АСБ – обеспечить максимально комфортные условия для совмещения занятий спортом с учебным процессом. Календарь лиги учитывает периоды пиковой академической нагрузки, на время сессий и каникул

предусматриваются обязательные перерывы. Матчи высших дивизионов и Лиги Белова как правило проводятся на выходных, что позволяет командам выезжать в другие города без ущерба учебе.

В регламенте лиги зафиксирован принцип, в соответствии с которым студенты, имеющие академическую задолженность, не допускаются к участию в соревнованиях. На основании этого пункта отдельные игроки и целые команды неоднократно отстранялись и дисквалифицировались. Сегодня все в АСБ знают: незакрытая сессия означает лишение права играть в баскетбол [1].

Студенты Алтайского государственного педагогического университета включены в проект с момента его создания, с 2007 года. На протяжении всех лет вуз представляют мужская и женская команды. За последнее время формат Чемпионата АСБ модернизирован и имеет ранжированную структуру. Дивизионы АСБ делятся на два типа – региональные и высшие. Региональный дивизион – группа команд из одного, реже – 2-3 соседних регионов. На данном этапе игроки имеют возможность пройти подготовительный этап, чтобы дальнейшем попасть в команду, участвующую в высшем дивизионе, в нашем случае это дивизион «Сибирь». А с 2025 года мужская команда АлтГПУ, при поддержке Баскетбольного клуба «Барнаул», получила возможность принять участие в Студенческой лиге ВТБ – элитном дивизионе Ассоциации студенческого баскетбола с участием 16 лучших студенческих команд страны.

В следствии, данного сотрудничества, БК «Барнаул» получил возможность дать игровую практику своим потенциальным кандидатам в основную команду, а студенты прямую заинтересованность участия в Чемпионате АСБ как ступень профессионального роста.

В настоящее время Алтайский государственный университет принимает участие в региональном этапе «Алтай» – мужской и женской командами; в высшем дивизионе «Сибирь» – мужской и женской командами; в Лиге РЖД – мужской командой. Такой широкий спектр привлечения студентов к занятиям спортом дает возможность вести эффективную профориентационную работу. На каждом этапе Чемпионата команда имеет возможность привлечь в свой состав учащихся общеобразовательных учреждений и учреждений среднего профессионального образования. Данные учащиеся осознанно дают согласие на включение в состав команды, чтобы в дальнейшем поступить в данное учебное заведение и продолжить обучение и занятия баскетболом.

Одним из ярких событий, проводимых Ассоциацией студенческого баскетбола, являются Матчи звезд АСБ. Это мероприятие проводится каждый год и подразумевает игру лучших студентов-баскетболистов России в формате «Восток-Запад», также представлена максимально насыщенная шоу-программа с конкурсами, призами, подарками, выступлениями студен-

ческих групп поддержки. Студенты Алтайского государственного педагогического университета регулярно попадают на данное мероприятие, что также является дополнительным стимулом для совмещения учебы и занятий спортом.

Таким образом, главная цель участия в Чемпионате Ассоциации студенческого баскетбола – привлекать максимально возможное число студентов к регулярным занятиям спортом, и в частности, баскетболом. Спорт – это отличный инструмент, позволяющий воспитать в человеке стремление к самосовершенствованию, этику социального поведения, умение разрабатывать способы и методы достижения целей.

Список использованной литературы

Ассоциация студенческого баскетбола : [сайт]. – URL : https://asbasket.ru/about/history (дата обращения : 22.02.2026). – Текст : электронный.

Хасанова А. И., обучающийся,
Цветкова К. В., обучающийся,
Павлова И. В., доцент кафедры инженерной педагогики,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
Россия, Республика Татарстан, г. Казань
E-mail: ipavlova@list.ru
aminakhsnva@gmail.com
2007karina2020@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧЕНИКОВ: АНАЛИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ КВИЗА ПО ТВОРЧЕСТВУ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматриваются современные педагогические технологии формирования читательских компетенций. На примере будет рассмотрена организация и проведение занятия, посвящённого творчеству А. С. Пушкина. Проводится анализ эффективности применения таких подходов, как деятельностный и интерактивный, то есть насколько успешно они применяются в процессе литературного образования. Сделан вывод о том, что для развития у учащихся самостоятельности в чтении и навыков в интерпретации критически важно интегрировать традиционный анализ литературных произведений с активными методами обучения.

Ключевые слова: творчество А.С. Пушкина, анализ текста, критическое мышление, взаимодействие с текстом, читательские компетенции, интерактивные методы, деятельностный подход.

Khasanova A. I., student,
Tsvetkova K. V., student,
Pavlova I. V., Associate Professor, Department of Engineering Pedagogy,
Kazan National Research Technological University,
Russia, Republic of Tatarstan, Kazan
E-mail: ipavlova@list.ru
aminakhsnva@gmail.com
2007karina2020@mail.ru

PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES FOR FORMING STUDENTS' READING COMPETENCIES: ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF HOLDING A QUIZ ON A.S. PUSHKIN'S WORKS

The article discusses modern pedagogical technologies for the formation of reading competencies, using the example of the organization and conduct of classes dedicated to the work of A. S. Pushkin. The article analyzes the effectiveness of such approaches as activity-based and interactive, that is, how successfully they are used in the process of literary education. It is concluded that for the development of students' independence in reading and skills in interpretation, it is critically important to integrate the traditional analysis of literary works with active teaching methods.

Keywords: creativity of A.S. Pushkin, text analysis, critical thinking, interaction with text, reading competencies, interactive methods, activity approach.

В условиях устойчивого снижения интереса школьников к чтению одной из приоритетных задач современной школы становится формирование читателя, обладающего развитыми компетенциями в сфере понимания, интерпретации и критической оценки художественных произведений различных жанров и исторических эпох.

Актуальность данной задачи обусловлена необходимостью развития у обучающихся не только навыков осмысленного чтения, но и способности к аналитическому мышлению, самостоятельному суждению и соотнесению текста с культурно-историческим контекстом. В этой связи особую значимость приобретают интерактивные педагогические технологии, направленные на активизацию познавательной деятельности учащихся. Одной из таких технологий является образовательный квиз как форма игровой организации учебного процесса. Примером успешной реализации такого подхода стало проведения квиза «игра в педагогике является средством побуждения и стимулирования учащихся к учебной деятельности». Мероприятие прошло по повести Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка» в

гимназии № 20 «Гармония» Московского района города Казани, демонстрирующая инновационные педагогические решения в области формирования читательских компетенций.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении потенциала образовательного квиза как средства развития читательских компетенций школьников на примере изучения повести «Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина. В рамках поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Уточнить содержание понятия «читательские компетенции» в контексте современного литературного образования;

2. Охарактеризовать квиз как интерактивный образовательный инструмент;

3. Проанализировать влияние проведения квиза по произведению А.С. Пушкина на уровень понимания текста учащимися;

4. Выявить мотивационный потенциал данного формата;

5. Обобщить полученные результаты и сформулировать практические рекомендации по внедрению методики в образовательную практику.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении образовательного квиза как комплексной педагогической модели, ориентированной на развитие читательских компетенций через сочетание игровых механизмов, проблемного обучения и коммуникативного взаимодействия. В отличие от традиционных форм опроса и тестирования, квиз предполагает активную позицию обучающихся, побуждает их к рефлексии, аргументации и сопоставлению различных точек зрения

Теоретической основой исследования послужили положения современной методики преподавания литературы, рассматривающей читательскую компетентность как интегративное качество личности, включающее ценностное отношение к чтению, наличие читательского кругозора, сформированность литературоведческих представлений и способность осуществлять аналитическую работу с художественным текстом. Меркин Б.Г. дает такое понятие читательской компетенции «читательская компетентность характеризуется ценностным отношением чтению, наличием читательского кругозора и литературоведческих представлений, умением выполнять необходимые читательские действия в работе с произведением» [1, С. 14]. Данные компетенции предполагают умение выделять ключевые идеи произведения, анализировать систему образов, интерпретировать авторскую позицию и формировать аргументированное собственное мнение. В условиях информационной насыщенности современного общества развитие данных навыков приобретает особую значимость, поскольку способствует формированию критического мышления и культурной идентичности обучающихся.

Практическая часть исследования была реализована на базе гимназии № 20 «Гармония» Московского района города Казани. В исследовании приняли участие 30 обучающихся средних классов. Диагностический этап включал анкетирование, направленное на выявление уровня понимания содержания повести «Капитанская дочка». Первичные результаты продемонстрировали средний уровень освоения материала – около 50%, что свидетельствовало о наличии затруднений в анализе сюжетных линий, характеристике персонажей и интерпретации художественных средств. Далее был проведён образовательный квиз, включающий вопросы различного уровня сложности, задания на сопоставление, интерпретационные дискуссии и элементы командного взаимодействия. Игровая форма способствовала активному включению учащихся в процесс осмысления текста, стимулировала диалог и коллективный анализ ключевых эпизодов произведения. Повторное анкетирование показало рост уровня понимания текста до 83%, что позволяет говорить о существенной положительной динамике. Полученные данные подтверждают, что квиз выступает не только средством контроля знаний, но и эффективным инструментом углублённой работы с художественным произведением.

Результаты исследования демонстрируют, что игровые форматы могут выступать эффективным средством формирования осмысленного чтения и интерпретационной культуры. Значимость данного подхода определяется возможностью адаптации разработанной модели квиза для уроков литературы и внеурочной деятельности, а также её использованием в методической подготовке будущих педагогов.

Дополнительным практическим результатом стало создание образовательного Telegram-канала «Литературный ковчег», ориентированного на расширение читательского кругозора учащихся и поддержание интереса к литературе во внеурочное время. Отличает Telegram от других мессенджеров возможность создания ботов и каналов. Бот-программа, которая позволяет отвечать на вопросы пользователя, искать информацию, консультировать клиентов и даже поддерживать игры в интерфейсе мессенджера. Каналы – это чаты, позволяющие отправлять сообщения неограниченному числу пользователей, подписанных на него. Они представляют собой смесь блога и новостной ленты. Канал направлен на публикацию аналитических материалов, цитат, литературных фактов и рекомендаций по подготовке к письменным работам, что способствует систематизации знаний и углублению понимания произведений. Спустя месяц активного ведения образовательного телеграмм-канала, учащимся вновь предложили заполнить анкету, в которой приняли участие 25 человек из тех, что были на квизе и подписаны на канал. Цель исследования – выяснить, насколько эффективен игровой подход в обучении и стоит ли продолжать развивать подобные образовательные инициативы. Анкетирование содержало следующие вопросы: по-

нравился ли интерактивный формат; повысился ли интерес к изучению литературы; хотели бы в будущем, чтобы часть уроков проходила в интерактивной форме. Результаты опроса показали следующие данные: 85% отметило, что подобный формат проведения им понравился; 52% заинтересовались изучать литературу; 74% хотели, чтобы в будущем интерактивный формат использовался на уроках. Данные опроса будут важны не только для улучшения качества занятий, но и для понимания целесообразности создания аналогичных образовательных ресурсов в будущем.

Таким образом, интеграция интерактивных технологий, в частности образовательного квиза, в процесс преподавания литературы отвечает требованиям современного образовательного пространства. Использование игровых форм в сочетании с деятельностным подходом делает изучение классических произведений более личностно значимым, способствует формированию устойчивой читательской мотивации и развитию аналитических способностей обучающихся. Полученные результаты подтверждают целесообразность дальнейшего внедрения и научного осмысления подобных педагогических практик.

Список использованной литературы

Путило О. О. Инновационные технологии в области литературного образования : учебное пособие / О. О. Путило, А. О. Путило. – Волгоград : Перемена, 2021 – 112 с. – Текст : непосредственный.

Цвигун Д. С., педагог-психолог,
МБУ Центр «Родник»,
Россия, г. Новосибирск
E-mail: tsvigun.dar@yandex.ru

РОЛЬ РЕФЛЕКСИВНЫХ РЕСУРСОВ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена выявлению механизмов становления Я-концепции студентов, среди которых особое внимание уделяется рефлексивным ресурсам личности, как средству интеграции опыта и знаний человека о самом себе. На основе анализа теоретических подходов сформулированы перспективы дальнейших исследований и предложены педагогические условия активизации рефлексивных ресурсов, как необходимого компонента становления Я-концепции и профессиональной самореализации студентов.

Ключевые слова: Я-концепция, рефлексия, рефлексивные ресурсы личности, амплификация, студенты, юношеский возраст.

Tsvigun D. S., educational psychologist,
MBU Center "Rodnik",
Novosibirsk, Russia
E-mail: tsvigun.dar@yandex.ru

THE ROLE OF REFLEXIVE PERSONALITY RESOURCES IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF STUDENTS' SELF-CONCEPT

The article is devoted to the identification of the mechanisms of formation of the Self-concept of students, among which special attention is paid to the reflexive resources of personality as a means of integrating a person's experience and knowledge about himself. Based on the analysis of theoretical approaches, prospects for further research are formulated and pedagogical conditions for activating reflexive resources are proposed as a necessary component for the formation of the Self-concept and professional self-realization of students.

Keywords: Self-concept, reflection, reflexive resources of personality, amplification, students, adolescence.

Введение. Формирование гармоничной Я-концепции студентов является одной из ключевых задач современной высшей школы. Способность к осознанию себя, как активного субъекта образовательного процесса и дальнейшей профессиональной деятельности имеет большое значение для раскрытия личностного потенциала и адаптации молодежи в условиях постоянно развивающегося мира.

Особая актуальность изучения процесса становления Я-концепции в условиях образовательной среды обусловлена тем, что период юности, на время которого приходится получение профессионального образования, характеризуется активным поиском себя, формированием профессиональных и жизненных ориентиров, развитием личностных качеств и способностей.

Тем не менее, недостаточно разработанным остается вопрос о механизмах становления Я-концепции в период обучения в высшей школе, в том числе, позволяющих личности интегрировать новый опыт и знания о себе. В качестве одного из таких механизмов могут выступать рефлексивные ресурсы личности, способствующие активизации и расширению (амплификации) внутренних резервов и обеспечивающие становление гармоничной системы самопредставлений.

Целью данного исследования является выявление механизмов становления Я-концепции студентов путем раскрытия роли рефлексивных ресурсов личности, как амплификаторов, в данном процессе.

Методы. Для достижения поставленной цели были использованы общенаучные методы анализа современного состояния проблемы в научной литературе, обобщение и систематизация полученных данных.

Результаты. Теоретический анализ позволил сформулировать ряд обобщенных выводов относительно формирования Я-концепции студентов:

1. В психологической науке Я-концепцию принято рассматривать, как «динамическую систему представлений индивида о самом себе, включающую осознание собственных характеристик, самооценку и субъективное восприятие влияющих на личность внешних факторов» [1]. Ее становление, как центрального элемента идентичности личности, осуществляется в процессе идентификации с различными группами, категориями и социальными ролями, а также анализа индивидуально-значимого опыта.

2. Наиболее активный этап становления Я-концепции приходится на период юности, когда человек приобретает способность к активному жизненному и личностному самоопределению, что равносильно формированию первой целостной формы идентичности. Становление гармоничной Я-концепции является необходимым условием для преодоления кризиса идентичности, определения значимых для человека норм и ценностных ориентаций, для нахождения баланса между индивидуальностью и социальной принадлежностью [2].

3. По мнению отечественных и зарубежных ученых, становление Я-концепции является значимым фактором самореализации личности. Как отмечает Э. Эриксон, переживание человеком чувства личностной идентичности связано, в том числе, и с осмыслением правильности выбора направленности собственной жизни [3]. Становление гармоничной Я-концепции в совокупности с оптимальным уровнем самопринятия и самоуважения порождает у человека ощущение собственной компетентности, уверенности в том, что он самостоятельно определяет направленность своей жизни и деятельности [4].

4. Чтобы способствовать процессу становления Я-концепции студентов, необходимо создать условия, позволяющие раскрыть потенциал каждой личности, углубить ее представление о себе и своих возможностях. Для достижения данной цели возможно приложение теории амплификации к процессу становления Я-концепции, что представляет собой новый ракурс решения данной проблемы. Амплификация предусматривает использование потенциальных возможностей психического развития на каждом возрастном этапе, позволяя учитывать не только внутренние резервы личности, но и внешние условия среды, что открывает возможности для активизации потенциальных ресурсов личности в воспитательном процессе [5]. Амплификация Я-концепции студента, как целостной системы его самопредставлений, осуществляется в процессе самоактуализации и самореализации лич-

ности, за счет формирования устойчивого представления о себе, определения целей и ценностей, а также развития компетенций, необходимых для успешного профессионального и личного роста.

В качестве одного из механизмов, посредством которого личность интегрирует новый индивидуально-значимый опыт и знания о себе, могут рассматриваться рефлексивные ресурсы личности:

1. Рефлексия является основой для становления адекватной Я-концепции студентов в период их профессиональной подготовки. Несмотря на то, что традиционно под рефлексией понимался когнитивный процесс или компонент процесса самопознания, в рамках становления Я-концепции она может быть рассмотрена, как значимый внутриличностный ресурс. С данной точки зрения функции рефлексии состоят в сознательном управлении психической активностью, развитии личности и способствовании формированию целостной системы представлений индивида о самом себе [6].

2. Как ресурс саморазвития личности, рефлексия обогащает Я-концепцию человека и является важным элементом формирования его представлений о самом себе. А.Н. Леонтьев отметил, что субъективный образ «Я» личности формируется в ходе соотнесения целей, ценностей, мотивов и поступков с общепринятыми нормами и идеалам, под влиянием оценочных суждений других людей [7]. Рефлексивные ресурсы усиливают этот процесс, выступая в роли амплификаторов: они расширяют возможности личности для активного поиска соответствий между внутренними ощущениями и реальной жизнедеятельностью, обеспечивая интеграцию внешних оценок в систему регуляции собственных действий и мыслей. Так, участие рефлексивных ресурсов в процессе становления Я-концепции студентов в роли амплификаторов, способствует углублению самоанализа, самореализации и осознания своего места в мире и эффективному построению гармоничной системы самопредставлений.

3. При этом можно выделить и иной подход к пониманию роли рефлексивных ресурсов личности в процессе формирования Я-концепции: они могут выступать не только, как амплификаторы, способствующие усилению внутреннего потенциала личности и накоплению жизненного опыта, но и становиться индикатором расширения (амплификации) Я-концепции. Поскольку активизация рефлексивных ресурсов личности способствует постепенному обогащению представлений индивида о собственном «Я», интенсивность их использования отражает глубину самопонимания и способности к управлению самовосприятием.

4. Определение амплифицирующей роли рефлексивных ресурсов в процессе становления гармоничной Я-концепции в период профессиональной подготовки позволит разрабатывать и реализовывать комплекс психолого-педагогических условий, направленных на активизацию рефлексии студентов, призванной стимулировать формирование и укрепление адекват-

ной профессиональной Я-концепции. Важно создать в рамках образовательного и воспитательного процесса интерактивное и безопасное пространство для самовыражения и самоанализа, способствующее развитию личностных качеств и компетенций студентов.

Заключение. Становление Я-концепции представляет собой динамический процесс, включающий осмысление собственных индивидуальных особенностей, самооценку и идентификацию с различными социальными ролями. Особого внимания требует формирование системы самопредставлений личности в период студенчества, когда происходит развитие профессиональных и личных ориентиров, усиливается самосознание и стремление к самореализации.

Рефлексивные ресурсы личности играют важную роль в процессе становления Я-концепции студента, позволяя молодым людям осознавать и анализировать собственные мысли и поведение, формировать собственную систему ценностей и убеждений, реализовывать себя в постоянно изменяющемся мире. Приложение механизма амплифицируюшего влияния к процессу становления Я-концепции позволяет расширить потенциальные возможности личности, задействовать внутренние резервы, способствовать самопониманию и определению своего места в мире.

Активизация рефлексивных ресурсов личности в процессе воспитания и обучения в высшей школе позволит создать психологически благоприятную среду, необходимую для гармоничного становления Я-концепции, что, в свою очередь, является основой успешной профессиональной самореализации будущих специалистов.

Список использованной литературы

1. Большой психологический словарь / Н. Н. Авдеева [и др.]. – Изд. 4-е, расш. – Москва : АСТ, 2009. – 811 с. – Текст : непосредственный.

2. Цвигун Д. С. Возрастные особенности рефлексии и личностной идентичности студентов разных специальностей / Д. С. Цвигун. – Текст : непосредственный // Биология. Медицина. Психология : материалы 62-й Междунар. науч. студ. кон., 17-24 апр. 2024 г. – Новосибирск, 2024. – С. 249-250.

3. Эриксон Э. Идентичность и цикл жизни / Э. Эриксон. – Санкт-Петербург : Питер, 2025. – 208 с. – Текст : непосредственный.

4. Липчанская И. В. Самоидентификация человека в культуре : личностный и профессиональный аспекты / И. В. Липчанская. – Текст : непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2019. – № 2. – С. 78-92.

5. Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах : избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.

6. Шигабетдинова Г. М. Феномен рефлексии : границы понятия / Г. М. Шигабетдинова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2-1. – С. 415-422.

7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2005. – 352 с. – Текст : непосредственный.

Бикмурзина Н. С., канд. ист. наук, доцент,
Суматохина А. С., обучающийся,
Мордовский государственный педагогический
университет имени М. Е. Евсевьева,
Республика Мордовия, г. Саранск,
E-mail: bikmurzina.n@inbox.ru

ПАТРИОТИЗМ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ

В данной работе рассматриваются теоретические и практические аспекты активизации познавательной деятельности обучающихся. Анализируются аспекты познавательной деятельности личности как психолого-педагогический процесс.

Ключевые слова: деятельность, познавательная деятельность, личность, воспитание, педагог, обучающийся.

Bikmurzina N. S., Ph. D. Sciences, Associate Professor,
Sumatokhina A. S., student,
Mordovian State Pedagogical
University named after M.E. Evsevieva,
Republic of Mordovia, Saransk,
E-mail: bikmurzina.n@inbox.ru

PATRIOTISM AND CIVIC CONSCIOUSNESS AS PEDAGOGICAL CATEGORIES: UNITY AND DIFFERENCE

This paper examines the theoretical and practical aspects of enhancing students' cognitive activity. It analyzes aspects of individual cognitive activity as a psychological and pedagogical process.

Keywords: activity, cognitive activity, personality, education, teacher, student.

Идея патриотизма всегда была основой практически во всех сферах деятельности школы. Она была очень важна для социального и духовного развития гармоничной личности обучающихся, способствуя формированию у них патриотического сознания.

Вопросы патриотического воспитания уходят своими корнями в самую глубь истории. Еще древние философы: Платон, Аристотель, Геродот размышляли в своих трудах о важности воспитания молодежи в духе гражданственности и патриотизма. Величайшие личности России, такие как Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, Л. Н. Толстой, В. Г. Белинский, А. Герцен

и многие другие, внесли огромный вклад в формирование научных основ патриотизма.

Современные ученые и педагоги уверены, что подлинный патриотизм подразумевает следующие составляющие: безграничное чувство любви к Родине, личный вклад в судьбу страны, чувство особой причастности и неравнодушия ко всему тому, что происходит в стране [2, С. 40].

Следует иметь в виду, что каждый человек понимает патриотизм по-своему. Кто-то воспринимает его через окружающую природу или близкое ему лично искусство родной страны, кто-то через историю, некоторые через религию, а некоторые через несение военной службы. По этой причине педагог сам должен быть убежденным патриотом, энергично проповедуя любовь к Родине.

События, происходящие в России в культурной, политической и экономической сферах подтверждают, что общество последние несколько лет постепенно возрождает традиционное русское патриотическое сознание. По этой причине многократно возрастает значимость патриотизма подрастающего поколения. Различные изменения в общественных сферах обязательно приведут к обновлению духовных начал, еще большему изучению исторических ценностей России, ее славного прошлого, а помимо этого, высокой самодисциплины, воли и мужества народа.

Патриотизм – это высоко нравственное качество. Преданность Отечеству, любовь к нему, стремление служить его интересам своей деятельностью являются критериями этического кодекса патриота.

Одной из главных составляющих процесса воспитания в школах современной России является формирование у обучающихся патриотизма, культуры межэтнических отношений, что играет огромную роль в социальном и духовном развитии личности обучающихся. Ведь на основе патриотизма можно укреплять любовь к Родине, формировать чувство ответственности перед суверенитетом, сохранять культуру и духовные ценности общества, развивать человеческое достоинство. Истинный патриотизм связан с гуманизмом, уважением к традициям и обрядам других народов. Подлинный патриотизм означает формирование совокупных положительных качеств и длительное их воспитание. Он состоит в единстве духовности, гражданственности и социального функционирования личности.

Суть патриотизма предполагает любовь к своему Отечеству, ответственность за будущее своего государства. Это не только совокупность чувственных переживаний, а целая работа самосознания, особое духовно-психологическое и морально-нравственное состояние. Патриотизм – олицетворение отношения граждан к историческому наследию своего государства и его настоящему; он оказывает влияние на принятие решений людьми, мотивируя их на совершение поступков, полезных для общества. Патриотизм – составной элемент человеческого мировоззрения, влияющего на отношение

к стране. Социологи отмечают, что патриотическое сознание отражает значимость для жителей страны, для народа своего Отечества их готовность принимать необходимые меры для защиты собственных интересов. Многие ученые, политики, публицисты считают, что подлинное возрождение России будет достигнуто только если у ее граждан будет четко сформировано качественно новое патриотическое сознание, в особенности у молодежи [1, С. 98].

Рассмотрев различные трактовки понятия «патриотизм», необходимо дать определение термину «гражданская идентичность». Гражданская идентичность – это результат процесса самоотождествления субъекта с соответствующими социальными группами на когнитивном и эмоциональном уровнях личности».

К проблеме гражданской идентичности часто обращаются при изучении вопросов о влиянии общественно-политических изменений в стране и мире на самосознание личности в принципе. Здесь стоит отметить, что многие исследования гражданской идентичности носят скорее социологический или политический характер. Педагогических исследований в этой области еще недостаточно, и такие критические вопросы, как сущность, процесс формирования, динамика, место гражданской идентичности в общей структуре социокультурной идентичности, нуждаются в теоретическом обосновании.

Сознание – это субъективное отражение тех стабильных и объективных черт и окружающих событий, и явлений действительности, которые свойственны только человеку. В сознании задействованы все свойственные психике человека процессы: воображение, память и мышление. За счёт их сочетания и происходит формирование целостного мировосприятия, которое находит отражение в действиях и поведении в будущем. Все это неразрывно связывается через эмоции и волю со всевозможными межличностными отношениями, приводящим в итоге к формированию личных приоритетов.

Патриотическое сознание основано на чувственном отношении человека к своей Родине, то есть оно является верхним слоем общего сознания человека, которое характеризуется своей особой направленностью. Патриотическое сознание неразрывно связано с образом Родины. Одна из основных функций патриотического сознания заключается в стремлении к деятельности на благо Родины, а также планировании и регулировании собственных действий и поведения.

Выделяются следующие функции сознания: отражательная, регулятивно-оценочная; созидательная, представляющая собой моделирование поведения и выстраиваемых отношений; рефлексивная [3, С. 28]. Объекты аналитической деятельности отражают мир и мысли об этом самом мире, а также способы, посредством которых человек контролирует свое поведение, личностное сознание и непосредственно процессы рефлексии.

Главной особенностью патриотического сознания является его преемственность, непрерывность и системность. Патриотическое воспитание не может существовать в отрыве от развития уникальных личностных особенностей детей. Эти особенности хорошо проявляются и развиваются в общественно-полезной деятельности.

Таким образом, в отечественной педагогической традиции понятия «патриотизм» и «гражданственность» исследуются достаточно давно. Однако авторы придают этим понятиям различное значение. Патриотизм – это больше духовно-нравственное понятие, обозначающее любовь к Родине, готовность встать на её защиту. Гражданственность – категория принадлежности человека к определённому государству, и она состоит в нравственном, духовном отношение гражданина к своему государству.

Список использованной литературы

1. Кузнецова Е. Л. Цифровые инструменты как средство активизации познавательной деятельности на уроках обществознания / Е. Л. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Среднее профессиональное образование. – 2019. – № 9. – С. 42-48.

2. Никитин А. Ф. Методика преподавания обществознания в средней школе: пособие для учителя / А. Ф. Никитин. – Москва : Просвещение, 2015. – 224 с. – Текст : непосредственный.

3. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании : дидактические проблемы ; перспективы использования / И. В. Роберт. – Москва : ИИО РАО, 2010. – 141 с. – Текст : непосредственный.

Аболина Н. С., канд. пед. наук, доцент,
Уральский государственный педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург,
E-mail: 1392na@ mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье рассматриваются аспекты процесса социально-профессионального воспитания, как важного фактора в профессиональном становлении студентов. Отмечена многоплановость воспитательного процесса, подчеркивается важность психолого-педагогического сопровождения воспитательного процесса в ВУЗе. Воспитательные функции реализуются в различных направлениях внеучебной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное образование, социально-профессиональное воспитание в вузе, психолого-педагогическое сопровождение, воспитательная работа, внеучебная деятельность.

Abolina N. S., Ph. D., associate professor.
Ural State Pedagogical University,
Russia, Yekaterinburg,
E-mail: 1392na@ mail.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF SOCIO-PROFESSIONAL EDUCATION

The article examines aspects of the process of socio-professional education as an important factor in the professional development of students. The multidimensional nature of the educational process is noted, the importance of psychological and pedagogical support of the educational process at the university is emphasized. Educational functions are implemented in various areas of extracurricular activities.

Keywords: professional education, socio-professional education at the university, psychological and pedagogical support, educational work, extracurricular activities.

Изменения требований к профессиональным компетенциям будущих специалистов, их конкурентоспособности, умениям действовать в ситуациях нестабильности и неопределённости актуализируют вопросы развития личностных качеств и потенциала студентов и расширяют требования профессионального образования к их воспитанию.

Национальная доктрина образования в РФ определила задачи воспитания в образовательной сфере. В Программе развития воспитания подчеркивается важность научных разработок и практико-ориентированных методик изучения и решения вопросов воспитательного процесса.

Актуализируется роль социально-профессионального воспитания, как одного из направлений внеучебной деятельности обучающихся вуза, а также психолого-педагогическое сопровождение воспитательного процесса, как целенаправленная деятельность по развитию у обучающихся таких нравственных качеств, которые влияют на отношение к труду и профессиональное становление.

В педагогической практике воспитание рассматривается как важнейший фактор социализации. Анализ феномена представлен в работах Л.В. Байбородовой, М.И. Рожкова, Л.И. Новиковой, А.И. Тимонина, П.В. Степанова и др. Авторы используют разные смыслы понятия «воспитание»:

- управление процессом личностного развития через создание благоприятных условий;
- идея самоценности личности, развития человека, его внутреннего потенциала;
- педагогическая составляющая социализации и др. [3-5].

«Воспитание выступает как регулирование основных отношений в обществе. Оно должно способствовать самореализации человека, достижению идеалов, культивируемых в обществе.... Воспитание предполагает не только формирование личности, но и создание условий для развития индивидуальности. Одной из главных задач воспитания человека является его социальное самоопределение». [2, С. 14].

В качестве показателей воспитанности выделяют: отношение обучающихся к обществу, учебной и трудовой деятельности; активность жизненной позиции; направленность личности; сознательную регуляцию поведения и деятельности в коммуникации и отношении к общественно-политическим событиям; согласованность между убеждениями и поведением.

Профессиональное воспитание исследовали Е.Н. Байдашева, В.И. Белов, Н.М. Борытко, С.Г. Вершловский, Д.В. Григорьева, Ю.Б. Дроботенко, Н.А. Жокина, М.А. Захарова, И.А. Карпачева, Н.М. Рассадин, А.В. Репринцев; профессионально-личностное воспитание – А.Н. Ходусова, О.А. Чаплыгина и др.; социально-профессиональное воспитание – Э. Ф. Зеер, И. И. Хасанова и др.

По мнению исследователей, профессиональное воспитание развивает и усиливает мотивацию к профессии и освоению профессионально важных качеств, осознанию студентами себя в жизни в профессии.

Теоретический анализ аспектов проблемы воспитания в профессиональном образовании выявил ряд противоречий:

- между развивающимся социальным заказом на подготовку кадров не только по профессиональным компетенциям, но и способных стать частью профессионального сообщества, гражданского общества и разнообразных социальных отношений и особенностями реализации учебно-воспитательного процесса;
- между необходимостью научно обоснованной программы целостного психолого-педагогического сопровождения внеучебной деятельности студентов и недостаточными методическими обоснованиям подобных воспитательных программ.

Таким образом, актуализируется вопрос *психолого-педагогического сопровождения социально-профессионального воспитания* в системе высшего профессионального образования.

Л.В. Байбородова и М.И. Рожков отмечают, что «психолого-педагогическое сопровождение рассматривается широко как в контексте образовательного процесса, направленного на развитие личности так и в качестве инструмента по оказанию социально-психологической помощи» [2, С. 241].

Психолого-педагогическое сопровождение определяется как целостная система, включающая социально-психологические и педагогические условия для успешности развития и обучения обучающихся на всех этапах учебного процесса и во внеучебной деятельности. Процесс психологиче-

ской поддержки в учебном заведении должен быть структурирован и систематизирован, Его цель – обеспечение профессионального роста будущих специалистов, выявление и поддержка потенциала студентов, помощь в преодолении возможных трудностей в их личностном и карьерном развитии [2].

Е.И. Казакова определяет сопровождение как «специальный вид помощи человеку, направленный на предупреждение и преодоление проблем его развития. Отличие сопровождения от других видов помощи обусловлено его направленностью на раскрытие внутреннего потенциала личности, активизации его внутренних ресурсов по решению проблем. Стороной сопровождения выступает взаимодействие сопровождающей и сопровождаемой сторон в решении проблемы. Это взаимодействие направлено на активизацию позитивных факторов развития (как внешних, так и внутренних) и нейтрализацию негативных факторов» [1, С. 37]. Выделены виды сопровождения: «предупреждения возникновения проблемы; обучение сопровождаемого методам решения проблем в процессе разрешения проблемной ситуации; экстренная помощь в кризисной ситуации» [2, С. 42].

Воспитательная работа в УГПУ направлена на формирование и укрепление социальных и профессиональных ценностей, установок и целей. Воспитательные функции реализуются в широком спектре внеучебной деятельности: научно-исследовательская, спортивно-оздоровительная, творческая, волонтерство и т.п.

Основные цели внеучебной работы – вовлечение студентов в будущую профессиональную деятельность. Эта деятельность достаточно разнообразна: вожатская и просветительская работа в школах и СПО; разработка и реализация обще-социальных проектов; научно-практическая и творческая активность; патриотические и общественные акции.

Задачами сопровождения социально-профессионального воспитания студентов являются: мониторинг развития обучающихся; проектирование этапов профессионального становления; методическая поддержка педагогов, реализующих требования ФГОС.

Психолого-педагогическое сопровождение включает: *организационные, диагностические, обучающие и развивающие* мероприятия.

Организационные – обеспечивают оповещение о программе, ее участниках и согласование их деятельности.

Диагностические – сбор информации о социально-профессиональных установках, интересах студентов;

Обучающие и развивающие – обеспечиваются деятельностью педагогов, педагогов-психологов.

В рамках реализации программы воспитания проводятся различные патриотические мероприятия в соответствии с Программой вуза и общегражданскими событиями. Цели, задачи и требования к воспитательной ра-

боте реализуются через ее ключевые направления и набор целевых программ, которые разрабатываются по мере необходимости и в соответствии с приоритетами, учитывая ожидаемые компетенции выпускников.

Направления сопровождения внеучебной деятельности студентов:

Адаптация – занятия, тренинги, консультации по самоорганизации.

Профессиональное самоопределение – решение социально-профессиональных задач, планирование будущей профессиональной деятельности.

Научно-исследовательское – включение студентов в реальную научно-исследовательскую и проектную деятельность.

Духовно-нравственное – развитие духовно-нравственных ориентиров, способности противостоять негативным факторам.

Волонтерское – высокая социальная активностью во всех сферах жизнедеятельности.

Здоровьесберегающее – формирование культуры ведения здорового и безопасного образа жизни, профилактика разного рода зависимостей и вредных привычек.

Психолого-педагогическое сопровождение внеучебной деятельности студентов опирается на методические рекомендации концепций сопровождения профессионально-научного сообщества:

- учитывает комплексный междисциплинарный подход в развитии личности в процессе профессионального образования;
- свободный и самостоятельный выбор внеучебной деятельности;
- развитие личности в активной деятельности;
- опора на личностный потенциал;
- социально-профессиональное партнерство преподавателей и студентов;
- гарантия сопровождения студентов на всех этапах учебного процесса.
- принципы индивидуализации и дифференциации.

В зависимости от специфики учреждения психолого-педагогическое сопровождение внеучебной деятельности студентов может характеризоваться своими особенностями, акцентировать внимание педагогических работников на различных аспектах воспитания и фокусироваться на конкретных видах внеучебной деятельности.

Список использованной литературы

1. Казакова Е. И. Процесс психолого-педагогического сопровождения / Е. И. Казакова. – Текст : непосредственный // На путях к новой школе. – № 1. – 2009. – С. 36-46.

2. Рожков М. И. Организация воспитательного процесса в школе : учеб. пособие / М. И. Рожков, Л. В. Байбородова. – Москва : ВЛАДОС. – 2001. – 256 с. – Текст : непосредственный.

3.Степанов П. В. Понятие «воспитание» в современных педагогических исследованиях / П. В. Степанов. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 2. – С. 121-128.

4.Шаршов И. А. Содержание профессионального воспитания студентов в современном вузе / И. А. Шаршов, Л. Н. Макарова, И. Н. Борзых. – Текст : непосредственный // Гаудеамус. – 2016. – Т. 15, № 4. – С. 31- 36.

5. Ширшов В. Д. Духовно-нравственное воспитание : учебное пособие / В. Д. Ширшов. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 182 с. – Текст : непосредственный.

Кожедуб М. С., старший преподаватель,
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины,
Республика Беларусь, г. Гомель
E-mail: marina.888.k@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

В статье рассматривается потенциал физической культуры как средства формирования конфликтологической компетентности студентов. Обосновывается эффективность двигательной активности для профилактики межличностных конфликтов в вузе. Представлена трёхкомпонентная модель интеграции физической культуры в воспитательную работу, включающая индивидуальный, групповой и организационный уровни воздействия. Основное внимание уделяется развитию эмоциональной саморегуляции, навыков сотрудничества и стрессоустойчивости.

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность, физическая культура, студенты, профилактика конфликтов, высшая школа, эмоциональная саморегуляция, воспитательная среда, психолого-педагогическое сопровождение.

Kozhedub M. S., Senior Lecturer,
F. Skorina Gomel State University,
Republic of Belarus, Gomel
Email: marina.888.k@yandex.ru

DEVELOPING STUDENTS' CONFLICT-MANAGEMENT COMPETENCE THROUGH PHYSICAL EDUCATION IN THE UNIVERSITY EDUCATIONAL ENVIRONMENT

This article examines the potential of physical education as a means of developing students' conflict management competence. It substantiates the effectiveness of physical activity in preventing interpersonal conflicts at the university. A three-component model for integrating physical education into educational

work is presented, encompassing individual, group, and organizational interventions. The focus is on developing emotional self-regulation, collaboration skills, and stress resilience.

Key words: conflictological competence, physical education, students, conflict prevention, higher education, emotional self-regulation, educational environment, psychological and pedagogical support.

Современная образовательная среда высшей школы характеризуется возрастанием интеллектуальных и психоэмоциональных нагрузок на обучающихся. Интенсификация учебного процесса, высокая конкуренция, необходимость совмещения учёбы с работой, адаптация к новым социальным условиям (особенно на младших курсах) формируют устойчивое психоэмоциональное напряжение у студентов. Совокупность перечисленных факторов детерминирует возникновение конфликтных ситуаций в студенческих группах, которые, будучи неразрешёнными, могут негативно влиять на академическую успеваемость, социальную адаптацию и личностное развитие будущего специалиста.

С учетом обозначенных тенденций особую актуальность приобретает задача формирования конфликтологической компетентности студентов как интегративного качества личности, включающего способность предупреждать, конструктивно разрешать конфликты и управлять ими в профессиональной и межличностной сферах [1].

Значимость данной задачи в период профессионального становления обусловлена сензитивностью студенческого возраста для формирования профессиональной идентичности и ключевых социально-психологических компетенций. Психологическое содержание этого этапа онтогенеза характеризуется высокой эмоциональной возбудимостью, максимализмом оценок, обострённым чувством справедливости и стремлением к самоутверждению в референтной группе [2].

Вместе с тем, именно в этот период активно развиваются рефлексия, способность к самоанализу и осознанному выстраиванию межличностных отношений. Эти особенности обусловливают достаточно высокую эффективность традиционных, преимущественно вербальных методов психолого-педагогического воздействия, однако существует потребность в поиске дополнительных инструментов, способных опосредованно, через двигательную активность и совместную деятельность, влиять на эмоциональную и коммуникативную сферы студентов.

Таким действенным и органичным ресурсом, который может быть интегрирован в существующую систему психолого-педагогического сопровождения в вузе, являются средства физической культуры. Их потенциал далеко выходит за рамки развития физических качеств и укрепления здоровья. Механизмы воздействия физической активности на личность – регуля-

ция эмоционального напряжения, развитие навыков невербальной коммуникации и опыта конструктивного взаимодействия – позволяют рассматривать ее как эффективное средство формирования конфликтологической компетентности студентов, затрагивающее ее эмоциональную, коммуникативную и социальную составляющие.

Целью данной статьи является систематизация и научное обоснование возможности использования средств физической культуры как инструмента формирования конфликтологической компетентности студентов в рамках системы психолого-педагогического сопровождения высшей школы.

Для понимания механизмов влияния физической активности на формирование конфликтологической компетентности необходимо рассмотреть два взаимосвязанных аспекта: природу конфликтов в юношеском возрасте и воздействие двигательной деятельности на психику взрослеющего человека.

Следует отметить. Что конфликтное поведение студентов имеет глубокие корни в возрастной специфике их развития. Эмоциональная неустойчивость, завышенный или заниженный уровень притязаний, стремление к лидерству в сочетании с острой потребностью в признании со стороны сверстников и значимых взрослых (преподавателей) создают благодатную почву для возникновения споров и столкновений. Типичными причинами становятся борьба за академический статус, распределение ролей в группе, несовпадение ценностных ориентаций, бытовая неустроенность в общежитии. Сложность конструктивного разрешения этих ситуаций зачастую обусловлена недостаточной сформированностью ключевых компонентов конфликтологической компетентности: навыков эмоциональной саморегуляции и эффективной коммуникации [3].

Физическая активность, профилактический и развивающий потенциал которой раскрывается через комплексное, многоуровневое воздействие, создаёт уникальные условия для целенаправленного психолого-педагогического влияния на формирование конфликтологической компетентности.

Прежде всего, с биохимической и физиологической точки зрения, регулярная аэробная нагрузка умеренной интенсивности стимулирует выработку эндорфинов и серотонина. Эти нейромедиаторы не только снижают субъективное восприятие стресса, но и активно уменьшают уровень тревожности и агрессивности, создавая устойчивый позитивный эмоциональный фон [4]. Улучшение мозгового кровообращения и снабжения тканей кислородом во время двигательной активности положительно сказывается на когнитивных функциях, повышая психическую устойчивость и стрессоустойчивость студента – важнейшие компоненты конфликтологической компетентности.

В психоэмоциональном аспекте двигательная деятельность служит полезным инструментом для социально приемлемого выражения и высвобождения накопленных негативных чувств, таких как гнев, фрустрация или раздражение. Специально организованные занятия и игры позволяют трансформировать энергию потенциального конфликта в конструктивное русло. Например, командные виды спорта с чёткими правилами, предоставляют возможность для физической разрядки в строго заданных рамках, одновременно требуя согласованности действий и уважения к сопернику, что напрямую развивает навыки саморегуляции и коммуникации.

Наконец, социально-коммуникативный вектор является, пожалуй, наиболее значимым для формирования конфликтологической компетентности в студенческой среде. Совместная двигательная активность, особенно в формате командных игр и соревнований, моделирует ситуации, в которых позитивное взаимодействие становится необходимым условием достижения общей цели. Чтобы добиться успеха в эстафете, спортивной игре или при выполнении группового упражнения, студентам необходимо договариваться, распределять роли, координировать действия, чувствовать партнёра и оказывать взаимопомощь. Этот процесс напрямую стимулирует развитие навыков вербальной и невербальной коммуникации, эмпатии, ответственности за общий результат, формируя у участников бесценный позитивный опыт успешного согласования действий и достижения компромисса [5]. Все перечисленные умения являются базовыми компонентами конфликтологической компетентности.

Таким образом, включение средств физической культуры в систему психолого-педагогического сопровождения позволяет сместить акцент с реагирования на уже возникшие конфликты на их предупреждение через целенаправленное формирование конфликтологической компетентности студентов. Это достигается путем снижения фоновой тревожности и эмоциональной напряжённости, развития навыков саморегуляции и расширения спектра социальных компетенций.

Реализация обозначенного потенциала требует от специалистов вуза не эпизодического применения отдельных упражнений, а целостного, системного подхода. Разработанная нами модель призвана структурировать эту работу, органично интегрируя индивидуальную, групповую и средовую деятельность по трём взаимосвязанным направлениям, каждое из которых работает на формирование конфликтологической компетентности.

Первое направление модели сосредоточено на развитии эмоциональной саморегуляции и телесной осознанности у студентов. Его фундаментальная цель – сформировать у будущего специалиста навыки распознавания, принятия и управления своими психофизиологическими состояниями через непосредственный телесный опыт, что является основой эмоционального компонента конфликтологической компетентности. Инструментарий данного направления включает как техники оперативного воздействия, так

и практики долгосрочного развития. Для быстрого снятия ситуативного напряжения эффективны дыхательные техники: диафрагмальное дыхание, метод «квадратного дыхания». Для гармонизации работы нервной системы и формирования позитивного отношения к своему телу используются элементы йоги, пилатеса, стретчинга, которые сегодня популярны в студенческой среде и могут быть включены в вариативную часть занятий по физической культуре.

Второе направление модели нацелено непосредственно на формирование коммуникативного компонента конфликтологической компетентности через развитие групповой сплочённости и навыков сотрудничества в академической группе. Использование физической активности как основного инструмента построения и укрепления позитивных межличностных связей в студенческом коллективе строится на последовательном усложнении форм взаимодействия. На начальном этапе используются командные игры и эстафеты, успех в которых зависит от слаженности действий всей команды. Подобные задачи минимизируют деструктивную конкуренцию, смещая акцент на ценность совместных усилий. Следующий шаг – упражнения на доверие и невербальную коммуникацию, адаптированные для взрослых («слепой и поводырь», «зеркало», «скульптор и глина»). Завершающим уровнем являются проективные двигательные и танцевальные практики, позволяющие группе в символической форме прорабатывать актуальные групповые динамики и скрытые напряжения.

Третье, организационное направление модели подразумевает создание устойчивой и поддерживающей двигательной среды в вузе через системную работу с профессорско-преподавательским составом и интеграцию физической активности в воспитательное пространство. Важным элементом здесь является создание в вузе доступной спортивной инфраструктуры и поощрение студенческих спортивных инициатив и клубов по интересам, что способствует формированию устойчивой мотивации к здоровому образу жизни и позитивному неформальному общению, создавая среду для естественного развития конфликтологической компетентности.

Представленная модель представляет собой попытку интегрировать разрозненные методические приёмы в целостную логическую систему формирования конфликтологической компетентности студентов средствами физической культуры. Её эффективность заключается в последовательной работе на трёх взаимодополняющих уровнях: индивидуальном (личность студента и его саморегуляция), социальном (группа и её сплочённость) и организационном (воспитательная среда вуза). Практическое внедрение такой системы позволяет осуществить стратегический переход от тактики реагирования на последствия конфликтов к их системной профилактике и формированию у будущих специалистов готовности конструктивно взаимодействовать в сложных коммуникативных ситуациях.

В заключение можно констатировать, что целенаправленное и системное использование широкого арсенала средств физической культуры предоставляет современной высшей школе научно обоснованный, адаптивный и практико-ориентированный инструментарий для формирования конфликтологической компетентности студентов.

Список использованной литературы

1. Миназова В. М. Формирование конфликтологической компетентности у студентов / В. М. Миназова, З. М. Миназова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 336-337.

2. Мухина В. С. Возрастная психология. Развитие от рождения до поздней зрелости / В. С. Мухина. – Москва : Academa, 1997. – 418 с. – Текст : непосредственный.

3. Анцупов А. Я. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – Москва : Академия, 2016. – 528 с. – Текст : непосредственный.

Черных Т. Е., старший преподаватель,
Воронежский государственный технический университет
Россия, г. Воронеж
E-mail: tany_ch@list.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА КУРАТОРСТВА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НАСТАВНИЧЕСТВА И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

В статье рассматривается трансформация института кураторства в условиях цифровизации и увеличения масштабов кураторской нагрузки. Обосновывается необходимость синтеза традиционного наставничества и цифровой дидактики с акцентом на кураторский час как ключевую форму воспитательной работы. Особое внимание уделяется визуализации дидактических материалов, учитывающей особенности восприятия современных студентов.

Ключевые слова: институт кураторства, кураторский час, наставничество, цифровая дидактика, визуализация, воспитательная среда, управление многообразием, формирование навыков.

Chernykh T. E., Senior Lecturer,
Voronezh State Technical University
Russia, Voronezh
E-mail: tany_ch@list.ru

TRANSFORMATION OF THE CURATORIAL INSTITUTION IN THE NEW REALITY THROUGH PRESERVING THE TRADITIONS OF MENTORSHIP AND DIGITAL TOOLS FOR MANAGING STUDENT GROUPS

This article examines the transformation of the institution of curatorship in the context of digitalization and the increasing scale of curatorial workloads. It substantiates the need to synthesize traditional mentoring and digital didactics, emphasizing the curatorial hour as a key form of educational work. Particular attention is paid to the visualization of didactic materials, taking into account the unique perceptions of modern students.

Keywords: curatorship institution, curatorial hour, mentoring, digital didactics, visualization, educational environment, diversity management, skill development.

Современная высшая школа переживает период глубинных изменений, затрагивающих все компоненты образовательного и воспитательного процессов. Институт кураторства, исторически выполнявший функцию связующего звена между студентом и университетом, сегодня сталкивается с вызовами новой реальности, такими как цифровизация коммуникаций, снижение уровня непосредственного межличностного взаимодействия, увеличение числа групп, закрепленных за одним куратором, а также высокая степень неоднородности студенческого контингента. Как отмечают исследователи, институт кураторства в современном высшем профессиональном образовании способствует эффективному формированию студентов как личностей с высоким чувством ответственности, способных к активной профессиональной и успешной жизнедеятельности, направленных на профессиональную самореализацию, самоопределение, самообучение в течение всей жизни [1, С. 15]. При этом деятельность института кураторства способствует развитию как профессиональных, так и универсальных компетенций обучающихся, включая коммуникативные навыки, способность к командной работе, социальную ответственность [1]. В исследованиях, проведенных в Башкирском государственном аграрном университете, подтверждается, что студенты младших курсов нуждаются в кураторе и рассматривают его как помощника в решении широкого спектра вопросов, от адаптации к учебному процессу до решения бытовых и личных проблем [2, С. 105-106]. Это свидетельствует о высокой востребованности института кураторства и необходимости его дальнейшего развития.

Особую сложность представляет ситуация, когда куратор осуществляет сопровождение большого количества групп. В этих условиях возникает риск подмены воспитательной функции сугубо административно-диспетчерской работой, что противоречит сущности кураторства как института наставничества. Одновременно с этим педагогическая практика выявляет

проблему снижения эффективности традиционных вербальных форм воспитательной работы.

В связи с этим актуальным становится поиск новых моделей организации кураторской деятельности, позволяющих сохранить глубину воспитательного воздействия и адаптировать его к особенностям современного студенчества.

Трансформация института кураторства в новой реальности не должна следовать пути полной замены традиционных форм взаимодействия цифровыми аналогами. Напротив, эффективная модель строится на принципе синтеза, который заключается в сохранении сущностных основ наставничества как ценностно-ориентированного взаимодействия и одновременном использовании цифровых инструментов для решения управленческих, координационных и диагностических задач. В условиях работы с многообразием студенческих групп (разные курсы, направления подготовки, уровни сплоченности) куратор перестает быть исключительно «классным руководителем» в традиционном смысле и превращается в архитектора воспитательной среды, где ключевым элементом становится качественно организованное воспитательное событие.

В научной литературе выделяют следующие функции кураторской деятельности: информационную, интеграционную (объединение студентов в единый работоспособный коллектив), организационную, координационную, инспирационную (побуждение студентов к самостоятельности и ответственности), воспитательную [3]. В контексте нашего исследования особое значение приобретает интеграционная функция, позволяющая куратору, работающему с большим количеством групп, выстраивать горизонтальные связи между студенческими коллективами, а также дидактическая составляющая, связанная с подготовкой качественного учебно-методического обеспечения воспитательных мероприятий.

Особое место в этой системе занимают встречи с куратором. Сегодня кураторский час трансформируется из формального мероприятия информационного характера в комплексное воспитательное занятие, направленное на развитие у обучающихся широкого спектра навыков. В рамках кураторских часов целенаправленно развиваются научно-патриотические компетенции (через знакомство с достижениями отечественной науки, обсуждение вклада российских ученых, формирование гражданской идентичности), социальные навыки (коммуникация, командная работа, эмоциональный интеллект), творческие способности (проектная деятельность, креативное мышление, участие в культурно-массовых событиях) и научные компетенции (основы исследовательской работы, работа с источниками, академическая грамотность). Таким образом, кураторский час становится многофункциональной площадкой, где через единую форму реализуются различные направления воспитательной работы. Как показано в таблице 1, трансформация кураторского часа затрагивает все его компоненты от целевой

направленности до формата взаимодействия со студентами. При этом ключевым изменением является переход от информационно-контролирующей модели к модели развития навыков, где куратор выступает не только наставником, но и разработчиком дидактического контента.

Таблица 1

Трансформация кураторского часа в условиях синтеза традиционного наставничества и цифровой дидактики

Компонент кураторского часа	Традиционный подход	Трансформированный подход
Целевая направленность	Информирование, ознакомление с правилами, контроль посещаемости	Комплексное развитие навыков (научно-патриотических, социальных, творческих, научных)
Роль куратора	Контролер, диспетчер, транслятор информации	Архитектор воспитательной среды, наставник, разработчик дидактического контента
Дидактическое сопровождение	Вербальная подача, устное обсуждение, чтение нормативных документов	Дидактический комплекс видеопрезентации, документальные/анимационные вставки, инфографика, интерактивные элементы
Учет особенностей студентов	Ориентация на слуховое восприятие, лекционная форма	Учет клипового мышления, преобладания визуального канала восприятия
Формат взаимодействия	Монолог куратора, формальное обсуждение	Диалог, живое общение и визуализированная подача материала
Масштабируемость	Трудоемкость подготовки при работе с большим количеством групп	Унификация ключевого содержания через видеоматериалы, сохранение возможностей для индивидуальной настройки
Результат	Формирование осведомленности о правилах и требованиях	Формирование устойчивых компетенций, вовлеченность студентов, сохранение воспитательной глубины

Педагогическая практика показывает, что современное поколение обучающихся характеризуется клиповым мышлением и преобладанием визуального канала восприятия информации над слуховым. Монотонная лекционная подача, даже на значимые темы, не достигает воспитательной цели, поскольку информация не фиксируется и не осмысливается должным образом. В связи с этим куратор вынужден пересматривать подходы к подготовке каждого воспитательного мероприятия.

Для каждого кураторского часа создается дидактический комплекс, включающий видеопрезентации, короткие документальные или анимационные вставки, визуализированные данные, инфографику и интерактивные элементы (рис.1). Такая цифровая составляющая выполняет двойную функцию. С одной стороны, она обеспечивает необходимую визуализацию, удерживая внимание студентов и способствуя лучшему усвоению материала, с

другой стороны, она позволяет куратору, работающему с большим количеством групп, унифицировать подачу ключевого содержания, сохраняя при этом возможности для индивидуальной настройки и живого диалога.

Рис. 1 – Кураторский час с применением визуализированного дидактического материала

Выводы. Эффективность института кураторства требует перехода от контролирующей функции к роли «архитектора воспитательной среды», интегрирующего традиции наставничества и цифровые инструменты. Кураторский час становится центральной формой воспитательной работы, аккумулирующей развитие ключевых компетенций обучающихся, что требует пересмотра его дидактического сопровождения.

Разработка визуализированного дидактического комплекса для каждого кураторского часа обязательное условие эффективной воспитательной работы. Синтез живого общения и визуализированного контента позволяет сохранить воспитательную глубину при доступности восприятия и масштабируемости работы с большим количеством групп.

Предложенная модель трансформации института кураторства снижает риски формализации воспитательной работы и обеспечивает устойчивость воспитательной системы высшей школы.

Список использованной литературы

1. Бельская Е. Я. Роль института кураторства в современном высшем профессиональном образовании / Е. Я. Бельская, О. Н. Игна. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 12 (189). – С. 13-16.

2. Залилова З. А. Роль современного института кураторства для обучающихся на начальных курсах университета / З. А. Залилова. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 2 (104). – С. 102-110.

3. Ильяева И. А. Институт кураторства в вузах России в условиях глобализации образования / И. А. Ильяева, Т. А. Леонтенко. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1. – С.40-43

Григорьева Е. И., обучающийся,
Научный руководитель: Апарина М. В., преподаватель
физической культуры и спорта
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
E-mail: katerinag346@gmail.com

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ВОЛОНТЕРСКИХ СПОРТИВНЫХ ПРОЕКТОВ

Статья разрабатывает интегративную модель профилактики девиантного поведения студентов через массовый спорт и волонтёрские проекты. Методология синтезирует педагогический, психологический и социокультурный подходы. Результатом стала трехуровневая концепция, где спортивная деятельность служит основой саморегуляции, социализации и социального творчества.

Ключевые слова: девиантное поведение, студенческая среда, массовая физическая культура, волонтерские спортивные проекты, социальное воспитание, позитивная социализация, социокинетическая модель, телесный интеллект.

Grigorieva E. I., student,
Academic Supervisor: Aparina M. V., teacher
of physical education and sports
Kemerovo State University,
Russia, Kemerovo
E-mail: katerinag346@gmail.com

PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE STUDENT ENVIRONMENT BY MEANS OF MASS PHYSICAL CULTURE AND VOLUNTEER SPORTS PROJECTS

The article develops an integrative model for preventing deviant behavior among students through mass sports and volunteer projects. The methodology synthesizes pedagogical, psychological, and sociocultural approaches. The result is a three-level concept where sports activity serves as a basis for self-regulation, socialization, and social creativity.

Keywords: deviant behavior, student environment, mass physical culture, volunteer sports projects, social education, positive socialization, socio-kinetic model, bodily intelligence.

Актуальность исследования: В современном образовательном пространстве проблема девиантного поведения студентов приобретает системный характер, проявляясь в формах социальной апатии, агрессии, зависимостей и экзистенциальной дезориентации. Традиционные дисциплинарные и репрессивные меры оказываются малоэффективными, поскольку игнорируют глубинные потребности молодежи в самореализации, принадлежности и осмысленной деятельности. Физическая культура, сведённая лишь к нормативным показателям, утрачивает свой воспитательный потенциал. В то же время массовые спортивные практики и волонтерские инициативы способны стать мощным ресурсом перенаправления энергии молодёжи в конструктивное русло. Спорт в данном контексте – не только активность, но и язык коммуникации, форма социального участия и инструмент формирования ценностных ориентиров.

Цель исследования. Разработать и обосновать интегративную модель профилактики девиантного поведения студентов через синтез массовой физической культуры и волонтерских спортивных проектов. Модель рассматривает спорт как полифункциональное пространство, где телесные, социальные и этические аспекты человеческого существования взаимно усиливают друг друга.

В основе предлагаемой модели лежит переосмысление физической культуры и спорта как сложного социально-педагогического феномена, способного стать системным ответом на вызовы девиантности в студенческой среде. Модель не просто суммирует известные подходы, но выстраивает их в иерархическую, взаимозависимую структуру, где каждый уровень выполняет уникальную функцию, а их взаимодействие порождает синергетический профилактический эффект.

Уровень тела: физическая культура как экзистенциальная практика саморегуляции и формирования «телесного капитала». На первом, фундаментальном уровне, физическая активность рассматривается не как вспомогательная, а как базовая антропологическая практика. Современный студент, погруженный в цифровые среды и когнитивные нагрузки, часто существует в режиме «отчужденного сознания», где тело воспринимается либо как инструмент, либо как проблема. Девиации (аддикции, агрессивные вспышки, аутоагрессия) зачастую становятся извращенными попытками восстановить связь с собственными физическими и эмоциональными состояниями. Массовая физическая культура в этом контексте предлагает легитимный и конструктивный канал для такой реконнекции. Её профилактическая роль раскрывается в нескольких аспектах:

Нейрофизиологический аспект: регулярные умеренные нагрузки выступают естественным регулятором нейрохимического баланса, повышая уровень эндорфинов, серотонина и нейротрофических факторов. Это приводит к снижению фоновой тревожности, повышению стрессоустойчивости

и эмоциональной стабильности, что напрямую коррелирует со снижением импульсивных и аддиктивных форм поведения.

Феноменологический аспект: практики, основанные на осознанности движений (йога, пилатес, скандинавская ходьба, плавание), формируют «телесный интеллект» – способность к интроспекции, распознаванию и вербализации внутренних состояний. Студент учится отличать экзистенциальную тревогу от обычной усталости, а потребность в разрядке – от скуки. Это критически важно для преодоления дезадаптивных паттернов, когда сложное психологическое состояние «лечится» деструктивным действием.

Аспект «телесного капитала»: вовлеченность в физическую культуру формирует у студента новый вид ресурса – позитивное отношение к своему телу, ощущение его компетентности и жизнеспособности. Этот «капитал» напрямую влияет на самооценку, уровень притязаний и социальную смелость, создавая психологический иммунитет к манипуляциям и вовлечению в деструктивные группы.

Ключевым условием эффективности данного уровня является отказ от нормативно-соревновательной парадигмы в пользу парадигмы инклюзивного здоровья. Доступность, разнообразие форматов (от воркаут-площадок и танцевальных флешмобов до клубов настольного тенниса) и акцент на внутренних ощущениях, а не на внешних результатах, делают эту среду привлекательной и безопасной для студентов с разным опытом и способностями.

Уровень коллектива: спортивные и волонтерские проекты как лаборатория социального взаимодействия и формирования «социального тела». Если первый уровень работает с индивидуумом, то второй конструирует среду, в которой позитивные изменения закрепляются и развиваются. Девиантное поведение часто является следствием или заменой неудачной социализации - отсутствия опыта принадлежности, взаимного доверия и кооперации. Массовые спортивные мероприятия и, в особенности, волонтерские проекты в сфере спорта, искусственно создают ситуации, требующие просоциального поведения.

Данный уровень реализует профилактику через несколько механизмов: механизм ролевой пробы и идентификации: участвуя в организации спортивного праздника, работая судьей на массовом забеге или помогая в адаптивной тренировке, студент примеряет социально одобряемые и востребованные роли: организатора, наставника, помощника, лидера. Это позволяет выйти за рамки узкой роли «учащегося» или «потребителя», предлагая новые векторы для самореализации. Формируется идентичность, основанная на компетентности и полезности, а не на протесте или маргинальности.

Механизм формирования социального капитала: совместная деятельность ради общей, нематериальной цели (успех события, эмоции участни-

ков) создает плотные сети доверия и взаимных обязательств. В волонтерской команде студент из «атомизированной» единицы превращается в часть «социального тела», где его вклад ценен, а поддержка гарантирована. Этот приобретенный социальный капитал становится альтернативой связи в девиантных группах, основанной на круговой поруке и противопоставлении социуму.

Механизм нормативной реконструкции: в процессе коллективной работы естественным образом формируются и соблюдаются неформальные нормы: ответственность, пунктуальность, взаимовыручка, уважение к разным возможностям. Эти нормы интериоризируются не через принуждение, а через практический опыт их эффективности и позитивной обратной связи от группы и благополучателей.

Особую силу имеет именно волонтерский компонент. Спортивное волонтерство – это деятельность на стыке спорта и социальной помощи, что вдвойне усиливает её смысловой заряд и воспитательный потенциал.

Уровень социального действия и рефлексии: волонтерский проект как акт гражданского творчества и формирования «ответственного субъекта».

Высший уровень модели трансформирует внутренние изменения и приобретенный групповой опыт в осознанную гражданскую позицию. Здесь студент переходит от участия в мероприятии к сотворению социальной реальности. Профилактика девиантности достигается через замещение пассивности, цинизма и чувства беспомощности – ключевых питательных сред для девиаций – активностью, осмысленностью и верой в собственную агентность.

Этот уровень включает: ценностно-смысловое проектирование: студент участвует не просто в «активности», а в создании проекта, имеющего ясную социальную миссию: например, «спорт без границ» для детей с ОВЗ, «серебряный фитнес» для пенсионеров, «дворовый тренер» для подростков из неблагополучных районов. Этот процесс требует анализа потребностей, постановки целей, распределения ресурсов, что развивает системное мышление и дает опыт преодоления реальных, а не учебных, препятствий.

Этическую рефлексию и ответственность: организуя деятельность для уязвимых групп, студент сталкивается с вопросами инклюзии, справедливости, уважения к достоинству другого. Он вынужден рефлексировать над последствиями своих действий, что формирует зрелую этическую позицию. Ответственность здесь – не внешнее требование, а внутренняя необходимость, вытекающая из логики самого дела.

Конструирование социальных нарративов: успешный проект позволяет студенту стать автором позитивной истории о себе и своем сообществе. Этот нарратив («мы смогли изменить ситуацию», «я помог обрести радость движения») становится мощным внутренним ресурсом, противостоящим деструктивным сценариям, навязываемым субкультурами девиантности или медиа-контентом.

Синергия уровней и практическая реализация: «круг социального здоровья». Эффективность модели обусловлена её нелинейной, циклической природой, которую можно назвать «кругом социального здоровья». Цикл может начинаться с любого уровня, но в идеале инициируется доступным телесным практикумом (уровень 1), который улучшает психофизиологическое состояние и повышает мотивацию к социальным контактам.

Улучшенное самочувствие и возросший «телесный капитал» облегчают вхождение в волонтерский коллектив (уровень 2), где студент получает признание и новый социальный опыт. Этот опыт, в свою очередь, стимулирует амбиции по реализации собственного, более масштабного проекта (уровень 3). Успех на уровне социального действия радикально повышает самоуважение и смысловую наполненность жизни, что мотивирует индивида заботиться о своем физическом и психическом состоянии (возврат к уровню 1), но уже на качественно новом, осознанном витке.

Разрыв этого круга (например, спорт без социальной составляющей или волонтерство без командной поддержки и рефлексии) резко снижает профилактический потенциал, оставляя лишь частичные, неустойчивые результаты.

Для реализации модели необходима институциональная поддержка: интеграция волонтерских спортивных проектов в систему зачетных единиц, создание межфакультетских центров студенческих спортивных инициатив, партнерство с городскими спортивными и социальными учреждениями, системная подготовка кураторов-тьюторов, способных сопровождать не только спортивный, но и личностно-рефлексивный компонент деятельности.

Таким образом, предложенная трех уровневая социокинетическая модель предлагает перейти от точечной «борьбы с последствиями» девиантного поведения к системному выращиванию социального, физического и психологического благополучия студента. В её рамках массовая физическая культура и волонтерский спорт перестают быть досуговыми опциями, становясь ядром воспитательной экосистемы университета, пространством, где конструируется не только здоровое тело, но и ответственная, connected и социально-зрелая личность.

Список использованной литературы

1. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года : [сайт]. – URL : https://www.minsport.gov.ru/activities/strategic/ (дата обращения : 19.01.2026). – Текст : электронный.

2. Абаев А. М. Волонтерство в спорте как технология социальной адаптации молодежи / А. М. Абаев. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – № 4. – С. 45-58.

3. Баталов А. Г. Психолого-педагогические основы профилактики девиантного поведения студенческой молодежи средствами физической культуры / А. Г. Баталов, П.

В. Сидоров. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 73-85.

4. Иванова Л. П. «Телесный капитал» и социальное самочувствие студента : теоретическая модель / Л. П. Иванова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2023. – № 8. – С. 60-71.

5. Колесникова К. А. Социокинетический подход в воспитательной работе вуза: от теории к практике / К. А. Колесникова, В. Н. Марков. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Педагогика. – 2024. – № 1. – С. 34-49.

6. Петров В. И. Девиантология : цифровая реальность и вызовы для студенческой среды / В. И. Петров. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2022. – № 6. – С. 234-255.

Цветков О. Ю., канд. геогр. наук, доцент,
Терещенко Т. Ю., канд. тех. наук, доцент,
Пачкалёва П. С., обучающийся,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
Россия, г. Санкт-Петербургтербург
E-mail: ocvetkov@lan.spbgasu.ru
tereschenko.t.yu@lan.spbgasu.ru
ppachkaleva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ПОЛЕВОЙ ГЕОДЕЗИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлен анализ полевой геодезической практики как специфического этапа профессиональной социализации студентов технического вуза. Новизна исследования заключается в смещении фокуса с организационно-методических аспектов на субъективное восприятие практики самими обучающимися. На основе анализа психолого-педагогической литературы и эмпирических наблюдений выявлены основные группы трудностей (адаптационные, коммуникативные, инструментальные) и описаны особенности формирования профессиональной идентичности студента в условиях выездного полевого лагеря.

Ключевые слова: полевая практика, геодезия, субъективный опыт, адаптация студентов, профессиональное становление, копинг-стратегии, воспитательная среда.

Tsvetkov O. Yu., Ph. D. in Geography, Associate Professor,
Tereshchenko T. Yu., Ph. D. in Engineering, Associate Professor,
Pachkalyova P. S., student,
Saint Petersburg State University of Architecture and
Civil Engineering University,
Russia, Saint Petersburg
E-mail: ocvetkov@lan.spbgasu.ru
tereschenko.t.yu@lan.spbgasu.ru
ppachkaleva@mail.ru

FEATURES AND CHALLENGES OF FIELD GEODETIC PRACTICE THROUGH THE STUDENT'S EYES: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT

The article presents an analysis of field geodetic practice as a specific stage of professional socialization for students of a technical university. The novelty of the research lies in shifting the focus from organizational and methodological aspects to the subjective perception of the practice by the students themselves. Based on the analysis of psychological and pedagogical literature and empirical observations, the main groups of difficulties (adaptational, communicative, instrumental) are identified, and the features of the formation of a student's professional identity in a field camp setting are described.

Keywords: field practice, geodesy, subjective experience, student adaptation, professional development, coping strategies, educational environment.

В современной педагогике высшей школы все больше внимания уделяется феноменологии образовательного процесса – тому, как студенты воспринимают и переживают различные этапы своего профессионального становления. Полевая геодезическая практика занимает особое место в учебном плане направлений «Прикладная геодезия» и «Землеустройство и кадастры». Она знаменует собой переход от абстрактно-теоретического обучения к конкретно-практической деятельности в условиях, приближенных к реальным.

Цель данной работы – реконструировать и проанализировать «образ практики» в сознании студента, выявить ключевые трудности и точки личностного роста. Теоретической базой исследования послужили работы в области психологии адаптации студентов (А.В. Петровский, Т.С. Чуйкова), исследования копинг-поведения в стрессовых ситуациях (Р. Лазарус, С.К. Нартова-Бочар) и современные публикации по проблемам воспитательной среды в технических вузах (Е.А. Гнатышина, Д.В. Леготина и др.).

С учётом психоэмоционального фона и адаптации студента к полевым условиям, геодезическая практика представляет собой резкую смену стабильной аудиторной образовательной среды на динамичную, насыщенную стресс-факторами и трудностями (рис.1).

Как показывают исследования Т.С. Чуйковой, адаптация к новым условиям жизнедеятельности проходит несколько стадий: от первоначальной тревоги и дезориентации до постепенной интеграции [1, С. 112].

Главной особенностью восприятия является эффект «информационного шока». Если в аудитории студент оперирует идеальными моделями (ровная поверхность, отсутствие помех), то в поле он сталкивается с бесконечным разнообразием реальности: болотистая местность, густая растительность, сложные метеоусловия. Это вызывает когнитивный диссонанс: «Я знаю теорию, но не могу применить её здесь и сейчас».

С психологической точки зрения, полевая геодезическая практика активирует механизмы ситуативной тревожности. Страх «сломать дорогой прибор» (тахеометр или GNSS-приёмник), страх не уложиться в установленные сроки, страх подвести бригаду - все это формирует высокий уровень эмоционального напряжения. Исследования С.К. Нартовой-Бочар подтверждают, что в таких условиях у студентов активизируются как проблемно-ориентированные, так и эмоционально-ориентированные копинг-стратегии [2]. При этом результативность и успешность практики напрямую зависит от сформированности навыков саморегуляции.

С точки зрения организации социально-психологического климата в малых студенческих группах полевая геодезическая практика (особенно в формате выездного лагеря) кардинально меняет структуру межличностных отношений. Студенческая группа, ранее существовавшая только в рамках академических контактов (лекции-семинары), трансформируется в «малую группу высокого уровня сплоченности» с элементами автономного существования.

Рис. 1 – Основные этапы и соответствующие им трудности полевой геодезической практики

Глазами студента, это выглядит как необходимость 24/7 находиться в контакте с коллегами по бригаде. Здесь отчётливо проявляется феномен «межличностной совместимости». Разделение бытовых обязанностей (дежурства по кухне, заготовка дров), совместное преодоление трудностей (например, «вытаскивание» увязшего в грязи автомобиля с оборудованием) либо сплачивают группу, либо обнажают латентные конфликты.

Как отмечает Е.А. Гнатышина в своем исследовании воспитательного пространства технического вуза, именно в таких экстремальных (по меркам студента) условиях формируется истинный авторитет и происходит стихийное распределение ролей: «генератор идей», «исполнитель», «хранитель традиций» [3, С. 45]. Трудность для студента заключается в необходимости выстраивать горизонтальные связи без привычного посредничества куратора или преподавателя, который в полевых условиях часто выступает не как лектор, а как наставник и старший товарищ.

В результате происходит формирование профессиональной идентичности и преодоление фрустрации с обязательным в такой ситуации ключевым психологическим новообразованием, которое возникает у студента по итогам практики и выражается как «чувство профессионала». Однако путь к этому чувству тернист.

Исследователи Д.В. Леготина и А.С. Леденев подчеркивают, что в процессе первой полевой практики у студентов происходит «ломка» наивных профессиональных представлений [4]. Студент ожидает увидеть романтику изысканий, а сталкивается с монотонным трудом («ходим по точкам», «ловиим спутники», «заполняем журнал»). Возникает состояние фрустрации, которое необходимо грамотно педагогически сопровождать.

Трудности, которые студент вербализует («тяжело носить приборы», «жарко, холодно, комары», «непонятно, зачем столько раз измерять и перепроверять»), на самом деле являются маской глубинных процессов. Это сопротивление выходу из «зоны комфорта» академического знания в «зону риска» реального действия. Преодоление этого сопротивления знаменует переход на новый уровень субъектности.

Наиболее значимым инновационным аспектом воспитательной среды здесь выступает использование технологии «рефлексивного дневника» (или его цифрового аналога). Ведение дневника наблюдений позволяет студенту фиксировать не только геодезические данные, но и свои эмоциональные состояния, что, по данным современной педагогики, способствует развитию эмоционального интеллекта и осознанности в выборе профессии [5].

Таким образом, полевая геодезическая практика глазами студента предстаёт не просто как учебное мероприятие, а как сложный, многомерный психолого-педагогический феномен. Её особенности (экстремальность, коллективный характер, приближённость к реальности) создают уникальные условия для формирования личности инженера, но одновременно порождают ряд трудностей адаптационного и коммуникативного характера.

Понимание субъективной картины практики необходимо для проектирования эффективной воспитательной среды. Традиции наставничества, заложенные в полевой геодезии, должны быть дополнены инновационными методами психолого-педагогического сопровождения: тренингами командообразования перед выездом, обучением навыкам саморегуляции и внедрением рефлексивных практик в полевой быт. Только такой комплексный подход позволит превратить объективные трудности практики в точку профессионального и личностного роста студента.

Список использованной литературы

1. Чуйкова Т. С. Психологическая адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе / Т. С. Чуйкова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 111-116.

2. Нартова-Бочар С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С. К. Нартова-Бочар. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 3. – С. 20-30.

3. Гнатышина Е. А. Воспитательное пространство технического университета: сущность и структурные компоненты / Е. А. Гнатышина. – Текст : непосредственный // Профессиональное образование в современном мире. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 42-49.

4. Леготина Д. В. Профессиональная идентичность студентов технических специальностей в процессе прохождения производственной практики / Д. В. Леготина, А. С. Леденев. – Текст : непосредственный // Педагогика и психология образования. – 2023. – № 2. – С. 88-95.

5. Иванова Л. Н. Развитие эмоционального интеллекта студентов в условиях цифровой трансформации образования / Л. Н. Иванова, Е. А. Смирнова. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 1. – С. 134-146.

Кошелева С. В., старший преподаватель,
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева,
Россия, г. Орел
E-mail: claire.76@mail.ru

ВОСПИТАНИЕ В ДУХЕ ПРИОРИТЕТА ДУХОВНОГО НАД МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОСРЕДСТВОМ ТЕАТРА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается роль театра в формировании высоконравственной личности в рамках модуля «Духовно-нравственное воспитание» в высшем учебном заведении. Отмечается особая функция театра как инструмента в развитии личности с приоритетом духовного над материальным. Раскрывается положительное влияние театра на развитие, эмпатии, терпимости, социальной осознанности, коммуникативных навыков, а также усвоение культурного наследия нации.

Ключевые слова: высокие нравственные идеалы, эмпатия, духовно-нравственное воспитание, традиции и ценности общества, историческая память, преемственность поколений.

Kosheleva S. V., Senior Lecturer,
Orel State University named after I. S. Turgenev,
Russia, Orel
E-mail: claire.76@mail.ru

FOSTERING THE PRIORITY OF THE SPIRITUAL OVER THE MATERIAL THROUGH THEATRE ART IN HIGHER EDUCATION

The article examines the role of theatre in shaping a highly moral personality within the framework of the "Spiritual and Moral Education" module at institutions of higher education. It highlights the unique function of theatre as a tool for personal development that prioritizes the spiritual over the material. The positive influence of theatre on the cultivation of empathy, tolerance, social awareness, communication skills, as well as the assimilation of the nation's cultural heritage, is revealed.

Keywords: high moral ideals, empathy, spiritual and moral education, traditions and values of society, historical memory and continuity of generations.

Последние годы знаменуются тем фактом, что в вузах всё больше и больше внимания наряду с образовательным процессом уделяется воспитанию студентов, с наличием календарных планов воспитательной работы, в которых один из модулей называется «Духовно-нравственное воспитание». В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к традиционным ценностям относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». [1]

Невозможно сформировать личность, исключительно передавая информацию, развивая мыслительные способности, формируя умения, навыки и компетенции. Формирование личности происходит путем развития души таким образом, чтобы потребность в искусстве стала базовой, желание увидеть полотна А. Саврасова, И. Левитана, И. Шишкина, В. Поленова, либо посетить новые постановки «Вишневого сада», «Идиота», «Евгения Онегина», «Очарованного странника» равнялось потребности в еде и сне.

Только в этом случае возможно воспитать граждан нашей страны с чувством справедливости и взаимоуважения, из чего естественным образом вытекает приоритет духовного над материальным.

Одним из способов духовно-нравственного воспитания является воспитание посредством театрального искусства. Театр зародился не одно тысячелетие назад. Три великих античных мыслителя – Эсхил, Софокл, Еврипид – открыли театр и подарили человечеству это искусство. Театр развивается, меняется вместе с обществом. Какова же роль театра в воспитании молодого поколения? Я не думаю, что театр имеет в первую очередь познавательную функцию, хотя, конечно, он расширяет кругозор. А также он служит толчком к познанию, так как невозможно в полной мере воспринимать театральные постановки, не имея знаний в области истории, не имея богатого опыта в виде прочитанных литературных произведений. Поэтому, если театр заинтересовал, увлек, он способствует развитию душевному и толкает на развитие познания.

Однако, в первую очередь, театр развивает душу, нравственность, в этом его функция. Когда студенты говорят, что «эта постановка дает возможность задуматься о своей жизни, мечтах и человеческих отношениях», это означает, что цель достигнута.

Что же дает театр в плане воспитания? Во-первых, театр погружает в действие. В своей основе театр захватывает каждого из нас, и мы мгновенно устанавливаем связь с драмой, разворачивающейся на наших глазах. Он задействует разные типы восприятия: визуальное, слуховое, чувственное. Театр не только способствует нашему личностному развитию через различные каналы обучения, но и помогает лучше взаимодействовать с людьми и миром вокруг. Он воспитывает в студентах эмпатию, терпимость и социальную осознанность, умение сотрудничать с однокурсниками, а также развивает навыки общения и концентрации.

Во-вторых, театр создает для студентов-зрителей ту глубину личной вовлеченности, которая недостижима в рамках других образовательных методов. Драматургия предстает как наиболее реалистичная форма обучения – благодаря пронзительной правде историй, часто основанных на реальных событиях, студенты могут увидеть в этих историях самих себя или узнать близких – друга, члена семьи. Наблюдая за сюжетами, которые находят в их душах живой отклик, студенты вдохновляются на более глубокое осмысление поднятых проблем и даже на то, чтобы понять, как помочь другим или себе в подобной ситуации. Проблемы общества окружают нас повсюду. Открытый разговор о них, умение пролить свет на сложные темы помогают студентам осознать их влияние на себя и окружающий мир.

Драматические постановки с реалистичными и эмоционально сильными персонажами помогают студентам безошибочно распознавать достоинства и пороки человеческой натуры. Большинство спектаклей представляют множество разных характеров и типов поведения, ведь мы осознаем,

что у каждого человека своя судьба и свое воспитание. Когда персонажи оживают перед зрителями, студенты часто узнают в них свои черты или черты кого-то из знакомых. Это бесценно, так как становится отправной точкой для разговора, который ведет к переменам. После спектакля у студентов появляется возможность задать вопросы о только что увиденных проблемах – вопросы, которые в иной обстановке, возможно, так и остались бы незаданными. Каждый выносит из постановки что-то своё, пытается дать ответ на вопрос, почему те или иные герои приняли определённые решения, и взглянуть под иным углом на природу человеческого поведения. Всё это помогает студентам глубже осмыслить собственную позицию по затронутым темам, а быть может, и пересмотреть её. Поэтому особенно важно устраивать обсуждения сразу после просмотра спектаклей, вести диалог со студентами и быть способными своими ответами помочь им дойти до нужного и правильного вывода или ответа на вопрос.

Театральные постановки, именно, в силу вовлеченности всех чувств, обнажению животрепещущих для молодежи проблем, а классические произведения вечны, и темы, поднятые в них, актуальны сейчас так же, как пятьдесят, сто, двести лет назад, оставляют глубокий след в сознании студентов. Чем чаще мы вовлекаем студентов в просмотр спектаклей, затрагивающих вечные темы: любовь со всеми вариантами выбора, будь то, Евгений и Татьяна, или Иван Северьяныч и Грушенька. Проблемы жертвенности, совести, сострадания и нравственного выбора в произведениях Ф. Достоевского. Образы праведников и странников, духовная жизнь русского народа в вере с моральными ценностями и поисками правды в произведениях моего великого земляка Н.С. Лескова. Все это является важной частью культурного наследия, отражая историю, традиции и ценности общества, театр способствует их сохранению и передаче следующим поколениям, пробуждает чувства и утоляет культурную жажду.

Великие писатели, режиссеры, педагоги говорили о ценности театра как образовательного инструмента, о том, что это место, откуда миру можно сказать много доброго и мудрого и найти дорожку к сердцу каждого человека.

Список использованной литературы

Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. – Текст : электронный // Указ Президента Российской Федерации [официальный сайт]. – 2022. – URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения : 26.02.2026).

Захарова Л. И., канд. ист. наук, доцент,
Лисаневич А. П., обучающийся
Брянский государственный технический университет
Россия, г. Брянск
E-mail: tim-lyud@yandex.ru
LiAnPa02@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования исторического сознания студентов российской высшей школы в условиях современной геополитической напряженности и информационного противоборства. Анализируется трансформация подходов к преподаванию истории в вузах после утверждения новой концепции преподавания истории России. Особое внимание уделяется воздействию информационных войн на исторические представления молодежи, механизмам манипуляции сознанием через искажение исторических фактов и формированию у студентов навыков критического анализа исторической информации. Предлагаются практические решения для повышения эффективности исторического образования в современном вузе.

Ключевые слова: историческое сознание, высшее образование, информационная война, манипуляция сознанием, историческая память, молодежь, педагогические стратегии.

Zakharova L. I., Ph. D. in History, Associate Professor,
Lisanevich A. P., student,
Bryansk State Technical University
Russia, Bryansk
E-mail: tim-lyud@yandex.ru
LiAnPa02@mail.ru

PROBLEMS OF FORMING HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN HIGHER EDUCATION

The article discusses the current problems of forming the historical consciousness of students in Russian higher education in the context of modern geopolitical tensions and information confrontation. It analyzes the transformation of approaches to teaching history in universities after the approval of a new concept for teaching Russian history. Special attention is paid to the impact of information wars on the historical perceptions of young people, the mechanisms of manipulating consciousness through the distortion of historical facts, and the develop-

ment of students' skills in critical analysis of historical information. Practical solutions are proposed to improve the effectiveness of historical education in modern universities.

Keywords: historical consciousness, higher education, information warfare, mind manipulation, historical memory, youth, and pedagogical strategies.

Современная социокультурная ситуация среди молодежи характеризуется тревожной тенденцией – нарастающим негативизмом по отношению к историческому прошлому. Масс-медиа, злоупотребляя своей силой, активно манипулируют сознанием молодых людей, подчас прививая им искаженное, предвзятое представление о прошлом. В результате, наблюдается рост явления манкуртизма – отрицания собственной истории и культурной идентичности [1, 2].

Данная проблема приобретает критическое значение, подчеркивая необходимость формирования у молодежи адекватного исторического сознания. Историческое сознание не сводится к простому знанию фактов из прошлого. Оно предполагает критическое осмысление событий, анализ причинно-следственных связей и умение делать выводы о том, как прошлое формировало настоящее. Только через призму исторического сознания можно понять смысл происходящих социальных процессов, осознать место своей страны в мире и определить свою роль в современном обществе.

Исторический опыт – бесценный источник мудрости, который позволяет генерировать новые идеи, находить решения сложных проблем и формировать рефлексирующую личность. Такая личность способна не только реализовать свой индивидуальный потенциал, но и брать на себя ответственность за свои поступки и судьбу окружающего мира. Формирование исторического сознания подрастающего поколения в современной России приобрело характер важнейшей государственной задачи и одновременно – поля острой идеологической борьбы [3]. В условиях геополитического кризиса, развернувшейся информационной войны и попыток переписывания истории историческое образование в высшей школе сталкивается с беспрецедентными вызовами.

Историческое сознание, как сложное социально-психологическое образование, отражает совокупность представлений общества и личности о прошлом, настоящем и будущем. Согласно исследованиям, его формирование происходит на стыке научного знания, социальной памяти, культурных традиций и ценностных ориентаций.

Структура исторического сознания включает в себя:

1. Когнитивный компонент: систему исторических знаний, полученных из различных источников.

2. Аксиологический компонент: ценностное отношение к историческим событиям, фигурам и явлениям.

3. Эмоционально-образный компонент: эмоциональное переживание истории, ее событий и героев.

4. Мировоззренческий компонент: исторически обусловленная картина мира, формирующаяся под влиянием осмысления прошлого.

Н.Л. Росина подчеркивает, что формирование исторического сознания невозможно без учета психологических механизмов: идентификации, рефлексии, интериоризации ценностей. Преподаватель выступает не просто транслятором информации, но организатором ситуации проживания истории, ее эмоционально-ценностного освоения [4].

Особенно сложно формирование исторического сознания у студентов технических и негуманитарных специальностей. Отсутствие систематической исторической подготовки в объеме, сопоставимом с обучением будущих историков, приводит к затруднениям в осмыслении феномена исторической идентичности в личностном аспекте. Студенты технических вузов, как правило, фокусируются на изучении точных наук и прикладных дисциплин [5]. Исторические знания для них часто остаются фрагментарными, что препятствует формированию целостного представления о прошлом.

В этой связи необходимо разработать эффективные методики преподавания истории, адаптированные к специфике негуманитарного образования. Например, можно использовать:

1. Проектные задания, направленные на изучение исторических событий с точки зрения их влияния на развитие науки и техники.

2. Ситуационные моделирования, позволяющие студентам вжиться в роль участников исторических событий и принимать решения в условиях прошлого.

3. Интеграцию исторического материала в программы дисциплин, изучаемых студентами [6].

Такие подходы способствуют не только расширению кругозора студентов, но и формированию у них критического мышления, способности анализировать информацию и делать выводы на основе исторических фактов.

Преодоление обозначенных проблем требует выработки комплексных педагогических стратегий, учитывающих как современные вызовы, так и психологические особенности студенческой аудитории. Формирование исторического сознания не может быть задачей исключительно курса истории. Необходимо внедрение междисциплинарного подхода, предполагающего тесное взаимодействие истории с философией, политологией, социологией и основами российской государственности. Исследования свидетельствуют о том, что философское просвещение способствует осмыслению ключевых вопросов: природы человека как субъекта истории, механизмов заблуждений, культуры исторической памяти и прогностического потенциала истории [7].

В условиях информационной войны особую актуальность приобретает развитие критического мышления у студентов. Важнейшей задачей становится формирование навыков верификации исторической информации, распознавания фальсификаций и анализа источников. Студенты должны понимать механизмы создания исторических мифов и технологии манипуляции сознанием через искажение истории.

Внедрение комплексных педагогических стратегий, основанных на междисциплинарном подходе и развитии критического мышления, позволит студентам сформировать целостное представление о прошлом, а также приобрести навыки анализа информации и выработки собственной позиции в условиях информационной войны.

Формирование исторического сознания студентов российской высшей школы в современных условиях действительно сталкивается с комплексом серьезных проблем. Геополитическое противостояние и информационная война превратили историю в поле идеологической борьбы, где используются разнообразные технологии манипуляции сознанием молодежи. Откровенная фальсификация фактов, подача информации из тенденциозных позиций, а также создание альтернативных мифологизированных версий прошлого – всё это ставит перед студентами и преподавателями вызов, требующий поиска новых подходов к изучению истории.

Традиционные методы преподавания, основанные на одностороннем изложении фактов и событий, теряют свою эффективность. Молодежь, обладающая критическим мышлением и доступом к широкому спектру информации, не может принять на веру упрощенные схемы и идеологические штампы. Необходима разработка новых образовательных стратегий, которые бы способствовали формированию у студентов способности критически оценивать информацию, анализировать различные точки зрения и делать собственные выводы. Важно обучать студентов навыкам работы с первоисточниками, сравнения различных интерпретаций исторических событий и понимания многогранности прошлого.

Список использованной литературы

1. Ус О. А. Формирование исторического сознания обучающихся в современных образовательных условиях / О. А. Ус, А. А. Мальков, В. С. Гладышева. – Текст : непосредственный // Концепт. – 2021. – № 09. – С. 1-12.

2. Тощенко Ж. Т. Манкуртизм как деформация исторического сознания / Ж. Т. Тощенко. – Текст : электронный // Социология власти. – 2010. – № 1. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/mankurtizm-kak-deformatsiya-istoricheskogo-soznaniya.

3. Свобода Н. Ф. Философское просвещение в техническом вузе : постановка проблем исторического сознания / Н. Ф. Свобода, О. Б. Воробьева. – Текст : непосредственный // Вестник Ивановского государственного университета : Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 160-167.

4. Росина Н. Л. Концепция преподавания истории России в вузе : от проекта к реализации / Н. Л. Росина, М. А. Росина. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 5. – С. 138-148.

5. Абовян Е. Н. Проблемы преподавания истории периода Второй мировой войны (на примере американских учебных программ) : фальсификация или умышленное замалчивание / Е. Н. Абовян, Л. И. Захарова. Текст : непосредственный // Исторический бюллетень. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 101-105.

6. Организация научно-исследовательской деятельности студентов в высшей школе: теория и практика : монография / Л. И. Захарова, Д. М. Кошлаков, С. В. Лукашов [и др.]. – Брянск : Новый проект, 2025. – 212 с. Текст : непосредственный.

7. Формирование компетенции УК-5 средствами дисциплины «История» у будущих бакалавров / Е. Н. Абовян, Ю. Т. Трифанков, Л. И. Захарова, Е. В. Соловьева. – Текст : непосредственный // Реализация компетентностного подхода в профессиональном образовании : сб. ст. регион. науч.-практ. конф., 20 дек. 2019 г. – Брянск, 2020. – С. 139-146.

Шарыпова Н. Х., докт. филол. наук, профессор,
Хисматуллина М. М., обучающийся,
Казанский государственный аграрный университет,
Республика Татарстан, г. Казань
E-mail: snailyah@list.ru
m.marselevna@mail.ru

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Воспитательная среда высшей школы рассматривается как целостное пространство становления субъектности личности. Анализируется диалектика традиций и инноваций как единого процесса культурного наследования, где прошлое продуктивно работает в настоящем, формируя основания будущего.

Ключевые слова: воспитательная среда, целостный педагогический процесс, субъектность, культурная идентификация, традиция, инновация, высшее образование.

Sharypova N. Kh., Dr. Philol. sciences, professor,
Khismatullina M. M., student,
Kazan State Agrarian University,
Republic of Tatarstan, Kazan
E-mail: snailyah@list.ru
m.marselevna@mail.ru

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE FORMATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM

The educational environment of higher education is considered a holistic space for the development of individual subjectivity. The dialectic of tradition and innovation is analyzed as a unified process of cultural inheritance, where the past productively functions in the present, forming the foundations of the future.

Keywords: educational environment, holistic pedagogical process, subjectivity, cultural identity, tradition, innovation, higher education.

Воспитательная среда университета не сводится к совокупности внешних условий или набору организационных мероприятий. Она представляет собой живое пространство, в котором происходит становление человека как субъекта культуры, носителя ценностей, способного к свободному выбору и ответственному действию. Этот процесс нельзя конструировать механически, накладывая готовые шаблоны или импортируя технологии без учета внутренней логики развития личности. Воспитательная среда возникает там, где человек встречается с культурой не как с набором правил, а как с возможностью обрести собственный смысл, где традиция перестает быть грузом прошлого и становится источником творческого преобразования настоящего.

Современная дискуссия о месте традиций и инноваций в высшем образовании часто сводится к поиску баланса между сохранением наследия и внедрением новаций. Такая постановка вопроса изначально ошибочна, поскольку предполагает противопоставление двух начал, тогда как в действительности традиция и инновация образуют единый процесс культурного наследования. Традиция – это не застывший ритуал, а динамичное отношение между поколениями, в котором прошлое не просто передается, но и переосмысливается, обретая новое значение в новых исторических условиях. Инновация, в свою очередь, не есть разрыв с прошлым, а его творческое продолжение, рождение нового из старого через внутреннюю необходимость развития. Как отмечает Онищенко, традиция следует понимать, как определенный тип отношений между последовательными стадиями развивающегося объекта, когда старое переходит в новое и продуктивно работает в нем [1, С. 23]. Такое понимание позволяет преодолеть искусственную оппозицию и увидеть в традиции не тормоз, а условие подлинной новизны.

Целостный педагогический процесс, разрабатываемый в трудах Бондаревской, предлагает методологическую основу для понимания воспитательной среды как единства обучения, воспитания и развития [2, С. 47]. В рамках этого подхода воспитание не выступает как дополнительная функция образования, отделенная от учебной деятельности. Оно пронизывает весь

педагогический процесс, становясь способом становления личности в пространстве культуры. Студент вуза не усваивает ценности как готовые формулы, а обретает их через собственный опыт взаимодействия с культурными смыслами, через преодоление внутренних противоречий, через диалог с другими людьми и с самим собой. Воспитательная среда создает условия для этого диалога, предоставляя человеку возможность встретиться с различными формами культурного опыта и осмыслить их в контексте собственной жизни.

Социокультурная среда университета, как показано в исследованиях Пономарева, представляет собой многомерное пространство, в котором переплетаются различные сферы жизнедеятельности студента: учебная, научная, художественная, спортивная, общественно-политическая [3, С. 15]. Эти сферы не существуют изолированно, а образуют единую ткань, в которой человек обретает целостность своего существования. Важно понимать, что среда не воздействует на личность извне, как некий внешний фактор. Она становится средой лишь тогда, когда человек включается в нее деятельностью и отношениями, когда он сам становится со-создателем этой среды. Студент, участвующий в научном семинаре, организующий культурное мероприятие, ведущий диалог с преподавателем или товарищами по группе, не просто адаптируется к существующим условиям, но и трансформирует их, внося свой вклад в формирование университетской культуры. Именно в этом взаимодействии субъекта и среды происходит становление личности как носителя культуры.

Традиции университетской жизни – студенческие праздники, научные школы, особые формы общения между поколениями ученых, система наставничества – не являются архаическими пережитками, мешающими модернизации образования. Они составляют ту ткань, в которой формируется профессиональная идентичность будущего специалиста. Традиция обеспечивает преемственность, позволяет молодому человеку почувствовать себя частью живой цепи поколений, осознать ответственность перед прошлым и будущим своей профессии. В условиях ускоряющихся изменений, когда информация устаревает быстрее, чем ее успевают освоить, именно традиции профессиональной культуры становятся опорой для ориентации в постоянно меняющемся мире. Они не дают готовых ответов на новые вызовы, но формируют внутренний компас, позволяющий человеку самостоятельно находить решения в непредвиденных ситуациях.

Инновации в воспитательной среде вуза не сводятся к внедрению цифровых технологий или новых методик. Подлинная инновация происходит там, где возникают новые формы взаимодействия между людьми, новые способы осмысления профессионального опыта, новые возможности для самореализации личности. Цифровая среда, безусловно, расширяет горизонты образовательных возможностей, позволяет преодолевать пространственные и временные барьеры, создавать новые формы коллективной деятельности.

Однако технология сама по себе не создает воспитательной среды. Она становится частью такой среды лишь тогда, когда вплетается в живую ткань человеческих отношений, когда служит средством диалога, а не заменяет его. Как справедливо замечает Игнатьева, цифровые технологии являются не только инструментом, но и целой средой, в которой существует человек, однако их внедрение требует осторожного соотнесения с педагогическими принципами и сохранения приоритета человеческого фактора [4, С. 89]. Инновация, лишенная антропологического измерения, быстро превращается в технократическую процедуру, отчуждающую человека от самого себя.

Особое значение в формировании воспитательной среды приобретает система студенческого самоуправления. Она представляет собой не просто организационную структуру, а пространство, где студент учится быть субъектом своей жизни, где он приобретает опыт ответственного принятия решений, организации коллективной деятельности, диалога с различными социальными группами. Через участие в самоуправлении молодой человек переходит от позиции объекта воспитательных воздействий к позиции субъекта, способного не только принимать решения, но и нести за них ответственность. Этот опыт становится фундаментом для формирования гражданской позиции, профессиональной этики, способности к самоорганизации в будущей трудовой деятельности. Традиции студенческого самоуправления в российских вузах, восходящие еще к дореволюционной эпохе, не утратили своей актуальности, но требуют постоянного обновления содержания, адаптации к современным условиям общественной жизни.

Компетентностный подход, ставший доминирующим в современной образовательной политике, часто интерпретируется узко – как формирование набора профессиональных умений и навыков, востребованных рынком труда. Такая интерпретация уводит в сторону от подлинного смысла компетентности как способности человека действовать осмысленно в сложных, неопределенных ситуациях. Формирование компетентностей невозможно без целостного воспитательного процесса, в котором знания, умения и ценности образуют неразрывное единство. Студент, освоивший профессиональные технологии, но лишенный этических ориентиров, способен причинить больше вреда, чем пользы. Воспитательная среда вуза должна создавать условия для становления не просто квалифицированного исполнителя, но ответственного профессионала, способного к критическому осмыслению собственной деятельности, к диалогу с коллегами и обществом, к постоянному саморазвитию [5].

Ретроинновация – понятие, введенное Онищенко для обозначения селективного воспроизводства педагогических находок прошлого в современной практике – позволяет преодолеть ложную альтернативу между традицией и новацией [1, С. 24]. Многие педагогические идеи, казавшиеся устаревшими в эпоху технократического оптимизма, сегодня вновь обретают ак-

туальность. Принцип наставничества, личностно-ориентированное взаимодействие преподавателя и студента, внимание к внутреннему миру обучающегося, диалогические формы обучения – все это не есть архаика, а вечные основания педагогического процесса, которые периодически забываются и вновь открываются. Ретроинновация не означает простого копирования прошлого опыта. Она предполагает его творческую интерпретацию, адаптацию к современным условиям, соединение с новыми возможностями, которые предоставляет развитие науки и технологий. Такой подход позволяет избежать двух крайностей: слепого следования традиции ради традиции и безоглядного увлечения новизной ради самой новизны.

Воспитательная функция высшего образования приобретает особую значимость в условиях информационного общества, где студент сталкивается с потоком разноречивых сообщений, где граница между достоверным и недостоверным, ценным и мусорным становится все более размытой. В таких условиях задача вуза состоит не в том, чтобы дать студенту готовые ответы на все возможные вопросы, а в том, чтобы сформировать у него способность к самостоятельной ориентации в информационном пространстве, к критической оценке источников, к осмысленному выбору жизненных позиций. Эта способность не формируется автоматически через освоение информационных технологий. Она возникает в процессе живого диалога с культурой, в процессе встречи с различными точками зрения, в процессе преодоления внутренних противоречий. Воспитательная среда вуза должна создавать условия для такого диалога, предоставляя студенту возможность столкнуться с подлинными культурными ценностями, с живым опытом предшествующих поколений, с разнообразием мнений и подходов. Воспитание студентов происходит в процессе обучения, которое имеет две стороны: 1) учебную деятельность вуза по трансляции гуманитарных, социальноэкономических и профессиональных знаний, умений, навыков, культурных ценностей и норм, образцов поведения и передаче социального опыта; 2) мотивированную деятельность обучающихся по освоению этих знаний, умений, навыков, культурных ценностей и норм, образцов поведения, их переработке, хранению и применению в социальной практике [6; 7].

Ценностные основания воспитательной среды университета определяются не административными решениями, а живой практикой университетского сообщества. Ценности становятся реальными лишь тогда, когда они воплощаются в повседневных отношениях между людьми, в формах организации учебного процесса, в способах решения конфликтных ситуаций, в отношении к ошибкам и неудачам. Уважение к личности, стремление к истине, ответственность за свои слова и поступки, толерантность к инакомыслию, готовность к диалогу – все эти ценности не прививаются через прямые указания или пропаганду. Они усваиваются через опыт участия в жизни университетского сообщества, через наблюдение за поведением преподавателей и старших товарищей, через собственный опыт взаимодействия с другими

людьми. Воспитательная среда, лишенная подлинных ценностных оснований, быстро превращается в фасад, за которым скрываются цинизм, формализм и отчуждение.

Структура воспитательной среды вуза может быть представлена как система концентрических кругов, как предложено в работах уральских исследователей [3, С. 32]. На микроуровне располагается непосредственное пространство общения студента с преподавателем, с товарищами по группе, с наставником – то пространство, где формируются его ближайшие социальные связи и где происходит первичное освоение профессиональных ценностей. На мезоуровне – пространство факультета, научной школы, студенческого объединения, где студент обретает чувство принадлежности к более широкой профессиональной общности. На макроуровне – университет как целое со своей историей, традициями, символикой, репутацией, где формируется идентичность выпускника данного вуза. На мегауровне – внешнее по отношению к вузу пространство, но присвоенное им: профессиональное сообщество, работодатели, общественные институты, международные партнеры. Все эти уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены. Разрыв между ними ведет к фрагментации личностного опыта студента, к невозможности интегрировать различные аспекты своей деятельности в целостную картину мира.

Профессиональное воспитание в вузе не может быть сведено к формированию узкоспециальных навыков. Оно предполагает становление человека как носителя профессиональной культуры, способного не только выполнять конкретные операции, но и понимать смысл своей деятельности в контексте общественных потребностей, этических норм, исторических традиций профессии. Молодой специалист, не осознающий ответственности своей профессии перед обществом, не способный к критическому осмыслению собственных действий, представляет угрозу не только для окружающих, но и для самого себя. Воспитательная среда вуза должна создавать условия для становления именно такой профессиональной культуры, где техническое мастерство сочетается с этической ответственностью, где стремление к профессиональному успеху не противоречит служению общественным интересам.

Международное измерение воспитательной среды современного вуза приобретает все большее значение в условиях глобализации. Студенты сталкиваются с представителями различных культур, мировоззрений, систем ценностей. Этот опыт может стать источником как обогащения собственной культуры, так и культурного шока, потери идентичности. Воспитательная среда должна помогать студенту не просто адаптироваться к многообразию культур, но и сохранять собственную культурную идентичность, уважая идентичность других. Это требует отказа от как этноцентризма, так и космополитизма без корней. Подлинный интеркультурный диалог возможен

лишь там, где каждый участник диалога имеет собственную культурную позицию, но открыт к восприятию иного. Воспитательная среда вуза должна создавать условия для такого диалога, формируя у студентов способность к межкультурной коммуникации без потери собственного культурного лица.

Психологическая комфортность воспитательной среды – неотъемлемое условие становления личности. Человек, находящийся в состоянии постоянного стресса, тревоги, страха перед оценкой, не способен к подлинному творчеству, к риску, к экспериментированию – тем качествам, которые необходимы для профессионального роста. Комфортность среды не означает отсутствия требований или снижения планки. Напротив, она предполагает создание атмосферы доверия, где человек может допустить ошибку, не боясь осуждения, где он может высказать нестандартную точку зрения, не опасаясь быть отвергнутым. Такая атмосфера формируется не административными решениями, а повседневной практикой взаимоотношений в университетском сообществе. Преподаватель, способный признать свою ошибку, выслушать студента, отнестись к его идее с уважением, создает микроклимат, в котором возможно становление субъектности личности.

Здоровый образ жизни как элемент воспитательной среды выходит за рамки пропаганды физической культуры или профилактики вредных привычек. Он связан с формированием целостного отношения человека к своему телу, к своему здоровью, к своему времени. В условиях тотальной цифровизации, когда граница между работой и отдыхом, между учебой и досугом становится все более размытой, способность сохранять баланс между различными сферами жизни приобретает особое значение. Воспитательная среда вуза должна помогать студенту не просто освоить техники релаксации или правила питания, но и сформировать целостное отношение к собственной жизни как к ценности, требующей бережного отношения. Это предполагает создание условий для разнообразной деятельности – не только учебной и научной, но и творческой, спортивной, социальной, позволяющей студенту реализовать различные аспекты своей личности.

Оценка эффективности воспитательной среды не может сводиться к количественным показателям – числу проведенных мероприятий, проценту участия студентов, уровню удовлетворенности опросами. Подлинные изменения в личности человека происходят во внутреннем пространстве, недоступном прямому наблюдению. Они проявляются в способности к самостоятельному принятию решений, в готовности нести ответственность за свои поступки, в умении строить отношения с другими людьми на основе уважения и доверия, в способности к постоянному саморазвитию [8]. Эти качества невозможно измерить стандартными тестами или анкетами. Их можно увидеть лишь в длительной перспективе, наблюдая за жизненным путем выпускников вуза, за их профессиональными достижениями и личностным ростом. Воспитательная среда дает свои плоды не сразу, но те плоды, которые

она приносит, определяют качество не только профессиональной деятельности человека, но и его жизни в целом.

Диалектическое единство традиций и инноваций в воспитательной среде высшего образования проявляется в том, что подлинная новизна всегда опирается на культурное наследие, а живая традиция постоянно обновляется через творческое преобразование. Традиция без инновации превращается в музейный экспонат, лишенный жизненной силы. Инновация без традиции становится случайной находкой, не имеющей корней и перспективы развития. Только в их единстве возможно создание воспитательной среды, которая одновременно обеспечивает преемственность культурного опыта и открывает пространство для творческого становления новой личности. Такая среда не конструируется по заранее заданному плану. Она выращивается, как живой организм, через повседневную практику университетского сообщества, через диалог поколений, через совместное преодоление трудностей и достижение целей.

Воспитательная среда вуза становится реальностью там, где человек встречает культуру не как внешний объект усвоения, а как возможность обрести собственный смысл. Она формируется не через административные решения или технологические новшества, а через живые отношения между людьми, через диалог, через совместную деятельность, направленную на общие цели [9]. Традиции и инновации в этом процессе не противостоят друг другу, а образуют единый поток культурного наследования, в котором прошлое, настоящее и будущее соединяются в целостность. Задача высшей школы состоит не в том, чтобы выбрать между традицией и инновацией, а в том, чтобы создать условия, в которых оба начала могут продуктивно взаимодействовать, формируя пространство для становления подлинно свободной и ответственной личности.

Список использованной литературы

1. Онищенко Э. В. Традиции и новации в развитии современной высшей школы : интеграция или оппозиция? / Э. В. Онищенко. – Текст : непосредственный // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2017. – Т. 6, № 21.– С. 18-25.

2. Бондаревская Е. В. Теория и практика целостного педагогического процесса / Е. В. Бондаревская. – Ростов на Дону : РГПУ, 1995. – 224 с. – Текст : непосредственный.

3. Пономарев А. В. Воспитательная среда университета : традиции и инновации / А. В. Пономарев [и др.]. – Екатеринбург : Уральский университет, 2015. – 408 с. – Текст : непосредственный.

4. Игнатьева Г. А. Традиции и инновации, педагогические и цифровые технологии в системе современного образования / Г. А. Игнатьева. – Самара : Поволжская научная корпорация, 2024. – 215 с. – Текст : непосредственный.

5. Загвязинский В. И. Теория обучения : Современная интерпретация / В. И. Загвязинский. – Москва : Академия, 2001.–192 с. – Текст : непосредственный.

6. Семёнов В. П. Воспитательная работа в вузе : теория и практика / В. П. Семёнов. – Москва : Высшая школа, 2003. – 256 с. – Текст : непосредственный.

7. Ковалева А. И. Динамика воспитательной функции высшей школы в России / А. И. Ковалева. –Текст : непосредственный // Образование и образованный человек. – 2021. — № 4. – С. 33-47.
8. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования / А. В. Хуторской. –Текст : непосредственный // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58-64.
9. Якиманская И. С. Личностно ориентированное образование в современной школе / И. С. Якиманская. – Москва : Сентябрь. – 1996. – 96 с. – Текст : непосредственный.

Корнеева Е. В., канд. ист. наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных и
социально-экономических наук
Керченский государственный морской
технологический университет (филиал),
Россия, г. Феодосия
E-mail: alenka-lyaba@yandex.ru

ИДЕИ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В работе проанализировано развитие отечественной педагогической мысли в России в период 1861 – 1917 годов. Особое внимание уделено педагогическим взглядам Н.И. Пирогова, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, К.Д. Ушинского, которые способствовали гуманизации отечественной педагогики.

Ключевые слова: гуманизм, гуманизация образования, отечественные педагоги.

Korneeva E. V., Ph. D. in History, Associate Professor,
Head of the Department of Humanities and
Socio-Economic Sciences, Kerch State Marine
Technological University (branch),
Russia, Feodosia
E-mail: alenka-lyaba@yandex.ru

IDEAS OF HUMANIZATION OF EDUCATION IN THE POST-REFORM PERIOD IN THE RUSSIAN EMPIRE

The paper analyzes the development of domestic pedagogical thought in Russia during the period of 1861 – 1917. Special attention is paid to the pedagogical views of N.I. Pirogov, L.N. Tolstoy, N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov, and K.D. Ushinsky, who contributed to the humanization of domestic pedagogy.

Keywords: humanism, humanization of education, domestic pedagogues.

Современное образование России основывается на принципах, закреплённых в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1]. В числе приоритетных указывается «гуманистический характер образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями» [2]. Гуманизация образования является традиционной для российской практики. Особенно ярко происходило развитие гуманистических идей в российской педагогике с середины XIX века, после отмены крепостного права.

Цель работы – рассмотреть ключевые идеи развития гуманистической педагогической мысли в России в период 1861 – 1917 годов.

В Российской империи к середине XIX века ситуация в общественно-политической жизни была весьма напряжённой. Идеи либерализма, принесённые из-за границы после заграничных походов русской армии, воплотились в восстание декабристов. Восстание потерпело поражение, но искра свободы продолжала разжигать огонь борьбы. Появившиеся к концу 40-х годов XIX века тайные общества, среди которых самой революционной организацией была «Земля и воля», выступавшая за установление республики, подтолкнули правящую верхушку к проведению реформ. Ключевая реформа была объявлена императором Александром II Манифестом от 19 февраля 1861 года, провозглашавшая отмену крепостного права [3]. Вслед за этой реформой последовал ряд других – судебная, земская, военная.

Изменения произошли и в сфере образования. В российской педагогике того периода официальной, традиционной установкой воспитания было уважение к «самодержавию, православию, народности». Однако представители российской педагогической мысли своими произведениями и личным примером способствовали укреплению идеи гуманизма в образовании.

«Гуманизм» (от лат. humanus – букв. человечный) мировоззрение, в центре которого лежит идея о благе человека [4].

Обратимся к идеям общественных деятелей, педагогов, которые не только ратовали за утверждение приоритета человеческой личности в образовании, но и были участниками преобразований.

В числе первых прогрессивных деятелей следует отметить Николая Ивановича Пирогова. Герой крымской войны, основатель полевой хирургии, свою деятельность на поприще педагогики он начал с 1856 года как попечитель Одесского учебного округа, с 1858 по 1861 годы – Киевского учебного округа. В 1858 году выходит его статья «Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей?», в которой он категорически выступает против телесных наказаний, указывая, что порка унижает достоинство ребёнка. В педагогических взглядах Пирогова центральную позицию занимают идея общечеловеческого воспитания и образования и идея развития в

ребёнке стремления к самопознанию. Первая идея стала основой проекта школьного образования, который составил Николай Иванович. Вся система должна была состоять из двух ступеней – двухлетней элементарной школы (чтение, письмо, счет, закон Божий) и прогимназии и гимназии (реальные и классические) с четырехлетним сроком обучения. Кроме того, он выступал за внесословное и бесплатное обучение.

В отношении женского образования его взгляды были достаточно консервативны. Пирогов выступал за то, чтобы девочки получали начальное образование, – и этого будет достаточно, так как участь женщины – быть воспитательницей юного поколения, поэтому продолжать образования нет смысла.

Один из наиболее ярких представителей того времени – великий писатель, философ Лев Николаевич Толстой. С 1859 по 1862 годы в своём поместье в Ясной Поляне создал школу для крестьянских детей. Под влиянием взглядов французского просветителя Ж.Ж. Руссо писатель считал, что для крестьянских детей образование должно быть минимальным, так как цивилизация пагубно действует на юную душу. «Нам нужно Марфутку и Тараску выучить хотя бы немножечко тому, что мы сами знаем».

С начала 1870-х годов Лев Николаевич пишет «Азбуку», позже – «Новую азбуку». Эти книги вплоть до революции 1917 года использовались в начальной школе для обучения грамотности, формирования идеалов нравственности у детей младшего школьного возраста.

Не остались в стороне от проблем воспитания и образования и революционеры-демократы. Николай Гаврилович Чернышевский, известный писатель, философ, экономист был ярым противником воспитания, построенного на покорности. По его мнению, настоящее просвещение будет только тогда, когда произойдёт революция и народ придёт к власти. В знаменитом произведении «Что делать?» писатель ратует за воспитание граждан-борцов, которые ставят интересы общества выше собственных. При этом он отмечает, что обучение должно не только дать знание человеку, но и формировать всесторонне развитую личность, развивать самостоятельное мышление.

Близким по духу с Чернышевским был общественный деятель и публицист Николай Александрович Добролюбов. Его перу принадлежат работы «О значении авторитета в воспитании», «О народном воспитании» и др. Николай Александрович резко критиковал сословность образования, указывая, что в русском обществе оно остаётся «монополией богатых» [5, С. 289]. Будучи сторонником антропологизма, Добролюбов считал, что человек должен развиваться как всесторонняя гармоничная личность. Следует отметить, что учёный высоко оценивал личность учителя, отмечая, что быть педагогом может только высокообразованный, нравственный человек, который уважает личность ученика [6, С. 355-360].

Настоящим классиком образования, основоположником отечественной научной гуманистической педагогики был Константин Дмитриевич Ушинский. Родом из семьи мелкопоместного дворянина, получил прекрасное образование – гимназическое, затем университет в Москве. Всю свою профессиональную жизнь посвятил изучению насущных вопросов педагогики. Будучи на посту инспектора Смольного женского института благородных девиц, реформировал это заведение, превратив его в прообраз педагогического института.

Основу его педагогической системы составляла идея народности воспитания. Целью воспитания должно стать формирование активной и творческой личности. Вслед за Добролюбовым он выступает с идеей нравственного воспитания ребёнка, которая основывается на отсутствии авторитарности и силе положительного примера учителя. В своём произведении «Человек как предмет воспитания. Опыт человеческой антропологии Константин Дмитриевич пишет; «Педагогика не наука, а искусство – самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств. Искусство воспитания опирается на науку. Как искусство сложное и обширное, оно опирается на множество обширных и сложных наук; как искусство оно кроме знаний требует способности и наклонности, и как искусство же оно стремится к идеалу, вечно достигаемому и никогда вполне недостижимому: к идеалу совершенного человека» [7, С. 475].

Кроме того, Ушинский разработал различные методики развивающегося обучения, пропагандировал необходимость создания учреждений, занимающихся подготовкой педагогических кадров.

Таким образом, в результате краткого обзора взглядов выдающихся деятелей второй половины XIX века мы можем сделать вывод, что гуманизация российского образования того периода стала возможной благодаря большому вкладу таких учёных, как Н.И. Пирогов, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, К.Д. Ушинский. Именно они непосредственно разрабатывали теоретические и практические основы образования на основе уважения личности учащегося и развития его природных способностей.

Список использованной литературы

1. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон № 273-ФЗ : принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года. – Москва : Проспект ; Санкт-Петербург : Кодекс, 2017. – 158 с. – Текст : непосредственный.

2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» федеральный закон № 685-ФЗ : принят Государственной Думой 12 декабря 2023 года : одобрен Советом Федерации 22 декабря

2023 года. – URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408177527/. – Текст : электронный.
3. Манифест 19 февраля 1861 года – [сайт]. – URL : https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/feb1861.htm (дата обращения : 19.03.2026)
4. Азбука веры – [сайт]. – URL : https://azbyka.ru/gumanizm (дата обращения : 19.03.2026)
5. Джуринский А. Н. История педагогики : учебное пособие / А. Н. Джуринский. – Москва : ВЛАДОС, 2000. – 432 с. – Текст : непосредственный.
6. Добролюбов Н. А. О значении авторитета в воспитании / Н. А. Добролюбов. – Текст : непосредственный // Педагогическое наследие. – 1988. – С. 349-372.
7. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – Москва : Академии наук РСФСР, 1945. – 638 с. – Текст : непосредственный.

Занфир Л. Н., канд. филос. наук, доцент, доцент,
Желев Д. Б., обучающийся,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: ludm.zanfir@yandex.ru
reshomea@gmail.com

РОЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МАНГАЗЕИ В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СИБИРИ

В статье рассматривается история первого русского заполярного города Мангазеи – его возникновение, расцвет, причины упадка и археологическое наследие. На новейших находках показано значение Мангазеи в хозяйственном и культурном освоении Сибири, а также межкультурный диалог русских первопроходцев и коренных народов.

Ключевые слова: археология, Мангазея, Сибирь XVII века, пушная торговля, Василий Мангазейский, взаимопроникновение культур.

Zanfir L. N., Ph. D. in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor,
Zhelev D. B., student,
Surgut Institute of Oil and Gas,
TIU branch in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: ludm.zanfir@yandex.ru
reshomea@gmail.com

THE ROLE OF MEDIEVAL MANGAZEA IN THE PROMOTION OF RUSSIAN CIVILIZATION IN SIBERIA

Annotation. The article examines the history of the first Russian polar city of Mangazeya – its origin, heyday, causes of decline and archaeological heritage. The latest findings show the importance of Mangazeya in the economic and cultural development of Siberia, as well as the intercultural dialogue between Russian pioneers and indigenous peoples.

Keywords: archeology, Mangazeya, Siberia of the XVII century, fur trade, Vasily Mangazeysky, interpenetration of cultures.

Изучение Мангазеи позволяет по-новому взглянуть на пути продвижения Российской цивилизации на восток за Урал. Археологические исследования последних десятилетий дали новый материал, подтверждающий, что освоение Сибири русскими начинается не только с походов Ермака. Исходя из этого положения, цель данной работы – показать значение средневековой Мангазеи в освоении и культурном развитии Сибири.

Уже в середине XVI века русские мореходы-поморы в поисках новых территорий для промыслов зверя и пушнины регулярно проникали вглубь Арктики. Главным маршрутом был Мангазейский морской ход: путь из Белого моря через Югорский Шар в Карское море, затем через «ямальский волок» в Обскую губу и вверх по реке Таз (рис. 1). Это был путь, требовавший знания направления морских течений, движения льдов, особенностей сезонной погоды и, самое главное, огромного мужества.

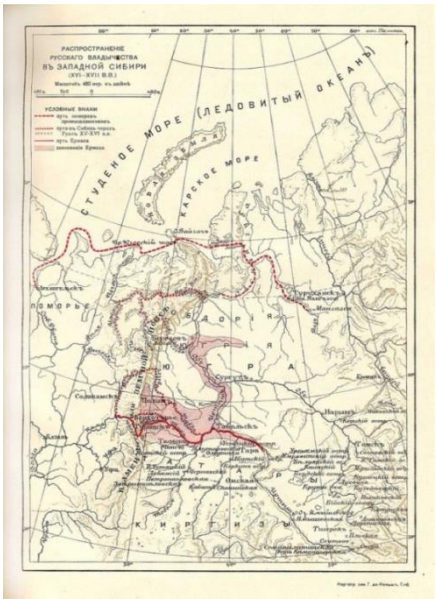

Рис. 1 – Карта морского пути из Архангельска в Мангазею (XVI – XVII в.в.)

В конце XVI века в низовьях реки Таз возникает поселение, представлявшее собой крупный торговый перевалочный узел. Поморы доставляли

сюда железо, соль, ткани и обменивали у местного ненецкого населения на «мягкую рухлядь» – мех соболя, песца, лисицы. В торговле принимают участие и иноземные купцы, которые скупали меха напрямую, минуя государственную таможню. О том, что Мангазея была частью международной торговли, говорят археологические находки: голландская керамика, английские монеты и другие артефакты [3]. В результате в этом регионе складывается система «параллельной экономики», когда доходы шли не в царскую казну, а частным предпринимателям. Центральная власть долгое время не знала о масштабах этого «теневого» рынка. После ревизии, произведенной в 1598 году присланным из Москвы воеводой Фёдором Дьяковым, были произведены реформы: царь Борис Годунов установил ясак для местных охотников, ввёл пошлины на ведение торговли. Для управления и поддержания порядка было учреждено Мангазейское воеводство и отправлен казачий отряд. Причиной столь мягкого решения стала отправка в Москву делегации купцов с обозами мехов – фактически они выкупили право на легальное продолжение торговли. В 1601 году на месте временного поселения была построена крепость.

В первой четверти XVII века Мангазея достигла расцвета. Археологические раскопки позволили реконструировать облик города: в центре находился кремль (детинец) с пятью башнями. За стенами укрывались Троицкая и Успенская церкви, воеводский двор, таможня, гостиный двор. Вокруг кремля, как и в других русских городах, располагался посад с жилыми домами, мастерские, торговые лавки, питейные заведения. Археологи обнаружили систему улиц, дренажные канавы, остатки печей. Количество населения в городе колебалось от 1 тысячи зимой до 5 тысяч летом, когда в порт заходили десятки судов из Архангельска, Печоры, даже из Норвегии. Мангазея стала «северным Сингапуром» – узлом глобальной поставки пушнины. Через неё проходила почти вся «мягкая рухлядь» с севера Западной Сибири. В археологических слоях найдены бусины из Индии, фарфор из Поднебесной, медные подносы из Персии – свидетельства единого экономического пространства от Балтики до Тихого океана.

До XX века о Мангазее знали только по летописям. Местные народы называли её «Тахаравыхарад» – «Разрушенный город». Первые раскопки начались в 1940-х, прорыв случился в 1970-х под руководством Александра Кубарева. Обнаружены остатки стен, фундаменты, тысячи артефактов: керамика, оружие, украшения, монеты, раскопана Найдена система улиц, канализация, мастерские. 2021 году найдена деревянная бирка с надписью: «Мех соболиный, вес 3 фунта, отдан в зачет ясака» – первый документ такого рода в Сибири.

Летом 2025 года экспедиция в рамках проекта «Святой первомученик Василий Мангазейский» собрала более 1200 артефактов, среди которых находятся голландские бусы, монета – «чешуйка», крышка от флакона для благовоний, шахматы, кости для игры и многое другое. Сохранились 12

фрагментов поморского коча (*коч* – русское морское однопалубное парусно-гребное судно поморов). Это доказывает, что Мангазея была не просто военным гарнизоном, а развитым городом со сложной структурой и международными связями.

Население Мангазеи и близлежащих территорий является примером взаимопроникновения культур. Русские переселенцы перенимали у аборигенов элементы быта, позволявшие выживать в суровых условиях севера: оленьи упряжки, меховые малицы, национальные способы охоты. Коренные народы, в свою очередь, получали железные орудия, ткани, включались в рынок меха. Часть коренного населения принимала православие, становясь «крещёными самоедами», нередко сохраняя при этом и свои национальные верования.

Особенным феноменом культуры средневековой Мангазеи является культ святого мученика Василия Мангазейского. Известно, что в девятнадцатилетнем возрасте он был несправедливо обвинённый в краже и в 1602 году замучен в остроге. Позже его останки были обретены как чудотворные, и он стал первым святым мучеником Сибири. Почитание распространилось среди русских, ненцев, хантов, селькупов – возник синкретический культ, где православный святой стал духом-покровителем. В 2004 году в Красноселькупском районе построен храм в его честь.

Мангазея была поселком не только торговцев. Здесь процветало косторезное искусство, ювелирное дело, литьё меди. Таким образом, Мангазея была не только хозяйственным, но и культурным форпостом, где формировалось единое культурное пространство Заполярья.

После завершения Смутного времени династия Романовых увидела в Мангазее угрозу: туда уходили беглые крестьяне, дезертиры, старообрядцы. В 1619 году царь Михаил Фёдорович под страхом смертной казни запретил движение кораблей с товарами по Мангазейскому морскому ходу. Меха предписывалось везти через Урал по суше, хотя это было не выгодно – очень медленно, опасно и дорого. Купцы начали уходить, поток товаров иссяк. Кроме того, начался раскол среди местной власти: воеводы Василий Курбский и Иван Пашков в 1634 году устроили вооружённое столкновение. В 1639 году пожар уничтожил 70% деревянных построек в городе, восстановить было нечем, так как весь строительный лес был привозной. На постройки даже использовались доски со старых кораблей. К 1672 году гарнизон вывели в Туруханское зимовье (Новая Мангазея). К 1680 году старый город опустел и был забыт на два с половиной века.

С целью выяснения уровня осведомлённости студентов о существовании Мангазеи и освоении Сибири в XVI – XVII веках, в филиале ТИУ в г. Сургуте был проведён выборочный пилотажный опрос в виде анкетирования [4]. В опросе приняли участие 22 студента 1 курса (группы НДБ-25-1 и НДБ-25-2). Анкета содержала общие вопросы по истории России, об освоении Сибири, а также о городе Мангазея. Результаты опроса показали, что

немного более половины респондентов осведомлены в общих чертах об исторических событиях XVI – XVII веков, связанных с освоением Сибири (походы Ермака, основание Тюмени и Сургута). Лишь 23% опрошенных знали о существовании на территории Западной Сибири древнего города Мангазея.

Полученные данные указывают на необходимость более глубокого изучения культурного наследия и истории края в целом. В решении этой важной задачи отчасти может помочь содержание данной статьи.

Список использованной литературы

1. Бахрушин С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – Москва : Академии наук СССР, 1955. – 300 с. – Текст : непосредственный.

2. Белов М. И. Мангазея : материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв. / М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. – Ленинград : Гидрометеоиздат, 1981. – 163 с. – Текст : непосредственный.

3. Визгалов Г. П. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.) / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович. – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Баско, 2007. – 319 с. – Текст : непосредственный.

4. Занфир Л. Н. Организация работы студенческого научного кружка по проведению социологических исследований : монография – Тюмень : ТИУ, 2019. – 81 с. – Текст : непосредственный.

Журавлева Т. А., канд. экон. наук, доцент,
ЦАКРиОС,
Зимовец О. В., канд. экон. наук, доцент,
руководитель ЦАКРиОС,
Тольяттинский государственный университет,
Россия, г. Тольятти
E-mail: tatiana502007zhuravleva@yandex.ru
zimovetsov_67@mail.ru

ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В рамках статьи поднимаются вопросы, требующие внимая в воспитательной деятельности обучающихся исходя из имеющегося практического опыта авторов в высшей школе.

Рассмотренные в статье подходы связаны с развитием социальной сферы в вузах, с системностью охвата социальных и учебно-воспитательных отношений.

Ключевые слова: подходы, управление, обучающиеся, образовательные учреждения, воспитательная деятельность, анализ.

Zhuravleva T. A., Ph. D. in Economics, Associate Professor,
Central Institute of Agrarian and Social Sciences,
Zimovets O. V., Ph. D. econ. Sciences, Associate Professor,
head of TsAKRIOS,
Tolyatti State University,
Russia, Tolyatti
E-mail: tatiana502007zhuravleva@yandex.ru
zimovetsov_67@mail.ru

APPROACHES TO MANAGING EDUCATIONAL ACTIVITIES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article raises issues that require attention in the educational activities of students, based on the authors' practical experience in higher education.

The approaches discussed in the article are related to the development of the social sphere in universities, the systematic coverage of social and educational relations.

Keywords: approaches, management, students, educational institutions, educational activities, and analysis.

Место и роль воспитательной деятельности в системе управления образовательной организацией и в процессе обучения напрямую влияют на цели, которые ставят перед собой учреждения при разработке соответствующих концепций и программ.

Проведенный анализ показал, что на практике сложились два принципиально разных подхода к организации воспитательной работы:

– Интегративный подход: воспитательная деятельность не выделяется отдельно, а встраивается в общий комплекс образовательных и сопутствующих процессов.

– Автономный подход: воспитательная работа рассматривается как самостоятельный объект управления со своей структурой, целями и механизмами реализации (рисунок 1).

Рис. 1 – Место и роль воспитательной деятельности в системе управления высшей школы

Зависимость набора показателей в данном случае является бесспорной, так как они зависят от конкретного образовательного учреждения и конечных целей для их пользователей.

На стадии рассмотрения управления, они оцениваются с точки зрения всех реалией современности, согласно имеющимся активам и в течение определенного времени. Такое изменение корректирует значение эффективности воспитательной деятельности, оцениваемое по трем измерителям:

– социальная сфера-воспитание;

– учеба-воспитание;

– отдельное самостоятельное направление в деятельности вуза.

Исходя из этого можно сделать ряд выводов:

В рамках первого измерителя – системы «социальная сфера – воспитание» воспитательная деятельность приобретает особое значение: она не существует изолированно, а органично встроена в социальную среду вуза. При этом социальные и воспитательные аспекты ее работы выступают в качестве приоритетов.

Данная система реализуется по двум взаимосвязанным направлениям:

– развитие социальной сферы, предполагающее создание благоприятной среды для социализации обучающихся, укрепление горизонтальных и вертикальных связей внутри коллектива, расширение возможностей для их социальной активности;

– повышение качества воспитательной деятельности, направленное на формирование у обучающихся университетской культуры, включающей академические традиции, этические нормы, ценности научного сообщества и навыки взаимодействия в профессиональной среде.

Ключевое преимущество подхода заключается в его системности. Воспитательные программы, разработанные в рамках данной модели, дают возможность сформировать личность не только как носителя знаний, но и как активного, ответственного члена общества, способного к продуктивному социальному взаимодействию.

В условиях современного образования становится принципиально важной интеграция учебного и воспитательного процессов. При этом воспитательная работа с обучающимися перестает быть второстепенным дополнением к академическому обучению, а выступает как ключевой системный элемент общей структуры вуза.

Ограничение воспитательной функции рамками внеучебных занятий или ее сведение к вспомогательной роли существенно снижает потенциал развития личности обучающегося.

Напротив, эффективная реализация системы «учеба-воспитание» требует активного использования возможностей самого учебного процесса.

Конкретным механизмом такой интеграции служит включение в учебные программы по всем дисциплинам международных, культурологических и региональных компонентов. Это позволяет:

– сохранить фундаментальность образовательной подготовки;

– целенаправленно формировать у обучающихся базовые ценности как общей, так и профессиональной культуры;

– обеспечить органичную взаимосвязь учебной и научной деятельности, способствующую целостному развитию личности.

Такой подход создает условия для подготовки не просто квалифицированных специалистов, но и социализированных граждан, обладающих устойчивыми нравственными ориентирами.

В современной практике образования все чаще встречается подход, при котором воспитательная деятельность выделяется в самостоятельное направление работы вузов.

Это наиболее распространенная модель организации воспитательного процесса, основанная на понимании воспитательной работы как полноценного, самодостаточного направления деятельности учреждения - наравне с учебной, научной и методической работой.

Ключевые преимущества такой организационной модели заключаются в следующих направлениях:

– целенаправленность воздействия, где четкое выделение воспитательной деятельности позволяет сконцентрировать усилия на решении конкретных воспитательных задач, а не рассматривать воспитание как дополнение к учебному процессу;

– программно-целевое планирование, при котором появляется возможность разрабатывать и реализовывать специализированные целевые воспитательные программы с детально проработанными целями, задачами, этапами и индикаторами эффективности;

– эффективное ресурсное обеспечение, дающее возможность разделения функций для более точно планирования и распределения ресурсов: выделять отдельные бюджеты, штатное расписание, материально-техническую базу, методические и информационные ресурсы специально для воспитательной работы;

– повышение ответственности при назначении ответственных лиц и подразделений за воспитательный процесс, что повышает общую эффективность и прозрачность управления воспитательной деятельностью.

Однако, ко всем без исключения оценочным показателям, методам и способам работы в рамках воспитательной деятельности вузов предъявляются следующие требования:

– точность;

– согласованность по времени и месту;

– необходимость;

– достаточность;

– соответствие с поставленными задачами.

Таким образом, ключевая цель воспитательной деятельности состоит в гармоничном развитии личности обучающегося через:

– целенаправленное формирование профессионально-педагогической культуры, закладывающей основы будущей профессиональной идентичности;

– раскрытие и развитие духовно-нравственного потенциала, способствующего становлению ценностных ориентиров;

– воспитание гражданской позиции, как по отношению к стране в целом, так и к родному краю;

– формирование бережного и ответственного отношения к окружающей природной среде;

– привитие ценностей здорового образа жизни как основы физического и психологического благополучия.

Стандартный подход, исходя из ключевой цели в воспитательной деятельности, представлен как универсальная ее основа.

Однако в итоговом варианте, используемом для ее оценки, набор показателей может быть несколько шире, так как учитывается и влияние дополнительных показателей, применяемой в практике образовательных учреждений, предлагающих использовать системный подход в воспитании обучающихся.

Необходимость системного подхода и его оценки со стороны управления образовательной организации посредством разработки комплекса показателей связана с определением, планированием и отслеживанием выполнения конкретных показателей, что в итоге позволяет:

– диагностировать результативность;

– определять степень выполнения поставных целей и задач;

– нести определенную ответственность за проделанную работу;

– формировать накопленные данные, полученные в результате анализа показателей по воспитательной деятельности вузов и применять накопленный опыт, экстраполируя ряд тенденций в будущем;

– сравнивать результативность проводимых мероприятий в конкретно взятой образовательной организации с другими учебными заведениями;

– целенаправленно повышать эффективность предлагаемых мероприятий данного направления.

Кроме того, необходимо учесть специфичность данного вида деятельности в сфере образования, особенно с учетом обучающихся разных национальностей, что определяет и нестандартность подходов к ее оценке, а также выбору показателей и используемых методов.

Проведение работ для каждого вуза в отдельности по определению показателей и их дальнейшая оценка из-за многочисленных влияющих факторов – это весьма сложная, но все-таки выполнимая задача. Стратегически они должны начать с выбора собственных целей.

В большинстве образовательных организациях вне зависимости от используемого плана по воспитательной деятельности его разработке, как правило, предшествует разработка общего плана по всей деятельности вуза в целом, но с акцентом, что воспитание обучающихся является ветвью, хотя и очень важной, на дереве целей плана вуза.

Эффективность планирования в данном контексте существенно повышается, когда в целом понимается процесс планирования.

Следует отметить, что детальные ситуационные планы в воспитательной деятельности имеет практически каждая образовательная организация и они запускаются, как только произойдет какое-то определенное событие и которое во многих случаях может сильно повлиять на дальнейшую деятельность и развитие обучающихся.

Таким образом, можно сделать вывод, что выбор горизонта планирования при разработке планов по воспитательной деятельности определяется как особенностями образовательной организации, ее традициями и возможностями.

Хотелось бы отметить, что воспитательная деятельность играет ключевую роль в систематизации процесса формирования личности. Ее значение проявляется в комплексном развитии индивидуума по трем взаимосвязанным направлениям:

Профессиональное развитие – формирование компетенций и ценностных установок будущего специалиста, подготовка к профессиональной деятельности.

Социальная адаптация – воспитание качеств, необходимых для успешной интеграции в общество, усвоение социальных норм и ценностей.

Личностное становление – развитие самостоятельности, критического мышления, способности к самоопределению и самореализации.

Исследования практики организации воспитательной работы в образовательных учреждениях показывают, что наиболее предпочтительным подходом является интеграция воспитания в единую систему «учеба-воспитание».

Причины такой распространенности:

– нормативная база, в которой большинство федеральных и региональных документов (включая ФГОС) рассматривают воспитание как неотъемлемую часть образовательного процесса;

– методическая поддержка, где разработаны и внедрены комплексные программы, объединяющие учебные и воспитательные задачи;

– эффективность по результатам при совмещении обучения и воспитания позволяющее достигать более устойчивых результатов: знания подкрепляются ценностными установками, а воспитательные воздействия усиливаются академическим контекстом;

– ресурсная целесообразность, где их интеграция снижает необходимость в создании отдельных структур и программ, оптимизируя использование кадровых и материально-технических ресурсов.

Такой подход обеспечивает целостность образовательного процесса и способствует формированию гармонично развитой личности.

Рассмотрев основные подходы к реализации подходов к воспитательной деятельности и оценив их достоинства в итоговой части статьи обратимся к конкурентоспособности на рынке труда по окончании вузов исходя из ниже приведенной информации.

До боли знакомая ситуация – блестящий выпускник вуза с красным дипломом не может найти работу, а его однокурсник со средними оценками уже строит карьеру в крупной компании, хотя и тот и другой были охвачены воспитательной деятельностью в образовательном учреждении с наилучшими реализуемыми программами с позиции руководства. Почему же происходит описанная ситуация?

Оказывается, дело в том, что одних профессиональных знаний и стандартной воспитательной программы сегодня недостаточно.

Работодателям нужны не просто специалисты, приходящие в коллектив, а люди с профессиональной социализацией, где они могут освоить не только технические навыки, но и правила игры согласно бизнес-процессам

компании, даже если его формальная квалификация не самая высокая. А специалист с выдающимися навыками, но без этих качеств рискует остаться невостребованным, несмотря на все свои дипломы и сертификаты.

Вопрос конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда вызывает активные дискуссии в научном и профессиональном сообществе.

Учитывая высокую экономическую значимость этой категории специалистов, становится очевидной необходимость более тщательной проработки теоретических и методологических основ ее оценки и целенаправленного развития вместе с приоритетами воспитательной деятельности вузов.

Ключевым направлением решения данной задачи должно стать включение формирования конкурентоспособности в систему воспитательной деятельности образовательных организаций.

При этом важно использовать потенциал соревновательности как естественного стимула личностного и профессионального роста.

Основными практическими механизмами реализации в данном контексте могут быть:

1. Учебно-воспитательные мероприятия с элементами состязания:

– Олимпиады и конкурсы профессионального мастерства;

– кейс-чемпионаты по решению реальных производственных задач;

– деловые и имитационные игры, моделирующие профессиональные ситуации;

– умение работать с аналитическими данными.

2. Система мотивации и поощрений:

– Рейтинги успеваемости и достижений;

– Награды за лучшие проекты и исследования;

– Публичное признание успехов.

3. Развитие навыков самопрезентации и карьерного позиционирования:

– Тренинги по составлению резюме и прохождению собеседований;

– мастер-классы от работодателей;

– стажировки и практики с элементами конкурсного отбора.

4. Формирование культуры непрерывного развития:

– Вовлечение в научные кружки и студенческие объединения;

– Поддержка участия в конференциях и семинарах;

– Наставничество и обмен опытом между студентами разных курсов.

Таким образом, реализация этих мер позволит сформировать у выпускников не только профессиональные компетенции, но и психологическую готовность к конкуренции, что повысит их адаптивность и востребованность на рынке труда, а у вузов поднимутся рейтинги среди абитуриентов, так как будет представлена их имиджевая составляющая.

Список использованной литературы

1. Гарафутдинова Н. Я. Конкурентоспособность будущего специалиста высшей квалификации как показатель качества его подготовки / Н. Я. Гарафутдинова. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 1998. – № 1. – С. 76-78.
2. Шаповалов В. И. Конкурентоспособность личности в парадигме инновационного педагогического менеджмента / В. И. Шаповалов. – Текст : электронный // КиберЛенинка : URL : https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-lichnosti-v-paradigme-innovatsionnogo-pedagogicheskogo-menedzhmenta (дата обращения : 05.03.2026).
3. Шуткина Ж. А. Организационно-педагогические условия формирования конкурентоспособности выпускников негосударственного вуза : специальность 13.00.01. «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ж. А. Шуткина ; НГЛУ имени Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2008. – 21 с. – Текст : непосредственный.

Латина С. В. канд. культурол., доцент,
Цветков О. Ю. канд. геогр. наук, доцент,
Борисова Ю. В., канд. филос. наук, доцент,
Санкт-Петербургский горный университет
императрицы Екатерины II,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: latina_sv@pers.spmi.ru
ocvetkov@lan.spbgasu.ru
borisova_yuv@pers.spmi.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ВУЗе КАК ПУТЬ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА

В статье рассматривается актуальная проблема трансформации учебной практики студентов из формально-обязательной процедуры в ключевой элемент воспитательной среды, формирующий профессиональную идентичность и ценностно-смысловые ориентации. Анализируется диссонанс между значимостью учебной практики и её субъективным восприятием обучающимися. Авторы предлагают модель комплексного инновационного подхода, интегрирующего три взаимосвязанных компонента.

Ключевые слова: воспитательная среда высшей школы, учебная практика, мотивация студентов, ценностные ориентации, рефлексия, групповая динамика, проектирование обучения.

Latina S. V., Ph. D. in Cultural Studies, Associate Professor,
Tsvetkov O. Yu., Ph. D. in Geography, Associate Professor,
Borisova Yu. V., Ph. D., Associate Professor
Saint Petersburg Mining University
Empress Catherine II,
Saint Petersburg State University of
Architecture and Civil Engineering
Russia, Saint Petersburg
E-mail: latina_sv@pers.spmi.ru
ocvetkov@lan.spbgasu.ru
borisova_yuv@pers.spmi.ru

TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL COMPONENT OF ACADEMIC INTERNSHIP IN HIGHER EDUCATION AS A WAY TO FORM THE PROFESSIONAL IDENTITY OF FUTURE ENGINEERS

The article addresses the relevant issue of transforming students' academic internship from a formally mandatory procedure into a key element of the educational environment, one that shapes professional identity and value-semantic orientations. It analyzes the dissonance between the acknowledged importance of academic internship and its subjective perception by students. The authors propose a model of a comprehensive innovative approach that integrates three interrelated components.

Keywords: educational environment of higher education, academic internship, student motivation, value orientations, reflection, group dynamics, learning design.

Современная парадигма высшего образования актуализирует задачу формирования не только компетентного, но и ответственного, этически зрелого специалиста, осознающего «социальную значимость своей деятельности» [1, С. 607]. Воспитательная среда университета перестаёт быть факультативным приложением к образовательному процессу, становясь его системообразующим контекстом. В Санкт-Петербургском горном университете императрицы Екатерины II создана модель воспитательной работы со студентами, основной целью которой является «подготовка мотивированных инженерных кадров, эффективных в командной работе». В горном университете функционирует институт кураторства и наставничества. Именно кураторы в процессе воспитательной работы подчеркивают, что благосостояние студентов напрямую «связано с благополучием страны». Оперативными целями воспитательной работы в горном университете являются мотивация студентов на учебу и активную общественную жизнь, на трудоустройство в отечественных компаниях. В данном контексте особую роль играют те этапы подготовки, которые напрямую связывают академические

знания с «будущей профессиональной деятельностью» [2, С. 17]. Ключевым из таких этапов традиционно является учебная или производственная практика. Для строительных специальностей и направлений, как правило первой практикой, с которой знакомятся студенты, является полевая геодезическая.

Однако, как показывают многочисленные исследования и педагогические наблюдения, существует устойчивый разрыв между институциональными ожиданиями и субъективным восприятием учебной практики студентами. Зачастую она десакрализуется, превращаясь для обучающегося в формальную, «галочную» процедуру, набор рутинных операций, необходимых для получения зачёта. Мотивация при этом носит преимущественно внешний, принудительно-избегающий характер: необходимо «отбыть» положенный срок и предоставить технический отчёт. Глубинные цели практики – апробация профессиональных навыков, рефлексия личностного соответствия выбранной специальности, построение образа будущей карьеры – остаются нереализованными и «могут легко “убить” мотивацию студентов» [3, С. 558].

Цель данной статьи – проанализировать выявленный диссонанс и предложить комплекс инновационных подходов к редизайну воспитательной составляющей учебной практики, способных трансформировать её из рутинной повинности в смысловой и мотивационный ресурс профессионального становления.

Феномен восприятия учебной практики как обременительной обязанности имеет многоуровневую природу. Его причинами являются факторы, приведённые на рис. 1.

Следствием является формирование у студента искаженной (деформированной) профессиональной установки, где исполнительская, пассивная роль превалирует над исследовательской, инициативной и ценностно-осмысленной. Для преодоления указанных проблем необходим инновационный подход к проектированию смысловой практики, как переход от модели «направления на практику» к модели «сопровождения профессиональной пробы». Данная модель базируется на трёх взаимосвязанных компонентах.

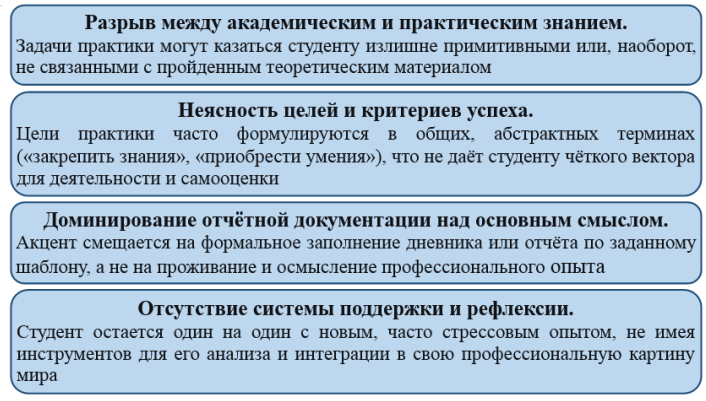

Рис. 1 – Основные факторы феномена восприятия студентами практики, как обременительной обязанности (составлено авторами)

Первым из них должно быть инновационное целеполагание от абстракции к персональному проекту, когда цели практики являются конкретными, измеримыми и личностно значимыми для студента. Это достигается через их встраивание в индивидуальную образовательную траекторию. Для этого при формулировании задания на учебную практику необходимо подобрать такие задачи исследовательского (проектного) характера, которые в дальнейшем могут найти отражение в будущем курсовом, дипломном проекте, либо стать этапом научной работы. Студент будет мотивирован на сбор эмпирических данных, анализ кейсов, проведению различных интервью на конкретном материале.

Значительные успехи в профессиональной идентичности студента достигаются его интеграцией в реальные проекты, выполняемые кафедрой. В таком случае он становится частью рабочей группы, выполняющей прикладной проект. Это создаёт ощущение реальной включённости и ответственности.

Дополнительным стимулом в росте профессионального мастерства является участие студентов в различных отраслевых конкурсах. В связи с этим практика может быть направлена на подготовку конкретного исследовательского продукта или решения для участия в таком конкурсе, например, в Startup-конкурсе, Case-championship, Hackathon, в Международном инженерном чемпионате «CASE IN» либо в другом аналогичном мероприятии. Это создаёт здоровую соревновательную мотивацию и внешний экспертный фокус.

В качестве второго компонента авторы рассматривают механизмы рефлексии как трансформацию опыта в компетенцию и смысл. Известно, что рефлексия является центральным процессом, превращающим простой опыт в осознанное знание и личностный рост. В связи с этим структура и наполнение дневника практики должна быть переосмыслена и выступать как инструмент рефлексивного сопровождения, включающий наряду с технической отчётностью обязательные аналитические разделы, такие как:

- Карта профессиональных открытий и дефицитов. Что я умел делать до практики? Какие новые профессиональные операции (знания) я освоил? С какими задачами не смог справиться и почему?
- Сложные ситуации и способы их преодоления. Описание нестандартных, конфликтных или эмоционально заряженных эпизодов. Анализ своих действий, альтернативных путей решения, роли наставника.
- Профессиональные и экзистенциальные инсайты. Чему я научился не только как специалист, но и как человек? Как изменилось моё представление о профессии?
- Проекция в будущее. Как этот конкретный опыт связан с моими карьерными планами? Какое направление деятельности меня больше привлекло (оттолкнуло)? Какие компетенции мне необходимо развить в дальнейшем?

Обсуждение этих записей с руководителем учебной практики от вуза на промежуточных и итоговых консультациях-собеседованиях является ключевым воспитательным моментом.

Третьим заключительным компонентом выступает групповая динамика, когда индивидуальный опыт трансформируется в коллективную идентичность. Практика, особенно выездная, создаёт уникальные условия для формирования микросоциальной группы. Этот потенциал должен использоваться целенаправленно, так как совместная работа над реальной задачей в жизни формирует чувство коллективной ответственности, учит распределению ролей и синергии. По этой причине необходимо проведение регулярных встреч под модерацией педагога, для обеспечения обратной связи студентов, проходящих практику на разных площадках, для обмена опытом, обсуждения проблем и поиска решений. Это способствует снижению ощущения изоляции, расширению профессионального кругозора.

Корпоративный дух и профессиональная солидарность с использованием современных цифровых технологий (закрытые форумы, чаты и т.д.) позволяют создать и провести рефлексивные групповые сессии, а также образовать отраслевые сообщества для постоянного обмена информацией, эмоциональной поддержки и взаимопомощи.

Трансформация восприятия учебной практики студентами является сложной, но необходимой задачей для современной высшей школы. Предлагаемый комплексный подход – интегрирующий персонально значимое целеполагание, глубокую структурированную рефлексию и управляемую групповую динамику – позволяет перепроектировать воспитательную компоненту этого этапа обучения.

Такой подход превращает учебную практику из формальной рутины в смыслообразующий ритуал перехода от статуса обучающегося к статусу начинающего профессионала. Он способствует формированию внутренней мотивации, основанной на азарте исследования и ответственности за результат, а также ценностных ориентаций, связанных с осознанием социальной роли своей специальности, востребованной на глобальном рынке труда [4, С. 680]. Таким образом, инновации в организации учебной практики становятся мощным инструментом формирования целостной воспитательной среды, где традиционная задача «подготовки кадров» обогащается задачей «взращивания личности профессионала» и «патриота своего дела» [5, С. 828].

Список использованной литературы

1. Litvinenko V. S. A model of mining engineering education for the 21st century / V. S. Litvinenko. DOI 10.21177/1998-4502-2025-17-2-603-615. – Text : direct // Sustainable Development of Mountain Territories. – 2025. – Vol. 17, № 2. – P. 603-615.

2. Gerasimova I. Sustainable Development of Soft Skills with the Purpose of Enhancing

the Employability of Engineering Students / I. Gerasimova, I. Oblova. – DOI 10.3390/ su17062426. – Text : direct // Sustainability. – 2025. – P. 2426.

3. Development of Engineering Students' Motivation and Independent Learning Skills European / S. A. Sveshnikova , E. R. Skornyakova, M. A. Troitskaya, I. S. Rogova. – DOI 10.13187/ejced.2022.2.555. – Text : direct // Journal of Contemporary Education. – 2022. – № 11. – P. 555-569.

4. Дорофеев Д. Ю. Горный музей как пространство науки и образования Горного университета / Д. Ю. Дорофеев, Н. В. Боровкова, М. А. Васильева. – Текст : непосредственный // Записки Горного института. – 2023. – Т. 263. –С. 674-686.

5. Рудник С. Н. 250 лет на службе Отечеству : Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II в цифрах и фактах / С. Н. Рудник, В. Г. Афанасьев, Е. А. Самыловская. – Текст : непосредственный // Записки Горного института. – 2023. – Т. 2. – С. 810-830.

Семак А. С., старший преподаватель
кафедры возрастной и педагогической психологии,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»,
Республика Беларусь, Гродно
E-mail: a.semak@grsu.by

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КУРАТОРА С ИНОСТРАННЫМИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ

В статье рассматриваются психологические детерминанты, определяющие эффективность воспитательной работы куратора с иностранными обучающимися. На основе анализа современных психолого-педагогических исследований выделены личностные, коммуникативные, этнопсихологические и иные факторы, влияющие на успешность взаимодействия в диаде «куратор – иностранный студент». Предложены практические рекомендации по оптимизации психологического сопровождения данного процесса на институциональном, групповом и индивидуальном уровнях.

Ключевые слова: куратор, иностранные обучающиеся, психологические детерминанты, межкультурная коммуникация.

Semak A. S., Senior Lecturer
Department of Developmental and Educational Psychology,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Republic of Belarus, Grodno
E-mail: a.semak@grsu.by

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE EFFECTIVENESS OF A CURATOR'S EDUCATIONAL WORK WITH FOREIGN STUDENTS

This article examines the psychological determinants that determine the effectiveness of a mentor's educational work with international students. Based on an analysis of modern psychological and pedagogical research, it identifies personal, communicative, ethnopsychological, and other factors that influence the success of mentor-international student interactions. Practical recommendations are offered for optimizing psychological support for this process at the institutional, group, and individual levels.

Key words: curator, foreign students, psychological determinants, intercultural communication.

Актуальность исследования психологических детерминант эффективности воспитательной работы куратора с иностранными обучающимися в белорусских учреждениях высшего образования (УВО) обусловлена динамичным развитием экспорта образовательных услуг. Рост численности и расширение географии иностранных студентов, с одной стороны, способствуют интернационализации образования, но с другой – порождают вызовы, связанные с их социокультурной и психологической адаптацией. В этой ситуации именно куратор академической группы становится ключевой фигурой, призванной обеспечить не только академическую успешность, но и психологическое благополучие иностранных учащихся. Однако эффективность взаимодействия зачастую снижается из-за психологических барьеров (культурный шок, языковая тревожность, этнические стереотипы) и недостаточной разработанности научно-методического обеспечения деятельности кураторов в поликультурной среде. Цель статьи – на основе анализа современных исследований выявить данные детерминанты и предложить пути оптимизации воспитательной работы.

Современные исследования фиксируют трансформацию института кураторства: от контролирующей инстанции к модели куратора-наставника. С.В. Пазухина и Е.В. Декина подчеркивают, что новая роль преподавателя предполагает индивидуализированное сопровождение становления студента, развитие его субъектного потенциала [1, С. 160]. При работе с иностранным контингентом психологическая составляющая выходит на первый план, поскольку студент испытывает множественный адаптационный стресс [2, С. 304]. Анализ литературы позволяет выделить несколько групп психологических детерминант, определяющих эффективность этого взаимодействия.

Личностные детерминанты. К данной группе относятся профессионально значимые качества куратора. В исследовании В.А. Ботина с соавторами выделяются эмпатия, толерантность к неопределенности, эмоциональная стабильность и гибкость поведения. Куратор для иностранного студента

выступает не только как педагог, но и как «значимый другой» – межкультурный посредник и психологическая опора [2, С. 308]. Е.А. Волкова и А.В. Ангел отмечают, что работа с иностранными обучающимися сопряжена с повышенной психологической нагрузкой, что актуализирует проблему сохранения ресурса самого куратора [3, С. 56]. С.П. Будникова и С.А. Филиппова обосновывают необходимость развития у кураторов навыков саморегуляции и стресс-менеджмента как условий профессиональной устойчивости [4, С. 34]. В белорусском методическом издании «Настольная книга куратора» акцент делается на психогигиене, способности к рефлексии и сохранению эмоционального равновесия [5, С. 42].

Коммуникативные детерминанты. Коммуникативная компетентность рассматривается как одна из ведущих детерминант. С.В. Пазухина и Е.В. Декина к психологическим индикаторам удовлетворенности студентов относят доступность, открытость, умение слушать [1, С. 162]. При работе с иностранцами особую значимость приобретает преодоление языкового барьера и барьера культурных норм (различия в понимании дистанции власти, гендерных ролей, невербальной коммуникации). О.А. Бобер и Е.А. Лазарчук акцентируют принцип «воспитания в сотворчестве», где диалог выступает детерминантой формирования доверительных отношений [6, С. 105].

Этнопсихологические детерминанты. Эффективность работы куратора напрямую зависит от его способности учитывать этнопсихологические особенности студентов. Для студентов из Китая и Юго-Восточной Азии характерны высокая дистанция власти, коллективистские ценности, недопустимость публичной критики («сохранение лица»), высокая тревожность при публичных выступлениях [2, С. 309]. Студенты из стран Ближнего Востока и Африки могут демонстрировать иные паттерны: экспрессивность, иное отношение ко времени, специфические гендерные ожидания. Понимание этих особенностей, как подчеркивают И.Н. Ковальчук и Л.А. Иваненко, является условием успешного профессионального воспитания [7, С. 276].

Адаптационно-динамические детерминанты. Задачи куратора изменяются в зависимости от этапа пребывания студента в новой среде. Ю.С. Романова и Е.В. Пастухова выделяют: начальный этап – доминирование потребности в информационной и бытовой поддержке; этап кризиса (культурный шок) – потребность в эмоциональной поддержке; этап стабилизации – сопровождение академической успешности и профессиональной идентификации [8, С. 215].

Средовые и мотивационные детерминанты. Эффективность работы куратора опосредована воспитательной средой вуза. Важную роль играет взаимодействие куратора с психологической службой и студенческим самоуправлением. Кроме того, психологическая диагностика мотивационной сферы и индивидуальная поддержка позволяют куратору выступать фасилитатором личностного роста студента.

Таким образом, анализ исследований позволяет выделить шесть основных групп психологических детерминант: личностные, коммуникативные, этнопсихологические, адаптационно-динамические, средовые и мотивационные. Выявленные детерминанты определяют направления практической деятельности по повышению эффективности кураторской работы на трех уровнях: институциональном, групповом и индивидуальном.

1. Развитие личностных детерминант: психологическая подготовка и поддержка кураторов. Первоочередной мерой является создание на базе социально-педагогической и психологической службы вуза постоянно действующего семинара-тренинга для кураторов. Тематика занятий должна включать тренинг эмоциональной саморегуляции и профилактики выгорания (тайм-менеджмент, дыхательные практики), а также тренинг ассертивности [3, С. 57]. Важно введение в практику регулярных супервизий с психологом для обсуждения сложных кейсов, что позволит снизить риск «редукции личных достижений» [4, С. 35].

2. Совершенствование коммуникативных детерминант: преодоление барьеров и развитие диалога. Для преодоления коммуникативных барьеров целесообразна разработка и распространение среди кураторов памятки-гайда «101 фраза для поддержки иностранного студента» с переводом на основные языки. Эффективной формой является организация курсов «Основы межкультурной коммуникации» с практикумом по невербальному поведению, а также внедрение регулярных неформальных встреч куратора со студентами (например, «Открытый микрофон»), что создает ситуацию психологической безопасности [6, С. 105].

3. Учет этнопсихологических детерминант: знание национальных особенностей. Практическим решением может стать разработка пособия «Этнопсихологический портрет студента», в котором будут отражены отношение к авторитету, времени, гендерные нормы и запретные темы [7, С. 276]. Рекомендуется введение «ритуалов признания» – публичное поздравление с национальными праздниками, а также проведение «Недели адаптации» для первокурсников с экскурсиями и объяснением правил поведения.

4. Реализация адаптационно-динамических детерминант: этапность и дифференциация. Предлагается внедрение дифференцированных планов воспитательной работы: на 1-м курсе – акцент на информационную и бытовую адаптацию; на 2-м – вовлечение в общеуниверситетские мероприятия; на 3-4-м – помощь в профессиональной социализации [8, С. 218]. Целесообразно создание «Адаптационного маршрута иностранного студента» – чек-листа для куратора с указанием критических точек, требующих усиленного сопровождения. Эффективной практикой является организация системы «бадди» (студент-волонтер из числа старшекурсников).

5. Оптимизация средовых детерминант: создание инклюзивной и толерантной среды. Важной мерой является организация совместных социальных и волонтерских проектов со смешанными командами, что способствует

естественному снятию барьеров. Усиление роли студенческого самоуправления в общежитиях через включение иностранных студентов в актив (старосты этажей), что дает им чувство контроля над средой обитания.

6. Активизация мотивационных детерминант: поддержка учебной и социальной активности. В качестве практического инструмента предлагается использование техники «Маленькие победы» – публичное признание даже незначительных успехов студента. Важным элементом является разработка системы поощрений (грамоты, благодарности) для иностранных студентов, активно участвующих в жизни факультета.

Таким образом, предложенные практические рекомендации, структурированные по уровням реализации, позволяют комплексно подойти к решению проблемы повышения эффективности кураторской деятельности в поликультурной среде. Их реализация будет способствовать снижению риска профессионального выгорания кураторов, ускорению адаптации иностранных студентов, повышению их академической успешности и созданию в университете инклюзивной среды.

Список использованной литературы

1. Пазухина С. В. Психологические индикаторы удовлетворенности студентов взаимодействием с кураторами нового типа – наставниками / С. В. Пазухина, Е. В. Декина. – Текст : непосредственный // Научно-педагогическое обозрение. – 2023. – № 1. – С. 158-169.

2. Воспитательная деятельность куратора иностранных студентов / В. А. Ботин, Е. И. Гончарова, А. П. Иванова [и др.]. – Текст : непосредственный // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 2 (71). – С. 303-314.

3. Волкова Е. А. Кураторство иностранных обучающихся в российских вузах: проблемы и пути их решения / Е. А. Волкова, А. В. Ангел. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2023. – Т. 12. – № 4 (45). – С. 55-59.

4. Будникова С. П. Оценка психологического состояния кураторов учебных групп / С. П. Будникова, С. А. Филиппова. – Текст : непосредственный // Психическое здоровье. – 2025. – № 6. – С. 32-36.

5. Настольная книга куратора / И. Н. Головач, В. А. Дворецкая, Л. С. Кожуховская, Р. П. Попок. – Изд. 2-е перераб. и доп. – Минск : РИВШ, 2024. – 76 с. – Текст : непосредственный.

6. Бобер О. А. Куратор и студенты : воспитание в сотворчестве / О. А. Бобер, Е. А. Лазарчук. – Текст : непосредственный // Высшая школа : проблемы и перспективы : материалы XIV Междунар. науч.-метод. конф., 29 нояб. 2019 г. – Минск, 2019. – С. 104-106.

7. Ковальчук И. Н. О профессиональном воспитании будущих педагогов в УВО / И. Н. Ковальчук, Л. А. Иваненко. – Текст : непосредственный // Детский сад – начальная школа : опыт, преемственность, перспективы : труды Московского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина. – Мозырь, 2024. – С. 275-277.

8. Романова Ю. С. Организационно-педагогическая деятельность куратора академической группы : анализ соответствия студенческим запросам / Ю. С. Романова, Е. В. Пастухова. – Текст : непосредственный // Концепт. – 2025. – № 9. – С. 207-225.

Жерлыкина М. Н., канд. техн. наук, доцент,
Лобанов Д. В., старший преподаватель,
Воронежский государственный технический университет,
Россия, г. Воронеж
E-mail: LDV-36@mail.ru
mzherlykina@cchgeu.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Воспитание студентов высших учебных заведений представляет собой сложный педагогический процесс, направленный на формирование всесторонне развитых личностей, готовых активно включаться в социальную жизнь и профессиональное сообщество. Современные реалии требуют от системы высшего образования интеграции инновационных методик и технологий наряду с сохранением традиционных ценностей, этики и культуры взаимоотношений внутри образовательного пространства.

Ключевые слова: высшая школа, воспитательный процесс, студенты, преподаватель.

Zherlykina M. N., Ph. D. tech. Sciences,
Associate Professor,
Lobanov D. V., Senior Lecturer,
Voronezh State Technical University,
Russia, Voronezh
E-mail: LDV-36@mail.ru
mzherlykina@cchgeu.ru

TRADITIONAL APPROACHES AND MODERN TRENDS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF A HIGHER SCHOOL

The education of university students is a complex pedagogical process aimed at forming well-rounded individuals who are ready to actively participate in social life and the professional community. Modern realities require the higher education system to integrate innovative methods and technologies while preserving traditional values, ethics, and the culture of relationships within the educational environment.

Keywords: higher education, educational process, students, and teachers.

Высшие учебные заведения играют важную роль в подготовке квалифицированных кадров, обладающих не только глубокими профессиональ-

ными знаниями, но и сформированными личностными качествами, необходимыми для успешной профессиональной деятельности и социального взаимодействия.

Процесс формирования личности студента в высшем учебном заведении охватывает широкий спектр аспектов, включая интеллектуальное, нравственное, эстетическое и физическое развитие. Успешность реализации образовательных целей определяется эффективностью взаимодействия преподавателей и студентов, наличием благоприятной воспитательной среды, качеством коммуникативных процессов и адекватностью применяемых педагогических методов современным требованиям.

Воспитательная работа университетов направлена на всестороннее развитие студентов, формирование культуры общения, уважения друг к другу, понимания и поддержки коллективных ценностей, что является неотъемлемой частью образовательного процесса. Обучение и воспитание становятся единым целым, способствующим личностному росту будущих профессионалов. Необходимость формирования целостной воспитательной среды современного высшего учебного заведения обусловлена потребностью подготовки конкурентоспособных выпускников, обладающих глубокими профессиональными компетенциями, высоким уровнем социальной ответственности и активной гражданской позицией. Воспитание студентов требует комплексного подхода, учитывающего особенности развития личности молодого человека в условиях быстро меняющегося мира технологий и социальных коммуникаций.

Высшие учебные заведения традиционно уделяют внимание таким ценностям, как академическая добросовестность, коллективизм, взаимоуважение и ответственность перед обществом. Культурное наследие университетов, обычаи, исторически сложившиеся нормы поведения играют значительную роль в формировании мировоззрения молодых людей. Важнейшими инструментами традиционного подхода являются институт куратора группы, система наставничества, мероприятия культурологического характера, спортивные соревнования и т.д.

Однако, современные условия диктуют необходимость внедрения новых форматов образовательной и воспитательной деятельности, отвечающих духу времени. Среди актуальных тенденций выделяются активное использование цифровых платформ, интерактивных методик, проектной деятельности, волонтерства и социальных инициатив. Вузы внедряют методики коучинга, геймификации, инклюзивного образования, развивая критическое мышление, креативность и адаптивность студентов.

Несмотря на значительные достижения в области организации учебного процесса, остаются нерешенными ряд важных вопросов: обеспечение эффективной обратной связи между студентами и преподавателями, сохранение высокого уровня мотивации обучающихся, создание условий для творческого самовыражения студентов вне рамок учебных программ. При

этом требуется уделять больше внимания развитию социальной активности, формированию лидерских качеств, повышению психологической устойчивости молодого поколения. Следует отметить, что существенной проблемой также является недостаточная подготовка педагогических кадров к работе в условиях цифровой трансформации образования, необходимость систематической переподготовки педагогов и методистов, отсутствие единых стандартов оценки эффективности воспитательной деятельности [1].

При этом, эффективная организация воспитательного процесса предполагает комплексный подход, включающий несколько ключевых направлений:

1. Роль преподавателей в воспитательном процессе. Преподаватель выступает важнейшим элементом воспитательной среды, формирующим ценностные ориентиры студентов. Его профессиональные компетенции, этичность поведения, культура общения оказывают значительное влияние на становление нравственных ориентиров будущих специалистов.

2. Традиционные формы воспитательной работы. Они включают проведение культурно-массовых, спортивных, научных, общественных и иных мероприятий [2].

3. Инновационные методики воспитания. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет внедрять новые инструменты образовательного воздействия: онлайн-консультации, дистанционное обучение, интерактивные семинары и тренинги [3].

4. Создание условий для социальной активности студентов. Участие студентов в общественной работе, волонтерских движениях, научных конференциях формирует активную жизненную позицию, развивает коммуникативные способности и лидерские качества.

Для достижения выше поставленных целей предлагаются следующие меры:

- ✓ разработка индивидуальных планов сопровождения каждого студента, учитывающих особенности его личностного роста и профессионального самоопределения;
- ✓ организация регулярных встреч с приглашением успешных представителей профессий, выступающих примером для подражания;
- ✓ активизация научно-исследовательской деятельности студентов путем проведения тематических кружков и конкурсов;
- ✓ проведение тренингов, семинаров и мастер-классов, направленных на развитие навыков командообразования, коммуникации и принятия решений;
- ✓ совершенствование методической базы, внедрение цифровых платформ и инструментов мониторинга воспитательной деятельности.

На взгляд авторов, целесообразным является проведение комплексных исследований, направленных на выявление наиболее эффективных механизмов взаимодействия участников педагогического процесса. Анализ

успешности внедренных новшеств позволит выявить направления дальнейшего совершенствования воспитательных практик. Инновационный подход предполагает создание сетевых сообществ, сотрудничество вузов с работодателями, социальными организациями и международными партнерами. При этом дальнейшие научные изыскания в области воспитания студентов предполагают изучение влияния цифровых технологий на социализацию молодёжи, выявление эффективных форматов дистанционного сопровождения студентов, исследование возможностей виртуальных сообществ для повышения уровня межкультурной коммуникации. Также необходимо разработать критерии оценки итогов воспитательной деятельности вузов, позволяющие адекватно оценивать вклад учреждения в личное становление студентов.

В результате предложена структурная схема мероприятий для организации эффективного воспитательного процесса студентов, представленная на рис. 1.

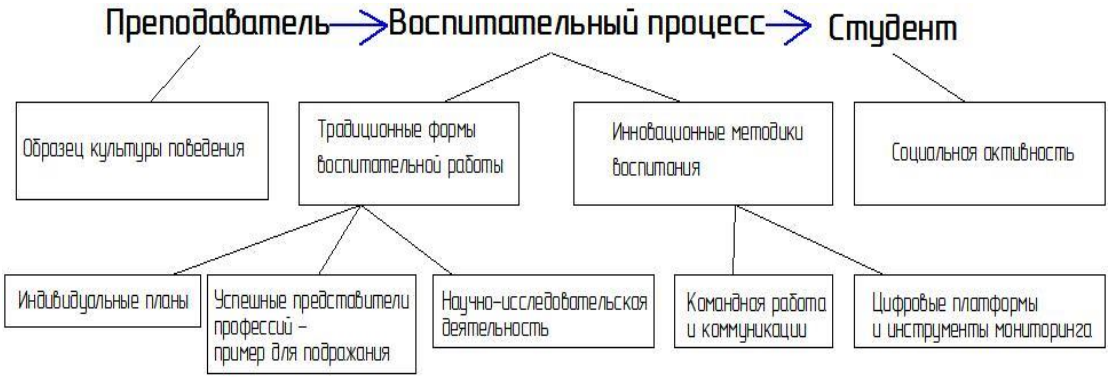

Рис. 1 – Мероприятия по организации воспитательного процесса студентов высших учебных заведений

Таким образом, эффективность воспитания студентов зависит от сбалансированного сочетания традиций и инноваций, умения использовать потенциал современных технологий и научных разработок. Формирование активной гражданской позиции, способности к самостоятельному принятию решений, готовности к профессиональной карьере становятся важнейшими задачами современной высшей школы и преподавателей. Дальнейшие исследования в этой области позволят выработать эффективные модели подготовки специалистов, соответствующих потребностям современного общества и экономики.

Список использованной литературы

1. Лобанов Д. В. Интеграция образования, науки и производства : ключевые аспекты подготовки обучающихся в условиях инновационного развития / Д. В. Лобанов, М. Н. Жерлыкина. – Текст : непосредственный // Перспективы развития высшей школы : VI международ. науч.-практ. конф., 24 мая 2025 г. – Тюмень, 2025. – С. 518-521.

2. Гришенко В. Д. Гибридные формы воспитательной работы в современных образовательных условиях / В. Д. Гришенко. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование и наука. – 2024. – № 3. – С. 39-44.
3. Темрокова, А. Х. Иновационные образовательные технологии в условиях цифровизации / А. Х. Темрокова, А. Т. Чегирова. – Текст : непосредственный // Научные известия. – 2019. – № 14. – С. 68-72.

Клочко К. А., канд. филол. наук,
доцент кафедры английского языка,
филологии и перевода,
Нуриева А. А., обучающийся,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь
E-mail: konstklochko@yandex.ru
amanovaarinaaa@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

В статье рассматриваются теоретические аспекты социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах, анализируются факторы, влияющие на успешность интеграции обучающихся в инокультурную среду. Роль воспитательной среды высшей школы и системного педагогического сопровождения отмечается как инновационный инструмент, способствующий преодолению культурного шока и выбору стратегии интеграции.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, иностранные студенты, педагогическое сопровождение, культурный шок, межкультурная коммуникация, интеграция.

Klochko K. A., Ph. D., Associate Professor,
Nurieva A. A., student,
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Russia, Perm
E-mail: konstklochko@yandex.ru
amanovaarinaaa@mail.ru

PEDAGOGICAL SUPPORT AS AN OPTIMIZING FACTOR IN THE SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS WITHIN THE UNIVERSITY EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article considers theoretical aspects of the socio-cultural adaptation of international students in Russian universities, analyzing factors that affect the success of their integration into a foreign cultural environment. The role of the university educational environment and systematic pedagogical support is highlighted as an innovative mechanism facilitating the overcoming of culture shock and the selection of an integration strategy.

Keywords: socio-cultural adaptation, international students, pedagogical support, culture shock, intercultural communication, integration.

Интернационализация высшего образования и рост академической мобильности актуализируют проблему социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах. Эффективность адаптации выступает детерминантой не только академической успешности и психологического благополучия иностранных обучающихся, но и фактором конкурентоспособности российского образования на международном рынке [1, С. 189]. В этой связи особую значимость приобретает исследование потенциала воспитательной среды высшей школы и возможностей педагогического сопровождения как ресурса оптимизации данного процесса.

Фундаментальный вклад в понимание механизмов адаптации внес канадский психолог Дж. Берри, разработавший модель аккультурационных стратегий. Согласно его подходу, стратегия взаимодействия с новой культурой детерминируется ответами на два вопроса: о ценности сохранения собственного культурного наследия и о важности установления отношений с принимающим обществом. Комбинация ответов позволяет выделить четыре стратегии: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию [2, С. 12-15].

Процесс вхождения в иную культуру зачастую сопровождается феноменом «культурного шока», введенным К. Обергом. Данный термин обозначает состояние тревоги и дезориентации, вызванное утратой привычных символов и знаков социальной коммуникации [3, С. 269]. U-образная модель Оберга описывает смену этапов: «медового месяца» (эйфория), «кризиса» (фрустрация), «восстановления» (овладение навыками) и «адаптации» (принятие среды). Глубинные причины культурного шока включают стрессовую реакцию организма, когнитивную усталость от необходимости интерпретации незнакомых сигналов, ролевой и личностный шок [4, С. 113].

Успешность адаптационного процесса детерминируется комплексом факторов, которые Т. Г. Стефаненко предлагает разделять на индивидуаль-

ные и групповые [5, С. 331-335]. К индивидуальным факторам относятся социально-демографические характеристики (возраст, образование), личностные особенности (локус контроля, гибкость, толерантность к неопределенности), мотивация и предшествующий опыт. Групповые факторы включают степень сходства культур (культурная дистанция), особенности страны пребывания и характер межгрупповых отношений.

Существенное влияние на адаптацию оказывают межкультурные барьеры. А. П. Садохин классифицирует их на языковые (фонетические, семантические, стилистические), этнокультурные (обусловленные различиями в ценностях и стереотипах), коммуникативные и психологические (тревога, неуверенность, стресс) [4, С. 30-31]. На начальном этапе доминирует языковой барьер, а также стремление студентов замкнуться в рамках собственной этнической группы, что, по мнению Г. П. Ивановой, замедляет процесс интеграции. Важным фактором выступает и социальная дистанция – субъективное восприятие различий между культурами, которое может трансформироваться под влиянием реальных межгрупповых отношений [5, С. 87].

В данной ситуации именно воспитательная среда вуза может выполнять функцию активного медиатора. Традиционные подходы (к примеру, ознакомительные лекции) часто оказываются недостаточными. Инновационным решением становится внедрение системы целенаправленного педагогического сопровождения, которое рассматривается как непрерывный процесс, включающий следующие компоненты:

1. **Диагностический компонент** предполагает мониторинг уровня адаптированности, выявление «групп риска» и индивидуальных трудностей студентов на начальном этапе обучения.

2. **Организационно-педагогический компонент** включает разработку и реализацию адаптационных программ, включающих предотъездную подготовку (информационные материалы на сайте вуза), ознакомительные модули в первую неделю обучения, а также систему тьюторства, при которой за иностранными студентами закрепляются старшекурсники, способные оказать поддержку в решении повседневных и академических задач [1, С. 6-12].

3. **Социально-культурный компонент** реализуется через организацию совместных мероприятий, межкультурных тренингов, клубов межнационального общения, что способствует расширению социальных контактов и формированию позитивных межгрупповых отношений.

4. **Психолого-педагогический компонент** направлен на развитие у студентов копинг-стратегий – осознанных способов преодоления стрессовых ситуаций, включающих как активные действия по разрешению проблем, так и эмоциональную саморегуляцию, организацию межкультурных тренингов и совместных мероприятий.

Эффективность сопровождения базируется на создании поликультурной среды, предполагающей не только языковую поддержку, но и развитие межкультурной компетентности у преподавателей и российских студентов. Анализ уже существующих адаптивных методик педагогического сопровождения, о которых сказано выше, позволяет предложить несколько действенных практик для дополнительного развития данного направления: формирование определенной среды проживания – поселение студентов в общежитиях по интернациональному принципу для стимуляции языковой практики; разработка информационного раздела на сайтах вузов с четкой структурой: «Как оформить документы», «Медицинская помощь», «Общественный транспорт», «Экстренные контакты», видеогиды по кампусу и городу на нескольких языках; проведение разговорных клубов с целью создания площадок для неформального общения, где иностранные студенты могут практиковать разговорный русский язык, а российские – иностранный; организация расширенной (не на одну неделю, а, например, на месяц) программы погружения, включающей не только лекции о правилах вуза, но и экскурсии по городу, походы в музеи и театры, знакомство с инфраструктурой, неформальные встречи с преподавателями и студентами.

Таким образом, воспитательная среда, обогащенная инновационными формами педагогического сопровождения, превращается в мощный ресурс, обеспечивающий мягкое вхождение студента в новую реальность. Системная работа, направленная на интеграцию, позволяет не только сохранить контингент обучающихся, но и обогатить культурное пространство вуза, подготовив всех участников образовательного процесса к успешной деятельности в глобальном мире.

Список использованной литературы

1. Ерофеева Е. В. Стратегия привлечения иностранцев в российские вузы с учетом их межкультурной адаптации / Е. В. Ерофеева, О. Л. Соколова, Л. В. Скопова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 7. – С. 6-12.

2. Berry J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation / J. W. Berry. – Text : direct // Applied Psychology : An International Review. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5-34.

3. Oberg K. Culture Shock / K. Oberg. – Text : direct // Readings in Intercultural Communication. – 1954. – P. 267-274.

4. Садохин А. П. Межкультурные барьеры и принципы их преодоления в процессе коммуникации / А. П. Садохин. – Текст : непосредственный // Обсерватория культуры. – 2008. – № 2. – С. 26-32.

5. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 368 с. – Текст : непосредственный.

Красовская Н. Н., канд. социол. наук, доцент,
Ковалёва В. В., обучающийся,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: krasovskayann@gmail.com
vita.kovaleva2804@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ И КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ У СТУДЕНТОВ

Психологическая травма является значимым фактором, оказывающим влияние на эмоциональную и когнитивную сферы личности. Психотравмирующий опыт может приводить к нарушению внутреннего равновесия и формированию устойчивых дезадаптивных когнитивных схем, искажающих восприятие реальности, самооценку и систему базовых убеждений. Одним из ключевых проявлений данных схем выступают когнитивные искажения, которые выражаются в систематических ошибках мышления и способствуют закреплению негативных интерпретаций событий. Особую актуальность данная проблема приобретает в молодежной среде, поскольку данный возрастной период является критическим для личностного и профессионального становления. Изучение взаимосвязи психологической травмы и когнитивных искажений позволяет глубже понять механизмы формирования эмоциональных нарушений и снижения психологического благополучия, а также определить направления психопрофилактической и психотерапевтической работы со студенческой молодежью.

Ключевые слова: психологическая травма, когнитивные искажения, студенческая молодежь, когнитивные схемы, психологическое благополучие.

Krasovskaya N. N., Ph. D., Associate Professor,
Kovaleva V. V., student,
Belarusian State University,
Belarus, Minsk
E-mail: krasovskayann@gmail.com
vita.kovaleva2804@gmail.com

THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL TRAUMATIC EXPERIENCES AND COGNITIVE DISTORTIONS IN STUDENT YOUTH

Traumatic psychological experience is considered a significant factor influencing the emotional and cognitive spheres of personality. Previous traumatic experiences may lead to disruptions of internal balance and the formation of stable maladaptive cognitive schemas that distort the perception of reality, self-esteem,

and core belief systems. One of the key manifestations of these schemas is cognitive distortions, expressed as systematic errors in thinking that contribute to the consolidation of negative interpretations of events. This issue is particularly relevant in the youth population, as this developmental period is critical for personal and professional formation. Examining the relationship between traumatic psychological experience and cognitive distortions provides a deeper understanding of the mechanisms underlying emotional disturbances and decreased psychological well-being, as well as directions for psychoprophylactic and psychotherapeutic interventions for student youth

Keywords: traumatic experience, cognitive distortions, student youth, cognitive schemas, psychological well-being.

Проблема влияния психологической травмы на человека занимает значимое место в современной психологии, поскольку затрагивает фундаментальные аспекты человеческого существования – безопасность, целостность и устойчивость личности. Психологическая травма рассматривается как глубокое нарушение внутреннего равновесия человека, возникающее под воздействием стрессовых или угрожающих событий, выходящих за пределы адаптационных возможностей индивида. Такие события оставляют след не только в эмоциональной, но и в когнитивной сфере, изменяя восприятие реальности, самооценку и систему базовых убеждений личности.

Современные исследования показывают, что последствия психологической травмы проявляются не только на уровне переживаний, но и на уровне мышления. Травматический опыт может приводить к формированию устойчивых дезадаптивных когнитивных схем – своеобразных «фильтров» восприятия, через которые человек интерпретирует происходящее. Эти схемы нередко сопровождаются когнитивными искажениями – систематическими ошибками мышления, которые приводят к искажённой оценке событий, преувеличению угрозы, самообвинению, катастрофизации и другим деструктивным интерпретациям [1, С. 256].

Организованное нами исследование было проведено на базе Белорусского государственного университета. В нем приняли участие 44 студента (19 – 23 лет).

В качестве основных диагностических материалов использовались: методика диагностики детских травматических переживаний Д. Бернштейна в адаптации А. Демкиной; методика определения когнитивных ошибок А. Фримена в адаптации А.Е. Боброва и Е.В. Файзрахмановой.

На первом этапе эмпирического исследования необходимо выявить уровень психологической травмы у молодёжи. На рисунке 1, представленном в виде диаграммы, отображена распространенность различных форм травматического опыта среди студентов по шкалам методики «*Диагностики детских травматических переживаний*» Д. Бернштейна в адаптации А. Демкиной.

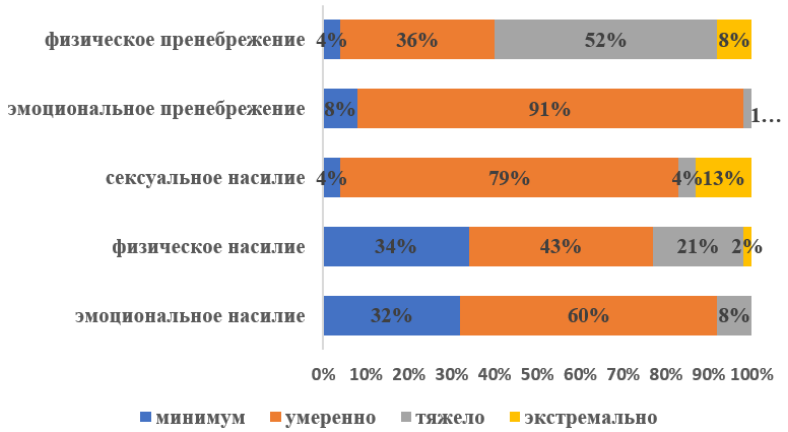

Рис. 1 – Уровневая выраженность травматического опыта у молодежи

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о значительной распространенности детской травмы среди студентов, особенно в форме сексуального насилия – 35 респондентов (79%) признают наличие сексуального насилия в умеренной степени, эмоционального – 40 респондентов (91%) указывают на умеренный уровень эмоционального пренебрежения и физического пренебрежения – 16 человек (36%) сталкивались с физическим пренебрежением в умеренной степени. Эти результаты подчеркивают необходимость проведения мероприятий по информированию студентов о проблеме детской травмы, ее последствиях и доступных ресурсах помощи.

Далее проводилось изучение выраженности когнитивных искажений респондентов. Эмпирические данные, полученные в ходе диагностики респондентов с помощью «*Опросника когнитивных ошибок*» представлены в виде диаграммы (рисунок 2).

Рис. 2 – Выраженность когнитивных искажений у молодежи

Как мы видим, результаты показывают, что у студентов выявлен комплекс когнитивных искажений, способных негативно влиять на их адаптацию, самооценку, межличностные отношения и успешность обучения. Наиболее выражены искажения, связанные с завышенными требованиями к себе и окружающим: максимализм – 13,4 балла, гипернормативность – 12,9 балла. Также отмечается высокая чувствительность к критике и негативному отношению со стороны других, проявляющаяся в персонализации – 15,3 балла. Кроме того, студенты склонны к преувеличению угроз и опасностей: катастрофизация – 13,2 балла, преувеличение опасности – 12,3 балла. Эти когнитивные особенности могут приводить к повышенной тревожности, неуверенности в себе, трудностям в построении гармоничных отношений с окружающими и снижению мотивации к достижению цели

На завершающем этапе исследования нами были проверены все шкалы методик на нормальность распределения и проанализированы полученные результаты. Для установления взаимосвязи между уровнем выраженности психологической травмы и когнитивных искажений у молодёжи был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты корреляционного анализа позволили сделать вывод о наличии статистически значимой положительной корреляция между физическим пренебрежением и персонализацией ($r = 0,649$, $p < 0,001$), между сексуальным насилием и упрямством ($r = 0,299$, $p < 0,049$), между эмоциональным насилием и выученной беспомощностью ($r = 0,549$, $p < 0,001$), между физическим насилием и преувеличением опасности ($r = 0,496$, $p < 0,001$), а также между эмоциональным пренебрежением и выученной беспомощностью ($r = 0,332$, $p < 0,028$). Также была выявлена статистически значимая отрицательная корреляция между сексуальным насилием и максимализмом ($r = -0,370$, $p < 0,014$).

Таким образом, физическое пренебрежение связано с персонализацией, сексуальное насилие – с упрямством и снижением максимализма, эмоциональное насилие и пренебрежение - с выученной беспомощностью, а физическое насилие – с преувеличением опасности. Эти данные позволяют сделать предположение о том, что травматический опыт в детстве может влиять на формирование когнитивных искажений, которые, в свою очередь, могут способствовать развитию психологических проблем и трудностей в адаптации у студенческой молодёжи.

Список использованной литературы

1. Волков Б. С. Психология юности и молодости / Б. С. Волков. – Москва : Академический проект ; Трикста, 2006. – 256 с. – Текст : непосредственный.

2. Бобров А. Е. Опросник когнитивных ошибок / А. Е. Бобров, Е. Ф. Файзрахманова. – Текст : непосредственный // Доктор.Ру. – 2017. – № 8. – С. 59-65.

Сусед-Виличинская Ю. С., канд. пед. наук, доцент,
Витебский государственный университе
имени П. М. Машерова,
Республика Беларусь, г. Витебск
E-mail: Sused-V62@mail.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧЕБНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрено творческое взаимодействие фольклорного вокального коллектива «Вясёлка» («Радуга») и самодеятельного кукольного театра «Наша Батлейка» в рамках изучения учебной дисциплины «Теория и методика музыкального воспитания детей дошкольного возраста». Участие в Республиканском фестивале художественного творчества учащейся и студенческой молодежи «АРТ-вакацыі» («АРТ-вакации») является результатом учебной и воспитательной работы.

Ключевые слова: фольклорный вокальный коллектив «Вясёлка» ('Радуга'), самодеятельный кукольный театр «Наша батлейка», фестиваль художественного творчества, педагогический факультет, специальность «Дошкольное образование»

Sused-Vilichinskaya Yu. S., Ph. D., Associate Professor,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Belarus, Vitebsk
E-mail: Sused-V62@mail.ru

UPBRINGING CONTEXT OF INTERACTION OF EDUCATIONAL AND CREATIVE ACTIVITIES

The article discusses the creative interaction of the folklore vocal group "Vyaselka" ('Rainbow') and the amateur puppet theater "Nasha Batleika" as part of the study of the discipline "Theory and methodology of musical education of preschool children". Participation in the Republican festival of artistic creativity of students and student youth "ART Vacations i" is the result of educational and upbringing work.

Keywords: folklore vocal group "Vyaselka" ('Rainbow'), amateur puppet theater "Our Batleika," festival of artistic creativity, pedagogical faculty, specialty "Preschool education".

Новый формат креативного общения молодежи Республики Беларусь в 2003 г. был представлен творческим проектом «АРТ-вакацыі» («АРТ-вакации»). Его популярность быстро росла, поэтому постановлением Совета

Министров Республики Беларусь новый статус был определен как республиканский фестиваль художественного творчества учащейся и студенческой молодежи (2011 г.). Как отметил заведующий отделом социокультурных проектов и молодежных инициатив Национального центра художественного творчества детей и молодежи Е. С. Лавринович, именно студенческая молодежь Беларуси и создает историю «АРТ-вакацыі» [1.1].

Остановимся на смысловом значении названия фестиваля. Вакация трактуется как отдых или перемена деятельности, как период временного освобождения от повседневных обязанностей (труда или учебы) [1.2]. АРТ (от английского слова *art*) обозначает искусство во всех его проявлениях. В нашем понимании название этого фестиваля, без сомнения, можно позиционировать как искусство смены деятельности: с учебной и научной на творческую и созидательную.

Воспитательный компонент присутствует во всех вышеперечисленных направлениях и является его жизненно важной составляющей. Но нельзя утверждать, что учебный процесс можно просто сменить на творчество как вид деятельности. Ведь он является базой для дальнейшей реализации творческих идей. Рассмотрим данную позицию на примере участия студентов педагогического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (специальности «Дошкольное образование» и «Музыкальное образование») в областном этапе Республиканского фестиваля «АРТ-вакацыі – 2026».

Республиканский фестиваль проводится в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 01.01. 2026 г. № 1 «Об объявлении 2026 года Годом белорусской женщины» под девизом «Час моладзі: ад творчай думкі да канкрэтных спраў» («Время молодых: от творческой мысли к конкретным делам»). Как отмечено в проекте положения о проведении Республиканского фестиваля, цель его заключается в формировании гражданственности, патриотизма, национального самосознания молодежи и воспитания уважительного отношения к белорусским женщинам [1.3].

Заявка, представленная на фестиваль, содержала следующую информацию:

– название: музыкально-литературная композиция «Гуканне вясны» ('Закликание весны');

– исполнители: фольклорный вокальный коллектив «Вясёлка» ('Радуга') и самодеятельный кукольный театр «Наша Батлейка»;

– песня: весенняя волочебная песня «Благаславі, маці» ('Благослови, мама'), записанная в деревне Гореничи Березинского района Минской области от Марии Автухович 1921 года рождения.

Белорусская народная песня «Благаславі, маці» ('Благослови, мама') подчеркивает главенствующую роль матери в воспитании детей, в духовном благосостоянии всего рода. Без материнского благословления молодежь в старину не решалась даже звать весну:

– Благаславі, маці, вясну заклікаці!

А зялёны явар кудравы! ('Благославі, мама, зазывать весну! А зеленый явор кудрявый!')

Режиссура фестивального номера включала определенное сценическое движение: сначала кукольные персонажи выходили на первую линию для непосредственного контакта с членами жюри, а исполнение песни предполагало переход кукол на вторую линию (рис. 1).

Рис. 1 – Выступление на областном этапе Республиканского фестиваля

Это можно определить, как горизонтальную линию сценической композиции, которую составляют диалоги кукольных персонажей и собственно исполнение песни. Вертикальная линия определяется разделением выступающих на левую и правую группы с диалогическим проговариванием ритуальных фраз зазывания весны и обязательным гуканьем (Гу-у-у!). Кроме этого, вторая строфа куплета исполняется на два голоса.

Как правило, фольклорный вокальный коллектив «Вясёлка» («Радуга») выступает с аккомпанирующей группой в составе баяна, цимбал, скрипки и музыкально-шумовых инструментов (фольклорный инструментальный ансамбль «Жалейка»). Но песню «Благаславі, маці» («Благослови, мама») было решено исполнять *a cappella,* без инструментального сопровождения. Единственным музыкальным инструментом была свистулька в виде глиняной птички, которая задала начальный тон исполнения песни.

Следует отметить, что в представленном концертном номере принимали участие только два студента специальности «Музыкальное образование»: им надо было озвучить роли Деда и Василя. Роли Бабы, Василины и Домовенка исполнили студентки специальности «Дошкольное образование». А фольклорный вокальный коллектив «Вясёлка» («Радуга») представлен только будущими воспитателями учреждений дошкольного образования.

Состав «Вясёлкі» («Радуги») меняется каждые три года. В первом семестре второго курса студенты специальности «Дошкольное образование» (срок обучения 4 года) изучают учебную дисциплину «Теория и методика музыкального воспитания детей дошкольного возраста». Один из модулей посвящен белорусскому фольклору (песни, танцы, музыкально-шумовые

инструменты, знакомство с народными обрядами и традициями). В фольклорный вокальный коллектив «Вясёлка» («Радуга») пригашаются студентки, имеющие предрасположенность в постановке народного голоса.

Таким образом, можно отметить, что планомерное взаимодействие учебной и творческой деятельности осуществляется как целенаправленный воспитательный процесс студенческой молодежи в контексте гражданско-патриотического воспитания.

Список использованной литературы

1. Лавринович Е. С. «АРТ-вакацыі» – яркая палитра студенческого творчества / Е. С. Лавринович. – Текст : электронный // Вышэйшая школа. – 2012. – № 3. – С. 25. – URL : https://elib.bsu.by/handle/123456789/164674 (дата обращения : 15.03.2026).

2. Вакация – Значение понятия / astroMERIDIAN : [сайт]. – URL : https://www.astromeridian.ru/psy/vakatsiya.html (дата обращения : 17.03.2026).

3. Проект положения о проведении Республиканского фестиваля художественного творчества учащейся и студенческой молодежи «АРТ-вакацыі – 2026». – Текст : электронный. – URL : https://nchtdm.by/images/2026/1/1_polozhenie_festivalya_art-vakacyi_2026_1_1.pdf (дата обращения : 10.03.2026).

Барабашёва И. В., канд. пед. наук, доцент,
Зубок Л. Д., обучающийся,
Новосибирский государственный технический университет,
Россия, г. Новосибирск
E-mail: barabashyova@corp.nstu.ru
zubokluisa@gmail.com

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МАГИСТРАНТОВ К ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматриваются особенности академической адаптации студентов педагогических направлений подготовки к производственной педагогической практике, а также анализируется влияние наставничества на процесс их профессионального становления.

Ключевые слова: академическая адаптация, наставничество, образовательная среда, профессиональное становление.

Barabasheva I. V., Ph. D., Associate Professor,
Zubok L. D., student,
Novosibirsk State Technical University,
Russia, Novosibirsk.
E-mail: barabashyova@corp.nstu.ru
zubokluisa@gmail.com

ACADEMIC ADAPATATION OF MASTER STUDENTS TO TEACHING INTERNSHIP

The article deals with the features of academic adaptation of students during teaching internship, as well as examines the impact of mentoring on their professional development.

Keywords: academic adaptation, teaching internship, mentoring, educational environment, professional development.

Актуальность исследования обусловлена обновленными требованиями государства к кадровой политике вузов. По данным рейтингового агентства RAEX, за последние три года численность штатных преподавателей в вузах увеличилась на 5%. Фиксируется тенденция к омоложению кадров: на фоне сокращения доли преподавателей старших возрастных групп возрастает численность молодых специалистов до 39 лет.

Обновление и омоложение кадрового состава высшей школы усиливает требования к качеству профессиональной подготовки и сопровождению молодых преподавателей в период их вхождения в профессиональную деятельность. Процесс адаптации к производственной педагогической практике становится важным этапом профессионального становления молодого преподавателя, направленным на формирование устойчивых профессиональных умений и моделей педагогического взаимодействия условиях реальной педагогической деятельности.

Проблема исследования заключается в определении условий благоприятной образовательной среды вуза (ОСВ), позволяющих начинающим педагогам, на примере магистрантов педагогических направлений подготовки, не имеющих педагогического опыта, справиться с объективными трудностями в процессе вхождения в профессию.

Согласно исследованиям, без целенаправленного психолого-педагогического и методического сопровождения молодые специалисты нередко испытывают трудности в достижении необходимого уровня профессиональной уверенности и компетентности [1], подчеркивается значимость системной поддержки и наставничества в период вхождения педагога в профессию [2]. *Объектом исследования* является академическая адаптация магистрантов, не имеющих базового педагогического образования и профессионального опыта, к выполнению педагогических действий в процессе прохождения производственной педагогической практики в вузе, а *предметом* – особенности организации деятельности академического наставника как одного из условий ОСВ, сопровождающих этот процесс. *Цель исследования*: выявление влияния наставничества на процесс академической адаптации магистрантов педагогических направлений подготовки. Методы исследования включают анализ, синтез, опрос, диагностику SPEED, обобщение результатов.

Профессиональная адаптация представляет собой многогранный процесс вхождения личности в профессиональную среду, освоения ценностей, норм и стандартов профессии, а также формирования профессиональной идентичности. Она обеспечивает гармоничное сочетание личностных и профессиональных качеств педагога, тем самым позволяя эффективно выполнять свою профессиональную роль.

Академическая адаптация является неотъемлемой частью профессиональной, но фокусируется на адаптации обучающегося к педагогической системе, в которой ему необходимо проходить производственную педагогическую практику [3].

После освоения теоретических основ педагогической деятельности студент сталкивается с необходимостью включения в реальную ОСВ, в этот период ему необходимо *наставничество* – поддержка опытного педагога, которая помогает применять знания на практике и выстраивать отношения с обучающимися [4]. В современном понимании наставник − специалист, обладающий профессиональным опытом и знаниями, развитыми коммуникативными навыками и стремлением оказать поддержку подопечному в процессе его профессионального становления [1]. Взаимодействие с наставником способствует формированию у магистранта собственного профессионального опыта, системы ценностей и смыслов педагогической деятельности. Существенную роль играет личный пример наставника как носителя эффективных гуманитарных стратегий поведения, ориентированного на самообразование, самосовершенствование и профессиональное развитие [4]. Важным условием профессиональной подготовки будущих педагогов является личность преподавателя-наставника, именно он выступает проводником профессиональных и нравственных ориентиров [5].

Традиционные формы наставничества остаются востребованы среди молодых педагогов, наибольшую эффективность наставничество демонстрирует при решении конкретных профессиональных задач, связанных с организацией педагогической деятельности: оформлением документации, разработкой рабочих программ, подготовкой учебно-методических материалов [1]. Учитывая значимость наставничества в процессе профессионального становления будущего педагога, представляется важным рассмотреть, каким образом ОСВ способствует формированию условий для такого взаимодействия. В частности, как сами студенты воспринимают поддержку со стороны преподавателей, научных руководителей и руководителей практики, выполняющих функции наставников в процессе прохождения педагогической практики.

В исследовании приняли участие 18 магистрантов, обучающихся по направлению «Преподаватель высшей школы» НГТУ НЭТИ. Большинство респондентов (66,7%) не имеют базового педагогического образования, при этом 33,3% студентов не имеют педагогического опыта, а более 60% участ-

ников обладают либо минимальным, либо эпизодическим опытом преподавания. Это позволяет охарактеризовать выборку как находящуюся на начальном этапе профессионального становления. Характеристика респондентов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Экспериментальная база

Показатель	Категории
Образование	Непедагогическое – 12 (66,7%) Педагогическое – 6 (33,3%)
Педагогический опыт	Отсутствие пед. опыта – 6 (33,3%) Более года назад – 5 (27,8%) Прохождение практики в рамках пед. образования – 3 (16,7%) Действующий педагог – 2 (11,1%) Опыт индивидуального преподавания – 2 (11,1%)

С целью изучения особенностей ОСВ и выявления факторов, влияющих на академическую адаптацию магистрантов педагогических направлений подготовки, было принято решение провести диагностику с использованием методики SPEED (Scan of Postgraduate Educational Environment Domains), разработанной Schönrock-Adema J. и др. Данный диагностический инструмент позволяет оценивать ОСВ через ее субъективное восприятие студентами, то есть через те характеристики, которые переживаются студентами и оказывают влияние на их учебную вовлеченность, профессиональную мотивацию, готовность к деятельности. Оценка ОСВ проводилась по трём компонентам: содержание, атмосфера и организация.

С помощью диагностики ОСВ нам удалось выяснить, что более 70% магистрантов считают поддержку наставников в сложных ситуациях, доступность руководителей практики для связи и уважительное отношение к студентам со стороны преподавательского состава важными составляющими успешной адаптации к профессиональной деятельности. Наличие преподавателей или сотрудников, которые оказывают негативное влияние на учебный климат 61% магистрантов находят одним из барьеров для успешного профессионального становления. Показатель компонента «Атмосфера» – 2,3 из 3.

Особенности ОСВ, такие как внимание к обучению и преподаванию в ОСВ, доступность методической поддержки в любое время при необходимости, ясность учебных требований и наличие индивидуального сопровождения 77% респондентов считают условиями, способствующими развитию навыков решения конкретных профессиональных задач, связанных с организацией педагогической деятельности. В то время как наличие избыточной нагрузки, связанной с выполнением задач, не относящихся к образовательному процессу, 54% магистрантов определяют барьером, препятствующим

успешной академической адаптации. Показатель компонента «Организация» – 2,6 из 3.

Конструктивный характер обратной связи со стороны научных руководителей, полезные обсуждения, уровень автономии, соответствующий уровню подготовки, прикладной характер производственной педагогической практики помогают 72% магистрантов справиться с объективными трудностями в процессе профессионального становления. Показатель компонента «Содержание» – 2,5 из 3.

С помощью диагностического инструмента SPEED нам удалось выявить особенности восприятия ОСВ магистрантами и определить, какие условия ОСВ благоприятным образом влияют на вхождение студентов в профессиональную среду во время педагогической практики. Наставничество, а именно методическая и психологическая поддержка, помощь в проблемных ситуациях, индивидуальное консультирование с полезными обсуждениями и конструктивной обратной связью, воспринимаются как ключевые факторы, способствующие успешной академической адаптации начинающих педагогов, помогающие справиться с объективными трудностями в процессе вхождения в профессию.

Список использованной литературы

1. Гребенщикова М. Б. Преодоление профессиональных дефицитов молодых педагогов через использование современных форм методического сопровождения / М. Б. Гребенщикова, Е. И. Хлебникова. – Текст : непосредственный // Наставничество : модели и успешные практики. – 2021. – С. 37-48.
2. Данилова С. В. Молодой педагог: векторы развития и практики сопровождения : монография / С. В. Данилова, Л. П. Шустовой, Л. Н. Курошиной. – Ульяновск : 2022. – 160 с. – Текст : непосредственный.
3. Сурыгин А. И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке / А. И. Сурыгин. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2000. – 233 с. – Текст : непосредственный
4. Халудорова Л. Е. Наставничество в контексте гуманитарной парадигмы образования / Л. Е. Халудоров. – Текст : непосредственный // Наставничество : модели и успешные практики : всерос. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2021. – С. 3-8.
5. Барабашёва И. В. Деонтологический аспект профессионального становления педагога / И. В. Барабашёва. – Текст : непосредственный // Преподаватель высшей школы в XXI веке : 21 Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2024. – № 21. – С. 47-55.

Самойлова М. В., доцент кафедры психологии,
Остапова Е. О., обучающийся,
Сургутский государственный университет,
Россия, г. Сургут
E-mail: mayasaam@bk.ru
ostapova2000@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОГИ

В статье представлен сравнительный анализ эффективности программы психологического сопровождения студентов колледжа, испытывающих тревогу, в зависимости от сроков ее реализации. Общая выборка испытуемых – 52 человека, испытуемые экспериментальных групп – 10 человек. Диагностические методики: Шкала тревоги Спилбергера-Ханина, шкала психологического стресса PSM-25.

Ключевые слова: тревога, тревожность, психологический стресс, студенты колледжа, самочувствие.

Samoilova M. V., Associate Professor,
Department of Psychology,
E. O. Ostapova, Student,
Surgut State University,
Russia, Surgut
E-mail: mayasaam@bk.ru
ostapova2000@mail.ru

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR COLLEGE STUDENTS WITH VARYING LEVELS OF ANXIETY

This article presents a comparative analysis of the effectiveness of a psychological support program for college students experiencing anxiety, depending on the duration of its implementation. The total sample size was 52, with 10 participants in each experimental group. Diagnostic methods used included the Spielberger-Khanin Anxiety Scale and the PSM-25 Psychological Stress Scale.

Keywords: anxiety, worry, psychological stress, college students, well-being.

ВВЕДЕНИЕ

Период обучения в колледже характеризуется высокой интенсивностью учебной нагрузки, социальной адаптацией и необходимостью профессионального самоопределения. Эти факторы часто выступают триггерами

для возникновения и закрепления тревожных состояний. По данным современных исследований, повышенный уровень тревоги диагностируется у значительной части студентов, что негативно сказывается на их академической успеваемости, психосоматическом здоровье и качестве жизни в целом [1, 2].

В связи с этим особую актуальность приобретает разработка и внедрение программ психологического сопровождения, направленных на коррекцию тревожных состояний. Однако остается открытым вопрос о формате реализации таких программ: является ли более эффективным интенсивное воздействие («погружение») или пролонгированная работа, позволяющая закрепить навыки в естественных условиях жизнедеятельности студента [3].

Целью исследования является сравнительный анализ форм психологического сопровождения студентов колледжа, испытывающих тревогу.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проводилось на базе Лянторского нефтяного техникума, г. Лянтор (группа студентов 2-го курса) и института среднего медицинского образования БУ ВО Сургутский государственный университет (группа студентов с 1-го курса), г. Сургуте. В каждой экспериментальной группе было по 5 человек. Все участники были проинформированы о целях исследования и дали согласие на обротку данных.

Общее количество участников – 52 человека.

Методики исследования:

1. Шкала психологического стресса PSM-25 – для оценки уровня стресса. Шкала PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона (Lemyr-Tessier-Fillion) предназначена для измерения феноменологической структуры переживаний стресса.

2. Шкала тревоги Спилбергера-Ханина – для дифференцированной оценки ситуативной и личностной тревожности. Шкала тревоги Спилбергера-Ханина или Шкала реактивной и личностной тревожности, ШРЛТ (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) предназначена для самооценки как уровня тревожности в данный момент (тревожность как состояние), так и личностной тревожности (устойчивая характеристика, черта личности).

Характеристика программы психологического сопровождения.

Программа психологического сопровождения, самостоятельно разработанная, включала 5 тематических занятий, интегрирующих три направления:

1. Арт-терапия: рисунки, коллажи, метафорические ассоциативные карты (МАК) для работы с бессознательным.

2. КПТ-техники: психообразование, дневники мыслей, копинг-планирование («Если-то»).

3. Телесно-ориентированные практики: «Карта тела», дыхание «Квадрат», техники заземления.

Структура занятий была единой для обеих групп, различались лишь интервалы между встречами. В КГ1 занятия проводились каждый день в течении 5 дней, занятия у КГ2 проводились один раз в неделю в течении 1,5 месяца

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По результатам реализации программы на обеих группах были получены следующие результаты.

В рамках работы с группой ЭГ1 мы видим, что изменения наблюдается лишь у 1-2х человек. Кроме этого, качественный анализ показал, что у одной участницы присутствовало сильное сопротивление на первых занятиях, а уровень дистресса был настолько высок, что групповая краткосрочная работа не смогла оказать существенного влияния и лишь усилила её состояния, показав имеющиеся волнующие события.

Несмотря на то, что статистически значимых различий на выборке n1=5, n2=5 не зафиксировано (критическое значение Uэмп для $p<0.05$ составляет 2), обращает на себя внимание показатель личностной тревожности (Uэмп=4). Это указывает на тенденцию к более существенному снижению ЛТ именно в ЭГ2. ЭГ1 хорошо справлялась с ситуативными симптомами («здесь и сейчас»), в то время как ЭГ2 позволила начать работу с глубинными, характерологическими структурами личности.

Также все участники ЭГ1 отметили, что им не хватило времени, и они хотели бы подольше заниматься. Несмотря на это, участники отмечали, что после занятий чувствовали себя лучше и более воодушевленно. Это говорит о том, что в рамках занятия получалось стабилизировать их состояние в моменте, но этого оказалось недостаточно для долгосрочных качественных изменений и научению на новые типы реакций.

Статистическая проверка (Т-критерий Вилкоксона) показала аналогичные результаты, что изменения по шкалам используемых методик в ЭГ1 находятся в зоне незначимости (Тэмп=1 при $p>0.05$), что подтверждает наш анализ.

Также мы произвели сравнение с КГ1 относительно того, сколько людей изменили уровень своей тревоги. В результате выявили, что имеется снижение в ЭГ1 в сравнении с КГ1, но данное снижение нельзя назвать значимым, при этом тенденция к снижению уровня тревоги явно прослеживается. Сравнение с КГ1 (U-критерий Манна-Уитни) на посттесте не выявило статистически значимых различий, при этом Uэмп PSM-25 = 20.5, что соответствует о зоне неопределенности и подтверждает высказывание о наличии тенденции к снижению. Это позволяет предположить, что недельный интенсивный формат дает скорее краткосрочный эмоциональный отклик, чем устойчивые изменения на статистическом уровне.

Обращая внимание на ЭГ2, в свою очередь, мы можем отметить, что тенденция ЭГ1 явно раскрывается при реализации программы психологиче-

ского сопровождения на данной группе. Мы видим, что ситуативная тревожность снизилась абсолютно у всех (100%) участников ЭГ2. При этом, что в ЭГ1, что в ЭГ2 все участники были одинаково заинтересованы в реализации программы, им всем понравились предлагаемые задания, они с удовольствием рисовали и участвовали в обсуждении.

Качественный анализ показал, что участницы ЭГ2 более осознанно подходили к техникам, задавали больше вопросов о природе своих реакций и отмечали, что стали применять дыхательные техники и техники заземления в стрессовых ситуациях в колледже (во время экзаменов, ответов у доски). В их обратной связи преобладали формулировки: «зарядило», «появилась мотивация», «поняла, куда двигаться». Мы предполагаем, что на это повлияла возможность недельного перерыва между занятиями, которые давали время на рефлексию. Несмотря на это, статистическая проверка (Т-критерий Вилкоксона) показала, что изменения по всем исследуемым шкалам ситуативной тревожности приближаются к зоне значимости (Тэмп=4), что выше, чем в ЭГ1.

Сравнение ЭГ2 с КГ2 (U-критерий) выявило более выраженные различия, особенно по шкалам СТ (Uэмп по СТ = 44), что ниже, чем в сравнении с КГ1. При этом изменения все также сохраняются на уровне незначимости, что говорит о том, что программа нуждается в изменении не только в длительности формата. Мы предполагаем, что в программу необходимо добавить индивидуальное сопровождение, что и станет её заключительным этапом. Данное заключение сделано в связи с тем, что хоть групповая работа в длительном формате и позволила снизить уровень ситуативной тревожности, но изменений в личностной тревожности не наблюдается. Студенты не смогли изменить в групповой терапии свои паттерны поведения. Вероятно, для этого требуется более глубинная проработка в индивидуальной работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Разработанная программа психологического сопровождения показала наличие тенденций к снижению уровня тревоги в работе со студентами колледжа. Участники обеих экспериментальных групп продемонстрировали положительную динамику в виде снижения психоэмоционального напряжения и улучшения самочувствия.

2. Программа оказалась наиболее эффективной для студентов с умеренным и высоким уровнем тревоги. Для лиц с острым дистрессом групповая работа краткосрочного формата недостаточна и требует предварительных индивидуальных консультаций или направления к профильному специалисту.

3. Выдвинутая гипотеза подтвердилась частично: длительный формат демонстрирует тенденцию к большей эффективности в работе с личностной тревожностью, обеспечивая более глубокую проработку причин тревоги и закрепление навыков саморегуляции. Интенсивный формат эффективен как

«скорая помощь» для купирования ситуативной тревоги и улучшения актуального состояния.

4. Полученные результаты позволяют рекомендовать внедрение подобных программ в образовательных учреждениях. Выбор формата (интенсивный или пролонгированный) должен зависеть от целей (профилактика или коррекция) и глубины проблемы. Также отмечается необходимость ведения индивидуальных консультаций.

Перспективы исследования связаны с увеличением выборки, включением отдаленного контроля (через 3–6 месяцев) для оценки устойчивости результатов, а также с разработкой индивидуальных маршрутов сопровождения для студентов с высоким уровнем личностной тревожности.

Список использованной литературы

1. Современные вызовы образования и психология формирования личности : монография / В. В. Авилова, В. Е. Кузнецова, М. Е. Иванова [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2020. – 232 с. – Текст : непосредственный.
2. Беляев В. П. Тревоги прожитого дня / В. П. Беляев. – Москва : Граница, 2011. – 488 с. – Текст : непосредственный.
3. Гурьев М. Е. Социально-психологические причины и особенности проявления страхов и тревог у детей и подростков / М. Е. Гурьев. – Текст : непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования : проблемы и результаты. – 2015. – № 21. – С. 75-82.
4. Карандашев В. Н. Изучение оценочной тревожности. Руководство по использованию / В. Н. Карандашев, М. С. Лебедева, Ч. Спилбергер. – Москва : Речь, 2016. – 80 с. – Текст : непосредственный.

Красовская Н. Н., канд. социол. наук, доцент,
Орлова А. С., обучающийся,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: krasovskayann@gmail.com
asyaorlova2004@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ ЮМОРА И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

В статье представлен анализ взаимосвязи стилей юмора и акцентуаций характера у студентов в контексте их психологической адаптации. Юмор рассматривается как многофункциональный личностный ресурс, интегрирующий когнитивные, эмоциональные и коммуникативные компоненты регуляции поведения. На основе эмпирического исследования выявлены статистически значимые связи между адаптивными и дезадаптивными стилями юмора и отдельными типами акцентуаций характера. Показано, что

выбор юмористических стратегий детерминирован индивидуально-типологическими особенностями личности и опосредует эффективность эмоциональной регуляции, межличностного взаимодействия и адаптационных процессов в студенческой среде.

Ключевые слова: юмор; стили юмора; акцентуации характера; студенческая молодежь; эмоциональная регуляция; социально-психологическая адаптация.

Krasovskaya N. N., Ph. D., Associate Professor
Orlova A. S., student,
Belarusian State University,
Belarus, Minsk
E-mail: krasovskayann@gmail.com
asyaorlova2004@gmail.com

THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMOR STYLES AND ACCENTUATED PERSONALITY TRAITS IN UNIVERSITY STUDENTS

This article presents an analysis of the relationship between humor styles and accentuated personality traits in university students within the context of psychological adaptation. Humor is considered a multifaceted personal resource that integrates cognitive, emotional, and communicative components of behavioral regulation. Based on an empirical study, statistically significant associations were identified between adaptive and maladaptive humor styles and specific types of accentuated personality traits. The findings suggest that the choice of humorous strategies is determined by individual typological characteristics of personality and mediates the effectiveness of emotional regulation, interpersonal interaction, and adaptation processes in the student environment.

Keywords: humor; humor styles; accentuated personality traits; university students; emotional regulation; socio-psychological adaptation.

Современные исследования рассматривают юмор как позитивную эмоцию радости, возникающую в ответ на восприятие несоответствия и сопровождающуюся смехом и ощущением удовольствия. С точки зрения психологических процессов юмор включает восприятие стимула, его когнитивную оценку и последующую эмоциональную реакцию. При генерации юмора человек перерабатывает информацию, комбинирует ассоциации и создаёт остроумное высказывание, тогда как восприятие юмора зависит от культурного контекста и индивидуальных особенностей личности. По мнению Р. Мартина, структура юмора включает социальный контекст, когнитивно-перцептивный процесс, эмоциональную реакцию и поведенческое выражение смеха [8, С. 3].

В научной традиции понятие юмора трактуется достаточно широко. Согласно «Оксфордскому словарю английского языка», юмор – это качество действия, речи или произведения, вызывающее веселье, причуду или комизм, а также способность воспринимать и выражать смешное [3]. В современном обществе юмор выполняет важные коммуникативные и адаптивные функции: способствует снижению эмоционального напряжения, взаимопониманию и формированию благоприятного психологического климата. Остроумие и доброжелательная шутка облегчают взаимодействие и выступают механизмом психологической адаптации.

Одной из наиболее распространённых типологий является модель Р. Мартина, выделяющая четыре стиля юмора: аффилиативный, самоподдерживающий, агрессивный и самоуничижительный. Аффилиативный стиль связан с доброжелательными шутками и направлен на установление контакта и укрепление социальных связей. Самоподдерживающий стиль отражает способность сохранять чувство юмора в трудных ситуациях и использовать его как средство эмоциональной саморегуляции. Агрессивный стиль проявляется в сарказме, насмешках и иронии, направленных на других людей, тогда как самоуничижительный характеризуется склонностью высмеивать себя с целью вызвать симпатию или снизить напряжение. Первые два стиля рассматриваются как адаптивные, тогда как агрессивный и самоуничижительный могут осложнять межличностное взаимодействие [8, С. 5].

Понимание особенностей использования юмора тесно связано с изучением характера личности. Характер (от греч. charakter – отпечаток, признак) представляет собой устойчивое сочетание психических особенностей личности, определяющих типичные способы поведения человека в различных жизненных обстоятельствах [7, С. 3]. Он формируется под влиянием биологических и социальных факторов и выполняет регуляторную функцию, определяя способы деятельности, общения и адаптации человека к социальной среде [7, С. 3].

Отдельные черты характера могут достигать высокой степени выраженности, образуя акцентуации. Акцентуация характера – это крайний вариант нормы, при котором определённые личностные черты чрезмерно усилены, что приводит к избирательной уязвимости к отдельным психогенным воздействиям при сохранении устойчивости к другим [2, С. 83]. Понятие акцентуации было введено К. Леонгардом, который выделил ряд типов акцентуаций, включая гипертимный, дистимный, циклоидный, эмотивный, демонстративный, возбудимый, педантичный, тревожный и экзальтированный [6, С. 5]. В отечественной психологии концепция была развита А. Е. Личко, рассматривавшим акцентуации как крайние варианты нормы и описавшим ряд типологических вариантов личности [6, С. 5].

Изучение акцентуаций имеет важное значение для понимания индивидуально-типологических различий личности, поскольку позволяет прогнозировать особенности поведения и межличностного взаимодействия. Особенно ярко акцентуации проявляются в студенческом возрасте, характеризующемся интенсивным личностным развитием и необходимостью адаптации к новым образовательным и социальным условиям [2, С. 83].

Современные исследования показывают, что стили юмора связаны с личностными характеристиками, компонентами самосознания и стратегиями эмоциональной регуляции. Так, в исследовании С. А. Касеиновой установлено, что демонстративная акцентуация связана с аффилиативным юмором, гипертимная – с самоподдерживающим, возбудимая – с агрессивным, а дистимная и экзальтированная – с самоуничижительным стилем [5]. Исследования также показывают связь юмора со стратегиями совладания со стрессом: аффилиативный и самоподдерживающий стили связаны с конструктивными копинг-стратегиями, тогда как агрессивный и самоуничижительный не демонстрируют связи с адаптивным совладанием [1]. Кроме того, самоподдерживающий юмор коррелирует с самоуважением и самоценностью личности, а самоуничижительный – со сниженной самооценкой и внутренним напряжением.

Организованное нами исследование было направлено на выявление взаимосвязи стилей юмора и акцентуаций характера у студентов. В исследовании приняли участие 45 студентов высших учебных заведений г. Минска в возрасте 17 – 23 лет (средний возраст – 19,9 года). В качестве диагностических методик использовались опросник стилей юмора Р. Мартина [8] и тест акцентуаций характера Леонгарда–Шмишека [6].

Результаты показали, что среди студентов преобладают адаптивные стили юмора: аффилиативный (91%) и самоподдерживающий (71%). При этом у части респондентов выявлены деструктивные формы юмора – агрессивный (60%) и самоуничижительный (60%). Анализ акцентуаций характера показал преобладание умеренных значений, однако у значительной части студентов выявлены признаки циклотимичности (45%), экзальтированности (45%) и гипертимности (27%).

Корреляционный анализ выявил статистически значимые взаимосвязи между рядом акцентуаций и стилями юмора. Гипертимность положительно связана с аффилиативным ($r = 0{,}361$; $p \leq 0{,}05$), самоподдерживающим ($r = 0{,}443$; $p \leq 0{,}01$) и самоуничижительным юмором ($r = 0{,}422$; $p \leq 0{,}01$). Циклотимичность также коррелирует с аффилиативным ($r = 0{,}364$; $p \leq 0{,}05$) и самоуничижительным юмором ($r = 0{,}369$; $p \leq 0{,}05$). Дистимичность демонстрирует отрицательные связи с аффилиативным ($r = –0{,}354$; $p \leq 0{,}05$) и самоподдерживающим юмором ($r = – 0{,}493$; $p \leq 0{,}001$). Значимых взаимосвязей агрессивного юмора с акцентуациями характера выявлено не было.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязи между стилями юмора и индивидуально-типологическими особенностями личности студентов. Адаптивные стили юмора действительно демонстрируют взаимосвязи с акцентуациями характера, отражающими социальную активность и эмоциональную чувствительность (гипертимность, циклотимность, низкая дистимность). Самоуничижительный юмор связан с эмоциональной нестабильностью. Вместе с тем отсутствуют статистически значимые взаимосвязи агрессивного юмора с акцентуациями характера, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований.

По итогам проведённого исследования можно выделить ряд направлений, способствующих развитию у студентов адаптивных форм юмора и профилактике дезадаптивных стратегий поведения. Важно формировать у студентов осознанное понимание различий между конструктивными и неконструктивными стилями юмора, развивать аффилиативный и самоподдерживающий юмор через практические упражнения, направленные на создание позитивной социальной атмосферы и укрепление психологической устойчивости. Одновременно необходимо снижать склонность к самоуничижительному и агрессивному юмору, включая тренинги по повышению самооценки, развитию эмоционального интеллекта и освоению ненасильственных стратегий коммуникации. Особое внимание следует уделять формированию у студентов навыков саморефлексии и осознанности собственного эмоционально-личностного поведения, в том числе пониманию проявлений акцентуаций характера и их влияния на межличностное взаимодействие.

Список использованной литературы

1. Взаимосвязь стилевых особенностей юмора и типов совладающего поведения у студентов / М. С. Асланова, Е. В. Молоток, А. М. Каурова, Е. Е. Яськова. – Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 137-147.
2. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика / П. Б. Ганнушкин. – Текст : непосредственный // Избранные труды. – 1998. – С. 83-268.
3. Ерин Н. Д. Социально-психологические механизмы развития чувства юмора / Н. Д. Ерин. – Текст : электронный // Студенческий научный форум : материалы X Междунар. науч. конф. – URL : https://scienceforum.ru/2018/article/2018007765 (дата обращения : 10.03.2026).
4. Ершова Р. В. Представления о чувстве юмора в психологии / Р.В. Ершова, Р. З. Шарапова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов : Психология и педагогика. – 2012. – № 3. – С. 16-22.
5. Касеинова С. А. Взаимосвязь стилей юмора и акцентуаций характера у студентов технических направлений подготовки / С. А. Касеинова. – Текст : электронный // Актуальные исследования. – 2025. – № 32 (267). – [сайт]. – URL : https://apni.ru/ (дата обращения : 15.03.2026).
6. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Киев : Логос, 2011. – 439 с. – Текст : непосредственный.

7. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации в подростковом возрасте / А. Е. Личко. – Ленинград : Медицина, 1983. – 255 с. – Текст : непосредственный.
8. Мартин Р. Психология юмора / Р. Мартин. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 480 с. – Текст : непосредственный.

Павлов С. М., канд. пед. наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет,
Россия, г. Владивосток
E-mail: pavlov.sm@dvfu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ: СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ НАСТАВНИЧЕСТВА И ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования профессиональной этики и социальной ответственности у студентов экономических направлений подготовки. Обосновывается необходимость синтеза традиционных механизмов наставничества и современных цифровых инструментов в воспитательной среде высшей школы. На основе анализа научной литературы и практического опыта автора выделяются ключевые направления интеграции воспитательных воздействий, способствующие становлению профессионально-ценностных ориентаций будущих экономистов.

Ключевые слова: профессиональная этика, социальная ответственность, воспитательная среда, наставничество, цифровые инструменты, экономическое образование.

Pavlov S. M., Ph. D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok
E-mail: pavlov.sm@dvfu.ru

FORMATION OF PROFESSIONAL ETHICS AND SOCIAL RESPONSIBILITY OF FUTURE ECONOMISTS: SYNTHESIS OF MENTORING TRADITIONS AND DIGITAL TOOLS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article examines theoretical and practical aspects of the formation of professional ethics and social responsibility among students of economic fields of study. The necessity of synthesizing traditional mentoring mechanisms and mod-

ern digital tools in the educational environment of higher education is substantiated. Based on the analysis of scientific literature and the author's practical experience, the key directions for integrating educational influences that contribute to the formation of professional value orientations of future economists are identified.

Keywords: professional ethics, social responsibility, educational environment, mentoring, digital tools, economic education.

Современные вызовы системы высшего образования актуализируют проблему поиска эффективных механизмов формирования у будущих экономистов не только профессиональных знаний и умений, но и личностных качеств, обеспечивающих их успешную социализацию в профессиональной среде. В условиях цифровой трансформации всех сторон общественной жизни особое значение приобретает воспитательная составляющая образовательного процесса, которая призвана обеспечить баланс между освоением технологических компетенций и сохранением нравственных ориентиров профессиональной деятельности. В этой связи обращение к проблеме синтеза традиций наставничества и инновационных цифровых инструментов в воспитательной среде вуза представляется своевременным и методологически значимым.

Как справедливо отмечает Н. С. Боченок, углубленная подготовка экономистов предполагает не только расширение спектра профессиональных компетенций, но и формирование ценностного отношения к будущей профессии, что достигается за счет интеграции воспитательного компонента в структуру основных образовательных программ [1, С. 470]. Автор подчеркивает, что именно в процессе углубленного освоения профессиональных дисциплин создаются условия для осознанного принятия студентами этических норм и принципов, регулирующих деятельность специалиста в области экономики и финансов. Данный тезис согласуется с позицией И. Б. Доржу, которая, исследуя уровень финансовой грамотности студенческой молодежи, приходит к выводу о том, что формирование ответственного финансового поведения невозможно без целенаправленного воспитательного воздействия, интегрированного в образовательный процесс [2, С. 132]. При этом диагностика исходного уровня сформированности этих качеств выступает необходимым условием для проектирования эффективных моделей воспитательной работы.

Ключевая роль в реализации воспитательной функции современного университета отводится институту наставничества. В работах А. В. Ломоносова последовательно обосновывается мысль о том, что наставничество в высшей школе выступает тем традиционным механизмом, который обеспечивает передачу профессиональных и нравственных ценностей от старшего поколения к младшему [3, С. 30]. Автор отмечает, что в региональных вузах,

где сохраняется более тесный контакт между преподавателями и студентами, наставничество приобретает особое значение, выступая связующим звеном между академической средой и реальными запросами профессионального сообщества [4, С. 743]. Воспитательная система, выстроенная на принципах наставничества, позволяет создать доверительную среду, в которой студент не только осваивает профессиональные нормы, но и получает поддержку в решении личностных проблем, что особенно важно в период профессионального становления.

Вместе с тем, как показывают современные исследования, эффективность наставнической деятельности может быть существенно повышена за счет использования цифровых инструментов, расширяющих возможности коммуникации и делающих воспитательный процесс более гибким и персонализированным. В работе исследователей подчеркивается, что разработка инновационных образовательных программ с применением современных форматов обучения требует пересмотра традиционных представлений о воспитательной работе и поиска новых форм взаимодействия субъектов образовательного процесса [5, С. 7]. Цифровая среда, включающая платформы для онлайн-коммуникации, электронные портфолио достижений, системы геймификации и чат-боты, позволяет наставнику оперативно реагировать на запросы студентов, вовлекать их в социально значимые проекты и формировать навыки ответственного поведения в виртуальной и реальной профессиональной среде.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как синтез традиций наставничества и цифровых инноваций может быть реализован в контексте подготовки экономистов. Воспитательная среда экономического факультета должна быть ориентирована на формирование у студентов таких качеств, как профессиональная честность, нетерпимость к коррупционным проявлениям, социальная ответственность перед обществом и заинтересованными сторонами. Достижение этих целей возможно при условии органичного сочетания живого общения с наставником, основанного на личном примере и доверии, и использования цифровых инструментов, позволяющих моделировать сложные этические ситуации, проводить анонимные опросы для выявления проблемных зон, создавать виртуальные сообщества для обсуждения профессионально-этических дилемм.

Важным аспектом воспитательной работы является профилактика профессионального выгорания у студентов, особенно на старших курсах, когда они сталкиваются с необходимостью совмещать учебу, практику и подготовку к трудовой деятельности. Как отмечает Е. В. Омарова, факторы профессионального выгорания начинают проявляться уже на этапе обучения, что требует своевременного включения психолого-педагогической поддержки в систему воспитательной работы [6, С. 218]. В этом контексте наставник, использующий как традиционные формы консультирования, так и цифровые инструменты мониторинга психоэмоционального состояния

студентов, может сыграть ключевую роль в предотвращении негативных явлений и сохранении мотивации к профессиональному развитию.

Таким образом, формирование профессиональной этики и социальной ответственности будущих экономистов в современном вузе должно строиться на основе синтеза традиционных механизмов наставничества и инновационных цифровых инструментов воспитательной среды. Традиции наставничества обеспечивают глубину личностного взаимодействия, передачу профессионального опыта и ценностных ориентиров, создание атмосферы доверия и поддержки [3, С. 31; 4, С. 744]. Цифровые инструменты, в свою очередь, позволяют расширить временные и пространственные границы воспитательного процесса, сделать его более персонализированным, интерактивным и отвечающим запросам цифрового поколения студентов [5, С. 8]. Эффективность такого синтеза во многом зависит от готовности преподавателей к интегративной деятельности, а также от сформированности у них компетенций в области использования цифровых технологий в воспитательной работе. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных моделей и технологий, обеспечивающих реализацию синтеза традиций и инноваций в воспитательной среде высшей школы.

Список использованной литературы

1. Боченок Н. С. Роль углубленной подготовки экономистов в формировании профессиональных компетенций студентов / Н. С. Боченок. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы всерос. науч.-практ. конф., 24 окт. 2025 г. – Уфа, 2025. – С. 469-472.

2. Доржу И. Б. Финансовая грамотность студенческой молодежи : диагностика уровня и модели интеграции в образовательный процесс вуза / И. Б. Доржу. – Текст : непосредственный // Молодежь XXI века : образование, наука, инновации : материалы XII Междунар. конф., 05 дек. 2025 г. – Витебск, 2025. – С. 131-133.

3. Ломоносов А. В. Портрет профильного проректора по воспитанию в высшей школе / А. В. Ломоносов. – DOI 10.24158/spp.2023.2.3. – Текст : непосредственный // Общество : социология, психология, педагогика. – 2023. – № 2 (106). – С. 28-32.

4. Ломоносов А. В. Роль наставника в воспитательной системе регионального высшего учебного заведения / А. В. Ломоносов. – Текст : непосредственный // Инновационная деятельность педагога : традиции и современность : материалы II всерос. науч.-практ. конф., 19 мая 2023 г. – Владикавказ, 2023. – С. 742-745.

5. Шадрина Л. Ю. Разработка инновационных образовательных программ с применением современных форматов обучения, обеспечивающих практикоориентированную подготовку выпускников / Л. Ю. Шадрина, А. В. Ломоносов. – Текст : непосредственный // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. Пространство свободы : материалы III всерос. науч.-практ. конф., 24-25 сен. 2025 г. – Ижевск, 2026. – С. 6-9.

6. Омарова Е. В. Факторы профессионального выгорания у студентов старших курсов в период обучения и подготовки к трудовой деятельности / Е. В. Омарова. – Текст

: непосредственный // Актуальные проблемы психологии труда : теория и практика : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., 22 нояб. 2025 г. – Красноярск, 2025. – С. 215-221.

Пазухина С. В., докт. псих. наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет
имени Л. Н. Толстого,
Россия, г. Тула
E-mail: svetlana.pazukhina@tolstovsky.ru

МОТИВАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОЛОДЕЖНОГО РАДИКАЛИЗМА И МЕТОДЫ ЕГО ДИАГНОСТИКИ

Автором анализируются мотивационные детерминанты молодежного радикализма. С точки зрения психологии – это неудовлетворенные, фрустрированные потребности, несбывшиеся ожидания, не имеющие возможности воплотиться в жизнь планы. Радикализация затрагивает эмоциональные (повышение озлобленности, агрессивности), когнитивные (изменение представлений), мотивационные (появление новых установок), поведенческие структуры личности. Для выявления группы риска используется скрининговая и углубленная феноменологическая диагностика.

Ключевые слова: радикализм, молодежь, потребности, мотивы, мотивационные детерминанты, психологическая диагностика.

Pazukhina S. W., D. of Psychology,
Associate Professor of Science,
Tula State Pedagogical University
named after L. N. Tolstoy,
Russia, g. Tula
E-mail: svetlana.pazukhina@tolstovsky.ru

MOTIVATIONAL DETERMINANTS OF YOUTH RADICALISM AND METHODS OF ITS DIAGNOSIS

The author analyzes the motivational determinants of youth radicalism. From a psychological perspective, these are unmet, frustrated needs, unfulfilled expectations, and plans that cannot be realized. Radicalization affects emotional (increased anger and aggression), cognitive (changes in perceptions), motivational (emergence of new attitudes), and behavioral structures of the personality. Screening and in-depth phenomenological diagnostics are used to identify at-risk groups.

Keywords: radicalism, youth, needs, motives, motivational determinants, psychological diagnostics.

Проблема радикализации молодежи в нашей стране остается достаточно острой. Под радикализмом в психологии понимаются личностные установки на быстрое, решительное, кардинальное разрешение возникающих проблем, на фундаментальное, коренное переустройство, изменения, проводимые без обсуждения и поиска более подходящих мирных альтернатив [2]. Радикально настроенные молодые люди, как правило, озлоблены, отрицают какие-либо компромиссные варианты, сознательно отвергают разумный диалог. Для решения проблем они используют крайние, преимущественно насильственные методы.

Среди групп причин, или мотивационных детерминант, обусловливающих распространение радикальных идей в молодежной среде, в научной литературе указываются следующие:

1) социально-психологические, связанные с возрастно-психологическими особенностями молодых людей – максимализмом, нигилизмом, крайностями в поведении, фанатизмом, стремлением к экстремальным формам самопознания и самовыражения, протестной активностью и др. При этом экстремальные проявления могут реализоваться в разных сферах жизни – в образовательной среде, в Интернете, в досуговой деятельности и пр., чем объясняется множество выделяемых видов молодежного экстремизма. Подрастающее поколение в ряде случаев воспринимает радикализм как возможность выйти за пределы обыденной жизни. Эта идея привлекает своей демонстративностью, получением запредельных эмоций и острых впечатлений. Ряд молодых людей настолько ориентированы на удовлетворение собственных потребностей в быстром получении высокого социального статуса и материального достатка, что не останавливаются перед желанием добиться этого любыми способами, в т. ч. радикальными, агрессивными, насильственными. Даже если молодой человек не состоит в экстремистских сообществах, у него могут формироваться радикальные настроения под влиянием, например, информации из Интернета.

Наивность, инфантилизм, внушаемость, неразвитость критического мышления, стрежневой ценностной основы личности, выработанной стабильной гражданской позиции, недостаточный уровень правосознания могут привести к тому, что подготовленные оппозиционеры достаточно легко могут увлечь молодых людей экстремистскими идеями, подчеркивая их исключительную роль в участии в тех или иных радикальных политизированных акциях.

Не находящее проявления чувство взрослости, социальная изоляция, подверженность травле, также могут стать причиной решения своих инди-

видуальных проблем, связанных с адаптацией к социуму и поиском агрессивных, заметных для других вариантов демонстративной самореализации во взрослой жизни.

Среди значимых мотивационных детерминант первой группы ученые также называют обострение конфликта поколений, которое обычно дает о себе знать в периоды жестких трансформаций социума, изменений в экономическом, политическим, культурном устройстве общества. А. В. Опалев пишет по этому поводу следующее: «В этом случае предшествующее поколение рассматривается молодежью как поколение, приверженное чуждым ей ценностям и выбравшее для страны неверный путь развития. В результате социально-политические приоритеты и система нравственных ценностей молодежи формируется в условиях и под влиянием резкого отрицания предшествующего социально-культурного опыта, что провоцирует появление радикальных мировоззренческих позиций и экстремальное поведение» [3, С. 32].

М. Хоркхаймер отмечает, что бунт детей против родителей и их участие в радикальных течениях является прямым следствием капиталистической деструкции семьи [4, С. 366].

2) Социально-политические причины, связанные с тем, что молодежь как стратегический кадровый и трудовой ресурс общества, его социальный капитал, является объектом особого внимания не только со стороны государства, но и со стороны оппозиционных деструктивных сил. Политический радикализм и молодежный экстремизм в этом случае могут быть следствием неудовлетворенных потребностей молодых людей в активном участии в общественно-политической жизни страны, реализации жизненных планов в условиях отсутствиях социальных лифтов или недостатка возможностей для их осуществления. Вступление в экстремистскую организацию начинает рассматриваться как вариант заявления о своих потребностях и интересах и альтернативного видения того, каким путем их можно достичь. Это касается одной части молодежи. Другая в этих условиях может стать социально пассивной, индифферентной, с низким авторитетом государственных и общественных институтов, правовым нигилизмом и действующим принципом нулевого доверия по жизни ко всему и всем.

3) Социально-криминогенные причины относятся к еще одной большой группе мотивационных детерминант радикализации молодежи. Различные социальные проблемы и жизненная неустроенность - трудовая незанятость, правовая незащищенность, социальное сиротство, большое количество беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, асоциальный образ жизни, рост преступности, процветание коррупции, напряженность в межэтнических, межрелигиозных отношениях, повышение криминогенности в среде мигрантов могут в определенный момент вылиться в социальный протест с решительными, но необдуманными действиями молодых людей экстремистского характера.

Статистика показывает, что криминогенные факторы наиболее часто становятся триггерами для запуска процессов радикализации молодых людей с неустойчивыми взглядами, не имеющих сферы занятости (места учебы, работы, досуга и пр.), не затронутых никакими формами социально-значимой активности и имеющих проблемы во взаимоотношениях [1].

Целенаправленное вовлечение молодежи в радикальные течения является одной из серьезных проблем многих стран мира, в связи с чем делается акцент на обоснование и поиск способов предотвращения развития у подрастающего поколения делинквентного поведения и переключения их протестной активности с участия в экстремистских действиях на реализацию их потенциала в социально-позитивных видах деятельности.

Комплексный механизм противодействия распространения идеологии радикализма должен включать в себя серьезный блок предупредительно-профилактической деятельности, связанный в том числе со своевременным выявлением группы риска. Анализ используемого сегодня инструментария показывает, что среди применяемых методик наиболее часто используются следующие:

1) тестовые психологические методики (например, методика самооценки склонности к экстремально-рискованному поведению М. Цуккермана; шкала оценки ксенофобских установок О.Д. Гуриной; методика выявления среди обучающихся лиц, имеющих признаки приверженности радикальным идеологиям, - тест склонности к девиантному поведению Э.В. Леус, А.Г. Соловьева; диагностика рисков радикализации и склонности к экстремизму Е.В. Анисимовой; психодиагностический опросник «Комплекс воина» в системе выявления психологического комплекса экстремиста Т.П. Мильчарека, Н.А. Мильчарек; скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму Т.В. Капустиной; опросник «Склонность к экстремистскому поведению» Е.С. Майкова, Т.И. Бонкало; шкала склонности к экстремизму Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова; и др.);

2) опросные методы (так, в исследованиях молодёжи используются анкеты, направленные на изучение особенностей проявления радикальных настроений, – анкета «Религиозная радикализация» К.В. Злоказова; анкета на выявление склонности к экстремистскому поведению Е.С. Майкова, Т.И. Бонкало и др.);

3) наблюдение (появление интереса и резкое изменение взглядов на мир, общество, религию или культуру; отдаление от семьи, друзей, отказ от прежнего хобби; новые слова и агрессивная риторика, оправдание насилия; появление другой одежа, прически, символики, специфических татуировок, связанных с радикальными сообществами; смена привычного питания и режима дня; новые друзья – как правило скрываемые от других);

4) мониторинг личных страниц в Интернете (используется для выявления рисков подверженности воздействию радикальных идеологий, напри-

мер, через анализ содержания постов, комментариев, интересующих молодого человека и находящих у него отклик в виде лайков, комментариев, перепостов; контингента друзей; используемых никнеймов; оформления аватарки; подборок фотографий и сохраняемых иллюстраций; подписок на определенных сообщества);

5) метод экспертных оценок (опрашиваются учителя, родители, педагоги дополнительного образования, классные руководители, кураторы студенческих групп и другие лица, знающие и имеющие контакт с конкретным молодым человеком).

Применяется скрининговая (короткая процедура для первичного выявления молодых людей с высоким риском поведенческих нарушений) и углубленная диагностика.

Таким образом, радикализация представляет собой психологическую трансформацию сознания, вызывающую изменения системы убеждений. В основе радикализма лежит сложившееся негативное отношение к существующему социальному укладу, обусловленное нереализованными потребностями индивида. Радикализм реализуется как оппозиционное направление с жесткими средствами достижения целей, что дестабилизирует общество. Наиболее благодатной социально-психологической почвой для расцвета радикальных идей является аномия – состояние всеобщей неуверенности и нестабильности, размытости ценностей и действующих норм в обществе. Радикализм может проявляться в различных формах экстремизма и терроризма. Для диагностики проявлений радикализма используются тесты, анкеты, наблюдение, мониторинг соцсетей, экспертные опросы.

Список использованной литературы

1. Ахметова Н. Б. Мировой опыт исследования радикализма среди молодежи / Н. Б. Ахметова. – Текст : непосредственный // Инновационный потенциал молодежи : социальная, экологическая и экономическая устойчивость : материалы Междунар. науч.-исслед. конф., 1-2 окт. 2018 г. – Екатеринбург, 2018. – С. 48-53.

2. Горюнов П. Ю. Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию : метод. пособие / П. Ю. Горюнов, И. В. Гребенщиков. – Санкт-Петербург : Амирит, 2016. – 138 с. – Текст : непосредственный.

3. Опалев А. В. Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества / А. В. Опалев. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 6. – С. 31-34.

4. Horkheimer M. Authoritarianism and the family today / M. Horkheimer // The family : its function and destiny. – New York : Harper, cop., 1949. – 443 p. – Text : direct.

Похомова А. А., канд. соц. наук, заведующий кафедрой,
Белорусского государственного университета,
Беларусь, г. Минск
E-mail: zolotva@yandex.by

ВИРТУАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье сфокусировано внимание на возможности применения такого вида волонтерской деятельности как виртуальное волонтерство в образовательном процессе в качестве формы воспитательной работы со студенческой молодежью.

Ключевые слова: студенческое волонтерство, молодежное волонтерское движение, виртуальное волонтерство, воспитательная работа.

Pokhomova A. A., Ph. D. in Social Sciences,
Head of Department,
Belarusian State University,
Belarus, Minsk
E-mail: zolotva@yandex.by

VIRTUAL VOLUNTEERING AS A FORM OF EDUCATIONAL WORK IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

This article focuses on the potential for using virtual volunteering in the educational process as a form of educational work with student youth.

Keywords: student volunteering, youth volunteer movement, virtual volunteering, educational work.

Согласно статье 1 Кодекса Республики Беларусь об образовании, под образовательным процессом понимается «обучение и воспитание, организованные учреждением образования, организацией, реализующей образовательные программы научно-ориентированного образования, иной организацией, индивидуальным предпринимателем, осуществляющими образовательную деятельность, в целях освоения обучающимися содержания образовательных программ» [1]. Воспитание выступает неотъемлемой частью профессиональной подготовки молодого специалиста, в рамках которого, в соответствии с белорусским законодательством, необходимо целенаправленно формировать разносторонне развитую, нравственно зрелую, творческую личность. В распоряжении педагогического работника большое количество инструментов для содействия трудовому, экономическому, семейному, нравственному, экологическому и др. воспитанию обучающихся: мастер-классы, семинары-тренинги, панельные дискуссии, посещение выставок и музейных экспозиций, просмотр фильмов и иных тематических видеоматериалов, игры, конкурсы социальной рекламы и прочее.

Волонтерство выступает одной из форм осуществления воспитательной работы, а его развитие – одной из важных задач молодежной политики. Являясь немассовым способом вовлечения молодежи в деятельность различных социальных институтов, волонтерская деятельность оказывает значительное влияние на личность молодого человека (волонтера), так как он заинтересован в осуществляемой работе, которую выполняет в соответствии со своим волеизъявлением. Разные виды волонтерской деятельности позволяют учесть индивидуальную мотивацию молодого человека и увлечь его общественно полезной деятельностью [2].

На уровне отдельного учреждения высшего образования в Беларуси функционируют центры волонтерской деятельности, волонтерские отряды, клубы или иные объединения обучающихся. Наиболее распространенными видами студенческого волонтерства выступает социальное, экологическое и зооволонтерство, которые позволяют решать такие воспитательные задачи как формирование уважительного отношения к разным категориям людей, усиление чувства личной ответственности, развитие компетенций организатора и лидера, повышение стрессоустойчивости, расширение жизненного опыта, формирование социального капитала, профилактика вредных привычек и правонарушений, пропаганда здорового образа жизни и др. (социальное волонтерство); прививание бережного отношения к окружающей среде, ответственное потребление, понимание принципов раздельного сбора бытовых отходов, экономное использование ресурсов, вовлечение в процессы озеленения территорий, реализация проектов по благоустройству и пр. (экологическое волонтерство); формирование активной жизненной позиции, сострадания, гуманного и ответственного отношения к животным, профилактика жестокого обращения с животными, поддержка деятельности зоозащитных организаций, помощь приютам для животных и пр. (зооволонтерство) [3; 4].

Практики волонтерской деятельности студенческой молодежи в разных университетах мира нередко интегрированы в образовательные программы, а со стороны учреждений высшего образования оказывается поддержка и содействие реализации просоциального поведения студентов [5, С. 62-63].

Онлайн волонтерство осуществляется удаленно посредством передовых коммуникационных технологий, поэтому такая активность носит название виртуальное, цифровое, интернет-волонтерство и включает такие виды работ, которые не предполагают физического присутствие волонтера и реципиента в одном месте. Исследователи отмечают, что виртуальное волонтерство расширяет возможности волонтерского участия, включая как распространенные виды деятельности (модерирование сайтов, ведение социальных сетей, работа в кол-центре, осуществление услуг переводчика, дизайнера, написание заметок, статей, юридическое консультирование и др.), так и редко встречающиеся активности (оцифровка документов, создание

архивов данных, помощь незрячим и слабовидящим и др.). Таким образом, в зависимости от сферы применения усилий можно выделить среди виртуального волонтерства такие виды как медиаволонтерство, IT-волонтерство, интеллектуальное, образовательное, медицинское волонтерство и пр.

В зависимости от формата участия добровольцев в волонтерской деятельности выделяют онлайн и офлайн (очное) волонтерство. Отдельные исследовательские работы демонстрируют связь между офлайн и онлайн волонтерской деятельностью: волонтерство в одной сфере нередко дополняется социальной активностью в другой [6]. Онлайн-среда предоставляет возможность волонтерам присоединяться к нескольким проектам и/или сотрудничать с несколькими некоммерческими организациями [6, С. 405], что позволяет получить опыт и новые знания в широких областях, применить имеющиеся знания на практике, приумножить свой социальный капитал и др. В случае с онлайн волонтерством молодой человек может как принадлежать к организационной структуре некоммерческой организации в качестве волонтера, так и не принадлежать к ней. Результаты исследований, проводимых зарубежными учеными [6, С. 405-406], свидетельствуют о том, что продолжительность офлайн волонтерства, т.е. количество лет работы в качестве волонтера, отрицательно коррелирует с эмпатией, склонностью к сопереживанию и готовностью нести ответственность за других. В случае с онлайн волонтерством взаимодействие с реципиентами опосредованное и проблемы эмоционального выгорания стоят менее остро.

Таким образом, виртуальное волонтерство представляет собой возможность интеграции в деятельность нескольких некоммерческих организаций или в несколько волонтерских проектов, совмещения несколько форматов волонтерского труда, выбора гибкого графика выполнения задач, минимизации временных издержек на трансфер при участии в волонтерских проектах, применения профессиональных навыков удаленно, развитиях цифровых навыков. В условиях интенсивной профессиональной подготовки в рамках высшей школы онлайн волонтерство позволяет студенту успешно совмещать обучение, волонтерство и отработку профессиональных навыков, получение опыта. С другой стороны, вовлечение студенческой молодежи в волонтерское движение, в том числе в цифровой среде, позволяет решать воспитательные задачи в рамках ключевых направлений молодежной политики.

Список использованной литературы

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании : закон № 243-З : принят Палатой представителей 2 декабря 2010 года : одобрен Советом Республики 22 декабря 2010 года. – Текст : электронный // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [официальный сайт]. – 2026. – URL : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243 (дата обращения : 26.02.2026).

2. Похомова А. А. Волонтерство как социально-значимая общественная деятельность : риски и возможности / А. А. Похомова. – Текст : непосредственный // Матрица современной социологии. – 2022. – С. 129-141.
3. День молодежи и студенчества : статистический обзор. – Текст : электронный // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. : [официальный сайт]. – 2026. – URL : https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-stud-2025.pdf (дата обращения : 21.03.2026).
4. Об ответственном обращении с животными : закон Республики Беларусь № 361-З : принят Палатой представителей 28 февраля 2024 года : одобрен Советом Республики 20 марта 2024 года. – Текст : электронный // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [официальный сайт]. – 2026. – URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12400361 (дата обращения : 21.03.2026).
5. Певная М. В. Волонтерское неучастие студентов, или Как эффективно организовать обучение добровольчеству в российских университетах / М. В. Певная, А. Н. Тарасова, Д. Ф. Телепаева. – Текст : непосредственный // Университетское управление : практика и анализ. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 59-74.
6. Ihm J. Classifying and Relating Different Types of Online and Offline Volunteering / J. Ihm. – Text : electronic // Voluntas : International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. – vol. 28, № 1. – 2017. – P. 400-419. – URL : http://www.jstor.org/stable/26160657 (date of the application : 21.03.2026).

Астафьева Э. Н., старший преподаватель
кафедры иностранных языков,
Березнева Е. Ю., канд. биол. наук,
доцент кафедры биологии,
Омский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Россия, г. Омск
E-mail: katerina_358@mail.ru
elinaast@mail.ru

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМАТЫ ЛИДЕРСТВА

В статье рассматривается студенческое самоуправление как важный элемент реализации молодежной политики в высшем учебном заведении. Проанализированы традиционные и инновационные форматы студенческой активности. Определена необходимость формирования гибридной модели самоуправления, включающей как традиционные, так и современные технологии формирования лидерских компетенций.

Ключевые слова: студенческое самоуправление, высшая школа, воспитательная среда, лидерство, инновации, университетские традиции.

Astafieva E. N., Senior Lecturer
in the Department of Foreign Languages,

Berezneva E. Yu., Ph. D. in Biology,
Associate Professor, Department of Biology,
Omsk State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Russia, Omsk
E-mail: katerina_358@mail.ru
elinaast@mail.ru

STUDENT SELF-GOVERNANCE: TRADITIONAL AND INNOVATIVE LEADERSHIP FORMAT

The article examines student self-government as an important element of implementing youth policy in higher education institutions. Traditional and innovative formats of student activity are analyzed. The need to form a hybrid model of self-government that includes both traditional and modern technologies for developing leadership competencies is identified.

Keywords: student self-government, higher education, educational environment, leadership, innovation, and university traditions.

В настоящее время наблюдаются достаточно высокие требования к будущим специалистам, их личным характеристикам, таким, как коммуникабельность, ответственность, инициативность, творческий потенциал, проактивность и инициативность. Участие обучающихся различных формах коллективной самоорганизации способствует всестороннему развитию личности студентов и подготовке конкурентоспособного специалиста. Студенческое самоуправление способствует развитию личностных качеств обучающихся через их активное участие в различных формах общественной деятельности, подготовке, принятии и реализации управленческих решений, касающихся важных вопросов жизнедеятельности университета, защите прав и интересов обучающихся, включение в различные виды социально значимой деятельности. Данное направление может выступать и как школа подготовки вчерашних школьников к возможностям и перспективам своей профессиональной и культурно-нравственной самоорганизации, принятию общественно значимых решений, участию в социальном управлении своим коллективом.

Студенческое самоуправление является ярким показателем демократизации системы образования и одним из основных элементов образовательной политики высших учебных заведений, что в значительной мере обусловлено потребностью молодых людей в получении качественного образования. Включение обучающихся в процессы принятия решений повышает их мотивацию, развивает лидерские качества, способствует формированию ответственного отношения к учебному процессу и жизни образовательной

организации [1, С. 420]. В связи с этим, одной из важнейших задач для университета становится вовлечение обучающихся во внеучебную деятельность, которая способствует формированию надпрофессиональных компетенций, необходимых для успешной самореализации не только в рамках полученной специальности, но и как гражданин с активной жизненной позицией, личной ответственностью «за социальную реализацию собственного предназначения и признания, полного раскрытия творческого потенциала, а также за решение конкретных профессиональных проблем» [2, С. 520]. Другими словами, получая высшее образование, будущему молодому специалисту необходимо не только овладеть профессиональными компетенциями, а также уметь взаимодействовать с коллективом, стремиться к саморазвитию, обладать «высокой культурой общения, этическим сознанием и ответственностью перед обществом» [3, С. 70].

Органы студенческого самоуправления активно привлекаются в целях практико-ориентированного развития профессиональных компетенций. Для освоения профессиональных навыков и компетенций в студенческом самоуправлении будущий организатор работы с молодежью может свободно и неформально применять приобретенные теоретические знания на практике, участвуя в планировании и проведении молодежных мероприятий, проектов и управлении коллективом. Сами студенты видят особый потенциал в студенческом самоуправлении, высоко оценивая его значимость для развития профессиональных компетенций [4, С. 70].

Необходимо отметить тот факт, что в последнее десятилетие воспитательная среда вуза претерпела важные изменения: вместе с активным внедрением современных технологий в процесс воспитания проведена также актуализация многих нормативно-правовых актов, регулирующих молодежную политику, в основе которых стремление к формированию и сохранению традиционных ценностей. Желание университета сохранить уникальные традиции и чувство академической солидарности пересекается с необходимостью быть готовым ответить на актуальные запросы обучающихся, которые заключаются в индивидуализации и прагматизации учебного процесса.

Деятельность студенческих организаций основывается на ряде принципов, которые обеспечивают эффективное их развитие и функционирование. При разработке принципов системы студенческого самоуправления необходимо учитывать и тот факт, что в настоящее время происходит объективное смешение акцента с общественного воспитания на самовоспитание и самоформирование личности [5, С. 200]. Важно, чтобы студенты понимали свою роль в этих процессах и активно участвовали в жизни своего университета. Понимание принципов работы таких организаций позволяет в организации и в эффективном достижении поставленных целей. Основными принципами работы студенческого самоуправления являются принципы добровольности или мотивированности, прозрачности и открытости,

выборности, разделения полномочий, сотрудничества и партнерства [6, С. 24].

Таким образом, студенческое самоуправление охватывает все сферы жизнедеятельности высших учебных заведений: учебно-воспитательную, научно-исследовательскую, спортивно-оздоровительную, быт, досуг, участие в общественно-общественной жизни. Распространяется на все уровни академической общины: группы, факультета, университета. Для успешной реализации молодежной политики необходимо найти баланс между сохранением преемственности воспитательных традиций и адаптацией новых форматов студенческого самоуправления.

Список использованной литературы

1. Брюхова П. К. Модель оптимальной структуры организации и управления образовательным учреждением / П. К. Брюхова. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2025. – Т. 5, № 6-1 (87). – С. 417-422.
2. Гурина Н. С. Роль студенческого самоуправления в обеспечении качества образовательного процесса / Н. С. Гурина, И. В. Пархимович. – Текст : непосредственный // Инновационные обучающие технологии в медицине : материалы Респуб. науч.-практ. конф., 02 июня 2017 г. – Витебск, 2017. – С. 520-522.
3. Кураторская деятельность как инструмент воспитательной работы / И. Г. Цускман, Л. В. Степанова, Е. Д. Сергеева [и др.]. – DOI 10.17513/spno.34224. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2025. – № 4. – С. 70.
4. Салова М. Л. Студенческое самоуправление как механизм развития профессиональных компетенций будущих специалистов по работе с молодежью / М. Л. Салова. – Текст : непосредственный // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 6 106). – С. 513-519.
5. Хуранов А. Б. Инновационные технологии организации деятельности органов студенческого самоуправления в университетском комплексе / А. Б. Хуранов. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 11. – С. 200-205.
6. Буданова Н. А. К вопросу о некоторых принципах работы студенческих организаций в вузе / Н. А. Буданова. – DOI 10.5281/zenodo.15396836. – Текст : непосредственный // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 4. – С. 21-26.

Слюсарская Т. В., канд. псих. наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет
имени Л. Н. Толстого,
Россия, г. Тула
E-mail: slusarskaya@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НА НРАВСТВЕННУЮ ТЕМАТИКУ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В статье рассматривается роль художественной литературы на нравственную тематику в контексте изучения дисциплины профессионального цикла. Акцентируется внимание на том, как литературные произведения способствуют формированию у студентов ценностного отношения к инклюзивному образованию, эмпатии, критического мышления. Предлагаются методы интеграции литературных текстов в учебный процесс, что способствует более глубокому осмыслению тем социальной справедливости.

Ключевые слова: инклюзивное образование, художественная литература.

Slyusarskaya T. V., Ph. D. in Psychology,
Associate Professor,
Tula State Pedagogical University named
after L. N. Tolstoy,
Russia, Tula
E-mail: slusarskaya@mail.ru

USING FICTION ON MORAL THEMES IN THE PROCESS OF MASTERING THE DISCIPLINE "INCLUSIVE EDUCATION IN PROFESSIONAL ACTIVITIES"

This article examines the role of fiction on moral themes in the context of professional learning. It focuses on how literary works contribute to the development of students' value-based attitudes toward inclusive education, empathy, and critical thinking. Methods for integrating literary texts into the educational process are proposed, thereby fostering a deeper understanding of social justice themes.

Keywords: inclusive education, fiction.

На современном этапе развития образования вопросы инклюзивной его стороны все чаще становятся предметом дискуссий и обсуждений, поскольку затрагивает проблемы ориентированные на построение системы образования направленной на предоставление равных возможностей для воспитанников и обучающихся всех уровней образования в том числе инклюзивного общего, профессионального и дополнительного образования вне зависимости от интеллектуальных, физических или социальных возможностей, или особенности. В связи с чем встает актуальный вопрос не только формального исполнения своих профессиональных функций педагогами, дефектологами, специальными психологами, социальными педагогами для

осуществления образовательного процесса детей с особыми образовательными потребностями, с позиций компетентного инициатора детского развития, но и активная защита его (ребенка) интересов, истинный альтруизм педагогов. При таком подходе считаем отправным использование художественной литературы на нравственную тематику или можно так назвать «инклюзивную художественную литературу», которая представляет собой мощный инструмент, способствующий формированию моральных ценностей и этических норм у будущих специалистов, работающих в области инклюзивного образования.

Обратимся к исследованиям Д. А. Леонтьева, определившего специфическое содержание и направленность художественного произведения. Автор подчеркивает, что художественная литература не просто передает информацию, но и формирует уникальные смыслы, способные воздействовать на эмоциональную и нравственную сферы человека. Особенность содержания каждого текста художественного произведения, по мнению Д.А Леонтьева, заключается в его способности представлять сложные психологические и социальные реалии через образы и ситуации, которые вызывают у читателя глубокие эмоциональные чувства, переживания, размышления, а содержание любого текста не сводится к простому описанию событий оно включает в себя многослойные смысловые структуры, которые заставляют читателя осмысливать не только действия персонажей, но и их внутренние мотивы, моральные выборы и жизненные ценности. Художественное произведение становится не просто отражением действительности раскрывающимся в тексте, но и активным участником формировании сознания читателя, создает пространство для саморефлексии, самоосмысливания, позволяя каждому индивиду сопоставить свои жизненные ситуации с переживаниями героев, что способствует развитию эмпатии и понимания окружающего мира, специфическое же содержание, становится инструментом для личностного роста, позволяя читателю не только воспринимать, но и осмысливать свои чувства и переживания от прочитанного или услышанного. [1]

Понимание того, что каждый человек может внести свой вклад в общее дело, формирует у будущих специалистов ответственность за создание инклюзивной среды. В современной литературе, как можно отметить, достаточно открыто пишется о проблемах, с которыми сталкиваются «особые» дети и люди, герои предстают как обычные члены нашего общества и в отдельных случаях нам есть чему поучиться у них, но авторы указывают и на трудности, которые еще остаются у геров и какие задачи сопровождения не решены в обществе и требуют скорейшей доработки. Кроме того, на наш взгляд художественная литература может служить средством для обсуждения сложных моральных дилемм. Мы понимаем, что в процессе анализа литературных произведений студенты могут столкнуться с ситуациями, требующими принятия трудных решений, и это способствует развитию их морального сознания. А обсуждение этих вопросов в группах позволит

обмениваться мнениями и взглядами, что способствует формированию навыков конструктивного диалога и сотрудничества, понимание эмоций героев, их переживаний и мотивов действий способствует формированию эмпатии у студентов [2].

Ориентируясь на ключевые позиции и компетенции Федерального государственного образовательного стандарта в рамках получения профессионального образования по направлению подготовки «Специальное (дефектологическое) образование», решая задачи культурно-просветительской направленности в процессе реализации курса дисциплины «Инклюзивные технологии в профессиональной деятельности» нами были включены модули посвященные систематизации знаний студентов: о духовно-нравственной составляющей личности и ее индивидуальности, неповторимости; о критическом осмыслении собственно – личностной позиции; также формирование умений применять психолого - педагогические технологии в профессиональной деятельности, которые предлагаем использовать через накопление запаса художественных образов из различных жанров искусства для понимания самими обучающимися духовной атмосферы воссоздаваемых текстами явлений жизни, умения видеть нравственно эстетические и этические переживания героев, которые пытается решить каждый автор того или иного произведения, а в дальнейшем трансляции духовно-нравственных ценностей в профессиональной деятельности при организации работы с детьми с особыми образовательными потребностями и их родителями [3].

В процессе изучения дисциплины «Инклюзивное образование в профессиональной деятельности» будущие педагоги и специалисты получают возможность не только углубить свои знания о принципах инклюзии, но и развить эмпатию, понимание и уважение к различиям между людьми. В начале курса нами была разработана анкета с целью выявить знания студентов о литературе на нравственную тематику и лицах с ограниченными возможностях здоровья для определения степени понимания инклюзивной теории. Вопросы позволяли раскрыть возможность выявить знания о содержании, героях и их поступках, перечислить (написать) перечень таких произведений, раскрыть понимание смысла понятий «инклюзивная литература», «инклюзивная культура», «литература на нравственную тематику». Как показали результаты опроса, большая часть студентов (90%) на этапе начала освоения дисциплины не смогли быстро в режиме блиц-опроса назвать произведения нравственного содержания или о лицах с ограниченными возможностями ни для детей или о детях, ни перечислить мультфильмы или фильмы, также раскрывающие нравственные поступки или героев, имеющих какие-либо нарушения различного характера разного возраста. Данные вопросы вызвали значительные затруднения. Обобщая результаты, мы отметили, что в качестве примеров припомнили и называли произведения А.

С. Пушкина «Руслан и Людмила», П.П. Ершова «Конек-горбунок», В.Г. Короленко «Слепой музыкант» (разбиравшийся в другом курсе), из мультфильмов – «Цветик- семицветик» по повести В Катаева, что подчеркивает неполную осведомленность студентов, обучающихся на направлении подготовки «Специальное (дефектологическое) образование». В рамках заданий по самостоятельной подготовке в течение семестра мы предлагали студентам просмотреть, прочитать, проанализировать ряд литературных произведений разного характера для разных возрастных групп, затрагивающих темы толерантности, дружбы, справедливости и принятия, помогающих студентам осознать важность создания инклюзивной среды, где каждый человек ценен и имеет право на достойное отношение. Первоначально мы проанализировали различные литературные произведения, отобрав несколько ключевых тем, которые особенно актуальны для инклюзивного образования: это преодоление трудностей и предвзятости, где герои художественных произведений сталкиваются с предрассудками и стереотипами, и их история часто становится символом борьбы за равные права и возможности. Мы понимали, что чтение таких текстов будет способствовать формированию у студентов критического мышления и способности анализировать собственные предвзятые установки; тема дружбы и поддержки, когда литература показывает, как дружеские отношения помогают преодолевать социальные барьеры и способствуют инклюзии, а герои, которые помогают друг другу, становятся примером для студентов, вдохновляя их на создание поддерживающей атмосферы в образовательной среде.

В рамках рассмотрения теоретических понятий дисциплин, формируя инклюзивную культуру, эмпатию, альтруизм, в том числе, исследуем, например, такие семантические оппозиции как: «норма и не норма (патология, нарушение)», «здоровье и болезнь», «жизнь и смерть», градуальные и не градуальные оппозиции, раскрывающиеся в различных фабулах произведений художественной литературы. Для привития более углубленного интереса к инклюзивной литературе и чтению, в частности, предлагаем самим студентам подобрать сказки, мудрые мысли, пословицы или современные произведения различных жаров, раскрывающие жизнь «особого» человека. В перечне сказок часто встречаются «Конек-горбунок» П. П. Ершова (1834), «Руслан и Людмила» А.С Пушкина (1820), «Аленький цветочек» С. Г. Аксакова (1857) и др. Из пословиц, например «Чужой сын дурак – смех, а свой горе», «Одно око, да видит далеко» и др., или подбор современных произведений, например, повесть В.П. Крапивина «Та сторона, где ветер» (1965) [5], которая повествует о дружбе двух мальчишек один из которых слепой, повесть Е. Мурашовой «Класс коррекции» (2007) [6], роман Я. Жаворонкова «Неудобные люди» и др. Рассматриваем механизмы негативных воздействий закрытых учебных заведений, ограниченные социальные контакты, их влияние на коммуникативную, социальную стороны развития личности и дальнейшие жизненные стратегии взрослой жизни. Как правило, разбор

таких художественных текстов вызывает широкую дискуссию в рамках рассматриваемым психологических фактов, по анализируемым текстам предлагается выстроить радикальные профессиограммы педагогов, что позволяет посмотреть на проблемы, описываемые авторами с точки зрения современных инклюзивных подходов в образовании и культуре.

Таким образом можно отметить что в рамках дисциплин «Инклюзивные технологии» и «Инклюзивные технологии в профессиональной деятельности» формируется интерес к вопросам инклюзивного образования, инклюзивной культуре и литературе, поскольку видим, что, при знакомстве с современной литературой, у студентов наблюдается процесс освоения ценности жизни человека, ребенка его здоровья и благополучия через принятие этих жизненных ценностей, появления сочувствия, поддержки, толерантности, взаимосотрудничества и понимания о том, что каждый человек имеет право на полноценную жизнь.

Список использованной литературы

1. Василюк Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – Санкт-Петербург : Питер, 2024. – 435 с. – Текст : непосредственный.

2. Теплов Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы / Б. М. Теплов. – Текст : непосредственный // Избранные труды. – 1985. – Т. 1. – С. 306-312.

3. Сарапулова М. А. Использование произведений художественной литературы и изобразительного искусства о людях с ограниченными возможностями здоровья в процессе профессиональной подготовки бакалавров специального (дефектологического) образования / М. А. Сарапулова. – Текст : непосредственный // Наука, образование, культура. – 2016. – – № 1. – С. 148-157.

Игушкина К. Н., магистрант кафедры педагогики,
Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева,
Россия, г. Саранск
E-mail: igushkina_mdm219@mail.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК РЕСУРС ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ФОРМИРОВАНИЮ

СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У ПОДРОСТКОВ

В статье автор пишет о том, что, кроме образовательной составляющей, большое влияние на подготовку будущего педагога к формированию социальной ответственности у подростков оказывает воспитательная среда вуза. Автор пишет о потенциале волонтерской деятельности, Российских студенческих отрядов (РСО), еженедельных поднятий флага и лекциях Российского общества Знание для подготовки будущих педагогов к формированию социальной ответственности у подростков.

Ключевые слова: воспитательная среда вуза, подготовка будущего педагога, формирование социальной ответственности у подростков, готовность будущего педагога к формированию социальной ответственности у подростков.

Igushkina K. N., Master's Student, Department of Pedagogy,
Mordovian State Pedagogical University named
after M.E. Evseviev
Russia, Saransk
E-mail: igushkina_mdm219@mail.ru

THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY AS A RESOURCE FOR TRAINING FUTURE TEACHERS TO DEVELOP SOCIAL RESPONSIBILITY IN ADOLESCENTS

In the article, the author writes that, in addition to the educational component, the educational environment of the university has a significant impact on the preparation of future teachers for the formation of social responsibility among teenagers. The author discusses the potential of volunteer activities, Russian Student Troops (RST), weekly flag raising events, and lectures by the Russian Knowledge Society for the preparation of future teachers for the formation of social responsibility among teenagers.

Keywords: university educational environment, preparation of future teachers, development of social responsibility, adolescents, future teachers' readiness to develop social responsibility in adolescents.

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036» устанавливает одним из целевых показателей воспитание социально ответственной личности. Для достижения данной цели необходимо обеспечить соответствующую подготовку будущего педагога.

Готовность педагога к формированию социальной ответственности у подростков подразумевает наличие у него необходимых знаний, умений, ценностных ориентаций и мотивации [1, С. 327].

Педагогические условия формирования социальной ответственности охватывают в основном образовательный процесс [2]. Определенным потенциалом для подготовки будущих педагогов к профессиональной деятельности обладает и воспитательная среда вуза. Вопросы, связанные с влиянием воспитательной среды вуза на профессиональное становление педагогов, поднимали в своих исследованиях О. Е. Янкина, А. С. Нефедова, Р. С. Коновалов, В. В. Колобова, О. В. Соколова, И. Ф. Бережная и др. [3; 4; 5; 6; 7].

Базисными элементами воспитательной среды вуза являются специальная атмосфера, состоящая из предметно-пространственного, социально-поведенческого, информационного и событийного окружения, что представляет собой фон воспитательной деятельности. Под воспитательной средой вуза понимается создание комплекса условий, направленных на формирование личности обучающихся.

На наш взгляд такие составляющие воспитательной среды, как волонтерская деятельность, Российские студенческие отряды, отряды поисковиков, лекции Российского общества Знание, еженедельная церемония поднятия флага и символика вуза имеют значительное влияние на подготовку будущих педагогов к формированию социальной ответственности у подростков. Разберем потенциал данных составляющих воспитательной среды подробнее.

Под волонтерством мы понимаем добровольное участие в общественно полезной деятельности. Волонтерская деятельность позволяет студентам погрузиться в реальные социальные процессы, непосредственно взаимодействовать с различными социальными группами, решать актуальные проблемы, проявлять инициативы и самостоятельность. Волонтерство погружает студентов в ситуации, требующие активного участия и ответственного отношения.

Сама суть волонтерской деятельности подразумевает проявление эмпатии, толерантности, заботы и сочувствия, что непосредственным образом является основой социальной ответственности. Волонтерская деятельность позволяет формировать социальную ответственность в самом будущем педагоге. Высокий уровень социальной ответственности будущего педагога позволит ему стать ярким примером и авторитетом для своих учеников.

Российское общество «Знание» является флагманом просветительской деятельности, предоставляя широкой аудитории доступ к актуальным знаниям. Лекторы Российского общества «Знание» являются практикующими специалистами, чьи выступления дают не только теоретическую базу, но и практические инструменты, что помогает будущим учителям лучше понимать, как донести до подростков важность гражданской позиции, активного участия в жизни общества и этических норм.

Кроме того, лекции Российского общества «Знание» служат источником вдохновения для будущих педагогов, т.к. они знакомят слушателей с

интересными людьми и актуальными социальными проблемами. Такое комплексное воздействие, охватывающее как информационный, так и мотивационный аспекты, делает лекции общества «Знание» ценным ресурсом в арсенале подготовки нового поколения учителей, способных воспитывать ответственных, активных и сознательных граждан.

Российские студенческие отряды (РСО) позволяют на практике оттачиваются ключевые навыки, необходимые, в том числе и для формирования социальной ответственности у подростков. Став частью отряда, будь то строительного, педагогического, сервисного или медицинского, каждому бойцу требуется показать высокий уровень самоорганизации, ответственности за порученное дело, умение работать в команде и достигать общих целей. Все перечисленные качества, развитые в процессе интенсивной совместной деятельности бойцов отряда, под руководством опытных командиров и комиссаров, затем могут быть транслированы в работе с детьми.

Педагогический отряд, в частности, предоставляет уникальную возможность для будущих учителей практиковаться в работе с детьми и подростками в условиях, приближенных к реальным. Организация досуга, мероприятий, решение конфликтных ситуаций, работа с детским коллективом – все это напрямую связано с воспитательной работой в школе. Полученный опыт помогает будущим педагогам не только развить свои профессиональные навыки, но и глубже понять психологию детей, видеть, как формируются их ценности и установки, в том числе и в сфере социальной ответственности.

Именно такой опыт – быть частью чего-то большего, вносить личный вклад в общий успех, видеть практическую пользу от своих усилий – особенно ценен для формирования понимания социальной ответственности. Будущий педагог, прошедший через это, способен лучше объяснить подросткам, почему важно быть активным, почему их личный вклад имеет значение, и как осознанные действия влияют на окружающий мир.

Еженедельная церемония поднятия флага, которая в педагогических вузах стала традиционной, также является ценным ресурсом для подготовки будущих педагогов к формированию социальной ответственности у подростков. Поднятие флага носит символическое значение, т.к. это акт демонстрации уважения к государству, его истории и ценностям. Поднятие флага – это одна из многих традиций, которые формируют культурное пространство. Уважение к государству, истории, ценностям, традициям, является важной составляющей социальной ответственности. Для будущих педагогов это возможность лично прочувствовать и осознать важность этих аспектов.

Таким образом, воспитательная среда вуза способна выступить значительным ресурсом подготовки будущих педагогов к формированию соци-

альной ответственности у подростков посредством волонтерства, деятельности в РСО, лекции Российского общества Знание, традиционных поднятий флага и многих других форм работы.

Список использованной литературы

1. Игушкина К. Н. Диагностика готовности будущих педагогов к формированию социальной ответственности у подростков / К. Н. Игушкина. – Текст : непосредственный // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 31 окт. 2025 г. – Минск, 2025. – С. 326-332.
2. Игушкина К. Н. Педагогические условия подготовки будущего педагога к формированию социальной ответственности у подростков / К. Н. Игушкина. – Текст : непосредственный // Учитель нового века : взгляд молодого исследователя : материалы XIII всерос. науч.-практ. конф., 09 окт. 2025 г. – Саранск, 2025. – С. 753-757.
3. Янкина О. Е. Воспитательная среда вуза как фактор формирования готовности будущего педагога к реализации трудовой функции в области воспитания / О. Е. Янкина. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы развития современного образования : теория и практика. – 2019. – С. 85-87.
4. Нефедова А. С. Общая характеристика воспитательного пространства вуза как фактора реализации комплексной законодательно закрепленной социальной нормы / А. С. Нефедова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 11. – С. 82-87.
5. Коновалов Р. С. Воспитательная среда вуза как фактор профессиональной подготовки будущих педагогов / Р. С. Коновалов. – Текст : непосредственный // Вестник педагогических наук. – 2025. – № 10. – С. 304-309.

Баярова М. Б., преподаватель,
Аллаева А. О., преподаватель,
Туркменский сельскохозяйственный институт
Туркменистан, г. Дашогуз
E-mail: merjenbayarowa825@gmail.com
allayewaayjeren7@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ВУЗА

Исследуется процесс формирования экологической культуры студентов через системный подход. Обосновывается переход от разовых акций к созданию целостной воспитательной экосистемы вуза. Анализируются компоненты среды, способствующие трансформации мировоззрения будущих специалистов и развитию их личной ответственности за состояние окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая культура, высшая школа, воспитательная экосистема, устойчивое развитие, эко-волонтерство, экологизация образования, ответственное потребление.

Bayarova M. B., lecturer,
Allayeva A. O., lecturer,
Turkmen Agricultural Institute,
Turkmenistan, Dashoguz
E-mail: merjenbayarowa825@gmail.com
allayewaayjeren7@gmail.com

FORMATION OF STUDENTS' ENVIRONMENTAL CULTURE WITHIN THE EDUCATIONAL ECOSYSTEM OF THE UNIVERSITY

The process of forming students' environmental culture through a systematic approach is investigated. The transition from one-off actions to creating a holistic educational ecosystem of the university is substantiated. Components of the environmental environment that transform the worldview of future specialists and develop their personal responsibility are analyzed.

Keywords: environmental culture, higher education, educational ecosystem, sustainable development, eco-volunteering, greening of education, responsible consumption.

Современная цивилизация находится в точке бифуркации, где дальнейшее развитие общества невозможно без пересмотра фундаментальных принципов взаимодействия человека и природы. Глобальный экологический кризис – это прежде всего кризис мировоззренческий, результат доминирования антропоцентрической парадигмы, в которой природная среда воспринимается исключительно как ресурс. В этих условиях высшая школа берет на себя роль не только транслятора профессиональных знаний, но и ключевого института формирования новой этики – экологической культуры. Задача вуза сегодня заключается в воспитании личности, способной принимать профессиональные и жизненные решения через призму экологического императива [1, С. 12].

Экологическая культура студента представляет собой сложный синтез теоретических знаний, ценностных ориентаций и практических навыков. Она не сводится к простому информированию о проблемах загрязнения среды или изменении климата. Это глубокая внутренняя трансформация, при которой экологические ценности становятся частью профессионального «Я». Однако практика показывает, что традиционные формы обучения – лекции и семинары – часто остаются на уровне декларативных знаний, не переходя в область устойчивых привычек и действий. Для преодоления этого разрыва необходим переход к концепции воспитательной экосистемы вуза.

Воспитательная экосистема вуза – это не просто набор мероприятий, а целостная органическая среда, в которой образовательный процесс, инфраструктура, студенческое самоуправление и административная политика пронизаны едиными экологическими ценностями. В такой системе воспитательный эффект достигается не прямым назиданием, а погружением личности в среду, где экологически ответственное поведение является нормой и стандартом качества жизни [2, С. 45]. Экосистема предполагает отказ от фрагментарности в пользу синергии всех подразделений университета.

Центральным компонентом такой экосистемы выступает «зеленый кампус». Архитектура и функционирование самого университета должны служить наглядным примером устойчивого развития. Раздельный сбор отходов, внедрение энергосберегающих технологий, минимизация использования одноразового пластика в университетских столовых – все эти элементы формируют так называемый «скрытый учебный план» (hidden curriculum). Когда студент видит, что вуз на практике реализует те принципы, о которых заявляет в учебных аудиториях, уровень доверия к экологическим ценностям многократно возрастает. Инфраструктура становится инструментом формирования привычки, которая впоследствии переносится в профессиональную деятельность [1, С. 24].

Содержательный блок воспитательной экосистемы требует глубокой экологизации всего образовательного процесса. Экологическая культура не должна быть прерогативой только студентов профильных специальностей. Важно внедрять аспекты устойчивого развития в курсы для инженеров, экономистов, юристов и педагогов. Например, для будущих строителей это вопросы эко-материалов и энергоэффективности; для экономистов – модели циркулярной экономики и углеродного регулирования. Междисциплинарный подход позволяет студенту осознать, что любая профессиональная деятельность имеет экологический след и несет ответственность перед будущими поколениями [3, С. 92].

Важнейшим инструментом активации экологического сознания является эко-волонтерство и проектная деятельность студентов. В рамках воспитательной экосистемы студенческие инициативы получают ресурсную поддержку и экспертное сопровождение. Участие в акциях по лесовосстановлению, мониторингу состояния местных экосистем или разработка стартапов в области переработки отходов превращает пассивного слушателя в активного субъекта перемен. В процессе волонтерства формируется чувство сопричастности и коллективной ответственности. Опыт «малых дел» снимает психологический барьер перед глобальностью экологических угроз, давая студенту ощущение личной эффективности [4, С. 56].

Психолого-педагогический аспект формирования экологической культуры связан с переходом от «экологии страха» к «экологии созидания». Частое акцентирование внимания на катастрофических сценариях может вызывать у молодежи апатию или эскапизм. Воспитательная экосистема

вуза должна быть ориентирована на конструктив: демонстрацию позитивных примеров, поиск инновационных решений и формирование эстетического восприятия природы. Экологическая культура – это не только самоограничение, но и обретение нового качества жизни, основанного на гармонии и разумной достаточности.

Роль преподавателя в этой системе также трансформируется. Он перестает быть просто источником информации и становится модератором смыслов, наставником и примером для подражания. Личный пример педагога, его вовлеченность в экологические проекты и искренняя приверженность ценностям устойчивого развития оказывают на студентов гораздо большее влияние, чем теоретические выкладки. Воспитательная экосистема предполагает горизонтальное взаимодействие, где студенты и преподаватели совместно работают над решением экологических задач вуза и города [2, С. 68].

Нельзя игнорировать и цифровой компонент экосистемы. Современные технологии позволяют визуализировать экологические данные, создавать виртуальные туры по заповедным территориям или игровые симуляторы по управлению ресурсами. Геймификация экологического воспитания – внедрение мобильных приложений для учета индивидуального эко-следа, проведение цифровых марафонов – привлекает внимание цифрового поколения и делает процесс обучения динамичным и соревновательным. Цифровая среда вуза должна быть наполнена качественным эко-контентом, стимулирующим рефлексию и дискуссию [5, С. 110].

Важным этапом формирования экологической культуры является интеграция вуза в жизнь местного сообщества. Воспитательная экосистема не может быть замкнутой. Организация открытых лекториев, проведение экологических фестивалей для жителей города, участие в разработке региональных экологических программ – все это позволяет студентам почувствовать себя экспертами и общественно значимыми личностями. Университет в данном случае выступает как интеллектуальный и этический центр притяжения, распространяющий принципы устойчивого развития за пределы кампуса [3, С. 105].

Оценка эффективности воспитательной экосистемы требует отхода от количественных показателей (число проведенных мероприятий) к качественным (изменение ценностных установок и реального поведения студентов). Анкетирование, интервьюирование и анализ цифрового следа позволяют отследить динамику формирования экологической культуры. Показателем успеха является готовность выпускника учитывать экологические риски в своей работе даже в ситуациях, когда это не требует закон или экономическая выгода, а диктуется внутренней совестью и этическим кодексом профессионала [4, С. 80].

Однако на пути создания воспитательной экосистемы существуют объективные трудности. К ним можно отнести инерцию мышления части

академического сообщества, недостаток финансирования для глубокой модернизации инфраструктуры и формальный подход к воспитательной работе. Преодоление этих барьеров возможно только при наличии политической воли руководства вуза и искренней заинтересованности студенческого актива. Экологизация вуза – это длительный процесс, требующий терпения и последовательности [1, С. 38].

В заключение следует подчеркнуть, что формирование экологической культуры студентов в рамках воспитательной экосистемы вуза является императивом времени. Это инвестиция в долгосрочную стабильность общества. Университет будущего – это не только место получения диплома, но и пространство, где формируется новый тип человека, осознающего свою неразрывную связь с биосферой. Выпускник с развитой экологической культурой – это специалист, обладающий не только высоким интеллектом, но и «экологической совестью», готовый созидать, сохраняя мир для будущих поколений. Только системное воздействие среды, смыслов и практики в рамках единой экосистемы способно обеспечить ту глубину трансформации личности, которая необходима для перехода человечества к устойчивому развитию. Экологическая культура становится, таким образом, важнейшим индикатором качества современного высшего образования и залогом будущего процветания.

Список использованной литературы

1. Мамедов Н. М. Экология и образование: концептуальные идеи и инновации / Н. М. Мамедов. – Москва : Центр экологического образования, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.

2. Дерябо С. Д. Экологическая психология и педагогика / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин. – Москва : Сфера, 2020. – 310 с. – Текст : непосредственный.

3. Глазачев С. Н. Экологическая культура учителя : теория и практика / С. Н. Глазачев. – Москва : Академический проект, 2022. – 280 с. – Текст : непосредственный.

4. Моисеев Н. Н. Историческое развитие и экологическое образование / Н. Н. Моисеев. – Москва : Наука и жизнь, 2019. – 190 с. – Текст : непосредственный.

Баранова З. В., обучающийся,
Морозова Д. Ф., старший преподаватель
кафедры «Философия»,
Ульяновский государственный технический университет,
Россия, г. Ульяновск
E-mail: zlata.vb@mail.ru

ЦИФРОВАЯ МАЙЕВТИКА: ОТ ТРАНСЛЯЦИИ ЗНАНИЙ

К РОЖДЕНИЮ СМЫСЛА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются вопросы трансформации процесса обучения в высшей школе. Особое внимание уделяется применению метода майевтики Сократа в контексте цифровизации обучения. Отмечено, что данный способ актуализируется в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: цифровизация образования, Учитель, Ученик, знание, майевтика Сократа.

Baranova Z. V., student,
Morozova D. F., senior lecturer, Department of Philosophy,
Ulyanovsk State Technical University,
Russia, Ulyanovsk
E-mail: zlata.vb@mail.ru

DIGITAL MAYEUTICS: FROM THE TRANSLATION OF KNOWLEDGE TO THE BIRTH OF MEANING IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF HIGHER EDUCATION

The article examines issues of transforming the learning process in higher education. Special attention is paid to the application of Socrates' method of maieutics in the context of digitalization of education. It is noted that this method becomes relevant in a digital environment.

Keywords: digitalization of education, Teacher, Student, knowledge, Socratic maieutics.

Современный мир живет в условиях тотальной трансформации фундаментальных основ жизни человека. Это связано с появлением и активным развитием различных технологических инноваций, в том числе и в образовании. Евсеева С. Д. сообщает, что «на смену всем привычным бумажным журналам пришли электронные ведомости, вместо меловой доски в аудиториях – находятся проектор и другое мультимедийное оборудование, на котором есть возможность не только писать, но и воспроизводить различного рода интересующую информацию, поиск которой можно осуществить в Интернет-ресурсах» [2, С. 361]. Особое влияние на реформации в последнее время оказывает искусственный интеллект, который, кажется, сегодня можно встретить в любой сфере жизни.

Высшая школа, как одна из древнейших социальных институтов, не стала исключением. Образование претерпевает особые изменения в условиях внедрения цифровых технологий. Можно с уверенностью сказать, что

данный процесс затрагивает не только технический способ передачи знаний, но и глубинные вопросы воспитания и коммуникации двух важных социальных ролей – учитель и ученик.

В ходе исторического развития установилось довольно понятная модель университетского образования. Она включает в себя традиционное взаимодействие «лицом к лицу», где учитель непосредственно передает знания ученику. То есть воспитательная среда строилась на принципах академической общности, где особую роль играло живое общение. Учитель непосредственно напрямую транслировал не только знания, но и ценности, нормы, и способы научного мышления. Чаще всего данная традиционная среда формировалась за счет присутствия в аудиториях на занятиях, неформального общения в библиотеках в ходе научной исследовательской работы. Однако в последнее время данная модель образование уступает место новым гибридным форматам, которые сформировались под влиянием цифровой среды и прошли ускоренное развитие и внедрение в условиях мировой пандемии.

Цифровизацию образования можно рассматривать с разных аспектов. С одной стороны, несомненными преимуществами являются возможности обучения в любой Высшей школе, находясь в любой точке мира, так как онлайн-обучение, куда входят видео-лекции, онлайн-платформы для выполнения практических заданий, делает это возможным. Более того отказ от живого преподавания в сторону электронного является экономически выгодным. Одна лекция в формате видео способна заменить несколько десятков рабочих часов преподавателя, что способствует сокращению лекционной нагрузки и экономической выгоде. Преподаватель способен обучать гораздо большее количество студентов, что делает образование более доступным для каждого.

С другой стороны, цифровая среда изменяет процесс контроля качественным образом. В данных условиях студенты стремятся «схитрить» и облегчить свой путь к знаниям. Например, последние версии искусственного интеллекта способны как выполнять почти любые практические задания, так и обрабатывать огромное количество информации для написания научных работ как справедливо отмечает Быльева Д. С. «подобный цифровой контроль еще в большей степени ставит преподавателей и учащихся «по разные стороны баррикады», а подчас порождает более изощренные способы обмана» [1, С. 114].

Получается, что общение между Учителем и Учеником, которое имело место быть все предыдущие века, утрачивает свою синхронность и контекстуальную насыщенность. Место устной речи занимает общение при помощи электронной почты и мессенджеров, что автоматически влияет на исчезновение определенного уровня эмпатии и сотрудничества, так как за-

дания и вопросы преподавателя воспринимается не как призыв к самостоятельному размышлению, а как запрос найти готовый ответ с помощью поисковика.

Процесс образования в воспитательной среде высшей школы превращается в простейшую трансляцию знаний, что способствует укреплению, так называемого, «клипового мышления», который характеризуется полным отсутствуем способности личности к глубокому анализу сложных теорий и концепций, что является одной из основ формирования духовного содержания общества Косиченко А. Г. прямо заявляет: «По нашему мнению, техногенная цивилизация пришла к кризису из-за утраты ею духовного содержания» [4, С. 44].

Это ставит перед нами проблему поиску новых методов обучения в цифровой среде. Философия, как одна из древнейших областей знаний, располагает большим арсеналом методов работы в сфере педагогики и работы с сознанием человека. Особое место среди них занимает порождающая педагогика, которая берет свое начало из метода майевтики Сократа, признанный еще современниками как «мудрейший из греков».

Корнетов Г. Б. пишет: «Идея порождающей педагогики Сократа воплощается в его понимании того, каким должен быть педагогический метод, применяемый наставником, стремящимся к тому, чтобы его ученики овладели истинным знанием» [3, С. 48]. Сократ всегда был на стороне устной речи, поэтому особенно важную роль для него играл диалог между людьми. Историки отмечают, что вокруг мудреца всегда собирался народ, вступающий в полемику с философом. В какой-то момент образовался круг молодых мыслителей, которые считали себя его учениками, самый известный из них Платон.

Сократ никогда не сообщал истину напрямую, он давал возможность людям познать ее самим. Отмечают, что философ часто сравнивал себя с матерью, которая была повитухой: «Ведь и со мной бывает то же, что с повивальными бабками: я не рождаю мудрости, и многие, порицавшие меня за то, что других я спрашиваю, а сам не даю ни на что никакого ответа, потому что не мудрец, порицают справедливо. Причина же этого следующая: бабничать мне Бог повелевает, а рождать запретил» [5, С. 335-336]. Сократ отмечает, что он не «рождает» истину, а лишь помогает ей появиться.

Находясь в роли Учителя, Сократ задавал наводящие вопросы и вызывал активную дискуссию, которые помогали Ученику найти ответ на свой вопрос. В процессе обсуждения одного вопроса, зачастую обнаруживаются новые факты, которые ставят под сомнение предыдущие, казалось бы, уже доказанные, истины. Это развивало в учениках не только тягу к новому знанию, но и способность размышлять, анализировать, исследовать. Ученик запоминает не только тезисы, которые транслирует Учитель, но анализирует и доказывает свои утверждения.

Возникает очевидный вопрос: как возможна майевтика Сократа в условиях цифровой воспитательный среды, где устный диалог почти утратил свое значение? При более детальном рассмотрении становится очевидно, что это не только возможно, но и крайне необходимо для будущих специалистов любой сферы.

Во-первых, цифровая среда – это место, где практически каждый может высказать свои убеждения, мнения и истины. Ученику важно не «впитать в себя» все, что он видит и слышит, а научиться выбирать нужную качественную информацию, отличать настоящее знание от мнения необразованного человека.

Во-вторых, сократовская майевтика не исчезает совсем, как очный диалог «лицом к лицу», а трансформируется и приобретает новый вид. Тот же самый подход применяется и в онлайн-формате, где преподаватель задает наводящие вопросы, а студенты обосновывают свою точку зрения и замечают противоречия. Это также применяется и в письменных работах, где студенты анализируют различные аспекты, доказывая их истинность. Невозможно отрицать то, что в таком случае преподаватель не может сразу «направить» студента в нужном направлении. Однако это дает Ученику новые возможности: более длительный анализа фактов, удержание своей мысли, стремление к более точной проработке системы логических возражений.

Для будущих специалистов это означает открытие новых горизонтов развития. Учитель становится тем, кто «пробуждает» стремление к самостоятельному поиску ответов. Обучаясь по данной методике, выпускники высшей школы будут обладать не только надежными знаниями, но и следующими способностями:

1. Развитое критическое мышление, которое ценится в любой сфере жизнедеятельности;

2. Способность выявлять логические ошибки, которые сильно распространены в цифровой среде;

3. Способность строить глубинную коммуникацию, которая не исчезает, а приобретает новый вид в условиях технологического прорыва.

Можно с уверенностью сделать вывод о том, что цифровая трансформация образования не отменяет древних философских методик, а находит им новое применение, где они становятся еще более востребованными. Воспитательная среда высшей школы не должна отрицать новые возможности, а творчески встраивать их в процесс обучения. Майевтика Сократа становится одним из ключевых способов развития личности, которая способная размышлять самостоятельно. Цифровая майевтика становится ключевым методом соединения традиционного образования и технологического прогресса.

Список использованной литературы

1. Быльева Д. С. Вызовы цифровизации образования : новая нормальность / Д. С. Быльева. – Текст : непосредственный // Образование и социальная динамика : материалы VIII Междунар. науч.-теор. конф., 23-24 сен. 2022 г. – Ульяновск, 2022. – С. 110-115.
2. Евсеева С. Д. Образование в эпоху цифровизации : проблемы и возможности в период пандемии / С. Д. Евсеева. – Текст : непосредственный // Образование и социальная динамика : материалы VIII Междунар. науч.-теор. конф., 23-24 сен. 2022 г. – Ульяновск, 2022. – С. 361-366.
3. Корнетов Г. Б. Майевтика Сократа : у истоков порождающей педагогики / Г. Б. Корнетов. – Текст : непосредственный // Психолого-педагогический поиск. – 2018. – № 3. – С. 46-56.
4. Косиченко А. Г. Духовная сущность кризиса техногенной цивилизации / А. Г. Косиченко – Текст : непосредственный // Техногенная цивилизация перед лицом вызовов : материалы X Междунар. науч.-теор. конф., 19-20 сен. 2025 г. – Ульяновск, 2025. – С. 44-51.
5. Карпов В. Н. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объяснения / В. Н. Карпов. – Москва : Синодальная типография. – 1879. – 575 с. – Текст : непосредственный.

Хакимов Р. М., обучающийся,
Иванова Н. Л., канд. пед. наук, доцент,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: buzzy0201@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ РОЛИКОВОГО ТРЕНАЖЕРА-МАССАЖЕРА BODY ROLL НА ОРГАНИЗМ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

В статье раскрыта сущность тренажера-массажера Body Roll и рассмотрены области его применения. Кроме того, статья посвящена анализу влияния тренажера на организм, выявлению плюсов и минусов.

Ключевые слова: тренажер-массажер, Body Roll, преимущества, недостатки, тренажер, организм.

Khakimov R. M., student,
Ivanova N. L., Ph. D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor,
Surgut Institute of Oil and Gas,
TIU branch in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: buzzy0201@yandex.ru

THE EFFECTS OF THE BODY ROLLER MASSAGER ON THE BODY: PROS AND CONS

This article explains the essence of the Body Roll massager and discusses its applications. It also analyzes the machine's effects on the body, identifying its pros and cons.

Keywords: massager, Body Roll, advantages, disadvantages, machine, body.

Массажный ролик Body Roll – это спортивный инвентарь цилиндрической формы для самомассажа. Body Roll – представляет собой конструкцию из деревянных роликов, что дает возможность выполнять классический, антицеллюлитный, лимфодренажный массаж и позволяет самостоятельно проработать любые участки тела, мышцы и кожу рук, ног, спины, живота, боков, бедер и ягодиц. При этом, механическое воздействие тренажера очень эффективно, поскольку вы сами определяете зону, интенсивность и продолжительность своего занятия. Буковые ролики ласкают и разглаживают кожу, равномерно разогревая ее, стимулируя активное расщепление жиров.

Главная задача роликового тренажера-массажера Body Roll – проведение миофасциального релиза (МФР) – это воздействие на фасцию – соединительную ткань, которая обволакивает органы, мышцы, нервы, сосуды и другие составляющие тела человека.

Работать с этой тканью нужно для того, чтобы распрямлять мышечные волокна, повышать их мобильность и устранять боли. Фасция всё время стремится сокращаться (так как антропологически нам удобнее быть на 4-х конечностях) и чтобы уверенно стоять на двух ногах надо делать МФР.

МФР можно делать разными инструментами – мячикам, валиками, роллерами и даже просто руками. Но чаще всего для работы используют массажные ролики или цилиндры. Называют их по-разному, но смысл один. Вот именно такие инструменты и разработала компания Bodyrolls. Но важное преимущество наших продуктов – они делают не только МФР, но и корректируют позвоночник и осанку.

Итак, роликовый массажер Body Roll:

1. Разбивает жировые отложения и способствует быстрому похудению, заметно уменьшая объем «проблемных» зон;
2. Разглаживает кожу и помогает полностью избавиться от целлюлита;
3. Стимулирует кровообращение и обмен веществ,
4. Способствует выведению шлаков;
5. Укрепляет соединительную ткань, помогает при растяжениях;
6. Стимулирует лимфоток, снимает отечность;
7. Повышает настроение и избавляет от усталости.

Индивидуальная тренировка с Body Roll составляет 30 минут, после которой кожа лучше снабжается кислородом, регенерируется, а также происходит стимуляция кровообращения и лимфоток.

Как показывает практика, эффект работы тренажера ощутим уже после первого занятия. Плюс упражнений состоит и в том, что они не требуют специальной физической подготовки, с ними справятся даже те, кто «никогда ничем не занимался».

В то же время люди, которые регулярно занимаются каким-либо видом спорта, фитнесом или танцами получат мощный результат от интеграции упражнений в их практику, т.к. эти упражнения позволяют сбалансировать мышечный тонус, удлинить мышцы и предотвратить или исцелить травмы, связанные с однотипной нагрузкой в данном виде активности.

Организация и методы исследования.

В феврале – марте 2026 года на базе Сургутского филиала ТИУ проводилось исследование среди студентов в возрасте 18 – 23 лет.

Цель данного исследования – изучить эффективность массажного ролика Body roll.

К задачам исследования относится:

– изучение способности использования данного тренажера во внеурочное время (перемены) с целью снижения нагрузки и утомления опорно-двигательного аппарата;

– изучение способности борьбы с сонливостью во время обучения и повышения концентрации внимания.

В исследовании приняли участие 30 студентов, обучающихся очно (20 девушек и 10 парней).

Опрос показал, что студенты остро нуждаются в снятии напряжения во время процесса обучения в университете. Так, 75 % участников жаловались на хронические боли в шейном отделе и в области лопаток во время обучения. 50 % из них связали это с долгим сидением за столом. Кроме того, все 75 % участников указали на то, что из-за того, что затекают мышцы, их клонит в сон и хочется постоянно менять позу. Эти данные говорят о том, что сонливость на занятиях может быть связана с мышечным напряжением, а не с поздним отходом ко сну.

В течение двух недель на каждой большой перемене испытуемые пользовались массажным роликом Body Roll (в зоне спины, шеи и плеч), после чего был проведен опрос снова. Результаты показали положительный эффект от пользования данным массажным роликом.

Так, 90 % участников отметили устранение мышечного напряжения после короткой процедуры. У 60 % участников исчезли головные боли, которые появлялись к концу учебного дня. Самый важный результат – отсутствие сонливости после пользования массажным роликом Body Roll у 90 % испытуемых. Кроме того, последние отмечали возвращение ясности ума.

Массажный ролик Body Roll решил очень важные задачи студентов, поскольку вернул стремление к обучению посредством улучшения физического состояния. Итак, 100 % испытуемых порекомендовали внедрение данной практики в процесс обучения.

В отличие от эффекта после употребления кофеина, который дает краткосрочный всплеск активности с последующим значительным истощением сил, прокатка мышц на массажном ролике Body Roll дает долгосрочный положительный результат, пробуждая активность за счет естественной физиологии.

Итак, исследования показало, что использование массажного ролика Body Roll улучшает самочувствие студентов, тем самым повышает их успеваемость, параллельно решая физические недомогания в виде сонливости и зажатости мышц.

Итак, массажные цилиндры Bodyrolls решают следующие задачи:

1. Избавляют от забитостей, спазмов, напряжений мышц и фасций;

2. Улучшают кровоток в мышцах. Восстанавливается весь организм.

3. Устраняет болевые ощущения при: остеохондрозе, кифозе, межпозвоночной грыже, артрозе, артрите и др.

Бодироллс – это еще и терапевтический инструмент, помимо физического, способный решать медицинские задачи.

Не смотря на положительные аспекты, у данного тренажера есть и недостаток, который обусловлен недостаточной активностью человека при занятиях с ним. То есть, добиться какого-то сверхъестественного результата с ним не получится.

Кроме того, к недостаткам можно отнести то, что массажер не является полностью безопасным, при его использовании ни в коем случае нельзя воздействовать на участки с артериями, которые находятся близко к поверхности, в том числе возле сердца, а также кости и позвоночник, где мышцы совсем мелкие и не защищают суставы.

Перед началом использования массажера рекомендуется проконсультироваться с врачом, особенно при наличии хронических заболеваний или других противопоказаний.

В заключение стоит отметить то, что массажные ролики Bodyrolls способны решать целый спектр задач по восстановлению организма. Это отличный инструмент как для профессиональных спортсменов, так и для тех, кто просто следит за своим здоровьем. Несколько минут работы в день с массажными роликами – это инвестиция в здоровое и функциональное будущее.

Список использованной литературы

1. Аллянов Ю. Н. Физическая культура / Ю. Н. Аллянов, И. А. Письменский. – Москва : Юрайт, 2024. – 51 с. – Текст : непосредственный.

2. Капилевич Л. В. Физиология человека. Спорт / Л. В. Капилевич. – Москва : Юрайт, 2024. – 9 с. – Текст : непосредственный.

3. Эммерт М. С. Общая физическая подготовка в рамках самостоятельных занятий студентов / М. С. Эммерт, О. О. Фадина, И. Н. Шевелева. – Москва : Юрайт, 2023. – 10 с. – Текст : непосредственный.

Рубилина Е. С., обучающийся,
Иванова Н. Л., канд. пед. наук, доцент
Сургутский институт нефти и газа
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: rubilinaeka081@mail.ru
ivanovanl@tyuiu.ru

ВЛИЯНИЕ КРАТКОВРЕМЕННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ НАГРУЗОК (ПРЫЖКОВ НА СКАКАЛКЕ) НА СНИЖЕНИЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния одноминутной серии прыжков на скакалке на уровень ситуативной тревожности студентов перед экзаменом. В исследовании приняли участие 30 студентов 1–3 курсов. Установлено статистически значимое снижение тревожности в экспериментальной группе на 14,8 балла ($p < 0{,}001$) по шкале Спилбергера–Ханина, а также изменение цветовых предпочтений в сторону тёплой гаммы по тесту Люшера. Обоснован вывод о том, что кратковременная физическая нагрузка может служить доступным и эффективным экспресс-методом снижения предэкзаменационного стресса.

Ключевые слова: экзаменационная тревожность, прыжки на скакалке, ситуативная тревожность, цветовой тест Люшера, студенты, стресс, физическая нагрузка.

Rubilina E. S., student,
Ivanova N. L., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Surgut Institute of Oil and Gas,
branch of IUT in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: rubilinaeka081@mail.ru
ivanovanl@tyuiu.ru

THE INFLUENCE OF SHORT-TERM PHYSICAL EXERCISE (JUMPING ROPE) ON REDUCING EXAM ANXIETY IN STUDENTS

The article presents the results of an empirical study on the impact of a one-minute series of jump rope exercises on the level of situational anxiety of students before an exam. The study involved 30 first- and third-year students. A statistically significant decrease in anxiety in the experimental group by 14.8 points ($p < 0.001$) on the Spielberger-Hanin scale was established, as well as a change in color preferences towards the warm spectrum according to the Luscher color test. It is concluded that short-term physical activity can serve as an accessible and effective express method for reducing pre-exam stress.

Keywords: exam anxiety, jump rope, situational anxiety, Luscher color test, students, stress, physical activity.

Непосредственно перед экзаменационным испытанием у значительной части студентов возникает комплекс вегетативных и когнитивных изменений: тахикардия, затруднение воспроизведения выученного материала, чувство внутреннего напряжения. В психологической литературе данный феномен обозначается как экзаменационная тревожность – форма ситуативного стресса, связанного с оценкой компетентности субъекта. По данным Щербатых [1, С. 112], распространённость выраженной экзаменационной тревожности среди учащихся достигает 70%. Современные исследования продолжают фиксировать высокий уровень экзаменационного стресса у студентов. В частности, Чайковский и Тишутин (2025) отмечают, что функциональное состояние обучающихся в период сессии характеризуется значительным напряжением адаптационных механизмов, что требует поиска эффективных методов психофизиологической коррекции [6]. Дергач и Лимаренко (2024) выявили, что ситуативная тревожность у студентов в период сессии варьируется в зависимости от специализации и пола, причём наиболее уязвимыми являются студенты 2-го курса.

Наиболее выраженное негативное воздействие экзаменационная тревожность оказывает на исполнительские когнитивные функции. Эмпирически подтверждено, что повышение уровня кортизола и активация миндалевидного тела сопровождаются угнетением префронтальной коры, что проявляется в снижении концентрации внимания, замедлении оперативной памяти и нарушении логического вывода. Даже при полноценном усвоении учебного материала высокая тревожность блокирует его актуализацию в стрессовой ситуации. Возникающая дисфункциональная петля обратной связи (тревога → когнитивный сбой → усиление тревоги) закрепляет негативный сценарий реагирования на последующие оценочные ситуации.

Дыхательные практики и аутогенная тренировка, хотя и обладают доказанной эффективностью, требуют предварительного освоения (не менее 2-3 недель регулярных занятий) и временных затрат от 5 до 10 минут на сеанс. Медикаментозная поддержка нежелательна, так как затормаживает мышление. Таким образом, возникает потребность в методе, который был

бы одновременно быстрым, безопасным, физиологичным и доступным в условиях учебного заведения.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что кратковременная физическая активность способствует снижению тревожности [2; 4]. Работающие мышцы способствуют метаболизму избытка гормонов стресса (катехоламинов и кортизола), а мозг переключается с панических размышлений на координацию движений. Однако в большинстве научных работ рассматривались тренировки продолжительностью не менее 20 минут. Представляет интерес оценка возможности использования ультракороткой (минутной) нагрузки – такой, которую реально уместить в промежуток между консультацией и входом в аудиторию. Полученные результаты Byshevets с соавторами (2024) демонстрируют, что физическая активность достоверно снижает уровень стресс-ассоциированных состояний у студентов, причём наиболее выраженный эффект наблюдается при кратковременных, но интенсивных нагрузках.

Цель исследования – оценить эффективность одноминутной серии прыжков на скакалке как способа быстрого снижения ситуативной тревожности и улучшения эмоционального настроя у студентов непосредственно перед экзаменом, зачётом или публичным выступлением.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось в период первой и второй аттестации 2026 учебного года на базе Сургутского института нефти и газа (филиал Тюменского индустриального университета в г. Сургуте). В эксперименте приняли участие 30 студентов первого – третьего курсов в возрасте от 18 до 20 лет. Все они ожидали сдачи следующих дисциплин: «Математика», «История», «Сопротивление материалов», а также готовились к устному докладу на студенческой научной конференции. Таким образом, были охвачены разные типы учебных испытаний.

Все участники были случайным образом разделены на две равные группы по 15 человек:

– контрольная группа (КГ) – студенты вели себя как обычно: повторяли конспекты, обсуждали вопросы с одногруппниками или просто ждали вызова;

– экспериментальная группа (ЭГ) – студенты выполняли одноминутную серию прыжков на скакалке непосредственно перед аттестацией.

Для оценки состояния участников использовались два инструмента – количественный и качественный.

Первый инструмент – шкала ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина [3]. Опросник состоит из 20 утверждений, отражающих текущее самочувствие. После подсчёта баллов получается итоговое число в диапазоне от 20 (абсолютное спокойствие) до 80 (предельное напряжение). Показатели до 30 баллов говорят о низкой тревожности, 31 – 45 – об умеренной, 46 и выше – о высокой.

Второй инструмент – цветовой тест Макса Люшера в модифицированном варианте [5]. Цветовосприятие тесно связано с эмоциональной сферой: когда у человека хорошее настроение, он тянется к ярким, тёплым тонам; когда он подавлен или встревожен – на первый план выходят тёмные, холодные тона. В отличие от опросника, где человек может давать социально одобряемые ответы, выбор цвета происходит почти интуитивно. Использовался набор из 9 цветов: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый, белый, чёрный.

Экспериментальная процедура включала три этапа.

Первый этап – исходная диагностика за 45 – 50 минут до экзамена. Все 30 участников заполняли опросник Спилбергера-Ханина, затем раскладывали цветные карточки в порядке предпочтения.

Второй этап – экспериментальное воздействие. Когда до вызова оставалось около 10 минут, студенты ЭГ по одному выполняли минутную серию прыжков на скакалке в комфортном темпе, после чего спокойно прохаживались 30 – 40 секунд для восстановления дыхания. Контрольная группа в это время находилась в аудитории.

Третий этап – повторная диагностика за 3 – 5 минут до экзамена.

Статистический анализ проводился с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых и независимых выборок (уровень значимости $p < 0,05$).

Динамика ситуативной тревожности. На старте обе группы демонстрировали высокий и примерно одинаковый уровень ситуативной тревожности. Средний балл в контрольной группе составлял 57,4 ± 7,1, в экспериментальной – 56,8 ± 6,5. Разница между группами статистически не значима ($p > 0,05$), что говорит о корректном подборе участников.

После эксперимента картина кардинально изменилась (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ситуативной тревожности в контрольной и экспериментальной группах

Группа	Средний балл до (M±SD)	Средний балл после (M±SD)	Изменение (Δ)	Уровень значимости
КГ (n=15)	57,4 ± 7,1	58,2 ± 7,8	+0,8	p> 0,05
ЭГ (n=15)	56,8 ± 6,5	42,0 ± 6,9	–14,8	p <0,001

В контрольной группе тревожность не только не снизилась, но в среднем чуть подросла (на 0,8 балла). В экспериментальной группе наблюдалось резкое и статистически значимое падение тревожности – в среднем на 14,8 балла. Среднее значение 42,0 балла переместилось из зоны высокой тревожности в зону умеренной. Это именно тот уровень, который психологи счи-

тают оптимальным для умственной деятельности: небольшая «взведённость» помогает сосредоточиться, но уже не парализует. У 12 участников из 15 балл опустился ниже 45, а у троих – ниже 35.

На рис. 1 наглядно показана динамика средних значений по группам.

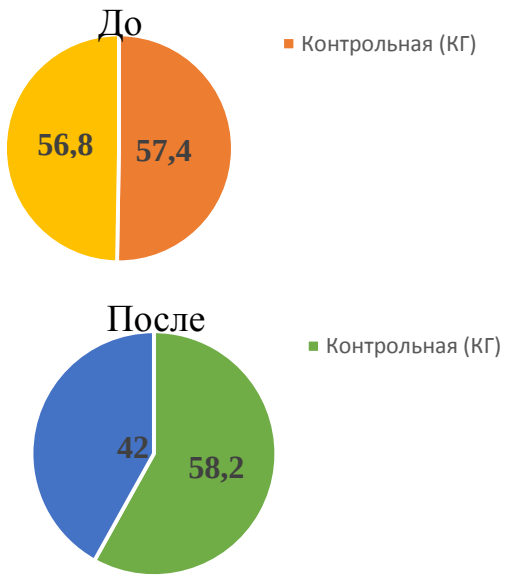

Рис. 1 – Средние значения ситуативной тревожности в контрольной и экспериментальной группах до и после эксперимента

Изменение цветовых предпочтений как индикатор настроения. Цветовой тест дал наиболее показательные результаты. До эксперимента студенты обеих групп в подавляющем большинстве выбирали в качестве самых «близких» тёмные, холодные и ахроматические цвета. Чёрная карточка оказалась на первом или втором месте у 53% участников в КГ и у 47% в ЭГ. Фиолетовый и тёмно-синий также занимали лидирующие позиции. Яркие, солнечные цвета – жёлтый и оранжевый – ставили на первые места единицы. Такая картина характерна для состояния напряжения, усталости, эмоционального спада.

После проведённого воздействия контрольная группа сохранила прежнюю расстановку. В экспериментальной группе произошло значительное изменение (табл. 2).

Таблица 2

Частота попадания цвета на первую или вторую позицию в индивидуальных рядах, % от численности группы

Цвет	КГ до	КГ после	ЭГ до	ЭГ после
Чёрный	53	53	47	13
Белый	20	20	20	13
Фиолетовый	27	33	33	7

Синий	33	27	27	13
Голубой	13	13	7	13
Зелёный	7	7	13	20
Жёлтый	0	0	7	33
Оранжевый	0	0	0	27
Красный	7	7	7	20

Частота выбора чёрного цвета на первых двух позициях сократилась с 47% до 13%, фиолетового – с 33% до 7%. Зато частота выбора жёлтого подскочила с 7% до 33%, оранжевого – с 0% до 27%, красного – с 7% до 20%.

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу: даже одна минута прыжков на скакалке оказывает выраженное анксиолитическое (противотревожное) действие. Что особенно важно – эффект проявляется не только на уровне осознанной самооценки (опросник), но и на уровне глубинных, не всегда осознаваемых эмоций (цветовой тест). Это делает полученные данные особенно надёжными: два независимых метода дали согласованные результаты.

Почему же такой короткой нагрузки оказалось достаточно? Эффект объясняется одновременным срабатыванием нескольких механизмов.

Полученный анксиолитический эффект объясняется комплексом взаимосвязанных физиологических и психологических процессов:

Метаболический механизм. Циклическая аэробная нагрузка умеренной интенсивности способствует катаболизму катехоламинов (адреналина, норадреналина) и кортизола в мышечной ткани, снижая их концентрацию в системном кровотоке [2].

Нейробиологический механизм. Одновременно выполнение координационно-сложного движения (ритмичные прыжки с ротацией скакалки) требует вовлечения мозжечка и моторной коры, что приводит к временному подавлению активности нейронных сетей, ответственных за руминацию (навязчивое повторение тревожных мыслей). В экспериментальном исследовании Wu и Zhou (2024) было продемонстрировано, что 30-минутная сессия аэробной нагрузки у студентов с высокой экзаменационной тревожностью приводит к значимому увеличению фронтальной альфа-асимметрии, что коррелирует с уменьшением негативных эмоциональных переживаний по субъективным шкалам. Наши данные позволяют предположить, что сходные нейрофизиологические сдвиги могут происходить и при сверхкратковременных (1 мин) нагрузках.

Вегетативный механизм. После завершения нагрузки запускается парасимпатический восстановительный ответ: урежение частоты сердечных сокращений, углубление дыхания и снижение мышечного тонуса [4].

Поведенческий фактор. Разрыв стереотипного сценария «ожидание в очереди → нарастающая тревога» через непривычное двигательное действие снижает предвосхищающее избегание.

Полученные результаты хорошо согласуются с современными данными зарубежных исследований. Byshevets с соавторами (2024) доказали, что физическая активность достоверно снижает уровень стресс-ассоциированных состояний у студентов высших учебных заведений, причём наиболее выраженный эффект наблюдается при кратковременных, но интенсивных нагрузках. В недавнем рандомизированном контролируемом исследовании (2025) было показано, что включение высокоинтенсивных интервальных тренировок (HIIT) в программу физического воспитания приводит к значимому снижению уровня тревожности: в экспериментальной группе 73,3% участников продемонстрировали нормальные показатели тревоги против 35,7% в контрольной группе. Наше исследование дополняет эти данные, демонстрируя, что даже сверхкраткая (1 минута) нагрузка может оказывать измеримый анксиолитический эффект.

Таким образом, одноминутная серия прыжков на скакалке обеспечивает статистически значимое снижение ситуативной тревожности (средний $\Delta = -14{,}8$ балла по шкале Спилбергера-Ханина) и улучшение эмоционального фона по данным объективного (проективного) метода − цветового теста Люшера. Предложенный метод не требует специального оборудования (скакалка является доступным инвентарём) и может быть интегрирован в паузу между допуском к экзамену и входом в аудиторию. Рекомендуется к апробации в условиях среднего профессионального и высшего образования.

Список использованной литературы

1. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции / Ю. В. Щербатых. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2023. – 256 с. – Текст : непосредственный.
2. Salmon P. Effects of physical exercise on anxiety, depression, and sensitivity to stress: a unifying theory / P. Salmon. – DOI 10.1016/S0272-7358(99)00032-X. – Текст : непосредственный // Clinical Psychology Review. – 2001. – Vol. 21, № 1. – P. 33-61.
3. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера / Ю. Л. Ханин ; Ленинградский НИИ физической культуры. — Ленинград : ЛНИИФК, 1976. – 40 с. – Текст : непосредственный.
4. Martinsen E. W. Physical activity in the prevention and treatment of anxiety and depression / E. W. Martinsen. – DOI 10.1111/j.1751-7893.2008.00075.x. – Текст : непосредственный // Nordic Journal of Psychiatry. – 2008. – Vol. 62, № 47. – P. 25-29.
5. Люшер М. Цветовой тест Люшера / М. Люшер. – Москва : Эксмо, 2023. – 192 с. – Текст : непосредственный.
6. Чайковский Т. А. Функциональное состояние студентов в условиях экзаменационного стресса в зависимости от отношения к неудачной сдаче экзамена / Т. А. Чайковский, Н. А. Тишутин. – Текст : непосредственный // Специфические и неспецифические механизмы адаптации во время стресса и физической нагрузки : материалы V Междунар. интернет-конф., 20 дек. 2024 г. – Гомель, 2025. – С. 30-34.

Баранкова Н. И., старший преподаватель,
Петрова Т. Н., обучающийся,

Альметьевский государственный технологический университет
«Высшая школа нефти»,
Россия, г. Альметьевск
E-mail: petrova.tn2@yandex.ru
barankova/n65@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема формирования ценностного отношения к здоровому образу жизни у современной молодежи. Анализируются факторы, влияющие на становление ценностных ориентаций в сфере здоровья. Предлагаются пути совершенствования воспитательной работы в вузе.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, ценностное отношение, молодёжь, физическая культура, воспитание.

Barankova N. I., Senior Lecturer,
Petrova T. N., student,
Almetyevsk State Technological University
"Higher School of Oil",
Russia, Almetyevsk
E-mail: petrova.tn2@yandex.ru
barankova/n65@mail.ru

FORMING A VALUABLE ATTITUDE TOWARDS A HEALTHY LIFESTYLE AMONG MODERN YOUTH

The article discusses the problem of forming a value-based attitude towards a healthy lifestyle among modern youth. It analyzes the factors that influence the development of value orientations in the field of health. The article suggests ways to improve educational work at a university.

Keywords: healthy lifestyle, value-based attitude, youth, physical culture, education.

Современное общество предъявляет высокие требования к состоянию здоровья подрастающего поколения. Молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу, находящуюся на этапе формирования устойчивых жизненных ориентиров, ценностей и поведенческих стереотипов. Именно в этот период закладывается фундамент отношения к собственному здоровью, которое во многом определяет качество и продолжительность жизни человека. Особую актуальность проблема формирования ценностного отношения к здоровому образу жизни приобретает в студенческой среде, где молодые люди сталкиваются с серьезными интеллектуальными и

психоэмоциональными нагрузками, изменением привычного уклада жизни и необходимостью самостоятельного принятия решений в различных сферах жизнедеятельности. [1, С. 182]

Ценностное отношение к здоровому образу жизни – не просто знания о пользе спорта и правильного питания. Это, прежде всего, осознание здоровья как личной ценности и ежедневные привычки и поступки, направленные на его поддержание.

Признавая высокую значимость здоровья, молодые люди не принимают достаточных усилий для его сохранения и укрепления. Здоровье воспринимается ими как нечто само собой разумеющееся, не требующее целенаправленных усилий. Такое потребительское отношение к собственному здоровью характерно для молодежи в целом и обусловлено целым рядом факторов объективного и субъективного характера. [2, С. 12]

К числу объективных факторов, затрудняющих формирование ценностного отношения к здоровому образу жизни, следует отнести высокую учебную нагрузку, дефицит времени, хроническое переутомление, необходимость совмещать учебу с работой. Немаловажную роль играет недостаточная развитость спортивной инфраструктуры, ограниченность к качественным физкультурно-оздоровительным услугам, их высокая стоимость для студенческого бюджета.

Субъективные факторы связаны с особенностями молодежного сознания, для которого характерно ощущение неисчерпаемости собственных ресурсов и недооценка опасности вредных привычек и пренебрежение долгосрочными последствиями нездорового образа жизни. В молодежной среде часто формируются ложные стереотипы, отождествляющие здоровый образ жизни с ограничениями, скукой и отказом от удовольствий.

Важнейшая роль в формировании ценностного отношения к здоровому образу жизни принадлежит системе образования, и в первую очередь дисциплине «физическая культура». Традиционная модель физического вуза ориентирована преимущественно на выполнение нормативных требований и развитие физических качеств, тогда как воспитательный и ценностно-ориентационный потенциал используется недостаточно. Занятия зачастую воспринимаются студентами как формальная обязанность, необходимая для получения зачета, а не как возможность укрепления здоровья и личностного развития. [3, С.134-137]

Формирование подлинно-ценностного отношения к здоровому образу жизни требует пересмотра подходов к организации физического воспитания в вузе. Необходимо смещение с нормативного подхода на личностно-ориентированный, предполагающий учет индивидуальных интересов, потребностей и возможностей студентов. Важно предоставить молодым людям возможность выбора видов физкультурно-спортивной деятельности в соответствии с их предпочтениями, что повышает внутреннюю мотивацию и способствует формированию устойчивого интереса к занятиям.

Значительным воспитательным потенциалом обладает внеучебная физкультурно-спортивная деятельность. Участие в спортивных соревнованиях, туристических походах позволяет студентам получить позитивный опыт и сформировать чувство принадлежности к спортивному сообществу. Такие эмоциональные переживания способствуют осмыслению ценности здорового образа жизни.

Важную роль в формировании ценностного отношения к здоровью играет личный пример значимых взрослых, и в первую очередь преподавателей физической культуры и кураторов студенческих группу. Студенты чутко реагируют на искренность и вовлеченность педагога, на то, насколько его собственный образ жизни соответствует транслирующим ценностям. Преподаватель демонстрирующий высокий уровень физической подготовленности, следящий за своим здоровьем, увлеченно занимающийся спортом, становится для студентов реальным образцом для подражания, а его слова приобретают убедительность и весомость.

Особого внимания заслуживает работа с первокурсниками, переживающими сложный период адаптации. В это время происходит формирование новых поведенческих паттернов, в том числе связанных с отношением к здоровью. Целенаправленная работа на начальном этапе позволяет предотвратить закрепление неблагоприятных привычек и создать основу для дальнейшего развития ценностного отношения к здоровью.

Формирование ценностного отношения к здоровому образу жизни невозможно без активного включения в этот процесс самого студента. Необходимо создавать условия для проявления субъектной позиции молодого человека, его самостоятельности и ответственности в вопросах сохранения и укрепления здоровья. Этому способствует использование проектных технологий, предполагающих разработку и реализацию студентами индивидуальных программ оздоровления, ведение дневников самоконтроля, участие в волонтерских проектах, связанных с пропагандой здорового образа жизни в молодежной среде.

Эффективность работы по формированию ценностного отношения к здоровому образу жизни во многом зависит от согласованности усилий всех субъектов образовательного процесса. Необходимо взаимодействие кафедры физического воспитания с другими структурными подразделениями вуза, с органами студенческого самоуправления, с общественными организациями и спортивными клубами. Важно, чтобы идеи здорового образа жизни пронизывали всю образовательную среду вуза, отражались в содержании учебных дисциплин, в тематике научно-исследовательской работы студентов, в воспитательных мероприятиях, в информационном пространстве университета.

Таким образом, формирование ценностного отношения к здоровому образу жизни у современной молодежи представляет собой сложный и мно-

гогранный процесс, требующий системного подхода и учета целого комплекса факторов. Декларируемая молодыми людьми ценность здоровья не всегда реализуется в реальном поведении, что свидетельствует о недостаточной сформированности ценностного отношения к нему. Преодоление этого противоречия возможно при условии перестройки системы физического воспитания в вузе, усиления ее воспитательного и образовательного компонентов, создания условий для проявления субъектной позиции студентов, использования разнообразных форм и методов работы, направленных на формирование устойчивой внутренней мотивации в здоровьесберегающему поведению. Только при таком комплексном подходе можно обеспечить становление подлинно-ценностного отношения к здоровью.

Список использованной литературы

1. Абаскалова Н. П. Системный подход к освоению ключевой компетенции «Быть здоровым» в условиях непрерывного образования / Н. П. Абаскалова, А. Ю. Зверкова. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 5. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-k-osvoeniyu-klyuchevoy-kompetentsii-byt-zdorovym-v-usloviyah-nepreryvnogo-obrazovaniya (дата обращения : 26.02.2026).

2. Амосов Н. М. Раздумья о здоровье / Н. М. Амосов. – Москва : Физкультура и спорт, 2019. – 102 с. – Текст : непосредственный.

3. Виленский М. Я. Физическая культура в научной организации процесса обучения в высшей школе / М. Я. Виленский. – Москва : Московский государственный педагогический университет, 2021. – 216 с. – Текст : непосредственный.

Журавлева В. Д., обучающийся,
Иванова Н. Л., канд. пед. наук, доцент,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: zuravlevavaleria425@gmail.com
ivanovanl@tyuiu.ru

ВЛИЯНИЕ СНА НА СТУДЕНТОВ ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ФИЛИАЛ В ГОРОДЕ СУРГУТЕ

В статье рассматриваются проблемы сна студентов высших учебных заведений, анализируется связь между продолжительностью сна, успеваемостью и самочувствием обучающихся. Приводятся данные опроса студентов Сургутского института нефти и газа (филиал ТИУ в г. Сургуте), выявлены основные факторы, негативно влияющие на качество сна, а также причины хронического недосыпа. Обсуждаются последствия депривации сна

для когнитивных функций и здоровья. Предлагаются практические рекомендации по улучшению гигиены сна на индивидуальном уровне и меры системной поддержки со стороны образовательной организации.

Ключевые слова: сон студентов, депривация сна, успеваемость, учебная нагрузка.

Zhuravleva V. D., student,
Ivanova N. L., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Surgut Institute of Oil and Gas,
branch of IUT in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: zuravlevavaleria425@gmail.com
ivanovanl@tyuiu.ru

THE IMPACT OF SLEEP ON STUDENTS OF THE TYUMEN INDUSTRIAL UNIVERSITY (SURGUT BRANCH)

The article addresses sleep- related issues among higher education students and analyses the relationship between sleep duration, academic performance, and students' well- being. It presents survey data collected from students at the Surgut Institute of Oil and Gas (a branch of the Tyumen Industrial University in Surgut), identifies the main factors negatively affecting sleep quality, and outlines the causes of chronic sleep deprivation. The paper also discusses the consequences of sleep deprivation for cognitive functions and overall health. Finally, it offers practical recommendations for improving individual sleep hygiene and suggests systemic support measures that educational institutions can implement.

Keywords: student sleep, sleep deprivation, academic performance, academic workload.

Общая информация о сне и его влиянии на организм студентов

Сон представляет собой естественное физиологическое состояние, характеризующееся пониженной реакцией на окружающий мир и необходимое для восстановления организма, работы мозга и обработки информации. Для лиц молодого возраста (18 – 25 лет) рекомендуемая продолжительность сна составляет 8 – 9 часов в сутки. Однако современные исследования фиксируют устойчивую тенденцию к сокращению сна среди студенческой молодёжи, что связано с высокой учебной нагрузкой, использованием цифровых устройств, совмещением учёбы с работой и социальной активностью.

Хронический недосып негативно сказывается на когнитивных функциях: снижается концентрация внимания, ухудшается память, замедляется

скорость обработки информации. Кроме того, депривация сна ведёт к эмоциональной нестабильности, повышению уровня тревожности, снижению иммунитета и ухудшению общего самочувствия.

Особую значимость проблема сна приобретает в студенческой среде, поскольку период обучения в вузе связан с высокими умственными нагрузками, особенно в экзаменационный период. При этом многие студенты не осознают прямой связи между качеством сна и академической успеваемостью, продолжая практиковать ночную подготовку к занятиям в ущерб отдыху.

Причины нарушений сна у студентов

Нарушения сна у студентов могут возникать под влиянием различных факторов:

1) Высокая учебная нагрузка. Большой объём домашних заданий, подготовка к семинарам и экзаменам вынуждают студентов сокращать время сна.

2) Использование гаджетов перед сном. Синий свет от экранов подавляет выработку мелатонина – гормона, регулирующего циркадные ритмы, что затрудняет засыпание и ухудшает качество сна.

3) Отсутствие режима. Нерегулярное время отхода ко сну и пробуждения, особенно с большими сдвигами в выходные дни, нарушает биологические часы.

4) Стресс и тревожность. Экзаменационные периоды, сессии и переживания по поводу успеваемости негативно влияют на засыпание и глубину сна.

5) Внешние условия. Шум, свет, некомфортная температура в спальне, неудобное спальное место также ухудшают качество сна.

Для того чтобы изучить реальную ситуацию со сном у студентов высших учебных заведений, был проведён опрос среди обучающихся Сургутского института нефти и газа (филиал Тюменского индустриального университета в г. Сургуте).

Организация и методы исследования

Исследование проводилось в феврале-марте 2025 года на базе филиала ТИУ в г. Сургуте. Тип исследования – одномоментное анонимное анкетирование с использованием Google Forms.

В опросе приняли участие студенты очной формы обучения. Среди них 4 человека (40%) – юноши, 6 человек (60%) – девушки. Основной возраст респондентов варьируется от 18 до 20 лет (80%) и 20–22 лет (20%). Распределение по курсам: первый курс – 60%, второй курс – 40%.

Анкета включала вопросы о продолжительности сна, времени отхода ко сну, факторах, влияющих на качество сна, субъективном влиянии недосыпа на успеваемость, предпочитаемых способах улучшения сна, а также о максимальной продолжительности бодрствования.

Результаты опроса и их анализ

Продолжительность и режим сна. Анализ данных показал, что 70% студентов спят в будни 5 – 6 часов, 20% – 7 – 8 часов, и лишь 10% – более 8 часов (см. рис. 1). При этом 50% респондентов ложатся спать в период с 22:00 до 00:00, 30% – с 00:00 до 02:00, 20% – после 02:00. Никто из опрошенных не ложится до 22:00. Таким образом, 70% студентов имеют хронический дефицит сна, сочетающийся с поздним отходом ко сну и, вероятно, ранним подъёмом, обусловленным началом учебных занятий.

Факторы, влияющие на качество сна. На вопрос о причинах, ухудшающих сон, 90% респондентов назвали учебную нагрузку. По 50% отметили социальные сети и гаджеты, а также физическую активность. Питание как фактор выбрали 40% опрошенных.

Субъективное влияние недосыпа на успеваемость. 90% студентов признали, что недостаток сна вызывает у них усталость и плохое самочувствие. 60% отметили снижение памяти и внимания. Лишь 10% считают, что недосып не влияет на их учёбу.

Способы улучшения сна. На вопрос о том, что могло бы помочь улучшить качество сна, 90% респондентов выбрали регулярный режим сна, 70% – прогулки перед сном. Никто не выбрал кофе перед сном или просмотр телевизора в кровати.

Экстремальные эпизоды бодрствования. При ответе на вопрос о максимальной продолжительности бодрствования 62,5% студентов указали, что бодрствовали 24 часа, 25% – более суток, 12,5% – более двух суток.

Анализ открытого вопроса («Какие основные причины мешают студентам выспаться, и что можно сделать для улучшения сна?») показал, что 77,8% респондентов не смогли дать содержательного ответа. Оставшиеся 22,2% указали работу, финансовые и личные проблемы, а также слишком большой объём домашних заданий.

Обсуждение результатов

Проведённое исследование выявило ряд тревожных тенденций. Во-первых, 70% студентов спят менее 6 часов, что значительно ниже физиологической нормы. Это создаёт риск развития хронического недосыпа со всеми вытекающими последствиями для когнитивных функций и здоровья.

Во-вторых, учебная нагрузка является доминирующим фактором, ухудшающим сон (90%). Это указывает на системный характер проблемы: студенты вынуждены жертвовать сном ради выполнения учебных заданий.

В-третьих, несмотря на высокий уровень осведомлённости о правильных стратегиях улучшения сна (90% знают про регулярный режим, 70% – про прогулки), реальное поведение студентов этим знаниям не соответствует. То есть имеет место разрыв между знанием и действием.

В-четвёртых, 62,5% студентов хотя бы раз бодрствовали сутки, а 37,5% – более суток, что является экстремальной формой депривации сна и может привести к серьёзным нарушениям здоровья.

Низкая способность к рефлексии (77,8% не смогли предложить содержательных ответов на открытый вопрос) подтверждает необходимость внешнего вмешательства – как просветительского, так и организационного.

Профилактика нарушений сна и рекомендации

Профилактика нарушений сна – это комплекс мер, направленных на нормализацию режима дня, создание благоприятных условий для засыпания и формирование здоровых привычек. Рассмотрим основные рекомендации, адресованные как самим студентам, так и образовательной организации.

Рекомендации для студентов (индивидуальный уровень):

1) Соблюдение регулярного режима сна. Ложиться и вставать в одно и то же время, включая выходные дни. Сдвиг не должен превышать 1 часа.

2) Отказ от гаджетов за 30 – 40 минут до сна. Синий свет от экранов подавляет выработку мелатонина, затрудняя засыпание. Телефон рекомендуется оставлять в другой комнате.

3) Подготовка ко сну. Тёплый душ, проветривание комнаты, приглушённый свет за час до отбоя способствуют расслаблению.

4) Перенос интенсивной учёбы на утренние часы. Утром работа мозга эффективнее: один час утра равен двум часам ночи.

5) Короткий дневной сон (сиеста). 20 – 30 минут между парами помогают восстановить концентрацию, но не должны длиться более 40 минут, чтобы не нарушить ночной сон.

Рекомендации для образовательной организации (системный уровень):

1) Сдвиг начала первой пары на 9:30 (особенно в зимний период). Это позволит студентам, особенно имеющим поздний хронотип («сов»), получить необходимые часы сна.

2) Дозирование домашних заданий с учётом общей нагрузки по всем предметам. Студенты в открытых ответах жаловались на слишком большой объём «домашки».

3) Организация тихих зон для кратковременного сна (кресла-капсулы или мягкие пуфики в библиотеке / коворкинге).

4) Просветительская кампания с использованием конкретных цифр из опроса. Например, постеры в коридорах: «70% студентов нашего института спят менее 6 часов – это не норма. Высыпайся – учись лучше».

В заключение можно отметить, что большинство студентов Сургутского института нефти и газа сталкиваются с проблемой хронического недосыпа. Исследование показало, что 70% респондентов спят менее 6 часов в будни, 90% связывают плохой сон с учебной нагрузкой, а 90% же признают, что недосып вызывает усталость и снижение концентрации.

При этом студенты хорошо осведомлены о том, как наладить сон (регулярный режим, прогулки, отказ от гаджетов), но не применяют эти знания

на практике. Требуется не просто информирование, а формирование устойчивых привычек и, возможно, корректировка учебного расписания со стороны вуза.

Частые эпизоды экстремального бодрствования (62,5% бодрствовали сутки и более) представляют собой серьёзную проблему, требующую особого внимания.

Подводя итог, можно сказать, что недостаток сна среди студентов – это не личное дело каждого, а системная проблема, которая напрямую влияет на качество образования, здоровье и психоэмоциональное состояние молодёжи. Осознание этой проблемы в сочетании с внедрением профилактических мер как на индивидуальном, так и на институциональном уровне позволит повысить успеваемость, снизить уровень усталости и сделать студенческую жизнь более здоровой и продуктивной.

Список использованной литературы

1. Вейн А. М. Сон человека : физиология и патология / А. М. Вейн, Я. И. Левин. – Москва : Медицина, 2014. – 272 с. – Текст : непосредственный.

2. Бузунов Р. В. Сон и успеваемость студентов : современное состояние проблемы / Р. В. Бузунов, В. Г. Черкасова. – Текст : непосредственный // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. – 2023. – Т. 123, № 5. – С. 45-51.

3. Водяхина А. Я. Изучение нарушений сна у студентов 1-х и 4-х курсов Белгородского государственного национального исследовательского университета / А. Я. Водяхина, А. А. Белал, Е. А. Морозов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 46 (388). – С. 28-30.

Боталова Н. Е., обучающийся,
Иванова Н. Л., канд. пед. наук, доцент,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут

E-mail: ivanovanl@tyuiu.ru
botalovane@tyuiu.ru

ОЧНОЕ И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ 1 И 2 КУРСОВ ФИЛИАЛА ТИУ В Г. СУРГУТЕ)

В статье рассматривается вопрос, который сегодня волнует многих: что ближе самим студентам – привычные пары в аудитории или учёба через интернет? На основе анализа научной литературы и собственного анкетирования учащихся первых и вторых курсов выявлены ключевые факторы, влияющие на выбор: живое общение с преподавателем, и социализация, навыки самоорганизации, техническая доступность и гибкость графика.

Эмпирические данные демонстрируют парадоксальный разрыв между высокой технической доступностью онлайн-обучения и низким кредитом доверия к его качеству. Приведённые количественные показатели и сравнительная таблица наглядно иллюстрируют расхождение между потенциальной возможностью учиться удалённо и реальным желанием студентов.

Автор приходит к выводу, что будущее – не в конкуренции форматов, а в поиске баланса между дисциплиной аудиторной работы и удобством цифровых технологий.

Ключевые слова: очное обучение, дистанционное обучение, студенты, выбор формата, гибридное обучение, цифровизация образования.

Botalova N. E., student,
Ivanova N. L., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Surgut Institute of Oil and Gas,
TIU branch in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: ivanovanl@tyuiu.ru
botalovane@tyuiu.ru

IN-PERSON AND DISTANCE LEARNING: COMPARATIVE ANALYSIS OF STUDENT AUDIENCE PREFERENCES (ON THE EXAMPLE OF 1 AND 2 COURSES OF THE SURGUT BRANCH OF THE TIU)

The article discusses the issue that many people are concerned about today: what is closer to the students themselves – the usual classes in the classroom or

studying via the Internet? Based on the analysis of scientific literature and our own survey of first- and second-year students, we identified key factors that influence their choice: live communication with the teacher and socialization, self-organization skills, technical accessibility, and flexible scheduling.

Empirical data demonstrates a paradoxical gap between the high technical accessibility of online learning and the low credit.

Выбор между очным и дистанционным обучением сегодня – это как выбор между живым театром и кино: в первом случае ты чувствуешь энергетику зала и сопричастность, во втором – ценишь удобство и возможность поставить процесс на паузу. Тема эта возникла не на пустом месте. Последние годы заставили вузы пересмотреть отношение к онлайн-обучению, и теперь уже мало кто спорит, что дистанционные технологии прочно вошли в нашу жизнь. Однако одно дело – техническая возможность, и совсем другое – реальное желание студентов учиться именно так и их субъективная оценка качества такого обучения. Целью данной работы стал сравнительный анализ предпочтений студентов первых и вторых курсов, а также выявление того, как они оценивают эффективность дистанционного формата при наличии выбора.

Эволюция форматов: от корреспондентских курсов к цифровым платформам

Чтобы понять остроту современных споров, стоит совершить краткий экскурс в историю. Дистанционное обучение – изобретение отнюдь не последних лет. Его прообразы существовали ещё в XIX веке в виде корреспондентских курсов, когда студент получал учебные материалы по почте, выполнял задания и отправлял их обратно. С развитием радио и телевидения в XX веке появились образовательные передачи, но настоящая революция произошла с распространением интернета. Электронная почта, вебинары и полноценные образовательные платформы превратили удалённое обучение в интерактивное взаимодействие, сопоставимое по оперативности с очным.

Однако даже на заре двухтысячных педагоги высказывали опасения, что увлечение онлайн-курсами приведёт к падению качества образования. Зарубежный исследователь А. Бейтс (Bates), обобщая опыт канадских и европейских университетов, убедительно показал, что проблема не в самом формате, а в его реализации: там, где «дистант» тщательно продуман и дополняет очное обучение, а не сводится к простой оцифровке лекций, результаты студентов не уступают очным, а иногда и превосходят их [6].

Теоретический анализ: что говорят исследователи о плюсах очного формата

Очная форма по-прежнему остаётся эталоном классического образования, где мотивация и дисциплина подкрепляются регулярным контролем в

аудитории. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько ключевых опор традиционного обучения, на которые указывают ведущие учёные.

Во-первых, это педагогический диалог. Классики отечественной педагогики В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев и Е. Н. Шиянов в своём фундаментальном труде подчёркивали: образовательный процесс – это всегда взаимодействие [1]. В аудитории можно мгновенно переспросить или уточнить информацию, вступить в обсуждение – никакой чат не способен заменить это в полной мере.

Во-вторых, развитие социальных навыков. А. А. Вербицкий, разрабатывая теорию контекстного и я, убедительно доказал, что профессиональное становление невозможно в вакууме [3]. Умение работать в команде, публичные выступления и живая дискуссия формируют компетенции, которые сложно наработать исключительно через монитор.

В-третьих, самодисциплина и внешняя организация. И. П. Подласый в своих работах акцентирует внимание на том, что строгое расписание и необходимость физического присутствия выступают мощным внешним организующим фактором [2]. Это особенно значимо для студентов, которые ещё не выработали привычку к систематической самостоятельной работе.

Наконец, нельзя игнорировать проблему обратной связи. М. Г. Сергеева, изучая адаптацию студентов к цифровой среде, пришла к выводу, что многим не хватает живого общения. Особенно тяжело первокурсникам, которые ещё не успели познакомиться с группой, а уже оказались по ту сторону экрана. Исследовательница связывает эти трудности не только с отсутствием личного контакта, но и с ощущением «потерянности» в потоке информации: когда преподаватель видит реакцию аудитории, он корректирует объяснение; при онлайн-обучении студент часто остаётся один на один со сложной темой.

Дистанционное обучение: гибкость, доступность и их пределы в оценках учёных

Вместе с тем нельзя отрицать очевидных плюсов дистанционного формата, на которые указывает целый ряд авторов. А. В. Хуторской, анализируя возможности цифровой дидактики, отмечает: платформы позволяют каждому двигаться в своём темпе [4]. Если тема сложная – можно остановиться и переслушать, если простая – пройти быстрее. В традиционной лекции преподаватель ориентируется на среднего студента, что при всём удобстве не учитывает индивидуальных различий.

В. И. Загвязинский, размышляя о стратегии развития образования в условиях цифровизации, поднимает острейший вопрос доступности [5]. Далеко не все живут в крупных городах и могут позволить себе переезд к месту учёбы. Для кого-то дистанционное обучение – это единственный шанс получить высшее образование, а кто-то уже со второго курса начинает работать и физически не успевает на все пары.

Однако здесь вскрывается и главная уязвимость удалённого формата – он предъявляет повышенные требования к личной ответственности. Е. С. Полат, стоявшая у истоков дистанционного обучения в нашей стране, совместно с М. Ю. Бухаркиной и М. В. Моисеевой неоднократно предупреждала: мотивация и самоорганизация – это фундамент, без которого онлайн-формат просто не работает. Дистанционное обучение превращается в ловушку для тех, кто не умеет организовывать себя сам. Это как попытка бежать марафон в невесомости: сил много, но нет твёрдой почвы под ногами. Сюда же добавляются психологическая усталость от длительного сидения за компьютером, недостаток живого общения, ведущий к эмоциональному выгоранию, и технические проблемы, создающие барьеры даже для мотивированных учащихся.

Результаты исследования: парадоксы студенческого выбора

Д. Р. Гаррисон и Н. Д. Воган (Garrison, Vaughan), много писавшие о смешанном обучении, считают, что никакого жёсткого противостояния между форматами нет. Оптимальный путь – это интеграция, когда очные встречи дополняются онлайн-инструментами, а не заменяются ими. Чтобы проверить эту гипотезу и выяснить реальные предпочтения студентов, в ходе исследования методом анкетирования были опрошены студенты первых и вторых курсов филиала ТИУ в г. Сургуте. Полученные количественные данные позволили выявить несколько значимых закономерностей и зафиксировать парадоксальный разрыв между технической возможностью и реальным опытом.

Первый блок вопросов касался технической доступности. Подавляющее большинство респондентов – 85% – заявили, что дистанционное обучение для них технически доступно и барьеров для подключения к онлайн-парам практически нет. Этот показатель говорит о высоком уровне цифровизации и отсутствии серьёзного неравенства в доступе к интернету и устройствам.

Однако картина кардинально меняется при переходе к субъективной оценке качества. При ответе на вопрос «Считаете ли вы успешным освоение материала на дистанционном обучении?» мнения разделились строго поровну: лишь 50% опрошенных верят в эффективность такого формата. Получается, что возможность учиться есть практически у всех, но доверие к качеству получаемых знаний остаётся критически низким.

Ещё более показательны результаты по предпочтениям. При наличии выбора три четверти респондентов (75%) предпочли бы традиционное очное обучение. Студенты продолжают высоко ценить живое общение и прямое взаимодействие с преподавателем, что полностью коррелирует с теоретическими положениями, выдвинутыми В. А. Сластёниным, А. А. Вербицким и М. Г. Сергеевой.

Особый интерес представляет сравнение предпочтений студентов разных курсов. Полученные данные наглядно представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение предпочтений в пользу дистанционного обучения по курсам

Курс	Доля студентов предпочитающих дистанционное обучение, %
1	21%
2	36%

Как видно из таблицы, на 1 курсе за дистанционное обучение высказалась лишь пятая часть опрошенных (21%). В то время как на 2 курсе этот показатель оказался почти в два раза выше, достигнув 36%. Такая существенная разница указывает на то, что с приобретением учебного опыта и навыков самостоятельной работы студенты начинают видеть в онлайн-формате больше преимуществ. Они адаптируются к цифровой среде и, вполне вероятно, начинают больше ценить гибкость графика, о которой писал ещё В. И. Загвязинский. Одновременно эти данные косвенно подтверждают тезис Е. С. Полат о том, что дистант требует от обучающегося гораздо большей личной ответственности – качества, которое, судя по цифрам, формируется у студентов постепенно, от курса к курсу.

Таким образом, очную и дистанционную форму обучения стоит рассматривать не как соперников, а как взаимодополняющие элементы. Как и предполагали Гаррисон и Воган, студенты не хотят выбирать что-то одно – им скорее нужна разумная комбинация форматов [9]. Главный парадокс, выявленный в нашем исследовании, состоит в том, что при тотальной технической доступности (85%) кредит доверия к качеству дистанта остаётся на уровне 50%, а консервативный выбор в пользу очных пар делают 75% опрошенных. Очевидно, что одна лишь цифровая доступность не гарантирует качества усвоения знаний. Именно поэтому наиболее перспективным направлением видится не противопоставление форматов, а их разумное сочетание – гибридные модели, которые позволяют сохранить дисциплину и социализацию очных встреч, одновременно используя удобство и гибкость современных технологий. Успех обучения кроется в балансе, и именно этот баланс поможет студентам чувствовать твёрдую почву под ногами, даже бегущими марафон в цифровую эпоху.

Список использованной литературы

1. Сластёнин В. А. Педагогика / В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – Москва : Академия, 2017. – 576 с. – Текст : непосредственный.

2. Подласый И. П. Педагогика / И. П. Подласый. – Москва : Юрайт, 2019. – 576 с. – Текст : непосредственный.
3. Вербицкий А. А. Контекстное обучение : теория и практика / А. А. Вербицкий . – Москва : Высшая школа, 2017. – 208 с. – Текст : непосредственный.
4. Хуторской А. В. Дидактика / А. В. Хуторской. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 720 с. – Текст : непосредственный.
5. Загвязинский В. И. Стратегия развития образования в условиях цифровизации / В. И. Загвязинский. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2020. – № 2. – С. 9-25.

Попов Е. А., обучающийся,
Иванова Н. Л., канд. пед. наук, доцент,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: evgeha.1995popov@gmail.com
ivanovanl@tyuiu.ru

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ТРАВМЫ КОЛЕНА И ГОЛЕНОСТОПА НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТОМ

В статье рассматриваются наиболее частые повреждения коленного и голеностопного суставов, возникающие во время занятий физической культурой и спортом. Перечислены основные виды травм (растяжения связок, разрывы мениска, повреждения голеностопа), а также причины их возникновения. Представлена статистика по частоте таких травм среди студентов. Обсуждаются профилактические меры: укрепление связочного аппарата, правильная разминка, выбор обуви и техника приземления.

Ключевые слова: физическая культура, травмы колена, травмы голеностопа, растяжение связок, разрыв мениска, профилактика.

Popov E. A., student,
Ivanova N.L., Ph. D., Associate Professor,
Surgut Institute of Oil and Gas,
branch of IUT in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: evgeha.1995popov@gmail.com
ivanovanl@tyuiu.ru

COMMON KNEE AND ANKLE INJURIES IN PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS

The article discusses the most common injuries of the knee and ankle joints that occur during physical education and sports. The main types of injuries (sprains, meniscus tears, ankle injuries) and their causes are listed. Statistics on the frequency of these injuries among students are presented. Preventive measures such as strengthening the ligamentous apparatus, proper warm-up, shoe selection, and landing technique are discussed.

Keywords: physical education, knee injuries, ankle injuries, sprain, meniscus tear, prevention.

Общая информация о травмах колена и голеностопа в спорте.

Травмы коленного и голеностопного суставов занимают ведущее место среди всех повреждений опорно-двигательного аппарата у лиц, занимающихся физической культурой и спортом. Это связано с высокими осевыми нагрузками, амплитудой движений и частыми сменами направления бега, прыжками, остановками. Повреждения могут затрагивать связки, сухожилия, мениски, суставную капсулу, костную ткань и мышцы, окружающие сустав. Даже незначительная травма голеностопа при отсутствии правильного лечения может привести к хронической нестабильности, а травма колена – к длительной реабилитации и оперативному лечению

Основные факторы риска травм колена и голеностопа:

1. Резкие движения и смена направления (характерно для футбола, баскетбола, волейбола).

2. Неправильная техника приземления после прыжка (переразгибание колена, завал стопы внутрь или наружу).

3. Слабость мышц бедра и голени – недостаточный мышечный корсет не стабилизирует суставы.

4. Неудобная или изношенная обувь (отсутствие супинатора, плохая фиксация пятки).

5. Недостаточная разминка и заминка – холодные связки быстрее растягиваются и рвутся.

6. Повторяющиеся монотонные нагрузки (бег по твердому покрытию, частые приседания) ведут к хроническим тендинитам и микротравмам.

Наиболее распространённые травмы колена и голеностопа

Травмы коленного сустава:

– Растяжение и разрыв связок колена (чаще всего передняя крестообразная связка – ПКС). Возникает при резком торможении или повороте с фиксированной стопой. Сопровождается отёком, гемартрозом, чувством нестабильности.

– Разрыв мениска – повреждение хрящевой прокладки между бедренной и большеберцовой костью. Часто происходит при глубоком приседании с поворотом. Проявляется блоком сустава («заклинивание»), болью по суставной щели.

– Синдром илиотибиального тракта – боль по наружной поверхности колена у бегунов и велосипедистов.

– Тендинит надколенника («колено прыгуна») – воспаление собственной связки надколенника из-за многократных прыжков.

Травмы голеностопного сустава:

– Инверсионное растяжение (повреждение латеральных связок) – самое частое. Стопа «подворачивается» наружу, возникает отёк, боль, гематома снаружи лодыжки.

– Эверсионная травма (повреждение дельтовидной связки) – подворот стопы внутрь, встречается реже, но более опасна.

– Перелом лодыжек – возникает при высокоэнергетическом воздействии (падение с высоты, резкое скручивание).

– Разрыв ахиллова сухожилия – частое у бегунов и прыгунов при резком старте или толчке. Ощущается как удар по пятке, невозможность подняться на носок.

Особую опасность представляют сочетанные травмы: например, разрыв ПКС + повреждение медиального мениска + разрыв большеберцовой коллатеральной связки («несчастливая триада») [3, С. 370].

Статистика травматизма среди студентов (собственные данные)

Был проведён опрос среди обучающихся Сургутского института нефти и газа (филиал ТИУ в г. Сургуте). В опросе приняли участие 85 студентов очной формы обучения (81% юноши, 19% девушки, возраст 18-24 года).

Результаты:

– 55% занимаются физкультурой несколько раз в неделю, 22% – ежедневно.

– 47% респондентов сообщили, что хотя бы раз получали травму колена (растяжение связок, ушибы, нестабильность).

– 52% сталкивались с травмой голеностопа (подвороты, растяжения, хроническая боль).

– Разрыв мениска или серьёзное повреждение связок колена отметили 16% опрошенных (в основном те, кто занимался игровыми видами спорта).

– Повторные подвороты стопы («хроническая нестабильность голеностопа») наблюдаются у 21% студентов, ранее имевших травму.

– Основные причины по мнению студентов: неправильная техника (60%), недостаточная разминка (28%), плохая обувь (12%).

Наиболее травмоопасные виды спорта (по ответам студентов): футбол (46%), баскетбол (28%), волейбол (14%), бег и прыжки (8%).

Профилактика травм колена и голеностопа

Профилактика повреждений нижних конечностей должна быть системной и включать следующие меры:

1. Обязательная разминка (10 – 15 минут) с акцентом на голеностоп и колено: круговые движения стопой, подъёмы на носки, полуприседания, махи ногами.

2. Укрепление мышц-стабилизаторов:

– мышцы голени (подошвенный сгибатель, малоберцовые мышцы) – снижают риск подворота стопы;

– четырёхглавая мышца бедра и задняя группа – защищают колено от смещения.

3. Использование ортопедических стелек и правильной обуви с хорошей фиксацией пятки и амортизацией.

4. Техника приземления – смягчение через сгибание колен, стопа на полную поверхность, исключение «завала» колена внутрь.

5. Кинезиотейпирование и функциональное бинтование для студентов, уже имевших травмы.

6. Контроль утомления – большинство травм происходит во второй половине тренировки, когда снижен контроль движений.

7. Использование наколенников и голеностопных ортезов при возвращении после травмы.

В заключение стоит отметить то, что травмы коленного и голеностопного суставов являются наиболее распространёнными среди студентов, занимающихся физической культурой и спортом. Они могут приводить к длительному лечению, пропускам занятий, а в тяжёлых случаях – к операциям и прекращению спортивной карьеры. Однако системная профилактика: укрепление мышц, правильная разминка, грамотная техника движений и адекватная обувь – способны снизить риск травм на 60–70%. Результаты опроса студентов Сургутского института нефти и газа подтверждают, что наиболее частыми являются растяжения связок голеностопа и повреждения мениска. Формирование культуры безопасного поведения на занятиях физкультурой должно стать приоритетной задачей кафедр физического воспитания.

Список использованной литературы

1. Коробов М. В. ЛФК при травме голеностопа и реабилитация / М. В. Коробов, А. И. Пономарев. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-9-3-21-24. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-3 (96). – С. 21-24.

2. Трушков К. О. Спортивный травматизм, его особенности, виды, профилактика / К. О. Трушков. – Текст : непосредственный // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2015. – № 3. – С. 213-215.

3. Явдошенко Е. О. Профилактика травматизма и отрицательных реакций организма при занятиях физической культурой и спортом / Е. О. Явдошенко. – Текст : непосредственный // Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры. – 2021. – С. 324-327.

Калмазова Е. М., обучающийся,
Иванова Н. Л., канд. пед. наук, доцент,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: ekna.surgut@inbox.ru
ivanovanl@tyuiu.ru

ПРИСЕДАНИЯ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ПРОФИЛАКТИКИ БЫТОВОГО ТРАВМАТИЗМА У СТУДЕНТОК ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье рассматривается роль физической культуры в формировании личности студента технического вуза, а также специфика тренировочного процесса на базе физкультурно-оздоровительного комплекса «Нефтяник» филиала ТИУ в г. Сургуте. Особое внимание уделяется биомеханическому анализу упражнения «приседание», его влиянию на развитие мышечного корсета девушек и профилактике бытовых дисфункций. Приводится описание локального педагогического эксперимента, доказывающего эффективность включения приседаний в обязательную индивидуальную программу занятий. Раскрывается долгосрочный аспект влияния приседаний на здоровье женщины в репродуктивный период.

Kalmazova E. M., student,
Ivanova N. L., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Surgut Institute of Oil and Gas,
branch of IUT in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: ekna.surgut@inbox.ru
ivanovanl@tyuiu.ru

SQUATS AS A BASIC ELEMENT OF FUNCTIONAL TRAINING AND PREVENTION OF DOMESTIC INJURIES IN FEMALE STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

The article examines the role of physical culture in shaping the personality of a technical university student, as well as the specifics of the training process at the sports and recreation complex «Neftyanik» of the branch of IUT in Surgut. Special attention is paid to the biomechanical analysis of the squat exercise, its influence on the development of the muscular corset in girls, and the prevention of domestic dysfunctions. A description of a local pedagogical experiment prov-

ing the effectiveness of including squats in the mandatory individual training program is provided. The long-term aspect of the influence of squats on women's health during the reproductive period is revealed.

Keywords: students, physical education, squats, Tyumen Industrial University, sports complex «Neftyanik», functional training, women's training, reproductive health, pelvic floor muscles.

Физическая культура и спорт в стенах высшего учебного заведения перестают быть просто учебной дисциплиной, направленной на сдачу контрольных нормативов. В современном мире, где будущий инженер-нефтяник или энергетик проводит значительную часть времени за чертежами, расчетами и компьютерным моделированием, двигательная активность становится мощнейшим инструментом формирования не только профессионального здоровья, но и ключевых личностных качеств. Спорт воспитывает в студенте дисциплину, умение преодолевать трудности, выдержку и волю к победе. Именно регулярные физические нагрузки помогают сформировать стрессоустойчивый характер, столь необходимый в условиях сурового климата Югры и напряженного учебного графика.

Для студентов филиала Тюменского индустриального университета в городе Сургуте учебный процесс по дисциплине «Физическая культура» выгодно отличается от стандартных занятий в школьном спортзале. Наш институт обладает уникальной возможностью проводить практические занятия на базе одного из лучших спортивных сооружений региона – Физкультурно-оздоровительного комплекса «Нефтяник». Это современная арена, оснащенная не только игровыми площадками, но и многофункциональным тренажерным залом. Именно здесь будущие специалисты нефтегазовой отрасли постигают азы физического самосовершенствования, работая на профессиональных тренажерах и с современным инвентарем.

Однако работа в тренажерном зале сопряжена с важным педагогическим принципом – индивидуализацией нагрузки. Не каждый студент (в особенности первокурсник) морально готов или физически способен сразу влиться в работу на сложных блочных конструкциях и рычажных тренажерах. Кому-то противопоказаны осевые нагрузки, кто-то испытывает психологический дискомфорт, а кто-то просто не понимает биомеханики движения в дорогостоящем оборудовании. Именно поэтому преподаватели кафедры физической культуры делают акцент на составлении персональных программ, где фундаментом выступают базовые, естественные для биомеханики человека движения.

И если для юношей золотым стандартом силового тренинга часто считаются жимы и тяги, то для девушек, посещающих занятия в ФОК «Нефтяник», самым эффективным, безопасным и эстетически значимым упражнением по праву признаются приседания.

Почему приседания – лучший выбор для студенток?

Приседание – это многосуставное, функциональное движение, которое не требует громоздкого оборудования (достаточно веса собственного тела или небольшой гантели) и задействует колоссальный массив мускулатуры. Рассмотрим, какие именно мышцы развивает это упражнение и почему их тонус критически важен для студентки технического вуза в повседневной, «бытовой» жизни:

1) Квадрицепсы и ягодичные мышцы. Это главная силовая база для передвижения в условиях нашего северного города. Зимой в Сургуте тротуары часто превращаются в каток. Развитые мышцы ног – это не только эстетика фигуры, но и залог уверенной походки, способность удержать равновесие при гололеде и избежать серьезной травмы. Кроме того, крепкие ягодичные мышцы – это основа здоровья поясничного отдела позвоночника, который испытывает колоссальное напряжение во время сидения на лекциях и подготовки курсовых проектов.

2) Мышцы кора и спины. Правильная техника приседаний невозможна без включения мышц-стабилизаторов пресса и разгибателей позвоночника. Регулярное выполнение упражнения формирует естественный «мышечный корсет», что является прямой профилактикой остеохондроза – профессионального заболевания всех студентов и будущих офисных работников.

3) Мышцы голени и связки голеностопа. Укрепление этого отдела напрямую влияет на выносливость при длительной ходьбе и снижает риск подворота стопы.

Таким образом, приседания готовят организм не столько к спортивным рекордам, сколько к успешной, здоровой и комфортной жизни в быту: подъем по лестнице с тяжелыми книгами или продуктами, игры с младшими родственниками, длительные прогулки по кампусу или набережной Оби [2, С. 325].

Экспериментальное наблюдение: Экспресс-тест в группах ТИУ

С целью доказательства прямой корреляции между включением приседаний в программу занятий и уровнем бытовой функциональности, нами было проведено небольшое локальное исследование (экспресс-тест) в рамках учебного процесса. Мы выбрали две группы девушек 2 курса, занимающихся в ФОК «Нефтяник» по стандартной программе общей физической подготовки с элементами тренажерного зала.

1) Первая группа (экспериментальная) в течение семестра по рекомендации преподавателя систематически включала в свою индивидуальную разминку и основную часть занятия различные вариации приседаний (классические, «плие», приседания с собственным весом на количество, приседания с гантелью у груди).

2) Вторая группа (контрольная) выполняла аналогичную работу на кардио-тренажерах и силовых блоках (тяги, жимы, гиперэкстензия), однако целенаправленно избегала приседаний, полагая, что нагрузки на беговой дорожке достаточно для мышц ног.

В конце семестра мы не оценивали спортивные рекорды. Нас интересовал бытовой аспект. В ходе неформального опроса и наблюдения выяснилась интересная закономерность. Студентки из второй группы, которые игнорировали приседания в своих программах, чаще жаловались на следующее:

1) Быстрая утомляемость ног после длительного стояния в транспорте или очередях.

2) Ощущение «ватных» ног и одышка при подъеме на 4-5 этаж общежития или учебного корпуса (даже при наличии лифта, который часто ломается).

3) Периодические боли в коленных суставах после прогулок на каблуках.

Студентки первой группы, напротив, отмечали ощущение легкости в ногах и отсутствие дискомфорта в коленях и пояснице даже после напряженного учебного дня и длительной ходьбы по территории университетского кампуса.

Выводы эксперимента:

Отсутствие в программе тренировок такого базового движения, как приседание, приводит к дисбалансу в развитии мышечного аппарата. Тренажеры изолированно нагружают отдельные пучки мышц, но не учат ноги работать как единый функциональный механизм в реальных бытовых условиях. У девушек, пренебрегающих приседаниями, формируется слабость мышц бедра и ягодиц, что компенсаторно перегружает коленные суставы и позвоночник.

Долгосрочная инвестиция в будущее: приседания и женское здоровье

Говоря о здоровье студенток, нельзя ограничиваться лишь сиюминутными выгодами вроде легкости походки по лестнице. Упражнения, которые мы выполняем сегодня, закладывают фундамент благополучия на десятилетия вперед. Особую, стратегическую ценность приседания приобретают в контексте репродуктивного здоровья женщины и подготовки организма к будущему материнству.

С анатомической и физиологической точки зрения регулярное выполнение правильных глубоких приседаний оказывает комплексное положительное воздействие на органы малого таза и всю нижнюю часть тела:

Укрепление мышц тазового дна. Это, пожалуй, самый важный, но часто упускаемый из виду аспект. Глубокие приседания (особенно в вариации «плие» или с широкой постановкой стоп) естественным образом тренируют мышцы промежности. Эластичные и сильные мышцы тазового дна – это:

1) Профилактика опущения внутренних органов в более зрелом возрасте.

2) Облегчение течения беременности: развитые мышцы лучше поддерживают растущую матку, снижая нагрузку на поясницу и уменьшая болевые ощущения в спине во втором и третьем триместрах.

3) Помощь в родовой деятельности. Эластичные, тренированные мышцы промежности легче растягиваются при прохождении плода, что снижает риск разрывов и необходимость хирургических разрезов (эпизиотомии). Восстановление после родов у физически подготовленных девушек проходит значительно быстрее и комфортнее [1, С. 215].

4) Улучшение кровообращения в органах малого таза. Ритмичные сокращения крупных мышц ног и ягодиц во время приседаний действуют как «периферическое сердце», активно перегоняя венозную кровь вверх. Это является мощнейшей профилактикой застойных явлений в малом тазу и варикозного расширения вен нижних конечностей. В будущем, во время беременности, когда объем циркулирующей крови увеличивается почти вдвое, а давление на сосуды ног возрастает, девушки с тренированными мышцами ног имеют значительно меньше шансов столкнуться с тяжестью в ногах, отеками и сосудистыми звездочками.

5) Подготовка опорно-двигательного аппарата к вынашиванию ребенка. Беременность – это колоссальная нагрузка на поясничный отдел позвоночника и тазобедренные суставы. Из-за смещения центра тяжести вперед многие женщины страдают от сильных болей в спине и тазу (симфизит). Крепкие ягодичные мышцы и задняя поверхность бедра, развитые приседаниями, служат естественным бандажом, удерживающим таз в правильном анатомическом положении и компенсирующим гиперлордоз поясницы [2, С. 326].

Таким образом, приучая себя к регулярным приседаниям в стенах университетского ФОК «Нефтяник», студентки не просто сжигают калории или улучшают форму бедер. Они осознанно готовят свой организм к одной из самых важных биологических функций – материнству. Даже если девушка не планирует беременность в ближайшем будущем, привычка к данному движению с молодых лет обеспечит ей активное долголетие без проблем с суставами и спиной, которые так часто преследуют женщин после 40 лет.

Проведенное наблюдение в условиях занятий на базе ФОК «Нефтяник» филиала ТИУ в Сургуте наглядно демонстрирует: простота упражнения «приседание» обманчива. За ней скрывается мощный физиологический фундамент здоровья студенческой молодежи. В условиях, когда будущие инженеры вынуждены вести малоподвижный образ жизни ввиду специфики обучения, приседания становятся не просто фитнес-трендом, а необходимостью.

Более того, как показал анализ долгосрочных перспектив, данное упражнение имеет стратегическое значение именно для девушек. От укрепленных мышц тазового дна до эластичных связок – все это невидимые, но крайне ценные активы, которые обеспечат комфортное будущее, легкую беременность и быстрое послеродовое восстановление.

Мы рекомендуем девушкам, занимающимся в нашем тренажерном зале, и всем, кто заботится о своем функциональном долголетии, обязательно включать это упражнение в свою программу, не заменяя его работой исключительно на тренажерах. Начните с собственного веса, следите за техникой, и вы увидите, как укрепляется не только ваше тело, но и ваш характер, ведь дисциплина в малом – залог успеха в большом деле, будь то защита диплома, освоение нефтяных месторождений Югры или самая главная миссия в жизни женщины.

Список использованной литературы

1. Трушков К. О. Спортивный травматизм, его особенности, виды, профилактика / К. О. Трушков. – Текст : непосредственный // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2015. – № 3. – С. 213-215.

2. Явдошенко Е. О. Профилактика травматизма и отрицательных реакций организма при занятиях физической культурой и спортом / Е. О. Явдошенко. – Текст : непосредственный // Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры. – 2021. – С. 324-327.

3. Иванова, Н. Л. Место занятий по физической культуре и спорту в образе жизни студенческой молодежи / Н. Л. Иванова. – Текст : непосредственный // Перспективы развития высшей школы : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 25 мая 2024 г. – Тюмень, 2024. – С. 389-394.

Меркулова А. В., обучающийся,
Иванова Н. Л., канд. пед. наук, доцент,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: merkulova052005@gmail.com
ivanovanl@tyuiu.ru

ВЛИЯНИЕ ПАССИВНОГО ТРЕКИНГА АКТИВНОСТИ НА МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается феномен пассивного трекинга физической активности, осуществляемого умными часами и смартфонами, и его влияние на мотивацию студентов к занятиям физической культурой. Описываются психологические механизмы воздействия постоянного фонового изме-

рения показателей (шаги, калории) на формирование привычек, целеполагание и самооценку обучающихся. Приводятся результаты анкетирования студентов Сургутского института нефти и газа, выявившие как положительные, так и потенциально негативные аспекты данного влияния. На основе анализа предлагаются рекомендации по интеграции осознанного использования фитнес-трекеров в образовательную среду для повышения эффективности физического воспитания и формирования здорового образа жизни.

Ключевые слова: пассивный фитнес, мотивация, студенты, фитнес-трекеры, физическая культура, психология поведения, цифровизация образования.

Merkulova A.V., student,
Ivanova N. L., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Surgut Institute of Oil and Gas,
branch of IUT in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: merkulova052005@gmail.com
ivanovanl@tyuiu.ru

THE INFLUENCE OF PASSIVE ACTIVITY TRACKING ON STUDENTS' MOTIVATION FOR PHYSICAL EDUCATION

The article examines the phenomenon of passive tracking of physical activity carried out by smartwatches and smartphones, and its impact on students' motivation for physical education. The psychological mechanisms of the impact of constant background measurement of indicators (steps, calories) on the formation of habits, goal setting and self-esteem of students are described. The results of a survey of students of the Surgut Institute of Oil and Gas are presented, revealing both positive and potentially negative aspects of this influence. Based on the analysis, recommendations are offered for integrating the conscious use of fitness trackers into the educational environment to improve the effectiveness of physical education and form a healthy lifestyle.

Keywords: passive fitness, motivation, students, fitness trackers, physical education, behavior psychology, digitalization of education.

Активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни современного человека не обошло стороной и физическую культуру. Особый интерес представляет феномен пассивного трекинга активности, когда такие устройства, как смартфоны и умные часы, без активного участия пользователя постоянно фиксируют ключевые показатели: количество пройденных шагов, потраченные калории, пройденное расстояние и даже качество сна.

Этот процесс, происходящий фоном, создает новую реальность взаимодействия человека с собственным телом, особенно актуальную для студенческой молодежи, которая является наиболее технологически вовлеченной социальной группой. Исследование влияния этой постоянной «цифровой тени» на мотивацию к физической активности представляется важной задачей в контексте педагогики и психологии образования, так как позволяет понять, как технологии могут быть использованы для поддержания и укрепления здоровья обучающихся.

Пассивный трекинг опирается на ряд психологических механизмов, которые незаметно, но существенно меняют поведенческие паттерны. Первым из таких механизмов является конкретизация цели. Абстрактное пожелание «быть активнее» трансформируется в четкую, измеримую и визуализированную задачу, например, «закрыть кольцо активности» или «набрать 10 000 шагов». Мозг человека эффективнее обрабатывает конкретные цели, а их достижение сопровождается выбросом дофамина, создавая положительное подкрепление. Второй важный аспект – это экстернализация контроля или так называемый «эффект цифрового наблюдателя». Постоянно работающий датчик создает ощущение, что любое действие или бездействие фиксируется внешним, беспристрастным арбитром. Это смещает фокус внутренней рефлексии: студент начинает сверять свои действия не только с внутренними ощущениями, но и с тем, что «покажет» или «подумает» устройство. Гаджет становится своеобразной цифровой совестью, что может повышать уровень ответственности, но также порождать неоправданное чувство вины или тревоги в случае невыполнения установленных норм.

Третьим механизмом выступает нормализация через заданные алгоритмами стандарты. Устройства по умолчанию предлагают пользователю определенные количественные ориентиры, такие как пресловутые 10 000 шагов в день. Эти часто произвольные с медицинской точки зрения цифры постепенно воспринимаются как объективная норма здорового поведения. Студент начинает оценивать свою активность через призму соответствия или несоответствия этой цифре, что формирует новую систему координат для самооценки. Четвертый мощный фактор влияния – это элементы геймификации и социального взаимодействия. Начисление виртуальных наград, получение бейджей за достижения, участие в челленджах и возможность сравнивать свои результаты с результатами друзей превращают процесс двигательной активности в подобие игры. Для поколения, с детства погруженного в цифровую среду, такой формат является естественным и высокоэффективным способом поддержания интереса и вовлеченности. Однако именно сочетание этих механизмов создает двойственный эффект: с одной стороны, они облегчают старт и поддержание регулярной активности, а с другой – несут риски подмены внутренней, осознанной мотивации на внешнюю, зависимую от цифровых стимулов.

Для изучения практического воздействия пассивного трекинга на студенческую аудиторию было проведено анкетирование среди обучающихся Сургутского института нефти и газа, филиала Тюменского индустриального университета. В опросе приняли участие 85 студентов очной формы обучения в возрасте от 18 до 24 лет. Среди респондентов 58 человек составили юноши и 27 человек – девушки. Опрос проводился с целью выяснить степень распространенности использования устройств с функцией трекинга, изменения в уровне физической активности и мотивации, а также эмоциональные реакции, связанные с получаемыми данными.

Результаты исследования показали высокую степень проникновения технологий пассивного трекинга в студенческую среду. Абсолютное большинство опрошенных, 94%, используют смартфоны или умные часы, которые автоматически фиксируют показатели активности. Более двух третей респондентов, 73%, указали, что периодически или регулярно просматривают эти данные. Что касается влияния на поведение, 65% студентов отметили, что видимость конкретных цифр, таких как количество шагов, мотивирует их сознательно увеличить ежедневную двигательную активность. В качестве примеров приводились такие действия, как отказ от поездки на транспорте в пользу пешей прогулки или использование лестницы вместо лифта. Почти половина опрошенных, 42%, сообщили, что получают положительные эмоции и чувство удовлетворения от уведомлений об достижении, например, «Цель по шагам выполнена!».

Одновременно с этим исследование выявило ряд тревожных тенденций, связанных с психологическим воздействием постоянного мониторинга. Чуть более четверти участников опроса, 28%, признались, что испытывают чувство досады, разочарования или даже неполноценности, если не удается достичь установленной устройством дневной нормы. У 15% респондентов наблюдается формирование навязчивых поведенческих паттернов, таких как постоянная проверка счетчика или совершение бесцельных движений в конце дня исключительно для «добивания» целевого показателя, даже при наличии усталости. Небольшая, но значимая группа студентов, 8%, отмечала, что взаимодействие с трекером порождает у них чувство тревоги, сравнимое с давлением социальных сетей. Социальные функции, такие как рейтинги и сравнение с друзьями, используются 22% опрошенных. Хотя для большинства это служит источником здоровой соревновательной мотивации, несколько человек указали, что хроническое отставание в таких рейтингах, наоборот, снижает их желание заниматься.

Таким образом, данные исследования подтверждают двойственный характер влияния пассивного трекинга. С одной стороны, он выступает эффективным катализатором, инструментом визуализации и социальным стимулом, помогающим студентам, особенно на начальном этапе, повысить уровень повседневной активности и сформировать основу для здоровой

привычки. С другой стороны, для заметной части обучающихся он сопряжен с рисками возникновения психологического дискомфорта, навязчивых состояний и подмены внутренних ощущений усталости или бодрости внешней, зачастую абстрактной, цифровой оценкой.

Учитывая выявленные закономерности, представляется возможным сформулировать ряд рекомендаций для интеграции осознанного использования технологий пассивного трекинга в образовательный и воспитательный процесс высшей школы. Первостепенное значение имеет развитие цифровой грамотности и психологической гигиены среди студентов. Важно проводить разъяснительную работу, раскрывающую принципы действия механизмов геймификации и экстернализации контроля. Понимание этих принципов позволит обучающимся использовать гаджет в качестве слуги, а не позволять ему становиться надсмотрщиком. Необходимо поощрять внимание к внутренним, субъективным ощущениям от физической активности – чувству бодрости, улучшению настроения, повышению энергии – а не только к количественным показателям на экране устройства. Целеполагание должно носить гибкий, индивидуальный характер, учитывающий текущее физическое состояние, академическую нагрузку и общее самочувствие, а не сводиться к слепому следованию универсальным стандартам, заложенным в алгоритмы. Преподаватели физической культуры и кураторы учебных групп могут конструктивно использовать популярность трекеров, организуя командные челленджи и мероприятия, направленные не на жесткую конкуренцию, а на взаимную поддержку и коллективное достижение целей, тем самым формируя позитивную и здоровую среду для физического развития.

В заключение можно констатировать, что пассивный трекинг физической активности, реализуемый посредством персональных электронных устройств, стал значимым фактором, влияющим на мотивацию студенческой молодежи. Его воздействие носит комплексный характер, сочетая в себе мощный потенциал для позитивных поведенческих изменений и определенные психологические риски. Задача образовательной системы в условиях цифровой трансформации заключается не в отрицании данного феномена, а в том, чтобы научить будущих специалистов осознанно и критически взаимодействовать с подобными технологиями. Формирование навыков цифровой гигиены, способности к саморефлексии и балансу между внешними цифровыми стимулами и внутренними потребностями организма является неотъемлемой частью современного физического воспитания и залогом сохранения здоровья в цифровую эпоху.

Список использованной литературы

1. Петрова Г. И. Цифровая трансформация образовательной среды и здоровьесбережения студентов / Г. И. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник высшей школы. – 2023. – № 5. – С. 45-52.

2. Любченко О. А. Психологические аспекты взаимодействия с само-трекинг технологиями: риски и возможности / О. А. Любченко. – Текст : непосредственный // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 77-86.

3. Яковлева Е. В. Геймификация в образовании и повседневной жизни : психолого-педагогический анализ / Е. В. Яковлева – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2021. – № 8. – С. 110-118.

4. Иванова Н. Л. Место занятий по физической культуре и спорту в образе жизни студенческой молодежи / Н. Л. Иванова. – Текст : непосредственный // Перспективы развития высшей школы : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 25 мая 2024 г. – Тюмень, 2024. – С. 389-394.

Секция 3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Бушев А. Б., докт. филол. наук, доцент, профессор,
Тверской государственный университет,
Россия, г. Тверь
E-mail: Bushev.AB@tversu.ru

ЖАНРЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ФАКТУРЫ РЕЧИ

В статье рассматриваются жанры в неустно-неписьменном электронном дискурсе – как новые, не существовавшие до сетевого общения, так и модификация старых. Рассматриваются инновации в литературном творчестве, неофольклор (Интерлор), жанры новейших медиа. Такие исследования актуальны для изучения бытования современной культуры, журналистики, литературы, осмысления роли информационных технологий в филологической науке и практиках массовой коммуникации, медиа, литературы и искусства.

Ключевые слова: электронный дискурс, жанры, сетература, новейшие медиа, Интерлор.

Bushev.A. B., D. Sc., Professor,
Tver State University,
Russia, Tver
E-mail: Bushev.AB@tversu.ru

GENRES OF NEW MEDIA ELECTRONIC DISCOURSE

The article examines genres in electronic discourse - both new ones that did not exist before online communication, and modifications of the old ones. The article examines innovations in literary creativity, neo folklore (Interlore), and genres of the newest media. Such studies are relevant for revealing the existence of modern culture, journalism, literature, and understanding the role of computer technologies in philological science and practices of mass communication, media, literature, and art.

Keywords: electronic discourse, genres, online literature, new media, Interlore.

Институциональное общение в Интернете представляется общением по законам «оффлайна». А вот неформальное общение существует по законам неустно-неписьменного дискурса электронной фактуры. При этом типичные стилистические стратификации оказываются к электронному дискурсу неприменимыми. Ведь и деловое общение, и бытовое, и научное, и публицистическое не отличается особенностями, если оно не официальное. Необходимой представляется иная, новая классификация. Зачем люди ведут блоги, зачем вступают в такое общение? Как проявляют себя в электронном дискурсе коммуникационная функция, фатическая, самопрезентации, функция развлечения, удержания социальных связей, мемуаров, контактов с самими собой? [1]. Налицо такие существенные сферы электронного общения, как экономическая активность [2], политическая мобилизация, общение с государственными органами, образование [3], функция медиума культуры и потребления культуры, такие функции, как контент для хобби, социологические исследования, творчество, память.

Привлекает внимание жанровость такого общения. Жанр известен как смысловой комплекс, несущий память традиции. Жанроопределение – часть герменевтической техники экспектации, антиципации. Тематика, стиль, техника исполнения, риторика лежат в основе жанров. Литература понимается как система жанров. Разработана система жанров СМИ – по мнению В. Т. Третьякова, жанры являют собой «болванки», смысловые модели, стандартные детали на стандартном заводе. Известна система жанров устной речи.

В электронной среде показательна как трансформация существующих жанров, так и возникновение совершенно новых жанров публичного и приватного общения: SMS-сообщение, электронное письмо, электронная рассылка, реплика в чате, пост, лэндинг, баннер, статья в Википедии, видеоролик, анимация, сторис, квиз, интерактивные жанры (подкаст, мем, стрим). В художественном творчестве в электронной среде – мультимедиаарт, видеоинсталляция, нет-арт, видеопоэзия [4].

Показательны принципиально иные способы творения, распространения, потребления литературы [5;6]. Возникает гипертекст литературы, интерактивная литература, вебкомиксы, автоматическая её генерация. Такую литературу характеризует ряд новых черт – архивирование, анонимность, криптография, краудфандинг, цифровая креативность, монетизация. Основными признаками цифровой литературы являются использование гипертекста, мультимедиа, интерактивности и возможностей искусственного интеллекта.

Дигитальная литература пока не принесла шедевров. При этом ясно, что дигитальная литература отличается от дигитализованной. Феномены сетературы, фанфикш, фандомы, «стишки-пирошки» – это то, что бросается в глаза. Блог-литература может писаться как в полном соответствии с форматом дневника (особенности дневниковых записей, даты, стиль, обращения и

т.п.), так и просто набором записей- постов и комментариев, коллективным творчеством (например, сообщества). *Феномен Wreadership* при этом представляет переход между написанием и чтением, открытость и незаконченность.

Сетевыми можно назвать лишь тексты, которые строятся по принципам интернет-коммуникации в мировой паутине – и могут полноценно функционировать только в ней. Активно экспериментальные произведения создаются в конце 1990-х - начале 2000-х гг.).

В медийной практике тоже происходят определенные изменения: лонгриды, инфотейнмент, VR и AR, подкасты, онлайн-трансляции, стримы, мемы. Медиа в интернете приобретают нетрадиционную форму: сайты, мобильные приложения, блоги, каналы в мессенджерах, подкасты, каналы, аккаунты, группы в соцсетях, рассылки.

Каковы же жанры новых медиа, или новые жанры медиа?! Или это форматы?! Отличается ли онлайн-интервью от интервью?! Или вот блог воспринимается как очерк. Возникает новая риторика создания текста в новостной журналистике.

В электронной фактуре представлено значительное количество дискурсов с разной степенью их формальности, институциональности. Некоторые тематические дискурсы стали публичными впервые.

Жанры электронного повседневного общения характеризует размывание границ между устной и письменной речью, демократизация общения, сниженность, просторечье, жаргон, говоры, диалекты, социолекты. Возникает особый фольклор Интернета – Интерлор. Новые фольклорные названия бытуют и собираются Интернетом – широко представлены, например, на форуме общественного транспорта [https://forumot.ru/topic/22897-%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%84%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D1%80/]. Обретают свою новую почву в интернете меморатный рассказ, легенда.

Характерно особое представление о конвенциях и коммуникативных особенностях нелитературной речи.

Нормы электронной речи устанавливаются на наших глазах. Эти нормы варьируют в зависимости от жанра. Даются технические, административные, психологические рекомендации-требования для пользователей. Возникает и вопрос, насколько этот новый нарождающийся цифровой этикет специфичен для культур и лингвокультур?!

Несомненно, что отсутствие межличностного контакта в таком общении компенсируется его гиперэмоциональностью. Показателен феномен цифровой репутации. Ритор сам является строителем своего имиджа. На широкое внимание в этой среде может рассчитывать пользовательский контент.

Налицо и иные принципы построения дисплейного текста. Таковы, например, иные принципы построения обучающего текста с учетом базовых принципов визуального восприятия: короткие вертикальные видео (рилс), интегрирующие элементы мемов, челленджей и сторителлинга. Происходит учет базовых принципов восприятия – принципа контраста, принципа иерархии, принципа баланса, характерен учет интерактивного пользовательского контента.

Доказательность стилистики в какой-то мере подтверждается метриками (измерением поведения читателей). В маркетинговых коммуникациях визуальный контент трансформируется в инструмент эмоционального воздействия и конверсии.

Показательна интеграция актуальных трендов в электронный дискурс – минимализм, микроконтент, персонализация. Таковы сегодняшние дидактические требования представления информации.

Сетевое общение стремительно развивается. Нормы устанавливаются на наших глазах. Нормы варьируют в зависимости от жанра коммуникации. В цифровой коммуникации отсутствует межличностный контакт. В цифровой коммуникации значима цифровая репутация. Вопросом является то, насколько цифровой этикет специфичен для культур и лингвокультур в эпоху глобанглизации.

Налицо иные принципы построения дисплейного текста (креолизированный интерактивный гипертекст).

Для электронного дискурса характерны новые представления об авторе, специфика гипертекста, коллективной идентичности, коллективного авторства. Происходит модификации жанров, возникают совершенно новые (фанфикшн, видеопоэзия, лонгрид). Показательны новые стратегии авторства, фиксация субкультур в Интернет-дискурсе и возникающий сетевой фольклор (интерлор).

Новый формат new media обязан своему возникновению новым качествам медиа: они интерактивные, мультимедийные, конвергентные, гиперактивные. Показательные особенности новых медиа – лонгрид, интерактивная инфографика, журналистика данных, геймификация, иное понимание сюжета (взаимодействие с прежними, другими сообщениями), новые инфомолекулы (слайдшоу, инфографика). Характерно иное понимание производства информации. При этом форматы визуального контента представлены баннерами, инфографикой, фотографиями, статичными и динамичными, видеороликами, анимацией, сторис, интерактивными (квизы, AR – фильтры, интерактивные карты). Журналист являет собой модератора пользовательского контента. Для современных медиа характерны рассылка, сайт, работа с медиа, с аудиторией.

Связи филологии и новых сетевых технологий двояки. С одной стороны, это дескрипция: язык в интернете, литература в интернете, фольклор в интернете, искусство в интернете. С другой стороны, помощь интерент-

технологий в теории: языковедение (лингвистика), литературоведение, фольклористика, искусствоведение. Эпоха цифровизации повлияла на науку. Не только новый материал (изменения в стилистике, трансформация языковой нормы, новые жанры в новой фактуре речи на уровне дискурса – агрессивность, ирония, креолизация и интерактивность), но и новые методы получения материала (например, статистика корпусов).

Полевые исследования тоже проводятся в дистанционном формате (например, исследуется арденский регионолект, доказательная социолингвистика, опросы, наблюдение за речевым узусом). Показателен синтез языковой социолингвистические нормы. Анализ языка и стиля проводится при помощи программ, например, анализируется такое явление, как ритм.

Список использованной литературы

1. Волохонский В. Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов / В. Волохонский. – Текст : непосредственный // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги : новая реальность. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 118-131.

2. Кожушко О. Интернет-маркетинг и digital-стратегии. Принципы эффективного использования : учебное пособие / О. Кожушко, И. Чуркин, А. Агеев. – Новосибирск : Редационно-издательский центр Новосибирского государственного университета, 2015. – 327 с. – Текст : непосредственный.

3. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования : коллективная монография / А. Ю. Уваров, Э. Гейбл, И. В. Дворецкая, И. М. Заславский [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – DOI 10.17323/978-5-7598-1990-5. – Текст : электронный. – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – 344 с. – URL : https://ioe.hse.ru/data/2019/07/01/1492988034/Cifra_text.pdf (дата обращения : 09.12.2025).

4. Видеостихия : Фестиваль видеопоэзии : [сайт]. – URL : https://vk.com/if_videostihiya 2025 (дата обращения : 20.12.2025). – Текст : электронный.

5. Беррефас М. Феномен е-литературы в России / М. Беррефас, М. Бен Ахмед. – Текст : непосредственный // Languages and cultures. – 2024. – Vol. 5, № 2. – P. 500-506.

6. Тошович Б. Г. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности / Б. Тошович. – Москва : Флинта, 2024. – 520 с. – Текст : непосредственный.

Воронцова Ю. А., канд. пед. наук, доцент,
Брянский государственный технический университет,
Россия, г. Брянск
E-mail: Voroncova.yuliya@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье исследуются методы перевода терминов в сфере информационных технологий, анализируются лингвистические и терминологические

факторы, влияющие на качество перевода. Рассматриваются основные подходы к передаче англоязычной терминологии на русский язык, включая калькирование, заимствование, описательный и семантический перевод. Подчеркивается необходимость глубокого контекстуального анализа для адекватного перевода.

Ключевые слова: перевод, IT-терминология, калькирование, заимствование, описательный перевод, семантический перевод, контекстуальный анализ.

Vorontsova J. A., Ph. D., Associate Professor,
Bryansk State Technical University,
Russia, Bryansk
E-mail: Voroncova.yuliya@mail.ru

RESEARCH ON TRANSLATION FEATURES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGIES

The article explores methods of translating terms in the field of information technology, analyzing linguistic and terminological factors affecting translation quality. It discusses key approaches to transferring English terminology into Russian, including calquing, borrowing, descriptive and semantic translation. The necessity of deep contextual analysis for adequate translation is emphasized.

Keywords: translation, IT terminology, calquing, borrowing, descriptive translation, semantic translation, contextual analysis.

В современном мире цифровые технологии стали неотъемлемой частью практически всех сфер человеческой деятельности – от науки и промышленности до повседневной коммуникации и развлечений. Это закономерно привело к появлению огромного количества специальных терминов, которые постоянно меняются и дополняются. Поскольку основной массив ключевых документов, исследования и стандартов изначально публикуется на английском языке, качественный перевод становится важнейшим условием для доступа к мировым технологиям и знаниям.

Терминология сферы информационных технологий является одной из наиболее динамично развивающихся терминосистем, что напрямую обусловлено быстрым темпом технического прогресса в данной области. Подобная динамика оказывает двойственное влияние на языковую систему. Именно в IT-сфере с наибольшей силой проявляется противоречие между необходимостью стандартизации языка для точной коммуникации и его постоянной изменчивость.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена противоречием: с одной стороны, существует практическая потребность в точном и понятном переводе IT-документации, а с другой – профессиональная лексика отличается нестабильностью, что создаёт для перевода трудности.

Цель данной работы – изучить методы перевода терминов в сфере информационных технологий. Это предполагает системный анализ особенностей перевода, выявление лингвистических и терминологических факторов, влияющих на его качество, а также определение и классификацию существующих подходов к передаче англоязычной терминологии на русский язык.

Английский язык, как и любой другой, имеет особенности, которые понятны носителям или о которых они не задумываются, связанные с историческим контекстом, заимствованием или некоторыми грамматическими условностями [5]. Перевод терминов и текстов в сфере информационных технологий представляет собой одну из наиболее сложных задач современного переводоведения. Специфика этой области, как отмечают исследователи, порождает ряд взаимосвязанных проблем, которые требуют теоретического осмысления.

1. Проблема динамичности и дефицита устоявшихся эквивалентов. Новые термины появляются быстрее, чем успевают зафиксироваться в авторитетных источниках. Согласно М.Г. Волковой это приводит к ситуации «лексического дефицита» и вариативности в переводах, когда для одного английского термина могут сосуществовать несколько вариантов [1]. Это вынуждает переводчика каждый раз выбирать нужную стратегию, что ведет к разнобою в текстах разных авторов и изданий.

2. Проблема многозначности и зависимости от контекста. Многие базовые английские слова в IT-контексте приобретают специализированные значения, далекие от общеупотребительных (например, *“bug” – «ошибка», «баг», “firewall” – «межсетевой экран», «файервол», “memory” – «память»*). Классический «словарный» подход, настаивающий на поиске фиксированных эквивалентов в данном случае недостаточен. Б.Н. Климзо подчёркивал, что точный перевод термина невозможен без глубокого знания предмета и тщательного анализа контекста, что актуализирует «контекстуальный» или трансформационный подход [2].

3. Проблема перевода сложных многокомпонентных терминов. Для IT-терминологии характерно преобладание составных терминов (например, *“cloud storage” – «облачное хранилище», “encryption key management” – «управление ключами шифрования»*). Исследования показывают, что адекватный перевод почти всегда требует применения комплекса лексико-грамматических трансформаций: калькирования, перестановки компонентов, описательного перевода. Это подтверждает, что IT-перевод – это аналитическая работа по деконструкции и реконструкции смысловой структуры.

4. Проблема стилистической адаптации и прагматики. Перевод должен быть не только точен, но и функционален для целевой аудитории, будь то разработчик или конечный пользователь. Переводчик должен адаптировать текст к нормам русского научно-технического стиля. Игнорирование этого аспекта приводит к созданию грамматически правильных, но «иноязычных» по духу, тяжеловесных текстов, затрудняющих понимание.

Теоретической основой для анализа этих проблем служит синтез двух подходов: 1) классической теории перевода, предоставляющей категориальный аппарат (эквивалентность, адекватность – В.Н. Комиссаров [3]); 2) современных исследований, фокусирующихся на специфике IT-лексики и практических методах её передачи (калькирование, транслитерация, описательный перевод – М.Г. Волкова, А.Н. Махмутова, Г.А. Шушарина [1], [4], [6]).

Таким образом, перевод в IT-сфере предстаёт как динамичный процесс на стыке лингвистики, технологии и культурологии, где общие переводческие законы сталкиваются с необходимостью гибких решений, что и формирует предмет данного исследования.

Для передачи специальной лексики переводчики используют набор проверенных методов, выбор которых зависит от конкретного термина и контекста.

1. *Калькирование* – дословный перевод компонентов термина: *“cloud storage” – «облачное хранилище», “machine learning” – «машинное обучение»*. Этот метод позволяет сохранить прозрачность структуры и часто используется для новейших концепций. Однако прямое калькирование без учёта грамматики русского языка может привести к неуклюжим конструкциям, поэтому часто требуется инверсия или добавление предлогов. Пример 1: *“client-server architecture” – «клиент-серверная архитектура»* или *«архитектура ‘клиент-сервер’»*. Ключевые компоненты *“client”* и *“server”* переносятся в русский язык без изменения, а структура термина калькируется. Инвертированный порядок слов *(«архитектура клиент-сервер»*) часто является более естественным для русского синтаксиса. Пример 2: *“Cloud storage encryption key management” – «управление ключами шифрования в облачном хранилище»*. Этот сложный многокомпонентный термин наглядно демонстрирует необходимость трансформации при калькировании. Буквальный перенос структуры привёл бы к тяжеловесной и грамматически не верной конструкции.

2. *Заимствование (транслитерация/транскрипция)* – прямое перенесение термина в русский язык, особенно когда он обозначает уникальную технологию или не имеет аналога. Этот метод обеспечивает оперативное введение понятия в профессиональный оборот и особенно характерен для обозначения аутентичных технологий, стандартов или инструментов. Однако его широкое использование может осложнять понимание текста для

неподготовленной аудитории и вести к перенасыщению речи англицизмами. Пример 1: Полное заимствование используется для названий компаний, продуктов и технологических стандартов: *Microsoft, Intel, Apple, Bluetooth*. Попытка перевода *Windows* как *«Окна»* или *Bluetooth* как *«Синий зуб»* была бы некорректной и вызвала бы непонимание. Пример 2: Заимствование основы через транскрипцию/транслитерацию: *"blockchain" – «блокчейн», "hypervisor" – «гипервизор»*. Звуковая форма слова адаптируется под русскую фонетику.

3. *Описательный перевод* – используется, когда ни калька, ни заимствование не обеспечивают ясности. Термин раскрывается через развёрнутое пояснение. Метод обеспечивает точность, но делает текст более громоздким. Пример 1: *"firewall" – «межсетевой экран»*. Описательный вариант точно передаёт функцию объекта (разделение и контроль сетевого трафика), в отличие от бессмысленного дословного перевода *«огненная стена»*. Пример 2: *"Batch processing" – «пакетный режим обработки данных»*. Перевод точно раскрывает функцию понятия, но делает термин громоздким.

Иногда описательный перевод со временем уступает место компактному заимствованию. Так, *"banner" – «рекламный блок на сайте»* не переводится как *«рекламный флажок»* или *«лозунг»*, а заимствуется в виде *«баннер»*, что экономит языковые средства и стало отраслевым стандартом.

4. Семантический перевод (функциональный аналог) – передача смысла термина с помощью уже существующего в русском языке слова или выражения, которое выполняет ту же функцию. Это самый сложный, но и самый эффективный метод с точки зрения интеграции термина в язык. Пример 1: Прямой функциональный аналог: *"bug" – "ошибка", "сбой"; "feature" – "функция", "возможность"*. Пример 2: Модуляция (контекстуальная замена): Переводчик подбирает не прямое соответствие, а контекстуальный синоним, исходя из логики. *"Digital ad" – «онлайн-реклама»*. Слово *"digital"* – «цифровой» конкретизируется до *«онлайн»*, так как в данном контексте речь идёт именно о рекламе в интернете.

Переводчик анализирует контекст, чтобы выбрать точный вариант. Например, для *"throughput"* в контексте сервера выбирается производительность (а не *«пропускная способность»*). При этом сопровождающее слово *"performance"* может опускаться как избыточное для русского языка.

5. Комбинированный подход на практике. В практике перевода сложные термины редко передаются одним методом. Часто переводчик применяет комбинацию стратегий к разным компонентам одного термина, чтобы достичь оптимального баланса между точностью, профессиональной узнаваемостью и соответствием нормам русского языка. Пример 1: *"Hypervisor-level firewall" – «антивирусная защита на уровне гипервизора». "Hypervisor"*: Транслитерация (*«гипервизор»*). Это уникальная технология виртуализации, устоявшийся термин. *"Firewall"*: Семантический перевод с

конкретизацией (*«антивирусная защита»*). Переводчик анализирует узкий контекст (*«защита от сетевых угроз в виртуальной среде»*) и выбирает более конкретный функциональный аналог, а не общий *«межсетевой экран»*. Пример 2: *“Container orchestration platform” – «платформа оркестровки контейнеров»*. В этом случае методы комбинируются иначе. Понятие *“container”* калькируется в устоявшуюся форму контейнер. Для относительно нового понятия *“orchestration”* используется адаптированная транслитерация оркестровка, так как прямого и краткого аналога в языке ещё нет. Компонент *“platform”* переводится семантически, с помощью существующего и точного эквивалента платформа. В итоге термин строится по схеме «калька + адаптированное заимствование + семантический эквивалент». Пример 3: *“Secure File Transfer Protocol (SFTP)” – «протокол защищённой передачи файлов (SFTP)»*. Этот пример показывает комбинацию, часто используемую для стандартов. Ключевые компоненты передаются семантически (*“secure” – «защищённой», “protocol” – «протокол»*) и через калькирование (*“file transfer” – передачи файлов»*). При этом аббревиатура SFTP сохраняется в скобках, что обеспечивает мгновенную связку с техническим стандартом для специалистов, сохраняя полноту определения для широкой аудитории. Пример 4: *“Network Interface Card” – «сетевая плата (карта)»*. Здесь комбинированный подход проявляется в виде семантического перевода с опущением избыточного элемента. Компонент *“network”* передаётся устоявшимся аналогом *«сетевая»*, а *“card”* – вариативно как *«плата»* или *«карта»*. При этом компонент *“interface” – «интерфейс»* часто опускается в русскоязычном обиходе как подразумеваемый и избыточный для краткости, что является частным случаем грамматической трансформации.

Проведённое исследование подтвердило, что перевод в сфере информационных технологий является отдельной и комплексной областью, где лингвистические задачи тесно связаны с технологическим контекстом. Ключевая особенность этой деятельности заключается в необходимости работать в условиях фундаментального противоречия: между объективной потребностью в терминологической стабильности и перманентной изменчивостью языка, вызванной стремительным развитием отрасли. Это противоречие порождает основные трудности: отсутствие устоявшихся эквивалентов для новых понятий и высокую степень многозначности терминов.

Анализ теоретических подходов и практических примеров показал, что адекватный перевод в IT достигается не механическим подбором соответствий, а через глубокий контекстуальный анализ. Калькирование, транслитерация, описательный и семантический перевод выступают как взаимодополняющие методы. Выбор стратегии каждый раз определяется конкретной коммуникативной ситуацией, структурой термина и целевой аудиторией.

Таким образом, перевод в IT-сфере предстаёт как особая профессиональная деятельность, требующая от специалиста синтеза лингвистической

компетенции, глубокого предметного знания и навыка прагматической адаптации текста.

Список использованной литературы

1. Волкова М. Г. Особенности перевода терминов в сфере информационных технологий / М. Г. Волкова, С. Л. Васильева, А. А. Абрамова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 1430-1434.

2. Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б. Н. Климзо. – Москва: Р. Валент, 2011. – 488 с. – Текст : непосредственный.

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с. – Текст : непосредственный.

4. Махмутова А. Н. Методы перевода англоязычных IT-терминов на русский язык / А. Н. Махмутова, М. А. Юрова. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 1937-1943.

5. Чайко А. А. Трудности перевода английского языка / А. А. Чайко, Ю. А. Воронцова. – Текст : непосредственный // Многоязычие и поликультурное образовательное пространство в России : современные тенденции : материалы III всерос. науч.-практ. конф., 07-14 апр. 2020 г. – Орел, 2020. – С. 420-423.

Люй Линчжи, аспирант,
Забайкальский государственный университет,
Россия, Забайкальский край, г. Чита
E-mail: 2648712527@qq.com

СОЧЕТАНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ: ПУТИ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

При двойном влиянии цифровой трансформации глобального образования и диверсификации требований к кадрам высшее образование сталкивается с глубоким столкновением традиционных образовательных моделей и инновационных концепций развития. Основываясь на ключевых темах VII Международной научно-практической конференции «Перспективы развития высшего образования», данная статья рассматривает пути высококачественного развития высшего образования из различных аспектов и предлагает ядровую идею о органическом сочетании преимуществ традиционного образования с современными инновационными элементами.

Ключевые слова: высшее образование; традиционное образование; образовательные инновации; подготовка кадров; интеграционционное развитие.

Lu Lingzhi, graduate student,
Trans-Baikal State University,
Russia, Trans-Baikal Territory, Chita
E-mail: 2648712527@qq.com

A COMBINATION OF TRADITION AND INNOVATION: WAYS TO HIGH-QUALITY DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION

With the dual impact of the digital transformation of global education and the diversification of workforce requirements, higher education is facing a profound conflict between traditional educational models and innovative development concepts. Based on the key themes of the 7th International Scientific and Practical Conference "Prospects for the Development of Higher Education," this article examines the various aspects of high-quality higher education development and proposes a core idea of seamlessly combining the advantages of traditional education with modern innovative elements.

Keywords: higher education; traditional education; educational innovations; workforce training; integrated development.

I. Введение

Высшее образование, как ядровое звено в подготовке кадров и инновациях знаний, напрямую влияет на конкурентоспособность государства. В настоящее время широкое применение цифровых технологий, модернизация отраслевой структуры и углубление глобализации предъявляют новые требования к моделям подготовки кадров, методам преподавания и образовательному пространству высшего образования [1]. VII Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития высшего образования» фокусируется на ключевых темах, таких как реформа профессионального образования, строительство образовательного пространства, создавая платформу для обмена опытом между мировыми специалистами в сфере образования. В этих условиях важнейшей задачей устойчивого развития высшего образования становится эффективное сочетание традиций и инноваций.

II. Инновационная практика в теории и методах профессионального образования

Профессиональное образование, как важная составляющая высшего образования, несет главную миссию в подготовке квалифицированных технических кадров. Традиционное профессиональное образование акцентирует внимание на систематической передаче знаний, но имеет недостатки в адаптации к требованиям отрасли и усилении практического обучения. Реформа профессионального образования в новую эпоху должна следовать принципу «равномерного сочетания теории и практики, традиций и инноваций».

В части методов преподавания можно внедрять инновационные модели, такие как проектное обучение, кейс-метод, преобразуя реальные производственные задачи предприятий в образовательные проекты. Одновременно сохраняется сущность традиционного наставнического отношения, а через двойное руководство преподавателями вуза и специалистами отрасли достигается сочетание передачи профессиональных навыков и развития инновационного мышления. Кроме того, необходимо усилить интеграцию образования и производства, способствовать совместному созданию практических баз и разработке курсовых программ между вузами и предприятиями, позволяя студентам повышать профессиональные компетенции в реальных рабочих условиях [2].

III. Совместное существование традиций и инноваций в образовательном пространстве высшего образования

Образовательное пространство является важной поддержкой для повышения качества высшего образования, поэтому его строительство должно сочетать традиционные концепции образования и современные инновационные элементы. Традиционное высшее образование подчеркивает формирование нравственных качеств, передачу академического наследия и культурное воспитание – эта традиция ценностного руководства должна быть сохранена и развиваться [3].

Вузы могут через строительство кампусной культуры, проведение классических курсов, организации научных лекций сочетать ценные традиционные культуры и современный университетский дух, создавая образовательную атмосферу с глубоким культурным потенциалом. Одновременно необходимо активно создавать цифровое, открытое современное образовательное пространство, использовать большие данные и искусственный интеллект для формирования умного кампусного пространства, обеспечивая оптимизацию распределения образовательных ресурсов и индивидуализированное обучение. Благодаря гибридной модели смешанного обучения (онлайн и офлайн) студенты могут как участвовать в глубоких дискуссиях на традиционных очных занятиях, так и получать высококачественные образовательные ресурсы через онлайн-платформы, расширяя кругозор и формируя благоприятную атмосферу «сохранения культуры и поощрения инноваций».

IV. Интеграционное развитие культурологии и лингвистики в высшем образовании

Культурология и лингвистика, как ядровые дисциплины гуманитарных наук, имеют неповторимую воспитательную ценность в высшем образовании. Традиционное высшее образование сосредоточено на базовом языковом обучении и передаче культурных знаний, но имеет слабые стороны в формировании межкультурной коммуникативной компетенции у студентов [4].

В условиях глобализации необходимо способствовать глубокому интеграции культурологии и лингвистики, обеспечивая единство традиционного формирования гуманитарных качеств и современного повышения межкультурных компетенций. В процессе обучения, с одной стороны, следует усилить родной язык и передачу традиционной культуры, укрепляя культурные основы студентов через чтение классических текстов; с другой стороны – обратить внимание на иностранное язык и развитие межкультурной коммуникативной компетенции, внедряя двуязычное обучение и межкультурные обменные проекты [5]. Используя цифровые платформы, необходимо способствовать взаимодействию студентов из разных культурных фондов, формировать у них межкультурное толерантное сознание и глобальный взгляд, обеспечивая сочетание сохранения культуры и инновационного развития в эпоху современности.

V. Стратегии по решению актуальных проблем современного образования

Современное высшее образование сталкивается с такими актуальными проблемами, как цифровая трансформация, образовательная справедливость, оценивание качества подготовки кадров. Для решения этих вызовов необходимо искать инновационные решения на основе сохранения сущности образования [6].

При цифровой трансформации нужно как использовать преимущества технологий в управлении обучением, обмене ресурсами, так и опасаться дегуманизации образования, сохраняя его гуманитарную сущность. В части образовательной справедливости следует расширять доступ к высококачественным образовательным ресурсам через онлайн-образование, а также сокращать образовательный разрыв за счет политических преференций и ресурсной поддержки. При оценивании качества подготовки кадров необходимо отказаться от единого экзаменационного режима, формировать диверсифицированную систему оценки, учитывающую не только освоение знаний, но и практические компетенции, инновационное мышление и нравственные качества.

Заключение

Высококачественное развитие высшего образования не означает отрицание традиций или слепом следов за инновациями, а органическое сочетание преимуществ традиций и современных инноваций. Только при соблюдении равномерного сочетания теории и практики в реформе профессионального образования, достижении совместного существования культурного наследия и открытых инноваций в строительстве образовательного пространства, продвижении глубокой интеграции культуры и языка в гуманитарном образовании можно формировать систему высшего образования, соответствующую требованиям эпохи.

В будущем необходимо через международное сотрудничество и обмены постоянно совершенствовать интеграционную модель, позволяя высшему образованию не только сохранять академическое наследие и культурный потенциал, но и развиваться инновационно в шаг с эпохой, готовя комплексно развитых кадров для общества и внося непрерывный вклад в устойчивое развитие.

Список использованной литературы

1. Лю Чжэньтянь. От антиэлитаризма, панеэлитаризма к высокому качеству : путь и направление развития высшего образования Китая с момента основания Народной Республики Китая / Чжэньтянь Лю. – Текст : непосредственный // Исследования по высшему образованию. – 2025. – № 6. – С. 1-9.
2. Чэнь Тиньчжу, Дуань Биньбинь. История взаимосвязей науки и университетов и ее выводы – к обсуждению реформы интеграции науки и образования в нашей стране / Тиньчжу Чэнь, Биньбинь Дуань. – Текст : непосредственный // Исследования по высшему образованию. – 2025. – № 6. – С. 10-18.
3. Лю Сяньцзюнь. Развитие через наследование – размышления о усилении координации между научно-техническим и гуманитарным образованием / Сяньцзюнь Лю. – Текст : непосредственный // Исследования по высшему образованию. – 2025. – № 6. – С. 19-26.
4. Чэнь Бинь. О меритократии и оценивании студентов в вузах / Бинь Чэнь, Вансю Лю. – Текст : непосредственный // Исследования по высшему образованию. – 2025. – № 6. – С. 27-34.
5. Лю Шухуа. Новые тенденции в стратегии интернационализации высшего образования России в контексте внешней политики «поворота на Восток» / Шухуа Лю, Сысяо Чжу. – Текст : непосредственный // Исследования по высшему образованию. – 2025. – № 6. – С. 35-42.
6. Лу Сяочжун. Миссия и направление китайской педагогики в обслуживании строительству могущественной страны / Сяочжун Лу, Мэнъян Ли. – Текст : непосредственный // Исследования по высшему образованию. – 2025. – № 6. – С. 43-50.

Мартынов П. С., магистрант,
Лаврова С. Ю., докт. филол. наук,
Череповецкий государственный университет,
Россия, Вологодская область, г. Череповец
E-mail: psmartynov@mail.ru

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХОККЕЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕПОРТАЖЕЙ ТЕЛЕКОММЕНТАТОРОВ)

В статье представлены результаты лингвистического исследования, посвящённого анализу контекстуальной обусловленности спортивной лексики в рамках хоккейного дискурса. Материалом исследования послужили

транскрипты репортажей комментаторов матчей Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) сезона 2024/2025. Теоретические выводы подкрепляются практическим педагогическим экспериментом.

Ключевые слова: хоккейный дискурс, контекстуальная обусловленность, репортаж, терминология, интердискурсивность.

Martynov P. S., Master's student,
Lavrova S. Yu., D. of Philological Sciences,
Cherepovets State University,
Russia, Vologda Oblast, Cherepovets
E-mail: psmartynov@mail.ru

CONTEXTUAL CONDITIONING OF SPORTS LEXICON IN HOCKEY DISCOURSE (BASED ON TV COMMENTATORS' REPORTS)

The article presents the results of a linguistic study devoted to analyzing the contextual conditioning of sports lexicon within hockey discourse. The research material consisted of transcripts of commentators' reports from Continental Hockey League (KHL) matches in the 2024/2025 season. The theoretical findings are supported by a practical pedagogical experiment.

Keywords: hockey discourse, contextual conditioning, report, terminology, interdiscursivity.

Язык спорта, будучи ярким и динамичным сегментом современной коммуникации, представляет собой плодотворное поле для лингвистического исследования. Особый интерес в этом плане вызывает хоккейный дискурс, который, с одной стороны, строго регламентирован правилами и профессиональными нормами, а с другой – отличается высокой степенью экспрессии и импровизационности в его медийной репрезентации. Центральной фигурой, обеспечивающей эту репрезентацию, выступает спортивный комментатор, чья речь становится тем живым материалом, где лексика, предназначенная для описания игрового действия, подвергается сложным контекстуальным трансформациям. Актуальность данного исследования определяется необходимостью системного анализа того, как спортивная лексика, функционируя в условиях спонтанного устного репортажа, адаптируется к конкретным коммуникативным задачам, порождая новые смыслы и оттенки. Целью работы является выявление и описание закономерностей этой контекстуальной обусловленности на материале репортажей хоккейных комментаторов.

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные работы в области дискурс-анализа и теории институциональной коммуникации. Хоккейный дискурс рассматривается нами как частный случай спор-

тивного дискурса, который, в свою очередь, является разновидностью институционального дискурса, обладающего устойчивой структурой участников, нормами и сценариями общения. Комментатор в этой системе выполняет ключевую медиативную функцию, выступая агентом, который транслирует событие массовой аудитории, одновременно интерпретируя его и управляя восприятием зрителей. Эта двойственная роль напрямую влияет на отбор и использование языковых средств.

Исходя из этого, для анализа были отобраны расшифровки репортажей ведущих комментаторов КХЛ, чьи индивидуальные стили представляют спектр возможных дискурсивных стратегий. Применяемый методический аппарат включал дискурсивный, контекстуальный и компонентный анализ, что позволило не только выявить корпус специфических лексических единиц, но и проследить механизмы их смысловой адаптации в реальной коммуникации. Лексический состав хоккейного дискурса предстаёт не как статичный список, а как динамическая, стратифицированная система. Его ядро образует терминология, включающая как собственно хоккейные термины (буллит, проброс), так и общеспортивную лексику, приобретающую специализированное значение. Однако эта терминологическая основа не существует изолированно; она постоянно взаимодействует с пластами профессионализмов и жаргонизмов, которые выполняют функцию экспрессивных синонимов и служат маркером принадлежности к профессиональному или фанатскому сообществу. Параллельно в речь активно проникают англицизмы, отражающие международный характер спорта, и общеразговорная лексика, обеспечивающая необходимую степень эмоциональности и доступности.

Именно в речи комментатора эти разнородные элементы органично сплавляются, причём их конкретное значение и оценочная окраска часто выявляются только в контексте целостной речевой ситуации. Так, нейтральный термин может сужать или расширять свою семантику: понятие хет-трик традиционно обозначает три гола одного игрока, но в устах комментатора оно может трансформироваться в «хет-трик Горди Хоу», включающий уже не только голы, но и результативную передачу, и участие в драке, что отражает особую культурную концептуализацию игры. Другой яркий механизм – антропоморфизация, когда неодушевлённый объект игры наделяется волей: высказывания типа «шайба отказалась пересекать линию ворот» не просто констатируют факт, но и драматизируют событие, делая его более выпуклым и эмоционально заряженным для зрителя.

Приведем пример анализа репортажа хоккейного матча «Спартак» – «Северсталь», который комментирует Владимир Гучек.

Первый матч плей-офф между этими командами проходил в Москве 26.03.2025. Репортаж начинается со слов: ремейк прошлогоднего противостояния – в том сезоне в плей-офф данные команды также встречались, победу в серии одержала московская команда со счетом 4:1. Так комментатор

напомнил о повторении противостояния сезона 2023/24. Ремейк приобрел значение новой версии прошлогоднего состязания и выступал как ключевое слово в тематическом ядре данного выражения, вокруг которого строилось развитие темы соперничества этих команд. Так, комментатор напомнил о повторении противостояния сезона 2023/24.

Хоккейная терминология занимает большую часть речи комментатора. Выше написано, что существует три вида терминологии: «Терминологизированные общеупотребительные слова», «Общеспортивные термины», «Собственно хоккейные термины». Последние чаще всего используются в следующих моментах: *«Спартак» залез в офсайд, «Северсталь» опять пробросилась*. Употребление слов офсайд, проброс употребляются часто, именно в ситуации остановки игры. Так комментатор уведомляет зрителей, что есть небольшая пауза, чтобы попить воды или отойти. В ситуации хоккейного матча фраза «залез в офсайд» буквально означает, что игрок нарушил правило офсайда. Здесь контекст – игровая ситуация, где важны позиция игроков, момент передачи мяча и правила игры. Без знания правил фраза может быть непонятна или иметь другое значение. Вне спортивного контекста «залез в офсайд» может использоваться в переносном смысле, например, чтобы описать ситуацию, когда кто-то «вышел за рамки допустимого», «нарушил правила», «оказался в неудобном положении» или «переступил черту». В этом случае контекст общения (разговор, шутка, метафора) помогает понять, что речь не о хоккее, а о каком-то социальном или бытовом нарушении.

В комментарии традиционно встречается терминологизированные общеупотребительные слова: *Кручинин на пятачке* (пятачок – конкретное пространство перед воротами), *потерял шайбу из виду, передача оказалась прямо в крюк* (отдать точный пас в клюшку). Каждый хоккейный матч сопровождается данными выражениями.

Огромная роль отводится общеспортивным терминам, которые связаны с комбинационными моментами и голевыми ситуациями: *Скоренов пробивает со второй попытки, проходишь среднюю зону через короткий пас, высокий прессинг в чужой зоне, бросок не совсем получился у Абросимова, а тут полный порядок у Чуркина, 3:2 Северсталь, передача на Морозова – добавка.*

Данные выражения представляют собой фрагменты спортивного комментария, в частности хоккейного матча. Их понимание и интерпретация тесно связаны с контекстом. *Скоренов пробивает со второй попытки* – описывается ситуация, когда игрок предпринимает попытку забить шайбу не с первого раза, а со второго; контекстуальная обусловленность: требуются знания правил хоккея и игрового процесса – что такое бросок, попытка забить, а также того, что в хоккее может быть несколько попыток подряд. *Высокий прессинг в чужой зоне* – описание тактической схемы – команда ак-

тивно и агрессивно прессингует соперника в его зоне. *Бросок не совсем получился у Абросимова* – оценка действия игрока – его бросок шайбы был неудачным или не точным. *А тут полный порядок у Чуркина* – описание ситуации, когда игрок Чуркин действует уверенно, без ошибок; контекстуальная обусловленность: фраза использует разговорное выражение «полный порядок», значение которого зависит от ситуации – здесь оно означает, что всё под контролем. *Передача на Морозова – добавка* – описывается передача шайбы игроку Морозову, после которой следует «добавка» – дополнительный бросок или попытка; контекстуальная обусловленность: термин «добавка» в хоккее означает второй бросок после отбитого вратарём первого.

В итоге, все эти выражения являются частью специализированного спортивного дискурса, где значения терминов и фраз зависят от игрового контекста (правила, тактика, структура площадки), где понимание требует знаний специфической лексики хоккея, где контекстуальная обусловленность проявляется в том, что без знания хоккея и ситуации слова теряют смысл или воспринимаются иначе. Таким образом, данные выражения – яркий пример того, как спортивная лексика функционирует в тесной связи с контекстом для точной и выразительной передачи информации о ходе матча.

Гучек часто употребляет подобные фразы, тем самым придает им некий стилистический окрас. Если зритель только слушает, то ход матча будет легко понятен, так как репортер постоянно использует терминологию в совокупности со своими эмоциями. Все выражения, что мы слышим, обусловлены происходящим на льду, Гучек лишь добавляет к общепринятой хоккейной лексики свои эмоции, что характеризует его как комментатора-болельщика, комментатора-ироника и комментатора-актера. Весь репортаж сопровождается колкими выражениями, актерской игрой и выкриками. Например, *лидеры сошлись на льду* – ведущие игроки встретились, *было по-настоящему жарко* – много опасных моментов, градус эмоций возрастает - игра без средней зоны, *Морозов и компания решили поиграть, Ох, как раскидали, Николаев замер на позиции, ему нужна помощь* – вратарь не видит шайбу.

Так, Владимир Гучек быстро реагирует на постоянно меняющуюся игровую ситуацию и мгновенно информирует зрителей о происходящем на льду, подбирая спортивную лексику, терминологию в частности и добавляя иронию в свои выражения.

Характер этих трансформаций во многом предопределяется избранной комментатором дискурсивной маской или стратегией. Анализ материала позволяет выделить несколько устойчивых типов языковых личностей, синтезирующих в себе различные коммуникативные установки. Комментатор-актёр строит повествование как захватывающее драматическое действо,

активно используя театральные метафоры и риторические паузы, что неизбежно сказывается на выборе образной, порой гиперболизированной лексики. Комментатор-болельщик, напротив, максимально эмоционально вовлечён, его речь насыщена местоимением «мы», фанатским сленгом и непосредственными реакциями, что придаёт лексике особую, субъективную оценочность. Третий тип, комментатор-ироник, использует юмор и сарказм для снижения накала или даёт событиям неожиданную, сниженную трактовку, что также накладывает отпечаток на семантику используемых слов, часто наделяя их двойным смыслом.

Помимо индивидуальных стратегий, на формирование контекста значительное влияние оказывают интердискурсивные связи. Хоккейный дискурс оказывается пронизан метафорами, заимствованными из других сфер. Наиболее продуктивной является военная метафорика: площадка становится полем боя, атака – штурмом, защита – обороной. Эта модель концептуализации спортивного противостояния как конфликта задаёт определённый вектор для отбора лексики, тяготеющей к выражениям агрессии, тактики и победы. Не менее важна связь с театральным дискурсом, который позволяет представить матч как увлекательное зрелище с героями, интригой и кульминацией. Ещё одним контекстообразующим фактором выступает прецедентность – отсылки к общеизвестным в спортивном сообществе именам, событиям или рекордам. Упоминание имени Александра Овечкина в связи с побитием исторического рекорда в сезоне 2024/25 служило не просто констатацией факта, а мощным средством создания общего культурного фона, усиления значимости момента и эмоционального вовлечения даже тех зрителей, которые непосредственно не наблюдали за матчами НХЛ.

Практическая значимость проведённого анализа была проверена в рамках педагогического эксперимента. На основе изученных закономерностей был разработан и проведён интегрированный урок русского языка в 11 классе, посвящённый изучению жанра репортажа на материале хоккейных комментариев. Урок сочетал анализ видеозаписей, работу с текстовыми расшифровками, составление терминологического кроссворда и, наконец, создание учащимися собственных текстов в жанре спортивного репортажа. Результаты контрольного среза показали высокую эффективность такого подхода: значительное повышение уровня понимания жанровых особенностей публицистики и уверенное оперирование спортивной лексикой в её контекстуальных проявлениях. Это подтверждает, что аутентичные материалы спортивных медиа являются ценным ресурсом для развития стилистической и коммуникативной компетенций старшеклассников.

Таким образом, исследование демонстрирует, что спортивная лексика в хоккейном дискурсе представляет собой динамическую, контекстуально обусловленную систему. Её функционирование в речи комментатора – это не простое воспроизводство готовых терминов, а сложный процесс семан-

тической адаптации, управляемый комплексом факторов: институциональными рамками жанра репортажа, индивидуальной дискурсивной стратегией говорящего, интердискурсивными влияниями и актуальным культурным фоном. Понимание этих механизмов важно не только для дальнейшего развития теории спортивного дискурса и лингвистики текста, но и имеет прямой прикладной выход в сферу профессиональной журналистики, переводческой деятельности и педагогической практики, где точность и экспрессия слова являются залогом успешной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Аветян А. А. К вопросу о типологии дискурса: особенности спортивного дискурса / А. А. Аветян. – Текст : непосредственный // Вестник Псковского государственного университета : Социально-гуманитарные науки. – 2018. – С. 117-121.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – 1990. – С. 136-137.
3. Бейлинсон Л. С. Институциональный дискурс как объект лингвистического исследования / Л. С. Бейлинсон. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета : Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 145-149.
4. Блеер А. Н. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник / А. Н. Блеер, Ф. П. Суслов, Д. А. Тышлер. – Москва : Академия, 2010. – 464 с. – Текст : непосредственный.
5. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс : базовые понятия и категории ; исследовательские задачи / Б. А. Зильберт, А. Б. Зильберт. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. – 2001. – № 17. – С. 45-55.
6. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. – 2000. – С. 5-20.
7. Кубрякова Е. С. Виды пространства, текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова. – Текст : непосредственный // Категоризация мира : пространство и время : материалы науч. конф. – Москва, 1997. – С. 19-20.
8. Куранова Т. П. Экспрессивно-стилистические и риторические особенности спортивного репортажа / Т. П. Куранова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 8. – С. 80-90.

Губанов С. А., докт. филол. наук, доцент,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
Россия, г. Самара
E-mail: gubanov5@rambler.ru

КОНЦЕПТ «ЗАРЯ»: ЭПИТЕТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена эпитетной репрезентации зари в поэзии М. Цветаевой. Устанавливается, что актуализируются признаки зари как начала не только дня, но и жизни лирической героини, любовного чувства. Блендинг

как основа формирования сложного признакового образа признается основным механизмом смыслообразования в рамках когнитивной метафоры «природное явление – человек».

Ключевые слова: эпитет, стилистика, М. Цветаева, эпитетный комплекс, признак, концепт «заря».

Gubanov S. A., D. Sc., Associate Professor,
Povolzhskiy State University of
Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia
E-mail: gubanov5@rambler.ru

THE CONCEPT DAWN EPETHET REPRESENTATION IN M. TSVETAEVA'S POETRY

The article is devoted to the epithet representation of the concept «dawn» in M. Tsvetaeva's poetry. It is established that the signs of dawn are actualized as the beginning of not only the day, but also the life of the lyrical heroine, the feeling of love. Blending as the basis for the formation of a complex attribute image is recognized as the main mechanism of meaning formation within the framework of the cognitive metaphor "natural phenomenon - man".

Keywords: epithet, stylistics, M. Tsvetaeva, epithet complex, attribute, the concept «dawn».

Изучение эпитета с когнитивных позиций является современным, активно развивающимся направлением когнитивной лингвопоэтики [1; 2; 3; 4]. Оно подразумевает рассмотрение эпитетного комплекса в качестве самостоятельной когнитивно-семантической единицы двухкомпонентного типа, состоящей из признакового элемента, эпитета, и определяемого слова, объекта эпитетации. На когнитивном уровне это модель сферы-источника и сферы-цели метафоры. Таким образом, эпитет предстает в виде ментально-вербального образования, репрезентирующего перенос признака из одной концептуальной области в другую, процесс эпитетации [5].

На сегодняшний день не вызывает сомнений тот факт, что эпитетом выступает любая часть речи, имеющая признаковый семантический компонент, однако ведущую роль в экспликации признака играет, безусловно, имя прилагательное.

В настоящей статье на основе когнитивно-семантического подхода раскрывается специфика образного моделирования концепта «заря» в поэзии М. Цветаевой средствами эпитетной лексики. Обращается внимание на нарушение сочетаемостных свойств эпитетов и определяемых слов при формировании переносных эпитетных комплексов.

Заря не рассматривалась в цветаеведении в качестве отдельного концепта: некоторые элементы анализа данного смысла имеются в работах, посвященных концепту «небо» в поэзии М. Цветаевой [6; 7]. Заря выступает частным концептом, видовым, однако на его примере можно увидеть специфику направлений эпитетации в поэзии М. Цветаевой, отметить стратегии ассоциирования объектов на основе их признаковой составляющей.

С целью выявить общее и отличное в составе эпитетов в поэтическом и литературном языках в качестве материала для анализа избран Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, который в полной мере отражает репертуар словоупотреблений поэта [8], а также словарь эпитетов русского литературного языка [9].

Заря является устойчивым, традиционным общепоэтическим концептом, имеющим широкое значение начала не только дня, но и жизни (на заре жизни): темпоральная семантика концепта субъективна. Т. В. Малинская на материале текстов И. А. Бунина установила, что «употребление темпоральной синтаксемы с лексемой заря художественно точно и ёмко передаёт ощущение перемены, рождения или возрождения не только природы, но и чувств героев, переосмысления событий или всей человеческой жизни» [10, С. 60].

В словаре эпитетов русского литературного языка имеется несколько статей о зареве, зарнице и заре. Заря толкуется в словаре как яркое освещение горизонта перед восходом или после захода солнца. Эпитеты разделены на блок «о цвете, степени густоты» (40 эпитетов: *алая, багровая, густая, огненная, розовая, янтарная* и др.) [9, С. 159] и блок «о времени появления зари, о ее продолжительности, характере» (23 эпитета: *весенняя, зябкая, летняя, поздняя, ранняя, тихая, холодная* и др.) [9, С. 160]. Второй блок эпитетов показателен в силу того, что носитель русского языка определенным образом оценивает с помощью эпитетов характер восприятия зари, свое самочувствие, психологическое состояние в момент ее наблюдения (холодная или тихая).

В Словаре поэтического языка Марины Цветаевой *заря* упоминается 129 раз [8, С. 197-199], также присутствует множественное число от лексемы: *То ль не зарь, // То ль не взлом, // То ль не жар-костер – да в дом!* [8, С. 197]. Также окказиональным следует признать эпитет *цвета зари* (применительно к цвету платья), употребленном в связке с эпитетом *цвета месяца*.

В лирике М. Цветаевой встречаются общепоэтические эпитеты заря, такие как *золотая, розовая, ранняя, небесная*; некоторые из них тавтологичны (*небесная*) и направлены на изображение природного явления во время переживания лирической героиней любовного томления или ожидания встречи с любимым человеком. Однако эпитетация зари признаком *земная* (*земная нам заря* [8, С. 198], говоря о Царь-Девице) свидетельствует о

метафоризации и блендровании свойств зари как начала дня и начала в обобщенном смысле и человека как чистого, непорочного, светлого и главного существа. Такие эпитеты зари, как *райская* или *цыганская* (*на цыганской, на райской, на ранней заре* [8, С. 198]) подчеркивают новые качества объекта, метафорически его переосмысляя. Окказиональная метафоризация зари связана с местом (рай, как в раю; пустынная), национальностью (цыганская, эпитетация в данном случае многоуровневая: воспоминание о заре в присутствии цыган, в таборе распространяет признак *цыганский* на зарю и привносит оценку, ассоциируемую с ощущением, восприятием реальности в то время и в том месте). Заря становится одним из атрибутов человека, который может ей манипулировать, что отражается во фразе *клади взамен подушки … мою широкую зарю* [8, С. 198]. В данном случае проявляется типичная для поэта способность воспринимать мир как пространство собственного духа, ничем не ограниченного.

При эпитетации концепта «заря» отчетливо прослеживается тенденция поэтического М. Цветаевой не только к антропоцентричности, реализации метафорической логики олицетворения, но и проявляется стремление ко всеобщему отождествлению себя, внутреннего мира и внешнего мира. Заря предстает в виде природного объекта, но чаще это способ сказать о себе, описать субъекта, его чувства.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1986. – 640 с. – Текст : непосредственный.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва : УРСС, 2018. – 336 с. – Текст : непосредственный.
3. Гращенков П. В. Прилагательные в типологии и теории языка : семантика, дистрибуция, деривация / П. В. Гращенков, Е. А. Лютикова. – Текст : непосредственный // Rhema. – 2018. – № 4. – С. 9-33.
4. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва : Флинта, 2018. – 336 с. – Текст : непосредственный.
5. Губанов С. А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М. И. Цветаевой : специальность 5.9.5 «Русский язык. Языки народов России» : автореф. дис. … докт. филол. наук / С. А. Губанов ; СКФУ. – Ставрополь, 2023. – 49 с. – Текст : непосредственный.
6. Зубова Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой / Л. В Зубова. – Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2017. – 544 с. – Текст : непосредственный.
7. Зубова Л. В. Небо М. Цветаевой… / Л. В. Зубова. – Текст : непосредственный // М. Цветаева и Франция : новое и неизданное / В. Лосской, Ж. Пройар. – Москва : Русский путь ; Paris, 2002. – С. 42-53.
8. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю. И. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. – Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. – 552 с. – Текст : непосредственный.
9. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Ленинград : Наука, 1979. – 568 с. – Текст : непосредственный.

10. Малинская Т. В. Темпоральные синтаксемы с лексемой заря / Т. В. Малинская. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 6. – С. 59-62.

Донскова Г. А., канд. филол. наук, доцент,
Ажигалиева А. М., обучающийся,
Западно-Казахстанский университет
имени Махамбета Утемисова,
Республика Казахстан, г. Уральск
E-mail: shoqaeva@gmail.com

ПОНЯТИЕ АЛЛЮЗИВНОГО ЗАГОЛОВКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ И ЕЕ ФУНКЦИИ

В статье рассматриваются аллюзивные заголовки в публицистических текстах. Отмечается их роль как средства косвеннои коммуникации и интертекстуальнои связи, основаннои на фоновых знаниях читателя. Подчеркивается значение таких заголовков в массовои прессе и их функциональная специфика.

Ключевые слова: аллюзивный заголовок, массовая пресса, публицистический стиль, средства массовой информации, прецедентный текст, современное медиапространство, газета.

Donskova G. A., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Azhigalieva A. M., student,
West Kazakhstan University named
after Makhambet Utemisov,
Republic of Kazakhstan, Uralsk
E-mail: shoqaeva@gmail.com

THE CONCEPT OF AN ALLUSIVE HEADING IN A PRESS TEXT AND ITS FUNCTIONS

The article examines allusive headlines in journalistic texts. Their role is noted as a means of indirect communication and intertextual communication based on the background knowledge of the reader. The importance of such headlines in the mass press and their functional specificity are emphasized.

Key words: allusive headline, mass press, journalistic style, mass media, precedent text, modern media space, newspaper.

Массовая пресса представляет собой сегмент медиа, чья редакционная политика сфокусирована на освещении наиболее злободневных социально-

бытовых вопросов, изложенных в форме, доступной для широкого круга читателей [1, С. 146]. Современные массовые издания охватывают общественно-политические события и разнообразные сферы человеческой деятельности, используя выразительные и привлекательные методы подачи информации для привлечения внимания. Тем не менее, эффективность восприятия газетного текста в значительной степени определяется заголовком, который оптимизирует процесс поиска интересующей информации для читателя. В связи с этим, исследование особенностей заголовков в массовых изданиях приобретает особую актуальность [2, С. 72].

Заголовок в медиатексте выполняет две ключевые функции: информационную (донесение сути сообщения и формирование предварительного представления о содержании) и аттрактивную (стимулирование интереса и любопытства). Вторая функция становится особенно важной в контексте современных онлайн-медиа. Успешность интернет-издания, выражающаяся в его рейтинге и привлекательности для рекламодателей и партнеров, напрямую коррелирует с объемом пользовательского трафика [3, С. 147]: степени посещаемости страницы, активности переходов по ссылкам, количества уникальных посетителей, т. д. Поэтому заголовок – становится основным инструментом повышения интереса к публикации, ее выделения из непрерывного потока информации, что справедливо в отношении не только интернет-сайтов изданий, но и их страниц в мессенджерах и соц. сетях.

В последние годы растет количество исследований, посвященных анализу языка прессы, по праву считающегося одним из наиболее популярных подъязыков массовой информации, т. к. именно газетным текстам отводится лидирующая роль в общем комплексе СМИ. Арнольд И. В. характеризует газету как средство информации и средство убеждения [4, С. 181].

В современной публицистике, и, как следствие, в газетных заголовках, широко используется стилистический прием аллюзии. Аллюзия определяется как преднамеренный авторский намек, подразумевающий имплицитное сравнение, при котором характеристики одного объекта (личности или факта) переносятся на другой [5, С. 256]. В языкознании существуют два подхода к трактовке понятия «аллюзия»: ряд ученых считает, что аллюзия отсылает не только к общеизвестным фактам, но и к знакомым только узкому кругу лиц, возможно даже только «непосредственному адресату [6, С. 270], бытовым фактам, вещам, лицам и событиям их частной жизни [7, С. 202]. При другом подходе для определения термина «аллюзия» используются слова «намекать», «намек» [8, С. 223]. Аллюзией называется «намек на историческое событие или литературное произведение, которые предполагаются общеизвестными» [9, С. 161].

Часто наблюдается смешение понятий «намек» и «аллюзия», поскольку оба феномена предполагают отступление от принципа прямолинейности изложения. Вследствие этого, как и аллюзия, намек может тракто-

ваться как в широком, так и в узком смысле. В литературоведении, например, аллюзия определяется как стилистический прием – скрытое упоминание общеизвестного политического, исторического или литературного события или факта, используемое в художественной, ораторской или повседневной речи [10, С. 20].

Аллюзия может выражаться в намеке следующим образом:

1. Различные фразеологические единицы обеспечивают аллюзию «узнаваемостью». Данный подход принято рассматривать во фразеологической стилистике, где аллюзию отличают от фразеологических единиц. Значения последних, даже утрачивающие со временем свою мотивировку, остаются понятными носителям языка независимо от контекста. К данной группе отнесем, в частности, также аллюзии на библейские, мифические события и героев.

2. Аллюзия, возникающая при пересечении логического и номинативного аспектов лексики, реализуется через введение в текст лексических единиц, выполняющих роль вторичной номинации. Эти единицы опосредованно отсылают к реалиям общественной жизни (социальным, историческим, культурным), обладая при этом выраженным эмоционально-оценочным компонентом.

3. Способность аллюзии функционировать в качестве значимого элемента литературного произведения обусловлена ее природой как приема текстовой импликации. Этот прием интегрирует в себя такие лексико-семантические явления, как подтекст, эллипсис и семантическое осложнение, что позволяет ей эффективно влиять на восприятие текста.

Публицистика играет уникальную роль в современной языковой коммуникации. Ее произведения в «эмпирических фактах и рассуждениях, в понятиях, идеях, публицистических образах, гипотезах» [11, С. 14] являются рефлекторами жизни социума, определяют общественное сознание и выполняют дидактическую функцию, оказывая социально-практическую помощь читателю-реципиенту. Публицистические тексты не только информируют о событиях, но и анализируют их социальное значение, предлагают оценки и побуждают к размышлениям и действиям. По мнению профессора Мисонжникова Б. Я., без публицистики современному человеку трудно ориентироваться в мире и делать осознанный выбор [12, С. 9].

СМИ играют ключевую роль в публицистической коммуникации, являясь ее наиболее гибким и адаптивным компонентом. Их способность быстро реагировать на события и охватывать широкий круг тем, а также доступ к огромной аудитории, подкрепляется современными технологическими достижениями. Более того, благодаря широкому спектру жанров – от новостных заметок до глубоких аналитических обзоров и интервью – публицистика в СМИ эффективно вовлекает людей в осмысление и обсуждение общественных процессов. Важным признаком функциональной эффектив-

ности публицистического текста, подчеркивает Черногрудова Е. Л., является «способность включить воображение читателя и актуализировать его культурные знания» [13, С. 3]. В этом плане среди языковых средств выразительности в публицистике особую роль играет аллюзия – «преднамеренное использование в тексте определенных слов, словосочетаний и предложений, косвенно соотносящихся с засвидетельствованными фактами культуры».

Исследователи отмечают, что в текстах массовой коммуникации сегодня наблюдается умелое сочетание «логичности и фактографичности» научного и официально-делового стилей с «образностью и эмоциональностью» художественного и разговорного [13, С. 4].

Аллюзия выступает ключевым инструментом в арсенале публициста, позволяя ему формировать конкретный образ и вызывать у аудитории эмоциональный отклик, соответствующий авторскому замыслу. Как Никашина Н. В. и Супрун Н. Д. уже отметили, аллюзия функционирует как своего рода «мост», связывающий прошлое с настоящим, и является уникальным методом обращения к предыдущему опыту, способствующим осмыслению и систематизации мировоззренческих представлений [14, С. 68].

Авторы публицистики целенаправленно конструируют аллюзивные связи. Это делается для того, чтобы вызвать у читателя ассоциации, которые содержат в себе определенную оценку тех или иных качеств или характеристик. Когда публицист использует определенное выражение как намек на известный исторический или литературный факт, он опирается на фоновые знания реципиента (читателя) и его лингвокультурные коннотации (скрытые смыслы, связанные с языком и культурой). Источниками таких фоновых знаний могут служить произведения искусства (живопись, музыка, художественная литература, кино), высказывания известных политиков, а также стереотипные ситуации и образы. В связи с этим, Дронова Е. М. выделяет две основные группы аллюзий: к первой относятся мифологические, библейские и литературные отсылки; вторая группа охватывает «аллюзии на фактах повседневной жизни и явлениях массовой культуры» [15, С. 13].

Одним из ключевых видов аллюзий в публицистике являются аллюзии, используемые в заголовках. Исследователи указывают на растущую популярность таких заголовков в современных средствах массовой информации [13, С. 18]. Группы аллюзий-заголовков по источнику фоновых знаний на материале «Коммерсант»:

Фольклорный фонд: (пословицы, поговорки, считалки, фразеологизмы и т. д.) «От черна не отсмотришь до бела» [18];

Литературные произведения: (поэтические строки, название художественных произведений, высказывание из художественного произведения) «Двое в лодке, не считая рассказчика» [19];

Киноискусство: (названия художественных кинофильмов, мультипликационных фильмов, телепередач, фразы из них) «Единое пособие разводам не верит» [20];

Песенное творчество: «Визы враждебные веют над нами» [21];

Работы классиков марксизма-ленинизма: «Каждая кухарка может добавлять государству» [22];

Мудрые изречения: Библейские источники «Каждой твари – колумбарий» и т. д.

Помимо своей основной функции наименования, заголовки-аллюзии в публицистике обладают целым арсеналом значимых ролей. Они служат источником информации, активизируя мыслительный процесс читателя и вызывая его интерес; выступают в качестве рекламного инструмента, притягивая непроизвольное внимание; способствуют формированию глубокого понимания смысла публикации; участвуют в создании эмоционального отклика у аудитории; вносят вклад в стилистическое оформление текста и обеспечивают ретроспективную связь, объединяя культурное наследие разных времен [16, С. 24].

Основная роль аллюзий-заголовков, равно как и аллюзий в целом, заключается в демонстрации авторской позиции по отношению к обсуждаемой теме и к самому тексту. Эти элементы эксплицитно способствуют реализации перлокутивной цели, то есть выражают предполагаемое воздействие «коммуникативного послания на адресата», которое планируется адресантом [17, С. 180].

Аллюзия неразрывно связана с феноменом прецедентных текстов. Караулов Ю. Н. подчеркивает, что эти тексты функционируют как сформированные интеллектуально-эмоциональные единицы – своего рода стереотипы, образы или эталоны для сравнения. Их ключевая роль заключается в том, что они служат инструментом, который упрощает и ускоряет процесс перехода языковой личности от конкретного фактологического контекста мышления к ментальному, и, возможно, в обратном направлении.

Современные теории аллюзии единодушно определяют ее как косвенную отсылку к общеизвестному факту, деятелю или событию. Этот прием является одним из наиболее эффективных и широко применяемых средств для обогащения смыслового и эмоционально-эстетического содержания произведений вербального искусства.

Наличие конкретного (или подразумеваемого) автора у первоисточника – это один из главных маркеров аллюзии. Аллюзия – это инструмент, который позволяет объединять различные смысловые поля, привнося в новый текст значения из уже существующего. Для того чтобы читатель, а также переводчик, могли верно интерпретировать авторский замысел, абсолютно необходимо точно определить, какие именно контексты сопоставляются, поскольку от этого напрямую зависит успешность реализации авторской интенции.

Всякий текст, обладающий аллюзивностью, неизбежно содержит подтекст, что обуславливает наличие значительного количества имплицитных значений. Тем не менее, не все эти скрытые смыслы раскрываются посредством явных текстовых элементов. Только ограниченный объем подтекстовой информации может быть интерпретирован читателями через установление межтекстовых связей, возникающих благодаря присутствию в тексте разнообразных интертекстуальных маркеров:

1) литературные цитаты-реминисценции, имена персонажей, названия произведений и т. д.;

2) видоизмененные высказывания ученых, политиков, деятелей культуры и т. д.: Декабристы разбудили Ельцина (Декабристы разбудили Герцена – Ленинские фразы);

3) библеизмы (факты, имена, фразы из Ветхого и Нового Завета);

4) цитаты, в том числе, трансформированные, из популярных песен и кинофильмов: Я – земля, я свои провожаю гектары (Я – Земля! Я своих провожаю питомцев, Сыновей, Дочерей). Рассматриваемый заголовок является интертекстом, внутри которого наблюдаются ссылки на строки из песни Долматовского Е. А.;

5) измененные названия теле- и видеофильмов, фразы из популярных фильмов и телепрограмм, рекламы: Джентльмены у дачи (Джентльмены удачи – 1971 г.);

6) трансформированные крылатые выражения, чаще всего одно из слов в цитате меняется на ключевое для газетной статьи. При этом узуальный переносный смысл чаще всего сохраняется: Дружба дружбой, а наука - врозь? (Amigos, amigos, nuclear à parte);

7) названия живописных полотен, скульптур и других произведений искусства.

Таким образом, аллюзия предстает как многоаспектное явление. Ее роль заключается в формировании интертекстуальных связей, интенсификации ассоциативного восприятия информации, расширении лингвокультурного контекста текстов, а также в поддержании коммуникации между читателем и автором. Принципиально важно, что аллюзия является одним из эффективных инструментов для достижения того баланса между стандартом и экспрессией, который характеризует публицистический стиль.

Список использованной литературы

1. Юрченко И. В. «Жёлтая» пресса как отражение массовой культуры / И. В. Юрченко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета : Журналистика. – 2004. – № 4. – С. 149-156.

2. Малярчук-Прошина У. О. Специфика заголовков современной массовой прессы / У. О. Малярчук-Прошина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4-3 (70). – С. 75-78.

3. Гладилин А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа / А. В. Гладилин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 21 (312). – С. 145-151.

4. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Москва : Флинта ; Наука, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.

5. Качалова Н. А. Выражение намёка посредством аллюзии / Н. А. Качалова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10. – С. 267-272.

6. Кларк Г. Г. Слушающие и речевой акт / Г. Г. Кларк, Т. Б. Карлсон. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – № 17. – С. 321-340.

7. Львов М. Р. Риторика. Культура речи : учебное пособие для вузов / М. Р. Львов. – Москва : Академия, 2002. – 272 с. – Текст : непосредственный.

8. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд. – Текст : непосредственный // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – 1999. – С. 238-245.

9. Сурков А. А. Аллюзия / А. А. Сурков. – Текст : непосредственный // Краткая литературная энциклопедия. – 1962. – С. 1007.

10. Кожевникова В. М. Аллюзия / В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Текст : непосредственный // Литературный энциклопедический словарь. – 1987. – С. 752.

11. Колосов Г. В. Журналистский творческий процесс / Г. В. Колосов, Э. А. Худякова. – Воронеж : Воронежский университет, 1984. – 15 с. – Текст : непосредственный.

12. Мисонжников Б. Я. Публицистика в современном обществе / Б. Я. Мисонжников. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – 227 с. – Текст : непосредственный.

13. Черногрудова Е. В. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Е. В. Черногрудова. – Воронеж, 2003. – 24 с. – Текст : непосредственный.

14. Никашина Н. В. Аллюзия как стилистический приём в англоязычной литературе / Н. В. Никашина, Н. Д. Супрун. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 1. – С. 74-80.

15. Дронова Е. М. Стилистический приём аллюзии в свете теории интертекстуальности (на материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века) : специальность 10.02.04. «Германские языки» : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. М. Дронова ; ВГУ. – Воронеж, 2007. – 28 с. – Текст : непосредственный.

16. Лютая А. А. Современный газетный заголовок : структура, семантика, прагматика : специальность 10.02.01. «Русский язык» : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. А. Лютая ; ВГПУ. – Волгоград, 2008. – 24 с. – Текст : непосредственный.

17. Горбань И. В. Роль паремии в создании перлокутивного эффекта в художественном дискурсе / И. В. Горбань. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 183-187.

18. Материал из газеты «Коммерсантъ». – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/3893356 (дата обращения : 01.02.2026).

19. Материал из газеты «Коммерсантъ». – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/3757629 (дата обращения : 01.02.2026).

20. Материал из газеты «Коммерсантъ». – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/6367356 (дата обращения : 01.02.2026).

21. Материал из газеты «Коммерсантъ». – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/6253451 (дата обращения : 01.02.2026).
22. Материал из газеты «Коммерсантъ». – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/2819437 (дата обращения : 01.02.2026).

Тюрина С. Ю., канд. филол. наук, доцент,
Староверова Е. Б., старший преподаватель,
Ивановский государственный энергетический университет,
Россия, г. Иваново
E-mail: tsu1999@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ПЕРЕВОДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию культурной асимметрии как ключевой проблемы перевода. Анализируются теоретические основы непереводимости и безэквивалентной лексики. Культурная асимметрия определяется как несовпадение культурных кодов, концептуальных систем и картин мира, проявляющееся на лексическом, грамматическом и прагматическом уровнях. Рассматриваются типы асимметрии и стратегии её преодоления.

Ключевые слова: культурная асимметрия, непереводимость.

Tyurina S. Yu., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Staroverova E. B., Senior Lecture,
Ivanovo State Power Engineering University,
Russia, Ivanovo
E-mail: tsu1999@mail.ru

CULTURAL ASYMMETRY IN TRANSLATION: THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICAL SOLUTIONS

The article is devoted to the study of cultural asymmetry as a key problem in translation. It analyzes the theoretical foundations of untranslatability and non-equivalent vocabulary. Cultural asymmetry is defined as a mismatch of cultural codes, conceptual systems, and worldviews, manifested at the lexical, grammatical, and pragmatic levels. The types of asymmetry and strategies for overcoming are considered.

Keywords: cultural asymmetry, untranslatability.

Ключевые проблемы современного перевода – это культурная асимметрия и проблема непереводимости. Культурно-специфические реалии,

коннотации, фразеологизмы и прецедентные тексты создают так называемые зоны «непереводимости», требующие от переводчика использование переводческих стратегий.

В исследованиях ученых представлены различные теоретические подходы к проблеме непереводимости. Так, В. Гумбольдт утверждал, что каждый язык представляет уникальный способ восприятия и категоризации мира [2]. Следовательно, полный перевод между языками невозможен в принципе, так как каждый язык создает свою собственную реальность. Э. Сепир и Б.Л. Уорф развили идею Гумбольдта в гипотезу лингвистической относительности, согласно которой, язык определяет мышление, а значит, носители разных языков мыслят по-разному [3]. Это создает фундаментальные барьеры для перевода. Р. Якобсон предложил более дифференцированный взгляд. Он различал внутриязыковой перевод или перефразирование, межъязыковой перевод и межсемиотический перевод. Якобсон утверждал, что полная эквивалентность невозможна, но возможно адекватное перекодирование [7]. Д. Лакофф в рамках когнитивной лингвистики показал, что многие трудности перевода связаны с различиями в концептуальных метафорах, лежащих в основе языковых выражений [4].

Концепция «безэквивалентной лексики» представлена в работах С. Влахова и С. Флорина [1]. Ученые дали систематическое описание явлений, не имеющих прямых соответствий в языке перевода и выделили следующие категории безэквивалентной лексики: реалии, имена собственные с культурными коннотациями, фразеологизмы, языковая игра и каламбуры.

Таким образом, проблему непереводимости порождает культурная асимметрия, то есть, когда смысловые элементы одного языка не имеют прямых эквивалентов в другом, что может привести к ошибкам в переводе [5, 6].

Можно говорить о разных типах асимметрии. Например, лексическая асимметрия: португальское "saudade" (сложный комплекс тоски, ностальгии и любовной меланхолии), японское "wabi-sabi" (эстетика простоты, асимметрии и несовершенства), немецкое "Schadenfreude" (радость от неудачи другого).

Рассмотрим примеры грамматической асимметрии. Например, категория определенности/неопределенности в английском (артикли) vs. её отсутствия в русском, категория рода в английском, немецком и русском языках, классификаторы в китайском языке.

Интересны примеры прагматической асимметрии, связанной с различием в коммуникативных нормах. Например, уровни вежливости в японском, прямота vs. Косвенность в разных культурах, невербальные компоненты коммуникации.

Среди стратегий преодоления культурной асимметрии можно выделить следующие.

1. Транскрипция и транслитерация (glasnost, perestroika).

2. Калькирование (skyscraper).

3. Описательный перевод.

4.Функциональная замена, то есть подбор соответствия, выполняющего аналогичную функцию. Например, русская пословица «Не в свои сани не садись» передаются английским соответствием «Don't bite off more than you can chew».

5. Трансформации, например, использование пассивной конструкции вместо активной или генерализация/конкретизация.

В качестве практических рекомендаций для начинающих переводчиков можно предложить следующие:

1. Развитие бикультурной компетенции.

2. Анализ коммуникативной ситуации. Принятие решения о стратегии перевода в зависимости от целевой аудитории, цели перевода, жанра текста и контекста использования.

3. Работа с паратекстом: использование предисловий, комментариев, сносок для объяснения культурно-специфических элементов.

4. Коллаборативный подход. Совместная работа с носителями языка и экспертами в соответствующей культурной области.

В заключение можно сделать следующие выводы. Представляется, что культурная асимметрия не является препятствием, а одной из характеристик межъязыковой коммуникации. «Непереводимость» часто означает не абсолютную невозможность, а необходимость творческого решения. Современный переводчик должен действовать как культурный посредник, а не механический транслятор. Современные технологии (корпусная лингвистика, параллельные тексты) предоставляют новые инструменты для работы с асимметрией.

Список использованной литературы

1. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 320 с. – Текст : непосредственный.

2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 2000. – 400 с. – Текст : непосредственный.

3. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. А. Звегинцев. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. – 1960. – № 1. – С. 111-134.

4. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – Текст: непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия. – 1987. – С. 126-170.

5. Максудо У. О. Межкультурная асимметрия в художественном переводе / У. О. Максудо. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. – 2022. – № 1. – С. 38-54.

6. Разумовская В. А. Переводческие ошибки как результат асимметрии языков перевода / В. А. Разумовская. – Текст : непосредственный // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2025. – № 11. – С. 10-12.

7. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон. – Текст : непосредственный // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – 1978. – С. 16-24.

Макарова Ю. А., старший преподаватель,
Новосибирский государственный технический университет,
Россия, г. Новосибирск
E-mail: Julimakarova@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВА В НЕМЕЦКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР

Рассматривается концептуализация искусства в поэзии Розы Ауслендер на понятийном, образном и ценностном уровнях. Выявлено, что на понятийном уровне искусство представляет собой инструмент трансформации и познания; на образном уровне реализуется с помощью визуальных метафор из области природных и оптических явлений, геометрии и динамики; на ценностном – играет роль религии.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, художественное сознание, поэтический язык, поэзия Розы Ауслендер.

Makarova Yu. A., Senior Lecturer,
Novosibirsk State Technical University,
Russia, Novosi
E-mail: Julimakarova@rambler.ru

CONCEPTUALIZATION OF ART IN ROSE AUSLÄNDER'S GERMAN- AND ENGLISH-LANGUAGE POETRY

The article deals with conceptualization of art in Rose Ausländer's poetry at the notional, figurative, and axiological levels. On the notional level, art is an instrument of transformation and cognition; on the figurative level, it is realized through visual metaphors of natural and optical phenomena, geometry, and dynamics; on the axiological level, it plays the role of religion.

Keywords: conceptualization, concept, artistic mind, poetic language, Rose Ausländer's poetry.

Под концептуализацией понимают процесс «познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы человека» [1, С. 93], как «живой процесс порождения новых смыслов» [2, С. 4].

Когнитивный подход к рассмотрению поэтического текста фокусируется на рождении концептов в художественном, поэтическом сознании [2, С. 4]. Такие концепты называют художественными концептами, понимая под ними вербализованные в художественном тексте ментальные образования, отражающие общие знания и субъективное авторское восприятие действительности, связанное с образным представлением той или иной сущности предметов или явлений [3, С. 7].

Цель исследования состоит в рассмотрении концептуализации искусства в поэзии Розы Ауслендер. **Материалом исследования** послужили 9 поэтических текстов Р. Ауслендер из одного англоязычного и двух немецкоязычных сборников:

1) «Oskar Kokoschka» [4, С. 31], «Wassilij Kandinski» [4, С. 43], «Lionel Feininger» [4, С. 50], «Mona Lisa» [4, С. 135], «Leonardo da Vinci» [4, С. 188] из сборника «Schweigen auf deine Lippen. Gedichte aus dem Nachlass» [4];

2) «Cezanne im Central Park» [5, С. 165], «Bilder» [5, С. 208] из сборника «Die Sichel mäht die Zeit zu Heu» [5];

3) «Abstract painting» [6, С. 7], «Guggenheim Museum» [6, С. 75] из сборника «The Forbidden Tree» [6].

Мы прибегли к следующим **методам исследования**: концептуальному анализу и методу интерпретации художественного текста.

Для рассмотрения концептуализации искусства в поэтических текстах Р. Ауслендер обозначим уровни художественного концепта. И.А. Тарасова подчеркивает сложное строение авторского концепта (художественного концепта поэта), его многослойность. Исследователь выделяет следующие слои, из которых состоит разработанная ею модель художественного концепта: предметный, понятийный, образный, ассоциативный, символический и ценностно-оценочный [2, С. 5].

Опираясь на предложенную И.А. Тарасовой модель, мы рассматриваем художественный концепт «ИСКУССТВО» в поэзии Розы Ауслендер на следующих уровнях: 1) понятийном, 2) образном и 3) ценностном / аксиологическом.

1. Понятийный уровень. В понимании поэтессы искусство – инструмент трансформации и познания. Оно определяется через следующие дефиниции:

- **Демиургический акт**. В стихотворениях, посвященным О. Кокошке и В. Кандинскому, искусство – это физическое действие: «Aus Farben / Körper kneten» («Из красок / лепить тела») [4, С. 31]. Художник, «крещенный радугой» («Getauft / von Regen / bogen»), выступает как медиум, через которого элементы (точки и линии) обретают бытие: «Landschaften / verwandelt in Bewegung / Flächen / Linien / Punkte» («Ландшафты превращает в движение / плоскости / линии / точки») [4, С. 43]. Художник здесь – не свидетель, а творец альтернативной физической реальности.

• **Архитектура и структура**. У Л. Фейнингера и П. Сезанна искусство – поиск «математики» бытия. Так, стихотворение, посвященное Л. Фейнингеру, отличается строгостью линий и ощущением гармонии, – как и сам стиль художника: «Die Atmosphäre schimmert / verweilt / im absoluten / Ort der Ruhe (…) / Der ideale Mensch / Balance» («Атмосфера мерцает / застыв / в абсолютном / месте покоя (…) / Идеальный человек / Баланс») [4, С. 50]. Хаос в руках мастера превращается в идеальный порядок.

• **Пространство интерпретации**. В стихотворениях «Abstract painting» и «Guggenheim Museum» искусство предстает как открытый код, оно не имеет фиксированного значения, превращаясь в «тысячу вопросительных знаков». «Abstract painting» иллюстрирует концепт искусства как «открытого текста», где смысл рождается не в красках, а в голове смотрящего: «and a thousand question-marks behind these lines» («и тысячи знаков вопроса за этими линиями») [6, С. 7]. В «Guggenheim Museum» искусство – динамическая модель мироздания, воплощенная в материи, которая вовлекает зрителя в «снежную карусель» вечного созидания: «In this future dome and home / turn with the snowy carousel / from level to level / within the condensed cosmos / of a self-made solar system» (В этом куполе и доме будущего / кружись на снежной карусели / с этажа на этаж / внутри сжатого космоса / рукотворной солнечной системы) [6, С. 75].

2. Образный уровень. На данном уровне концепт «искусство» реализуется с помощью визуальных метафор, которые делятся на несколько групп:

а) природные и оптические явления:

• радуга – ключевой образ для живописи О. Кокошки и В. Кандинского. Это мост между земным и небесным, символ «человеческого спектра»: «du siehst / die Erde dreht sich / um den menschlichen / Regenbogen» («ты видишь / земля вращается / вокруг человеческой радуги») [4, С. 31];

• кристаллы и прозрачность. В «Cezanne im Central Park» и «Bilder» образы «рентгена», «прозрачных тел» и «кристаллов из воздуха» подчеркивают желание искусства пробиться сквозь внешнюю оболочку к сути вещей: «Die alten Muster / durchleuchtet / vom Röntgenaug Cezannes» («Старые узоры / просвеченные / рентгеновским глазом Сезанна») [5, С. 165]; «Farbe im Bildergespinst / du bist / hier und im Hintergrund / Kristalle aus Luft / lösen es auf» («Цвет в паутине картин / ты / здесь и на заднем плане / Кристаллы из воздуха / растворяют его) [5, С. 208];

б) геометрия и динамика:

• линии и точки: В. Кандинский превращает мир в «плоскости, линии, точки»: «Landschaften / verwandelt in Bewegung / Flächen / Linien / Punkte» («Ландшафты превращает в движение / плоскости / линии / точки») [4, С. 43];

• вертикаль vs горизонт: в «Guggenheim Museum» спиралевидное здание Ф.Л. Райта уподобляется «каменному цветку» («spiraled stone-flower») или «раю Данте» («Dante's heaven»), противопоставляя «круглый горизонт» («the round horizon») вертикальному «приливу времени» Манхэттена («the vertical wiry / tide of time») [6, С. 75]. Поэтесса транслирует яркий образ Нью-Йорка, где время – агрессивная вертикаль небоскребов, устремленных вверх. Время здесь «жесткое» и неумолимое;

в) человеческое лицо и тело:

• улыбка Джоконды в «Leonardo da Vinci» – центральный образ-загадка, это «зеркало», в котором каждая женщина видит себя: «Auch das Giocondalächeln / ist wahr / ein Spiegel / in dem jede Frau / sich erblickt» («Улыбка Джоконды / истинно / зеркало / в котором каждая женщина / видит себя») [4, С. 188];

• фрагментарность человеческого лица. Искусство фокусируется на деталях, которые в совокупности создают «летящие ландшафты» лица (человеческое лицо у О. Кокошки само становится ландшафтом): «Aus Farben / Körper kneten / Welt / aus Gesichtern / Stirn Lippen Augen (…) / und seine flüchtigen / Landschaften» («Из красок / лепить тела» / Мир / из лиц / лоб губы глаза (…) / и его летящие ландшафты») [4, С. 31].

3. Ценностный уровень. На данном уровне мы наблюдаем аксиологическую иерархию, где искусство занимает место религии и спасения. Выделим аспекты данного слоя:

• **истина**: искусство «истинно» не тогда, когда копирует, а когда становится зеркалом внутреннего мира: «sieh es im Spiegel / mach dir ein Abbild / wer bist du / hier und / im Hintergrund» («посмотри в зеркало / создай себе образ / кто ты / здесь и / на заднем плане») [5, С. 208]. Вопрос «кто ты здесь и на заднем плане?» подчеркивает двойственность человеческого существования. «Здесь» – это наша физическая реальность, а «на заднем плане» – мир наших мыслей, подсознания, который благодаря искусству «выходит» наружу;

• **преодоление времени**: музеи – это «клетки» («Gefangene Abbilder / in Museumskäfigen» – «Пойманные изображения / в музейных клетках»), но пейзажи в них – «вечные глаза» («ewige Augen») [5, С. 208], т.е. искусство – вечно. Искусство побеждает «прилив времени» («tide of time») [6, С. 75];

• **антропоцентризм**: мир вращается вокруг «человеческой радуги». Искусство возвращает человеку его центральное место в космосе: «du siehst / die Erde dreht sich / um den menschlichen / Regenbogen» («ты видишь / земля вращается / вокруг человеческой радуги») [4, С. 31];

• **единство:** искусство примиряет противоположности: конкретное и абстрактное – «Seht / das Konkrete abstrakt / das Abstrakte konkret» («Смотри / конкретное абстрактно / абстрактное конкретно») [5, С. 165]; «веселый» и

«печальный» взгляд («Der heiter trauernde Blick») [4, С. 135]. Искусство обеспечивает связь времен: сравнение с «раем Данте» («Dante's heaven») и «домом будущего» [6, С. 75], объединяя средневековую мистику и футуризм;

• **новая теология**: искусство становится религией – «Farben seine / Religion predigte» («Цвета / проповедовала его религия») [4, С. 43];

• **убежище**: искусство определяется как «дом будущего» («future dome and home») [6, С. 75], предлагая защиту от внешнего мира.

Таким образом, Р. Ауслендер концептуализирует искусство не как статичное отражение реальности, а как динамический процесс «пересотворения» мира. Поэтесса становится интерпретатором визуального языка великих мастеров, переводя линию и цвет на язык экзистенциальных смыслов. Для Р. Ауслендер искусство – гармония, если реальность часто предстает фрагментарной и угрожающей, то в пространстве картины или музея она обретает некий «баланс». Искусство позволяет человеку не просто смотреть, но видеть сквозь материю.

Список использованной литературы

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Московского государственного университета, 1996. – С. 242. – Текст : непосредственный.
2. Тарасова И. А. Концептуализация в поэтическом языке / И. А. Тарасова. – DOI 10.18500/1817-7115-2018-18-1-4-8. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 4-8.
3. Штырлина Е. Г. Репрезентация художественного концепта «время» в поэтическом языке И. Бродского : специальность 12.02.01. «Русский язык» : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. Г. Штырлина ; КФУ.– Казань, 2013. – 22 с. – Текст : непосредственный.
4. Ausländer R. Schweigen auf deine Lippen. Gedichte aus dem Nachlass / R. Ausländer. – Frankfurt am Main : Fischer Tagebuch Verlag, 1994. – 245 S. – Text : direct.
5. Ausländer R. Die Sichel mäht die Zeit zu Heu. Gedichte 1957-1965 / R. Ausländer. – Frankfurt am Main : Fischer Verlag, 1985. – 360 S. – Text : direct.
6. Ausländer R. The Forbidden Tree. Englische Gedichte / R. Ausländer. – Frankfurt am Main : Fischer Tagebuch Verlag, 1995. – 288 S. – Text : direct.

Жарких О. И., старший преподаватель кафедры
иностранных языков в сфере
профессиональной коммуникации,
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева,
Россия, Орел
E-mail: mrsoz@inbox.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЙНЫХ ИМЁН В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (С ПРИМЕНЕНИЕМ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)

В статье рассматриваются особенности семантики и ассоциативного потенциала событийных имён в английском и русском языках. Основное внимание уделяется сопоставительному анализу лексических единиц, номинирующих события, с привлечением данных ассоциативных словарей. Показано, что различия в ассоциативных полях событийных имён отражают национально-культурную специфику языкового сознания носителей английского и русского языков. Анализ выявляет различия в степени абстрактности, оценочности и темпоральной маркированности событийных номинаций. Результаты исследования могут быть использованы в лексикологии, когнитивной лингвистике, переводоведении и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: событийные имена, ассоциативное поле, языковое сознание, сопоставительная лингвистика, семантика, английский язык, русский язык.

Zharkikh O. I., Senior Lecturer
Department of Foreign Languages in
Professional Communication,
Oryol State University named after I.S. Turgenev,
Russia, Oryol
E-mail: mrsoz@inbox.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF EVENT NAMES IN ENGLISH AND RUSSIAN (USING ASSOCIATIVE DICTIONARIES)

The article explores semantic and associative characteristics of event nouns in English and Russian. The study is based on a comparative analysis of lexical units denoting events, using data from associative dictionaries. It is demonstrated that differences in associative fields of event nouns reflect national and cultural specificities of linguistic consciousness in English and Russian speakers. The analysis reveals divergences in the level of abstraction, evaluative components,

and temporal orientation of event nominations. The results of the study may be applied in lexicology, cognitive linguistics, translation studies, and intercultural communication.

Keywords: event nouns, associative field, linguistic consciousness, comparative linguistics, semantics, English language, Russian language.

Современная лингвистика всё чаще обращается к исследованию языковых единиц как репрезентантов когнитивных и культурных процессов. В этом контексте особый интерес представляют событийные имена – лексические единицы, номинирующие процессы, действия, состояния и события реального или ментального мира. Событийные имена занимают промежуточное положение между глагольной и именной семантикой, что делает их важным объектом для анализа в рамках когнитивной и сопоставительной лингвистики.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления различий в концептуализации событий в разных языках и культурах. Использование ассоциативных словарей позволяет реконструировать фрагменты языкового сознания носителей языка и выявить скрытые семантические и оценочные компоненты событийных имён.

Цель статьи – провести расширенный сопоставительный анализ событийных имён в английском и русском языках на основе ассоциативных данных. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Определить специфику событийных имён как лексико-семантической категории.

2. Сопоставить ассоциативные поля выбранных событийных имён в английском и русском языках.

3. Выявить национально-культурные различия в восприятии событий.

В лингвистике под событийными именами обычно понимаются существительные, обозначающие действия, процессы или события, такие как война, встреча, праздник, авария в русском языке и war, meeting, celebration, accident в английском. По мнению Е. С. Кубряковой, подобные единицы отражают «свернутую предикативность», сохраняя в своей семантике признаки процессуальности.

Событийные имена обладают рядом характерных признаков:

• темпоральная соотнесённость (событие мыслится во времени);

• динамичность (наличие изменения или действия);

• участники события, имплицитно или эксплицитно представленные в семантике.

В английском языке событийные имена часто формируются с помощью деривационных суффиксов (-tion, -ment, -ing), тогда как в русском языке продуктивны суффиксы -ние, -ка, -ство.

Это различие отражает типологические особенности языков и влияет на степень абстрактности номинации.

Ассоциативные словари фиксируют реакции носителей языка на стимульные слова и позволяют выявить структуру ассоциативного поля. В настоящем исследовании используются данные:

• Русского ассоциативного словаря (РАС);

• Edinburgh Associative Thesaurus и других англоязычных ассоциативных ресурсов.

Ассоциативное поле события включает не только прямые синонимы, но и эмоциональные, оценочные, культурно маркированные реакции. Это делает ассоциативный метод особенно ценным для сопоставительных исследований.

Сопоставительный анализ событийных имён

Событийное имя «война / war»

В русском ассоциативном поле слова война доминируют реакции: смерть, кровь, страх, победа, Великая Отечественная. Наблюдается выраженная историческая и эмоциональная маркированность, а также связь с коллективной памятью.

В английском ассоциативном поле слова war преобладают реакции: soldiers, weapons, fight, Iraq, violence. Здесь заметна ориентация на конкретные военные действия и политический контекст, при меньшей эмоциональной экспрессии.

Таким образом, в русском языковом сознании война концептуализируется как трагическое национальное событие, тогда как в английском – как абстрактное или геополитическое явление.

Событийное имя «праздник / holiday»

Русское слово праздник вызывает ассоциации радость, стол, семья, выходной. Ассоциативное поле носит ярко выраженный эмоционально-положительный и коллективный характер.

Английское holiday ассоциируется с travel, beach, vacation, hotel. Здесь акцент смещён с коллективного переживания на индивидуальный досуг и перемещение в пространстве.

Различие отражает культурные установки: в русской традиции праздник – это совместное событие, в англоязычной – форма личного отдыха.

Событийное имя «встреча / meeting»

В русском языке встреча ассоциируется с лексемами друзья, любовь, случайность, что указывает на личностно-эмоциональную интерпретацию события.

В английском meeting чаще связано с work, office, business, что подчёркивает институциональный и деловой характер события.

Сопоставительный анализ показывает, что событийные имена в русском языке чаще обладают эмоциональной и оценочной насыщенностью, тогда как в английском языке преобладает функционально-описательный подход. Ассоциативные поля русских событийных имён чаще включают

элементы коллективной памяти и межличностных отношений, в то время как английские – элементы деятельности и прагматики.

Эти различия объясняются культурными и когнитивными особенностями языковых сообществ и подтверждают тезис о том, что язык отражает специфику национального мировидения.

Проведённое исследование позволило выявить существенные различия в семантике и ассоциативных полях событийных имён в английском и русском языках. Ассоциативные словари показали себя эффективным инструментом анализа языкового сознания. Результаты подтверждают, что событийные имена являются важным средством репрезентации культурных ценностей и когнитивных моделей.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса анализируемых событийных имён и привлечением психолингвистических экспериментальных данных.

Список использованной литературы

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с. – Текст : непосредственный.

2. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов. – Москва : АСТ, 2002. – 224 с. – Текст : непосредственный.

3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2003. – 287 с. – Текст : непосредственный.

4. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition / A. Wierzbicka. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 487 p. – Text : direct.

Сидорова Л. А., канд. пед. наук, доцент кафедры
английской филологии и переводоведения,
Чувашский государственный педагогический
университет имени И. Я. Яковлева,
Россия, г. Чебоксары
E-mail: lara1357@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МАРКЕТИНГОВОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Актуальность исследования обусловлена растущим присутствием зарубежных компаний на российском рынке, что приводит к повышенному спросу на качественный перевод и локализацию маркетинговых текстов.

В статье рассматриваются основные подходы к работе с маркетинговыми текстами: локализация, транскреация, редактирование и оптимизация для поисковых систем. Каждый из них применяется в зависимости от типа текста, целей коммуникации и характеристик целевой аудитории.

Ключевые слова: маркетинг, маркетинговый текст, реклама, перевод маркетингового текста.

Sidorova L. A., Ph. D., Associate Professor,
I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
Russia, Cheboksary
E-mail: lara1357@mail.ru

SPECIFICS OF TRANSLATING ENGLISH-LANGUAGE MARKETING TEXT INTO RUSSIAN

The relevance of the study is due to the growing presence of foreign companies in the Russian market, which leads to an increased demand for high-quality translation and localization of marketing texts.

The article discusses the main approaches to working with marketing texts: localization, transcreation, editing and optimization for search engines. Each of them is applied depending on the type of text, communication goals and characteristics of the target audience.

Keywords: marketing, marketing text, advertising, translation of marketing text.

Маркетинговый текст – это специфическая форма коммуникации, главная задача которой заключается в продвижении товаров, услуг или компании на рынке. В отличие от других типов текстов, он выполняет убеждающую и мотивирующую роль, призванную сформировать у аудитории лояльность к продукту и побудить её к нужному действию (покупке, регистрации, подписке и пр.).

Маркетинговый текст представляет собой сложное многогранное явление, исследуемое в рамках различных лингвистических дисциплин. Для всестороннего изучения маркетинговых текстов необходимо учитывать все уровни языковой системы: фонетический, морфологический, лексико-семантический и синтаксический.

Перевод маркетинговых текстов представляет собой особый вид переводческой деятельности, требующий не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания механизмов рекламной коммуникации. В отличие от других видов перевода, здесь на первый план выходит не столько точность передачи содержания, сколько сохранение прагматического воздействия текста на целевую аудиторию. Автором данной статьи проведено ряд исследований, посвященных переводу маркетинговых текстов [5, 6].

Анализируя коммуникативно-функциональный подход к переводу, следует отметить его ключевой принцип: процесс перевода требует учета не только лингвистических различий, но и особенностей межкультурного взаимодействия. К числу компонентов коммуникативного акта, таким образом,

следует относить, помимо текстов оригинала и перевода, самих субъектов коммуникативной деятельности, то есть автора исходного сообщения, получателя перевода, а также переводчика [3].

Проблема эквивалентности и адекватности в переводе маркетинговых текстов имеет свою специфику. Если в других видах перевода приоритетом часто является максимально точная передача содержания, то в маркетинговых текстах на первый план выходит сохранение прагматического эффекта.

Принцип эквивалентности в маркетинговом переводе понимается как сохранение коммуникативного воздействия текста. В.Н. Комиссаров выделяет несколько уровней эквивалентности, из которых для маркетинговых текстов наиболее важны:

- эквивалентность на уровне цели коммуникации (сохранение побудительной функции);
- эквивалентность на уровне ситуации (соответствие культурному контексту);
- эквивалентность на уровне средств выражения (подбор аналогичных по воздействию языковых средств) [1, С. 134].

Особую сложность представляет соблюдение баланса между эквивалентностью и адекватностью при переводе креативных элементов. Например, при переводе каламбуров или игры слов часто приходится полностью отказываться от формы оригинала, находя другие языковые средства для создания аналогичного эффекта.

В современной переводческой практике сложились следующие основные подходы к работе с маркетинговыми текстами: локализация, транскреация, редактирование и оптимизация для поисковых систем. Каждый из них применяется в зависимости от типа текста, целей коммуникации и характеристик целевой аудитории.

Адаптация представляет собой стратегию перевода, при которой исходный текст подвергается сознательной трансформации с целью максимально точного соответствия культурным, социальным и языковым реалиям целевой аудитории. Этот подход становится особенно востребованным при работе с текстами, насыщенными культурно-специфическими элементами, такими как исторические реалии, идиоматические выражения, аллюзии и другие лингвокультурные маркеры, которые при дословном переводе могут оказаться непонятными или даже вызвать нежелательные ассоциации у носителей языка перевода.

Как справедливо отмечает Л.К. Латышев, «адаптация позволяет сохранить коммуникативный эффект текста, жертвуя при этом буквальной точностью перевода» [2, С. 76]. Это означает, что переводчик сознательно отходит от формального соответствия оригиналу, чтобы обеспечить адекватное восприятие сообщения в новой культурной среде. Подобная стратегия часто применяется при локализации брендов и рекламных кампаний, где

ключевое значение имеет не столько лингвистическая точность, сколько эмоциональный отклик целевой аудитории.

Локализация представляет собой комплексный процесс межкультурной адаптации, который выходит далеко за рамки простого языкового перевода, охватывая весь спектр социокультурных, экономических, исторических и правовых аспектов целевого региона. В отличие от поверхностной адаптации, локализация предполагает глубинное преобразование контента, при котором текст не просто переводится, но полностью переосмысляется с учетом менталитета, традиций, ценностных ориентиров и поведенческих моделей локальной аудитории.

Рассмотрим некоторые аспекты локализации. Языковая адаптация связана с учетом лингвистических особенностей, фразеологии, культурных нюансов конкретной страны или региона. При использовании культурной адаптации в процессе перевода маркетингового текста важно учитывать местные обычаи, праздники, традиции, символы. Техническая адаптация связана с учетом местных стандартов и требований при адаптации форматов, шрифтов, размеров.

Большая часть маркетинговых материалов сталкиваются с необходимостью фундаментальной локализации при выходе на новые языковые рынки. Это объясняется тем, что эффективная межкультурная коммуникация требует учета множества факторов – от религиозных табу и цветовых символик до особенностей потребительского поведения, и местного законодательства в сфере рекламы.

Показательным примером грамотной локализации служит стратегия McDonald's на китайском рынке. Сеть не только адаптировала свои классические бургеры под местные вкусовые предпочтения, введя в меню блюда с уткой по-пекински и острыми соусами, но и полностью переработала рекламные кампании. Такой подход позволил транснациональной корпорации не просто сохранить свою идентичность, но и органично вписаться в новый культурный контекст, значительно усилив эмоциональную связь с местными потребителями.

Примером локализации англоязычных маркетинговых текстов на русский язык может служить реклама **чипсов Pringles: «**Once You Pop, You Can’t Stop». «Pop» в английском языке означает «глотать» и «хлопать». В русском варианте «Попробовав раз – ем и сейчас» происходят значительные изменения.

Рассмотрим еще один прием локализации англоязычного текста на русский язык. При переводе **рекламы чая Lipton**: «Tea can do that» переводчик использует прием модуляции текста. Русская версия: «Вся сила чайного листа».

Транскреация – это творческий пересказ текста, при котором переводчик создает на основе оригинала новое сообщение, сохраняющее коммуникативное воздействие, но часто значительно отличающееся по форме.

Этот подход особенно важен при переводе маркетинговых текстов, рекламных заголовков и других креативных элементов. Примерами транскреации может быть смена названия для отдельной страны, которое будет лучше работать на этом рынке. А также перевод игры слов, каламбура, где важно учитывать местные культурные ассоциации.

Маркетинговые тексты часто содержат авторские неологизмы, семантические искажения, намеренные орфографические и грамматические ошибки – такой прием известен как образный язык. В частности, в рекламе активно применяются игра слов, двусмысленности, каламбуры, а также рифмы, аллитерации и другие стилистические приемы, цель которых – заинтересовать аудиторию и вызвать эмоциональный отклик.

Например, игра слов в слогане стиральной машины Hotpoint Ariston Aqualtis «Deeply different» с целью адаптации к русскому рынку и сохранения ассоциации с морем была переведена как «Море отличий».

Другим классическим примером является перевод слогана батончика **Bounty** – **«A taste of paradise».** Буквальный перевод: «вкус рая» или «райский вкус». Однако переводчик подобрал слово «наслаждение». Русская версия **«райское наслаждение»** оказалась выразительной и яркой.

Важным аспектом является также учет формата и канала распространения маркетингового сообщения. Требования к переводу текста для наружной рекламы существенно отличаются от перевода контента для социальных сетей или email-рассылок [4].

Редактирование используется для повышения качества финального текста, включает в себя сравнение с оригиналом, проверка терминов, языковых особенностей. Рекомендуется также отложить текст на некоторое время, затем изучить его как самостоятельное произведение.

Различные поисковые системы, технологии их использования, алгоритмы ранжирования встречаются в разных странах. Следовательно, необходима оптимизация перевода для поисковых систем: исследование и перевод ключевых слов, проверка качества перевода, мониторинг результатов.

Современные тенденции в переводе маркетинговых материалов включают все большее внимание к культурным нюансам и психологическим особенностям восприятия. Успешный перевод сегодня – это не просто передача информации с одного языка на другой, а создание нового сообщения, которое будет органично восприниматься в иной культурной среде.

Список использованной литературы

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 2002. – 424 с. – Текст : непосредственный.

2. Латышев Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – Москва : Академия, 2020. – 234 с. – Текст : непосредственный.

3. Сдобников В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в западном переводоведении / В. В. Сдобников. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 10. – С. 53-57.

4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / Чудинов А. П. – Москва : Флинта, 2019. – 187 с. – Текст : непосредственный.

5. Шутова А. С. Особенности перевода и адаптации маркетингового текста / А. С. Шутова, Л. А. Сидорова. – Текст : непосредственный // Вопросы межкультурной коммуникации и теории перевода в контексте современных исследований : материалы XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2025. – С. 323-328.

6. Шутова А. С. Перевод англоязычных рекламных слоганов на русский язык / А. С. Шутова, Л. А. Сидорова. – Текст : непосредственный // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола, 2025. – С. 543-547.

Карташова В. Н., докт. пед. наук, профессор,
Елецкий государственный университет
имени И. А. Бунина,
Россия, г. Елец
E-mail: cartashova.vale@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРНОМ ЗАПАСЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматривается проблема изменения словарного состава современного немецкого языка за счет образования неологизмов. В работе уточняется понятие «неологизм», представлены примеры современных неологизмов, приведена их классификация в зависимости от типа образования.

Ключевые слова: немецкий язык, словарный состав, неологизм, классификация.

Kartashova V. N. D. Sc., Professor,
Bunin Yelets State University,
Russia, Yelets
E-mail: cartashova.vale@yandex.ru

CHANGES IN THE VOCABULARY OF THE GERMAN LANGUAGE: THE FUNCTIONING OF NEOLOGISMS

This article examines the changing vocabulary of modern German through the formation of neologisms. It clarifies the definition of "neologism," presents examples of modern neologisms, and classifies them based on their formation type.

Keywords: German language, vocabulary, neologism, classification.

Каждый день мы сталкиваемся с новыми словами. Новые слова формируются в живом языке ежедневно, если речь идёт об описании новых вещей, фактов или в случае, если существующие формы приобретают новый смысл. Лингвистика ввела для этого значения термин «неологизм». Слово «неологизм» состоит из компонентов (néos) «новое» и (logos) «слово, учение».

Возникающие неологизмы играют важную роль в процессе изменений лексики языка. Следует отметить, что в основном постоянно меняется словарный запас языка, а вот другие аспекты языка, такие как грамматика или даже стиль общения, меняются очень медленно.

Немецкий язык известен своим обширным словарным запасом, особенно возможностью создавать новые слова путём объединения знакомых слов или путем изменения значения уже существующих слов. Внешнее сходство – распространённая причина переноса существующего слова в другой домен и придания ему нового значения. Например, словом «мышь» (*Maus)* до середины прошлого века обозначали грызуна. С появлением графических пользовательских интерфейсов термин «мышь» стал ассоциироваться с «движущимся» указательным устройством, которое часто выглядело очень похоже на мышь.

Расширение значения слов, вплоть до их обратного перехода в противоположное, является частью возможного языкового изменения. Примером обратного значения является слово „Quantensprung“ (квантовый скачок). Данный термин используется в физике с 1900-х годов прошлого века в связи с атомной моделью Нильса Бора для описания минимального изменения энергетического уровня электрона. В шестидесятых годах этот термин стал активно употребляться в рекламе. Сейчас „Quantensprung“ больше не связано с первоначальным техническим использованием, это новое значение обозначает «значительный прогресс» в любой области.

Существует множество менее заметных изменений в значении существующих выражений. Одна из самых сложных задач лексикографов – следить за этими изменениями и включать их в словарь. Вновь созданные слова, как комбинация уже существующих слов, обычно не воспринимаются как неологизмы, они кажутся знакомыми. Поэтому иногда они могут показаться нам немного лишёнными воображения. Неологизм Jobcenter (центр занятости) не является официальным термином, но он широко применяется на официальных ресурсах учреждений. Jobcenter в Германии – это государственная организация, созданная для реализации политики занятости и социальной защиты, ответственная за поддержку безработных и людей с низким доходом.

Неологизмы всегда возникают в определенное время и в определенном пространстве и через некоторое время теряют индекс нового в этом пространстве. Интересна история возникновения отдельных неологизмов.

Например, происхождение неологизма Brötchentaste (кнопка-булочка) связано с правилами парковки. Если нажать зеленую кнопку обычного автомата для оплаты парковки (Brötchentaste), то будет напечатан талон для бесплатной парковки на 15 минут. За это время можно сходить в пекарню и купить булочку.

Одним из критериев, который играет роль прежде всего для лексикографов, является общее использование нового слова, с помощью которого интеграция должна быть оценена как завершенная. Новые слова перестают считаться неологизмами, если они укоренились в основной или общей лексике, то есть включены в стандартные словари.

В процессе лексикализации большинство неологизмов не имеет определенного произношения или правописания (например, слово «электронное обучение» имеет разную орфографию). Особенно сложно с заимствованными словами и часто, но не всегда, неологизм подстраивается под систему фонем заимствованного языка, грамматического рода и т.д.

В лексикологии разработана классификация неологизмов. В зависимости от типа образования неологизмы с формальной точки зрения делятся на несколько типов: новые слова, новые дериваты, аббревиатуры, новые формы и новые значения. D. Xuefo.

К новым словам относятся слова, заимствованные из других языков или образованные с компонентами иностранного языка. Примером могут служить заимствованные из английского языка слова с приставкой smart: Smartwatch (elektronische Armbanduhr, die als Minicomputer neben der Anzeige der Uhrzeit weitere Funktionen eines Smartphones übernehmen und über dasDisplay anzeigen kann), Smartboard и многие другие.

Неологизмы, созданные путем изменений типа слова, называются новые производные. Например, глагол boomen образован от существительного Boom, faxen – от Fax, computerisieren – от Computer.

Усечение слов как инструмент словообразования позволяет выделить еще один тип неологизмов – новые аббревиатуры. В качестве примера можно привести следующие неологизмы: Tech для Technologie, Azubi для Auszubildender.

Новообразования. Одним из наиболее распространенных способов создания новых слов является компаундирование. Число возможных составных слов в немецком языке большое. Новообразования широко используются в качестве остроумных и подходящих формулировок (например, Waschbrettbauch – накаченный пресс живота).

Новые значения. За последние несколько десятилетий появилось большое количество неосемантизмов. Например, Optik/ оптика раньше определялась только как наука о свете. Сегодня это слово также употребляется в общем языке для обозначения определенного визуального впечатления, внешнего вида, передающего оптический эффект. Dies macht sich für die politische Optik sehr gut.

Происходящие изменения в словарном составе немецкого языка показывают особенности развития языка. Чтобы лучше понять и осознать основные направления развития немецкого языка, необходим постоянный анализ новых лексических единиц, их документирование.

Список использованной литературы

1. Буренкова С. В. Неологизмы немецкого языка: тематика, лингвистические особенности, перевод / С. В. Буренкова. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 1 (26). – С. 59-63.

2. Сахапова Ф. Х. К вопросу особенностей неологизмов в современном немецком языке / Ф. Х. Сахапова, А. А. Синичкина, А. Н. Тарасова. – Текст : непосредственный // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 1 (166). – С. 217-219.

3. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Boston : Walter de Gruyter GmbH &Co, 2012. – 484 p. – Text : direct.

4. Xuefu D. Neologismen im heutigen Deutsch / D. Xuefu. – Text : direct // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – 1987. – S. 98-106.

Khasanov A. M., Ph. D. philol. sciences,
Institute of Uzbek Language, Literature and Folklore
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Republic of Uzbekistan, Tashkent
E-mail: abdumannonhasanov3137@gmail.com

ALTERNATIVES TO AGRICULTURAL LEXICAL GAPS IN DIALECTS (ON THE EXAMPLE OF UZBEK LANGUAGE)

This paper examines agricultural lexical gaps in the Uzbek literary language and proposes dialectal units as potential alternatives. Criteria for introducing dialect words into the literary norm are analyzed, and socially significant examples are discussed.

Keywords: lexical lacuna, dialect, Uzbek language, agricultural terms, literary norm.

Хасанов А. М., докт. филол. наук,
Институт узбекского языка, литературы и фольклора
Академии наук Республики Узбекиста,
Республики Узбекистан, город Ташкент
E-mail: abdumannonhasanov3137@gmail.com

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЗАПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЛАКУН В АГРАРНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются аграрные лексические лакуны узбекского литературного языка и возможности их заполнения диалектными единицами. Анализируются критерии отбора диалектизмов и их социально-языковая значимость.

Ключевые слова: лакуна, диалектизм, узбекский язык, аграрная лексика, литературная норма.

INTRODUCTION

Language develops in parallel with social transformation. Changes in social structure, modes of production, and cognitive experience inevitably reshape both human consciousness and linguistic expression. As new concepts emerge in collective awareness, the need to nominate, classify, and interpret them linguistically becomes unavoidable. However, the appearance of a concept in consciousness does not automatically guarantee the existence of its stable linguistic equivalent. In such cases, a lexical gap arises within the literary language.

The enrichment of vocabulary may follow two principal paths. First, a completely new lexical unit may be created to designate an emerging concept. Second, an existing word may be metaphorically or semantically extended to cover the new meaning [1, P. 183]. In practice, the latter strategy is more frequently observed, as it ensures easier acceptance by the speech community. Nevertheless, semantic extension does not always eliminate lexical insufficiency, particularly when conceptual distinctions require precise differentiation.

Internal linguistic resources play a decisive role in addressing such lacunae. Among these resources, dialectal vocabulary occupies a special position. Dialects preserve historically rooted lexical units shaped by specific socio-economic, geographical, and cultural conditions. When systematically analyzed, they reveal a considerable potential for compensating lexical deficiencies within the literary standard.

METHODS

When filling in the lexical gap arising in the language as a result of the consistent development of thinking with dialectics, it is necessary to observe certain norms and criteria. Most of the literary sources noted that the literary language is by its nature normalized and stable. This requires special attention to the following aspects when introducing dialectic units into the vocabulary of the language:

1. Phonetic and structural compatibility

A dialect word proposed to fill a lexical gap should be phonologically transparent, structurally simple, and morphologically adaptable to the literary norm. Preference may reasonably be given to lexemes of Turkic origin, especially those

traceable to Old Uzbek or Common Turkic layers, since they preserve internal etymological continuity and strengthen inter-Turkic lexical cohesion.

For example, the dialectal word *shuvot* denotes a specific type of fine, particulate rain distinct from ordinary rainfall. Its semantic precision allows differentiation between meteorological phenomena that are otherwise expressed by a single generalized term in the literary language [2, P. 141]. The associated verb *shivalamoq* further demonstrates derivational productivity, which is an important criterion for standardization.

2. Functional efficiency and competitiveness

When several dialectal variants exist, preference should be given to the unit that is semantically compact and communicatively economical. For instance, the dialectal word *toyishmoq* conveys meanings that otherwise require descriptive combinations such as “muscle sprain” or “spasm”. Its brevity and expressive adequacy increase the likelihood of its successful stabilization in the literary norm [4, P. 165].

It must be emphasized that normalization is a historical process. The selection of one variant among competing forms depends on frequency, communicative demand, and collective acceptance within the speech community.

3. Social and conceptual relevance

A lexical item can only be standardized if it denotes a concept of sufficient social importance. Words restricted to extremely narrow or obsolete fields of activity have limited prospects for integration. If the referent itself lacks broader communicative relevance, attempts at popularization remain artificial and ineffective.

Results

In Uzbek dialects, there are words that are associated with the material living conditions of native speakers, the economic potential of the region in which the dialect is located. The development of a particular branch of the production network in a particular region has led to the emergence of terms that differ from other regions in the language of the people living here [6, P. 299]. In the territory of Uzbekistan, where agriculture has long been developed, we see that the words and terms related to agriculture are expressed in great detail in terms of names, ages, colors and other characteristics of crops. The following concepts, which are found in many rural dialects of agriculture, but are not mentioned in the lexical dictionaries of the Uzbek language, are lexical gaps for the Uzbek literary language:

TUTAMOQ	soil readiness for planting
ANGOR	by the time the crop had been harvested and the plowman could feed the cattle
QONBURUG‘	stalk of corn
BOSQILAMOQ	suppress the plow
JIYIRMOQ	to encircle a place or object with a wall or other barrier
ZAGAN	part of the crop area

ZOYAK	uncultivated field area
QAYROQ	non-irrigated soil
QIRIG‘	The method of sowing the crop in such a way that the water itself is irrigated in the furrows
PATOS	ears of corn
SOBUQ	cornless stalk of corn
SUG‘UTI	young spikeless stalk of corn
HAYDOV	crop fields and open fields for pets to roam freely and graze

In addition to this dialectic, many other words are actively used in agracultural terms [3, P. 577]. However, their social and linguistic significance is not so high. Therefore, we limited ourselves to the above words.

Of course, it is useless to popularize any dialect word in the literary language. A word deemed worthy of popularization in a language must first of all conform to a widely understood, popular literary norm for language owners [5, P. 278]. Only then can we expect this process to end with a positive decision.

Discussion

The literary language, by its very nature, tends toward stability and codification. Dialects, in contrast, maintain lexical dynamism shaped by local realities. Systematic comparison between dialect dictionaries and explanatory dictionaries of the literary language allows identification of internal lacunae (introlacunae), that is, concepts present in social practice but lacking standardized verbal expression.

The stabilization of dialectisms requires several stages:

1. Scholarly justification through semantic and etymological analysis;
2. Lexicographic fixation in normative dictionaries;
3. Gradual diffusion through education, academic discourse, and media usage.

Careful regulation ensures that the enrichment of the literary language does not compromise its structural integrity [7, P. 27]. Rather than introducing dialect words mechanically, a scientifically grounded selection process guarantees both lexical expansion and preservation of linguistic harmony.

Conclusion

Filling lexical gaps with socially significant dialect words strengthens expressive capacity and supports the natural evolution of the Uzbek language. A scientifically grounded and systematic approach is essential for successful integration.

List of references

1. Abdumannon H. Madaniyat qishloq shevasining fonetik xususiyatlariga oid mulohazalar / H. Abdumannon. – Text : direct // Conferences. – 2025. – P. 181-185.

2. Andaniyazova G. The use of ellipsis in dramatic dialogue / G. Andaniyazova. – Text : direct // The American Journal of Social Science and Education Innovations. – 2024. – P. 139-143.
3. Baratova S. “Devoni Nihoniy” da o‘g‘uz lahjasi unsurlari / S. Baratova. – Text : direct // Oriental renaissance : Innovative, educational, natural and social sciences. – 2021. – T. 1, № 4. – P. 575-580.
4. Hasanov A. Baxmal tumani Madaniyat qishlog'i shevasi / A. Hasanov. – Tashkent : Bookmany print, 2025. – 192 p. – Text : direct.
5. Hasanov A. Tilda paydo bo‘ladigan yangi so‘zlarning adabiylashuv imkoniyatlari / A. Hasanov. – Text : direct // ACTA NUUz. – 2025. – Vol. 1, №. 1.5.1. – P. 277-279.
6. Khasanov A. Semantic Development In Speech-Specific Words / A. Khasanov. – Text : direct // American Journal Of Social Sciences And Humanity Research. – 2025. – Vol. 5. – P. 298-303.
7. Majidovich H. A. Filling lexikal gaps with collovical word / H. A. Majidovich. – Text : direct // Integration Educational. – 2022. – P. 25-32.

Смирнова М. Н., канд. пед. наук, доцент,
Белов С. В., обучающийся,
Глазовский государственный инженерно-педагогический
университет имени В. Г. Короленко,
Россия, г. Глазов
E-mail: dozentggpi@yandex.ru
s573p0k@gmail.com

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА

В статье поднимается проблема иноязычных заимствований в русском языке. В частности, автор рассматривает различные способы пополнения словарного запаса за счет иноязычной лексики, анализирует «плюсы» и «минусы» данного процесса. Автор дает краткую справку об истории возникновения заимствований, считая, что это явление имеет глубокие корни не только в России, но и во всем мире.

Ключевые слова: пополнение языка, иноязычные заимствования, русская культура, современная реальность.

Smirnova M. N., Ph. D. ped. Sciences, Associate Professor,
Belov S. V., student,
Glazov State Engineering and Pedagogical University
University named after V. G. Korolenko,
Russia, Glazov
E-mail: dozentggpi@yandex.ru
s573p0k@gmail.com

FOREIGN LANGUAGE BORROWINGS AS A WAY TO REPLENISH VOCABULARY

The article raises the problem of foreign language borrowings in Russian language. In particular, the author examines various ways of vocabulary replenishment due to foreign language vocabulary, he analyzes the "pros" and "cons" of this process. The author gives a brief overview of the history of borrowing, considering that this phenomenon has deep roots not only in Russia, but also around the world.

Keywords: language replenishment, foreign language borrowings, Russian culture, modern reality.

В свете современных событий, как в политической, так и в общественной жизни нашего государства, все больше педагогов начинают поднимать вопросы, связанные с сохранением подлинных ценностей нашего народа и задумываться о значимости русского языка.

В данной статье мы рассмотрим проблему заимствований в русском языке и насколько оправдано использование чужой лексики в современной речи. Согласно проведенному исследованию, на данный момент в русском языке насчитывается около 30% слов иноязычного происхождения, что составляет примерно 110 тысяч слов. И процесс пополнения языка не останавливается, так как словарный запас человека постоянно обновляется. Под словарным запасом мы понимаем набор слов и понятий, значение которых человек понимает и может объяснить, поэтому, чем шире словарный запас человека, тем большее количество образов и явлений он может воспринять и передать.

В век высоких технологий, когда взаимодействие между людьми разных стран и наций уже не является проблемой, процессы интеграции и глобализации отражаются не только на общественной жизни народа, но и на его языке. В процессе общения собеседники начинают перенимать и речевые разговорные клише, так появляются в родном языке новые слова – заимствования. Заимствование – это элемент чужого языка (слово, оборот, морфема, фонема), перенесённый из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой.

Процесс заимствования имеет глубокие корни не только в России, но и во всем мире. Обратимся к истории. Наибольшее количество заимствований наблюдается во время кардинальных перемен в жизни общества, например, в истории английского языка, в период завоевания Британии римлянами в 1 веке н.э. и французами в середине 11 века, а также колонизация Америки в 14 веке. И в каждый из этих исторических моментов язык претерпевал существенные изменения. Из французского языка были заимствованы юридические клише, из латыни – медицинские и научные термины, а

открытие и заселение Америки положили начало появлению совершенно новых слов.

В русском же языке выделяются такие периоды, как Крещение Руси и формирование церковнославянского языка на основе греческого, Татаро-монгольское нашествие, а также языковые реформы 18-20-х веков. Из греческого языка были заимствованы слова, связанные с наукой (грамматика, психология, алфавит), Золотая Орда принесла тюркские слова (товар, шатер, караул), которые затем плотно вошли в нашу повседневную речь. В 17-18-ом веках в военную, административную и светскую сферы проникли немецкие (штаб, юнкер, вексель) и французские (корпус, парламент, авангард) слова. А к периоду 20 века относятся в основном заимствования в финансовой и инженерной сферах (маркетинг, ваучер, космонавт). Язык постоянно пополнялся новыми словами.

Язык – это средство коммуникации, и основная его задача заключается в том, чтобы его носители могли максимально полноценно обмениваться знаниями о постоянно меняющемся мире. Как писал М. А. Кронгауз в своей книге «Русский язык на грани нервного срыва»: «Мир вокруг нас (неважно, эскимосов или русских) изменяется. Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию. Мы не сможем говорить на нем об этом мире просто потому, что у нас не хватит слов» [1].

Однако не стоит забывать, что слишком интенсивное заимствование может привести к обратному результату, т. е. сокращению словарного запаса. Многие люди называют это упадком русской культуры и отсутствием уникальности.

Например, длинное слово или набор слов может быть заменено более коротким иноязычным (саммит – встреча на высшем уровне между главами государств, дайвинг – подводное плавание). И в результате некоторые слова вообще уходят из употребления. Тему недостатка слов в русском языке затрагивал ещё А.С. Пушкин в «Евгении Онегине»: «Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет».

Еще совсем недавно мы с легкостью заменяли истинно русские слова на иностранные слова и не видели в этом ничего плохого. Например, вместо существительного «оратор», с экранов телевидения мы слышали слово «спикер», которое произошло от английского “to speak” («говорить»), а богатое по своему значению прилагательное «творческий», что значит «творить, созидать», поменяли на слово «креативный», которое тоже своими корнями уходит в английскую культуру. С одной стороны, эти два понятия синонимичны, но с другой стороны, они отличаются своей эмоционально-оценочной составляющей. Творчество – это процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности, то есть создание чего-то реально нового, а креативность – это общая способность человека к творчеству, то есть способность генерировать чужие

идеи и на базе имеющегося материала предлагать уже свои идеи. Творческий человек создает свое, а креативный умело использует чужое. Поэтому, подменяя слова, мы подменяем и саму суть этого слова [2, С. 105].

Или, например, еще очень распространенное слово «геймер». Почему бы не сказать по-русски, «игрок»? Но тогда не каждый читатель поймет, о ком идет речь. И вот здесь мы сталкиваемся с некоторым противоречием. С одной стороны мы ратуем за чистоту русского языка, а с другой стороны, у нового явления уже есть свое название и по-другому его уже не зовешь. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что использование иноязычных слов речи – это плохо.

Много иноязычных слов вошло в русскую речь из английского языка, например, из области компьютерных технологий. Можно слышать, как общаются между собой молодые люди на русском языке, используя IT-терминологию. Например, английское слово “software” переводится на русский язык, как «программное обеспечение», но студенты спокойно называют его «софт» и всем понятно, о чем идет речь. Или, например, слова “browser”, “driver”, которые мы переводим как «браузер», «драйвер», тоже используются в речи без перевода на русский язык [3, С. 297].

В последнее время много заимствованных слов появляется, как в устной, так и в письменной речи молодежи: это и сленг, и сокращения. И как бы мы ни ратовали за чистоту родного языка, мы не можем игнорировать эти современные веяния. Речь не статична, и если появляется что-то новое в ней, значит, на то есть причины. Проблема иноязычных заимствований поднимается в трудах многих ученых, лингвистов. Л.П. Крысин, например, сформулировал несколько причин появления заимствований в русском языке, а именно:

- необходимость в обозначении новых для нас явлений, предметов;
- передача более точного значения именно иноязычным эквивалентом;
- появление новой терминологии в области ИТ-технологий;
- активная коммуникация с иноязычным собеседником, и как результат – заимствование чужой лексики;
- желание использовать «красивые иностранные словечки», чтобы сделать речь более выразительной [4].

Можно сделать вывод, что нельзя дать однозначного ответа: заимствование – это «хорошо» или «плохо». Это закономерный путь развития русского языка. Поэтому, чем интенсивнее язык усваивает иноязычную лексику, тем больше он обогащается. Поэтому сохранение родного языка в современной реальности представляет собой сложную задачу, но необходимую для культурного наследия и самобытности народов [5, С. 166].

Итак, лексические заимствования – это очень долгий процесс, иногда занимающий не одно поколение. К тому же оно может накладываться на

другие изменения в языке, что приводит к появлению межъязыковых омонимов, поэтому с развитием средств коммуникации мы все чаще используем в своей речи иноязычные слова. Следовательно, важно понимать, что заимствование является естественным и необходимым процессом для пополнения словарного запаса, а также для нормального функционирования языка в контексте современной эпохи.

Список использованной литературы

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – Москва : Знак : Языки славянских культур, 2008. – 229 с. – Текст : непосредственный.

2. Жекибаева Б. А. О соотношении понятий «творчество» и «креативность» в психолого-педагогической науке / Б. А. Жекибаева, А. С. Ефимович, О. И. Католик. – Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы LXXXVI Междунар. науч. конф. – Казань, 2024. – С. 101-106.

3. Прокопьева А. А. Влияние заимствований на развитие современного русского языка / А. А. Прокопьева. – Текст : непосредственный / Вызовы XXI века : материалы всерос. студ. науч –практ конф. – Набережные Челны, 2022. – С .295-298.

4. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 146-155.

5. Жуйкова С. Е. Родной язык в новой реальности / С. Е. Жуйкова, М. Н. Смирнова. – Текст : непосредственный // Воспитание будущего учителя-исследователя. – 2024. – С. 163-167.

Мартынова И. С., старший преподаватель,
Брянский государственный технический университет
Россия, г. Брянск
E-mail: ia.martynova78@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ЧАТ-БОТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается применение чат-ботов, в частности систем на основе искусственного интеллект, при изучении фразовых глаголов английского языка. Анализируются возможности интерактивного диалога, персонализации обучения, автоматической генерации упражнений и контекстуального закрепления лексики. Отмечаются преимущества использования чат-ботов для развития лексических и коммуникативных навыков, а также рассматриваются возможные ограничения данного подхода.

Ключевые слова: чат-боты, фразовые глаголы, английский язык, искусственный интеллект, интерактивное обучение, персонализация обучения, цифровые технологии, лексические навыки, языковая практика, автоматизация обучения.

Martynova I. S. senior lecturer,
Bryansk state technical university,
Russia, Bryansk
E-mail: ia.martynova78@yandex.ru

USING CHATBOTS TO LEARN PHRASAL VERBS IN ENGLISH

This article examines the use of chatbots, in particular artificial intelligence-based systems, in the study of English phrasal verbs. The study analyzes the possibilities of interactive dialogue, personalized learning, automatic generation of exercises, and contextual vocabulary practice. The advantages of chatbots in developing lexical and communicative skills are highlighted, as well as the potential limitations of this approach.

Keywords: chatbots, phrasal verbs, English language, artificial intelligence, interactive learning, personalized learning, digital technologies, lexical skills, language practice, automated learning.

В условиях цифровизации образования методы обучения иностранным языкам претерпевают значительные изменения. Перспективным направлением становится использование чат-ботов – интерактивных программ, способных моделировать языковую среду, адаптировать задания под уровень учащегося и обеспечивать регулярную практику.

Особую сложность при изучении английского языка представляют фразовые глаголы, отличающиеся многозначностью и зависимостью от контекста. Традиционные методы обучения не всегда обеспечивают достаточное количество практики для их эффективного усвоения, поэтому применение чат-ботов может рассматриваться как дополнительный инструмент, способствующий формированию устойчивых лексических навыков.

Фразовые глаголы являются одной из наиболее сложных категорий английской лексики. Они представляют собой сочетание глагола с послелогом, при этом значение конструкции часто не выводится напрямую из значений её компонентов. Например, глагол *to look* в сочетании с разными частицами образует различные по смыслу конструкции: *look up*, *look after*, *look for*.

Основная трудность освоения связана с многозначностью и идиоматичностью: один и тот же фразовый глагол может иметь несколько значений в зависимости от контекста. Дополнительную сложность представляет грамматический аспект: одни глаголы являются разделяемыми (*turn off the light* / *turn the light off*), другие – неразделяемыми (*look after a child*).

Традиционное изучение через заучивание списков нередко оказывается недостаточно эффективным, поскольку не обеспечивает контекстуализированной практики [2]. В результате учащиеся могут узнавать глагол при чтении, но испытывать трудности при его использовании в речи, что требует

применения методов обучения, ориентированных на многократное употребление в различных коммуникативных ситуациях [4].

Современные чат-боты на основе искусственного интеллекта открывают новые возможности для организации процесса изучения фразовых глаголов [2, 4]. Ключевым преимуществом является возможность ведения диалога в реальном времени, когда обучающийся получает мгновенную обратную связь и корректировку ошибок, что моделирует живую коммуникативную ситуацию.

Важной функцией выступает персонализация обучения: чат-бот адаптирует задания в зависимости от уровня подготовки, предлагая базовые глаголы на начальном этапе (*get up, turn on*) и более сложные идиоматические конструкции на продвинутом (*put up with, come up with*). Система также учитывает типичные ошибки обучающегося [4].

Чат-боты позволяют автоматически генерировать разнообразные типы заданий: упражнения на подстановку частицы, трансформационные задания, составление предложений, создание диалогов [3]. Особую ценность представляет контекстуализация материала через ролевые сценарии (собеседование, путешествие), где использование фразовых глаголов становится естественным [2].

Дополнительным преимуществом является доступность обучения: студент может практиковаться вне аудитории, получая постоянную языковую практику без необходимости присутствия преподавателя. Эффективность применения чат-ботов зависит от методически грамотной интеграции в учебный процесс [4].

Применение чат-ботов обладает рядом педагогических преимуществ. Прежде всего, повышается мотивация обучающихся благодаря интерактивному формату, приближенному к реальному диалогу. Вторым важным преимуществом является увеличение объёма языковой практики: чат-бот предоставляет неограниченные возможности для тренировки в различных контекстах [2].

Значимым фактором выступает мгновенная обратная связь, позволяющая оперативно корректировать ошибки и объяснять причины неточностей. Чат-боты также обеспечивают вариативность материала, генерируя примеры в различных тематических областях (повседневное общение, деловая коммуникация), что особенно важно при работе с многозначными глаголами [2]. Наконец, использование чат-ботов способствует развитию самостоятельности обучающихся.

Несмотря на преимущества, использование чат-ботов имеет ряд ограничений. Отсутствие полной методической структурированности может привести к фрагментарному усвоению материала, когда обучающийся не формирует системного представления о группе глаголов [4].

Вторым ограничением является возможная избыточная опора на автоматическую помощь: привыкнув к мгновенным подсказкам, студент снижает уровень самостоятельного анализа. Следует также учитывать вероятность неточностей в объяснениях, поэтому контроль со стороны преподавателя остаётся важным элементом процесса [2].

Кроме того, существует риск снижения живого коммуникативного взаимодействия, поскольку чат-бот не способен полностью заменить межличностное общение в аудитории [1]. Необходимо учитывать и вопросы технической доступности для всех обучающихся.

Эффективное использование чат-ботов требует методически обоснованной интеграции в учебный процесс [4]. Представляется целесообразной трёхэтапная модель.

На первом этапе (введение материала) преподаватель знакомит с новой группой фразовых глаголов, после чего студенты используют чат-бот для дополнительной тренировки: составляют предложения, уточняют различия между конструкциями.

На втором этапе (закрепление) чат-бот применяется для выполнения тренировочных заданий: выбор частицы, анализ ошибок, моделирование диалогов. Важно формировать осознанное использование инструмента с фиксацией типичных ошибок [2].

Третий этап (продуктивное использование) предполагает создание сложных коммуникативных ситуаций, где чат-бот выступает собеседником в ролевых играх (деловая встреча, интервью), что способствует переносу знаний в практическую речь [4].

В условиях цифровизации образования применение чат-ботов становится перспективным направлением в методике преподавания английского языка. Использование таких инструментов позволяет расширить возможности практики фразовых глаголов за счёт интерактивного диалога, персонализации заданий и оперативной обратной связи.

Проведённый анализ показал, что чат-боты способствуют формированию лексических навыков и повышению мотивации обучающихся. В то же время их применение требует методически грамотной интеграции в учебный процесс и не может полностью заменить традиционные формы обучения. Таким образом, использование чат-ботов при изучении фразовых глаголов представляется эффективным дополнительным инструментом, способствующим более осознанному усвоению языкового материала.

Список использованной литературы

1. Боголепова С. В. Преподавание иностранных языков и культур в цифровой среде : учебник для вузов / С. В. Боголепова, М. А. Кирсанова, А. С. Родоманченко [и др.]. – Санкт-Петербург : Лань, 2024. – 180 с. – Текст : непосредственный.

2. Лобеева П. И. Дидактический потенциал использования чат-ботов при изучении фразовых глаголов английского языка / П. И. Лобеева. – Текст непосредственный //

Вестник Тамбовского университета : Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 1467-1476.

3. Лобеева П. И. Использование ChatGPT для разработки учебных материалов при обучении фразовым глаголам / П. И. Лобеева. – Текст непосредственный // Язык-Семиотика-Культура : материалы Междунар. науч. конф., 20-21 ноя. 2023 г. – Минск, 2024. – Ч. 2. – С. 153-157.

4. Лобеева П. И. Методическая модель обучения фразовым глаголам английского языка с использованием чат-ботов / П. И. Лобеева. – Текст непосредственный // Вестник Тамбовского университета : Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 1275-1289.

Никогосян А. А., преподаватель,
Уфимский государственный нефтяной
технический университет,
Россия, г. Уфа
E-mail: srvrb@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА «ТРУД» В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Статья посвящена сопоставительному анализу концепта «труд» в русском и армянском языках сквозь призму лингвистической аксиологии Н.Д. Арутюновой. В работе исследуются механизмы вербализации трудовой деятельности, выявляются национально-специфичные оценочные предикаты и метафорические модели, структурирующие «наивную пантомиму» труда в двух культурах.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт «труд», фразеология, аксиология, телеология, армянский язык, русский язык.

Nikogosyan A. A., teacher
Ufa State Petroleum Technological University
Russia, Ufa
E-mail: srvrb@mail.ru

AXIOLOGICAL AND TELEOLOGICAL ASPECTS OF THE CONCEPT "LABOR" IN RUSSIAN AND ARMENIAN PHRASEOLOGICAL WORLDVIEWS

The article presents a comparative analysis of the concept "labor" (work) in Russian and Armenian languages through the lens of N.D. Arutyunova's linguistic axiology. The study explores the mechanisms of verbalization of labor activity and identifies national-specific evaluative predicates and metaphorical models

that structure the "naive pantomime" of labor in both cultures. The author concludes that while the Russian phraseological fund tends toward a deontic model (labor as duty and willpower), the Armenian worldview constructs an ontological model where labor is seen as a mode of existence and an aesthetic category.

Keywords: linguoculturology, concept "labor", phraseology, axiology, teleology, Armenian language, Russian language.

Как известно, фразеологический фонд языка отражает менталитет и культурные особенности народа, поскольку во фразеологическом составе языка «концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [1, С. 9].

В данной работе мы будем рассматривать фразеологизмы в широком смысле, относя к ним также пословицы и поговорки.

Исследование концептов в современной лингвистике неразрывно связано с изучением «человеческого фактора» в языке. Согласно Н.Д. Арутюновой, концепты – это «культурные доминанты», которые определяют способ восприятия реальности носителем языка [2, С. 76]. Концепт «труд» занимает центральное место в любой лингвокультуре, так как он вербализует базовую форму человеческого бытия.

В данной статье мы опираемся на теорию оценочных значений, разработанную Н.Д. Арутюновой. Исследователь выделяет несколько типов оценок: сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические и утилитарные [3, С. 17]. Рассмотрим, как эти типы оценок распределяются во фразеологических фондах русского и армянского языков при описании труда.

В рамках логического анализа языка труд рассматривается как телеологическая категория – действие, направленное на достижение цели. Н.Д. Арутюнова подчеркивала, что «цель – это проект будущего, который детерминирует настоящее» [2, С. 98].

В русской картине мира труд часто сопряжен с концептом воли и терпения. Фразеологизмы акцентируют внимание на преодолении инерции покоя («Сдвинуть дело с мертвой точки»).

В армянской картине мира труд (աշխատանք) неразрывно связан с концептом «хлеб» (հաց) и «дом» (տուն). Здесь труд выступает как онтологическая основа существования: человек есть постольку, поскольку он созидает.

С точки зрения аксиологического анализа, утилитарная оценка подразумевает рассматривание пользы объекта для субъекта. В русском языке: «Труд кормит, а лень портит». Здесь труд является средством физического выживания. Нарушение этой нормы (лень) ведет к деградации личности. В

армянском языке: «Ալարկոտը երկու գործ կանի» (ленивый дважды работает). Армянская лингвокультура оценивает лень не только этически, но и рационально. Лень вербализуется как ошибка, ведущая к потере ресурсов и удвоению усилий.

Одним из ключевых тезисов Н.Д. Арутюновой является возможность перехода оценки из прагматической области в эстетическую. В армянском языке фразеологизм «Աշխատանքն է մարդու զարդը» (труд – украшение человека) возводит труд в ранг эстетического идеала. Работающий человек наделяется качеством «красивого» (զարդ – украшение, драгоценность).

В русском языке аналогичный предикат присутствует в пословице «Труд красит человека», однако чаще встречаются образы мастерства как ловкости и смекалки («Мастер на все руки»).

Рассмотрим концепт «труд» в рамках антропоморфного кода. Рука в обеих культурах является главным символом труда, но способы вербализации различаются. Так в русском фразеологизме работать спустя рукава» (небрежность) или «засучив рукава» (усердие) акцентируется внимание на одежде субъекта, что символизирует его внутреннюю готовность к усилию.

В армянском фразеологизме «Ձեռքից գործ գալ» (Из рук дело выходит) «рука» выступает как автономный источник созидания. Если дело «выходит» из рук, значит, субъект обладает мастерством (арм. հունար).

С точки зрения натурморфного кода, можно отметить связь концепта «труд» с концептами «земля» и «плод». Так, в русской пословице «Что посеешь, то и пожнешь» реализуется метафора воздаяния.

Армянская пословица «Աշխատող ձեռքը քարից հաց կհանի» (Работающая рука из камня хлеб вынет) отражает специфику ландшафта Армении. Труд – это борьба с камнем (бесплодной материей) ради получения хлеба (жизни). Здесь вербализуется идея демиургического труда, побеждающего природу.

В рамках социально-бытового кода реализуется соотношение труда и коллектива. Так, русская пословица «Один с сошкой, а семеро с ложкой» вербализует социальную несправедливость через образы инструментов питания и труда, а армянская пословица «Մենք մաղեցինք, ուրիշները կերան» (Мы просеяли, другие съели) репрезентирует процесс переработки зерна (просеивании), что подчеркивает коллективный характер армянского традиционного труда и горечь утраты плодов этого труда.

В логико-семантическом анализе Н.Д. Арутюновой особое место занимает категория «результатива» – состояния, наступающего после завершения действия. Во фразеологических системах русского и армянского языков универсальным мерилом результата труда выступает «хлеб», однако способы его вербализации различаются.

Хлеб в русских фразеологизмах часто выступает как внешнее вознаграждение, за которое нужно бороться или которое нужно заслужить. Фразеологизм «Заработать на кусок хлеба» или «Даром хлеб есть» (о тунеядстве) вербализует хлеб как минимально необходимый утилитарный ресурс. Логика здесь строится на бинарной оппозиции: «есть работа – есть хлеб / нет работы – нет хлеба». Согласно Арутюновой, это прагматическая оценка базового уровня.

В армянском языке концепт «хлеб» (հաց) настолько глубоко сращен с концептом «труд», что зачастую они становятся взаимозаменяемыми. Выражение «Հաց վաստակել» (букв. «заработать хлеб») означает не просто получение пищи, а обретение социального статуса и выполнение жизненного предназначения.

Особое значение имеет фразеологизм «Հաց ու պանիր, կեր ու բանիր» (Хлеб и сыр – ешь и работай). Здесь хлеб вербализуется не как результат, а как топливо для непрерывного созидания. Логическая петля «работа – хлеб – работа» подчеркивает бесконечность трудового цикла в армянской традиции.

Кроме того, в армянской фразеологии результат труда часто описывается через метафору «сладкого пота» (Քրտինքը քաղցրացավ), что парадоксально с точки зрения физиологии, но совершенно логично в рамках аксиологии Арутюновой: тяжесть процесса (пот) конвертируется в эстетическое и вкусовое удовольствие от результата. В русском языке аналогичная идея чаще выражается через концепт «вкусного» хлеба, добытого своим трудом («Свой сухарь лучше чужого пирога»), что подчеркивает ценность собственности и личного усилия.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать выводы о специфике вербализации концепта «труд» в двух лингвокультурах. Русская фразеология тяготеет к деонтической модели (труд как долг, волевое усилие, преодоление тягости). Труд часто противопоставляется «празднику» или «лени» как полярным состояниям. Армянская фразеология выстраивает онтологическую модель (труд как способ бытия). Труд сакрализован через образы хлеба и камня, он воспринимается как эстетическая категория и высший маркер человеческого достоинства. Если в русской картине мира труд – это путь к результату, то в армянской – это сама форма достойной жизни.

Список использованной литературы

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.

3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с. – Текст : непосредственный.
4. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Москва : Астрель ; АСТ, 2008. – 828 с. – Текст : непосредственный.
5. Бедирян П. С. Фразеологический словарь армянского языка / П. С. Бедирян. – Ереван : Зангак-97, 2011. – 654 с. – Текст : непосредственный.

Лапунова О. В., канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры романского языкознания,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: OLGA-2980@mail.ru

ПРИЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЧУЖОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Во французском новостном телевизионном дискурсе автор сообщения использует различные формы введения чужой речи для выражения собственной точки зрения (прямая речь, косвенная речь, несобственно прямая речь, гибридные формы введения чужой речи). Говорящий субъект интерпретирует точку зрения иного лица для решения определенной коммуникативно-прагматической задачи путем использования структурных и семантических трансформаций высказывания посредника. Приемы введения чужой речи используются автором французского телевизионного новостного дискурса и в качестве инструмента компрессии, и для выражения собственной оценки излагаемой информации.

Ключевые слова: новостной телевизионный дискурс, прямая речь, косвенная речь, полифоничность.

Lapunova O. V., Ph. D., Associate Professor,
Associate Professor of the department of Romance Linguistics,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
E-mail: OLGA-2980@mail.ru

TECHNIQUES OF INTRODUCING FOREIGN SPEECH IN FRENCH MEDIA DISCOURSE

In French television news discourse, the author of a report uses various forms of introductory speech to express their own point of view (direct speech, indirect speech, improperly direct speech, and hybrid forms of introductory speech). The speaker interprets another person's point of view to solve a specific

communicative-pragmatic problem by using structural and semantic transformations of the intermediary's utterance. In French television news discourse, introductory speech techniques are used both as a compression tool and to express the author's own assessment of the information being presented.

Keywords: news television discourse, direct speech, indirect speech, polyphony.

Диалогическая концепция М.М. Бахтина [1] основана на введении автором литературного произведения в повествование нескольких говорящих субъектов, для придания нарративу многоплановости и панорамности, вовлекая адресата в отношения соучастия. Применение теории М.М. Бахтина и связанных с ней понятий к другим типам текстов открыло перспективы для дальнейших исследований в этом направлении. Данное положение обусловливает актуальность настоящего исследования.

Необходимость придерживаться в публичном выступлении автора новостного дискурса (журналиста, репортера, ведущего в студии) принятых в литературном языке норм обусловлена тем, что их нарушение отвлекает аудиторию от самого процесса слушания, в той или иной степени заслоняет содержательную сторону речи. Тем не менее, опытный журналист при подаче материала широко использует элементы «разговорности» речи – непринужденность, простоту, импровизацию. Итак, публичная речь автора медиатекста представляет собой соотношение книжных и разговорных, спонтанных и заранее подготовленных элементов, то есть публичная речь неоднородна. Некоторые лингвисты считают, что понятие ораторского стиля свободно умещается в рамках телерепортажа, если иметь в виду общую для них функцию воздействия и основную часть используемых в них языковых средств.

В телевизионном репортаже границы между письменной и устной формой речи иногда выражены недостаточно четко. В них часто проявляется взаимопроникновение этих форм. Речь создателя медиатекста характеризуется нормативностью лексики и синтаксиса. В данном случае правомернее говорить об ораторском подстиле в составе публицистического стиля: журналист лишь «играет» в спонтанность, растягивает слова и словно обдумывает фразы. Общая профессиональная подготовка журналиста обеспечивает грамматическую правильность речи.

Автор телевизионного сообщения в телевизионном новостном дискурсе решает определенную прагматическую задачу в рамках своего сообщения, определенным образом организую действующих лиц, факты и события. Театрализованный характер современного новостного телевизионного дискурса диктует использование автором сообщения ряда дискурсивных приемов для реализации коммуникативно-прагматической задачи [2, С. 78].

Полисубъектность новостного дискурса предполагает изложение мнений, позиций, взглядов, которые обосновываются другими лицами, участниками диалога и т. д., а также видеорядом. Сама многоаспектность или многокомпонентность новостного блока предполагает полисубъектность данного дискурса. Дискурс телевизионных новостей включает в себя репортаж и студийный дискурс, голоса репортера и свидетелей события. Воздействующий характер телевизионного новостного дискурса обусловлен созданием у зрителя иллюзии присутствия на месте события, индуцированием эмоционального восприятия событи [3, С. 81].

Полифоничность телевизионного новостного дискурса создается не только эксплицитно (множественность говорящих субъектов), но и имплицитно в рамках отдельного высказывания посредством использования языковых приемов путем организации автором телевизионного сообщения собственных точек зрения и точек зрения иных лиц [4].

Существует большая разница между реальной ситуацией коммуникации, в которую входит экстралингвистический контекст в сочетании с индивидуальной манерой речи говорящего, и вырванной из общего контекста репликой, которую автор новостного сообщения в зависимости от характера решаемой прагматической задачи вкрапляет в содержательную ткань телевизионного информационного дискурса.

Если автор новостного сообщения (репортер или ведущий в студии) выражает субъективную оценку, то эта оценка выражается, прежде всего, в семантике глагола речевого действия, предваряющего прямое цитирование. По мнению Ж.-П. Дэгутта и Н. Пэрэта, семантика глагола речевого действия выражает иллокутивную модальность. Так, например, семантика глагола *affirmer* (‘énoncer une certitude’) в следующем новостном фрагменте может быть интерпретирована следующим образом: глагол *dire* в сочетании с психологической оценкой: *“Le président de notre pays* ***a affirmé*** *hier: “La guerre est une mauvaise solution”* ‘Президент нашей страны **с уверенностью заявил**: «Война – это плохое решение»’. В этом случае автор новостного сообщения (репортер), цитируя высказывание президента своей страны, интерпретирует его в соответствии с собственной интенцией, поскольку семантика глагола речевого действия *affirmer* предполагает уверенность в сказанном. Думается, что в данном случае нельзя говорить о том, что президент является автором высказывания *“La guerre est une mauvaise solution”,* так как создатель медиатекста (репортер) работает с точкой зрения Посредника.

В телевизионном новостном дискурсе форма косвенной речи предоставляет автору сообщения (ведущему в студии, репортёру) много возможностей для выражения собственной точки зрения. Отсутствие атрибутов прямого цитирования (несегментированный характер цитирования, нейтральность глагола речевого действия), дает возможность создателю медиатекста неоднозначно интерпретировать семантику точки зрения иного

лица за счет обновления ее формы (структурная трансформация) и содержания (семантическая трансформация).

В телевизионной коммуникации интерпретационная процедура конкретизации смысла в цитируемой автором новостного сообщения информации основывается на мыслительной операции импликации: точка зрения Посредника служит основой для формулирования создателем медиатекста собственных выводов, заключений и прогнозов. Акцентуация смысла осуществляется путем изменения соотношения между отдельными компонентами содержания точки зрения Посредника в новом контексте: на первый план автором сообщения в новостном дискурсе выдвигаются наиболее з н а ч и м ы е для него моменты в точке зрения Посредника.

В дискурсе телевизионных новостей автор сообщения, используя форму косвенной речи, часто добавляет лексические единицы, выражающие оценку действий и поступков Посредника: *"Je veux avouer ma culpabilité," – avoue Luc Morin. Alors* ***ce gredin*** *avoue qu'il est coupable"* ' «Я хочу признать свою вину», – сознается Люк Морэн. Итак, этот негодяй сознается в том, что он виновен'.

Во втором высказывании точка зрения шофера, сознающегося в том, что он сел за руль в нетрезвом состоянии интерпретируется репортером с негативной коннотацией с использованием дейктика эмоциональной оценки. Автор новостного телевизионного дискурса называет шофера *ce gredin* ('этим негодяем'), указывая на комичность сложившейся ситуации. Комичность ситуации состоит в том, что Люк Морен был задержан полицией, не успев покинуть место происшествия. Употребление глагола *avouer* в сочетании с использованием существительного *ce gredin* характеризует поступок посредника как достойный критики.

Автор новостного дискурса часто воздерживается от высказывания собственного мнения по проблеме, освещаемой в телевизионном репортаже. Так, приговорение к пожизненному тюремному заключению преступника Жака Морэна долго дискутировалось во французских средствах массовой информации в марте 2025 года. Однако в сюжете, посвященному жизни Жака Морэна, автор новостного дискурса открыто не выражает своего мнения или оценки действий преступника: *Sa famille n'était pas au courant de ses crimes. D'où vient* ***peut-être*** *l'exclamation:* ***que cette horrible de vie finisse!*** 'Его семья не знала о его преступлениях. Возможно, именно отсюда и происходит восклицание: «Пусть закончится эта ужасная жизнь!»'.

Репортер лишь констатирует факт, что семья преступника не была в курсе его злодеяний. Однако репортер мог узнать данную информацию только со слов Посредника (членов семьи убитого), поэтому факт Посредничества не вызывает сомнений.

В последнем высказывании форма сослагательного наклонения аккумулирует в себе Точки зрения:

– Посредников (членов семьи убитого);

– репортера как субъекта модальной оценки (дейктик – наречие ***peut-être*** ‘может быть’);

– всего мирового сообщества, которое порицает преступления Морэна и высказывает предположение о возможности вынесения ему смертельного приговора.

В данном фрагменте репортер использует прием нарративного дискурса, аккумулируя в одном высказывании несколько эксплицитных и имплицитных Точек зрения посредников.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что многокомпонентность новостного блока подчинена в свою очередь решаемой в нем коммуникативной задаче, направленной на достижение прагматического эффекта: создание у адресата телевизионного сообщения иллюзии присутствия на месте события, участия в обсуждении важной социальной проблемы; формирование доверия к высказываемому журналистами мнению за счет привлечения «экспертов»; индуцирование эмоционального восприятия события, факта и т. д.

Каждый из приемов введения чужой речи призван решать определенную прагматическую задачу. Прием введения прямой речи свидетеля или участника события призван объективизировать выражаемую автором новостного сообщения во французском телевизионном дискурсе оценку. При этом оценка может выражаться как эксплицитно (путем использования оценочных дейктиков), так и имплицитно (посредством интерпретации семантики глаголов речевого действия). Прием введения косвенной речи позволяет автору медиатекста дистанцироваться от выражаемой оценки и использовать трансформированную точку зрения Посредника для выражения собственной завуалированной оценки. Гибридные формы введения чужой представляют собой имплицитные точки зрения Посредников, которые аккумулированы автором новостного сообщения в рамках одного высказывания и идентифицируются путем использования соответствующих языковых маркеров.

Таким образом, французскому телевизионному новостному дискурсу свойственны приемы прямого и косвенного цитирования, гибридные формы введения чужой речи. Во французском дискурсе телевизионных новостей авторы сообщения, в частности ведущий в студии и репортер, будучи ограничены во времени, включают в содержание новостного блока большой объем информации из разных источников. Приемы введения чужой речи, с одной стороны, позволяют авторам сообщения охарактеризовать комментируемое событие «своими и чужими устами», а, с другой стороны, используются ими в качестве инструмента компрессии излагаемой информации, предоставляя возможность в одном высказывании аккумулировать несколько мнений, позиций, взглядов.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 2021. – 423 с. – Текст : непосредственный.

2. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период : право, общество и национальная идентичность / М. Прайс. – Москва : Московский университет, 2020. – 334 с. – Текст : непосредственный.

3. Харитонов О. А. Композиционный полифонизм : генезис и структурные модификации : на материале романной прозы XIX – XX веков : специальность 10.01.08. «Теория литературы. Текстология» : дис. … канд. филол. наук / О. А. Харитонов. – Елец, 2009. – 170 л. – Текст : непосредственный.

4. Цвик В. Л. Телевизионная служба новостей : учеб. пособие / В. Л. Цвик. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 318 с. – Текст : непосредственный.

Мартынова И. С., старший преподаватель,
Фомина А. И, обучающийся,
Бондарев Р. П., обучающийся,
Брянский государственный технический университет,
Россия, г. Брянск
E-mail: ia.martynova78@yandex.ru
jvstanothervser@gmail.com
roman_bondarev_2006@mail.ru

СПОСОБЫ ЗАПОМИНАНИЯ НЕПРАВИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются трудности, возникающие при изучении неправильных глаголов английского языка, а также предлагаются эффективные способы их запоминания. Особое внимание уделяется практике употребления неправильных глаголов в контексте и регулярному повторению как ключевым условиям успешного усвоения материала.

Ключевые слова: английский язык, неправильные глаголы, запоминание, методы обучения, ассоциации, языковая практика, интервальное повторение.

Martynova I. S., senior lecturer,
Fomina A. I., student,
Bondarev R. P, student,
Bryansk State Technical University,
Russia, Bryansk
E-mail: ia.martynova78@yandex.ru
jvstanothervser@gmail.com
roman_bondarev_2006@mail.ru

THE RULES OF REMEMBERING IRREGULAR VERBS IN ENGLISH

The article examines the main difficulties encountered in learning irregular verbs in the English language and proposes effective methods for memorizing them. Special attention is paid to practicing irregular verbs in context and regular revision as key conditions for successful language acquisition.

Keywords: English language, irregular verbs, memorization, learning methods, associations, language practice, spaced repetition.

Неправильные глаголы входят в число наиболее часто употребляемых слов английского языка. Такие глаголы, как *to be (быть), to have (иметь), to go (ходить), to do (делать), to make (изготавливать), to take (брать), to see (видеть), to come (приходить)* встречаются практически в каждом тексте или диалоге. Незнание или неправильное употребление их форм существенно снижает уровень владения языком и затрудняет коммуникацию. Изучение неправильных глаголов является неотъемлемой частью формирования грамматической и лексической компетенции учащихся, а выбор эффективных способов их запоминания приобретает особую значимость.

Неправильные глаголы в английском языке – это глаголы, которые образуют формы прошедшего времени (the Past Simple) и причастия прошедшего времени (Past Participle) не по стандартному правилу с окончанием -ed. Например: *to go – went – gone (ходить), to see – saw – seen (видеть)* [1].

Основная сложность их изучения заключается в том, что данные формы необходимо запоминать, так как они не подчиняются единому грамматическому правилу. В английском языке насчитывается более 200 неправильных глаголов, однако в повседневной речи активно используется около 70-100 из них.

Многие учащиеся пытаются заучивать длинные списки глаголов механически, что часто приводит к быстрой потере информации. Поэтому возникает необходимость в применении более эффективных и осмысленных методов запоминания.

Одним из самых действенных способов изучения неправильных глаголов является их группировка по определённым признакам [2]:

• Глаголы с одинаковыми формами.

Некоторые неправильные глаголы имеют одинаковую форму во всех трёх временах: *to put – put – put (класть), to cut – cut – cut (резать), to let – let – let (позволять).* Запоминание таких глаголов значительно упрощается, поскольку отсутствует необходимость учить несколько вариантов.

• Глаголы с частичным изменением формы.

Пример: *to bring – brought – brought (приносить), to buy – bought – bought (покупать).* Глаголы данной группы объединяет сходное изменение корня, что позволяет запоминать их сериями.

• Глаголы с изменением гласной.

Пример: *to sing – sang – sung (петь), to drink – drank – drunk (пить)*. Такая группировка помогает учащимся увидеть закономерности и снизить объём заучиваемой информации.

Каждый учащийся обладает индивидуальными когнитивными особенностями, которые влияют на процесс усвоения иностранного языка. В методике преподавания принято выделять несколько основных стилей обучения: визуальный, аудиальный, кинестетический и смешанный.

Визуалы легче запоминают неправильные глаголы при использовании таблиц, цветового выделения форм и схем. Аудиалам эффективнее подходят песни, рифмы и многократное проговаривание форм вслух. Кинестетики лучше усваивают материал через активные действия, такие как составление предложений, игры, карточки и ролевые диалоги.

Учет индивидуальных стилей обучения позволяет подобрать оптимальные методы запоминания и значительно повысить эффективность усвоения неправильных глаголов.

Ассоциативный метод основан на связывании нового слова с уже знакомыми образами, звуками или ситуациями.

Например, глагол *to sleep – slept – slept (спать)* можно связать с образом человека, который «уснул и проспал» (звучание *“slept”* похоже на «спал»). Чем ярче и необычнее ассоциация, тем прочнее она закрепляется в памяти.

Также эффективно создание коротких историй, включающих неправильные глаголы. Истории могут быть юмористическими или связанными с личным опытом учащегося.

Рифма и ритм значительно облегчают процесс запоминания. Многие учащиеся успешно усваивают неправильные глаголы с помощью стишков, например: *to begin – began – begun (начинать), to swim – swam – swum (плавать).* Музыкальное сопровождение активизирует слуховую память, а повторение песен способствует непроизвольному запоминанию форм глаголов. Особенно эффективен данный метод для детей и людей с развитой аудиальной памятью.

Изучение неправильных глаголов вне контекста снижает эффективность обучения. Гораздо полезнее использовать их в предложениях, диалогах и коротких текстах. Например: *I saw this movie yesterday. – Я посмотрел этот фильм вчера. She has written a very interesting book. – Она написала очень интересную книгу* [3]. Регулярное использование глаголов в речи и письме помогает автоматизировать навык и избежать ошибок в будущем.

Без повторения даже самый эффективный метод теряет свою пользу. Рекомендуется повторять глаголы через 1 день после изучения, через 3-4 дня, через неделю, через месяц. Такой подход позволяет сохранить знания на длительный срок и уверенно использовать их в речи.

Среди наиболее распространённых ошибок можно выделить попытку выучить слишком много глаголов за короткое время, отсутствие систематического повторения, заучивание форм без понимания их употребления и игнорирование практики в реальной речи. Осознание этих ошибок помогает выстроить более эффективную стратегию обучения.

Изучение неправильных английских глаголов требует времени, терпения и системного подхода. Использование разнообразных методов – группировки, ассоциаций, рифм, карточек и практики в контексте – делает процесс обучения более интересным и результативным. Регулярное повторение и активное использование глаголов в речи являются ключевыми факторами успешного усвоения материала.

Мотивация играет ключевую роль в процессе изучения иностранного языка. Отношение учащегося к материалу напрямую влияет на скорость и прочность запоминания неправильных глаголов. Низкая мотивация часто приводит к формальному заучиванию и быстрому забыванию изученного материала. Повышению мотивации способствуют постановка достижимых целей, отслеживание прогресса и практическое применение знаний в реальных коммуникативных ситуациях. Использование игровых элементов, цифровых технологий и аутентичных материалов делает процесс обучения более интересным и способствует формированию устойчивого интереса к языку.

Список использованной литературы

1. Eastwood J. Oxford Practice Grammar / J. Eastwood. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 304 p. – Text : direct.

2. Murphy R. English Grammar in Use / R. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 399 p. – Text : direct.

3. Swan M. Practical English Usage / M. Swam. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 639 p. – Text : direct.

Карыбаева С. Е., канд. филол. наук, доцент,
Жумадилова М. Н., канд. филол. наук, доцент,
Жунисова К. К., магистр филол. наук,
старший преподаватель,
Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Астана
E-mail: kamshatik_84@mail.ru
saj.e.k@mail.ru
m.zhumadilova@mail.ru

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются актуальность и приоритетность чтения среди видов речевой деятельности. Системно раскрываются пути повышения качества образования через эффективную организацию обучения чтению, анализируются семантическая система обучения.

Ключевые слова: чтение, семантическое чтение, текст, осмысленное чтение, эффективное обучение чтению, обучение казахскому языку как второму языку.

Karybaeva S. E., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Zhumadilova M. N., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Zhunisova K. K., Master of Philology,
Senior Lecturer,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Astana
E-mail: kamshatik_84@mail.ru
saj.e.k@mail.ru
m.zhumadilova@mail.ru

METHODOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF SEMANTIC READING SKILLS IN TEACHING THE KAZAKH LANGUAGE

The article examines the relevance and priority of reading among the types of speech activity. It systematically explores ways to improve the quality of education through the effective organization of reading instruction and analyzes the semantic system of teaching.

Keywords: reading, semantic reading, text, meaningful reading, effective reading instruction, teaching Kazakh as a second language.

Введение

В современной системе образования развитие навыков чтения является одной из приоритетных задач. Обучение чтению – это процесс, направленный не только на формирование у обучающихся механического навыка чтения текста, но и на обеспечение глубокого понимания его содержания, семантической обработки информации. Основой данного навыка выступает осмысленное чтение, предполагающее умение определять структуру текста, выделять его основную мысль и смысловое содержание.

Обучение чтению в высшей школе ориентировано на развитие информационной грамотности и критического мышления студентов. В этой связи особую актуальность приобретает рассмотрение методов формирования навыков семантического чтения у обучающихся.

Среди видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) чтение занимает приоритетное место. Эффективное обучение чтению становится одной из ключевых задач современной методики преподавания языков. Освоение любого языка невозможно без развития навыков чтения. У обучающихся, не использующих чтение как средство языкового развития, в устной речи и построении высказываний нередко наблюдаются ошибки и искусственность.

Чтение относится к рецептивным видам речевой деятельности, поскольку предполагает восприятие и понимание слов и словосочетаний, зафиксированных графическими знаками. Однако умение читать не сводится лишь к владению техникой чтения. Оно включает способность понимать, отбирать и интерпретировать необходимую информацию, а также применять знания, умения и навыки в различных ситуациях деятельности и общения.

По мнению многих исследователей, чтение как вид речевой деятельности и как опосредованная форма коммуникации является одним из наиболее востребованных навыков для большинства людей, особенно для студентов, стремящихся стать квалифицированными специалистами в определённой области. В условиях современного информационного общества особое значение приобретают умения понимать, анализировать и перерабатывать информацию.

В связи с этим возникает необходимость разработки новых подходов к обучению чтению. Сегодня преподаватель должен уметь конструировать педагогические ситуации и задания, направленные на формирование личностных и предметных результатов обучения. В языковом образовании для достижения метапредметных результатов особое значение имеет формирование навыков осмысленного (семантического) чтения.

Чтение является одним из эффективных способов овладения языком и средством развития словарного запаса. Осмысленное чтение не только способствует запоминанию грамматических структур, но и обеспечивает

развитие устной речи, совершенствуя навыки говорения на изучаемом языке.

В статье использован комплекс методов научного описания, включающий сбор, классификацию, обобщение и интерпретацию данных. Применение данного комплекса методов позволило обеспечить точность и достоверность результатов исследования, системность и структурированность представленных материалов, а также сформулировать обоснованные научные выводы и рекомендации. Каждый метод подбирался и применялся в соответствии с целями и задачами исследования.

Согласно теориям обучения чтению, семантическая обработка текста студентом способствует более глубокому усвоению учебного материала и его долговременному запоминанию. В исследованиях выделяются следующие виды обучения чтению:

- раскрытие смысла текста;
- анализ структуры текста;
- интерпретация текста через обсуждение и дискуссию;
- применение информации и её творческая переработка [1, С. 55].

Раскрытие смысла текста предполагает понимание обучающимся основной идеи и сущности представленной информации. На данном этапе студент анализирует значения слов, предложений и абзацев, определяет их роль в общем контексте. Посредством семантической обработки выявляются тема и ключевые идеи текста, понимается позиция автора, информация воспринимается системно и целостно.

Данный навык позволяет обучающимся глубже осмысливать прочитанный материал и самостоятельно анализировать его содержание. Кроме того, семантическая обработка способствует долговременному сохранению информации в памяти.

Анализ структуры текста позволяет обучающемуся определить логическую организацию текста, его части и взаимосвязь основных идей. Этот процесс направлен на систематизацию информации и её распределение по смысловым блокам. В ходе структурного анализа студент делит текст на разделы, темы и подтемы, выявляет расположение основных и второстепенных идей, определяет логические связи (причинно-следственные, временные, сопоставительные и др.) [2, С. 164].

Данный метод способствует более эффективному усвоению учебного материала, облегчает понимание и запоминание информации за счёт её структурирования. Особенно важным этот навык является при работе с академическими текстами.

Интерпретация текста через обсуждение и дискуссию представляет собой метод углублённого понимания содержания и сопоставления различных точек зрения. В процессе дискуссии студенты соотносят информацию текста со своими знаниями и опытом, оценивают позицию автора, учатся

выслушивать мнения других и аргументированно отстаивать собственную точку зрения.

Данный метод способствует развитию критического мышления и формированию комплексного восприятия информации. Обсуждение позволяет избежать одностороннего понимания текста и рассматривать его с разных позиций.

Работа с текстом в процессе чтения. Цель данного этапа – понимание и оценка текста. Его основная задача заключается в обеспечении целостного восприятия содержания. На этом этапе обучающимся предлагаются следующие виды заданий:

- самостоятельное чтение текста;
- определение основной информации по вопросам: кто? что? где? когда? как? с какой целью? (данное упражнение помогает выделять структурные компоненты и ключевые идеи текста);
- подбор или формулирование заголовка, отражающего основную мысль текста;
- заполнение пропусков словами или словосочетаниями с опорой на контекст;
- определение верных и неверных утверждений по содержанию текста;
- соотнесение иллюстраций с соответствующими фрагментами текста;
- чтение с остановками (паузы сопровождаются вопросами преподавателя для проверки понимания и прогнозирования дальнейшего содержания);
- составление плана текста и восстановление логической последовательности его пунктов;
- установление правильного порядка предложений или событий [3, С. 62].

В процессе работы над текстом формируются коммуникативные универсальные учебные действия: обучающиеся формулируют собственное мнение, совместно ищут и анализируют информацию. Работа с различными типами текстов способствует развитию умений выделять значимую информацию и осознанно передавать её в устной форме. Полученные в ходе чтения сведения используются в последующей речевой деятельности.

Работа после чтения. Стратегии послетекстовой работы направлены на применение полученной информации в различных ситуациях и интеграцию чтения с продуктивными видами речевой деятельности – говорением и письмом.

Используются следующие виды заданий:

- обсуждение проблем, поднятых в тексте, аргументация собственной позиции;
- ролевые игры по мотивам текста;

- написание письма, эссе, сочинения, реферата;
- составление подробного плана;
- создание графических схем и интеллект-карт;
- творческие задания (продолжение текста, иллюстрация, написание отзыва или аннотации, синквейн);
- восстановление деформированного текста (мозаика, домино, пазлы) [4].

Систематическое применение послетекстовых стратегий формирует навыки построения диалога и монолога, способствует правильному использованию синтаксических конструкций и морфологических форм в соответствии с коммуникативной задачей.

Оценивание. В рамках работы по тексту обучающимся предлагается написание информационного реферата и составление диалога по содержанию текста с использованием оценочных дескрипторов:

Критерии оценивания (0–40 баллов):

- понимание содержания текста – 10 баллов;
- постановка трёх вопросов по тексту – 10 баллов;
- развернутые ответы с опорой на текст – 10 баллов;
- отсутствие грамматических и стилистических ошибок, корректное употребление производных существительных и конструкций типа «… является», «… считается» – 5 баллов;
- использование речевых клише (например: «Как вы считаете…», «По вашему мнению…», «Я полностью согласен…», «Позвольте не согласиться…») – 5 баллов.

В конце каждого модуля составляется лексическая карта на основе изученных текстов. Она способствует расширению словарного запаса и формированию навыков построения грамматически корректных и содержательно насыщенных высказываний [1, С. 120].

Применение разнообразных педагогических методов, направленных на развитие навыков семантического чтения, позволяет:

- формировать умение ставить учебные цели;
- развивать навыки аргументации собственной позиции;
- воспитывать культуру понимания текста;
- поддерживать положительную учебную мотивацию;
- развивать интеллектуальные и коммуникативные компетенции [5].

В условиях современной информационной среды, характеризующейся быстрым обновлением и доступностью информации, навыки осмысленного чтения приобретают особую значимость. Они позволяют обучающимся анализировать научные статьи, публицистические материалы и художественные произведения, применять полученные знания в учебной, профессиональной и повседневной деятельности.

Развитие семантического чтения способствует не только расширению словарного запаса и совершенствованию языковой компетенции, но и формированию когнитивных навыков, необходимых для успешного функционирования в реальных коммуникативных ситуациях.

Таким образом, системная работа с текстом и формирование навыков семантического чтения способствуют развитию аналитического, интерпретационного и критического мышления обучающихся, что является важным условием подготовки квалифицированных и конкурентоспособных специалистов в современном обществе.

Подводя итог оснавным положениям статьи, следует отметить, что формирование навыков семантическоо чтения в процессе обучения казахскому языку как второму языку выступает одним из ключевых методических условий повышения качества образования. Системная реализация данного направления обеспечивает углублённое понимание текстовой информации, развитие аналитического и критического мышления обучающихся, а также способствует формированию их коммуникативной и информационной компетентности. Системная и поэтапная работа с текстом обеспечивает глубокое понимание его содержания, способствует развитию критического и аналитического мышления, а также формированию коммуникативной и информационной компетентности обучающихся. Эффективная организация семантического чтения положительно влияет на расширение словарного запаса, совершенствование речевых навыков и подготовку студентов к успешной учебной и профессиональной деятельности в условиях современного информационного общества.

Список использованной литературы

1. Кәрібаева С. Е. Қазақ тілі (B2-1 ортадан жоғары деңгейіне арналған) оқу құралы / С. Е. Кәрібаева, М. Н. Жұмаділова, К. К. Жүнісова. – Астана : Булатов А. Ж., 2023. – 150 с. – Текст : непосредственный.

2. Черепанова Л. В. Орыс тілін оқытудағы прецедентті мәтіндер : мәселенің ықтимал шешімі / Л. В. Черепанова. – Текст : непосредственный // Вестник Южного федерального университета. Филологические науки. – 2024. – С. 163-173.

3. Daurenbekova L. The Effect of Teaching Based on Alash Figures in Translated Works on Human Values and Success / L. Daurenbekova, Y. Soltanayeva, Y. Adayeva. – Text : direct // Journal of Social Studies Education Research. – 2025. – Vol. 16, № 2. – P. 39-73.

4. Карыбаева С. Е. Методы и стратегии развития навыков смыслового чтения / С. Е. Карыбаева, К. К. Жунисова, М. Н. Жумадилова. – Текст : непосредственный // Научный аспект. – 2023. – № 12. – С. 45-55.

5. Методы усвоения новой лексики на уроке казахского языка / А. Адильбек, Д. Дуйсенгазин, К. К. Жунисова, С. Е. Карыбаева, М. Н. Жумадилова. – Текст : непосредственный // Научный аспект. – 2023. – № 11. – С. 50-60.

Жумабекова А. К., докт. филол. наук,
Байгаскина А. А., обучающийся,
Казахский национальный педагогический
университет имени Абай,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: aishaamangeldy0705@gmail.com

СТРАТЕГИИ И КЛАССИФИКАЦИЯ КАЗАХСКИХ ТОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА «ТАР КЕЗЕҢ»

В статье анализируются стратегии перевода казахских топонимов в английской версии романа «Тар кезең» Кажыгали Муханбеткалиулы. На основе сопоставительного анализа рассматриваются транслитерация, транскрипция, экспликация и опущение. Оценивается их влияние на сохранение культурной специфики с использованием классификации Жанузака Телгожи и функционального подхода.

Zhumabekova A. K., D. of Philological Sciences,
Baigaskina A. A., student,
Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Republic of Kazakhstan
E-mail: aishaamangeldy0705@gmail.com

STRATEGIES AND CLASSIFICATION OF KAZAKH TOPONYMS IN THE ENGLISH TRANSLATION OF THE NOVEL «TAR KEZEN»

This article analyzes translation strategies for Kazakh toponyms in the English version of Tar Kezeń by Kazhygali Mukhanbetkaliuly. Using comparative analysis, it examines transliteration, transcription, explication, and omission, evaluating their impact on cultural specificity and reader comprehension through Zhanuzak Telgozha's toponymic classification and functional translation analysis.

Key words: toponyms, Tar kezen, translation, Kazakh geography, transliteration, Zhanuzak Telgozha.

Introduction. The translation of toponyms from Kazakh into English presents particular difficulties because a toponym in a literary work is not merely a geographical designation but an artistically meaningful element of the narrative structure. In the novel, geographical names perform a text-forming and modeling function: they localize events, construct the spatial dimension of the narrative, shape the historical atmosphere, and contribute to the characterization of individuals and communities.

The relevance of this study is determined by the increasing attention to the international promotion of Kazakh literature and the broader societal and state interest in presenting national cultural heritage to a global audience. In the context of globalization and expanding intercultural dialogue, the translation of culturally marked elements becomes especially significant.

The novel Tar Kezeń by Kazhygali Mukhanbetkaliuly occupies a prominent place in Kazakh historical prose, depicting significant periods of national history within a geographically and culturally saturated narrative space. When transferred into English, these names raise questions of phonetic adaptation, semantic transparency, stylistic equivalence, and the preservation of cultural connotations. These challenges make the novel a productive object for systematic translation analysis.

The purpose of the study is to identify and classify the approaches used in translating Kazakh toponyms and to assess their role in preserving the national and cultural specificity of the source text. The research is based on a comparative analysis of toponyms in the original text and their equivalents in translation. The study examines such approaches as transliteration, transcription, explication, and omission. The analysis shows that the choice of approach directly influences the degree of cultural representation and reader comprehension.

The scientific novelty of the research lies in its comprehensive and systematic examination of Kazakh toponyms within a single literary translation, combining toponymic classification with functional translation analysis.

The theoretical significance of the work consists in refining the understanding of toponyms as functional and culturally loaded elements of narrative structure and in developing a structured model for analyzing their translation. The findings contribute to translation theory by clarifying how linguistic form, cultural content, and communicative purpose interact in the process of rendering proper names across languages.

The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in academic courses on translation studies, literary translation, and intercultural communication, as well as in the professional practice of translators working with Kazakh literary texts.

Main part. The classification of Kazakh toponyms proposed by Zhanuzak Telgozha in his work «Жер-су атауларының анықтамалығы» presented below reflects a comprehensive linguistic approach to the systematization of toponyms as names of geographical space. In this model, toponym is explained encompasses various subtypes of geographical names, each defined by the nature of the object it denotes and its function within spatial representation:

Toponym

- *Oronym (landform features)*
- *Choronym (territory / area)*
- *Agronym (land plots / agricultural land)*
- *Hydronym (water bodies)*

- *Ecclesionym (mausoleum, dome, tomb)*
- *Oikonym (settlements)*
- *Dromonym (road names)*
- *Necronym (cemetery, grave)*

According to the presented classification of toponyms, the analyzed material from the novel Tar Kezeń includes *oronyms*, *choronyms*, *dromonyms*, and *hydronyms*. Each group demonstrates specific translation patterns and highlights particular difficulties in rendering Kazakh geographical names into English.

Oronyms

Oronyms, denoting relief features such as mountains and hills, are predominantly translated through transliteration, often combined with additional strategies. For instance, "*Орал тауы*" [2, P. 23] is rendered as *Ural Mountains*, where transcription (Орал → Ural) is combined with the addition of a generic geographical term (тауы → Mountains). The rendering "*Орал тауы*" – "*Ural Mountains*" cannot be considered a correct transcription. A correct transcription of "*Орал тауы*" would preserve the phonetic form of the original name, for example "*Oral Tauy*" or "*Oral Mountains*". In this case, the original name *Орал* is replaced by the historically established English equivalent *Ural*, which reflects a conventional substitution rather than phonetic transfer.

In the case of *"Сахарная бекінісі"* [2, P. 225] transferred as "*Sakharnaya"*, transliteration is used for phonetic adaptation, while the component "бекінісі" ("fortress") is omitted. This omission leads to a loss of information about the functional type of the object.

The English word "hill" means a small elevated area or mound. Similarly, in Kazakh, toponyms containing the word "төбе" (meaning "hill") are frequently encountered [3]. Pure transliteration is observed in examples such as "*Намазтау"* [2, P. 251] → *Namaztau* and "*Тұзтөбе"* [2, P. 141] → *Tuztobe*, where the phonetic form of the name is preserved but the internal morphological meaning (e.g., тұз "salt", төбе "hill") remains inaccessible to the English reader.

Choronyms

Choronyms, which denote territories and regions, demonstrate a greater variety of translation approaches. The name *"Нарын құмы"* [2, P. 151] is translated as "*Sands called Naryn"* employing explication. The lexical meaning of *құмы* ("sands") is explicitly conveyed, which enhances semantic transparency for the target audience.

In contrast, "*Адырмақты Алатау"* [2, P. 151] and "*Мұғалжар"* [2, P. 184] are rendered through transliteration "*Adyrmakty Alatau*", "*Mugalzhar*", preserving the national form of the names while leaving their internal semantics unexplained. This strategy prioritizes cultural authenticity over semantic accessibility and reflects a source-oriented approach to translation.

Dromonyms

Dromonyms, referring to routes and directions, are translated primarily through functional-semantic equivalence. The phrase "*Жем Сағыздың жоғарғы*

жағына" [2, P. 129] is rendered as to the *"very upper reaches of the Zhem and Sagyz rivers"*. Instead of a literal translation (upper part), the translator employs the established geographical term *upper reaches*, which accurately conveys the intended meaning in English.

Similarly, in *"Жемнің жоғарғы жағы мен Ордың бойы"* [2, P. 59] → "*upper reaches of the Emba and the banks of the Or"*, functional equivalence is combined with the use of an exonym (Жем → Emba). This choice reflects conventions fixed in historical and geographical literature and contributes to terminological accuracy.

Hydronyms

Hydronyms constitute a significant portion of the analyzed material and are translated using transliteration, exonyms, or a combination of both. Names such as *Жем, Сағыз, Жайық*, and *Ойыл* are rendered through transliteration, preserving their phonetic form. However, the hydronym *Жайық* appears in several variants (Zhaik, Yaik, Ural), demonstrating inconsistency. While *Ural* represents a well-established international exonym, the simultaneous use of multiple transliterated forms *"Zhaik", "Yaik"* may cause confusion and can be considered a translation flaw.

In "*Сарыкөл мен Самар көлі"* [2, P. 151] → *Lakes Sarykol and Samar*, transliteration is combined with generalization, where the common noun *көлі* is rendered as Lakes. Finally, "*Каспий теңізі"* [2, P. 57] is transferred as "*Caspian Sea"* using an exonym that is universally accepted in international usage.

Conclusion. The study aimed to classify Kazakh toponyms in Tar Kezen, analyze their English translations, identify the main translation strategies, and evaluate their impact on preserving cultural specificity. The application of Zhanuzak Telgozha's toponymic classification provided a structured basis for systematizing geographical names and distinguishing their semantic features. Comparative analysis showed that transliteration is the most frequently used strategy, especially for oronyms and hydronyms, as it preserves phonetic form and national coloring, though often reduces semantic transparency. The use of exonyms improves reader comprehension but may create inconsistency. Excessive omission or simplification, as in the case of certain oronyms, leads to a partial loss of culturally and functionally significant information. Overall, the study confirms that the translation of Kazakh toponyms in literary texts requires a balanced and differentiated approach that takes into account the type of toponym, its cultural and historical significance, and its function within the narrative.

References

1. Кабакчи М. К. К проблеме перевода топонимов в художественном тексте / М. К. Кабакчи. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11. – С. 92-97.

2. Муханбеткалиулы К. Тар кезен / К. Муханбеткалиулы. – Алматы : Mereke baspasy, 2012. – 584 с. – Текст : непосредственный.

3. Smatova A. Linguocultural and cognitive features of Kazakh and English toponyms / A. Smatova, Б. Tleuberdiev, H. Omarov. – Text : direct // Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. PHILOLOGY Series. – 2025. – № 152 (3). – 114-132.

Олейников А. А., обучающийся,
Удодов А. Б., докт. филол. наук, профессор,
Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, г. Воронеж
E-mail: alexei.oleinikov.alexanderovic@gmail.com

РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В статье анализируется художественная дилогия А. И. Солженицына, представленная романом «В круге первом» и повестью «Раковый корпус». На материале данных произведений показано, каким образом в пространстве художественных текстов реализована религиозная антропология и религиозное миросозерцание писателя. На материале дилогии продемонстрировано особое влияние на теоцентрическую картину мира автора ряда идей святоотеческой литературы.

Ключевые слова: религиозная антропология, религиозное миросозерцание, святоотеческая литература, исихазм, теозис, теоцентрическая картина мира.

Oleinikov A. A., a student,
Udodov A. B., Ph. D. philol. Professor of Science,
Voronezh State Pedagogical University,
Russia, g. Voronezh
E-mail: alexei.oleinikov.alexanderovic@gmail.com

RELIGIOUS ANTHROPOLOGY OF A. I. SOLZHENITSYN

This article analyzes A. I. Solzhenitsyn's literary dilogy, represented by the novel “The First Circle” and the story “Cancer Ward”. These works demonstrate how the writer's religious anthropology and worldview are realized within the context of his literary texts. The dilogy demonstrates the particular influence of several patristic ideas on the author's theocentric worldview.

Keywords: religious anthropology, religious worldview, patristic literature, hesychasm, theosis, theocentric picture of the world.

Творчество А. И. Солженицына сегодня активно изучается с точки зрения христианских ценностей, библейских сюжетов и образов [1; 2; 3].

Помимо прочего, актуализируется связь произведений писателя со средневековой книжной культурой [4; 5; 6], хотя степень этих связей прояснена, на наш взгляд, недостаточно. Не менее важным аспектом интертекстуального анализа (выходящего при этом за границы «интертекстуальности») как художественной, так и публицистической прозы писателя является межтекстовое соотношение солженицынских произведений со святоотеческим наследием, диалог писателя со Святыми Отцами. Работ о связях творчества А. И. Солженицына с богословскими категориями святоотеческой литературы по-прежнему немного [7; 8]. При этом вне категорий святоотеческой литературы невозможно должным образом осмыслить ряд ключевых и даже программых его произведений.

Т. А. Лопухина-Родзянко указывала на значение духовных ценностей средневековой культуры для эстетического сознания А. И. Солженицына: «Во многих произведениях у Солженицына встречаются по-новому освещённые духовные ценности средневековья» [9, С. 10]. Гибель религиозного искусства повлекла за собой духовное вырождение нравов, упадок Искусства как сотрудничества с Богом, искусства как чего-то в высшей степени прекрасного и одухотворённого. Пожалуй, поэтому главный герой повести «Раковый корпус» Олег Костоглотов обращается именно к Толковой Палее, к древнерусскому энциклопедическому памятнику. В «Нобелевской лекции» Солженицын соединяет расторгнутое триединство Искусства: «... может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты – не просто парадная обветшалая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности?» [10, С. 6]. Писательская устремлённость к Средневековью была по-настоящему рыцарской, Солженицын обращался к «святыням» русского средневековья с «мечом» высшей правды: «Против многого в мире может выстоять ложь – но только не против Искусства» [10, С. 21].

В творчестве А. И. Солженицына особую роль играет пасхальный архетип, выступающий в качестве фактора жанропорождения, в связи с чем, к примеру, «В круге первом» определяется нами как пасхальный роман [11], а О. С. Шурупова выявляет пасхальную тему в повести «Раковый корпус» [12]. Церковный календарь в литературе как художественной антропологии оказывается исключительно «человекомерным»: «... всё происходящее с человеком от рождения до смерти соотносилось с годовым богослужебным циклом, в котором постами и Праздниками регламентировалась жизнь человека» [13, С. 130].

Данные произведения А. И. Солженицына представляют собой художественную дилогию. О. А. Бердникова объединяет роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус» по проблематике и типу главного героя: «В Нержине и Костоглотове... воплотился русский способ бытия в мире...» [2, С. 156]. В творчестве А. И. Солженицына отразилось религиозное миропонимание и миросозерцание, в свете чего Нержин и Костоглотов, победив

страсти и искушения, «... становятся своеобразными праведниками, продолжающими своё интеллектуальное и духовное восхождение» [2, С. 156].

Целью возвышения в христианской традиции является теозис или обожение, описанное в святоотеческих трудах. Смысл обожения состоит в подражании Христу. Как пишет прп. И. Лествичник, «Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу» [14, С. 22]. Только сделавшись «подражателем Христу», возможно обрести спасение, по прп. И. Лествичнику. Такими «подражателями» в контексте романа «В круге первом» становятся два героя: Иннокентий Володин и Глеб Нержин. Свой маленький, но значительный подвиг с точки зрения личной судьбы совершает и инженер Герасимович, отказывающийся от работы для спецслужб: «Я – не ловец человеков!» [15, С. 576].

Е. В. Белопольская подробно рассмотрела связи романа «В круге первом» с «Лествицей» прп. И. Лествичника на ряде героев произведения, показав, как именно меняется Глеб Нержин: «... Нержин на собственном опыте постигает христианские истины. Его ссылка в разговоре с Герасимовичем на авторитет Библии не случайна <...> Перемену в мироощущении Нержина заметила и Надя, когда её предположения о том, не начал ли он верить в Бога, муж не стал отрицать» [7, С. 59].

Герой-идеолог Глеб Нержин, примиряющий двух идеологических соперников (Дмитрия Сологдина и Льва Рубина), на пути к собственной Голгофе строго следует наставлениям прп. И. Лествичника, сам того не осознавая. Подвижничество в миру, тем более в «шарашке», в условиях ограниченной свободы, возможно: «... автор «Лествицы» ... настаивал на том, что достичь духовных высот можно только разорвав связи с миром. Именно удаление от мира (степ. 1), отсечение всех земных привязанностей (степ. 2) и уклонение от мира (степ. 3) помогают... устранить внешние преграды на пути подвижника» [7, С. 56-57]. Религиозная антропология А. И. Солженицына в полной мере может быть охарактеризирована как христианская. Марфинская «шарашка» в мифологическом измерении представляет собой мир мёртвых, что делает символическую смерть для мира действительной не только для исихастов, но и для арестантов.

Сама идея «восхождения к божеству», духовного возвышения выражена также и в других святоотеческих сочинениях, посвящённых византийскому исихазму: «В сочинениях основоположников исихазма, Григория Синаита и Григория Паламы, развивалась сложная система восхождения духа к божеству, учение о самонаблюдении, имеющем целью нравственное улучшение, раскрывалась целая лестница добродетелей. Углубляясь в себя, человек должен был победить свои страсти и отрешиться от всего земного, в результате чего он достигал экстатического состояния созерцания, безмолвия» [16, С. 76].

В романе «В круге первом» яркий эпизод являет собой приезд Иннокентия Володина и Клары в захолустную подмосковную деревню, где они посещают разбитую, заброшенную церковь Рождества и их взорам предстаёт другая Россия – «... Россия с забытой православной традицией... поражённая неведомой болезнью» [17, С. 53]. Исходя из утверждения О. А. Бердниковой о том, что «Раковый корпус» и «В круге первом» составляют дилогию, можно предположить, что этой болезнью является коммунизм. Неслучайно ведь сам раковый корпус под красноречивым номером тринадцать представляет собой образную реализацию развёрнутой метафоры советского общества, заражённого раковой опухолью, идеологией нового мира. Катастрофа духовной жизни, материально воплощённая в разобранной на кирпичи церкви, разбитых иконостасах, становится символом невозвратной потери, невосполнимой утраты для русского человека.

Как оставаться человеком в условиях ограниченной свободы? – именно этот вопрос мог бы послужить отправной точкой художественной антропологии Солженицына. Сам писатель неоднократно на страницах своих как публицистических, так и художественных произведений размышлял о том, что именно несвобода, неволя, тюрьма позволила ему осознать ценность человеческой свободы как таковой, духовно возвыситься и подняться на иную ступень миросозерцания. Устами его героев произносятся сокровенные мысли самого автора, ведь анализируемые нами произведения А. И. Солженицына автобиографичны: «... не надо рассматривать тюрьму только как проклятие, а ещё и как благословение» [15, С. 163]. С похожими мыслями можно столкнуться на страницах других произведений писателя, например, рассказа «Один день Ивана Денисовича»: «Что тебе воля? На воле твоя последняя вера терниями заглохнет! Здесь тебе есть время о душе подумать!».

Список использованной литературы

1. Есаулов И. А. «Маленький человек» в творчестве Солженицына : историко-литературная перспектива / И. А. Есаулов. – Текст : непосредственный // Солженицынские тетради : материалы и исследования. – 2021. – № 8. – С. 96-103

2. Бердникова О. А. Метафизика русской жизни в изображении А. И. Солженицына / О. А. Бердникова. – Текст : непосредственный // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын : диалоги в непрошедшем времени : материалы всерос. науч. конф. – 2018. – С. 151-159.

3. Мартьянова С. А. Библейские темы и образы в романе А. И. Солженицына «В круге первом» / С. А. Мартьянова. – Текст : непосредственный // Проблемы исторической поэтики. – 2013. – № 11. – С. 442-452.

4. Терешкина Д. Б. Человек перед лицом смерти : минейный код повести А. Солженицына «Раковый корпус» / Д. Б. Терешкина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 3 (52). – С. 316-319.

5. Шунков А. В. Житийные традиции в рассказе А. И. Солженицына «Матрёнин двор» / А. В. Шунков. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2 (27). – С. 22-25.

6. Олейников А. А. Агиографический канон в романе «В круге первом» А. И. Солженицына / А. А. Олейников. – Текст : непосредственный // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – 2025. – № 2 (12). – С. 528-532.

7. Белопольская Е. В. А. И. Солженицын и преподобный Иоанн Лествичник : к проблеме духовно-нравственного возвышения (на материале романа «В круге первом») / Е. В. Белопольская. – Текст : непосредственный // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2013. – № 3 (40). – С. 52-60.

8. Князев М. А. Святоотеческое наследие в публицистических произведениях А. И. Солженицына / М. А. Князев. – Текст : непосредственный // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. – 2019. – № 2 (12). – С. 83-86.

9. Лопухина-Родзянко Т. А. Духовные основы творчества Солженицына / Т. Лопухина-Родзянко. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1974. – 178 с. – Текст : непосредственный.

10. Солженицын А. И. Нобелевская лекция 1970 года по литературе / А. И. Солженицын. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1972. – 27 с. – Текст : непосредственный

11. Олейников А. А. «В круге первом» А. И. Солженицына как пасхальный роман / А. А. Олейников. – Текст : непосредственный // Проблемы исторической поэтики. – 2026. – Т. 24, № 1. – С. 274-295.

12. Шурупова О. С. Пасхальная тема в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» / О. С. Шурупова. – Текст : непосредственный // Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон-Валаам-Задонск-Оптина Пустынь-Соловки) : материалы XIV Междунар. форума. – 2019. – С. 102-104.

13. Бердникова О. А. «Богъ оставитъ тайну – память обо мнѣ»... Творчество И. А. Бунина : векторы прочтений : монография / О. А. Бердникова. – Москва : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – 240 с. – Текст : непосредственный.

14. Лествичник И. Лествица, возводящая на небо / И. Лествичник. – Минск : Источник, 2020. – 511 с. – Текст : непосредственный.

15. Солженицын А. И. В круге первом / А. И. Солженицын. – Москва : Наука, 2006. – 796 с. – Текст : непосредственный.

16. Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. – Москва : Наука, 1970. – 180 с. – Текст : непосредственный.

17. Султанова А. М. Храм как символ потери в романе А. И. Солженицына «В круге первом» / А. М. Султанова. – Текст : непосредственный // «Жить не по лжи» : нравственные императивы А. И. Солженицына в современной России и мире. – 2019. – С. 48-54.

Камалова А. Т. обучающийся,
Жумабекова А. К., докт. филол. наук, профессор,
Казахский национальный педагогический университет
имени Абая Кунанбаева,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: a.zhumabekova@abaiuniversity.edu.kz
kkamalovaaigul1002@gmail.com

АНАЛИЗ АВТОРСКОГО СТИЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА СТИВЕНА КИНГА “FAIRY TALE”)

Данная статья посвящена особенностям индивидуального авторского стиля Стивена Кинга и его художественного романа “Fairy Tale”. В работе присутствует: сравнительный анализ текста оригинала и перевода с целью выявление переводческих трансформаций (лексических, грамматических и стилистических). Описываются основные критерии индивидуального авторского стиля.

Ключевые слова: хоррор, художественная литература, авторский стиль, Стивен Кинг, проблемы перевода.

Kamalova A. T., Student,
Zhumabekova A. K., Ph. D. philol. Science, Professor,
Abai Qunanbaiuly Kazakh National Pedagogical University
Republic of Kazakhstan, Almaty
E-mail: a.zhumabekova@abaiuniversity.edu.kz
kkamalovaaigul1002@gmail.com

ANALYSIS OF AUTHORIAL STYLE IN THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT (BASED ON STEPHEN KING’S NOVEL “FAIRY TALE”)

This article is devoted to the study of the individual authorial style of Stephen King and his novel Fairy Tale. The paper presents a comparative analysis of the original text and its translation in order to identify lexical, grammatical, and stylistic translation transformations. The main criteria of the author’s individual style are also described.

Keywords: horror, fiction, authorial style, Stephen King, translation issues.

Актуальность художественной литературы остаётся неизменной на протяжении всей истории человечества. Перевод в данном случае выступает

средством языкового посредничества, коммуникации и мостом между культурами, главной целью которого является ориентированность на оригинал и воспроизведение его на языке перевода. Одним из основных критериев оценки качества перевода художественного произведения будет являться не только сохранение смыслового содержания оригинала, но и передача культурных реалий, основа которых является стилистика идиостиля самого писателя.

Таким образом, проблема сохранения авторского стиля при переводе всегда занимал одну из центральных позиций в переводоведении. У любого художественного произведения можно заметить так называемый “авторский стиль”, который позволяет автору донести свой “внутренний голос”, индивидуальную манеру изложения повествования в своих художественных произведениях. Идиостиль, «индивидуальный стиль автора», манера автора, идиолект – понятия, которые довольно часто можно встретить в лингвистических и филологических работах.

Само понятие индивидуального стиля является комплексом исторически и национально обусловленных лексем, объединенных сложной единой формой стилистических средств выражения. Автор выступает перед нами как представитель своей эпохи, своей социальной среды и культурной жизни своего народа, что позволяет ему создать свой собственный уникальный и неповторимый мир с использованием различных средств лексического состава и грамматических особенностей родного языка. Сюжет в данном случае приобретает индивидуальный стиль писателя, его художественную оригинальность, так как он проходит через личность художника и через опыт, оставленный в его жизни.

Вопрос об авторском стиле при переводе занимает центральное место в трудах выдающегося русского лингвиста Виктора Владимировича Виноградова, который рассматривал язык художественной литературы как особую эстетическую систему. В.В. Виноградов подчеркивал в своих трудах, что язык писателя должен подвергаться углубленному пониманию его образа, его идейных тенденций и индивидуальных своеобразий в словесно-художественном мастерстве автора. В.В. Виноградов указывает, что переводчик должен стремиться к художественно-стилистическому эквиваленту, а не к буквальному соответствию. Таким образом, в данной работе не просто проводится анализ индивидуального стиля, но и выделяются единые принципы, осуществляющие целостность взаимосвязи и системности перевода современной литературы.

Автор Стивен Кинг является одним из величайших и популярнейших авторов современности. Всего на данный момент американский автор опубликовал не менее 60 романов по всему миру. Одним из основных жанров его произведений является жанр «хоррор». В самом общем виде жанр «хоррор» посредством нагнетания тревожности (аффекта) стремится вызвать определенное состояние у среднестатистического читателя, так называемые

психологические реакции организма от прочитанного текста: повышенную тревожность, нервозность, испуг, страх, отвращение и т.д. В частности, роман “Fairy Tale” представляет интерес как художественное произведение, в котором сочетаются элементы хоррора и фэнтези, что обусловливает необходимость комплексного анализа перевода и особенности передачи авторского стиля.

Основные причины популярности данного автора у читателей заключаются в его умении построить интересный сюжет, создающий впечатление реальности, интриги и загадочности повествования. В своем произведении Стивен Кинг использует типичный “американский” разговорный язык, что делает его произведение обыденным, “живым” и максимально приближенным к современному миру. Перед переводчиком стоит задача сохранения естественности и живости речи, типичной для англоязычной аудитории. Адаптация сленгов и идиом является одной из основных функций смысловой трансформации при переводе текста подобного стиля.

ИТ: “He was good at his job, my dad, and he ***skated along*** for over three years in spite of his boozing”.	ПЯ: “Он хорошо знал свою работу, мой папа, и ***катался на коньках*** больше трех лет, несмотря на свое пьянство”.

В данном примере можно заметить, что переводчиком была не понята идиома английского языка *“to skate along”*, означающая *«кое-как держаться»,* «проскальзывать», «жить по инерции». То есть отец главного героя (протагониста произведения) не прилагает особых усилий бросить употребление спиртных напитков, но ему удаётся продолжать работать. Переводчик в данном случае использовал буквальный перевод, что ведёт к денотативному искажению смысла оригинала. Нами был предложен перевод, сохраняющий естественность речи оригинала: “Он был хорош в своём деле, мой отец, и *держался на плаву* больше трёх лет, несмотря на своё пьянство.”

Произведениям Стивена Кинга характерен также глубокий психологический аспект проработки персонажа. Стивен Кинг раскрывает внутренний мир героя через детали, поток сознания, внутренние монологи. При переводе это означает, что переводчик должен передать ритм и интонацию внутреннего диалога персонажа. Необходимо тонко передавать внутренние оттенки речи, особенно эмоции, сомнения, страх, ведь именно они служат одним из основных психологических элементов внутреннего и внешнего портрета персонажей.

ИТ: “He would come home with his briefcase and Mom would ***give him a drink***, usually a martini ”.	ПТ: “Он приходил домой со своим портфелем, и мама ***наливала ему выпить*** – обычно это был мартини, ***один бокал***.”

Переводчик сохранил иронию и эмоциональный оттенок оригинала, использовав несколько лексико-грамматических трансформаций: Английское словосочетание *"give him a drink"* буквально значит *«дать ему выпить»* произошла лексическая адаптация для естественной формы узуса русского языка. Перевод *«наливала ему выпить»* является корректным, но фраза *«один бокал»* добавляет конкретику, которой нет в оригинале. Сам перевод сохраняет бытовую окраску, но добавление *«один бокал»* создаёт лёгкий оттенок ненужной детализации.

Основным жанром произведения является «хоррор». Стивен Кинг постепенно нагнетает атмосферу страха через детали, повтор, внутреннее ожидание чего-то неожиданного. Для переводчика это означает, что нужно точно передавать детали, ритмику и динамику, не сокращая повторов и пауз, ведь они создают то самое напряжение ужаса.

ИТ: "I thought of the monster dog Andy had described, all big teeth and red eyes above its slavering jaws, but this was no ***YABBA-YABBA-ROWROW*** of a vicious attack animal; it sounded sad and scared".	ПТ: "Я подумал о псе-монстре, которого описал Энди, с огромными зубами и красными глазами, но это был не ***«Р-Р-Р-Р, ГАВ-ГАВ»*** злобного зверя, рвущегося в атаку – этот звук был скорбным и испуганным".

В данном отрывке было полностью сохранено денотативное содержание оригинала. Автор описывает контраст между ожидаемым рычанием монстра и реальным звуком. Переводчик культурно адаптировал ономатопею оригинала и сохранил противопоставление через союз *«но»* и точно дал описание эмоциональной окраски звука.

Ужас у Стивена Кинга часто является метафорическим и основанным на реальных человеческих страхах и проблем социального характера. Текст оригинала наполнен подтекстами и символическими слоями, что позволяет создать ощущение не поверхностного ужаса. При переводе важно улавливать метафорические пласты стиля, подбирая эквиваленты, соответствующие образной системы русского языка. Символы и метонимии нужно передавать через контекст, избегая буквальности перевода.

ИТ: "He 'd pretty much given up on beer. By then he was strictly ***a Gilbey's man***".	ПТ: "Это было через шесть или восемь месяцев после смерти мамы, когда он почти отказался от пива. К тому времени он уже переключился на ***„Гилбис"***.

Здесь *"Gilbey s man"* – метонимия: название напитка *«Gilbey's»* (бренд джина) используется для обозначения человека, который пьёт этот напиток. То есть не сам напиток является субъектом, а герой ассоциирует отца с ним: он *«преданный»* именно этому бренду. Переводчик тонко уловил смысл и

образность исходного текста и также передал оттенок ироничности, которая была заложена в оригинале.

Из всего выше сделанного анализа можно утверждать, что перевод художественного произведения тесно связан с сохранением индивидуального авторского стиля. Стилистические приемы, которые использовал Стивен Кинг в своем произведение, создают особую психологическую систему образов, которые оказывают эмоциональное воздействие на читателя, позволяя проникать в фэнтезийный мир писателя. При переводе произведения Стивена Кинга на русский язык был задействован обширный арсенал лексико-грамматических трансформаций, позволяющий читателям естественно, воспринимать незнакомые стороны американской жизни и повседневного быта.

В этом случае можно сделать вывод, что перевод производился на основе глубокой проницательности в системе культурных взглядов. Перевод имеет несколько денотативных искажений оригинала, что, несомненно, подчеркивает то, что при переводе как книг Стивена Кинга, так и любых других произведений художественной литературы особое внимание должно уделяться достижению разумного баланса между эквивалентностью и адекватностью, равно как и учёту исходных авторских интенций. Любая из возможных переводческих ошибок может повлиять на стилистику произведения и оказать влияние на восприятие реципиента, приводя, как следствие, к возникновению негативных отзывов об авторе книги, или многочисленным неудачам в коммуникации.

Список использованной литературы

1. Нелюбин Л. Л. История науки о языке / Л. Л. Нелюбин. – Москва : Народный учитель, 2003. – 330 с. – Текст : непосредственный.

2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва : Институт общего образования РАО, 2001. – 60 с. – Текст : непосредственный.

3. Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебное пособие для вузов / Н. К. Гарбовский. – Москва : МГУ, 2007. – 125 с. – Текст : непосредственный.

4. Виноградов В. С. О теории художественной речи / В. С. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1971. – 58 с. – Текст : непосредственный.

5. King S. Fairy Tale / S. King. – London : Hodder & Stoughton, 2022. – 608 p. – Text : direct.

6. Кинг С. Сказка : роман / С. Кинг. – Санкт-Петербург : Амфора, 2022. – 648 с. – Текст : непосредственный.

Фефелова Г. Г., канд. пед. наук, доцент,
Уфимский государственный нефтяной
технический университет,
Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: ufa-ugntu@mail.ru

КОМИЧЕСКОЕ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК МНОГОУРОВНЕВАЯ ЗНАКОВАЯ СТРУКТУРА

В статье рассматривается проблема комического в цифровой коммуникации, формирующаяся на пересечении вербальных, визуальных и аудиовизуальных кодов. Исследование опирается на медиалингвистический подход, позволяющий анализировать комическое как результат взаимодействия текстовых стратегий. Особое внимание уделяется поликодовости цифрового медиатекста, механизмам интертекстуальности, языковой игры и прагматическим стратегиям создания комического эффекта.

Ключевые слова: комическое, цифровая коммуникация, медиадискурс, поликодовость, интертекстуальность, языковая игра, прагматика.

Fefelova G. G., Ph. D., Associate Professor,
Ufa State Petroleum Technical University,
Ufa, Republic of Bashkortostan
E-mail: ufa-ugntu@mail.ru

THE COMIC IN DIGITAL COMMUNICATION AS A MULTILEVEL ICONIC STRUCTURE

The article examines the problem of the comic in digital communication, which is formed at the intersection of verbal, visual and audiovisual codes. The research is based on a media linguistic approach that allows analyzing the comic as a result of the interaction of textual strategies. Special attention is paid to the polycode nature of the digital media text, the mechanisms of intertextuality, language play, and pragmatic strategies for creating a comic effect.

Keywords: comic, digital communication, media discourse, polycode, intertextuality, language game, pragmatics.

В современном медиадискурсе рассмотрение комического в цифровой коммуникации многоаспектно. В отличие от традиционного художественного текста, цифровой медиатекст изначально располагает объемной поликодовостью: он объединяет вербальные элементы, визуальные шаблоны, графическое оформление, интонационные маркеры (в аудио- и видеоконтенте), а также платформенные особенности распространения. Комическое возникает на пересечении этих уровней и не сводится к отдельной языковой

игре, а конструируется как результат взаимодействия знаков различной природы.

Одним из наиболее показательных явлений русскоязычного сегмента сети является меметическая переработка прецедентных высказываний. Фраза «*Денег нет, но вы держитесь*» в цифровой среде превратилась в универсальный иронический шаблон. В медиакоммуникации данное высказывание утратило первоначальный политический контекст и стало символом ситуации дефицита – материального, эмоционального или временного. Например, в студенческом дискурсе подпись «*Стипендия пришла. Денег нет, но вы держитесь*» сопровождается изображением пустого банковского счёта или ироничной реакции персонажа. Комический эффект здесь строится на интертекстуальном узнавания источника и на переносе официально-публичного регистра в бытовую плоскость. Таким образом, комическое функционирует как механизм символической адаптации общественно значимого высказывания к повседневному опыту.

Другой важный пласт цифрового комического связан с переработкой культурного наследия советского кинематографа. Цитаты из фильма «Бриллиантовая рука» регулярно актуализируются в медиасреде. Реплика «*Будем искать*» используется как универсальный ответ на любую проблему – от пропавших наушников до сложного математического задания. В цифровом формате эта фраза часто сопровождается кадром с характерной мимикой персонажа, что усиливает комический эффект за счёт визуального кода. Здесь наблюдается наложение нескольких уровней: текстового (цитата), визуального (кадр из фильма), культурного (память о советском кинематографе) и прагматического (ироническое отношение к незначительной проблеме). Комическое возникает как результат контраста между драматической интонацией оригинала и тривиальностью новой ситуации [3, С. 89].

Особую роль в русскоязычном цифровом дискурсе играет самоироничный повседневный нарратив. Распространён формат мемов с внутренним диалогом: «*Я: лягу спать в 23.00. Также я в 2.18 ночи: смотрю случайное видео*». Структура подобного медиатекста основана на семантическом противопоставлении намерения и действия. Комизм создаётся через эффект узнавания и коллективного опыта. При этом цифровая форма: точное указание времени, графическое разделение реплик, визуальное сопровождение – все это выступает не просто оформлением, а значимым компонентом знаковой структуры. Число «*2.18*» выполняет функцию гиперболизированного маркера ночной бессонницы, усиливая достоверность и тем самым комический эффект.

Многоуровневость комического проявляется и в языковой креативности. Русскоязычные пользователи активно создают окказиональные образования: «*перепонял*», «*недовыспался*», «*переотдохнул*». Подобные формы строятся на осознанной гиперболизации словообразовательных моделей. С

точки зрения медиалингвистики, данные конструкции являются проявлением игровой деривации, где морфологический уровень становится источником комического. Однако в цифровой среде такие слова почти всегда сопровождаются визуальным или ситуативным контекстом – фотографией усталого человека, фрагментом переписки или эмодзи. Следовательно, комическое формируется не только на уровне слова, но и в совокупности с визуальным и прагматическим кодами.

Отдельного внимания заслуживает абсурдистский минимализм, характерный для части русскоязычного контента. Изображение кота с подписью «*Я просто лежу*» иллюстрирует стратегию намеренного снижения информативности. Содержательная «пустота» текста вступает в противоречие с экспрессивностью изображения, создавая эффект иронической самоочевидности. Комическое здесь функционирует как реакция на информационную перегруженность цифровой среды, где минимализм становится своеобразной формой метакомментария к избыточности коммуникации.

Таким образом, анализ русскоязычного цифрового дискурса показывает, что комическое реализуется как сложная стратифицированная структура, включающая лексико-семантический, визуальный, интертекстуальный и прагматический уровни. Каждый из них может выступать доминирующим, однако полноценный комический эффект возникает только при их взаимодействии. Цифровая коммуникация усиливает эту многослойность за счёт технических и алгоритмических особенностей медиаплатформ, обеспечивающих быстрое тиражирование и вариативность меметических форм. Комическое в цифровой среде не является статичным феноменом. Оно представляет собой динамическую систему знаков, способную оперативно реагировать на изменения социального контекста, трансформировать культурные коды и формировать коллективные модели интерпретации [4, С. 59]. Именно эта многослойность и гибкость делают комическое ключевым элементом современного русскоязычного медиадискурса.

Список использованной литературы

1. Шейнов В. П. Юмор как способ влияния / В. П. Шейнов. – Москва : Питер, 2016. – 239 с. – Текст : непосредственный.

2. Панченко Н. Н. Колкость в современной российской коммуникации: функциональный аспект / Н. Н. Панченко. – Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. – 2021. – № 9 (162). – С. 92-96.

3. Фефелова Г. Г. Исследование комического дискурса через призму языка и культуры / Г. Г. Фефелова, А. Г. Анисимова. – Текст : непосредственный // Вопросы прикладной лингвистики. – 2025. – № 57. – С. 71-97.

4. Фефелова Г. Г. Гелотолингвистика: к обоснованию выделения понятия как нового понимания феномена смеха / Г. Г. Фефелова. – Текст : непосредственный // Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № S1. – С. 54-66.

Кодирова Ф. Ю., докторант,
Каршинский государственный университет,
Республика Узбекистан, г. Карши
E-mail: fazilatkodirova21@gmail.com

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В ЗАГЛАВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО СМЫСЛОВОЙ КОМПРЕССИИ

Статья посвящена анализу словосочетаний, функционирующих в заглавиях художественных текстов, как одного из средств смысловой компрессии. В работе выявляются и классифицируются основные типы словосочетаний, используемых в заглавиях, анализируется их семантическая и функциональная нагрузка, а также их роль в раскрытии авторского замысла. Особое внимание уделяется способности словосочетаний-заглавий выполнять номинативную и прагматическую функции, формируя направление интерпретации художественного текста. Исследование выполнено с использованием структурно-семантического и функционально-стилистического методов анализа. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по лингвистике текста и стилистике художественной речи.

Ключевые слова: заглавие художественного текста, словосочетание, смысловая компрессия, семантика, художественный текст, номинация, прагматика, авторский замысел.

Kodirova F. Yu., Ph. D.,
Karshinsky State University,
Republic of Uzbekistan, g. Karshi
E-mail: fazilatkodirova21@gmail.com

PHRASES IN THE TITLES OF LITERARY TEXTS AS A MEANS OF SEMANTIC COMPRESSION

The article is devoted to the analysis of phrases functioning in the titles of literary texts as one of the means of semantic compression. The study identifies and classifies the main types of phrases used in titles, examines their semantic and functional load, and determines their role in revealing the author’s intention. Particular attention is paid to the ability of title-phrases to perform nominative and pragmatic functions, shaping the direction of interpretation of the literary text. The research is based on structural-semantic and functional-stylistic methods of analysis. The results obtained may be applied in further studies in text linguistics and stylistics of literary discourse.

Keywords: title of a literary text, phrase, semantic compression, semantics, literary text, nomination, pragmatics, author’s intention.

Введение. Современная гуманитарная наука ориентирована на изучение механизмов языковой репрезентации смыслов, обеспечивающих эффективную коммуникацию в условиях информационной насыщенности общества. В условиях модернизации филологического образования и развития междисциплинарных исследований возрастает необходимость системного анализа языковых средств, обеспечивающих смысловую компрессию. Одним из таких средств являются словосочетания, функционирующие в заглавиях художественных произведений. Несмотря на устойчивый интерес к проблеме заглавия, специфика словосочетаний как механизма смысловой компрессии, в частности в прозе А. П. Чехова, остаётся недостаточно разработанной. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Цель работы – выявить и систематизировать особенности словосочетаний в заглавиях художественных текстов (на материале рассказов А. П. Чехова) как средства смысловой компрессии и определить их функционально-семантическую роль в структуре произведения.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Рассмотреть теоретические подходы к изучению заглавия как структурно-смыслового компонента художественного текста.

2. Выявить структурные типы словосочетаний, представленных в заглавиях рассказов А. П. Чехова.

3. Определить роль словосочетаний-заглавий в формировании интерпретационного потенциала художественного текста.

Логика исследования выстроена от теоретического осмысления проблемы к структурному анализу языкового материала и последующей интерпретации полученных результатов.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– уточнено содержание понятия «смысловая компрессия» применительно к заглавиям художественных текстов;

– выявлены структурные модели словосочетаний, характерные для заглавий рассказов А. П. Чехова;

– показано, что словосочетание-заглавие функционирует как самостоятельная семантическая единица, обладающая свойствами свернутого текста.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в уточнении роли словосочетания как средства смысловой компрессии в структуре художественного текста и в развитии теории заглавия в рамках лингвистики текста. Полученные результаты расширяют представления о механизмах семантической концентрации в художественном дискурсе и могут быть использованы в преподавании курсов по лингвистике текста, стилистике русского языка и филологическому анализу произведений, а также

при разработке учебно-методических материалов и выполнении научно-исследовательских работ по филологии.

Основная часть. В прозе А. П. Чехова заглавия нередко оформлены в виде словосочетаний, обладающих высокой семантической ёмкостью и многозначностью. Такие названия, как *«Толстый и тонкий», «Человек в футляре», «Смерть чиновника», «Дама с собачкой»,* не только обозначают персонажа или ситуацию, но и имплицитно содержат оценку, социальную характеристику или философский подтекст. Именно словосочетание как форма заглавия позволяет Чехову в минимальном объёме задать направление интерпретации всего художественного текста. Несмотря на устойчивый интерес исследователей к поэтике заглавия, вопрос функционирования словосочетаний в заглавиях как средства смысловой компрессии остаётся недостаточно разработанным, что обусловливает актуальность настоящей статьи.

Обсуждения и результаты исследования. Организация начала текста, его абсолютно сильная позиция, показывает, на какое взаимодействие рассчитывает автор, какие требования предъявляет он к читателю. Смысловая компрессия реализуется за счёт семантической многоплановости компонентов словосочетания и их контекстуальной зависимости. Заглавие в форме словосочетания выступает как своеобразный «свернутый текст», смысл которого полностью раскрывается лишь в процессе чтения. Тем самым заглавие становится активным элементом художественной коммуникации, вовлекающим читателя в интерпретационный процесс.

В этом плане очень интересно и показательно рассуждение В.В. Конецкого о том, что «масса истинных деталей, и черточек, и происшествий, которые на самом деле были и случались, заложенная в книгу, превращается в так называемое в логике собирательное понятие, то есть в совокупность, которую следует рассматривать как такое целое, которое имеет уже со всем особые свойства, вовсе даже иногда отличные от свойств составляющих элементов».

Проведённый анализ показал, что в заглавиях рассказов А. П. Чехова преобладают именные словосочетания, обладающие высокой степенью обобщённости. Так, в названии *«Человек в футляре»* словосочетание носит метафорический характер и символизирует не только образ конкретного персонажа, но и тип сознания, замкнутого в рамках социальных и психологических ограничений. Смысловая компрессия здесь достигается за счёт переноса конкретного значения слова *футляр* в сферу абстрактных понятий.

В заглавии *«Толстый и тонкий»* словосочетание реализует приём контрастного сопоставления, отражая социальную иерархию и психологическую зависимость персонажей. Уже на уровне заглавия читателю предлагается схема интерпретации, которая затем разворачивается в тексте рассказа. Аналогичным образом в названии *«Смерть чиновника»* словосочетание концентрирует в себе как событийный, так и оценочный аспект, указывая на

трагикомический характер изображаемой ситуации. Таким образом, словосочетания в заглавиях чеховских рассказов функционируют как смысловые маркеры, задающие ключевые координаты художественного текста. «Кличка всегда должна быть «по шерсти», – считает Н. С. Лесков. И этой «шерстью» для самого писателя балы логика «цельного»

Заключение. В ходе исследования установлено, что словосочетания в заглавиях рассказов А. П. Чехова являются эффективным средством смысловой компрессии. Они обеспечивают концентрацию ключевых смыслов произведения, отражают авторский замысел и формируют направление читательской интерпретации. Структурно-семантическая организация словосочетаний-заглавий позволяет в минимальной языковой форме передать сложные социальные и психологические аспекты художественного содержания. Перспективы дальнейших исследований связаны с сопоставительным анализом словосочетаний-заглавий в разных языках, а также с изучением особенностей их перевода.

Список использованной литературы

1. Лесков Н. С. Собрание сочинений / Н. С. Лесков. – Москва : Правда, 1989. – Т. 12. – 448 с. – Текст : непосредственный.

2. Нижегородова Е. И. Заголовок лирического текста: сильная позиция или избыток? / Е. И. Нижегородова. – Текст : непосредственный // Известия Воронежского педуниверситета. – 1997. – С. 19-27.

3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1980. – 287 с. – Текст : непосредственный.

4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. –Москва : Наука, 1981. – 139 с. – Текст : непосредственный.

Швабовская А. А., обучающийся,
Мальцева И. Г., канд. филол. наук,
заведующий кафедрой, доцент
Уральский государственный педагогический университет,
Россия, Екатеринбург
E-mail: nshvabovskaya@list.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ГРАММАТИКИ: ОТБОР И СПОСОБЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Современная цифровизация образования подталкивает к созданию электронных лексикографических ресурсов, которые соответствовали бы актуальным стандартам представления учебного контента. Тем не менее, проблемы научного обоснования отбора и оформления грамматической информации в таких электронных словарях до сих пор недостаточно освещены

в научной литературе. В рамках данной работы ставится задача выработать принципы отбора лексических единиц для создания электронного словаря английского языка. Исследование будет основано на теоретическом анализе, сопоставлении существующих ресурсов. Научная значимость работы заключается в комплексном рассмотрении грамматической информации, которое учитывает системные взаимосвязи между языковыми единицами. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в разработке электронных учебных пособий, словарей и приложений для изучения английской грамматики.

Ключевые слова: электронная лексикография, грамматика, английский язык, отбор материала, способы представления, гипертекст.

Shvabovskaya A. A., student,
Maltseva I. G., Ph. D. (Philology),
Head of Department, Associate Professor
Ural State Pedagogical University,
Russia, Yekaterinburg
E-mail: nshvabovskaya@list.ru

ELECTRONIC LEXICOGRAPHY OF GRAMMAR: SELECTION AND METHODS OF PRESENTING MATERIAL

The modern digitalization of education is driving the creation of electronic lexicographic resources that meet current standards for presenting educational content. Nevertheless, the problems of scientifically substantiating the selection and presentation of grammatical information in such electronic dictionaries are still insufficiently covered in academic literature. This paper aims to develop principles for selecting lexical units for creating an electronic dictionary of the English language. The research will be based on theoretical analysis and a comparison of existing resources. The academic significance of the work lies in its comprehensive examination of grammatical information, which takes into account the systemic interrelations between linguistic units. The practical significance of the research is determined by the possibility of applying its results in the development of electronic textbooks, dictionaries, and applications for learning English grammar.

Keywords: electronic lexicography, grammar, English language, material selection, methods of presentation, hypertext.

Современный этап развития лингвистики и образования характеризуется активной цифровизацией лексикографических ресурсов. В нашем случаем мы будем рассматривать электронные словари. Итак, электронные словари прочно вошли в повседневную рутину для тех, кто изучает иностран-

ные языки (в нашем случае английский язык), вытесняя «традиционные» печатные издания благодаря своим преимуществам, таким как: мобильность, компактность, скорость, обширность. Но, к сожалению, далеко не все электронные ресурсы используют потенциал, которая дает им цифровая среда, таким образом, они зачастую просто остаются электронной копией своего бумажного «родителя». Мы будем рассматривать данную проблему в области грамматики английского языка, где линейность печатного издания противоречит удобству пользователя в предоставлении материала и связи между различными языковыми явлениями. Несмотря на существование электронных словарей по грамматике английского языка и различных справочников, вопросы отбора материала и его презентация в цифровом мире до настоящего времени являются недостаточно разработанными.

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей ролью электронных ресурсов в сфере образования языкам, а также в преодолении разрыва между современными технологиями и устоявших, но устаревших методов лексикографического описания грамматики. Еще один важный аспект – потребность в создании научно обоснованной модели электронного грамматического словаря, которая способна стать эффективным инструментом формирования грамматической компетенции учащихся. Результаты данной работы могут быть применены при разработке различных онлайн-платформ (мобильные приложения, электронные пособия и т.д.) для изучения английского языка, что подчеркивает ее *научно-практическую значимость.*

Новизна работы заключается в комплексном подходе к решению поставленной проблемы. Не только систематизируется существующие критерии отбора грамматического материала для словаря, но и предлагается его оригинальная модель, которая имеет возможности гипертекстовой среды. В данной работе в отличии от большинства существующих исследований, которые рассматривают электронные словари, как инструменты для перевода, мы делаем акцент на специфику описания грамматических явлений.

Целью исследования является выявление и систематизация принципов отбора грамматических единиц для их включения в электронный словарь английского языка, а также выявление оптимальных способов их презентации в цифровом формате.

Для достижения поставленной цели мы определили следующие *задачи*:

1. Анализ теоретических материалов в области электронной лексикографии, а также выявление существующих подходов для описания грамматического материала;

2. Провести сравнительно-сопоставительный анализ существующих электронных словарей с целью выявления их преимущества и недостатков;

3. Разработать модель словарной статьи (микроструктура);

4. Сформулировать практические рекомендации по использованию разработанной модели.

Объектом исследования является процесс лексикографического описания грамматики английского языка в цифровой среде.

Предметом исследования является принципы макроструктуры и микроструктуры электронного учебного словаря грамматики английского языка.

Методика исследования

Разработка лексикографических основ электронного словаря по грамматике английского языка проводилась поэтапно и основывалась на комплексе научных методов. Как отмечает В. В. Дубичинский, словарь представляет собой сложную систему, требующую продуманного моделирования и четкой структуры [4, С. 108].

На *первом этапе* был проведён теоретический анализ научных работ по традиционной и электронной лексикографии. Существенное значение имели труды Л. В. Щербы, который заложил основы отечественной теории лексикографии [8]. При определении принципов отбора грамматического материала мы опирались на положения В. Г. Гака о типологии словарей и зависимости структуры словаря от его целей [3]. Идеи Ю. Д. Апресяна помогли уточнить соотношение грамматической и лексической информации в словарной статье [1]. Вопросы учебной лексикографии, напрямую связанные с нашей темой, рассматривались в работах О. М. Карповой, подчеркивающей необходимость учитывать потребности изучающих язык [6, С. 112].

На *втором этапе* был проведён сравнительный анализ современных электронных словарей и грамматических справочников. По наблюдению Л. В. Ступниковой, многие электронные ресурсы фактически повторяют структуру печатных словарей и не используют полностью возможности цифрового формата [7, С. 108]. Анализ проводился по следующим параметрам:

1) состав грамматических единиц;
2) структура словарной статьи;
3) способы представления информации (таблицы, схемы, иллюстрации);
4) наличие гипертекстовых ссылок.

Третий этап включал лексикографическое моделирование, то есть разработку макроструктуры (общих принципов отбора и организации материала) и микроструктуры (структуры словарной статьи). В исследованиях по компьютерной лексикографии подчеркивается, что при создании электронного словаря необходимо учитывать не только лингвистические, но и технические особенности цифровой среды. В качестве методологической основы была использована концепция «инвариантной словарной статьи» В. В. Дубичинского, предполагающая включение в статью полной информации о заголовочной единице [4, С. 109].

Кроме того, словарь рассматривался как коммуникативная система. И. В. Балканов указывает, что словарь – это не только справочник, но и средство передачи информации от автора к пользователю, что требует учета адресата и его целей [2, С. 110].

Принципы отбора грамматического материала (макроструктура)

В ходе исследования были сформулированы основные критерии отбора грамматических единиц. Формирование словника является ключевым этапом создания словаря, поскольку от него зависит полнота и практическая ценность ресурса.

Первый критерий – частотность употребления. В словарь включаются наиболее употребительные грамматические явления, что обеспечивает его практическую направленность.

Второй критерий – коммуникативная значимость. В словник входят не только отдельные формы, но и важные синтаксические конструкции (used to do, be going to, формы с герундием и инфинитивом). Это позволяет сделать словарь полезным для формирования навыков речи.

Третий критерий – системные связи. Отбор осуществляется с учетом взаимосвязей между грамматическими явлениями (синонимия, противопоставление, трансформации). По мнению Ю. Д. Апресяна, грамматика должна представляться как система взаимосвязанных элементов [1, С. 65].

Четвёртый критерий – трудности усвоения. В словарь включаются грамматические темы, которые вызывают наибольшие затруднения у изучающих язык (артикли, согласование времен, косвенная речь).

Модель словарной статьи (микроструктура)

Разработанная модель словарной статьи сочетает традиционные принципы лексикографии и возможности цифрового формата. Электронный словарь позволяет представить информацию более наглядно и структурированно.

Статья включает следующие элементы:

- Заголовочная единица. Представляется в стандартной форме, принятой в грамматике (например, инфинитив для глагола).
- Грамматическая характеристика. Содержит сведения о части речи, грамматических категориях и особенностях употребления.
- Зона правила. Краткое и понятное описание грамматического явления. В электронном формате возможно использование таблиц и схем.
- Зона примеров. Приводятся аутентичные примеры, демонстрирующие реальное употребление конструкции. Л. В. Щерба подчеркивал важность иллюстративного материала в словаре [8, С. 285].
- Зона гипертекстовых связей. Содержит ссылки на связанные грамматические темы. Например, статья о be going to связана со статьями will и Present Continuous.

- Медиазона. Включает аудиоматериалы и при необходимости видео, что расширяет обучающие возможности словаря.
- Зона диагностики. Может содержать упражнения или тесты для самопроверки.

Таким образом, модель словарной статьи ориентирована на удобство пользователя и эффективное усвоение материала.

Гипертекстовая организация

Одним из ключевых результатов исследования стало обоснование гипертекстовой структуры как основного принципа построения электронного словаря. Гипертекст позволяет представить грамматику не как набор отдельных правил, а как единую систему.

Выделяются два уровня организации:

Макроуровень – связи между различными статьями; *микроуровень* – внутренние связи внутри одной статьи.

Такая структура соответствует современному пониманию словаря как коммуникативной системы, ориентированной на потребности пользователя.

Проведённое исследование было направлено на разработку лексикографических основ электронного словаря по грамматике английского языка. Основное внимание уделялось принципам отбора грамматического материала и способам его представления в цифровом формате. Все поставленные задачи были выполнены, цель исследования достигнута.

Основные результаты исследования

В ходе теоретического анализа и сравнительного изучения существующих электронных ресурсов были получены следующие выводы:

Во-первых, установлено, что многие современные электронные грамматические словари фактически сохраняют структуру печатных изданий и недостаточно используют возможности цифровой среды, особенно гипертекстовую организацию материала. Это снижает их эффективность в формировании целостной грамматической компетенции.

Во-вторых, были определены основные критерии отбора грамматических единиц для электронного словаря (макроструктура): частотность употребления; коммуникативная значимость; наличие системных (парадигматических) связей; трудности усвоения, возникающие у изучающих язык.

Применение этих критериев позволяет сформировать словник, ориентированный на реальные потребности пользователей.

В-третьих, разработана модель словарной статьи (микроструктура), объединяющая положения классической лексикографии и возможности цифрового формата. Предложенная модель включает следующие элементы: заголовочную единицу, грамматическую характеристику, правило, примеры, гипертекстовые связи, медиазону и зону диагностики. Особое значение имеет система гипертекстовых ссылок, обеспечивающая переход к связанным грамматическим темам и формирование системного представления о грамматике.

Гипотеза исследования подтвердилась. Эффективность электронного грамматического словаря повышается, если: его структура основана на гипертекстовом принципе, а не только на линейном алфавитном расположении материала; отбор грамматических единиц осуществляется с учётом их частотности и коммуникативной значимости.

Таким образом, в работе сформулированы теоретически обоснованные и практически ориентированные принципы создания электронного словаря по грамматике английского языка, которые могут быть использованы при разработке современных образовательных ресурсов.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю. Д. О грамматике в словаре и словаре в грамматике / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики. – 1995. – С. 58-73.
2. Балканов И. В. Словарь как справочник, текст и коммуникативная система / И. В. Балканов. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-1 (69). – С. 109-113.
3. Гак В. Г. О типах словарей / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. – 1988. – С. 15-26.
4. Дубичинский В. В. Микроструктура инвариантного словаря / В. В. Дубичинский. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4. – С. 107-113.
5. Каменева Н. А. Лексикографическое моделирование современной англоязычной терминологии в электронных словарях / Н. А. Каменева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2014. – № 6-1 (36). – С. 78-82.
6. Карпова О. М. Лексикография английского языка : учеб. пособие / О. М. Карпова. – Москва : Академия, 2010. – 176 с. – Текст : непосредственный.
7. Ступникова Л. В. Электронные словари: история, типология, преимущества и недостатки / Л. В. Ступникова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета : Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 105-112.
8. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба. – Текст : непосредственный // Языковая система и речевая деятельность. – 1974. – С. 265-304.

Герман К. В., обучающийся,
Жумабекова А. К., докт. филол. наук, профессор,
Казахский национальный педагогический университет
имени Абая Кунанбаева
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: a.zhumabekova@abaiuniversity.edu.kz
german.kristina.00@icloud.com

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ Г. ПИНТЕРА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ» В АСПЕКТЕ ПОЭТИКИ АБСУРДА (на материале перевода В. Денисова)

В данной статье осуществляется комплексный лингвосемиотический анализ переводов пьесы Гарольда Пинтера «Возвращение домой», концентрирующийся на исследовании диалектического единства вербальных и невербальных компонентов художественной системы в их взаимосвязи с культурными кодами и смыслообразующими элементами поэтики абсурда.

Ключевые слова: лингвосемиотический анализ, поэтика абсурда, вербальные и невербальные компоненты, Г. Пинтер, перевод.

German K. V., Student,
Zhumabekova A. K., D. of Philology, Professor,
Abai Qunanbaiuly Kazakh National Pedagogical University
Republic of Kazakhstan, Almaty
E-mail: a.zhumabekova@abaiuniversity.edu.kz
german.kristina.00@icloud.com

LINGUOSEMIOTIC ANALYSIS OF H. PINTER'S PLAY "THE HOMECOMING" TRANSLATION IN THE CONTEXT OF THE POETICS OF THE ABSURD (Based on V. Denisov's Translation)

This article presents a comprehensive linguosemiotic analysis of translations of Harold Pinter's play "The Homecoming." The study focuses on the dialectical unity of the verbal and non-verbal components of the artistic system in their interrelation with cultural codes and the meaning-forming elements of the poetics of the absurd.

Keywords: linguosemiotic analysis, poetics of the absurd, verbal and non-verbal components, Harold Pinter, translation.

На рубеже XX – XXI веков драматургия абсурда становится не только театральным феноменом, но и важным объектом межкультурной коммуникации. Пьесы Гарольда Пинтера, лауреата Нобелевской премии 2005 года, продолжают ставиться на сценах разных стран, однако их восприятие во

многом обусловлено культурным контекстом реципиента. Британская эстетика драматурга с её специфическими речевыми регистрами, имплицитными смыслами и особым отношением к невербальной коммуникации создаёт значительные трудности при переносе в инокультурную среду. Как отмечается в формулировке Нобелевского комитета, новаторство Пинтера заключается в «раскрытии пропасти между обыденностью и входом в закрытые пространства подсознания» – эта характеристика точно определяет суть его художественного метода, построенного на диалектике сказанного и невысказанного.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения механизмов взаимодействия языковых и культурных кодов в переводе драматургического текста. Лингвосемиотический подход, рассматривающий текст как единство разнородных знаковых систем, позволяет выявить те культурно обусловленные элементы, которые формируют уникальный «пинтеровский» эффект, и оценить степень их сохранения при межкультурном переводе.

Целью работы является комплексный лингвосемиотический анализ перевода пьесы Г. Пинтера «Возвращение домой», направленный на выявление стратегий передачи вербальных и невербальных компонентов её художественной системы в их связи с британскими культурными кодами и поэтикой абсурда.

Гарольд Пинтер является одной из ключевых фигур в развитии поэтики абсурда в драматургии XX века. Его творчество основывается на таких особенностях, как отходом от традиционной нарративной логики, использованием многозначных диалогов, смыслообразующих пауз и подтекста, где истинный смысл зачастую скрыт не в произносимых словах, а в том, что остается невысказанным или недосказанным. Истинное содержание пьес часто раскрывается не в произносимых словах, а в том, что остаётся невысказанным. С культурологической точки зрения, «пинтеровская» драматургия представляет собой своеобразное соединение британской коммуникативной традиции с эстетикой европейского театра абсурда. Британская речевая культура характеризуется сдержанностью, недосказанностью и иронической дистанцией, что находит отражение в структуре диалогов Пинтера.

Как отмечает Мартин Эсслин в фундаментальном исследовании «The Theatre of the Absurd», драматургия абсурда строится на разрушении привычных логических и языковых структур. В подобных пьесах язык утрачивает способность передавать устойчивые значения, а коммуникация между персонажами часто оказывается фрагментарной и нарушенной. В результате молчание, паузы и невербальные элементы приобретают самостоятельную смысловую ценность и становятся важнейшими компонентами художественной системы. В своем анализе «Возвращения домой» теоретик театра абсурда подчеркивает, что именно паузы, а не слова, становятся основ-

ным инструментом создания эмоционального напряжения. По мысли Эсслина, эти моменты тишины выполняют важнейшую драматургическую функцию: они обнажают скрытые механизмы власти, невысказанные конфликты и подлинную динамику семейных отношений, заставляя зрителя вслушиваться в подтекст происходящего [6].

Лингвосемиотика рассматривает художественный текст как сложную систему знаков, включающую как языковые, так и паравербальные элементы. По мнению Р. Барта, текст представляет собой «пространство множественных смыслов», в котором различные знаковые системы взаимодействуют между собой [3, С. 8-9]. В драматургии это взаимодействие проявляется особенно ярко: речь персонажей, ремарки, жесты, паузы и интонации формируют единую семиотическую структуру.

Изучение перевода произведений Пинтера приобретает особую сложность, поскольку переводчику необходимо передать не только буквальный смысл высказываний, но и весь комплекс скрытых значений, заключенных в паузах, интонациях и жестах. Вербальные и невербальные компоненты в его пьесах неразрывно связаны, и игнорирование этого единства ведет к утрате авторской символики и эстетики оригинала. Лингвосемиотический подход, рассматривающий текст как систему знаков, включающую языковые и неязыковые элементы, представляется наиболее продуктивным для анализа подобных художественных систем.

При переводе драматургии абсурда деятельность переводчика не ограничивается передачей образного строя и значений в иную культурную среду. Ключевой сложностью становится воссоздание той зыбкой смысловой ауры, которая проступает сквозь внешнюю алогичность текста. «Пинтеровский» эффект, составляющий уникальность авторского стиля, требует от переводчика умения донести логическую бессвязность, парадоксальность и абсурд происходящего.

Рассмотрим ниже перечисленные примеры:

ИТ: *LENNY: What? **(Pause)** What?* [5, С. 9].

ПТ: *ЛЕННИ: Что? **(Пауза)** Что?* [1, С. 11].

Пауза выступает знаком нарастания скрытой агрессии и прерывания коммуникации; повтор реплики – символ нарушения логической последовательности, элемент абсурда.

Диалектическое единство вербальных и невербальных компонентов

В драматургии Гарольда Пинтера вербальные и невербальные средства взаимодействуют в рамках диалектического единства, создавая ту самую атмосферу абсурда. Так, ремарки Г. Пинтера часто несут скрытую семантическую нагрузку.

1. Макс и Тедди:

ИТ: *MAX: We're talking about the same thing. **(Pause)***

*TEDDY: **Are we?*** [5, С. 23].

ПТ: *МАКС: Мы говорим об одном и том же. **(Пауза)***

ТЕДДИ: ***Неужели?*** [1, С. 25-26].

Вербально выражено утверждение единства, однако пауза и реплика Тедди создают эффект недоверия. В оригинале вопрос Тедди нейтрален («Are we?»), что оставляет пространство для множественных интерпретаций. В переводе он приобретает ироничную окраску («Неужели?»). Это решение адаптирует текст под ожидания русского читателя, привыкшего к более экспрессивному выражению сомнения, но одновременно снижает степень абсурдной неопределенности, заложенной в подлиннике.

2. Джоуи и Рут:

ИТ: *JOEY: I'm* ***not*** *going to go. (He remains seated.* ***Pause.)*** [5, С. 26].
ПТ: *ДЖОУИ: Я* ***не*** *пойду. (Он остается сидеть.* ***Пауза.)*** [1, С. 28].

Трехчастная структура «вербальный отказ + неподвижность + пауза» создает в этом эпизоде многозначный семиотический образ. Молчание Джоуи, будучи формой пассивного сопротивления, становится маркером его внутренней субъектности. В контексте всей пьесы подобные невербальные элементы играют роль не столько коммуникативных, сколько композиционных скреп: они организуют ритмическую партитуру диалога и генерируют ощущение скрытой угрозы, характерное для «пинтеровской» драматургии.

Влияние культурных кодов на перевод

Восприятие и интерпретация пьес Пинтера во многом опосредованы культурным контекстом реципиента. Британская эстетика драматурга, с ее специфическими речевыми регистрами и имплицитными смыслами, ставит перед переводчиком дилемму: сохранить букву оригинала, рискуя затемнить смысл для инокультурного читателя, или адаптировать культурные коды, жертвуя отдельными нюансами аутентичности.

ИТ: *MAX: You're* ***a dog.*** [5, С. 37].
ПТ: *МАКС: Ты –* ***собака.*** [1, С. 41].

В оригинале «dog» – оскорбление с оттенком презрения. В британской культуре это слово несет дополнительный смысловой оттенок: «dog» может означать не только «собаку», но и «подлеца», «ничтожество» с оттенком социального осуждения. В русском контексте негативный смысл сохранен, однако британская сдержанность в оскорблениях отчасти утрачена. Вариант «пёс» мог бы лучше передать стилистическую окраску, сохранив и уничижительность, и оттенок «служения», присутствующий в британском культурном коде. Выбор нейтрального «собака» снижает культурную специфику высказывания.

ИТ: *LENNY: This is a load of* ***old crap.*** [5, С. 38].
ПТ: *ЛЕННИ: Это* ***полная чушь.*** [1, С. 42].

Английское выражение содержит элемент вульгарности и указывает на нечто устаревшее и бесполезное. Русский эквивалент «полная чушь» смягчает экспрессию и теряет семантику «старения». Более точным куль-

турным соответствием могло бы стать «старый хлам», сохраняющее и вульгарность, и смысл бесполезной старины. Однако переводчик выбирает нейтральный вариант, что приводит к частичной утрате социальной окраски оригинала.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что культурный код оригинала напрямую детерминирует восприятие переводчиком лексических единиц и степени их экспрессивности. В связи с этим уместно вспомнить наблюдение В. Б. Кашкина о парадоксальной природе перевода: образ, закрепленный средствами исходного языка, должен быть «пересобран» средствами языка переводящего, зачастую асимметричными оригиналу. Критерием успеха при этом становится способность результата такого «двойного расчленения» обрести новую жизнь в восприятии читателя, сохранив идентичность оригинальному замыслу [4, С. 6]. Применительно к британской речевой специфике это означает, что переводчик выстраивает стратегию, балансируя между нормами принимающей культуры, природой исходного текста и собственным профессиональным видением.

Смыслообразующие элементы поэтики абсурда

Абсурдистская эстетика Пинтера реализуется через систему приемов, направленных на деструкцию традиционной нарративной логики: циклические повторы, семантическую опустошенность реплик и немотивированность событий. Задача переводчика – распознать в этих кажущихся «нелогичностях» авторскую интенцию и сохранить их в тексте перевода как маркеры идиостиля драматурга.

ИТ: *(Silence.)* [5, С. 2] *(They all sit motionless.)* [5, С. 63] *(The door opens, no one enters.)* [5, С. 71]

ПТ: *(Тишина)* [1, С. 3] *(Все сидят неподвижно)* [1, С. 65] *(Дверь открывается, никто не входит)* [1, С. 74]

Приведенные ремарки образуют самостоятельный семиотический ряд, параллельный диалогическому: они не просто сопровождают действие, но создают его подспудный смысловой фон. Тишина, застывшие фигуры персонажей и открывающаяся в никуда дверь визуализируют крушение коммуникативных связей. В переводе В. Денисова данный комплекс невербальных элементов сохранен полностью, благодаря чему атмосфера ирреальности и экзистенциальной безысходности, характерная для финала пьесы, передана адекватно оригиналу.

Таким образом, проведенный лингвосемиотический анализ пьесы «Возвращение домой» подтверждает, что ее художественная целостность зиждется на неразрывном единстве вербального и невербального. Паузы, молчание и подтекст несут смысловую нагрузку, сопоставимую с диалогом, формируя уникальную атмосферу абсурда и скрытой угрозы. Как отмечает Стивен Х. Гейл, новаторство Пинтера заключается в способности преобразовывать обыденное в необыкновенное, наполняя повседневные взаимодей-

ствия чувством непредсказуемости. Тишина в его пьесах становится ключевым инструментом создания саспенса: отсутствие речи заставляет зрителя всматриваться в язык тела и контекст, чтобы расшифровать подлинные эмоции персонажей.

Перевод В. Денисова в целом успешно передает структуру оригинального текста, особенно в отношении пауз и ремарок. Однако при передаче культурно маркированной лексики наблюдается тенденция к стилистической нейтрализации, что в отдельных случаях приводит к частичной утрате культурной специфики. Адекватный перевод драматургии Пинтера предполагает не только точную передачу языковых единиц, но и воссоздание сложной семиотической системы оригинала, в которой смысл формируется как через произнесенные слова, так и через молчание, паузы и подтекст. Дальнейшее изучение механизмов трансляции культурных кодов в переводе драматургии абсурда представляется перспективным направлением на стыке филологии и культурологии.

Список использованной литературы

1. Пинтер Г. Возвращение домой / Г. Пинтер. – Москва : АСТ, 2010. – 187 с. – Текст : непосредственный.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. – 544 с. – Текст : непосредственный.
3. Барт Р. S/Z / Р. Барт. – Изд. 2-е, исправ. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с. – Текст : непосредственный.
4. Кашкин В. Б. Введение в теорию перевода (лингвистические аспекты) : учебное пособие / В. Б. Кашкин. – Москва : Флинта, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.
5. Pinter H. The Homecoming / H. Pinter. – London : Faber and Faber, 1965. – 96 p. – Text : direct.
6. Esslin M. The Theatre of the Absurd / M. Esslin. – London : Penguin Books, 1961. – 368 p. – Text : direct.

Жумабекова А. К., докт. филол. наук,
Қайрат А. Ж., обучающийся,
Казахский национальный педагогический
университет имени Абай,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: aya20kairat05@gmail.com

ПЕРЕВОД ФИЛЬМА КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ФИЛЬМЕ «КАШ»

В статье анализируются особенности перевода национально-культурных элементов в английской версии фильма «Қаш». На основе сопостави-

тельного анализа рассматривается передача фразеологизмов, метафор, пословиц и культурных реалий. Особое внимание уделяется переводческим трансформациям и стратегиям доместикации и форенизации, а также их влиянию на сохранение культурной специфики и восприятие фильма иностранной аудиторией.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, национально-культурный код, фразеологические единицы, культурная адаптация, доместикация, форенизация, переводческие трансформации, фильм «Каш».

Zhumabekova A. K., D. of Philological Sciences,
Kairat A. Z., student,
Abai Kazakh National Pedagogical University,
Republic of Kazakhstan, Almaty
E-mail: aya20kairat05@gmail.com

FILM TRANSLATION AS A MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: LINGUISTIC AND CULTURAL TRANSFORMATIONS IN THE FILM “KASH”

The article analyzes the translation of national and cultural elements in the English version of the film Kash. Through comparative analysis, it examines the rendering of phraseological units, metaphors, proverbs, and cultural realia. Special attention is given to translation transformations and the strategies of domestication and foreignization, as well as their impact on preserving cultural specificity and shaping the perception of the film by foreign audiences.

Keywords: audiovisual translation, national-cultural code, phraseological units, cultural adaptation, domestication, foreignization, translation transformations, the film “Kash”.

Введение: Перевод художественных фильмов представляет собой сложный процесс межкультурной коммуникации, поскольку кинотекст включает не только языковую информацию, но и широкий спектр культурных и исторических значений. В аудиовизуальном произведении диалоги, фразеологические выражения, метафоры и культурные реалии выполняют не только коммуникативную, но и художественно-смысловую функцию. Они формируют национальный колорит произведения и отражают особенности мировоззрения народа, что делает их передачу на другой язык особенно сложной задачей.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к казахстанскому кинематографу и необходимостью его представления на международном уровне. В условиях глобализации и расширения межкультурного диалога перевод аудиовизуальных произведений становится важ-

ным инструментом популяризации национальной культуры. Особое значение при этом приобретает передача культурно маркированных элементов, таких как фразеологизмы, метафоры, пословицы и национальные реалии. Фильм «Каш» является значимым произведением современного казахстанского кинематографа, отражающим важные страницы национальной истории. Диалоги фильма насыщены образными выражениями и культурными реалиями, что делает его продуктивным материалом для переводческого анализа.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей передачи национально-культурного содержания при переводе диалогов фильма «Каш» на английский язык. Исследование основано на сравнительном анализе оригинальных реплик и их переводов. В работе рассматриваются такие переводческие приемы, как семантическая перестройка, конкретизация, обобщение, экспликация, описательный перевод и функциональный эквивалент.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе способов передачи культурно маркированных элементов казахского кинотекста в английском переводе. Теоретическая значимость работы связана с уточнением особенностей передачи национально-культурных элементов в аудиовизуальном переводе, а практическая значимость заключается в возможности применения результатов исследования в обучении переводчиков и в практике перевода кинотекстов.

Основная часть.

Оригинал	**Перевод на английский язык**
Ит-құсты айтпағанда, жол торыған қарақшы жыртылып айырылады [12:32]	The road is full of starving deserters

В данном примере наблюдается значительная трансформация исходной фразеологической структуры. Выражение «ит-құсты айтпағанда» представляет собой гиперболическое и образное средство выражения, характерное для национальной языковой картины мира и подчеркивающее крайнюю степень опасности ситуации. Однако в переводе данный образ не воспроизводится, а содержание высказывания передается в более нейтральной и обобщенной форме. Кроме того, словосочетание «жол торыған қарақшы жыртылып айырылады» трансформируется и заменяется выражением *starving deserters*, что свидетельствует о семантическом упрощении исходного высказывания. В данном случае применяются такие переводческие трансформации, как обобщение и смысловая адаптация. Экспрессивно окрашенное выражение оригинала заменяется более универсальным и понятным обозначением. Таким образом, данный пример демонстрирует реализацию стратегии доместикации, при которой перевод ориентирован на восприятие

целевой аудитории и предполагает частичную утрату национально-культурной образности исходного текста.

Оригинал	Перевод на английский язык
Басымды бәйгеге тіге алмаймын, не үшін екенін білесіз	I cannot leave this place, you know why

Следующий пример также демонстрирует применение стратегии доместикации. В данном диалоге фразеологическое выражение передано посредством семантической перестройки и трансформации конкретизации. Выражение «басымды бәйгеге тігу» представляет собой устойчивый фразеологизм казахского языка, обладающий образной и метафорической семантикой; в буквальном смысле оно означает готовность поставить свою жизнь на риск. Однако в рассматриваемом контексте это выражение передаёт чувство ответственности героя и его отказ идти на риск. В переводе указанная национально-образная конструкция не сохраняется: вместо неё используется нейтральная форма, обозначающая конкретное действие – “I cannot leave this place”. Таким образом, скрытый образный смысл заменяется прямым описанием ситуации, что приводит к снижению экспрессивности высказывания. В данном случае реализуется трансформация конкретизации, поскольку обобщённая метафорическая идея передаётся через конкретное действие. Отсутствие национальной фразеологической окраски и представление текста в понятной и естественной форме для целевой аудитории свидетельствуют о применении стратегии доместикации. Переводчик отдаёт предпочтение коммуникативной ясности и доступности текста, а не сохранению культурно-языковых особенностей оригинала.

Оригинал	Перевод на английский язык
Адамдар бір-біріне қасқырша қарайды [19:29]	People kill each other for a piece of bread and ready to eat the weakest

В следующем примере также отчетливо проявляются содержательные и структурные трансформации в процессе перевода. Реплика из оригинала «Адамдар бір-біріне қасқырша қарайды» переведена на английский язык как “People kill each other for a piece of bread and ready to eat the weakest”. Использованное в оригинале выражение «қасқырша қарайды» представляет собой метафорическую, образную конструкцию. В данном случае жестокость и недоверие между людьми передаются посредством скрытого сравнения, то есть действие не описывается напрямую, а лишь подразумевается через эмоционально-образный намёк. Экспрессивность этой метафоры тесно связана с национальным мировоззрением и выражена в лаконичной

языковой форме. В переводе данная метафора не сохраняется; вместо неё используется более конкретное и драматизированное описание действий: люди «убивают друг друга ради куска хлеба» и «готовы съесть слабейшего». В этом случае происходит семантическая перестройка, поскольку образное сравнение заменяется прямым описанием действий. Кроме того, в переводе появляются дополнительные смысловые элементы, отсутствующие в оригинале, что позволяет рассматривать данный прием как трансформацию смыслового расширения (экспликации). Усиление уровня жестокости в переводе свидетельствует об экспрессивной интенсификации: образное сравнение преобразуется в гиперболизированное и более конкретное описание. В результате национальная метафора утрачивается, а содержание высказывания реконструируется в эмоционально усиленной форме. С точки зрения переводческой стратегии данный пример можно отнести к доместикации, поскольку национально-образная структура оригинала не сохраняется, а высказывание представлено в более прямой и понятной для целевой аудитории форме. Вместе с тем усиление драматического эффекта свидетельствует о стремлении переводчика интерпретативно переработать исходный текст, чтобы подчеркнуть трагизм описываемой ситуации.

Оригинал	**Перевод на английский язык**
-Асық таптыңыз ба? -Асық? [14:10]	Did you find any sheep bones? Assyk?

Диалог из оригинала «– Асық таптыңыз ба? – Асық?» переведен на английский язык как “Did you find any sheep bones? – Assyk?”. В данном примере можно наблюдать использование двух различных переводческих приемов при передаче национально-культурной реалии. В первой реплике слово «асық» передано как “sheep bones” посредством описательного перевода. В данном случае переводчик применяет прием смыслового разъяснения, стремясь сделать национальное понятие более понятным для иностранной аудитории. Во второй реплике слово «Assyk?» сохраняется в форме транслитерации, то есть национальное название передается без изменений. Подобный подход соответствует основным стратегиям, описанным в теории перевода. В частности, переводовед Lawrence Venuti выделяет две основные стратегии перевода – доместикацию и форенизацию. В своей работе *The Translator’s Invisibility* он отмечает, что доместикация направлена на адаптацию текста к культуре целевой аудитории и обеспечение его понятности, тогда как форенизация предполагает сохранение культурной специфики оригинала. В рассматриваемом диалоге наблюдается одновременное применение обеих стратегий: в первой реплике национальная реалия передается посредством пояснения и адаптации (доместикация), тогда как во второй ре-

плике сохраняется оригинальное название, что позволяет подчеркнуть культурную специфику исходного текста (форенизация). Таким образом, даже в коротком диалоге переводчик сочетает две различные переводческие стратегии, что демонстрирует гибкость и интерпретационный характер процесса перевода [1].

Оригинал	**Перевод на английский язык**
Көп жасағанды емес көп көргеннен сұра [58:00]	Experience is the mother of wisdom

В данном примере казахская пословица передана на английский язык посредством смыслового эквивалента. В оригинале пословица «Көп жасағанды емес, көп көргеннен сұра» выражает мысль о том, что мудрость человека определяется не его возрастом, а жизненным опытом. Здесь народное мировоззрение представлено в краткой и поучительной афористической форме. В английском переводе используется выражение “Experience is the mother of wisdom”, которое является широко распространённым изречением в англоязычной культуре. Переводчик не стремится сохранить структурную форму оригинальной пословицы, а использует готовый паремиологический эквивалент, передающий её основное содержание. Подобный подход в переводоведении характеризуется как использование функционального эквивалента, при котором сохраняется не буквальная структура исходного выражения, а его смысловой и прагматический эффект. В результате перевод воспринимается английским зрителем естественно и понятно.

Заключение: В ходе исследования был проведён анализ перевода диалогов фильма «Каш» на английский язык, в результате чего были выявлены особенности передачи национального содержания. Результаты анализа показали, что при переводе фразеологических выражений, метафор, пословиц и национально-культурных реалий используются различные переводческие трансформации. Среди них наиболее часто применяются семантическая перестройка, конкретизация, обобщение, смысловое расширение, описательный перевод и функциональный эквивалент. Во многих примерах переводчик стремится сделать текст более понятным для целевой аудитории, изменяя или сокращая национально-образные структуры. Это свидетельствует о преобладании стратегии доместикации в переводе. Вместе с тем сохранение отдельных национальных названий в неизменном виде указывает на использование элементов форенизации. В целом перевод фильма предполагает не столько полное сохранение национального культурного содержания, сколько его интерпретацию в новой языковой и культурной среде. В связи с этим выбранные переводчиком стратегии и приёмы оказывают непосредственное влияние не только на передачу идейного содержания фильма, но и на его восприятие зрительской аудиторией. Это ещё раз

подтверждает, что аудиовизуальный перевод является важным инструментом межкультурной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Díaz-Cintas J. Subtitling / J. Díaz-Cintas. – London : Routledge, 2018. – 260 p. – Text : direct.
2. Díaz Cintas J., Remael A. Audiovisual Translation : Subtitling / J. Díaz Cintas, A. Remael. – Manchester : St. Jerome Publishing, 2007. – 46 p. – Text : direct.
3. Chaume F. Audiovisual Translation: Dubbing / F. Chaume. – Manchester : St. Jerome Publishing, 2012. – 145 p. – Text : direct.
4. Baker M. In Other Words : A Coursebook on Translation / M. Baker. – London : Routledge, 1992. – 10 p. – Text : direct.
5. Venuti L. The Translator's Invisibility : A History of Translation / L. Venuti. – London : Routledge, 1995. – 20 p. – Text : direct.

Попкова В. А., учитель русского языка и литературы,
МКОУ СОШ № 3,
Россия, г. Нововоронеж
E-mail: vikapopkova2002@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ФОЛЬКНЕТА И СЕТЕРАТУРЫ К НЕЙРОЛИТЕРАТУРЕ

В статье анализируются феномены постсовременного народного творчества и современного литературного процесса, а именно такие их явления, как фолькнет, сетература и нейролитература. Фолькнет, как интернет-фольклор, генеалогически восходит к традиции устного народного творчества, хотя и трансформирует фольклорные жанры. В свою очередь сетература и нейролитература представляют собой уникальные интерактивные формы существования художественного текста.

Ключевые слова: литература, сетература, нейролитература, фолькнет, компьютерный роман, искусственный интеллект.

Popkova V. A., teacher of russian language and literature,
MKOU Secondary School № 3
Russia, Novovoronezh
E-mail: vikapopkova2002@mail.ru

THE MODERN LITERARY PROCESS: FROM FOLKNET AND ELECTRONIC LITERATURE TO NEUROLITERATURE

This article analyzes the phenomena of postmodern folklore and contemporary literary development, specifically such phenomena as folknet, electronic

literature and neuroliterature. Folknet, as internet folklore, has its genealogical roots in the tradition of oral folklore, although it transforms folkloric genres. Electronic literature and neuroliterature, in turn, represent unique interactive forms of literary text.

Keywords: literature, electronic literature, neuroliterature, folknet, computer novel, artificial intelligence.

Современный литературный процесс XXI века представляет собой сложный и многообразный феномен, в котором текст функционирует в совершенно различных форматах: от интерактивного и сетевого до гипертекстового и нейросетевого. Причём возникновение новых форматов и форм существования фольклора и художественной литературы способствует также появлению новых жанров, трансформирующих как архетипические фольклорные модели, так и традиционно литературные.

Так, о «сетературе» литературоведы размышляли на рубеже XX – XXI столетий: «Виртуальная реальность «сетературы» – новый модус развития литературного процесса <...> выводит его далеко за пределы, обозначенные реальным способом существования художественной литературы» [3, С. 6]. Важным замечанием относительно постсовременной литературы является следующий факт, говорящий о деидеологизации русской культуры и литературного творчества: «Современная литература особенно в её постмодернистской ипостаси утрачивает своё гражданское звучание. Она не влияет и не хочет влиять на умы своих соотечественников, нравственно совершенствуя общество. Общество же устало от политики, от нравоучений, его интерес сейчас обращён к массовой культуре». Современный литературный процесс может быть представлен не только традиционной и авангардной художественной литературой, но и сетевой литературой, нейросетевой литературой: генеративной прозой, нейропоэзией и др. [4].

Кроме литературы, особый интерес вызывает явление, по-разному определяемое в различных научных исследованиях, но часто редуцируемое к понятию «интернет-фольклор», который в целом может быть охарактеризован как «... система... представляющая собой гипертекстуальную базу данных, сравнимую с бесконечной картотекой из ссылок на различные источники» [8, С. 186-187]. Фольклорные формы функционируют в современной интернет-культуре в качестве произведений виртуальной этнокультуры или фолькнета, существующего в рамках «двоичной логики машинного кода» [9, С. 125]. Помимо творческой логики фолькнета, существует также призракологика, репрезентирующая формы «небытийствующего» в рамках хронотопа былички, бывальщины, крипипасты. При этом на основании призракологики базируется цифровая фольклорная демонология [5]. Пожалуй, главной особенностью фолькнета является его креативный потенциал: «Любой человек может стать художником в Интернете, а объектом его субъективного творчества может выступать не только внешний предмет, но и и он

сам. Анонимные пользователи в Сети творят фолькнет и репрезентируют самих себя в качестве виртуальных артефактов фолькнета» [6, С. 30]. Одним из самых популярных жанров интернет-фольклора является интернет-мем [7].

Сетература и нейролитература на сегодняшний день уже обладает рядом классических (образцовых) художественных текстов, в числе которых «Полдень» М. Джойса (1990), «Роман» Р. Лейбова (1995), «Дурной договор» С. Лукьяненко (2018), «Пытаясь проснуться» П. Пепперштейна (2022) и др. «Роман» эстонского филолога Р. Лейбова стал первым русским гиперромаником или компьютерным романом, ведущим жанром сетературы. Произведение возникло как экспериментальный проект, который не мог быть напечатан в традиционном формате и существовал только в виртуальном пространстве. Главным принципом компьютерного романа является его гипертекстуальность и принципиальная открытость текста как незамкнутой семиотической системы, который пользователи Сети могут свободно «дописывать». В романе рассказывается история юноши по имени Роман, который подходит к двери любимой девушки, опускает в почтовый ящик письмо с признанием в любви, а затем слышит, как на верхней лестничной площадке она целуется с другим. В отчаянии он уходит, но на следующий день девушка звонит ему сама и говорит о том, что всегда любила только его. Описанная история является лишь завязкой произведения, от которой начинают расходиться ветви текстового гипердерева. Наиболее примечательной является одна из сюжетных веток, в которой та же самая история рассказывается с точки зрения почтового ящика. Для гиперромана как произведения сетературы, как и для виртуальных артефактов фолькнета, характерно коллективное авторство.

Русская нейросетевая литература представляет собой результат сотрудничества человека с искусственным интеллектом. Сам по себе ИИ несёт безусловную экзистенциальную и культурную угрозу, что связно с ситуацией «неопределённости», описанной ещё У. Эко: «Если создатель нейросети переживает, что он не может дать ответ, насколько она обладает пониманием того, что делает, то это совершенно очевидный факт, что ситуация неопределённости в этой сфере огромная».

Нейролитература становится всё более заметным феноменом современного литературного процесса. Сама по себе нейролитература включает в себя «... произведения различных родов и жанров: нейролирику, нейрорассказы, нейрофанфики...» [2, С. 394]. Нейросетевая литература в контексте сетевой литературы представляет собой художественный и технологический эксперимент, расширяющий границы понимания литературного и художественного творчества, а также сущность художественной литературы как таковой. Фолькнет, сетература и нейролитература базируются на принципах постмодернистской эстетики: «В целом сетературу с постмодерниз-

мом сближает виртуальность художественного мира, игнорирование объективной реальности и творение мира-текста («мир как текст»), и не одного, а множества миров, вторичность постмодернистской фигуры, игровой характер творчества, ирония как форма отношения к жизни...» [1, С. 123].

Фолькнет, сетература и нейролитература представляют собой три разнонаправленных вектора развития современной интернет-культуры, каждый из которых при этом связан друг с другом. Фолькнет представляет собой новую формацию народного творчества (при этом статус «народности» необходимо понимать иначе) и существует внутри постфольклора, описанного С. Ю. Неклюдовым, как особого состояния фольклора после традиционных аграрных фольм, отрывающихся от пралогического мифологического мышления. Постфольклор состоит из городского и цифрового фольклора, концептуально связанного с устным народным творчеством и традиционными архетипическими фольклорными моделями и жанрами. Фолькнет или интернет-фольклор, как это следует из обозначения явления, не может существовать вне Интернета и в этом смысле сетевые феномены и артефакты фолькнета ограничены виртуальным пространством, хотя они и проникают в повседневность.

Сетевая литература или сетевая словесность, ставшая результатом функционирования художественной литературы в Сети, возникла как технологический эксперимент и сегодня продолжает влиять на читателей уже через продукты киберлитературы, о которых написан ряд новейших исследований. Нейросетевая литература становится очередным витком развития художественной литературы в контексте цифровой эпохи, когда семиотические границы текста оказались чрезмерно размытыми не только по причине актуализации постмодернистской текстоцентричной онтологии, но и в связи с бурным развитием Интернета, сложной системы коммуникации, построенной на базе гипертекста.

Таким образом, сверхмногообразие литературного процесса XXI века объясняется активным развитием различных форм цифровых медиа и кинематографии, появлением новых форматов существования художественной литературы, позволяющих ей выйти за собственные пределы, ограниченные структурой текста. Более того, кроме фолькнета, «сетературы», нейролитературы становится возможным говорить о киберлитературе и её ключевом жанре: визуальной новелле. Важно подчеркнуть, что каждая из литературных формаций и компонент современного литературного процесса тесно связана между собой: фолькнет использует платформы «сетературы» для распространения продуктов постсовременного народного творчества, авторы «сетературы» при этом могут применять нейронные сети для генерации идей, а сами нейросетевые артефакты в конечном итоге становятся объектом пародии и начинают существовать уже как произведения виртуальной этнокультуры.

Ключевым принципом, объединяющим как фолькнет, так и сетературу и нейролитературу, является концепция текстоцентризма, являющаяся смысловым ядром постмодернистской эстетики: «В фолькнете отражается постмодернистская картина мира, для которой утрачивается различимость между реальным и ирреальным» [9, С. 125]. Виртуальное или ирреальное составляет бытийную основу гипетекста, Интернета, современной интернет-культуры, симулятивной и призрачной.

Список использованной литературы

1. Гаджиев А. А. О. Русская сетевая литература : история, типология и поэтика / А. А. О. Гаджиев. – Текст : непосредственный // Этнодиалоги. – 2020. – № 4 (62). – С. 104-132.

2. Дворцова Н. П. Нейролитература как феномен современного литературного процесса / Н. П. Дворцова. – Текст : непосредственный // Русская литература XX-XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения) : материалы VIII Междунар. науч. конф. – Москва, 2023. – С. 394-397.

3. Удодова А. Б. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / А. Б. Удодова. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2002. – 139 с. – Текст : непосредственный.

4. Миронова И. Нейродискурсы и поэтическая речь / И. Миронова. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 1(167). – С. 244-252

5. Мудрая М. В. Демонология фольклора и фолькнета / М. В. Мудрая, В. Р. Морозова, А. А. Олейников. – Текст : непосредственный // Молодой учёный – будущее страны : материалы межрегион. конф. – Воронеж, 2025. – С. 136-142.

6. Олейников А. А. Грибы в интернет-мифологии: от мифа к мифотворчеству в фолькнете / А. А. Олейников. – Текст : непосредственный // Общество и человек. – 2025. – № 2 (53). – С. 26-33.

7. Олейников А. А. Интернет-мем как феномен смехового мира фолькнета / А. А. Олейников, М. В. Мудрая. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания : материалы всерос. науч.-практ. форума. – Воронеж, 2023. – С. 235-239.

8. Олейников А. А. Онлайн-энциклопедии как жанр фолькнета / А. А. Олейников. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания : материалы всерос. науч.-практ. форума. – Воронеж, 2024. – С. 186-190.

9. Олейников А. А. Фолькнет и фольклор: сравнительный анализ / А. А. Олейников, С. В. Савинков. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания : материалы всерос. науч.-практ. форума. – Воронеж, 2022. – С. 124-126.

Жумабекова А. К., докт. филол. наук,
Сембек А. А., обучающийся,
Казахский национальный педагогический
университет имени Абай,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: sembek04@gmail.com

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В АНАЛИЗИРУЕМОМ МАТЕРИАЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ TEDx Astana)

Материалом исследования послужило выступление «Russian Language Is Our Postcolonial Heritage», представленное на платформе TEDx Astana. Исходным текстом является русскоязычная устная речь спикера**,** а объектом анализа – англоязычные субтитры, предназначенные для международной аудитории. Таким образом, перевод осуществляется в условиях аудиовизуального перевода, что предполагает ограничение по времени, синхронизацию с речью и учёт мультимодального контекста.

Ключевые слова: TEDx выступления, мультимодальный дискурс, перевод публичной речи, стратегии перевода, языковая адаптация, экспликация, компрессия, прагматическая трансформация, межкультурная коммуникация.

Zhumabekova A. K., D. of Philological Sciences,
Sembek A. A., student,
Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Republic of Kazakhstan
E-mail: sembek04@gmail.com

TRANSLATION STRATEGIES IN THE ANALYZED MATERIAL (BASED ON TEDX ASTANA MATERIALS)

The research material is the TEDx Astana talk titled «Russian Language Is Our Postcolonial Heritage». The source text is the speaker’s oral presentation in Russian, while the object of analysis is the English subtitles intended for an international audience. Thus, the translation is carried out in the context of audiovisual translation, which involves time constraints, synchronization with speech, and consideration of the multimodal context.

Key words: TEDx talks, multimodal discourse, public speech translation, translation strategies, linguistic adaptation, explicitation, compression, pragmatic transformation, intercultural communication.

Введение

Современные публичные выступления, в частности выступления формата TEDx Talks, всё чаще становятся объектом лингвистических и переводоведческих исследований. Это обусловлено их широкой международной аудиторией, междисциплинарной направленностью и активным использованием в образовательной среде. TEDx-выступления представляют собой особый тип публичного дискурса, ориентированного не только на передачу информации, но и на формирование определённого мировоззрения, эмоциональное воздействие и вовлечение слушателей в обсуждаемую проблему.

Международный характер TEDx Talks предъявляет повышенные требования к переводу таких текстов. Переводчик должен обеспечить сохранение не только предметно-логического содержания, но и прагматического эффекта оригинального выступления, а также культурно-специфических смыслов, заложенных спикером. В отличие от письменных текстов, публичные выступления характеризуются спонтанностью, разговорной лексикой, использованием риторических приёмов, личных историй и апелляций к опыту аудитории. Все эти особенности существенно усложняют процесс перевода и требуют применения гибких переводческих стратегий.

Особую сложность представляет тот факт, что TEDx-выступления относятся к мультимодальному типу дискурса. Вербальный текст здесь неразрывно связан с невербальными средствами коммуникации: интонацией, паузами, жестами, мимикой спикера, а также визуальным сопровождением в виде слайдов и графиков. В результате переводчик работает не только с языковым материалом, но и с совокупностью семиотических ресурсов, формирующих общее смысловое пространство выступления. Это требует учёта контекста ситуации общения и предполагаемой реакции целевой аудитории.

Актуальность настоящего исследования также определяется возрастающим интересом к переводу выступлений казахстанских спикеров, представленных на международных площадках. Такие выступления нередко затрагивают вопросы национальной идентичности, языковой политики, исторического и культурного наследия, что делает проблему адекватной передачи смыслов особенно значимой в межкультурном аспекте. В этом контексте перевод выступлений TEDx Astana представляет собой ценный материал для анализа переводческих решений в условиях межкультурной коммуникации.

Настоящая статья опирается на выступление «Russian Language Is Our Postcolonial Heritage», представленное на TEDx Astana. Анализ проводится на основе открытой расшифровки выступления и направлен на выявление и описание переводческих приёмов и стратегий, которые могут быть использованы при передаче культурно обусловленных концептов, прагматического воздействия и коммуникативной направленности оригинального текста. Рассматриваемые переводческие решения соотносятся с теоретическими положениями современной науки о переводе и могут быть использованы как в исследовательской, так и в образовательной практике.

Переводческие стратегии в анализируемом материале

Современные публичные выступления формата TEDx представляют собой уникальный объект анализа для переводоведов. Эти выступления рассчитаны на международную аудиторию, а значит, переводчик сталкивается с необходимостью сохранять смысл, эмоциональное воздействие и культурные реалии оригинального текста. В отличие от обычных письменных текстов, публичные выступления включают мультимодальный дискурс: вербальные и невербальные компоненты, такие как интонация, жесты, мимика и визуальные слайды, тесно взаимодействуют друг с другом. Все эти элементы создают комплексный смысловой контекст, который необходимо передать при переводе на другой язык.

В качестве материала исследования рассматривается русскоязычное выступление «Russian Language Is Our Postcolonial Heritage», представленное на TEDx Astana. Официальный английский перевод представлен в виде субтитров, что создаёт особые условия для анализа: перевод осуществляется с русского языка на английский, при этом необходимо учитывать ограничение по времени отображения текста и сохранение ключевых смыслов для международной аудитории.

Особое внимание в анализе уделяется стратегиями языковой и культурной адаптации. Русскоязычная речь спикера содержит культурно-специфические понятия, связанные с историческим и социальным контекстом постсоветского пространства. Например, фраза «Русский язык – это наше постколониальное наследие» в английских субтитрах передаётся как *Russian language is our postcolonial heritage*, что позволяет сохранить смысловую нагрузку и сделать выражение понятным для англоязычных слушателей, знакомых с концептами постколониализма. Переводчик сознательно выбирает лексику, привычную для академического и публичного дискурса, при этом избегая прямого буквального перевода, который мог бы создать культурные недопонимания. Такая адаптация помогает уменьшить дистанцию между спикером и международной аудиторией, сохраняя при этом смысловые нюансы и эмоциональный эффект оригинала.

Кроме адаптации, важную роль играет экспликация – раскрытие скрытых или неочевидных смыслов. Русскоязычная фраза «Этот язык объединяет людей разных национальностей» в субтитрах переводится как *This language unites people of different ethnic and cultural backgrounds*. В данном случае добавление уточняющего элемента «ethnic and cultural backgrounds» делает текст более прозрачным для аудитории, не знакомой с постсоветским контекстом, и позволяет избежать неправильного толкования термина «национальности», который в английском языке чаще ассоциируется с гражданством. Экспликация выполняет важную коммуникативную функцию, помогая международной аудитории правильно интерпретировать социально-культурное значение русского языка.

Особую сложность при переводе TEDx выступлений создаёт необходимость компрессии текста. Субтитры должны быть краткими, чтобы зритель успевал их прочесть, при этом не теряя смысловой нагрузки. Например, русскоязычное высказывание «Этот язык остаётся мостом между поколениями, помогая нам общаться, понимать друг друга и сохранять общественное единство» в английских субтитрах сокращается до *This language remains a bridge between generations, fostering understanding and unity*. В этом сокращении опущены повторяющиеся элементы, но ключевая метафора «мост между поколениями» и идея единства остаются, что позволяет сохранить основную мысль и эмоциональный эффект.

При этом переводчик применяет прагматическую трансформацию, ориентируясь на реакцию международной аудитории. Смысл перевода заключается не только в буквальном соответствии текста, но и в сохранении коммуникативного воздействия, риторической убедительности и мотивационного эффекта. Такой подход соответствует принципу динамической эквивалентности, предложенному Э. Найдой, согласно которому адекватность перевода определяется не формальным соответствием слов, а сопоставимостью коммуникативного эффекта на целевую аудиторию. В условиях мультимодального дискурса прагматическая трансформация помогает сделать перевод эмоционально и когнитивно убедительным для зрителей, которые могут не знать исходного культурного контекста.

Использование TEDx выступлений в образовательной практике открывает широкие возможности для подготовки переводчиков. Работа с аутентичными материалами позволяет анализировать реальные переводческие решения, выявлять стратегии адаптации культурно-специфических реалий, компрессии и прагматической трансформации, а также развивать способность к интерпретации мультимодального дискурса. Студенты учатся видеть, как культурные, социальные и исторические контексты влияют на выбор стратегии перевода, и осваивают навыки межкультурной коммуникации.

Следовательно, анализ русскоязычного TEDx выступления с английскими субтитрами показывает, что перевод публичной речи требует комплексного применения различных стратегий. Языковая и культурная адаптация, экспликация, компрессия и прагматическая трансформация позволяют сохранить смысл, риторическую силу и коммуникативную направленность оригинала. Перевод становится не простым переносом слов, а инструментом международной коммуникации, обеспечивающим понимание, эмоциональное вовлечение и межкультурный обмен.

Использование данных стратегий делает перевод TEDx выступлений эффективным инструментом в образовательной практике, способствуя развитию профессиональной компетенции будущих переводчиков и углублению межкультурного понимания.

Список использованной литературы

Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – London : Prentice Hall, 1988. – 72 p. – Text : direct.

Козлова Л. Н., канд. филол. наук, доцент,
Тураев Т. Ю., обучающийся,
Брянский государственный технический университет,
Россия, г. Брянск
E-mail: lyu-k@mail.ru
tim.turaev2016@yandex.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ИГРЫ СЛОВ В АНТРОПОНИМАХ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ФИЛЬМА «ЗВЕРОПОЛИС 2»)

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу имен собственных с элементами игры слов в мультипликационном фильме «Зверополис 2» и его переводных русскоязычных версиях. Описываются особенности семантики антропонимов и их функционал. Дается характеристика основных способов их перевода на русский язык.

Ключевые слова: игра слов, антропоним, приближенный перевод, транскрипция, транслитерация

Kozlova L. N., Ph. D., Associate Professor
Turaev T. Y., student,
Bryansk State Technical University,
Russia, Bryansk
E-mail: lyu-k@mail.ru
tim.turaev2016@yandex.ru

ELEMENTS OF WORDPLAY IN ANTHROPONYMS (BASED ON THE ANIMATED FILM “ZOOTOPIA 2”)

The article is devoted to a comparative analysis of proper names with elements of wordplay in the animated film “Zootopia 2” and its translated Russian-language versions. The semantics features of anthroponyms and their functionality are described. The main ways of their translation into Russian are characterized.

Keywords: wordplay, anthroponym, approximate translation, transcription, transliteration

Игра слов как весьма распространённый стилистический приём заключает в себе некую языковую неправильность, которая выражается в преднамеренном и очевидном нарушении языковой нормы [1, С. 53]. Функционал игры слов достаточно широко варьируется от фонетического, базирующегося главным образом на звукоподражании, до лексико-семантического, грамматического и т.д. Опираясь на образную, чаще метафорическую структуру, игра слов всегда направлена на привлечение внимания, создание своеобразного юмористического фона [2, С. 412].

Как правило, игра слов заключается в переосмыслении семантики составных компонентов устойчивых словосочетаний и идиом, замены буквального значения на переносное и наоборот. Или же в противопоставлении значения компонентов сложного слова его семантики в целом [3, С. 211].

Своеобразие и экспрессивный потенциал данного лингвистического явления во многом определяет актуальность и новизну предлагаемой работы, направленной на изучения игры слов в мультипликационном фильме «Зверополис» в сопоставлении с его переводным русскоязычным вариантом.

Следует отметить, что трудности перевода игры слов объясняются различными причинами, к которым можно отнести отсутствие иноязычных эквивалентов, несовпадения омонимичного ряда, специфику контекста, важного для верного толкования языковой игры, а также необходимость адаптации переводного текста к его техническому воплощению на экране [1, С. 54].

Практическим материалом послужили антропонимы с элементами игры слов, полученные методом сплошной выборки при изучении субтитров мультипликационного фильма «Зверополис 2» в сопоставлении с русскоязычными переводами студий MovieDalen, LostFilm и RedHeadSound.

Рассмотрим основные способы перевода выявленных нами примеров.

1. Приближенный перевод

Фамилия *Bellwether* в английском языке обозначает вожака стада, барана с колокольчиком, за которым следуют остальные, а в переносном смысле имеет семантику *лидер, вожак* относительно человека. В переводах всех трёх студий данная фамилия передается как *Мисс Барашкис*, таким образом сохраняется отсылка к барану, но важный компонент значения, связанный с лидерством, теряется. Суффиксальный элемент *-кис* оформляет слово как фамилию и задаёт иностранное звучание.

Bloats в оригинале является говорящей фамилией, отсылает к глаголу *to bloat* (раздуваться). LostFilm и и MovieDalen переводят фамилию как *Брюхенс*, подчеркивая большое брюхо бегемота. RedHeadSound выбрали другой путь, назвав персонажа *Пухленс*, что тоже указывает на полноту, но с более мягкими оценочными коннотациями по сравнению с оригиналом. Суффикс *-енс* в обоих вариантах имитирует иноязычное звучание.

Имя *Bogo* образовано методом усечения от *mbogo*, что на языке суахили имеет значение *буйвол, зубр, бизон*. На русский язык данный антропоним переводится как *Буйволсон* (RedHeadSound и MovieDalen) и *Бойволсон* (LostFilm). Суффикс *-сон* создает игру слов, имитируя иноязычность, однако отсылки к суахили не сохраняется.

Brian Winddancer буквально означает *Брайан, танцующий с ветром*. В русском дубляже студии MovieDalen и LostFilm перевели данный антропоним как *Брайан Ржевальский*, а RedHeadSound – как *Брайн Пржевальский*, создавая игру слов за счет отсылки к лошади Пржевальского, что мгновенно считывается русской аудиторией.

Flash в оригинале – короткое говорящее имя, ассоциирующиеся со вспышкой, быстротой. Комическое здесь заключается в том, что данное имя принадлежит ленивцу. На русский язык все студии переводят указанный антропоним как *Блиц*, что также ассоциируется с быстрым темпом, и сохраняет семантическую специфику оригинала.

2. Перевод компонента антропонима в сочетании с транскрипцией

Игра слов в фамилии гепарда *Clawhauser* в оригинале основывается на сочетании лексемы *claw* (коготь) и компоненте *-hauser*. Во всех трёх русских версиях антропоним передан как *Когтяузер*, так что первый компонент переводится межъязыковым соответствием, а второй – способом транскрипции, сохраняя ощущение иностранной фамилии. В результате перевод можно считать близким к оригиналу по смыслу и по форме.

Имя *Dr. Fuzzby* образовано от лексемы *fuzz* (пух, пушинка), отсылая к пушистости персонажа. В версиях LostFilm и MovieDalen при переводе используется вариант *доктор Няшби*, сленговый корень *няш-* несет в себе дополнительную коннотацию милоты и вызывает у зрителя схожую позитивную реакцию, хотя акцент смещается от пушистости к умилительности. В переводе RedHeadSound встречается соответствие *доктор Мышби*, в котором корень *мыш-* создаёт неверную ассоциацию с мышью и вводит в заблуждение, поскольку персонаж является квоккой. Суффиксальный элемент *-би* в обоих русских вариантах оформляет слово как фамилию и поддерживает иностранное звучание.

3. Перевод компонента антропонима в сочетании с суффиксальным способом словообразования

Игра слов в фамилия *Hoggbottom* в оригинале построена на грубом комическом сочетании (*hog* – кабан, *bottom* – просторечное обозначение ягодиц). В версиях LostFilm и MovieDalen она передана как *Боровский*, таким образом первый компонент переводится синонимом с большей стилистической отмеченностью, компенсируя грубость опускаемого второго компонента. Кроме того, слово *боров* в русском языке имеет характерологические коннотации, а суффиксальный элемент *-ский* создаёт полноценную фамилию. В переводе RedHeadSound используется вариант *Хрюндли*, который

звучит значительно мягче и комичнее, однако корень *хрю-* имеет больше ассоциаций с домашней свиньей, и, на наш взгляд, *Боровский* выглядит более удачной адаптацией.

В антропониме *Lynxley* компонент *lynx* (рысь) задаёт видовую отсылку и делает фамилию говорящей. В русских версиях она передается как *Рысевич*, что можно считать удачной адаптацией. Суффикс *-евич* является типичным для польских, украинских и белорусских фамилий.

4. Транслитерация

Mr. Big – в оригинале это *мистер Большой*, главарь, но все студии локализовали это прозвище как *мистер Биг*, из-за чего зрителю, не знающему английского языка, будет непонятна игра слов, так как под прозвищем *Mr. Big* скрывается крошечная землеройка.

Фамилия *Truffler* образована от *truffle* (трюфель). Трюфелем называют кабана, который потенциально может искать грибы с аналогичным названием. В версиях LostFilm и MovieDalen выбран вариант *Трюфлер*, представляющий собой транслитерацию и весьма точно передающий игру слов. У RedHeadSound встречается форма *Трюфель*, она тоже понятна зрителю и сохраняет отсылку к грибам.

5. Транскрипция

Игра слов в антропониме *Pawbert* заключается в сочетании компонента *paw* (лапа) и мужском имени *Robert*. При переводе на русский язык все студии прибегают к транскрипции, используя вариант *Пуберт*, вследствие чего игра слов теряется. Как кажется, версии *Лапберт* или *Лаперт* могли бы сохранить игру слов и передать сопутствующую дополнительную семантику.

Таким образом можно сделать вывод, что антропонимы с элементами игры слов, представленные в мультипликационном фильме «Зверополис 2», в большинстве своем довольно точно передаются на русский язык. Самым частотным способом перевода является приближенный перевод, также игра слов в ряде антропонимов сохраняется за счет сочетания перевода и суффиксального способа словообразования.

Список использованной литературы

1. Подкопаева О. И. Проблемы перевода игры слов на русский язык / О. И. Подкопаева. – Текст : непосредственный // Вестник Калужского университета :Исследования по филологии. – 2025. – № 1 (11). – С. 52-58.

2. Бабенко О. В. Игра слов : способы перевода в паре русский – английский и сохранение ее образности / О. В. Бабенко. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2025. – № 2. – С. 412-415.

3. Коломиец Е. А. К вопросу о проблемных аспектах перевода игры слов / Е. А. Коломиец, М. Г. Гаджимурадова. – Текст : непосредственный // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2024. – № 5-1. – С. 210-216.

Попова М. И., доцент кафедры
английского языка и перевода,
Зыкова А. В., обучающийся,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова,
Республика Саха (Якутия), г. Якутск
E-mail: nmi.popova@s-vfu.ru
ameliasirius05@gmail.com

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ МЕГИНО-КАНГАЛАССКОГО УЛУСА: ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается происхождение названия Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия) в историческом, лингвистическом и топонимическом аспектах. Анализируются административно-территориальные предпосылки формирования улуса, а также интерпретации компонентов его названия, представленные в научной литературе и исторических преданиях. Обосновывается значение топонимических исследований для сохранения историко-культурной памяти региона.

Ключевые слова: топонимика, ойконимия, Мегино-Кангаласский улус, происхождение названия, историческая память, региональная культура, этнотопонимика, Якутия.

Popova M. I., Associate Professor of the
Department of English Language and Translation,
Zykova A. V., student,
North-Eastern Federal University named
after M. K. Ammosova,
Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk
E-mail: nmi.popova@s-vfu.ru
ameliasirius05@gmail.com

THE ORIGIN OF THE NAME OF THE MEGINO-KANGALASSKY ULUS: A HISTORICAL AND TOPONYMIC PERSPECTIVE

The article examines the origin of the name of the Megino-Kangalassky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) from historical, linguistic, and toponymic perspectives. It analyzes the administrative and territorial prerequisites for the formation of the ulus, as well as interpretations of the components of its name presented in scholarly literature and historical legends. The article substantiates the importance of toponymic studies for preserving the historical and cultural memory of the region.

Keywords: toponymy, oikonymy, Megino-Kangalassky Ulus, origin of the name, historical memory, regional culture, ethnographic toponymy, Yakutia.

Relevance of the study. The study of place names is of particular importance in the modern humanitarian context, since it corresponds to the social and state demand for preserving historical memory, regional identity, and cultural heritage. At present, special attention is paid to local history, ethnocultural education, and the inclusion of regional material in the educational process. In this regard, the study of the origin of the names of Yakut settlements is relevant not only from a linguistic point of view but also from historical, cultural, and educational perspectives. Geographical names preserve valuable information about the past, reflect the worldview of the people, and contribute to the formation of patriotic attitudes and respect for one's native land.

Every locality, whether inhabited or uninhabited, has its own name and its own history. Place names are not accidental combinations of sounds; they emerge in a certain historical, cultural, and linguistic environment. Even when their meanings are not immediately clear to modern speakers, they often preserve traces of archaic vocabulary, names of tribes and clans, historical events, and ancient beliefs. Therefore, the study of toponymy makes it possible to better understand the cultural memory of a people.

The Megino-Kangalassky Ulus is one of the historically significant territories of the Republic of Sakha (Yakutia). The origin of its name, as well as the names of its naslegs, reflects important ethnocultural and linguistic processes. For this reason, the topic has both scientific and practical value.

The aim of the study is to investigate the origin of the name of the Megino-Kangalassky Ulus and to identify the historical and toponymic features of the names connected with this territory.

The objectives of the study are: to analyze literature on toponymy and regional history related to the topic; to clarify the concepts of toponymy and oikonymy; to examine the historical formation of the Megino-Kangalassky Ulus in the administrative-territorial and folklore aspects; to describe the historical and linguistic interpretation of the name "Megino-Kangalassky" and several names of the naslegs of the ulus.

The novelty of the study lies in the attempt to systematize historical, linguistic, and folklore data on the origin of the name of the Megino-Kangalassky Ulus within one research text and to interpret this name as a cultural and historical marker of regional identity.

The theoretical significance of the study consists in clarifying the role of toponymy and oikonymy as sources for the study of regional history, language development, and ethnocultural continuity.

The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in history lessons, regional studies courses, extracurricular educational activities, and university courses devoted to local history, linguistics, and culture of the Republic of Sakha (Yakutia).

Research methods. The study is based on theoretical analysis of scientific literature, descriptive analysis, and the method of interpretation of historical and toponymic data.

A geographical name is an essential element of cultural and historical space. Toponymy is the branch of linguistics that studies geographical names, their origin, meaning, development, spelling, and pronunciation. The term toponymy comes from the Greek words topos meaning "place" and onoma meaning "name." The totality of geographical names within a given territory constitutes its toponymy.

Toponymy plays an important role in reconstructing the historical past of peoples. It helps identify settlement areas, trace language contacts, determine the boundaries of former ethnic groups, and reveal the geography of cultural and economic development. For this reason, toponymy is often metaphorically called "the language of the earth," since geographical names preserve valuable information about peoples, their occupations, migration routes, and social memory.

A related concept is oikonymy, that is, the study of the names of inhabited places such as cities, villages, settlements, and other localities. Oikonymy is a branch of toponymy and is especially significant in regional studies because it reflects both linguistic processes and the material and spiritual culture of the population.

The territory of the present-day Megino-Kangalassky Ulus has a long administrative and historical past. In the middle of the nineteenth century, as a result of a series of administrative-territorial reforms, the naslegs of two uluses emerged on this territory: the Meginsky Ulus and, from 1860, the Eastern Kangalassky Ulus. In 1860, the Kangalassky Ulus was divided into the Western Ulus, which included nineteen naslegs, and the Eastern Kangalassky Ulus, which included twelve naslegs. This administrative-territorial structure remained generally unchanged until the end of the nineteenth century.

The Megino-Kangalassky Ulus was officially formed on February 10, 1930, by merging two historically established Yakut uluses, Meginsky and Eastern Kangalassky [1, P. 92]. The ulus occupies an area of 11.6 thousand square kilometers, which is 0.38% of the territory of the Republic of Sakha (Yakutia) [1, P. 92]. Its administrative center is Nizhny Bestyakh, located on the right bank of the Lena River opposite Yakutsk. The ulus borders the Ust-Aldansky Ulus to the north, the Churapchinsky Ulus to the northeast, the Amginsky Ulus to the southeast, the Khangalassky Ulus to the south, and the Yakutsk urban district to the west.

The name of the ulus, Megino-Kangalassky (Menge Khangalas), has a complex and multi-layered origin. The first component, Menge, is regarded as an

ancient name. In legends, it is interpreted as an anthroponym. According to E.K. Pekarsky, its origins go back to ancient Turkic vocabulary, where it is associated with meanings such as “eternal,” “enduring,” “vast,” and “immeasurable.” In this interpretation, the word is linked with notions of permanence, infinity, and sacred space. G.F. Sivtsev also notes that the word Menge may be connected with the meanings “grave,” “cemetery,” or “tombstone,” which gives the term an additional semantic dimension.

In Old Turkic, words of similar form are associated with the meanings “eternal,” “monument,” “infinity,” and “permanence.” This suggests that the component Menge has a deep historical and linguistic background. According to available interpretations, the name gradually expanded its semantic scope: first as an anthroponym, and later as an ethnonym connected with the name of a clan [2, P. 123].

The second component, Khangalas, is also of ancient origin and is regarded as an ethnonym. Researchers point to a possible connection between the name of the Yakut tribe Khangalas and the Turkic tribal union Kangle. Historical evidence concerning the Kangle appears in written monuments dating back to the second century BC. The special role of the Khangalas clan in the history of the Sakha people indirectly confirms the antiquity and significance of this name [3, P. 25].

Among the names of the uluses of Yakutia, the name Khangalas is considered one of the most ancient and symbolically significant. In the Yakut cultural tradition, it is treated as a sacred name associated with the founder of the ulus. In this case, an anthroponym developed into a toponym, which reflects a typical mechanism in the formation of place names [2].

Thus, the name Megino-Kangalassky combines historical, ethnocultural, and linguistic layers. It preserves information about ancient clan names, ethnonyms, and lexical elements that can be traced back to early Turkic language history. This confirms that the toponymy of the ulus is not only a linguistic phenomenon but also an important source for understanding the history and cultural identity of the Sakha people.

The study of the names of the naslegs of the Megino-Kangalassky Ulus also has considerable value. Such names reflect local natural features, settlement history, clan structure, and traditional worldview. Their collection and interpretation may serve as the basis for a short historical and toponymic dictionary, which can be useful in educational practice and local history studies.

The conducted study has shown that the name of the Megino-Kangalassky Ulus has a complex historical and toponymic origin and reflects deep connections between language, history, and culture. The analysis of scientific literature made it possible to clarify the significance of toponymy and oikonymy as important tools for the study of regional heritage. The historical overview of the formation of the ulus demonstrated that its present administrative name emerged as a result of the unification of two historically established territories, Meginsky and Eastern Kangalassky.

The interpretation of the components Menge and Khangalas revealed that the name of the ulus is connected with ancient anthroponyms, ethnonyms, and archaic lexical meanings preserved in the historical memory of the people. Therefore, the name of the Megino-Kangalassky Ulus should be regarded not only as an administrative designation but also as a significant linguistic and cultural marker of the region.

The results of the study confirm the importance of further research into the place names of Yakutia and support the use of toponymic material in educational and regional studies practice.

References

1. Andreeva A. N. Atlas Megino-Kangalasskogo ulusa (rayona) Respubliki Sakha (Yakutiya) / A. N. Andreeva [i dr.]. – Yakutsk, 2013. – 92 p. – Text : direct.
2. Bagdaryyn Sulbe. Izbrannye trudy. – Yakutsk : Bichik, 2013. – 720 p. – Text : direct.
3. Bolo S. I. Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu : po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga / S. I. Bolo. – Yakutsk : Bichik, 1994. – 352 p. – Text : direct.
4. Bagdaryyn Sulbe. Izbrannye Trudy / Sulbe Bagdaryyn. – Yakutsk : Bichik, 2013. – 232 p. – Text : direct.
5. Bagdaryyn Sulbe. Izbrannye Trudy / Sulbe Bagdaryyn. – Yakutsk : Bichik, 2014. – 600 p. – Text : direct.
6. Bagdaryyn Sulbe. Toponimika Yakutii : nauch.-popul. Ocherk / Sulbe Bagdaryyn. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – Yakutsk : Bichik, 2004. – 192 p. – Text : direct.

Мочкодан С. О., преподаватель кафедры дизайна моды
факультета социокультурных коммуникаций
Белорусского государственного университета,
Республика Беларусь, г. Минск,
E-mail: mochkodanso@bsu.by

МОДА И ПРАКТИКИ ОДЕВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются ключевые направления и методологические подходы в исследовании феномена моды в контексте культурологических дисциплин. Описан процесс формирования междисциплинарного подхода к исследованию моды.

Ключевые слова: мода, культура, одежда, исследования моды, культурология, междисциплинарный подход.

Mochkodan S. O., Lecturer at the Department of
Fashion Design at Belarusian State University,
Belarus, Minsk,
E-mail: mochkodanso@bsu.by

FASHION AND DRESSING PRACTICES IN THE CONTEXT OF CULTURAL STUDIES

The article discusses key trends and methodological approaches in the study of fashion within the context of cultural studies. It describes the development of an interdisciplinary approach to fashion studies.

Keywords: fashion, culture, clothing, fashion studies, cultural studies, interdisciplinary approach.

Исследования культуры в области моды сосредоточены на анализе того, как предметы одежды и стилистически оформленные практики одевания способствуют установлению принадлежности к определенной социальной группе, поддержанию и воспроизведению социальных динамик и культурных норм, а также их дестабилизации. Таким образом, одежда выходит за пределы чисто эстетической и практической функций.

В понятие «практики одевания» специалисты включают не только предметы гардероба, т.е одежду, но и все действия, связанные с процессом одевания, а также дополнительные продукты и задействованные органы чувств. Дж. Б. Эйхер отмечает, что «прическа, косметика, аксессуары и ароматы могут быть столь же важны, как и одежда, в формировании личной, социальной и культурной идентичности» [1, С. 205].

Из теоретических направлений междисциплинарных исследований моды, начиная с 1970-х гг., выделяется концепция моды как коммуникативной системы, в которой цвет, материал, покрой и прочие визуальные элементы, интерпретируются как текст-представление, несущий информацию о социальной идентичности, классовой принадлежности и исповедуемых ценностях. Не случайно семиотика моды как самостоятельная область исследования получила свое признание во время «золотого века» субкультур, поскольку именно на их примере наиболее ярко проявляется способность моды к передаче моделей поведения. К концепции симулякра Ж. Бодрийяра постоянно обращается информационное общество при рассмотрении моды как маркетингового инструмента в культуре и как симулятивного фактора социокультурных изменений. Формирование в медиапространстве новой картины мира при помощи СМИ искажает восприятие действительности до предела, где граница между образом и реальностью размывается. О принадлежности моды к сложным семиотическим системам также рассуждает К.С. Шаров, уточняя ее коллективный феномен, подчиненность структуры универсальным правилам, а также присущий символический и симулятивный характер, что позволяет предположить моду как проявление конструирующего гиперреальность «коллективного воображаемого», средоточием которой можно считать модный показ – творческую социальную игру в иную жизнь как для зрителя, так и для модели [2, С. 160]. В системе понятийной логики Бодрийяра симулякр как наиболее характерный для современности

способ восприятия мира анализируется также в работах В.А. Франц, А.И. Пензиной и С.О. Мочкодан [3, С. 131-134; 4, С. 80; 5, С. 23].

Особый интерес в рамках концепции моды как коммуникативной системы представляет аспект конструирования идентичности, приобретающий особое значение с точки зрения маркетинговых стратегий. В современную цифровую эпоху объектом коммерциализации становится не только сама одежда и образ жизни, но и эмоции, поскольку именно эмоциональный компонент становится ключевым элементом потребительского взаимодействия. Причиной служит смещение акцента в моде с предметов одежды на абстрактное представление о ней, основанное на вирусном распространении контента в социальных сетях, выстраивании личной связи между брендом и потребителем и переходе в реальность-симулякр, поскольку обладание контекстом становится не менее важным, чем физическое владение.

Пренебрежение значением моды как социокультурным феноменом, отрицание ее влияния на экономическую и социальную сферы жизни общества, а также сведение ее к исключительно разлагающему «демонстративному потреблению праздного класса», характерное для работ Т. Веблена начала XX века, постепенно уступало место более серьезному и аналитическому подходу. [6]. В тех же 1970-х гг. Г. Блумер утверждает контролирующий потенциал моды, подчеркнув, что представители различных социальных классов участвуют в непрерывной культурной борьбе за создание и интерпретацию знаков, которые утверждаются высшим классом (как стратегия опережения), в то время как менее привилегированные слои стремятся изучить и подчинить себе эти знаки. Он также акцентировал внимание на важности учета исторического контекста при интерпретации модных знаков, что позволяет рассматривать моду вне устаревшей концепции иррационального, выдвинутой Вебленом [7, С. 277]. Аналогичной позиции придерживается А. В. Конева, характеризуя моду как систему, обладающую собственными социальными функциями и способную «проникать» через границы сословий и классов. [8, С. 55].

Следует отметить, что исследования в области культурологии, социологии и психологии, посвященные феномену моды, сосредотачиваются на ней как на явлении абстрактно-теоретическом, абстрагируясь от материальной составляющей в пользу в пользу интерпретации моды как чистого концепта, знаковой системы. Иной подход к исследованиям используют антропологи, углубляясь изучение роли одежды в повседневной жизни, зачастую на примере традиционных обществ, которые развивались вне вестернизированной парадигмы.

С.Б. Кайзер, анализируя направления исследований моды в XX веке, отмечает, что формирование междисциплинарного подхода в значительной степени было обусловлено рассредоточением гуманитарных и социальных наук в 1970 – 1980-х гг. В рамках таких исследований особое внимание уде-

лялось культурному контексту, критике потребления, вопросам эксплуатации труда, экологическим аспектам, а также связанной с этим контркультурной деятельности [9, С. 31].

Для исследований моды и исследований культуры в целом применяется междисциплинарный подход, что обусловлено необходимостью всесторонней оценки перспектив их развития. Исторические предпосылки к восприятию практик одевания как кросскультурного феномена существовали уже до XX в.; однако предметом систематического исследования они стали лишь во второй половине XX в. Данная тема разрабатывается в различных научных дисциплинах, включая антропологию, социологию, археологию, физиологию, анатомию, этнологию и постколониальные исследования [9, С. 9; 1, 205]. С.Б. Кайзер и К. Бруард придерживаются мнения, что для полноценного изучения моды необходимо создание «новой истории культуры», объединяющей историю искусства, дизайна и культурные исследования [9, С. 10]. Х. Дженсс и С. Вудворд подчеркивают, что для комплексного понимания того, как человек взаимодействует с модой, необходимо использовать методы включенного наблюдения, интервьюирование и исследования повседневного гардероба [10, С. 137].

К началу 1990-х годов формируются исторические и транснациональные культурные исследования стиля, моды и одежды. Анализ костюма и практик одевания осуществляется в синтезе с медиаисследованиями, урбанистикой, маркетинговыми и экономическими дисциплинами. Междисциплинарный дискурс находит свое место на страницах журнала Fashion Theory, вышедшем в 1997 г., а также в более поздних изданиях, например, Fashion Practice (запущенном в 2010 г.). После 2010-х гг. исследования сосредотачиваются на концепции устойчивого развития, вопросах расы и идентичности, С.Б. Кайзер выделяет следующие издания: Clothing Cultures (2013); Fashion, Style, and Popular Culture (2014); Critical Studies in Men's Fashion (2014); International Journal of Fashion Studies (2014); and Studies in Costume & Performance (2016) [9, С. 31]. К указанному периоду времени в научной литературе также приобрела актуальность тема мужского модного потребления. В 2016 году С.Б. Кайзер и Д. Грин провели исследование под названием «Mixing Qualitative and Quantitative Methods in Fashion Studies», продемонстрировавшее три группы потребителей: (1) лиц, не проявляющих интереса к одежде в целом; (2) тех, кто предпочитает оставаться нейтральными в вопросах стиля и не выделяться посредством внешнего вида (большинство); и (3) индивидов, проявляющих зачастую чрезмерную заботу о своем внешнем виде. Особенностью последней группы являлось преобладание в ней мужчин среднего и высшего социальных слоев, наиболее привилегированных и восприимчивых к модным трендам, занятых в сфере культуры и интеллектуальным трудом [11]. В 2020-х годах к актуальным проблемам добавилось обсуждение применения искусственного интеллекта в

качестве инструмента воздействия как на потребителей моды, так и на ее производителей.

На сегодняшний день все исследования основываются на идее, что для изучения процесса того, каким способом и по какой причине человек дополняет свое тело, необходимо описаться на различные методологии, присущие многим дисциплинам, что обусловлено сложностью и многогранностью данного феномена.

Список использованной литературы

1. Eicher J. B. Editing Fashion Studies : Reflections on Methodology and Interdisciplinarity in The Encyclopedia of World Dress and Fashion / J. B. Eicher. – Text : direct // Fashion studies : Research methods, sites, and practices. – London : Bloomsbury, 2016. – P. 198-214.

2. Шаров К. С. Женская и мужская мода до эпохи постмодерна / К. С. Шаров. – Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-i-muzhskaya-moda-do-epohi-postmoderna (дата обращения : 10.03.2026).

3. Франц В. А. Симуляция как фактор эволюции социального и политического в теории Жана Бодрийяра / В. А. Франц. – Текст : электронный // Дискуссия. – 2011. – № 6. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/simulyatsiya-kak-faktor-evolyutsii-sotsialnogo-i-politicheskogo-v-teorii-zhana-bodriyyara (дата обращения : 10.03.2026).

4. Пензина А. И. Анализ концепции Жана Бодрийяра в формировании гипер- и виртуальной реальности в СМИ / А. И. Пензина, Н. П. Пархитько. – Текст : электронный // Социология. – 2019. – № 1. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kontseptsii-zhana-bodriyyara-v-formirovanii-giper-i-virtualnoy-realnosti-v-smi (дата обращения : 10.03.2026).

5. Мочкодан С. О. Мода в контексте факторов формирования идентичности / С. О. Мочкодан. – Текст : электронный // Universum : филология и искусствоведение. – 2025. – № 7 (133). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/moda-v-kontekste-faktorov-formirovaniya-identichnosti (дата обращения : 10.03.2026).

6. Михалева К. Ю. Концепции моды в классической социологической теории / К. Ю. Михалева. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 2011. – № 4. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-mody-v-klassicheskoy-sotsiologicheskoy-teorii-chast-vtoraya-t-veblen-v-zombart (дата обращения : 10.03.2026).

7. Blumer H. Fashion : From Class Differentiation to Collective Selection / H. Blumer. – Text : direct // Sociological Quarterly. – 1969. – № 10. – P. 275-291.

8. Конева А. В. «Подиумное сознание» в эпоху культуры различия / А. В. Конева. – Текст : электронный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2010. – № 189. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/podiumnoe-soznanie-v-epohu-kultury-razlichiya-1 (дата обращения : 10.03.2026).

9. Kaiser S. B. Fashion and Cultural Studies / S. B. Kaiser, D. N. Green. – Ed. 2nd, revised. – London : Bloomsbury, 2021. – 288 p. – Text : direct.

10. Jenss H. Introduction / J. B. Eicher. – Text : direct // Fashion studies: Research methods, sites, and practices / ed. H. Jenss. – London: Bloomsbury, 2016. – P. 137-141.

11. Kaiser S. B. Mixing qualitative and quantitative methods in fashion studies : Philosophical underpinnings and multiple masculinities / S. B. Kaiser, D. N. Green. – Text : direct // Fashion studies: Research methods, sites, and practices / ed. H. Jenss. – London : Bloomsbury, 2016. – P. 160-181.

Царева Г. В., канд. пед. наук доцент.,
зав. кафедрой «Иностранные языки»,
Буглаев Т. А., обучающийся,
Брянский государственный технический университет,
Россия, г. Брянск
E-mail: tzareva9773@mail.ru
timaga111@yandex.ru

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И СТУДЕНТ: ПОМОЩНИК, КОНКУРЕНТ ИЛИ УГРОЗА РАЗВИТИЮ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НАВЫКОВ

В статье рассматривается роль автоматического перевода и ИИ-сервисов в подготовке студентов-переводчиков. Анализируются их дидактические преимущества, риски для формирования языкового чутья и самостоятельности, а также предлагаются условия педагогически целесообразного использования таких инструментов в учебном процессе.

Ключевые слова: автоматический перевод, искусственный интеллект, переводческие навыки, студенты, переводческое образование, постредактирование, цифровые технологии.

Buglaev T. A., master’s degree student,
Tsareva G. V., Ph. D., Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages,
Bryansk State Technical University,
Russia, Bryansk
E-mail: tzareva9773@mail.ru
timaga111@yandex.ru

MACHINE TRANSLATION AND THE STUDENT: AN ASSISTANT, A COMPETITOR, OR A THREAT TO THE DEVELOPMENT OF TRANSLATION SKILLS

The article examines the role of machine translation and AI tools in translator training. It analyses their pedagogical advantages, risks for linguistic intuition and student autonomy, and proposes conditions for the educationally sound use of such tools in translation classes.

Keywords: machine translation, artificial intelligence, translation skills, students, translator training, post-editing, digital technologies.

Цифровизация высшего образования изменила характер учебной деятельности студентов, в том числе в сфере перевода. Онлайн-переводчики,

нейросетевые сервисы и ИИ-инструменты стали для обучающихся повседневным ресурсом: с их помощью можно быстро получить черновой вариант перевода, проверить термин, сопоставить формулировки и увидеть несколько возможных решений [1, С. 49].

Актуальность темы определяется тем, что современная подготовка переводчика уже не может строиться без учета технологического фактора. Российские исследователи подчеркивают, что цифровизация меняет не только инструменты работы с текстом, но и профессиональные роли переводчика: возрастает значение постредактирования, оценки качества машинного вывода и осознанного выбора цифровых ресурсов [2, С. 543]. Цель статьи – определить, в каких случаях автоматический перевод помогает студенту, когда начинает конкурировать с его собственным усилием и при каких условиях становится угрозой развитию переводческих навыков.

Прежде всего, автоматический перевод действительно может быть помощником. Он позволяет быстро сориентироваться в содержании исходного текста, выдвинуть терминологические гипотезы, увидеть несколько вариантов передачи фразы и сократить время на первичную обработку материала. В этом качестве машинный перевод особенно полезен как вспомогательный инструмент, а не как окончательное решение: он ускоряет работу, но не снимает с переводчика ответственности за смысл, стиль и прагматику текста [2, С. 540].

Наиболее заметна польза таких систем при работе со стандартизированными техническими и инструктивными текстами. Сравнительный анализ машинного и профессионального перевода инструкций по эксплуатации показал, что автоматические сервисы способны быстро формировать пригодный черновик, однако в нем регулярно встречаются ошибки в передаче денотативного содержания, смысловые искажения, нарушения жанрово-стилистических особенностей, калькирование, а также отклонения от лексико-грамматических и оформительских норм текста перевода [4, С. 68]. Следовательно, даже в благоприятных для алгоритма условиях машинный результат требует обязательной человеческой проверки.

В учебном процессе это означает, что автоматический перевод полезен тогда, когда становится объектом анализа. Преподаватель может предложить студенту сначала выполнить собственный перевод, а затем сопоставить его с машинным вариантом, отметить расхождения, выявить неудачные решения и аргументировать выбор более точного эквивалента. Такой прием развивает критическое чтение перевода, внимание к норме и умение обосновывать переводческое решение, а не просто принимать готовый текст.

Однако при бесконтрольном использовании автоматический перевод начинает выступать конкурентом учебной деятельности. Конкурентность проявляется в том, что студент получает готовый текст слишком рано – еще до предпереводческого анализа, без самостоятельного поиска эквивалентов,

без проверки контекста и без осмысления жанровой задачи. В результате машинный сервис перестает быть инструментом и превращается в заменитель интеллектуального усилия. Именно поэтому в современных работах машинный перевод рассматривается как часть профессионального инструментария переводчика, а не как автономная альтернатива самому переводчику.

Особую опасность создает иллюзия правильности. Машинный перевод нередко выглядит грамматически связным и потому воспринимается как надежный, хотя внешняя гладкость не гарантирует точности. А. В. Гребенюк справедливо отмечает, что ошибки машинного перевода имеют собственную специфику и не всегда описываются теми же параметрами, что и ошибки в человеческом переводе [3, С. 21]. Актуальность систематического анализа таких отклонений подтверждают и новые публикации, посвященные ошибкам машинного перевода с английского на русский язык [5, С. 298].

Следовательно, студент должен учиться не только пользоваться сервисом, но и классифицировать его ошибки. К числу типичных проблем относятся смысловые искажения, неточная передача денотативного содержания, кальки, нарушения функционально-стилистических и жанровых характеристик, орфографические, пунктуационные и оформительские сбои. Работа с такими ошибками развивает профессиональную наблюдательность и формирует понимание того, что качественный перевод не сводится к подбору словарных соответствий.

В то же время ИИ-сервисы могут быть полезны для развития аналитических навыков. В. С. Мельникова показывает, что метод обратного машинного перевода позволяет выявлять трудные для понимания фрагменты и оценивать сложность текста: участки, которые оказываются менее понятными для человека, часто вызывают затруднения и при машинной обработке [6, С. 31]. В педагогической практике это особенно ценно, поскольку помогает выявлять проблемные места исходного текста, обсуждать причины неудачного перевода и учить студентов видеть связь между понятностью, структурой и переводимостью текста.

Особенно осторожным должно быть использование автоматического перевода при работе с публицистическими, общественно-политическими и культурно маркированными текстами. Исследование Л. Г. Ким и А. Г. Дерябина показывает, что даже современные системы ИИ испытывают трудности при передаче национально-культурных реалий, фразеологии, метафор, социально-исторических аллюзий и иных единиц, требующих глубокого контекстуального знания [7, С. 111]. В таких случаях машинный перевод нередко снижает выразительность текста или искажает авторскую интенцию.

Именно здесь особенно важно языковое чутье будущего переводчика. Студент должен уметь замечать не только словарное значение единицы, но

и ее коннотацию, прагматический эффект, степень экспрессивности и функцию в конкретном дискурсе. Никакой онлайн-переводчик не заменит эту работу полностью, потому что она требует интерпретации, культурной компетентности и ответственного выбора одного решения из нескольких возможных.

С методической точки зрения оправдана ступенчатая модель работы. На первом этапе студент выполняет предпереводческий анализ и создает собственный черновик; на втором – обращается к машинному переводу как к дополнительному варианту; на третьем – проводит сопоставление и постредактирование; на четвертом – письменно объясняет, какие решения сервиса оказались полезными, а какие были отклонены и почему. Такая организация учебной работы позволяет сохранить самостоятельность студента и одновременно учит его грамотному использованию современных технологий.

Не менее важно различать типы текстов и педагогические цели. Для терминологических, повторяющихся и стандартизированных материалов автоматический перевод может выполнять функцию чернового помощника. Для публицистических, художественных и культурно насыщенных текстов его применение должно быть значительно более осторожным и сопровождаться обязательным комментированием переводческих решений со стороны студента. Иными словами, вопрос заключается не в том, разрешать или запрещать машинный перевод, а в том, как встроить его в обучение так, чтобы технология усиливала, а не подменяла профессиональное мышление.

Таким образом, автоматический перевод в образовательном процессе нельзя однозначно назвать ни безусловным помощником, ни прямой угрозой. Он становится помощником тогда, когда используется как средство анализа, сравнения и редактирования; превращается в конкурента, когда забирает у студента этап самостоятельного поиска решения; и становится угрозой, если формирует зависимость от готового текста и снижает потребность в языковом и контекстуальном анализе. Следовательно, задача преподавателя состоит не в отказе от ИИ-сервисов, а в формировании культуры их осмысленного, дозированного и профессионально ответственного применения.

Список использованной литературы

1. Камшилова О. Н. Машинный перевод в эпоху цифровизации : новые практики, процедуры и ресурсы / О. Н. Камшилова, Л. Н. Беляева. – Текст : непостредственый // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 41-56.

2. Овчинников А. А. Машинный перевод как инструмент профессионального перевода / А. А. Овчинников. – Текст : непостредственый // Вестник науки. – 2024. – Т. 5, № 12-1 (81). – С. 539-547.

3. Гребенюк А. В. Проблема типологии ошибок машинного перевода : стремление к универсальности vs таргетированность / А. В. Гребенюк. – Текст : непосредственый // Вестник Московского университета : Теория перевода. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 7-25.

4. Кононова О. А. Сравнительный анализ машинного и профессионального перевода технических текстов / О. А. Кононова, А. С. Персидская. – Текст : непосредственый // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2025. – № 3 (239). – С. 62-71.

5. Об анализе ошибок машинного перевода с английского на русский / Ф. Б. Ситдикова, А. А. Богданова, Р. Н. Губайдуллина, Э. В. Капустина. – Текст : непосредственый // Казанская наука. – 2025. – № 2. – С. 298-301.

6. Мельникова В. С. Исследование сложности, понятности и переводимости русского текста традиционными методами и методом обратного машинного перевода / В. С. Мельникова. – Текст : непосредственый // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 23-33.

7. Ким Л. Г. Перевод в эпоху искусственного интеллекта: маркирующие признаки машинного перевода публицистического текста / Л. Г. Ким, А. Г. Дерябин. – Текст : непосредственый // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 103-114.

Гринфельд П. И., обучающийся,
Научный руководитель: Анисина Н. В., канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: polina.grinfeld@gmail.com
anisinat@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ЧТЕНИЯ ЛЮБОВНЫХ РОМАНОВ

В статье рассматриваются актуальные мотивы чтения любовных романов среди российских читателей на примере изданий, выпущенных с 2021 по 2025 год включительно. На основе анализа выпуска пятисот изданий мы сделали выводы об актуальных потребностях российского читателя и способах их удовлетворения со стороны издательств.

Ключевые слова: массовая литература, любовный роман, поджанры любовного романа, любовное фэнтэзи, тираж.

Grinfeld P. I., student,
Scientific supervisor: Anisina N. V., Ph. D., Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Russia, St. Petersburg
E-mail: polina.grinfeld@gmail.com
anisinat@mail.ru

CURRENT REASONS FOR READING ROMANCE NOVELS

The article examines the current reasons for reading romance novels among Russian readers, illustrated by publications released from 2021 to 2025. Based on the analysis of five hundred publications, we have drawn conclusions about the current needs of Russian readers and the strategies publishers use to address them.

Keywords: mass literature, romance novel, subgenres of romance novels, romance fantasy, circulation.

Массовая литература отражает психологические и культурные модели общества, выявляя актуальный для читателя тематический спектр. Она основана на условно закреплённых схемах сюжета и каноничных образцах [1, С. 4]. Любовный роман – жанр массовой литературы, который является популярным среди читателей, основу его сюжета составляет любовная история мужчины и женщины [2, С. 3388].

Явление массовой литературы, в частности любовного романа, – показатель желаний массового читателя, результат общественных настроений эпохи [3, С. 9]. Настроения общества отражаются в особенности произведений художественной литературы, которая заключается в выражении авторского представления о реальности с его культурной спецификой через художественный образ [4, С. 45].

В любовном романе применяется важнейший признак массовой литературы – формульность [5, С. 116]. Любовному роману присуща стандартизация, развлекательная функция и эскапизм. Важная черта поэтики данного жанра – счастливый финал, который подразумевает преодоление героями страданий, при этом в конце читатель видит удовлетворяющую его потребности положительную развязку. Эскапизм в любовных романах проявляется в виде использования авантюрных элементов, а также исторического и экзотического фона [6, С. 78-79].

С начала 1990-х гг. российский читатель (читательница) обретает большую свободу в выборе читательского маршрута. Подхватив социальные изменения, переводной любовный роман начал получать широкую известность. К 1995 году читатель перенасытился переводными романами, российский книжный рынок «ответил» собственной литературой разных жанров, однако предметом споров стало явление русского любовного романа [7, С. 116].

Любовные романы – произведения, ориентированные преимущественно на женскую аудиторию. При этом популярно объединение изданий в серии, которые разрабатываются на основе внешних и содержательных сходств, чтобы составить у читателя представление о сюжете книги [8, С. 294].

Цель исследования – выявить актуальные мотивы чтения любовных романов на основе анализа выпуска 500 изданий данного жанра. Основу

анализа составляет то, что объем тиражей и количества книг поджанров любовного романа отражает приоритеты читателей и функции, которые выполняет выбранное ими издание.

На базе теоретической информации мы выявили следующие особенности изданий любовных романов, которые впоследствии использовали в качестве критериев отбора анализируемых изданий: а) клишированное оформление обложки/переплёта, указывающие на наличие любовной линии; б) клишированная аннотация, намекающая на развитие любовной линии между персонажами; в) размещение книг в отделах Young-adult литературы, сентиментальной прозы, любовных романов и т. п., а также деление книг по жанрам на сайтах книжных магазинов; г) название произведений и серий, намекающих на принадлежность к интересующему нас жанру. При отсутствии какого-либо из критериев мы рассматривали другие. При отсутствии клишированной аннотации мы рассматривали отзывы, которые обозначают присутствие любовной линии. Также отметим, что мы отбирали издания, выпущенные с 2021 по 2025 год включительно. Исходя из поставленной цели исследования мы рассматривали следующие параметры: а) год издания для оценки заполненности ниши в определённый период, б) возрастной ценз изданий, в) поджанр, г) тираж.

Большее количество изданий относится к 2024 и 2025 гг. В 2021 и 2022 гг. ниша была заполнена достаточно однотипными серийными изданиями. В 2023 году начинается постепенное увеличение количества серий. С 2024 года на рынке появилось большое количество новых серий, названия которых отражают тематику произведения. Исходя из этого, мы делаем вывод, что у читателей появляется потребность в расширении тематики любовных романов.

Большинство изданий обладает возрастным рейтингом 16+. Именно при таком рейтинге появляется относительное тематическое разнообразие и описание любовных сцен. При этом присутствует большое количество изданий с рейтингом 18+. Такой возрастной ценз прежде всего связан с тематикой произведений и спецификой описания любовных сцен. Спросом среди аудитории жанра пользуются издания, в которых появляются явные любовные линии и описания эротических сцен. Такая особенность является реакцией издательств на запросы читателей. Массовая литература реализует функцию отдыха для читателей, а также удовлетворяет их потребности, которых не реализованы в жизни. Следовательно, можно сделать вывод, что аудитория жанра нуждается в «лёгкой» литературе, которая удовлетворяет их актуальные запросы. Потребность в отдыхе можно связать с высоким уровнем стресса из-за общественной и политической обстановки.

Широкое распространение современного любовного романа может указывать на потребность читателей в ассоциации себя с определёнными персонажами. Современные декорации повествования позволяют читателю «встроиться» в сюжет и глубже погрузиться в атмосферу произведения.

Также большую долю ниши любовных романов занимает поджанр любовного фэнтези. Популярность данного поджанра можно объяснить потребностью читателей в эскапизме. Также потребителей привлекает интересный сюжет, который вызывает эмоциональный отклик.

Исторические любовные романы представлены произведениями классики, которые присутствуют на рынке (хотя и в меньшем серийном разнообразии). Стоит отметить, что такие романы выпускаются в различных сериях с современным дизайном для привлечения молодой аудитории к чтению классической литературы. Необходимость издателей адаптировать дизайн книг под современную аудиторию может говорить о снижении спроса на классическую литературу, т. к. читателям сложнее ассоциировать себя с героями других эпох.

Подростковые любовные романы также присутствуют на рынке, но в меньшем количестве. Такая ситуация может быть связана с тем, что подростковый возраст главных героев сужает целевую аудиторию издания, т. к. люди более старшего возраста уже не могут ассоциировать себя с героями на эмоциональном уровне.

Эротические романы распространены. Они издаются сериями. В рамках нашего анализа также события эротического романа могут происходить в фэнтезийном мире, что приводит к отнесению произведения к нескольким поджанрам.

Также распространённым является поджанр тёмной романтики, который раскрывает тематику абьюзивных отношений. Поджанр появился сравнительно недавно, он отвечает современной информационной повестке, т. к. в последнее время этой тематике придаётся огласка. Данный поджанр также распространяется за счёт того, что читатели могут ассоциировать себя с главными героями.

Любовные романы, как правило, издаются средними тиражами (2000-6000 экз.). Присутствуют малые тиражи (от 60 экз. до 1500 экз.). Также есть дополнительные тиражи, которые свидетельствуют о популярности изданий и необходимости их допечатки. Присутствуют романы с достаточно большими тиражами (как правило, издания, информация о которых была широко распространена в интернете). Издания любовного фэнтези выпускаются большими тиражами, при этом появляются дополнительные тиражи. Данный факт свидетельствует о том, что поджанр любовного фэнтези является популярным и распространённым среди аудитории. Также отметим, что средний тираж изданий любовного фэнтези начинается от 5000 экз. в то время, как издания современных любовных романов в среднем составляют 2000-4000 экз. По увеличению тиражности изданий можно сделать вывод, что поджанр любовного фэнтези является наиболее популярным. Это отражает усилении потребности читателей в эскапизме, что может быть связано с неудовлетворённостью жизнью и желанием получить эмоции.

Подводя итоги, мы делаем следующие выводы. Социальные и политические изменения повышают уровень стресса читателей, что создаёт необходимость расширения ассортимента серий и тематик. Массовая литература соответствует запросу отечественного потребителя и удовлетворяет его потребность в эскапизме и отдыхе.

Список использованной литературы

1. Щировская Т. Н. Типология сюжетов в произведениях отечественной массовой литературы 1990 – 2000-х годов : специальность 10.01.01. «Русская литература» : автореф. дис. … канд. филолог. наук / Т. Н. Щировская ; АГПУ. – Армавир, 2006. – 23 с. – Текст : непосредственный.
2. Щанникова М. А. Особенности западного любовного романа / М. А. Щанникова, К. С. Лицарева. – Текст : непосредственный // Общество. Наука. Инновации. – 2017. – С. 3388-3396.
3. Черняк М. А. Пятьдесят оттенков розового современного романа / М. А. Черняк. – Текст : непосредственный // Библиотечное дело. – 2015. – № 19 (253). – С. 9-14.
4. Степин С. Н. Технология процесса изучения драматических произведений в аспекте культурологического подхода в профильной школе : теоретический и методологический аспект / С. Н. Степин, Э. Е. Николаева. – Текст : непосредственный // Педагогическая перспектива. – 2022. – № 3. – С. 44-54.
5. Полосина Е. В. Структура сюжета зарубежного любовного романа / Е. В. Полосина. – Текст : непосредственный // Филология и человек. – 2008. — № 4. – С. 116-122.
6. Козлова М. М. Современный любовный роман как жанр массовой культуры / М. М. Козлова. – Текст : непосредственный // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2002. – № 2 (17). – С. 77-84.
7. Черняк М. А. «Новые сказки» о Золушке : типологические черты русского любовного романа рубежа XX-XXI веков / М. А. Черняк. – Текст : непосредственный // Известия российского государственного педагогического университета А. И. Герцена. – 2004. – Т. 4. – № 7. – С. 115-129.

Утегенова К. Т. канд. пед. наук, доцент,
Байбулова А. Т., магистрант,
Западно-Казахстанский университет
имени М. Утемисова,
Республика Казахстан, г. Уральск
E-mail: karlyga@bk.ru
amahmetzhanova@inbox.ru

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье исследуются феномены речевой агрессии и манипуляции в современном медиадискурсе. Рассматриваются теоретические подходы к

изучению данных явлений, анализируются их языковые маркеры на материале социальных сетей, YouTube и онлайн-СМИ. Выявляются и систематизируются стратегии прямой и косвенной агрессии, а также манипулятивные тактики, характерные для конфликтных ситуаций в цифровой среде.

Ключевые слова: речевая агрессия, манипулятивные стратегии, медиадискурс, лингвопрагматический анализ, конфликтная коммуникация, языковые маркеры.

Utegenova K. T., Ph. D., Associate Professor,
Baibulova A. T., Master's student,
M. Utemisov West Kazakhstan University,
Republic of Kazakhstan, Uralsk
E-mail: amahmetzhanova@inbox.ru
karlyga@bk.ru

LINGUISTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS OF CONFLICT SITUATIONS

The article examines the phenomena of speech aggression and manipulation in modern media discourse. Theoretical approaches to the study of these phenomena are considered, their linguistic markers are analyzed on the material of social networks, YouTube and online media. The strategies of direct and indirect aggression, as well as manipulative tactics typical of conflict situations in the digital environment, are identified and systematized.

Keywords: speech aggression, manipulative strategies, media discourse, linguistic and pragmatic analysis, conflict communication, language markers.

Современное коммуникативное пространство переживает фундаментальную трансформацию. Цифровые технологии, призванные обеспечивать связь между людьми, парадоксальным образом стали конфликтной средой, где речевая агрессия и манипуляция стали обычными явлениями. Это обусловлено комплексом факторов: политическая поляризация превращает язык в оружие информационных войн, анонимность в сети снижает ответственность за слова, люди подменяют аргументацию эмоциональными высказываниями и навешиванием ярлыков. В этих условиях современный медиадискурс становится уникальным инструментом для изучения того, какими языковыми средствами реализуются деструктивные коммуникативные стратегии.

В современной науке речевая агрессия трактуется не только как спонтанная эмоциональная реакция, но и как намеренная коммуникативная стратегия, ориентированная на подавление собеседника и нанесение ему психологического ущерба. Как отмечают М.Л. Лаптева и М.А. Фирсова, речевая агрессия – это языковое выражение негативных эмоций и коммуникативных намерений, нарушающее этические и культурные нормы взаимодействия [1,

С. 425]. Важным вкладом в понимание структуры явления стала типология Н.В. Никоновой, разделяющей вербальную агрессию на прямую (брань, угрозы, оскорбления) и скрытую (сарказм, ирония, обесценивание). Скрытые формы нередко обладают более сильным психологическим эффектом, поскольку не всегда осознаются адресатом как агрессивные [2, С. 414-415]. В контексте цифровой коммуникации, как показывают исследования М.В. Моисеевой и А.С. Титловой, агрессия приобретает новые черты: анонимность и снижение социальных барьеров ведут к расширению набора языковых маркеров – от графических сигналов (caps lock) до агрессивно окрашенных мемов [3, С. 3]. В отличие от открытой агрессии, манипулятивное воздействие строится на косвенных механизмах, направленных на изменение мышления или поведения адресата без осознания им этого влияния. Классическое определение манипуляции дано Т. ван Дейком, который рассматривает её как способ «контролировать сознание и интерпретацию реальности адресатом через дискурсивные механизмы» [4, С. 362]. М. Н. Ковешникова уточняет, что манипуляция реализуется через речевые тактики, ориентированные на создание у адресата определённых смыслов при одновременном скрытии истинных мотивов говорящего [5, С. 57].

Языковые средства, с помощью которых реализуются деструктивные стратегии, можно разделить на три уровня. На лексическом уровне ключевую роль играют оценочная лексика, уничижительные эпитеты, этнофолизмы, эвфемизмы и дифемизмы. На грамматическом уровне важны императивные конструкции, создающие давление, и категорические обобщения («все», «никогда», «каждый»). На прагматическом уровне, как указывает Н. Фэркло, особое значение имеют фреймирование и позиционирование говорящего как носителя власти [6, С. 85].

Эмпирическую базу данного исследования составляют конфликтные речевые ситуации, зафиксированные в русскоязычном медиадискурсе за период 2023-2025гг. Общий объем сформированного корпуса примеров составляет 80 фрагментов, взятых из трех источников.

1) Социальные сети и Telegram-каналы. Данный сегмент наиболее репрезентативен благодаря спонтанности и анонимности коммуникации. В выборку включены комментарии к постам новостных пабликов («Qumash», «NUR.KZ», «Лентач», «kazpress.kz», «НМШ») на темы, традиционно провоцирующие конфликты (ЖКХ, миграционная политика, резонансные происшествия).

2) Видеохостинг YouTube. Материалом служат расшифровки фрагментов ток-шоу, интервью и авторских обзоров. Особый интерес представляют записи политических ток-шоу («Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут», «Кто против?»). Также анализируются обзоры блогеров-критиков («Антон S», «BadComedian», «Chuck Review», «Стас, Ай Как Просто!», «Сыендук»), использующих сарказм как основное орудие воздействия. В отличие от спонтанных комментариев, здесь агрессия часто является частью

продуманной коммуникативной стратегии, направленной на удержание аудитории.

3) Онлайн версии традиционных СМИ. В этом сегменте объектом анализа становятся заголовки новостных статей и читательские форумы под публикациями на сайтах «Lenta.ru», «Дзен», «Orda.kz». Исследования показывают, что даже в строгих рамках новостного формата авторы используют манипулятивные приемы. Примером служит заголовок «Война со всем миром. Доллар слабее с каждым днем. Почему Трамп не видит в этом проблемы?» (Lenta.ru, 13 февраля 2026).

Методы анализа включают сплошную выборку, контекстуальный анализ, дискурс-анализ и элементы контент-анализа. Прямая речевая агрессия представляет собой наиболее эксплицитную форму воздействия. Тактика прямого оскорбления реализуется через инвективную лексику и зоометафоры («Ты вообще дебил?», «овца безмозглая», «холопы»). Зоометафоры выполняют функцию дегуманизации оппонента, лишая его права на равный диалог. Тактика угрозы оформляется глаголами в повелительном наклонении или формами будущего времени («Ты у меня ещё получишь», «Жаловаться будешь? Пожалеешь потом!»). Угроза может быть прямой или скрытой, реализуемой через риторические вопросы. Часто присутствует негативная оценка личности: «Кому это вообще интересно? Только дебилы могут это смотреть». Такие высказывания направлены на дискредитацию участников коммуникации, а не на обсуждение темы.

Косвенные формы агрессии представляют собой более сложный объект анализа, поскольку они маскируют деструктив под внешне нейтральными или даже позитивными формами. Тактика иронии и сарказма широко представлена в YouTube-обзорах: «Ну ты, конечно, гений, раз до такого сценария додумался!». Формальное восхищение («гений») при учете контекста (провальный сценарий) реализует противоположный смысл. Тактика навешивания ярлыков характерна для политического дискурса. Слова «либералы», «ватники», «леваки» используются для автоматической негативной оценки, активирующей готовые идеологические схемы. В ток-шоу фиксируются конструкции: «Эти так называемые либералы», где словосочетание «так называемые» дополнительно дискредитирует объект номинации. Тактика троллинга направлена на провокацию и разрушение коммуникации, она уводит тему в сторону, переходя на личности. Манипуляции реализуется и в заголовках, содержащих скрытое утверждение: «Почему власти продолжают обманывать народ?» – сама постановка вопроса намекает, что факт обмана уже установлен.

На основе анализа корпуса примеров выделены следующие языковые маркеры (табл. 1).

Таблица 1

Языковые маркеры агрессии и манипуляции в медиадискурсе

Тактика	Языковой маркер	Пример из корпуса
Директивная агрессия	Императивы, местоимение «ты» + уничижительная оценка	«Заткнись, ты ничего не понимаешь в этом», «Моя претензия только в незнании русского, не владеешь – катись отсюда»
Манипуляция обобщением	Слова «все», «никогда», «вечно», «каждый»	«Вы, политики, всегда народ обманываете, это уже система», «Это тебе на телеканале Дождь сказали?»
Скрытая угроза	Модальные глаголы долженствования, конструкции будущего времени	«Ты должен понимать, что тебе же будет хуже»
Демагогия	Риторические вопросы, не требующие ответа, уход от темы	«Да кому нужна эта ваша демократия, скажите честно?», «Задай этот вопрос правительству»
Ирония/сарказм	Позитивно-оценочная лексика в негативном контексте	«В связи с этим самое время еще поднять цены)», «Проблем же больше нет у нас»
Прямое оскорбление	Инвективная лексика, зоометафоры	«Собаке собачья смерть», «дебилы», «овцы»

Проведенный количественный анализ 80 конфликтных фрагментов, отобранных из различных сегментов медиадискурса (социальные сети, YouTube, комментарии на новостных порталах), позволяет выявить устойчивые закономерности в распределении стратегий речевой агрессии и манипуляции (табл. 2).

Таблица 2

Распределение стратегий в выборке

Тактика	Процентная доля	Количество фрагментов
Директивная агрессия	15%	12
Манипуляция обобщением	12%	10
Скрытая угроза	8%	6
Демагогия	10%	8
Ирония/сарказм	35%	28
Прямое оскорбление	20%	16

Проведенное исследование подтверждает, что речевая агрессия и манипулятивные стратегии являются неотъемлемой частью современного медиадискурса. Анализ эмпирического материала позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в цифровой среде наблюдается сосуществование

прямой и косвенной агрессии, причем последняя нередко оказывается более эффективной, поскольку маскирует деструктивные интенции под внешне нейтральными формами. Во-вторых, выявленные языковые маркеры (инвективная лексика, императивы, кванторные слова, риторические вопросы) образуют устойчивые комплексы, характерные для конкретных конфликтных тактик. В-третьих, анализ коммуникативных неудач показывает, что конфликт в медиапространстве развивается по типовым сценариям эскалации: от нейтральной оценки к троллингу, затем к оскорблениям и угрозам.

Список использованной литературы

1. Лаптева М. Л. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке / М. Л. Лаптева, М. А. Фирсова. – Текст : непосредственный // Russian Language Studies. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 424-439.

2. Никонова Н. В. Речевая агрессия : формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления / Н. В. Никонова, А. С. Петрова, Д. Т. Рашидова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 413-418.

3. Моисеева М. В. Флейминг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации / М. В. Моисеева, А. С. Титлова. – Текст : непосредственный // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 2 (30). – С. 1-4.

4. Dijk T. A. van. Discourse and Manipulation / T. A. van Dijk. – Text : direct // Discourse & Society. – 2006. – Vol. 17, № 3. – P. 359-383.

5. Ковешникова М. Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования / М. Н. Ковешникова. – Текст : непосредственный // Царскосельские чтения. – 2014. – № 18. – С. 387-394

6. Fairclough N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge : Polity Press, 1993. – 135 p. – Text : direct.

Кочурова В. Д., обучающийся,
Анисина Н. В., канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: Veromari@yandex.ru

КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ О ВАМПИРАХ КАК ЯВЛЕНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕДАКТОРСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются издания о вампирах как явление массовой культуры. На основе анализа сорока книг выявлены тенденции оформления, показано расхождение между читательскими ожиданиями и реальными издательскими стратегиями, ориентированными на универсализацию визуального образа.

Ключевые слова: массовая литература, фэнтези, вампириада, культурология, редакторская подготовка, сравнительный анализ.

Kochurova V. D., student,
Anisina N.V., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Russia, St. Petersburg
E-mail: Veromari@yandex.ru

BOOKS ABOUT VAMPIRES AS A PHENOMENON OF POPULAR CULTURE: EDITORIAL ANALYSIS

The article discusses books about vampires as a phenomenon of popular culture. Based on the analysis of forty books, the trends of design are revealed, the discrepancy between the reader's expectations and the real publishing strategies focused on the universalization of the visual image is shown.

Keywords: mass literature, fantasy, vampiriada, cultural studies, editorial preparation, comparative analysis.

Тема монстров в современной культуре приобретает особое значение. «Вампириада» демонстрирует устойчивый читательский успех, однако исследования, посвященные редакторской подготовке и оформлению изданий о вампирах, в научной литературе практически отсутствуют. Существующие работы касаются образа вампира с точки зрения редакторской специализации лишь фрагментарно, не предлагая системного анализа издательских решений.

Цель исследования – выявить особенности внешнего и внутреннего оформления 40 изданий о вампирах, выпущенных в период 2010 – 2024 годов.

В качестве метода исследования использован редакторский анализ.

Изучение массовой литературы является важной областью современной культурологии, поскольку именно в этой сфере наиболее ярко отражаются актуальные запросы общества, его страхи, надежды и эстетические предпочтения. Л. Р. Татарникова, ссылаясь на В. Е. Хализеева, отмечает, что в современности массовая литература относится к словесному «низу», также, она ориентирована на читателей, которые ждут от подобной продукции в основном лишь развлечение [1, С. 160; 2, С. 162]. Однако, как пишет И. Л. Савкина, массовая литература является актуальной из-за того, что она отвечает запросам общества, различным читателям нужна литература многообразная по своим жанрам и функциям [3, С. 12].

В этом контексте особый интерес для культуролога представляет жанр фэнтези, ставший одной из доминирующих форм современной массовой литературы. Жанр фэнтези сформировался в прошлом столетии и прочно занял свое место в литературе. И. Д. Винтерле приводит следующее определение: «Фэнтези – это жанр, сложившийся в середине XX века, в современности он является одним из самых популярных и интересных явлений культуры» [4, С. 37]. О. С. Наумчик дает жанру следующее определение: «Фэнтези – это метажанр, характеризующийся опорой на сказочно-мифологическую традицию; включением элемента чудесного, магического или сверхъестественного; созданием внутренне непротиворечивого и убедительного вторичного мира; борьбой оппозиционных начал (Добра и Зла, Порядка и Хаоса); квестовым построением сюжета; незавершенностью, формульностью; мультимедийностью и игровой природой» [5, С. 28].

В рамках фэнтезийного жанра особое место занимает тема монструозности, которая в современной культуре выступает не только как источник ужаса, но и как сложный символ для рефлексии о человеческой природе. Тема монструозности в современной культуре актуальна как никогда – различные культурные пространства буквально заполнены фантазийными образами ужасающих и комических монстров, которые становятся героями разнообразной продукции массовой культуры [6, С. 6]. Наиболее показательным примером эволюции монструозного в культуре является образ вампира. Впервые в XIX–XX на сцену массовой культуры в положительном облике выступают различные монстры: оборотни, т.е. полулюди-полузвери, а также вампиры и зомби, нежить [7, С. 312].

С точки зрения И. Л. Савкиной, «вампириада», безусловно относится к разряду «глобально популярного» и может быть названа отдельной литературной (культурной) формулой. Сам вампир – нелюдь, живой (оживший) мертвец, питающийся человеческой кровью. Этот образ – не изобретение современной литературы, он встречается практически во всех европейских мифологиях и восходит к так называемому солярному мифу, связанному с архаическими и культовыми представлениями о смерти и воскрешении [8, С. 114-115].

В литературе и фильмах XXI в. произошла социализация вампира: вампирские семьи и кланы поселились в настоящем мире, среди людей. М. В. Луговская-Бакланова считает: что «поворотным моментом в этой эволюции стала серия фильмов "Сумерки", которая окончательно приблизила вампира к человеку и полностью лишила его пугающих черт».

Поскольку вампир является не только культурным, но и визуальным образом, важнейшую роль в его восприятии играет оформление книжных изданий. В связи с этим нами был проведен сравнительный анализ выбранных нами 40 книг о вампирах. При анализе изданий был сделан упор на внутреннее и внешнее оформление. Исходя из проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

Внешнее оформление. В двух изданиях присутствует обложка, а в остальных переплетная крышка. Только в двух изданиях есть суперобложка, она отличается от переплета. В 24 изданиях визуально не понятно, что они о вампирах, так как иллюстрация достаточно абстрактная, а в 16 изданиях не понятно по названиям, что это книга о вампирах. Чаще всего для изданий используются: черный, красный, белый и синий. Проанализировав переплетные крышки, выявилось, что в 34 изданиях – темный фон, а в 6 – светлый. В 21 издании присутствует контраст: на темном фоне изображено что-то светлое или же наоборот. На переплете чаще всего можно встретить: человека или вампира, замок или усадьбу и кровь. Посмотрев отделку переплетных крышек, мы пришли к следующему: в 14 изданиях некоторые элементы издания выделены глянцем, а в 6 металлизированными красками (золотыми или красными). Одно из изданий имеет голографическое покрытие. Ознакомившись с форзацами, были сделаны следующие выводы: в 15 изданиях обычный белый форзац, в 11 изданиях одноцветный, в 9 книгах расположены форзацы с иллюстрациями, в 5 присутствует орнаментальный форзац.

Внутреннее оформление. Проведя анализ титульных листов, мы выявили: все титульные листы дублируют переплетную крышку; в 37 изданиях перед титулом располагается авантитул (на 20 присутствует графический элемент или черно-белая иллюстрация). Помимо этого, в одном издании присутствует фронтиспис. Рассмотрев оформление начальных и концевых полос, мы выявили следующее: во всех изданиях начальные полосы со спуском, заставки расположены в 8, концовка присутствует только в 2, также, в одном издании концовка встречается только в самом конце. Помимо этого, в 23 изданиях встречается буквица. Изучив заголовки изданий, мы пришли к следующим выводам: во всех изданиях используется заголовок со спуском, в 23 заголовок в разрез, в 8 шмуцтитул с декоративным элементом или рамкой, в 6 просто шмуцтитул. В 26 изданиях присутствует тематический заголовок, в 24 родо-нумерационный тематический, в 14 родо-нумерационный, в 11 немой, в 6 графический и в 5 нумерационный. Проанализировав основной текст, мы получили следующее: выделения в основном тексте присутствуют в 34 изданиях, наличие стихотворного текста – в 12. В 4 изданиях был замечен рукописный шрифт. Чаще всего можно встретить следующие дополнительные тексты: реклама и сноски. Рассмотрев справочно-вспомогательные тексты, мы получили следующие выводы: в 25 изданиях располагается колонцифра без декоративных элементов, в 15 изданиях у колонцифры присутствуют декоративные элементы; в 18 изданиях постоянный колонтитул, в 5 переменный, в 13 колонтитул с декоративными элементами. Стоит отметить, что в 5 изданиях оглавление с декоративным элементом, в 3 оглавление с заставкой.

Подведя итог, хочется отметить, что изначально, до начала анализа выбранных изданий, нам казалось, что в изданиях будет присутствовать

большее количество графических элементов, а также, что книги преимущественно будут оформлены в черно-красных оттенках. Однако полученные данные позволяют говорить о более сложной и неоднозначной визуальной стратегии, которая, с одной стороны, опирается на традиционные готические маркеры, а с другой – тяготеет к универсальным и абстрактным решениям, отражая современное состояние массовой культуры. Выявленное расхождение между содержательной «готичностью» текста и ее внешним оформлением открывает перспективу для дальнейших исследований – в частности, для изучения маркетинговых стратегий издательств и их влияния на восприятие жанра читателем.

Список использованной литературы

1. Татарникова Л. Р. Основные параметры и функции современной массовой литературы / Л. Р. Татарникова. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор : Педагогика, психология. – 2010. – № 4 (24). – С. 160-165.
2. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 2004. – 404 с. – Текст : непосредственный.
3. Савкина И. Л. Книги, всем понятные, или почему читают и исследуют массовую литературу? / И. Л. Савкина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2018. – № 20. – С. 12-19.
4. Винтерле И. Д. Миф как основа литературы фэнтези / И. Д. Винтерле. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1 (2). – С. 37-39.
5. Наумчик О. С. Миромоделирующие функции игры в художественной системе английского фэнтези : специальность 10.01.03. «Литература народов стран зарубежья (английская)» : автореф. дис. ... доктор. филолог. наук / О. С. Наумчик ; ННГУ. – Нижний Новгород, 2020. – 45 с. – Текст : непосредственный.
6. Шапинская Е. Н. Монстр как культурный герой : репрезентация монструозности в массовой культуре (начало) / Е. Н. Шапинская. – Текст : непосредственный // Культура культуры. – 2019. – № 2. – С. 6-12.
7. Ковалевская Т. В. От жизни к нежити – преодоление человечности в недочеловечности / Т. В. Ковалевская. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. — 2017. – № 4 (43). — С. 310-318.
8. Савкина И. Л. «укушенные», или почему «вампириады» стали популярной жанровой формулой современной массовой культуры / И. Л. Савкина. – Текст : епосредственный // Детские чтения. – 2013. – № 2 (4). – С. 112-124.

Корепанов Т. М., обучающийся,
Возмищева Н. В., канд. филол. наук, доцент,
Глазовский государственный инженерно-педагогический
университет имени В. Г. Короленко,
Россия, г. Глазов
E-mail: kafrgf@ggpi.org
natalymag@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной работе рассматриваются основные типы фразеологизмов-онимов английского языка. Авторы анализируют частотность употребления фразеологизмов, наиболее распространенные способы их образования, делают выводы о культурной отнесенности онимов, степени их оригинальности и универсальности, об их принадлежности к картине мира определенного этноса. В заключение делается вывод о том, что преобладание определенного типа фразеологизмов-онимов является результатом сочетания нескольких факторов: культурно-исторической значимости исходных образов, влияния классической литературы и лингвистических характеристик самих фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, оним, единство, сращение, фразеологическое сочетание, фразеологическое выражение, культурный код.

Korepanov T. M., student,
Vozmishcheva N. V., Ph. D., Associate Professor,
Glazov State Engineering and Pedagogical
University named after V.G. Korolenko,
Russia, Glazov
E-mail: kafrgf@ggpi.org
natalymag@mail.ru

TO THE PROBLEM OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS-ONYMS` ANALYSIS

This paper ponders over the main types of phraseological units-onyms of the English language. The authors analyse the frequency of phraseological units` usage, the most common ways of their formation, draw conclusions about the cultural relevance of onyms, the degree of their originality and universality, and their belonging to the worldview of a certain ethnic group. In conclusion, it is highlighted that the predominance of a certain type of phraseological units is the result of a combination of several factors: the cultural and historical significance of the

original images, the influence of classical literature and the linguistic characteristics of the phraseological units themselves.

Keywords: phraseologism, onym, unity, fusion, phraseological combination, phraseological expression, cultural code.

Не секрет, что фразеологические единицы являются неотъемлемой частью любого языка. Во фразеологизмах отражается история народа, своеобразие его культуры и быта. Имена собственные в идиоматических выражениях английского языка играют особую роль, становятся своеобразным способом выражения национального характера и мировоззрения. Данное исследование направлено на изучение онимов – фразеологизмов, содержащих компонент «имя собственное».

Универсального определения понятия «фразеологизм» в научной среде на данный момент не зафиксировано, однако традиционно в отечественной лингвистике под фразеологизмом понимают устойчивое, неделимое, воспроизводимое в полном виде сочетание слов, обладающее целостным значением [1]. Первую классификацию фразеологических единиц предложил Л.П. Смит. В этой системе фразеологизмы объединялись в тематические группы. Например, «человеческая деятельность», «природные явления» и т.д. Главный недостаток данной классификации – игнорирование лингвистического критерия. В отличие от предшественника, советский ученый В.В. Виноградов положил в основу своей классификации именно лингвистический принцип. Классификация В.В. Виноградова базируется на степени утраты компонентами фразеологизмов их базовых лексических значений. Так, в единствах значение фразеологической единицы в целом совпадает со значениями ее составляющих, то есть из сказанного совершенно ясно, о чем идет речь, хотя возможно метафорическое описание происходящего, объекта или явления. Например, «тянуть лямку» – что-то долго и тяжело делать. Сращения подразумевают тот факт, что значение фразеологизма не совпадает с составляющими его компонентами. Например, «бить баклуши» – «бездельничать». Во фразеологических сочетаниях используются слова как со свободным, так и со связанным употреблением. Рассмотрим фразеологизм «шут гороховый». Слово «шут» может сочетаться не только со словом «гороховый», но и с другими словами. Равно как и слово «гороховый». И лишь в совместном употреблении выражение обретает несвободный характер. Также иногда выделяют фразеологические выражения. Это членимые и разложимые словосочетания и предложения, значение которых складывается из значений составляющих их слов. К ним относятся пословицы, поговорки, афоризмы, историзмы, цитаты из известных художественных произведений. Пример: «When in Rome, do as the Romans do» (английский эквивалент русской поговорки «В чужой монастырь со своим уставом не ходят»; дословно – «В Риме поступай так, как поступают римляне») [2, С. 53-79].

Частотный анализ употребления разного типа онимов опирается на детальное изучение перечня из 105 фразеологических единиц английского языка, составленного методом прямой выборки номинаций из «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина [3]. Анализ примеров показал следующие результаты:

1. Фразеологические сращения – 40 примеров, что составило 38,1%. Примеры: «Black Maria» («тюремная карета»), «Great Scott» («ничего себе!»). Все фразеологические единицы из этой категории характеризуются неразложимостью, значением, которое невозможно вывести из отдельных компонентов.

2. Фразеологические выражения – 43 примера, что составило 41%. Примеры: «All roads lead to Rome», «Doubting Thomas». К этой группе относятся пословицы, поговорки, историзмы, известные библеизмы и выражения из классической литературы.

3. Фразеологические единства – 9 примеров, что составило 8,5%. Примеры: «King of the Hill» («царь горы»), «Hollywood ending» («счастливый финал»), «Paradise Lost» («потерянный рай»). Эта группа характеризуется мотивированностью сочетаний, требующих знания культурного контекста.

4. Фразеологические сочетания – 13 примеров, что составило 12,4% от выборки. Примеры: «Sherlock Holmes methods» («дедуктивный метод, методы Шерлока Холмса»), «Midas touch» («золотое касание Мидаса»). Характеристика: устойчивые выражения, где один компонент имеет свободное значение, а другой – связанное.

Результаты подсчетов представлены в диаграмме (рис. 1). Методика подсчета частотности предполагала группировку всех единиц по типу фразеологической единицы с последующим вычислением абсолютных и относительных показателей. Полученные данные легли в основу статистического анализа и визуализации результатов исследования.

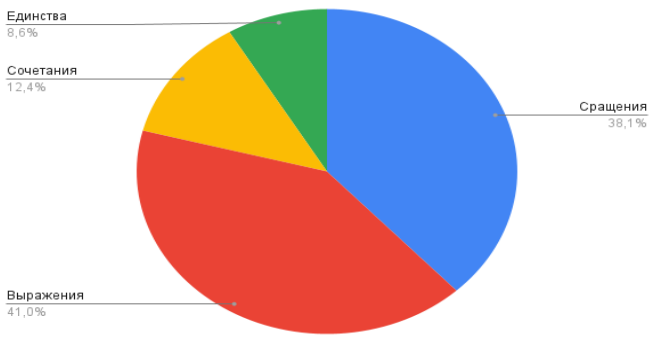

Рис.1 – Распределение типов фразеологических единиц

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом: фразеологические выражения доминируют (41%). Причина заключается в том, что большинство единиц в списке связаны с классической греко-римской мифологией, составляющей основу многих европейских

культур («Pandora’s box»), а также с греко-римской историей и правом («Cross the Rubicon»), античной литературой или же с библейскими текстами, которые также составляют базис культурного кода европейцев («Sodom and Gomorrah»). Таким образом, английская фразеология активно использует образы из универсальных культурных кодов (античность, Библия и т.д.), что облегчает их перевод и понимание в других языках. Отметим, впрочем, и возможность вариативных способов перевода в зависимости от аудитории, для которой создается переводной текст.

Значительную долю составляют сращения – 38,1% всех случаев. Выражения типа «Black Maria» или «Great Scott» полностью утратили связь с исходными компонентами. Их значение условно и закреплено традицией. Эти фразеологические единицы отражают непрозрачность идиоматического языка, где смысл выражения нельзя вывести логически, такие единицы часто требуют объяснения даже для самих носителей языка. Кроме того, именно такие культурно-специфические номинации, родившиеся на британской земле, хранят культурный код отдельно взятого этноса.

Наиболее редки сочетания (12,4%) и единства (8,5%). Столь малая доля обуславливается тем, что большинство единиц в списке либо полностью непрозрачны, либо основаны на образах, пришедших из универсальных культурных кодов. Пример «Sherlock Holmes methods» относится к сочетаниям, так как компонент «methods» сохраняет свое прямое значение и довольно высокую лексическую валентность. Небольшой процент связан по большей части с выборкой. При более тщательном анализе, который не позволил провести объем данной курсовой работы, их количество могло быть больше.

Распределение примеров обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами, которые отражают особенности формирования и функционирования фразеологизмов английского языка.

Начнем с того, что преобладание фразеологических оборотов объясняется культурно-историческими особенностями представленных в подборке фразеологизмов, многие из которых восходят к древней мифологии («Pandora’s box», «Trojan horse») библейским сюжетам («Daniel in the lion's' den», «Noah's Ark»), а также к важным историческим событиям («Cross the Rubicon», «meet one’s Waterloo»). Эти обороты представляют собой универсальные культурные коды, которые в силу своей важности и универсальности сохраняют семантическую прозрачность даже при многоязычном использовании. В отличие от фразеологических оборотов, значение которых не может быть выведено из их компонентов, единицыв данном случае остаются связанными с оригинальными образами и ситуациями, что делает их более стабильными. Таким образом, их также легче идентифицировать в различных языковых контекстах.

Далее отметим, что классическая литература является важным источником для пополнения фразеологического состава английского языка. Многие фразеологические выражения, представленные на выставке, взяты из произведений У. Шекспира («Lady Macbeth», «Prince Hamlet»). Поскольку эти литературные источники получили признание во всем мире и переведены на многие языки, связанные с ними фразеологизмы понятны представителям разных (по большей части, европейских) культур.

Наконец, лингвистические характеристики фразеологических единиц также влияют на преобладание того или иного их типа в данной выборке. Например, сочетания, источником которых служит античная мифология, имеют практически идентичный перевод в разных европейских языках (сочетание «Trojan horse» легко переводится на русский язык как «троянский конь», при этом сохраняется исходный мифологический образ и смысл). В отличие от них, фразеологические сращения требуют поиска аналогов или описательного перевода, что ограничивает их распространение.

Таким образом, преобладание определенного типа фразеологических единиц в анализируемой выборке является результатом сочетания нескольких факторов: культурной и исторической значимости оригинальных образов, влияния классической литературы и лингвистических характеристик самих фразеологических единиц. Однако подчеркнем, что такое распределение отражает не столько общую статистику английской фразеологии, сколько специфические характеристики конкретной выборки примеров.

Список использованной литературы

1. Каримова З. С. Проблема определения фразеологизма в современной лингвистике / З. С. Каримова. – Текст : электронный // Вестник Башкирского университета. – № 3. – 2008. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-frazeologizma-v-sovremennoy-lingvistike (дата обращения : 10.03.2026).

2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Лексикология и лексикография. – 1986. – С. 53-79.

3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1984. – 944 с. – Текст : непосредственный.

Тілеш Қ. Е., канд. филол. наук,
Ассоциированный профессор,
Дюсенгазин Д. М., магистр филол. наук,
старший преподаватель
Кожаеа А. Т., магистр филол. наук,
старший преподаватель
Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева
Республика Казахстан, г.Астана
E-mail: kara-191@bk.ru
assel_tursynkyzy82@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ ВУЗА

В статье рассматриваются коммуникативные функции текста в обучении казахскому языку. Анализируется роль текста как основной единицы речевой коммуникации и взаимодействие говорящего и слушающего в процессе общения. Подчеркивается значение передачи информации, интерпретации высказывания и использования языковых средств в конкретной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: казахский язык, текст, коммуникация, речевая деятельность, коммуникативная функция, говорящий, слушающий, обучение языку.

Тілеш Қ. Е., Ph. D. in Philology,
Associate Professor,
Dyusengazin D. M., Master of Philology,
Senior Lecturer,
Kozhaeva A. T., Master of Philology,
Senior Lecturer,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Kazakhstan, Astana
E-mail: kara-191@bk.ru
assel_tursynkyzy82@mail.ru

ASPECTS OF TEXT-BASED INSTRUCTION IN TEACHING KAZAKH TO RUSSIAN-SPEAKING UNIVERSITY STUDENTS

The article examines the communicative functions of text in teaching the Kazakh language. It analyzes the role of text as a basic unit of speech communication and the interaction between speaker and listener. Special attention is given

to information transfer, interpretation of statements, and the use of language means in a communicative situation.

Keywords: Kazakh language, text, communication, speech activity, communicative function, speaker, listener, language teaching.

Введение

Сегодня широко обсуждаются вопросы преподавания казахского языка. Проблемы обучения казахскому языку напрямую связаны с функционированием языка в обществе, его современным состоянием, путями пополнения и развития, систематизацией, а также использованием его внутреннего потенциала. В обучении языку его коммуникативные функции проявляются через тексты. В этой связи остановимся на коммуникативных функциях текста.

Текст – это вербальное коммуникативное действие устной или письменной речи. Текст – это языковая единица, обладающая внешней и внутренней структурой, логической последовательностью, целостностью и связностью частей. Каждому коммуникативному акту в зависимости от цели говорящего соответствуют определённые типы ситуаций, понятные слушателю. Речевая ситуация реализует языковую ситуацию. А коммуникативная ситуация – это участие говорящего и слушающего в речевой деятельности [1, С. 106].

В процессе речевой деятельности для полноценной реализации коммуникативного акта принципиально необходима не односторонняя, а двусторонняя активность участников общения. Коммуникация представляет собой интерактивный процесс, в котором задействованы как минимум два субъекта: говорящий (адресант) и слушающий (адресат).

Говорящий осуществляет порождение высказывания, формируя и вербализуя основную коммуникативную интенцию, кодируя содержание мысли посредством языковых средств в соответствии с нормами языковой системы и с учетом конкретной речевой ситуации. При этом он ориентируется на предполагаемый уровень знаний, культурный и социальный опыт адресата, а также на прагматические условия общения.

Слушающий, в свою очередь, не является пассивным реципиентом информации. Он осуществляет активный процесс восприятия, декодирования и интерпретации речевого сообщения, соотнося полученную информацию с собственным когнитивным опытом и контекстом коммуникации. Понимание высказывания предполагает не только распознавание языковых форм, но и реконструкцию коммуникативного замысла говорящего, интерпретацию имплицитных смыслов, учет интонационных, ситуативных и социокультурных факторов.

Таким образом, речевая коммуникация выступает как сложная система взаимосвязанных действий, в которой смысл формируется в резуль-

тате кооперативной деятельности адресанта и адресата. Эффективность общения определяется степенью согласованности их когнитивных установок, общностью фоновых знаний и адекватностью использования языковых средств в конкретной коммуникативной ситуации [2, С. 58].

В ходе речевого акта со стороны говорящего преследуется определённая основная коммуникативная цель. Намерения инициатора общения, такие как привлечение внимания слушателя, извинение, приветствие, относятся к неинформативным речевым актам. Однако основная сущность речевых актов считается информационной. Поэтому главной целью автора является передача информации читателю.

Говорящий или субъект речи выступает от имени писателя, проявляется в образе автора либо является лирическим героем произведения, выполняя роль повествователя. Для позиции говорящего создание речевого акта означает выражение мысли и смысла посредством высказывания.

Позиция слушателя включает понимание лексико-семантических, грамматических, прагматических и ситуативных сторон предложенного текста. Слушатель отличается тем, что после восприятия высказывания приходит к осмыслению и пониманию значения.

Кроме того, слушатель способен воспринимать кинесические элементы – жесты, мимику, особенности движений – как в устной, так и в письменной речи. Позиция слушателя для говорящего может оставаться неопределённой и находиться в ином пространстве. Возможность посредством языка встречаться с событиями, описываемыми в настоящем или будущем времени, в другом пространстве рассматривается как одно из особых свойств языка.

В зависимости от способа предъявления текста коммуникативное взаимодействие между говорящим и слушающим проявляется по-разному. Например, в устной речи наличие непосредственного контакта значительно облегчает позицию говорящего. А для слушающего восприятие письменной, особенно поэтической речи, является более сложным.

О коммуникативной функции говорящего можно выделить следующие виды анализа

1. *Номинативная функция.* Говорящий сообщает о действиях субъекта и объекта, о событиях, процессах и фактах внеязыковой действительности.

2. *Познавательная функция*. Связана с передачей знаний, жизненного опыта, системы образов. Относится к когнитивной, гносеологической функции.

3. *Апеллятивная функция.* Заключается в воздействии на адресата: побуждении к определённым идеям, развитии воображения, приближении к авторской концепции, воспитании этических и нравственных качеств.

4. *Экспрессивная функция.* Передача психологического состояния говорящего и его субъективного отношения к событию через лексико-семантические, словообразовательные, морфологические и синтаксические средства языка.

5. *Эмотивная функция.* Выражает эмоциональное состояние автора текста. Помимо языковых средств, используются вопросительные предложения и необычные сочетания слов, например: «трудно интересно», «плохо люблю» и т. п.

6. *Поэтическая функция.* Воздействие на чувства адресата посредством использования тропов и переносных значений для создания особой образности. Например: «Жас жүрек жайып саусағын, Талпынған шығар айға алыс» (Абай Кунанбаев).

7. *Фатическая функция.* Направлена на установление и поддержание контакта, ориентацию слушателя на восприятие и понимание речи [3, С. 19].

Наряду с рассмотренными коммуникативными функциями говорящего существуют и коммуникативные функции слушающего. Остановимся на них.

Коммуникативная функция адресата связана с тем содержанием текста, которое он получает и воспринимает в процессе общения.

К ним относятся:

1. ***Контактная функция.*** Заключается во внимании слушающего к новой информации, её понимании и готовности к взаимодействию с говорящим, автором. Воздействие сообщения на адресата зависит от того, на каком языке оно получено – в оригинале или в переводе.

2. ***Функция восприятия и понимания.*** Связана со смысловой основой информации: хорошим знанием национального языка и социальной среды, пониманием лексико-фразеологических, грамматических, поэтических знаков и символических кодов.

3. ***Фатическая функция.*** Проявляется в репликах слушающего, направленных на установление или регулирование контакта: «продолжайте», «подождите», «достаточно», «я не буду слушать» и т. п. Объявление перерыва на собраниях или лекциях также относится к фатической функции.

4. Поэтическая функция. Если текст оказывает эстетическое и поэтическое воздействие и удовлетворяет духовные потребности реципиента, то поэтическая функция общения способствует пониманию символов и подтекста произведения [4, С. 102].

Текст является языковой единицей, поэтому текстовая типология опирается на критерии лингвистической типологии. В зависимости от параметров текстовая типология может быть различной. Одним из таких параметров является **структурный параметр.**

По структурным параметрам тексты подразделяются на простые, сложные и комплексные. К простым текстам относятся лозунги, призывы, заголовки, вывески, рекламные тексты.

В сложных текстах встречаются простые, производные, сложные и заимствованные слова; по мере увеличения количества языковых средств возрастает и богатство словарного состава текста. Иногда в структуру одного текста включается другой текст – так называемая конструкция «текст в тексте»; такие тексты относятся к комплексным [5, С. 23].

Интерпретация, восприятие, объяснение и исследование сложных и комплексных текстов, созданных посредством сложных языковых средств, представляет определённую трудность и требует компетентности слушающего. Поэтому тексты подбираются с учётом уровня подготовки аудитории.

В ходе учебного процесса анализ текста осуществляется через виды речевой деятельности: аудирование, чтение, говорение и письмо.

Обобщая результаты проведённого исследования, следует отметить, что речевая деятельность и коммуникативный процесс по своей природе основываются на двусторонней активности участников общения. Коммуникация не может рассматриваться как односторонняя передача информации; она представляет собой сложный интерактивный механизм, в котором смысл формируется в результате взаимодействия адресанта и адресата.

Говорящий, реализуя коммуникативную интенцию, осуществляет отбор и организацию языковых средств в соответствии с целью высказывания и условиями речевой ситуации. Слушающий, в свою очередь, выполняет активную когнитивную работу по восприятию, декодированию и интерпретации сообщения, соотнося его с собственным опытом, фоновыми знаниями и контекстом общения. Таким образом, понимание является результатом совместной мыслительной и прагматической деятельности участников коммуникации.

Эффективность речевого взаимодействия определяется степенью согласованности когнитивных установок коммуникантов, общностью их социокультурного пространства и адекватностью использования языковых средств. В связи с этим изучение речевой коммуникации требует комплексного подхода, включающего лингвистический, дискурсивный, когнитивный и прагматический аспекты. Дальнейшие исследования в данном направлении способствуют более глубокому осмыслению механизмов формирования смысла и повышению эффективности межличностного и профессионального общения.

Список использованной литературы

1. Сыздык Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы / Р. Сыздык. – Алматы : Арыс, 2004. – 283 с. – Текст : непосредственный.

2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.

3. Әбдікәрім Т. М. Мәтін және «Ана тілі» оқулығы мәтіндемесін құраудың теориясы / Т. М. Әбдікәрім. – Павлодар : ЭКО НПФ, 2007. – 332 с. – Текст : непосредственный.

4. Zhakyp M. Coverage in the periodical press of tsarist Russia of the colonial policy on the Kazakh land / M. Zhakyp. – DOI 10.54919/physics/55.2024.251ak6. – Текст : непосредственный // Научный вестник Ужгородского университета. – 2024. – № 55. – С. 2516-2524.

5. Жакупов Ж. А. Қазақ тілінде сөйлеуді үйретудің психолингвистикалық кейбір қырлары / Ж. А. Жакупов. – Текст : непосредственный // Вестник Карагандинского университета. Филологическая серия. – 2004. - № 4. – С. 22-25.

Рыбакова Д. Д., обучающийся,
Научный руководитель: Анисина Н. В., канд. пед. наук., доцент,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: dianka-rybakova@bk.ru
anisinat@mail.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ АППАРАТА ИЗДАНИЯ ФЭНТЕЗИ, ОСНОВАННОМ НА МИФОЛОГИИ

В статье рассматривается культурологическая роль аппарата издания фэнтези, основанного на мифологии. На основе анализа 100 изданий выявлено отсутствие библиографического аппарата, а также отмечена тенденция к усложнению справочно-пояснительного аппарата для «полного погружения» читателей.

Ключевые слова: массовая культура, культура фэнтези, мифология, аппарат издания, анализ.

Rybakova D. D., student,
Scientific supervisor: Anisina N. V., Ph. D., Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Russia, St. Petersburg
E-mail: dianka-rybakova@bk.ru
anisinat@mail.ru

THE CULTURAL ROLE OF FANTASY PUBLISHING BASED ON MYTHOLOGY

The article examines the cultural role of the apparatus of a fantasy publication based on mythology. Based on an analysis of 100 publications, the absence

of a bibliographic apparatus was identified, and a tendency towards the complication of the reference and explanatory apparatus for the “complete immersion” of readers was noted.

Keywords: mass culture, fantasy culture, mythology, publishing apparatus, analysis.

Актуальность исследования обусловлена растущей популярностью фэнтези как социокультурного феномена, опирающегося на разные мифологические традиции. Поскольку произведения жанра создают сложные вымышленные миры, особую значимость приобретает аппарат издания. Выполняя культурологическую функцию, он помогает читателю ориентироваться в мифологическом контексте и глубже погружаться в «вторичный мир». При этом сравнительный анализ аппарата ста изданий фэнтези, основанного на мифологии, проводится впервые.

Цель исследования – выявление особенностей 100 литературно-художественных изданий в жанре фэнтези, основанных на мифологии.

Метод исследования – редакторский анализ.

Принято считать, что возникновение современного фэнтези связано с развитием фантастической литературы [1, С. 1161-1164], но его истоки уходят в средневековый роман: именно он интегрировал мифы и легенды, а также заложил основы жанра [2, С. 234-407]. Однако появление фэнтези в массовой культуре специалисты связывают с публикацией произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» [3, С. 253]. Это совпало с развитием массовой культуры – ее коллективным «потребителем» стали широкие общественные круги, а не элитарная аудитория. Соответственно, массовая литература, включающая разнообразные жанры и адресованная обществу в целом, открыла фэнтези дорогу к широкой популярности [4, С. 152].

Так фэнтези вышло за рамки литературного жанра и превратилось в особое социокультурное пространство – культуру фэнтези. Оно формирует целостные вымышленные миры с героями, наделенными магическими силами, опираясь на сказочно-мифологическую традицию в литературе, искусстве и компьютерных играх [5, С. 63]. Притягательность жанра обусловлена способностью создавать новые миры на основе мифологических мотивов. Это не только отвечает запросам массовой литературы, но и служит инструментом исследования человеческого мышления и мировосприятия [6, С. 626].

Подобно мифу, фэнтези опирается на чувственно-эмоциональные аспекты и фантазии – материальная основа сюжета в нем отсутствует. Жанр формирует «Вторичный Мир» как новый тип мифа. Автор переосмысливает традиционные мифологии (египетскую, древнекитайскую и др.), трансформирует образы богов и героев и встраивает их в самобытную вселенную с

обновленными законами мироустройства. При этом сохраняется архетипическая узнаваемость, благодаря чему читатель воспринимает вымышленный мир как убедительную и целостную реальность [7, С. 366].

Создание таких сложных мифологических вселенных устанавливает особые требования к оформлению изданий. Информационная ценность книги напрямую зависит от качества ее аппарата – совокупности вспомогательных элементов, помогающих читателю ориентироваться в тексте. Продуманная структура опознавательно-отличительных, справочно-поисковых и справочно-пояснительных компонентов облегчает восприятие. Однако при их разработке важно учитывать уровень подготовки аудитории и ее интересы. Это особенно актуально с учетом широкой популярности фэнтези. Ведь изначально адресованный детям и подросткам, жанр сопровождает процесс взросления и помогает найти опору в мире неопределенности.

Несмотря на популярность, фэнтези остается недостаточно изученным. Большинство исследований сосредоточено на теоретических аспектах, а практические работы обычно ограничиваются анализом отдельных элементов жанра либо фокусируются на творчестве конкретного автора. В связи с этим впервые будет проведен сравнительный анализ аппарата 100 литературно-художественных изданий в жанре фэнтези, основанных на мифологии. При выборе издания учитывались следующие факторы: 1) литературно-художественное издание; 2) жанр фэнтези; 3) присутствие любой мифологии.

Опознавательно-отличительный аппарат. Анализ показал, что почти во всех изданиях на титульном листе отсутствуют надзаголовочные и подзаголовочные данные, однако во всех присутствуют выходные данные. В большей части изданий присутствует авантитул, на котором чаще всего располагается заглавие серии. В некоторых изданиях можно увидеть контртитул. Во всех изданиях на обороте титульного листа присутствуют: УДК, ББК, ISBN, авторский знак, знак охраны авторского права и макет аннотированной карточки (МАКК). Почти во всех изданиях на обороте титульного листа можно увидеть сведения о лицах, осуществивших предпечатную подготовку издания (оформление), также в значительной части изданий располагаются: сведения об издании, с которого сделан перевод; сведения о языке текста, с которого переведено произведение, и имени переводчика; текстовое предупреждение. В некоторых изданиях на обороте титульного листа также находятся сведения с концевого титульного листа. Почти во всех изданиях на концевом титульном листе есть знак информационной продукции, в значительной части изданий присутствуют: текстовое предупреждение, штрих-код, ISBN, QR-код. На передней стороне обложки или же на передней сторонке переплетной крышки у большей части изданий находятся только автор и название. В некоторых можно увидеть: издательство; заглавие серии; знак информационной продукции; жанр; комментарий; номер

книги; цикл; том; сведения о лицах, осуществивших предпечатную подготовку издания (оформление); сведения о языке текста, с которого переведено произведение, и имени переводчика. На задней стороне обложки или же на задней сторонке переплетной крышки во всех изданиях расположен штрих-код. Почти у всех изданий присутствуют: аннотация, ISBN, издательство. У многих можно заметить: связь с издательством и комментарий. У некоторых: сведения о лицах, осуществивших предпечатную подготовку издания (оформление); хештеги; заглавие серии; знак информационной продукции; автор и название; связь с автором; информация об авторе; текстовое предупреждение. На корешке у большей части изданий сведения располагаются сверху вниз. На всех можно увидеть автора и название. В некоторых изданиях на корешке также присутствуют: издательство, заглавие серии, жанр, номер книги, том. Не совсем понятно насчет заглавий серий. Они могут встречаться только на каком-то одном элементе изданий или же сразу на всех. Вывить какие-то закономерности не удалось.

Справочно-поисковый аппарат. Почти во всех изданиях присутствует справочно-поисковый аппарат. Лишь в небольшом числе изданий отсутствует оглавление или содержание, причем чаще встречаются именно оглавления. Почти во всех случаях оглавление или содержание выполнено в одну колонку и содержит отточия, что облегчает навигацию.

В большей части изданий имеются колонтитулы, преимущественно постоянные, и почти во всех случаях они расположены наверху страницы.

Справочно-пояснительный аппарат. Данный аппарат присутствует в большинстве изданий. Наиболее распространенным элементом являются подстрочные примечания, которые разъясняют слова и понятия из различных мифологий, помогая читателю ориентироваться в мифологическом контексте произведения. Во многих изданиях встречаются дополнительные элементы: послесловие, глоссарий, словарь, приложения, «Об авторе», а также специфические материалы вроде «иерархии чародеев», «стадий изменения болотной нежити», «рецептов», «путеводителя имен по произведению» и т.д. В небольшом количестве изданий присутствуют затекстовые примечания.

Аппарат издания выполняет значимую культурологическую функцию в изданиях жанра фэнтези, основанных на мифологии. Опознавательные элементы помогают читателю идентифицировать произведение, определить место книги в цикле или серии, найти издания похожей тематики. Справочно-поисковые элементы облегчают навигацию по тексту. Справочно-пояснительный аппарат погружает читателя в произведение. Благодаря подстрочным примечаниям читатель узнает, из какой мифологии взято то или иное существо, понятие или ритуал, понимает его значение и роль в сюжете. Глоссарии и словари систематизируют мифологические термины, имена и названия, позволяя быстро освежить в памяти ключевые детали и не запутаться. Приложения (например, хронологии, бестиарии, путеводители по

именам или иерархии сил) углубляют погружение, выстраивают целостную картину мира и помогают ориентироваться в его географии, истории и социальной структуре.

Каждое издание данного жанра создает собственный мифологический мир. Он может опираться на одну или несколько мифологий, творчески перерабатывать их или же быть полностью вымышленным. Такой мир часто включает уникальные существа, артефакты, географические объекты, социальные иерархии и магические системы, которые незнакомы читателю. Без справочно-пояснительного аппарата погружение в этот мир может оказаться затруднительным.

Таким образом, особенностью аппарата изданий в жанре фэнтези, основанных на мифологии, является отсутствие библиографического аппарата, а также наличие продуманного и уникального справочно-пояснительного аппарата. Благодаря этому читатель знакомится с культурой вымышленного мира и понимает его мифологическую логику.

Список использованной литературы

1. Гопман В. Л. Литературная энциклопедия терминов и понятий / В. Л. Гопман. – Текст : непосредственный // Фэнтези. – Москва : Интелвак, 2001. – С. 1161-1164.

2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Текст : непосредственный // Формы времени и хронотопа в романе. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234-407.

3. Ленков П. Д. Феномен фэнтези : как жанр стал одним из столпов современной культуры / П. Д. Ленков, Е. А. Шемонаев. – Текст : непосредственный // Индустрии впечатлений. технологии социокультурных исследований. – 2024. – № 4 (9). – С. 248-283.

4. Раренко М. Б. Массовая литература как социальный феномен / М. Б. Раренко. – Текст : непосредственный // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 6 (861). – С. 151-156.

5. Купцова И. А. Культура фэнтези как средство социализации подростков / И. А. Купцова, Г. А. Унукаев. – Текст : непосредственный // Образование и культурное пространство. – 2020. – № 2. – С. 62-69.

6. Лиховцева Л. С. Сифологические аспекты в фэнтези-литературе : анализ цикла Сары Дж. Маас «Королевство шипов и роз» / Л. С. Лиховцева. – Текст : непосредственный // Научный старт. – 2025. – С. 625-629.

7. Ворожцова М. В. Мифология фэнтези в современной молодежной культуре / М. В. Ворожцова. – Текст : непосредственный // Культурология в теориях и практиках. – 2022. – С. 364-370.

Кононова А. А., обучающийся,
Научный руководитель: Анисина Н. В., канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: kononova.aa@edu.spbstu.ru
anisinat@mail.ru

ОФОРМЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ КАК СПОСОБ КУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье исследуется роль визуальных элементов в оформлении современных исторических романов и их влияние на восприятие исторической эпохи читателем. Анализируются компоненты внешнего и внутреннего оформления книг на примере 40 изданий, посвященных разным историческим периодам.

Ключевые слова: исторический роман, редакторская подготовка, культурная репрезентация, художественный текст.

Kononova A. A., student,
Scientific supervisor: Anisina N. V., Ph. D., Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Russia, St. Petersburg
E-mail: kononova.aa@edu.spbstu.ru
anisinat@mail.ru

DESIGN OF HISTORICAL NOVELS AS A WAY OF CULTURAL REPRESENTATION

The article examines the role of visual elements in the design of modern historical novels and their impact on readers' perception of historical eras. It analyses the components of external and internal book design using 40 publications dedicated to various historical periods as case studies.

Keywords: historical novel, editorial preparation, cultural representation, literary text.

Актуальность исследования обусловлена значимостью визуальных элементов для передачи историко-культурного контекста, возросшим интересом к историческим сюжетам на фоне социальных и политических проблем современности и интересом к отображению реконструкции в оформлении.

Цель исследования – выявить особенности внешнего и внутреннего оформления 40 изданий исторического романа, выпущенных в период 2006 – 2024 годов. Метод исследования – редакторский анализ.

Современные исторические романы не просто воспроизводят факты, а предлагают новые подходы к переосмыслению прошлого. Их отличительная особенность – проведение параллелей между прошлым и настоящим: эта традиция, зародившаяся в XIX в., остается актуальной и сегодня. Авторы выстраивают такие параллели, чтобы выявить новые аспекты современности и помочь читателям разобраться в текущей реальности. Исследователи М. А. Атаев, Х. М. Галычаев и М. К. Бураев [1, С. 181] подчеркивают, что рост интереса к историческим сюжетам – реакция на социальное и политическое напряжение. По мнению авторов, история выступает зеркалом наших проблем и тревог, а исторический роман – не только способ сохранения памяти, но и инструмент критического осознания текущего момента.

Для редакторской подготовки исторического романа большое значение имеют иллюстрации: они создают необходимый контекст и помогают понять текст с учетом исторических и культурных условий, влияющих на замысел и реализацию произведения. Главная трудность – перенос литературного материала в форму книжной иллюстрации.

Авторы С. С. Соковиков и О. Н. Зайкова [2, С. 68] отмечают, что историко-культурные контексты формируют содержание, форму и восприятие произведений культуры через социальные и культурные факторы. Иллюстрации книг как часть визуального искусства отражают культурные тенденции эпохи с помощью образов и символов.

В условиях глобальных изменений методов изучения истории важно разобраться в соотношении реальной истории и ее художественного отображения. Исследователи Б. К. Базылова и С. Б. Даутова [3, С. 38] считают, что современный взгляд на прошлое стимулирует творчество писателей: они заново осмысливают ключевые события и образы исторических фигур, сыгравших важную роль в судьбе народов.

Феномен исторической реконструкции, объединяющий знания культурологии, истории, археологии и социологии, привлекает ученых ввиду своей междисциплинарности и исследовательскому потенциалу. Термин «реконструкция» – процесс преобразования объекта согласно новым методикам и принципам [4, С. 594].

Исследователь А. В. Демина [5, С. 45] различает две трактовки понятия «исторической реконструкции»: 1) создание точной копии облика и структуры объекта на основе фрагментов, документов и исследований; 2) воспроизведение исторических событий и объектов на практике. В настоящем исследовании используется вторая интерпретация.

Анализ 40 изданий показал, что визуальные элементы играют ключевую роль в создании атмосферы исторической эпохи. Рассмотрим основные элементы и их функции:

1. **Внешнее оформление**. **Суперобложка** (4 издания): в 2 повторяет рисунок переплета, но может и контрастировать с ним – например, привлекать внимание к одноцветной переплетной крышке. **Переплетная крышка**

(36 изданий): основной элемент внешнего оформления. Часто содержит портрет главного героя (в 9 – женщина, в 5 – мужчина) или символические атрибуты эпохи (меч, корона, корабль и т. д.). Используются различные виды отделки: матовое покрытие (14), глянцевое (3), термоподъем, металлизированные краски и др. **Обложка** (4 издания): чаще с глянцевым покрытием. На ней обычно изображают ключевых персонажей (в 3 – мужчину в историческом костюме).

2. **Внутреннее оформление. Форзац** (40 изданий): в 20 форзац белый, в остальных случаях – цветной (красный – 6, синий – 4, коричневый – 3) с дополнительными элементами (цитаты, цветы, повтор переплета и др.). **Буквица** (18 изданий): в 15 утопает в тексте, в 3 – выступает за верхнюю линию строки. Создает ощущение старинной рукописи. **Шмуцтитул** (29 изданий): содержит посвящение (16), декоративные элементы (20), повторяющие стиль эпохи. **Колонтитулы и колонцифры** (25 изданий): в 10 колонтитул постоянный, в 8 – переменный. В редких случаях (2) используются нестандартные решения, например, колонцифра в квадратных скобках. **Виньетки и декоративные элементы**: линейки, узоры, рамки – встречаются в 8 изданиях, особенно на шмуцтитулах и в оглавлении. **Иллюстрации** (20 изданий): преимущественно черно-белые (полосные, распашные, форматные). Цветные иллюстрации только в одном издании. Помогают визуализировать исторические детали: костюмы, архитектуру, оружие и др. **Сноски** (32 издания) и **внутритекстовые цитаты** (22 издания): структурируют информацию, дают дополнительные исторические пояснения. В изданиях о XVI – XVII вв. (9 книг о Франции и Англии) используются готические шрифты на титульных листах и виньетки в стиле барокко. Для романов о Др. Руси (1) характерны орнаменты, напоминающие древнерусские рукописи, и буквицы с растительными мотивами. Для книг о XVIII в. (5) характерны элементы классицизма: строгие рамки, симметричные композиции, портреты исторических личностей на переплете.

Редакторская работа с визуальными элементами заключается в их тщательном выборе и адаптации под стиль и содержание материала. Рассмотрим адаптацию 40 изданий:

Анализ эпохи: редактор и дизайнер изучают исторические источники (гравюры, старинные книги, предметы быта), чтобы подобрать соответствующие шрифты, орнаменты, композиции. Например, для романов о Средневековье выбирают готические шрифты, а для XVIII в. – шрифты эпохи классицизма. **Баланс между достоверностью и читаемостью**: исторические шрифты могут быть сложными для восприятия, поэтому их используют дозированно (например, только на титуле или шмуцтитуле), а основной текст набирают современными удобочитаемыми шрифтами. **Целевая аудитория**: для массового читателя оформление делают более ярким и броским (цветные форзацы, глянцевые переплеты), для ценителей – сдержанным и аутен-

тичным (матовые покрытия, минималистичные элементы). **Бюджет издания**: суперобложка, металлизированные краски, цветные иллюстрации увеличивают стоимость, поэтому их применяют выборочно. В бюджетных вариантах акцент делают на типографике и качественной бумаге. **Маркетинговые задачи**: переплет и суперобложка должны выделяться на полке, для этого используют яркие цвета, рельеф, лакирование и другие виды отделки.

Также рассмотрим, как визуальные элементы формируют представление о прошлом у аудитории:

Символика: изображения на переплете (портреты, гербы, предметы эпохи и др.) сразу задают культурный контекст. Например, меч и доспехи на переплете романа о Средневековье вызывают ассоциации с рыцарством, а корона в книге о XVIII в. – с монархией. **Типографика**: шрифты передают дух времени. Готические шрифты ассоциируются с Средневековьем, классицистические – с XVIII в., рукописные – с личными дневниками или письмами. **Иллюстрации и карты**: помогают визуализировать исторические реалии. Черно-белые гравюры создают ощущение документальности, а цветные иллюстрации – эмоциональную вовлеченность. **Детали оформления**: виньетки, рамки, буквицы усиливают «эффект присутствия». Например, растительные орнаменты на шмуцтитулах романа о Древней Руси отсылают к народному искусству. **Тактильные ощущения**: материал переплета (искусственная кожа, матовая бумага) и отделка (рельеф, лак) создают дополнительные ассоциации. Книга в кожаном переплете воспринимается как более «старинная».

Нами выявлено, что связь между оформлением книги и национальной/культурной идентичностью реализуется через использование ряда ключевых элементов:

Региональных особенностей: в изданиях о русской истории (4 издания о Российской Империи) чаще встречаются орнаменты, стилизованные под древнерусские мотивы, а в романах о Франции (5) – элементы барокко и классицизма; **исторических символов**: использование национальных цветов (например, красный и золотой в книгах о царской России) или атрибутов власти (корона, скипетр) подчеркивает культурную принадлежность; **языковых элементов**: в 4 изданиях присутствуют фрагменты текста на языке эпохи (старорусский, латынь), что усиливает аутентичность; **визуальных кодов**: определенные шрифты и композиции могут отсылать к традициям книгопечатания конкретной страны. Например, английские романы о XVI в. часто оформляют в стиле первых печатных книг У. Кэкстона; **коллективной памяти**: оформление актуализирует культурные стереотипы. Так, изображения рыцарей в доспехах или дам в кринолинах становятся «визуальными маркерами» эпохи, закрепленными в массовом сознании.

Исследование подтвердило, что оформление исторического романа сочетает художественное творчество, историческую достоверность и куль-

турную репрезентацию. Визуальные элементы формируют у читателя представление об эпохе и национальной идентичности, актуализируют коллективную память и культурные стереотипы. Современные исторические романы, соединяя критическое осмысление прошлого с выразительными средствами искусства, становятся инструментом для понимания современности через призму истории.

Список использованной литературы

1. Атаева М. А. Возвращение к историческому роману : роль исторических романов в современном русском литературном процессе / М. А. Атаева, Х. М. Гылычанов, М. К. Буграев. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2024. – № 9 (78).– С. 180-183.
2. Соковиков С. С. Визуальные проекции историко-культурных контекстов в книжных иллюстрациях / С. С. Соковиков, О. Н. Зайкова. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета : Социально-гуманитарные науки. – 2021. – Т. 21, № 2. — С. 67-76.
3. Базылова Б. К. Своеобразие художественной реконструкции исторической эпохи и личности в новейшей исторической романистике / Б. К. Базылова, С. Б. Даутова. – Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2023. – № 4. – С. 37-41.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка : [100 000 слов и словосочетаний] / Д. Н. Ушаков. – Москва : Аделант, 2013. – 800 с. – Текст : непосредственный.
5. Демина А. В. Движение исторической реконструкции: пути и решения / А. В. Демина. Текст : электронный // Вестник Костромского государственного университета. – 2012. – Т. 18, № 5. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-istoricheskoy-rekonstruktsii-puti-i-resheniya (дата обращения : 13.03.2026).

Соболева А. В., магистрант,
Умарова Г. С., канд. фил. наук, доцент,
Западно-Казахстанский университет
имени М. Утемисова,
Республика Казахстан, г. Уральск
E-mail: a.soboleva375@gmail.com
umarova_1959@mail.ru

ПОЭЗИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье исследуется трансформация экзистенциальной функции поэтического текста в условиях цифровой эпохи. Анализируется, как виртуальная среда, усиливая чувство отчуждения и фрагментарности бытия, актуализирует потребность в поэзии как пространстве рефлексии над одиночеством, свободой и поиском смысла. Рассматриваются новые формы бытования поэзии в цифровых медиа.

Ключевые слова: экзистенциализм, поэтический текст, цифровая эпоха, отчуждение, смысл жизни, виртуальная коммуникация, рефлексия, идентичность.

Soboleva A. V., Master's student,
Umarova G. S., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
M. Utemisov West Kazakhstan University,
Republic of Kazakhstan, Uralsk
E-mail: a.soboleva375@gmail.com
umarova_1959@mail.ru

POETRY AS A SPACE OF EXISTENTIAL REFLECTION IN THE DIGITAL AGE

The article examines the transformation of the existential function of a poetic text in the digital age. It analyzes how the virtual environment, reinforcing the sense of alienation and fragmentation of being, actualizes the need for poetry as a space of reflection on loneliness, freedom and the search for meaning. New forms of poetry in digital media are considered.

Keywords: existentialism, poetic text, digital age, alienation, meaning of life, virtual communication, reflection, identity.

Современная цифровая эпоха существенно трансформирует формы коммуникации и культурного взаимодействия. Расширение виртуального пространства, с одной стороны, создает иллюзию постоянной включенности в общение, а с другой – способствует отчуждению личности от непосредственного, «живого» диалога. В результате усиливаются чувство одиночества, фрагментарность бытия и утрата устойчивых смысловых ориентиров, что приводит к обострению экзистенциальных проблем – поиска смысла жизни, идентичности и внутренней целостности.

В условиях подобной трансформации особую значимость приобретает поэтический текст как форма художественного осмысления экзистенциального опыта человека. Поэзия, обращенная к внутреннему миру личности, становится пространством рефлексии над состояниями одиночества, тревоги, ответственности и свободы. Цифровая среда изменяет способы восприятия поэтического слова, однако не отменяет его глубинной функции – выражения предельных состояний человеческого существования.

Экзистенциализм (лат. existentia – «существование») – философское направление, предметом которого являются противоречия между сущностью человека и его существованием. С точки зрения экзистенциалистов, человек сталкивается с экзистенциальной установкой – чувством дезориентации, замешательства или страха перед бессмысленностью и абсурдностью мира [1, С. 1]. Человеческое существование осмысляется как проблемное,

не имеющее заранее заданного смысла и требующее постоянного личного выбора.

В трактовке А. Г. Спиркина экзистенциализм акцентирует внимание на человеке как субъекте: личность понимается как носитель свободы и ответственности, через которые раскрываются уникальность, конечность и смертность индивидуального существования [2, С. 181-183]. Феноменологическое основание экзистенциализма, восходящее к Э. Гуссерлю, проявляется в стремлении описывать экзистенцию в её первичной данности – через переживания тревоги, заброшенности, свободы, выбора и времени, минуя абстрактные схемы [3].

Ключевым принципом экзистенциалистской философии является тезис Ж.-П. Сартра о том, что «существование предшествует сущности» [4, С. 5]. Человек не обладает заранее заданной природой, а формирует себя в процессе жизни посредством свободного выбора. Отсутствие предустановленных смыслов возлагает на индивида ответственность за создание собственных ценностей и жизненных ориентиров [5, С. 6].

К числу основных вопросов экзистенциализма относятся: свобода и ответственность, конечность человеческого существования (осознание смерти), тревога и абсурд как базовые экзистенциальные состояния, проблема подлинности и отчуждения, а также язык, искусство и творчество как формы выражения экзистенциального опыта. Художественное произведение, в том числе поэтический текст, воспринимается не только как отражение реальности, но и как способ явления человеческого бытия, позволяющий передать то, что трудно выразить рационально. Цифровая эпоха радикально трансформирует литературную среду, в которой живёт поэтический текст. Появление интернета, социальных сетей, мобильных устройств и цифровых платформ изменило способы создания, распространения, восприятия и интерпретации поэтического слова. Если традиционный литературный текст существовал прежде всего в форме печатного произведения, ориентированного на линейное чтение, то цифровой контекст выдвигает на первый план мультимодальность, интерактивность и сетевую доступность контента [6, С. 105-108]. Эти процессы открывают новые художественные и коммуникативные возможности, но одновременно порождают сложные вопросы о сути поэтического выражения и его функционировании в медийной среде. Одним из ключевых изменений, обусловленных цифровизацией, является переход от книги к экрану – от фиксированного текста к динамическим, мультимодальным форматам. В цифровой культуре поэтические тексты могут сочетать в себе слова, изображение, звук и движение, что формирует новые поэтические переживания у читателя, основанные на единстве разных смысловых кодов. Так, исследования в области электронной литературы показывают, что цифровые поэтические проекты включают визуальные элементы или мультимодальные структуры, которые влияют на интерпретацию текста и расширяют его семантические возможности вне рамок

традиционного печатного формата [7]. Эти особенности подчеркивают, что цифровой поэтический текст не только передаёт смысл, но и создаёт художественный опыт, основанный на взаимодействии читателя с медиаформой.

Цифровая эпоха радикально трансформирует литературную среду. Появление интернета, социальных сетей и цифровых платформ изменило способы создания, распространения и восприятия поэтического слова. Если традиционный литературный текст существовал в форме печатного произведения, ориентированного на линейное чтение, то цифровой контекст выдвигает на первый план мультимодальность, интерактивность и сетевую доступность контента [6, С. 105-108].

Ключевым изменением становится переход от книги к экрану – от фиксированного текста к динамическим форматам. В цифровой культуре поэтические тексты могут сочетать слово, изображение, звук и движение, формируя новые поэтические переживания, основанные на единстве разных смысловых кодов. Исследования в области электронной литературы показывают, что цифровые поэтические проекты включают визуальные элементы, которые влияют на интерпретацию текста и расширяют его семантические возможности [7].

Цифровая среда делает поэтический текст максимально доступным. Платформы вроде блогов, социальных сетей и поэтических сообществ позволяют авторам публиковать стихи вне традиционных издательских фильтров. Однако расширенные возможности публикации сопровождаются изменениями в восприятии: краткость, фрагментарность и адаптация под форматы экранного восприятия становятся нормой. Элементы визуального оформления, хештеги, эмодзи могут включаться в стихотворение как часть его художественной структуры.

Перед поэтическим текстом в цифровую эпоху стоят и новые вызовы. Фрагментарность и зависимость от платформенных алгоритмов могут смещать фокус с глубинного смыслового содержания к поверхностному потреблению. Одновременно цифровая среда требует от читателя и автора новых навыков медиаграмотности, понимания визуального и интерактивного потенциала текста.

Цифровая среда усиливает переживание «экзистенциальной ситуации» – состояния дезориентации, неопределенности и поиска смысла. Цифровизация изменяет структуры человеческого восприятия, вводя технологии в ядро повседневного опыта. В этом контексте поэзия становится не просто эстетическим продуктом, но инструментом рефлексии над состоянием человека в мире цифровых связей.

Поэтический текст в цифровую эпоху активно взаимодействует с новыми форматами коммуникации. Эти форматы стимулируют появление поэтических практик, ориентированных на выражение субъективных переживаний – одиночества, отчужденности, неопределенности. Поэзия выступает

как пространство, в котором экзистенциальные смыслы переживаются и выражаются в новых формах, зачастую фрагментарных, что коррелирует с цифровыми способами восприятия. Появление цифровых языков (символов, аббревиатур, визуальных маркеров) обусловливает новые способы выражения внутреннего опыта.

Анализ современного поэтического процесса показывает: цифровая коммуникация не нивелировала художественный потенциал поэзии, но поставила перед ней вызов сохранения глубинного смысла. Информационная перегруженность и «экранная культура» способствуют распространению коротких текстов, но одновременно усиливают мотивацию к созданию поэтических форм, способных осмыслять экзистенциальные переживания человека XXI века.

Одним из ярких примеров поэзии, функционирующей в цифровой среде, является творчество Веры Полозковой. Она ведет активные аккаунты в Instagram и других платформах, где публикует строки, обращенные к личным переживаниям и вопросам бытия. В текстах звучат темы самоидентификации, эмоциональной уязвимости и поиска смысла жизни в условиях неопределенности.

Цифровые поэтические сообщества (Telegram-каналы, паблики) публикуют стихи, в которых явно присутствует внутреннее переживание, одиночество, тоска. Эти тексты, сопровождаемые хештегами и визуальными элементами, создают пространство, где личные переживания становятся доступными широкой аудитории и обретают коллективный отклик.

Существуют также проекты на пересечении традиционной поэзии и цифровой литературы. Исследователь и практик цифровой литературы Наталия Федорова создает медиа-поэзию, видео-поэзию и электронные текстовые генераторы, расширяющие границы поэтического выражения. В ее работах поэзия взаимодействует с визуальными и цифровыми формами, отражая опыт восприятия человека в медиапространстве.

Цифровое пространство позволяет поэтам быстро реагировать на общественные события и транслировать экзистенциальную позицию. В последние годы в интернете распространились стихи, отражающие реакции на политические и социальные кризисы – пандемию, войны, чувство общественного отчаяния и абсурда.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод: в цифровую эпоху поэтический текст не утрачивает своей экзистенциальной функции, а приобретает новые формы выражения и способы взаимодействия с читателем. В условиях нарастающей социальной изоляции, снижения глубины межличностного общения и усиления чувства одиночества поэзия становится пространством, где человек может выражать внутренние кризисы, страхи, сомнения и поиски смысла. Цифровая среда, порождая новые вызовы, одно-

временно предоставляет поэзии инструменты для более широкого и оперативного диалога с аудиторией, сохраняя за ней роль хранителя и транслятора экзистенциального опыта современного человека.

Список использованной литературы

1. Aho K. Existentialism: An Introduction / K. Aho. – Cambridge : Polity Press, 2014. – 193 p. – Text : direct.
2. Спиркин А. Г. Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – Изд. 2-е. – Москва : Гардарики, 2006. – 736 с. – Текст : непосредственный.
3. История философии : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный дом, 2002. – 1376 с. – Текст : непосредственный.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Жан-Поль Сартр. – Москва : иностранной литературы, 1953. – 218 с. – Текст : непосредственный.
5. Бекбаев Р. Р. Почему экзистенциализм – это гуманизм? / Р. Р. Бекбаев, Ю. Б. Шин. – Текст : непосредственный // Вопросы науки и образования. – 2022. – С. 4-8.
6. Галкина С. Ф. Поликодовые и полимодальные тексты в профессионально-ориентированном обучении РКИ / С. Ф. Галкина, В. И. Филатова, А. С. Юсяев. – Текст : непосредственный // Мир русского слова. – 2021. – № 3. – С. 103-112.
7. Писаревская Н. С. Медиатекст в цифровую эпоху : трансформация медиаформатов / Н. С. Писаревская. – Текст : непоследственный // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 9 (69). – С.31-39.

Легостаева О. В., канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков в
сфере профессиональной коммуникации,
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева,
Россия, г. Орел
E-mail: fremdsprachenluxx@mail.ru

КОНЦЕПТ «МУДРОСТЬ» И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОЙ И ЧЕЧЕНСКОЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК

В данной статье приводятся дефиниции терминов «концепт» и «сказка», анализируются доминантные и периферийные компоненты значения концепта «мудрость» на примере тувинской и чеченской народных сказок, а также исследуются общие и дифференцирующие признаки концепта «мудрость» в ментальном сознании тувинского и чеченского этносов.

Ключевые слова: доминантные и периферийные компоненты значения, концепт, национальный характер, сказка, дифференцирующий признак, ментальное сознание.

Legostaeva O. V., Ph. D., Associate Professor,
Associate professor of the Department of Foreign
Languages in Sphere of Professional Communication,
Orel State University named after I. S. Turgenev,
Russia, Oryol
E-mail: fremdsprachenluxx@mail.ru

CONCEPT "WISDOM" AND ITS VERBALIZATION ON THE EXAMPLE OF TUVAN AND CHECHEN FOLK TALES

This article provides definitions of the terms "concept" and "fairy tale", analyzes the dominant and peripheral components of the meaning of the concept "wisdom" using the example of a Tuvan and Chechen folk tales and examines the common and differentiating features of the concept "wisdom" in the mental consciousness of the Tuvan and Chechen ethnic groups.

Keywords: dominant and peripheral components of meaning, concept, national character, fairy tale, differentiating feature, mental consciousness.

2026 год объявлен в нашей стране Годом единства народов России [1], основные цели которого состоят в популяризации, межкультурном диалоге и сохранении национальных языков и культур в рамках нашего многонационального государства. «Мы решили рассмотреть этот вопрос посредством фольклорной картины мира (ФКМ) на примере национальных сказок разных этносов» [1, С. 478] (тувинской и чеченской). «В сказке (одной из форм ФКМ) собран весь тысячелетний опыт народного сознания, моделей поведения и форм существования в земном мире и за его пределами (особая организация пространства и времени, сказочные помощники, сюжетные линии), а также богатейший языковой материал (прибаутки, пословицы, поговорки)» [1, С. 478].

«Зарубежные и отечественные ученые приводят различные дефиниции термину «концепт». В качестве базового мы возьмем определение, которое дают Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин в словаре методических терминов и понятий» [1, С. 478] «…2. В культурологии. Национально-маркированный образ культуры, имеющий языковое выражение в виде слова, словосочетания, предложения и передающий некоторое лингвокультурологическое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителей языка. К. формирует языковую картину мира данного народа».

Для толкования понятий «мудрость», «сказка» обратимся к словарю В. И. Даля. В этом словаре находим слово «мудрость», которому автор дает следующее определение: «свойство мудрого; премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния

умственного и нравственного совершенства; философия. Хитрость, искусство, уменье; замысловатость или трудность. *Мудрость Божеская* – промысел, провиденье. *Мудрость человеческая* – умствование, умничанье, заблуждения. *Не велика трудность* – не трудно, не мудрено сделать» [2, С. 393]. Этот же автор приводит дефиницию слову «сказка» «… мышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание. *Есть сказки богатырские, житейские, балагурные*» [2, С. 591].

Тувинская народная сказка «Оскюс-оол, постигший три науки» рассказывает историю бедного юноши по имени Оскюс-оол. Мать его умерла и жил он со стариком-отцом, который тоже вскорости умер. После смерти оставил отец сыну тридцать коней, тридцать коров и тридцать коз. «Нет у меня братьев, нет у меня сестер, – подумал Оскюс-оол. – Зачем мне одному столько скота? Лучше я променяю его на три науки».

Юноша погнал свой скот на север и там он увидел юрту, в которой незнакомые люди играли в шахматы. Оскюс-оол попросил незнакомцев научить его игре в шахматы, а за эту услугу пообещал тридцать коз. Через месяц юноша играл в шахматы лучше свои учителей, отдал им часть своего богатства и поехал дальше. Также дело обстояло и с искусством демонстрации фокусов. Через месяц юноша показывал фокусы лучше своих учителей и отдал за эту науку тридцать коров. В третьей юрте, которую встретил Оскюс-оол на своем пути, ученые мужи сидели и считали. Юноша попросил их научить его счету, а за это пообещал двадцать девять коней. Через месяц Оскюс-оол считал не хуже своих учителей, отдал оставшуюся часть богатства и отправился на своем единственном коне дальше по кочевым селениям.

Вскоре молва донесла юноше весть о Караты-хане, который жил за перевалом. Этот богач со всеми приезжими играл в шахматы. Условие у правителя было такое: «кто ему проиграет – должен всю жизнь бесплатно пасти его овец, а кто трижды его обыграет – заберет весь его скот с пастухами. Счастливчиков пока не было, никому не удалось обыграть Караты-хана. Все смельчаки, кто играл с ханом, попали в пожизненную кабалу от него. «Надо сразиться с Караты-ханом, – подумал Оскюс-оол, – не зря я постиг три науки».

Перед игрой посчитал юноша всех пастухов, их оказалось девяносто девять. Сказал Оскюс-оол об этом хану, а тот очень удивился, что простой бедняк умеет считать. Напросился Оскюс-оол поиграть с ханом в шахматы, последний согласился, а через некоторое время понял, что проигрывает. Решил Караты-хан схитрить и под предлогом отдыха попросил жену принести им еду на двух золотых тарелках. «Оскюс-оол понял, что еда, которая стоит перед ханом, глаз просветляет и ум оживляет, а еда, которая стоит перед ним, глаз затуманивает и ум одурманивает». Юноша смекнул это, и пока хан глазами моргал, поменял тарелки местами, так что правитель и не заметил. Пригодилась ему в этом случае наука показывать фокусы. Через несколько

ходов правитель проиграл игру. Во второй и третий раз Караты-хан прибегнул к такой же уловке, и Оскюс-оол оба раза обыграл его. «– Богатства мне надо, – сказал ученый парень – все пастухи будут свободы. И каждому я дарю овец, которых он пас». После сел юноша на своего коня и уехал.

Главный герой сказки несмотря на владение материальными средствами, доставшимися ему в наследство от отца, остается к этим благам равнодушным. Единственную цель жизни Оскюс-оол находит в овладении тремя науками, благодаря которым он становится не просто умным, а по-настоящему мудрым. Мудрость предполагает не сиюминутные выгоды, которые легко продать, обменять, заложить, а непреходящие знания и навыки, которые никто не отнимет. А самое главное – уметь правильно ими распорядиться, принеся пользу себе и окружающим.

В сказке мудрость представлена как соединение истины и высшего нравственного начала. Своим мудрым решением Оскюс-оол делает остальных пастухов свободными и дарит им скот – источник безбедного существования. Мудрость в поведении юноши соседствует с душевной щедростью, благородством и добротой. Именно на этом этапе жизни Оскюс-оол становится мудрым, поскольку он не ограничивается достижением личного счастья, а руководствуясь высокими целями, освобождает бедняков-пастухов от материальной зависимости. Одновременно с мудростью в этом поступке проявляется и высшая жизненная справедливость: если бы юноша освободил пастухов, но забрал бы все богатство себе, они неизбежно рано или поздно попали бы в кабальную зависимость от хана снова. Оскюс-оол разрушает этот многолетний порядок вещей и восстанавливает давно забытый сценарий: жить друг с другом по законам добра, справедливости и взаимоуважения.

Любопытен тот факт, что Оскюс-оол – частый персонаж тувинского эпоса и народных сказок, например, «Оскюс-оол с девятью красновато-рыжими конями», «Оскюс-оол и Золотая царевна», «Оскюс-оол и злой хан», «Рыбак Оскюс-оол» и многие другие. Оскюс-оол – это парень-сирота, на долю которого выпадают различные испытания. Юноша выходит в большинстве из них победителем благодаря храбрости, сообразительности, смекалке, благородству, уважению к старшим. Сиротство и бедность главного героя «нивелируются» его мудростью. Это свойство человеческого разума находит яркое отражение в тувинском фольклоре. Воспевание мудрости в тувинской фольклорной картине мира передается из поколения в поколение и имеет конкретное лексическое наполнение. В нашей сказке ядерными компонентами значений концепта «мудрость» являются лексемы: «наука», «учитель», «ученые люди», «искусство», «постигать», «обучать», «выигрывать».

Другими сюжетными линиями мудрость представлена в чеченской народной сказке «Кого выбрать?». В ней повествуется о красавице, на которой хотели жениться «три удалых парня. Первый был сыном муллы, второй

– сыном купца, а третий – сыном бедняка. Все были статными, сильными, смелыми, а красавица не знала, кого выбрать». Чтобы сделать правильный выбор, девушка выдвигает претендентам условие. «– Я выйду замуж за того, кто привезет мне в подарок самую диковинную вещь на свете».

Долго скитались молодцы по белу свету и наконец решили возвращаться домой с диковинными подарками. Сын муллы купил за тысячу золотых жемчужную пиалу с живой водой, сын купца – летающую бурку также за тысячу золотых, сын бедняка купил у старьевщика зеркальце в медной оправе за два пятака. Бедный юноша сразу понял, что это зеркальце не простое, а чудесное, однако прежний хозяин об этом не догадывался, поэтому цена за диковинную вещицу была небольшая.

Стали спорить женихи, чей подарок придется девушке больше по душе. Бедняк сказал соперникам про чудесные свойства зеркальца, а они не поверили. Когда же посмотрели в зеркальце, увидели невесту при смерти, возле нее стояли и плакали родители и многочисленные родственники. Тут же сели на летающую бурку купца, она вмиг перенесла их в родной аул, а сын муллы дал красавице жемчужную пиалу с живой водой. Она выпила и сразу же исцелилась. Снова молодые люди стали спорить, за кого из них должна выходить замуж девушка. Тогда красавица придумала второе задание на сообразительность. «Принесите мне такую еду, которая, если сварить ее с медом, сладкой не станет, если сварить ее с солью, соленой не станет, если сварить ее с жиром, жирной не станет». Сроку дала один день. На следующий день пришел сын муллы и не было у него ответа. Сын купца тоже ничего не придумал. Пришел сын бедняка и протянул девушке куриное яйцо. Решил он эту загадку. «Она вышла замуж за сына бедняка, и жили они долго и счастливо».

Мудрость в этой сказке имеет прикладной характер и обозначена через ум, находчивость и смекалку. Именно эти качества позволяют юноше добиться успеха, а девушке сделать правильный судьбоносный выбор. Как оказалось, мудрым в сказке предстает не только сын бедняка, который сумел разгадать трудную загадку, но и девушка, которая поняла, что ее счастье не в богатстве, а в совместной жизни с умным человеком. Их мудрость вдвойне ценна, поскольку юноша и девушка совсем еще молоды и неопытны, а мудрость, дарованная испытаниями, позволяет им принять верное решение. Мудрым может быть человек совсем юный, а глупый может прожить долгую жизнь и умереть глупцом. В наших примерах мудрость не соотносится с возрастом, ее хозяевами становятся люди добрые, смелые и справедливые. Смысл мудрых решений не всегда лежит на поверхности, а проявляется со временем «… и жили они долго и счастливо».

Разные народы Кавказа сложили сказки, пословицы, поговорки про мудрость. У аварцев, адыгов, балкарцев, даргинцев, ингушей, лакцев, осетин, шапсугов в фольклоре можно найти множество доказательств прославления и почитания мудрости. Ядерными компонентами значений концепта

«мудрость» в чеченской народной сказке являются лексемы: «диковинный», «чудесный», «правый», «всевидящий», «смекалистый», «понимать», «побеждать».

В анализируемых сказках концепт «мудрость» представлен синонимичными лексемами «выигрывать», «побеждать». Это свойство помогает главным персонажам одержать победу в любых жизненных обстоятельствах. Мудрость главные герои тувинской и чеченской сказок видят не в обладании богатством, а в поиске ума. В этом поиске ум преобразуется в нечто большее, в мудрость. Богатство может исчезнуть, а мудрость непреходяща, ее нельзя купить за «тысячу золотых», она даруется персонажам в испытаниях, как высшее благо. Другим смыслообразующим конструктом народных сказок является идея о том, что одним из самых важных умений является способность правильно, по совести распорядиться этим даром, принеся пользу себе и окружающим.

В нашем исследовании мы приходим к выводу о том, что мудрость – фундаментальная ценность в ментальном сознании различных этносов, наряду с добром, справедливостью, смелостью, любовью. Фольклорная и культурологическая картины мира тувинцев и чеченцев в этом смысле не являются исключением.

Список использованной литературы

1. Легостаева О. В. Вербализация концепта «семья» в сказках народов мира / О. В. Легостаева. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : материал V всерос. науч.-практ. конф. – Орёл, 2025. – С. 477-483

2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва : Эксмо, 2002. – 736 с. – Текст : непосредственный.

Шупляк П. С., обучающийся,
Научный руководитель: Гулицкая Т. П., старший преподаватель,
Белорусский государственный
технологический университет,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: suplakpolina@gmail.com
hulickaya@yandex.ru

КАЛЛИГРАММЫ КАК ФОРМА ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ: ОТ ГРАФИЧЕСКОГО РИСУНКА К ВИЗУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА

В статье рассматриваются каллиграмы как форма визуальной поэзии, позволяющая создавать графическое изображение посредством особого расположения слов, непосредственно иллюстрирующих смысл текста.

Ключевые слова: каллиграмма, стихи, визуальная поэзия, графический рисунок.

Shupliak P. S., student,
Supervisor: Hulitskaya T. P., lecturer,
Belarusian State Technological University,
Republic of Belarus, Minsk
E-mail: suplakpolina@gmail.com
hulickaya@yandex.ru

CALLIGRAMS AS A FORM OF VISUAL POETRY: FROM GRAPHIC DRAWING TO VISUALIZATION OF MEANING

This article examines calligrams as a form of visual poetry that allows for the creation of a graphic image through the specific arrangement of words that directly illustrate the meaning of the text.

Keywords: calligram, poetry, visual poetry, graphic drawing.

Визуальная поэзия – особо направление, сочетающее в себе поэзию и изобразительное искусство, в рамках которого особое значение приобретает визуализация текста графическими элементами, что позволяет расширить его образное и смысловое значение. В визуальном тексте смысловая и художественная нагрузки распределяются между поэтическим сообщением и графической или изобразительной формой его выражения, при этом создаваемое комплексное значение не может быть выражено ни одним из художественных средств, взятых в отдельности [1, С. 16].

Каллиграммы представляют собой форму визуальной поэзии, где расположение слов создает графическое изображение, буквально иллюстрирующее смысл текста. В них содержание и оформление сливаются воедино, мгновенно захватывая внимание читателя и погружая его в мир искусства. Особенность каллиграмм заключаются в том, что они заставляют одновременно включит в работу оба полушария мозга: логический анализ текста и представление целостного образа, восприятие информации не только с рациональной точки зрения, но и на эмоциональном уровне, что создает целостный образ.

Основоположником фигурной поэзии принято считать древнегреческого поэта Симмия Родосского. В «Яйцо» форма достигается с помощью идеальной пропорции двадцати строк. Композиция начинается с одного слова, задающего тон, вторая строка состоит из четырех слов и симметрично расширяется за его пределы с помощью больших пробелов. Длина строк постепенно увеличивается к центру, а с двенадцатой строки равномерно сокращается. Графическая статичность усиливается четким, красивым и вертикальным начертанием букв. Читать стихотворение необходимо, чередуя

строки: первую сверху, затем первую снизу, вторую сверху, вторую снизу, и так далее, двигаясь к центру. Такой порядок создает специфический ритм и символизирует мировую гармонию.

В стихотворении «Секира» автор искусно воспроизводит форму двустороннего топора – лабриса. Композиция стихотворения передаёт два элемента топора: рукоять и два лезвия. Первый элемент (рукоять лабриса) словесно выстроена вертикально, одной линией по центру композиции. Лезвия топора в виде двух полумесяцев Симмий Родосский выстраивает посредством 12 стихотворных строк (шесть на каждый полумесяц), длина которых постепенно уменьшается по мере приближения к центру. Форма полумесяца достигается за счет симметричного изгиба и последовательного уменьшения длины шести стихотворных строк, однако визуально они воспринимаются по-разному из-за заполнения пространства. Если справа строки выглядят сплошными, почти без разрывов, то слева строки растянуты, образуя заметные пустоты между словами.

Необычные формы стихов Симмия Родосского в определенной степени отражают взгляды представителей той эпохи на искусство как пространство для экспериментов. Оформляя стихотворения в виде орудия, поэт превращал само произведение в своего рода подношение богам, имитируя древнюю традицию. Каждая форма имела четкую цель: достичь идеального слияния содержания и внешнего вида. В «Яйце», например, форма символизирует возникновение жизни и единство природы, а двойной топор является символом власти [2]. Поэзия Симмия Родосского была воспринята современниками с огромным интересом и считалась вершиной мастерства поэта, ставшего одновременно художником, не беря в руки кисть, а используя лишь геометрию текста.

В эпоху Средневековья фигурные стихотворения претерпели кардинальные изменения, подчинившись религиозному влиянию. Если в античности они были в определенной степени развлечением, то для средневекового человека визуальная поэзия стала средством молитвы. Авторы каллиграмм в этот период оставались неизвестными, а их произведения служили для прославления Бога. Примером такого творчества является «Поучительная часть истории о распятии нашего Спасителя и двух разбойников». Центральным элементом композиции является большой крест, вокруг которого симметрично расположены два поменьше. В верхней части центрального креста, жирными строчными буквами, графически изображена аббревиатура «INRI», означающая «Иисус Назорей, Царь иудейский» – надпись (титл), сделанная по приказу Понтия Пилата и прибитая к кресту, на котором распяли Иисуса Христа. Малый крест слева символизирует разбойника Гестаса, прозванного Безумцем за его злословие в адрес Спасителя. А малый крест справа ассоциируется с Благоразумным разбойником Дисмасом, который, осознавая свою вину, обратился к Иисусу с мольбой о принятии его раскаяния, продемонстрировав удивительную веру. Шрифт монотонный,

без наклона, а знаки препинания и большие пробелы между словами создают особый ритм. Такое единство формы и содержания наглядно отражает специфику Средневековья, когда религиозное мышление полностью определяло развитие искусства и литературы.

Термин «каллиграммы» введен относительно недавно французским поэтом, критиомк и журналистом Гийомом Аполлинером. В 1918 году был опубликован его сборник «Каллиграммы». Изначально весь сборник должен был состоять из визуальных стихотворений, но понимая всю сложность, поэт достаточно быстро отказался от этой идеи. В первом разделе сборника из шестнадцати стихотворений всего шесть являются фигурными. Несмотря на это изменение в содержании, название книги сохранилось [3]. Аполлинер сам придумал это слово, объединив понятия «каллиграфия» (искусство красивого письма) и «идеограмма» (символическое изображение какого-либо понятия). По сути поэт задает новое понимание плоскости страницы и самого стихотворения на ней, определяя роль такого визуального приёма в том, чтобы «цветовые контрасты приучили глаз читать одним взглядом все стихотворение целиком, подобно тому, как дирижер охватывает сразу все нотные знаки партитуры, как на плакате видны сразу все напечатанные элементы» [4].

В каллиграмме «Стих для Луи» воплощен образ Луизы Колиньи-Шатийон. Контур её шляпы образован дугой и двумя диагоналями, сходящимися в правой части рисунка. Строка, пролегающая между ними и замыкающая композицию, завершает облик героини. Глаза и рот переданы горизонтальными строками, а нос – вертикальными. Иллюзию одежды Луизы создают два нижних столбика каллиграммы, представленных в форме треугольников (треугольник слева и перевернутый треугольник справа – определяет контуры выреза). Плавные, тонкие линии шеи выводятся поэтом посредством заглавных букв, а особую легкость и изящество образу девушки придает рукописный почерк в сочетании с небольшими пробелами между словами, что обеспечивает гармоничное восприятие всей композиции.

Визуальная структура стихотворения «Заколотая горлинка и фонтан». включает три элемента. В нижней части композиции расположены три дугообразные линии: первая изогнута вниз, вторая – вверх, а третья, меньшая, повторяет изгиб первой. Эти линии, расположенные друг напротив друга, образуют замкнутую форму. На средней линии выделяется крупная буква «О», которая символизирует источник, готовый извергнуть воду. Фонтан, второй элемент композиции, изображен семью последовательными строками. Эти строки, расходясь от центральной вертикальной оси вправо и влево, формируют дуги. Промежутки между строками специально сделаны неровными, что придает тексту ощущения динамики и текучести: строки то сближаются, то отдаляются друг от друга, имитируя естественное движение струй фонтана, а заглавные буквы в начале каждой строки имитируют

брызги воды. Над струями фонтана поэт прописывает третий элемент композиции – голубку, чья форма создается двенадцатью горизонтальными линиями, симметрично расположенными по отношению к вертикальной оси. Поэт посвятил это произведение памяти жертв Первой мировой войны. Использование образа заколотой горлинки в верхней части композиции в определенной степени символизирует крушение надежд на мир, а струи фонтана становятся символом «вечного плача» по погибшим. Вписывая имена своих соратников и художников в эти водные потоки, автор превращает стихотворение в живой мемориал. Его замысел заключался в том, чтобы показать, что память, подобно фонтану, не перестает бить, напоминая о тех, кого унесла война. Композиция служит не просто иллюстрацией, а мощным инструментом психологического воздействия, позволяя читателю физически ощутить движение времени и тяжесть скорби.

Вдохновленный кубизмом и футуризмом, Гийом Аполлинер считал каллиграммы шагом к новой форме поэзии, объединяющей различные виды искусства. Поэт продемонстрировал, что слова имеют не только звуковую, но и визуальную силу, придавая шрифту, пробелам и наклону букв такое же значение, как рифме и ритму [5].

Стремительное развитие информационных технологий открывает широкие возможности для развития визуальной поэзии, поскольку позволяет соотносить вербальное и визуальное, используя потенциал мультимедийного инструментария, тем самым представляя читателю воспринимать «буквально все составляющие художественной композиции: сам текст – или отсутствие такового, его конфигурацию и особенности размещения на странице, графические и иконические элементы, цветовую гамму, шрифт, графически обозначенные мелодические, просодические или сонорные характеристики, тактильные особенности страницы или платформы, на которой воспроизводится текст, символику словесного и изобразительного ряда, а главное – взаимодействие всех элементов произведения».

Таким образом, каллиграммы можно назвать синтезом искусств, поскольку они сочетают в себе слово и изображение, причем именно слово становится компонентом рисунка и средством фиксации поэтической речи, придавая изображению знаковый характер.

Список использованной литературы

1. Адлер Дж. Непрерывность традиций визуальной поэзии. Типология и систематика фигурных стихов / Дж. Адлер. – Текст : непосредственный // Точка зрения. Визуальная поэзия : 90-е годы : антология. – Калининград, 1998. – С. 16-22.

2. Ассоциация «Антиподы» : Двойной топор Симмия Родосского : [сайт]. – URL : https://antipodes.org.au/pr_spirals_03.html (дата обращения : 27.02.2026). – Текст : электронный.

3. Гийом Аполлинер : каллиграммы и сюрреализм : [сайт]. – URL : https://www.calameo.com/books/006658676e3b48b1c1306 (дата обращения : 28.02.2026). – Текст : электронный.
4. Иванова Н. С. Интермедиальная поэтика «Каллиграмм» Г. Аполлинера / Н. С. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2025. – № 2 (135). – С. 162-170.
5. Искусство каллиграммы : [сайт]. – URL : https://chgbiblio.ru/archives/70825 (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

Бояркина Л. М., канд. филол. наук, доцент,
Резепов Д. Ю., аспирант,
Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева,
Россия, г. Саранск
E-mail: boyarkina82@mail.ru
rezepovdd@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая работа посвящена лингвокультурным особенностям фразеологизмов с зоонимами в английском и немецком языках. Фразеологизмы представляют собой неотъемлемую часть лингвокультурологического фундамента любого языка, отражающие историческую, культурную и языковую специфику жизни нации. Автор работы рассматривает особенности употребления фразеологизмов в английском и немецком языке, анализирует их компоненты, анализирует специфические качества и свойства пословиц.

Ключевые слова: лингвокультурология, английский язык, немецкий язык, фразеологизм, зооним.

Boyarkina L. M., Ph. D., Associate Professor,
Rezepov D. Yu., graduate student,
Mordovian State Pedagogical University,
Russia, Saransk
E-mail: boyarkina82@mail.ru
rezepovdd@gmail.com

LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A ZOONYM COMPONENT IN ENGLISH AND GERMAN

This work is devoted to the linguistic and cultural features of phraseological units with zoonyms in English and German. Phraseological units are an integral part of the linguistic and cultural foundation of any language, reflecting the historical, cultural and linguistic specifics of the life of the nation. The author examines the peculiarities of the use of phraseological units in English and German, analyzes their components, analyzes the specific qualities and properties of proverbs.

Keywords: cultural linguistics, English, German, phraseology, zoonym.

Каждый язык обладает своим собственным способом восприятия и отражения мира и по-своему создает его языковую картину. При создании языковой картины миры особую роль играет такой объект изучения лингвистики как фразеологизм. Анализ фразеологии позволяет выявить национально значимые понятия, существующие в рамках определенной лингвокультуры, посредством сравнительного исследования. Рассматривая фразеологизмы в лингвокультурологическом аспекте, можно раскрыть специфику фразеологизма как языкового и культурного знака. Лингвокультурология как направление во фразеологии и в современной лингвистике в целом переживает стадию своего становления; предмет ее исследования, базовые понятия, теоретические принципы и научные методы, – все это образует круг вопросов, требующих их всестороннего осмысления. Настоящая работа посвящена лингвокультурным особенностям фразеологизмов с зоонимами в английском и немецком языке, поскольку именно фразеологизмы с зоонимической лексикой являются источником сведений о культуре, представлениях, картине мира любого народа.

Об интересе к зоонимической лексике английского и немецкого языков свидетельствуют многочисленные исследования [1; 2; 3; 4].

Примечательно, что смыслы фразеологизмов выявляют себя в процессе их функционирования, точнее в результате контекстуального анализа. Контекстное значение может быть оценочным, может выражать эмоциональную интерпретацию события. Такие оценочные значения определяются как коннотативные значения.

В научной литературе широко обсуждается статус и сущность коннотации, отражаются различные точки зрения. Как правило, природа коннотации воспринимается в рамках лексической семантики, вместе с тем мнения ученых расходятся по вопросу, входит ли коннотация в лексическое значение (ЛЗ) слова. По словам Э. Дж. Уэтли, в некоторых случаях следует включать эмоционально-оценочные компоненты значения в ЛЗ, в других исключать их из ЛЗ [5].

В отечественном языкознании все научные подходы к феномену коннотации могли бы быть сведены к двум позициям – собственно лингвистической [6; 7] и экстралингвистической [8; 9].

Проанализируем ряд английских и немецких фразеологизмов с использованием названий животных, интерпретирующих ментальность различных народов.

Как известно, человеческой натуре свойственно сравнение. Все животные с маленькими глазами и особенно ночные ассоциируются со слабовидящим человеком. В английской фразеологии признак слепоты передается через зоонимы bat «летучая мышь», mole «крот», owl «сова»: “(as) blind as a bat (mole, owl)” слепой, как летучая мышь (крот, сова). В немецком языке о человеке с плохим зрением говорят: “so blind wie ein Maulwurf” слепой как крот; “Hühner blind” слепая курица. Примечательно, что в обоих языках встречаются ФЕ, со значением «слепой», компонентом которых является зооним «крот».

Смерть человека представлена такими фразеологизмами, которые выражают презрительное отношение говорящего к умершему. В английском языке были найдены следующие фразеологизмы: “to die like a dog” букв., умереть как собака; “to die like a rat in a hole” букв., умереть как крыса в норе; “cold as a mackerel” букв., холодный как скумбрия; “dead as a mackerel” букв., мертвый как скумбрия; “dead as a herring” букв., мертвый как сельдь. В немецком языке обнаружены следующие ФЕ с зоонимным компонентом, обозначающие понятие «смерть»: “Mausetot” мертвехонький; “vor die Hunde gehen” погибнуть, разориться; “gesottenem Fisch hilft das Wasser nicht” букв., вареной рыбе вода не поможет.

В английских и немецких фразеологизмах со значением голода представлена общая для этих языков лингвокультурема – голодный волк. Об этом свидетельствуют следующие ФЕ: “(as) hungry as a wolf” голодный как волк; “wolf in one’s stomach” сильно проголодаться; “keep the wolf from the door” предотвратить голод; “eat like a wolf” жадно есть; в немецком языке – “hungrig wie ein Wolf” голодный как волк; “Hunger treibt den Wolf ins Dorf” голод и волка из лесу гонит. После продолжительной спячки, медведь также крайне голоден, что отражено в английских и немецких фразеологизмах с зоонимом «медведь»: “hungry as a bear” букв., голодный как медведь; “Bärenhunger”, “Bärenappetit” волчий аппетит; “hungrig wie ein Bar” голодный как медведь.

В анализируемых языках было замечено совпадение образа голубя во ФЕ со значением «чувства, проявляемые к другим». В английском языке влюбленных называют “lovey-dovey”; “a pair of love birds”, в немецком о чувствах говорят при помощи ФЕ “meine Taube” моя любовь; “sie sind zärtlich wie die Tauben” они воркуют как голубки. Подобное межъязыковое пересечение неудивительно, поскольку пара голубей на протяжении многих лет являлась символом любви и гармонии. Это неудивительно, ведь голубь

является символом добра во многих культурах. Кроме того, совпадение обнаружено во ФЕ английского и немецкого языков с зоонимом «ягненок» (“gentle as a lamb”; “sanft wie ein Lamm”).

В английском и немецком языках ФЕ с орнитонимом интерпретируют человека с острым зрением: “hawkeyed” имеющий острое зрение; “eagle eye” острое зрение; “Adlerauge”, “Falkenauge” зоркий глаз; “Falkenblick” соколиный взор.

При восприятии английских и немецких фразеологизмов с зоонимами “snore like a moose” букв., храпеть как лось; “snore like a pig in the sun” букв., храпеть как свинья на солнце; “wie ein Bär schnarchen” букв., храпеть как медведь со значением «громко храпеть» учитывается неодобрительная характеристика, подразумеваемая говорящим.

Привлекательность в английском языке выражается такими зооморфизмами, как: “foxy lady” сексуально привлекательная девушка или женщина; “dolly bird” девушка-куколка, хорошенькая глупышка; “wolf bait” физически привлекательная молодая женщина; “bird of a looker” привлекательная молодая женщина; “bird of paradise” очень привлекательная, красивая женщина; в немецком языке – “eine niedliche Ratte” хорошенькая танцовщица; Biene молоденькая девушка.

Рассмотрим фразеологизмы, содержащие положительный оценочный компонент. В английской фразеологии мудрость характеризуется при помощи образа совы – “as wise as an owl” мудрый как сова, а в немецком языке – через образ воробья – “alte Sperlinge sind schwer zu fangen” старого воробья на мякине не проведешь

В двух языках наблюдается совпадение фразеологизмов с зоонимом «петух» при обозначении задиристости: “fighting cock”, “cock of the school”; “wie ein Hahn hochgehen”; “einherstolzieren wie der Hahn auf dem Mist”. Кроме того, в немецком языке неуживчивость репрезентируется при помощи лексемы петух: “zwei Hähne taugen nicht auf einem Mist” два петуха на одной куче не уживутся.

В английском языке необщительность обозначается следующими фразеологизмами: “be kittle cattle to shoe” быть непокладистым, несговорчивым человеком; “desert rat” отшельник, пустынник; “whalebone” затянутый в корсет, чопорный; “lone wolf” волк-одиночка; “cold turkey” холодный, равнодушный человек. Во фразеологии немецкого языка признак «необщительность» также нашел свое отражение: “ensamer Wolf” одинокий волк. В данном случае можно выделить межъязыковой фразеологический эквивалент – одинокий волк. Английский язык опять поражает вариативностью образов, выражающих необщительного человека. Здесь присутствуют образы мышки, кита, скота.

Анализ английских и немецких зоонимических фразеологизмов показывает, что большая часть фразеологизмов обозначает известную, важную

личность. Например, в английском языке известного человека характеризуют следующие образы: “political animal” опытный, искусный политик; “cock-horse” самовлюбленный человек, занимающий важный пост; “old-war horse” ветеран войны; “old-fire horse” ветеран-офицер пожарной или военной службы; “a prize rabbit” (важная птица).

В немецком языке важная личность также ассоциируется с образами животных: “ein grosses (hohes) Tier sein” быть важной птицей, персоной, шишкой.

Анализ английских и немецких зоонимических фразеологизмов показывает, что большая часть единиц обозначает богатство. Так, в английском языке для описания богатого человека используется зооним «кот»: “fat cat” букв., толстый кот. ФЕ немецкого языка имеют номинативный компонент «бык», который во многих культурах является символом изобилия, богатства: “ochsenmäßig reich” букв., богатый как огромный бык).

Таким образом, проведенный анализ фразеологизмов английской и немецкой лингвокультур показывает повышенную экспрессивность и высокую образность, которая обусловлена денатотивным и коннотативным аспектами значения фразеологических единиц.

Список использованной литературы

1. Бояркина Л. М. Этнокультурная специфика зооморфизмов в английском и немецком языках / Л. М. Бояркина. – Текст : непосредственный // Международное сотрудничество : социально-экономические и правовые аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 28 март. 2015 г. – Саранск, 2015. – С. 26-33.
2. Галимова О. В. Идеографический словарь русских и немецких зоонимов / О. В. Галимова. – Уфа : Белгородский государственный технологический университет, 2004. – 332 с. – Текст : непосредственный.
3. Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. – Москва : Дело и сервис, 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.
4. Нефёдова М. П. Зооморфные фразеологизмы как отражение ценностей английской языковой картины мира / М. П. Нефёдова. – Текст : непосредственный // Студент и научно-технический прогресс : материалы XLIII науч. конф. молодых ученых. – Челябинск, 2019. – С. 358-360.
5. Whately E. A selection of English Synonyms / E. Whately. – 1860. – 179 p. – Text : direct.
6. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имен существительных) / И. В. Арнольд. – Ленинград : Просвещение, 1966. – 192 с. – Текст : непосредственный.
7. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский университет, 1979. – 156 с. – Текст : непосредственный.
8. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Избранные труды. – 1995. – С. 156-177.
9. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 141 с. – Текст : непосредственный.

Никитина Н. Е., канд. филол. наук, доцент,
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Республика Беларусь, г. Брест
E-mail: n.nikitsina@gmail.com

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МИР ПОВЕСТИ К. СТЕПАНЯНА «ГДЕ»

Статья посвящена исследованию прецедентного мира современной прозы на примере повести К. Степаняна «Где». Автор анализирует более 80 прецедентных единиц, классифицируя их по типам и лигвокультурной принадлежности. В статье сделан вывод, что прецедентные единицы служат инструментом соединения военной действительности с культурным опытом и отражают полилингвальную картину мира писателя.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентные единицы, прецедентный мир, К. Степанян, лингвокультура, языковая картина мира.

Nikitina N. E., Ph. D., Associate Professor,
Brest State University named after A. S. Pushkin,
Belarus, Brest
E-mail: n.nikitsina@gmail.com

THE PRECEDENT WORLD OF K. STEPANYAN'S STORY "WHERE"

The article explores the precedent world of contemporary prose using K. Stepanyan's story "Where" as an example. The author analyzes over 80 precedent units, classifying them by type and linguistic and cultural affiliation. The article concludes that precedent units serve as a tool for connecting military reality with cultural experience and reflect the writer's multilingual worldview.

Keywords: precedent phenomena, precedent units, precedent world, K. Stepanyan, linguaculture, linguistic worldview.

Современная литература характеризуется значительной свободой творческого самовыражения авторов. Однако, являясь частью определенного лингвокультурного сообщества, они не могут избежать обращения к традиционным для данного сообщества понятиям и явлениям. Это приводит к использованию прецедентных единиц, которые выступают в художественном тексте «в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [1, С. 4].

Е. Л. Морозова говорит о существовании «прецедентного мира художественного произведения», представляющего собой «совокупность всех прецедентных феноменов <…>, отражающих мировоззрение и ценностные установки автора» [2, С. 171].

С этой точки зрения особый интерес представляет изучение творчества полилингвальных авторов, прецедентный мир которых потенциально более сложен за счет отсылок к нескольким языковым культурам. Одним из таких авторов является Коля Степанян. Армянин по происхождению, он вырос в Москве, окончил университет, где изучал английский и китайский языки. После учебы он уехал в Армению, принимал участие во Второй карабахской войне и пропал без вести на два месяца. Его художественно-документальная повесть «Где» (2025 г.) описывает события этого тяжелого и страшного времени.

Прецедентный мир повести «Где» – явление многоуровневое, его составляют более 80 единиц. Их можно соотнести с классификацией, разработанной лингвистами В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко и др. [3, С. 83]. В ней выделяются четыре типа прецедентных единиц: прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя.

Прецедентные единицы повести можно распределить между тремя из этих типов:

1) **прецедентные имена** (71 единица):

– названия художественных произведений (13 единиц): *«Гарри Поттер»*, *«Хроники Нарнии»*, *«Анна Каренина»*, *«451 градус по Фаренгейту»*, *«Раны Армении»*, *«Сорок дней Муса Дага»* и др.;

– имена известных писателей (11 единиц): *Г. Гессе*, *Ф. Достоевский*, *Л. Толстой*, *Р. Брэдбери*, *Ф. Верфель*, *Х. Абовян*, *Платон*, *Сенека* и др.;

– названия блюд, продуктов питания и напитков (9 единиц): *Хапама*, *вафли «Яшкино»*, *печенье «Эсмеральда»*, *Нутелла*, *газировка Jusinad*, *пиво «Гарни»* и др.;

– названия известных сооружений и местностей (8 единиц): *Малатия*, *монастырь Спитак Хач*, *Париж*, *Прага*, *станция метро «Партизанская»* и др.;

– названия кинофильмов, мультфильмов и имена их героев (7 единиц): *«В диких условиях»*, *«Человек, который спит»*, *«Мстители»*, *Джими Нейтрон*, *Арнольд*, *Морти* и др.;

– прецедентные имена и названия религиозного или мифологического характера (5 единиц): *Бог*, *Матрона*, *«Отче наш»*, *Олимп*, *Одиссей*;

– средства связи, поисковые системы, социальные сети (4 единицы): *нокия*, *айфон*, *гугл*, *вконтакте*;

– названия праздников и их символов (4 единицы): *Хэллоуин*, *Джек*, *Новый год*, *Дед Мороз*;

– названия песен (3 единицы): *«Կանչում եմ, արի, արի»* (*«Канчум эм ари ари»*), *«Call Out My Name» Weeknd'a*, *Джингл белз*;

– названия спортивных команд (2 единицы): *«Манчестер Юнайтед»*, *«Арсенал»*;

– имена знаменитых личностей (2 единицы): *Натали Портман*, *Г. Нжде*;

– названия компьютерных игр (2 единицы): *«Контр Страйк», Half Life*.

2) **прецедентные тексты** (6 единиц)

– строки из песен (2 единицы): – ***Любитель раке-е-ет и сладких конфе-е-е-ет**, – пропел Давид с улыбкой* [4, С. 79]; – ***Jingle bells, jingle bells**… – напевает себе под нос Давид* [4, С. 213];

– отрывки из художественных и философских произведений (2 единицы): *Большинство людей не хочет плавать до того, как научатся плавать. Разве это не остроумно? Конечно, они не хотят плавать! Ведь они созданы для суши, а не для воды. И конечно, они не хотят думать; ведь они рождены для того, чтобы жить, а не для того, чтобы думать! Ну а кто думает, кто видит в этом главное свое дело, тот может очень в нем преуспеть, но он все-таки путает сушу с водой, и когда-нибудь он утонет.* Например, этот отрывок **из «Степного волка» Гессе** я переваривал очень долго, много к нему возвращался в своей довоенной жизни [4, С. 93];

– эпиграф (1 единица): *Бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество – думать, что знаешь то, чего не знаешь?* Платон. «Апология Сократа» [4, С. 19];

– тексты песен (1 единица): Ребята уже спали, а я все еще думал о тех днях. И очень тихо напевал:

Կանչում եմ արի, արի
Եար պոյիդ մեռնեմ
Չես գալի մուխդ մարի
Ասա ինչ անեմ:
Ասա ինչ անեմ:
Փնջերով վարդ եմ քաղել
Եար պոյիդ մեռնեմ
Kanchumem: "Ari, ari" <…> [4, С. 85].

3) **прецедентные высказывания (3 единицы):**

*Два важных термина: **«яхши» и «чарх»**. Оба, насколько я понимаю, происходят из тюркских языков (забавно). «Чарх» – это знакомство, связи, блат. «Яхши» – смотрящие. Такие же солдаты-срочники, как и все, они зачастую сыновья или родственники влиятельных людей, то есть имеют весомый «чарх»* [4, С. 143];

*Важно еще отметить, что тот, безусловно, **«лав тха»** (լավ տղա – хороший парень). «Лав тха» в Армении – то же, что и «ровный пацан» в России. Живущий по понятиям. Пятьсот раз на дню слышал, как окружающие меня люди говорили: «Он (кто угодно) лав тха». Про себя так нельзя говорить ни в коем случае, зато можно говорить: «Ты что, сомневаешься, что я лав тха?!»* [4, С. 146].

Данная классификация демонстрирует четкое разделение прецедентных единиц между тремя лингвокультурами: русской, армянской и англо-американской. Этим подтверждается тезис о том, что «прецеденты как языковые элементы способны хранить и накапливать культурно-значимую информацию об определенной национальной общности людей» [2, С. 170] и представляют собой «наиболее полное проявление взаимосвязи условий существования народа, его культуры, его языка и его ментальности» [1, С. 11].

Соответственно, можно выделить и такие виды прецедентных феноменов, как автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные.

Примером **автопрецедента** можно считать следующий отрывок:

*– Это выглядело точь-в-точь как **патронус**, – шокированно прошептал я себе под нос.*

– Чего? – спросил Давид.

*– У **Гарри Поттера** был патронус – олень.*

*Я всегда обожал магию. Теперь магия происходит в моей собственной жизни. Последняя часть **«Гарри Поттера»** была моей первой книжной любовью* [4, С. 91-92].

Книга «Гарри Поттер» обладает особым эмоциональным значением для главного героя повести.

Социумно-прецедентные феномены в произведении связаны с принадлежностью персонажей к одной социально-возрастной группе, представители которой имеют схожие интересы:

*– Персонаж – мальчик младше пятнадцати без суперсилы, не **Джими** и не **Арнольд**, – бросаю всю собранную информацию в сторону Давида и Манча.*

– Так у Джими же есть суперсила, – возразил Дав.

– Он просто умный.

– Ну… ладно. Это комедийный мульт? – спросил он Ато.

– Да.

*– **Морти**?*

– Да, – обрадованно ответил Ато [4, С. 79-80].

В разговоре упоминаются герои популярных в молодежной среде мультфильмов «Джимми Нейтрон», «Эй, Арнольд!» и «Рик и Морти».

К **национально-прецедентным** феноменам можно отнести такой пример: *Рядом со мной – мой друг или уже скорее брат – Манч. Рослый, широкоплечий, он постоянно подкручивает свои густые усы в стиле **Нжде*** [4, С. 15].

Гарегин Нжде (1886 – 1955) – армянский политический и военный деятель, основоположник цехакронизма – армянской националистической идеологии [4, С. 15].

Универсально-прецедентные феномены представлены с следующем отрывке: *Если Гао Лер – мой* ***Олимп****, то Арман… Арман – мой* ***Одиссей!*** [4, С. 223].

В описанной ситуации шесть бойцов в течение нескольких недель пытались выйти из окружения. Для этого им в тяжелых условиях нужно было дойти до горы Аракс, условно названной Гао Лер. Арман возглавлял этот маленький отряд, так как был наиболее выносливым и опытным.

Итак, обращение к прецедентным феноменам является для писателя инструментом моделирования художественной реальности. В повести «Где» прецедентные единицы выполняют важную функцию: они соединяют ужасающую военную действительность с привычным культурным фоном, позволяя героям и читателям осмыслить происходящее через призму знакомых образов, текстов и имен. Кроме того, прецедентные единицы становятся ключом к пониманию авторской картины мира, сформированной на стыке трех лингвокультур.

Список использованной литературы

1. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с. – Текст : непосредственный.

2. Морозова Е. Л. Языковые средства создания прецедентного мира художественного произведения (на материале произведений Д. Брауна) / Е. Л. Морозова. – Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 67. – С. 170-174.

3. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – № 1. – С. 82-103.

4. Степанян К. Где. Повесть о Второй Карабахской войне / К. Степанян. – Москва : Individuum, Эксмо, 2025. – 236 с. – Текст : непосредственный.

Шалина И. В., канд. ист. наук, доцент,
Шестакова В. С., обучающийся,
Иркутский государственный университет,
Россия, г. Иркутск
E-mail: i_v_s2000@mail.ru
avraamlinkoln70@mail.ru

РОЛЬ ИГРЫ СЛОВ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В СОЗДАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ФОНА И ВЫРАЖЕНИИ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЯПОНСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

СМИ играет ключевую роль в формировании общественного сознания. Публицистические тексты перенасыщены информацией, и существует необходимость привлечения внимания читателя различными средствами.

По мнению авторов, самым ярким языковым средством является игра слов, включающая элементы фразеологизмов, в заголовке. В статье доказывается эффективность игры слов как механизма реализации прагматического потенциала японского публицистического текста.

Ключевые слова: игра слов, фразеологизмы, японский публицистический текст.

Shalina I. V., Ph. D. in History, Associate Professor,
Shestakova V. S., student,
Irkutsk State University,
Russia, Irkutsk
E-mail: i_v_s2000@mail.ru
avraamlinkoln70@mail.ru

THE ROLE OF WORDPLAY WITH PHRASEOLOGICAL UNITS IN CREATING AN EMOTIONAL BACKGROUND AND EXPRESSING THE AUTHOR'S POSITION IN JAPANESE JOURNALISTIC TEXTS

The media plays a key role in shaping public consciousness. Journalistic texts are oversaturated with information, necessitating a variety of means to capture the reader's attention. According to the authors, the most striking linguistic device is wordplay, incorporating phraseological elements, in the title. The article demonstrates the effectiveness of wordplay as a mechanism for realizing the pragmatic potential of Japanese journalistic text.

Key words: wordplay, phraseological units, Japanese journalistic text.

Публицистический стиль речи – один из функциональных стилей, обслуживающий сферу общественных отношений. В самом широком смысле публицистика – всё, что пишут СМИ о любых событиях в мире, вне зависимости от их общественной или политической важности.

Тем не менее, ряд исследователей выделают в качестве ключевого элемента не саму информацию как таковую, а то, как описываемое событие видит и оценивает автор. Например, О.И. Пищулина относит к публицистическому стилю тексты, в которых на первый план выходит авторское переживание и размышление по поводу события, а информационная функция уходит на второй план [1, С. 53].

Е.П. Прохоров поддерживает эту идею и считает, что публицистика создаёт картину современности, раскрывая обычные ситуации и отражая их через субъективный взгляд автора. Она охватывает разные сферы жизни (политику, экономику, общество), а её главная цель – быть важным каналом коммуникации, воздействуя на общественное мнение в соответствии с нравственными и социальными идеалами [2, С. 212].

Будучи ключевым элементом, заголовок имеет две важные функции: с одной стороны, он знакомит читателя с содержанием статьи, а с другой выражает позицию автора. Как неотъемлемая структурная часть текста, заголовок обязан полноценно представлять раскрываемую в статье тему [3, С. 264].

Однако, не стоит забывать, что в условиях перенасыщения информацией особое значение приобретает заголовок как инструмент привлечения внимания читателя. Он определяет эффективность публицистического текста. Но далеко не каждый заголовок заставляет читателя ознакомиться с текстом. Чтобы заголовок действительно «сработал», нужно задеть за живое, вызвать эмоцию. Такой эффект достигается авторами статей при помощи специальных языковых приёмов: метафор, эпитетов, сравнений, инверсии, эллипсиса, игры слов. Эти средства не только бросаются в глаза, но и эмоционально «цепляют» читателей, что часто важнее сухих фактов [4, С. 181].

И, пожалуй, самым ярким языковым средством является игра слов в заголовке. Согласно определению В.В. Васюк, игра слов – намеренное нарушение языковых норм на различных уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом и так далее. В основе игры слов лежит простая структура – она всегда строится из двух элементов: из ядра – базы каламбура, исходного материала, который образует игру слов. Оно представляет из себя смысловой шаблон, который задаёт рамки. Вторым элементом является слово-триггер, то что противоречит языковым нормам и таким образом «запускает» игру слов. Слово-триггер реализует эффект неожиданности [5, С. 224].

Игра слов может реализовываться на различных уровнях: от аффиксов и до целого текста. Особенно хорошо игру слов видно, когда она основана на видоизменении пословиц и поговорок. Фразеологизмы – часть языка, напрямую связанная с культурой и историей страны: они обладают устойчивой структурой и постоянным лексическим составом, известным носителям языка. Таким образом, «фоновое знание» читателя используют авторы статей, разрушая первоначальную структуру как семантически, так и синтаксически при помощи игры слов, что выступает эффективным инструментом привлечения внимания к тексту.

В японских публицистических текстах авторы так же часто прибегают к языковой игре в заголовках. Игра слов (по-японски – *Котоба Асоби*) объединяет в себе множество разнородных явлений и имеет гораздо более широкое значение. Японский лингвист Масато Такиура классифицирует игру слов на три типа: импровизационный, технический, игровой. Импровизационная игра слов включает в себя такой жанр, как *дадзярэ* – каламбур. Импровизационная игра слов характеризуется использованием в основном фонетических ассоциаций и чаще всего возникает спонтанно. Техническая игра слов заключается в целенаправленной структурной организации языковых единиц в рамках определённого контекста. Данная разновидность

объединяет такие явления, как акростих (образование текста по начальным буквам слов), палиндром (одинаковое чтение фразы или слова слева направо и справа налево), *дзигути* – пародирование пословиц и известных выражений. *Дзигути* основано на подмене элемента в исходном фразеологизме. Игровой тип представляет из себя в прямом смысле игру со словами. К нему относятся такие жанры как шарады – *надзокакэ*, составление цепочки слов – *сиритори*. В текстах игровой тип не встречается, поскольку он выполняет только развлекательную функцию.

В японских публицистических текстах чаще всего, конечно, встречается технический тип. Так как авторы намеренно хотят привлечь внимание читателя к теме статьи. Обратимся к примерам: заголовок статьи из журнала AERA DIGITAL от 2 ноября 2025 года: «Nōaru takaha, tsume wo kakusezu?» Буквально «Умелый ястреб не прячет когти?». Данный заголовок отсылает читателя к японской пословице «Nōaru taka wa, tsume wo kakusu», что переводится как «Умелый ястреб прячет когти». Смысл этой пословицы заключается в том, что способный человек скрывает своё главное оружие (когти – сильные стороны, преимущества) до нужного момента. Игра слов строится на подмене изначального слова «taka», означающего, буквально, животного – ястреб, на «takaha» – политический термин, который используется для описания сторонников жесткого политического курса особенно в отношении внешней политики. Помимо этого, настоящего премьер министра Японии зовут Санаэ Такаити, тем самым заголовок также играет на созвучии «taka» и фамилии.

Статья посвящена формированию кабинета нового премьер-министра Сэнаэ Такаити, которая сейчас широко обсуждается в прессе как политик с жёсткими взглядами. Как сообщает автор статьи, начало её карьеры было отмечено сдержанными действиями, но впоследствии она показала себя как решительный и консервативный лидер, что особенно было заметно при её выборе кандидатов во время составления кабинета министров.

Таким образом, привлекая внимание читателя известной пословицей, автор в то же самое время создаёт эмоционально-оценочный фон. С одной стороны, он называет Сэнаэ Такаити «умелым политиком», и, с другой стороны, автор даёт оценку её жёсткому стилю управления. Он говорит, что хотя она и не скрывает своих талантов, это нисколько не умаляет её достоинств. Игра слов, заключающаяся в подмене исходного элемента в фразеологизме, создаёт общую положительную оценку описываемой в статье ситуации.

С другой стороны, игра слов, в ядре которой находится фразеологизм необязательно строится на буквальной подмене компонента. Она может быть основана на полисемии одного из элементов. В таком случае, подмена происходит не на формальном уровне – слово остаётся тем же, а на смысловом – используется непривычное для данного контекста значение слова.

В качестве примера проанализируем статью в журнале Kinema Junpo от сентября 2022 года. «Tensai wa wasureta koro ni yatte kuru – Fukuyama Masaharu «Chinmoku no parēdo»» – «Гений возвращается тогда, когда его не ждут – Масахару Фукуяма в фильме «Молчаливый парад»». В данном заголовке используется фразеологизм, но структура и лексическое содержание не изменено. Смысл пословицы заключается в том, что гениальные идеи, решения приходят неожиданно.

Вышеназванная статья посвящена выходу фильма «Молчаливый парад», который является продолжением культового сериала «Галилео» о гениальном сыщике. Лента вышла спустя 9 лет после последней экранизации в этой франшизе. В названии статьи также указано имя актера, вернувшегося к роли главного героя. Таким образом заголовок работает сразу в нескольких «измерениях». Во-первых, автор рассказывает о проекте, про который все уже давно забыли, за долгие годы отсутствия новостей. Во-вторых, актуализируется прямое значение слова «tensai» (гений), так как тот самый гениальный сыщик из сериала возвращается на экраны. В-третьих, автор выражает своё положительное отношение к актёру, исполнившему главную роль, чей талант называет «гениальным». В результате читатель улавливает общий положительный настрой автора к описываемому событию.

Подводя итог, можно сказать, что игра слов с фразеологизмами – не просто стилистический приём привлечения внимания, но способ создать необходимый эмоциональный фон. С помощью языковой игры автор транслирует читателю своё отношение к теме. Это позволяет говорить о том, что фразеологическая игра слов – эффективный механизм реализации прагматического потенциала публицистического текста в японских СМИ.

Список использованной литературы

1. Пищулина О. И. Публицистические аспекты творчества А. И. Солженицына / О. И. Пищулина. – Текст : непосредственный // Тверской Солженицынский сборник. – Тверь : Тверской государственный университет, 1998. – С. 53.

2. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. – Москва, 1995. – 212 с. – Текст : непосредственный.

3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ : учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. – Изд 2-е. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 264 с. – Текст : непосредственный.

4. Сабурова Н. В. Роль заголовка в реализации функциональных особенностей публицистического стиля / Н. В. Сабурова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-1(24). – С. 181-185.

5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – Москва : Институт общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с. – Текст : непосредственный.

Карел Э. В., обучающийся,
Суханова И. Г., канд. филол. наук, доцент,
Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, г. Барнаул
E-mail: eleonora.karel@mail.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу стилистических тропов в рекламных слоганах на английском и китайском языках. В работе рассматриваются теоретические подходы к определению рекламного текста и его воздействующие функции. На материале 20 рекламных текстов были проанализированы ключевые изобразительно-выразительные средства, такие как: метафора, гипербола, анафора, параллельные конструкции и олицетворение.

Ключевые слова: рекламный текст, стилистические приемы, сопоставительный анализ, английский язык, китайский язык.

Karel E. V., student,
Sukhanova I. G., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Altai State Pedagogical University,
Russia, Barnaul
E-mail: eleonora.karel@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND CHINESE DVERTISING TEXT

This article presents a comparative analysis of stylistic tropes in advertising slogans in English and Chinese. It examines theoretical approaches to defining advertising text and its persuasive functions. Using 20 advertising texts, key figurative and expressive devices, such as metaphor, hyperbole, anaphora, parallel constructions, and personification, were analyzed.

Keywords: advertising text, stylistic devices, comparative analysis, English, Chinese.

Введение

В настоящее время реклама является неотъемлемой частью жизни общества любой культуры, она воздействует на потребителя различными способами. Эффективность ее воздействия зависит от использования изобразительно-выразительных средств. В современном мире особенно интересным представляется сопоставительный анализ того, как эти механизмы работают в разносистемных языках, например, в английском и китайском.

Данная статья посвящена выявлению и сравнению стилистических тропов, характерных для рекламных слоганов на английском и китайском языках. В рамках работы были поставлены задачи проанализировать частотность употребления различных тропов и определить национальную специфику в использовании данных приемов в рекламных текстах на двух языках.

Особенности рекламного текста на английском языке

Реклама – это информация, распространяемая в любой форме о лице, товарах или услугах, оплаченная рекламодателем, целью которой является привлечение внимания к объекту рекламирования и увеличения сбыта [1, С. 3]. Рекламный текст – это вербальное, текстовое выражение рекламной идеи, в котором ставятся и решаются маркетинговые задачи [2, С. 54]. Таким образом, текст рекламы – комплексное, целенаправленное визуально-вербальное сообщение, предназначенное для решения маркетинговых задач, привлечения внимания и оказания воздействия на аудиторию.

В данной работе проанализированы рекламные тексты крупных компаний с целью выявления стилистических приемов и их сравнения в английском и китайском языках. Изучив слоганы популярных товаров, можно выделить языковые средства, которые используются часто на английском и китайском языках, и языковые средства, которые используются редко. Все примеры взяты с официальных сайтов производителей.

Метафора (скрытое сравнение): *"Bring the world of Transformers home"* (Lego). Фраза не имеет прямого значения, в данном случае «мир трансформеров» значит все возможные товары компании данной серии и «принести их домой» означает приобрести товар. *"Transform your home into a coffee heaven"* (Bosch). В данном слогане глагол *transform* (превратить) используется в переносном значении и не имеет прямого смысла, соответственно, «превратить дом в кофейный рай» значит приобретение кофемашины или других товаров, связанных с кофе. *"Unwrap Joy with American Girl"* (Mattel). В рекламном слогане компании слово "*Joy*" – радость сравнивается с физическим подарком – куклой, которую можно распаковать. Также в этом случае прослеживается использование антономазии, слово *Joy* используется в качестве имени нарицательного, что характеризуется заглавной буквой в начале слова.

Гипербола – преднамеренное преувеличение. *"It's The Most Wonderful Time of the Year"* (Coca-Cola). Подразумевается, что данный период времени превосходит все остальные и является «самым чудесным» – "*The Most Wonderful Time*", преувеличение достигается за счет этой фразы. В другом примере автомобиль является не просто символом, а самым лучшим, стоящим над всеми остальными: *"The icon of icons"* (Rolls Royce). Рекламные слоганы компании часто используют слово "*best*", что является показателем, что продукция данной компании превосходит все остальные, заявляя о себе, как лучшее в мире: *"The keys to your best work"* (Apple); *"Why Apple is the*

best place to buy iPad." (Apple). Именно это слово является преувеличением в слоганах.

Анафора – повторение начала двух или более последовательных предложений: *"Max zoom. Max detail.",* (Samsung); *"Ultra sleek. Ultra pocketable"* (Samsung); *"Unleash Your Inner Bosch. Unleash power and performance"* (Bosch). В примерах данных рекламных слоганов можно заметить повтор первого слова в начале двух предложений, что характеризует данный стилистический прием.

Параллельные конструкции – повторение структуры нескольких последовательных частей предложения. Например, *"Get in touch. Stay in frame"* (Apple). Первое предложение включает в себя глагол с предлогом *get in*, который сочетается с дополнением, так же, как и второе предложение – s*tay in frame,* то есть грамматическая структура двух предложений повторяется, тем самым создает ритмичный контраст между двумя концепциями. Или другой пример: *"We are the music makers, and we are the dreamers of dreams."* (Lego). Структура частей одного предложения повторяется, на первом месте стоит подлежащее (*we*), затем следует глагол-связка (*are*) и после – именная часть составного сказуемого (*the music makers, the dreamers of dreams*).

Сравнение – сопоставление двух объектов, которые принадлежат к разным классам с некоторым общим свойством, по которому один из них более ярко выражен: *"Easter egg features like The Sorting Hat in the candle-lit dining hall."* (Mattel). Две части одного предложения соединены наречием "*like*", которое является основным показателем данного стилистического приема и переводится наречием «как». Соответственно, то, что стоит перед наречием, сравнивается с тем, что стоит после. В следующем высказывании также присутствует элемент сравнения через наречие "*like*", который соединяет две части предложения: *"Package styled like Hogwarts with fun hidden details to discover"* (Mattel).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что рекламные тексты на английском языке богаты использованием различных стилистических приемов. На примере рассмотренных рекламных слоганов можно сделать вывод, что наиболее часто используются метафора, гипербола и анафора. Однако есть и те, которые встречаются реже – параллельные конструкции и сравнение. Все встретившиеся стилистические приемы делают слоганы ярче и приковывают внимание аудитории.

Особенности рекламного текста на китайском языке

Стилистика китайского языка так же богата и разнообразна. Изобразительно-выразительные средства в стилистике китайского языка называют 描绘类 – тропы [3, С. 20]. Китайский язык имеет широко разветвленную систему тропов, которая располагает большими возможностями для построения словесных образов и создания красочной речи. Стилистические приемы

в китайском языке отличаются от английских, однако, есть те, которые имеют сходства.

借喻 (метафора) – в китайском языке является переносным употреблением слов [3, С. 27]. *微笑的力量* (Colgate). Слоган переводится как «сила улыбки». Слово 力量 (сила), сравнивается с улыбкой 微笑, то есть утверждается, что улыбка имеет такое же сильное физическое действие и способно «сдвигать» препятствия, подобно улыбке. *御风而行* (Rolls Royce) – этот слоган переводится как «обуздав/оседлав ветер, отправиться в путь». Использование глагола 御 управлять показывает, что автомобиль «управляет, укрощает» стихию (风ветер), словно управляет ею как упряжкой. Следующий слоган переводится как «хороший товарищ для учебы и развлечений»: *学娱好搭子* (Vivo). Электронное устройство (планшет, телефон) сравнивается с 搭子 (товарищем, компаньоном), который может заменить настоящего напарника.

夸张 (преувеличение – гипербола). *燥不可挡，酷爽以对* (Coca-Cola) – фраза 不可挡 переводится как неудержимая, атакующая жара, а酷爽以对 – крутая, охлаждающая прохлада, в данном случае рекламная компания прибегает к преувеличению данных понятий, не просто жара, а атакующая жара, не прохлада, а крутая прохлада, для большей степени продаваемости своего товара. Рекламный слоган переводится как «сверхбольшой экран, сверхпроявление таланта»: *超大屏，超出才* (Oppo). Приставка 超 «сверх-», используется для преувеличения двух частей предложения и создания эффекта чего-то уникального. Рекламный слоган *自然流畅，超有AI* (Oppo) переводится как «естественная плавность, сверхнасыщенный ИИ». Приставка 超 гиперболизирует наполнение комплектующих устройства (искусственного интеллекта) и его возможностей в работе.

拟人 (олицетворение) – форма иносказательной образности, уподобление человеку [3, С. 44]. Слоган *回收我，回头见* (Coca-Cola) переводится как «переработай меня, и мы еще увидимся», в данном случае акцент представлен на переработке товаров и сохранении природы. Местоимение 我 (я) наделяет товар (бутылку кока-колы) человеческими, живыми качествами, что усиливает эффект продаж данного товара. Слоган *丰富配件，得力助手* (Vivo) переводится как «богатая комплектация, надежный помощник». Комплектующие продукта сравниваются с 助手 (помощником), им приписываются человеческие функции, так как они «помогают и поддерживают» пользователя. Слоган *学娱好搭子* (Vivo) переводится как «хороший товарищ для учебы и развлечений». Электронное устройство (планшет, телефон) сравнивается с 搭子 (товарищем, компаньоном), продукту приписываются человеческие функции, который может составить компанию в различных делах, 学 (учебе) или 娱 (развлечениях).

Параллельные конструкции. *开启畅爽，尽释美妙* (Coca-Cola). Данный слоган переводится как «открой для себя наслаждение, дай полную волю прекрасному». В первой части предложения 开启 является глаголом и имеет значение «открывать», он сочетается с дополнением 畅爽 «наслаждение, легкость». Во второй части предложения 尽释 является глаголом, на русский язык переводится как «дать волю», сочетается с дополнением 美妙 «прекрасное, изящное». Обе части предложения следуют одной грамматической модели глагол + объект, соответственно, являются параллельными конструкциями.

Таким образом, для китайской рекламы характерно использование метафоры, олицетворения и гиперболы. Остальные стилистические приемы, такие как параллельные конструкции, встречаются редко.

Полученные выводы

В заключение, следует отметить, что стилистический портрет рекламного слогана в английском и китайском языках характеризуется как общими, так и специфическими чертами. К универсальным приемам относятся метафора, гипербола и параллельные конструкции. При этом такие тропы, как анафора и сравнение, были зафиксированы преимущественно в английских слоганах. Ключевым отличием китайского рекламного текста, выявленным в ходе данного исследования, является использование олицетворения, которое не встречается в рассмотренных англоязычных аналогах. Это наблюдение подтверждает гипотезу о влиянии лингвокультурных особенностей на выбор выразительных средств в рекламной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе : учебное пособие / Ю. С. Бернадская. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с. – Текст : непосредственный

2. Ильинский С. В. Энциклопедический словарь PR и рекламы. PR. Реклама. Маркетинг. Нейролингвистическое программирование : [около 700 названий и терминов] / С. В. Ильинский. – Москва : 2002. – 94 с. – Текст : непосредственный.

3. Горелов И. Н. Стилистика современного китайского языка / И. Н. Горелов. – Москва : Просвещение, 1979. – 192с. – Текст : непосредственный.

Грицай Л. А., докт. пед. наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К. Д. Ушинского,
Россия, г. Ярославль
E-mail: usan82@gmail.com

ТЕМА СМЕРТНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВЕТСКОЙ БАРДОВСКОЙ ПЕСНЕ

В статье, посвященной анализу советской бардовской песни, рассматривается тема смертности как философская проблема, выявляемая через мотивы памяти, дружбы и пути, интерпретируемые как формы преодоления конечности жизни, придающие поэтическому высказыванию экзистенциальную глубину и нравственную направленность.

Ключевые слова: авторская песня, бардовская поэзия, советская культура, тема смертности, экзистенциальная проблематика.

Gritsai L. A., D. of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University named
after K. D. Ushinsky,
Russia, Yaroslavl
E-mail: usan82@gmail.com

THE THEME OF MORTALITY AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM IN A SOVIET BARD SONG

The article, devoted to the analysis of the Soviet bard song, examines the theme of mortality as a philosophical problem, revealed through the motives of memory, friendship, and paths interpreted as forms of overcoming the finiteness of life, giving the poetic utterance existential depth and moral orientation.

Keywords: author's song, bard poetry, Soviet culture, theme of mortality, existential issues.

Советская бардовская песня, развивавшаяся как форма неофициального художественного высказывания, представляет собой значимое явление культуры, в котором, соединяя поэтическое слово и музыкальную интонацию, авторы создавали пространство личностного переживания, ориентированного на осмысление фундаментальных вопросов человеческого существования, исходя из этого, актуальность исследования, обусловленная устойчивым интересом к феномену авторской песни и необходимостью углубленного анализа ее философского содержания, определяется тем, что тема смертности получает в

бардовской поэзии особую форму выражения, требующую литературоведческого осмысления.

Целью работы является выявление способов художественной репрезентации конечности жизни в текстах советских бардов, а также определение их философского значения в контексте экзистенциальной проблематики, достижение поставленной цели предполагает использование комплекса методов, включающего мотивно-образный анализ, сравнительно-сопоставительный подход, а также элементы герменевтической интерпретации, позволяющие, обращаясь к текстам, реконструировать глубинные смысловые структуры, формирующие представление о смертности как о значимой категории художественного сознания.

Авторская бардовская песня, сформировавшаяся в культурном пространстве советской эпохи и ставшая, по точному замечанию Н.Е. Кричевцовой, одним из проявлений своеобразного романтического мировосприятия, ориентированного на внутреннюю свободу личности, заняла особое место в системе неофициальной культуры, функционируя как форма художественного самовыражения, противопоставляемая канонизированным моделям социалистического реализма [2, С. 98]. Исследователи, в частности Ю. А. Орлова, подчеркивают, что авторская песня, объединяя поэтический текст и музыкальное исполнение, выступала не только эстетическим, но и социальным феноменом, создавая пространство доверительного общения, в котором формировались альтернативные ценностные ориентиры [3, С. 120], при этом, функционируя в условиях ограничений, бардовская традиция, распространяясь через неофициальные каналы, в том числе посредством так называемого «магнитофоноиздата», оказывалась способной к сохранению и трансляции смыслов, не вписывающихся в рамки официальной идеологии [1, С. 154].

Содержательное ядро бардовской песни, будучи ориентированным на универсальные человеческие переживания, формировалось вокруг тем, обладающих устойчивой аксиологической значимостью, среди которых особое место занимали любовь, дружба, верность и личная ответственность, интерпретируемые как высшие ценности, бытия. Можно согласиться с мнением Э. Н. Киласония, согласно которому авторская песня, становясь «духом эпохи», открывала возможность говорить о том, что оставалось за пределами официального дискурса, тем самым возвращая человеку ощущение подлинности существования [1, С. 155], в этом контексте бардовская поэзия, развиваясь в русле исповедальности, формировала особый тип художественного высказывания, в котором личное переживание становилось универсальным, а частный голос обретал культурное значение.

Расширяя тематические горизонты, авторская песня включала в себя широкий спектр философских проблем, среди которых особое значение приобретала тема конечности человеческого существования, осмысляемая как экзистенциальная категория, определяющая ценностную структуру личности: в

отличие от официальной советской культуры, в значительной степени ориентированной на оптимистическую модель будущего и избегавшей прямого обращения к проблеме смертности, бардовская традиция, используя метафорические и символические формы, вводила в художественное пространство размышления о пределе жизни, о хрупкости человеческого бытия, о неизбежности утраты, о быстротекущем времени.

Таким образом, опираясь на существующие исследования, можно констатировать, что авторская песня, являясь значимым феноменом советской культуры, сформировала особое пространство художественного осмысления философских проблем, в том числе темы конечности человеческого существования, которая получила в бардовской поэзии глубокое и многоплановое выражение, требующее дальнейшего текстуального анализа.

Выстраивая анализ песенных текстов в рамках заявленной проблематики, представляется целесообразным, опираясь на критерии мотивно-образной структуры, субъектной организации высказывания и интонационно-смысловой доминанты, рассмотреть, каким образом в бардовской поэзии реализуется философское осмысление смертности, выявляя устойчивые семантические комплексы, формирующие представление о конечности человеческого существования как внутренне переживаемой, а не декларативно заданной категории.

Например, обращаясь к песне Юрия Визбора «Памяти ушедших» (1978), можно отметить, что автор, развивая мотив неосуществленного продолжения жизни, вводит его через интонационно доверительное признание, в котором личное желание обретает универсальное звучание:

Как хочется прожить еще сто лет,
Ну пусть не сто - хотя бы половину,
И вдоволь наваляться на траве,
Любить и быть немножечко любимым.

Автор подчеркивает уникальность каждой утраты, что, в свою очередь, усиливается в припеве, где мотив преждевременного ухода приобретает этическое измерение:

Лучшие ребята из ребят
Раньше всех уходят - это странно.
Что ж, не будем плакать непрестанно,
Мертвые нам это не простят.

Здесь, отказываясь от традиционного траурного плача, лирический герой, переводя переживание в сферу нравственного самоконтроля, формирует установку на активное сохранение памяти, что становится способом преодоления конечности.

Сходная проблематика, но иным образом реализованная, обнаруживается в песне Юрия Визбора «Товарищам» (1968), где, смещая акцент с факта смерти на форму постжизненного присутствия, автор создает развернутую систему метафорических отождествлений, позволяющих воспринимать ушедших как продолжающих существовать в другом виде:

Вы не с нами - но вы - не чужие,
Вы - как ветер, что вдруг за окном,
Вы - как тень, что скользнет по дороге,
Вы - как эхо в далеком краю.

Данный образный ряд, формируя ощущение рассеянного присутствия, снимает резкую границу между жизнью и смертью, что дополняется принципиально важной для понимания авторской позиции установкой, выраженной в повторяющемся мотиве сдержанного существования:

Мы не плачем - мы просто живем,
И стараемся честно идти,
Потому что, когда вы уходили,
Вы сказали: «Живите. Цветите».

Используя подобную формулу, Визбор, избегая патетики, предлагает этическую модель поведения, в которой память об умерших реализуется через продолжение жизни, тем самым конечность существования интерпретируется как фактор, усиливающий ответственность живущих.

В свою очередь, обращаясь к «Песне о друге» Владимира Высоцкого (1968), можно зафиксировать принципиально иную концептуализацию смертности, основанную на последовательном отрицании традиционных представлений о загробном существовании, что выражается через настойчиво повторяющуюся анафорическую конструкцию:

Я не верю в загробные жизни,
И не верю в воскресение тел,
Но зато я в друзьях убежден –
Их любовь меня воскресит, если смогут.

Развивая данную мысль, автор усиливает ее, варьируя отрицательные конструкции и расширяя перечень отвергаемых представлений:

Я не верю в спасение души,
И в какие-то райские сады,
Но зато я в друзьях убежден –
Их любовь меня воскресит, если смогут.

Таким образом, отрицая метафизические основания бессмертия, Высоцкий, формируя альтернативную модель, утверждает, что единственной формой продолжения существования является память, закрепленная в человеческих отношениях, что придает теме смертности не трагический, а в определенной мере этически мобилизующий характер.

Особую линию осмысления конечности жизни представляет песня Александра Городницкого «Перекаты» (1960), в которой тема смертности, будучи включенной в контекст пути, получает сдержанное, почти будничное выражение, что, однако, не снижает ее философской значимости:

К большой реке я наутро выйду,
Наутро лето кончится,
И подавать я не должен виду,
Что умирать не хочется.

В данном случае, используя прием внутреннего сдерживания, выраженного через отрицательную конструкцию, автор демонстрирует скрытое напряжение, возникающее при столкновении с мыслью о конечности, при этом, развивая мотив пути, он вводит образ предела как естественного завершения движения:

И если есть там с тобою кто-то,
Не стоит долго мучиться,
Люблю тебя я до поворота,
А дальше - как получится.

Таким образом, граница жизни предстает как «поворот», лишенный однозначной оценки, что позволяет интерпретировать смерть не как катастрофу, а как неотъемлемый элемент жизненного маршрута.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что тема смертности в советской бардовской песне, будучи включенной в структуру поэтического высказывания, приобретает статус ключевой философской проблемы, определяющей специфику авторского мировосприятия: во-первых, анализ текстов показывает, что конечность жизни осмысляется через устойчивые мотивы памяти, дружбы и пути, позволяющие преодолеть трагизм утраты, переводя его в этическую плоскость ответственности живущих; во-вторых, выявлено, что различные авторы, используя отличающиеся поэтические стратегии, формируют вариативные модели интерпретации смертности, среди которых выделяются концепции сохранения присутствия через память, отрицания трансцендентного бессмертия и принятия конечности как естественного этапа существования; в-третьих, установлено, что бардовская песня, обладая синтетическим характером и ориентируясь на личностное переживание, создает особое пространство философской рефлексии, в котором тема смертности получает глубокое и многоплановое художественное выражение, свидетельствующее о ее значимости для понимания духовного опыта эпохи.

Список использованной литературы

1. Киласония Э. Н. Авторская песня как важная художественная составляющая XX века / Э. Н. Киласония. – Текст : непосредственный // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 64-3. – С. 154-157.

2. Кричевцова Н. Е. Бардовская песня как феномен советского романтизма / Н. Е. Кричевцова. – Текст : непосредственный // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10-1. – С. 98-101.

3. Орлова Ю. А. Авторская песня как феномен советской культуры / Ю. А. Орлова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 120-123.

Суханова И. Г. канд. филол. наук, доцент,
Петухова А. А., обучающийся,
Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, Алтайский край, г. Барнаул
E-mail: irinaserova5@yandex.ru
an.petuhova@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья анализирует языковые особенности английской народной сказки в сравнении с русской традицией. Рассматриваются лексические (архаизмы, диалектизмы, уменьшительно-ласкательная лексика), синтаксические (повторы, параллелизмы) и стилистические средства (олицетворение, гипербола, ирония, ритм). Выявляются универсальные фольклорные мотивы и ярко выраженная национальная специфика каждой традиции.

Ключевые слова: английская народная сказка, русская сказка, сравнительный анализ, фольклор, языковые особенности.

Sukhanova I. G. Ph. D., Associate Professor,
Petukhova A. A., Student,
Altai State Pedagogical University
Russia, Altai Krai, Barnaul
E-mail: irinaserova5@yandex.ru
an.petuhova@mail.ru

LANGUAGE FEATURES OF THE ENGLISH AND RUSSIAN FAIRY TALE: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article examines the linguistic characteristics of the English folk fairy tale in comparison with the Russian tradition. It analyzes lexical features (archaisms, dialectisms, diminutive-affectionate vocabulary), syntactic devices (repetitions, parallel constructions), and stylistic means (personification, hyperbole, irony, rhythm). The study reveals universal folklore alongside clearly distinct national specificities of each tradition.

Keywords: English folk tales, Russian folk tales, comparative analysis, folklore, language features.

Введение

Сказка – один из древнейших жанров художественной литературы, корни которого уходят в устную традицию. Этот жанр выполняет одновременно несколько функций: воспитательную, развлекательную и символическую. Сказки отражают национальные особенности мышления, моральные

ценности и культурные аспекты народа, закреплённые в традициях и ценностях носителей культуры определённого языкового сообщества [1, С. 230]. Английская народная сказка выделяется среди других европейских традиций благодаря сдержанному юмору, логичности повествования и поэтичности языка [2, С. 48].

Структурные особенности и классификация английских сказок

Исторически английская сказка развивалась от устных фольклорных форм, испытавших кельтское, саксонское и скандинавское влияние, к литературным авторским произведениям XIX века. Английские сказки традиционно делятся на две большие группы: фольклорные (народные) и авторские (литературные). Фольклорные включают сказки о животных, волшебные и бытовые. Они характеризуются коллективным авторством и значительной вариативностью текстов. Авторские имеют фиксированный текст, больший объём и индивидуальную интерпретацию мотивов. Они подразделяются на фольклорно-литературные и собственно персонально-авторские виды [3, С. 12]. В английской культуре сказка выполняет ряд важных функций: воспитательную – утверждает триумф добра над злом; культурно-историческую – способствует формированию национальной идентичности; психологическую – помогает разрешать внутренние конфликты и развивать воображение; эстетическую – доставляет удовольствие от языка и формы; дидактическую – ненавязчиво передаёт моральные уроки [4, С. 40]. Структурные особенности волшебных сказок, описанные В. Я. Проппом, включают: ограниченное число функций персонажей, строгую последовательность действий и «необычайность» событий [5, С. 4].

Языковые особенности текста английской народной сказки

Одними из наиболее узнаваемых признаков английской сказки служат устойчивые формулировки начала и конца: “*Once upon a time*…” и “…*and they lived happily ever after*”. Эти клише создают особое сказочное пространство, задают ритм повествования и отделяют вымышленный мир от реальности. В тексте английской народной сказки используются следующие лексические средства: архаизмы, создающие атмосферу древности; диалектизмы, придающие региональный колорит; устойчивые формулы и фразеологизмы, обеспечивающие ритм и запоминаемость; оценочная лексика, подчёркивающая бинарную оппозицию добра и зла; звукоподражания (ономатопея), усиливающая выразительность. Кроме того, активно используется разговорная лексика и даже вульгаризмы, что добавляет естественности и комизма, а окказионализмы и семантические сдвиги подчёркивают национальный колорит и связь с сельским бытом или кельтскими суевериями [3, С. 48-50]. Например, вульгаризм *Stars o’ mine!* (“Tom Tit Tot”) [6, С. 9], коллоквиализм *fuss* (“The Old Woman and Her Pig”) [6, С. 19], архаизмы *Hark* (слушай!) (“Teeny-Tiny”) [6, С. 39], *Laidly* (отвратительный) и *Worm* (дракон) (“The Laidly Worm”) [6, С. 115]; рифмованные имена персонажей

Henny-Penny, Cocky-Locky (“Henny-Penny”) [6, С. 73] и звукоподражательные лексемы *jiggelty-jolt* (“How Jack Went to Seek His Fortune”) [6, С. 21].

Синтаксис английской сказки имитирует устную речь, например: *I weird ye to be a Laidly Worm, And borrowed shall ye never be, Until Childe Wynd...* (*“*The Laidly Worm*”)* [6, С. 115]. Текст отличается преобладанием простых и бессоюзных предложений, синтаксическими повторами и параллелизмами, инверсиями и парцелляцией, риторическими вопросами и повелительными конструкциями, а также чередованием длинных и коротких предложений, создающим ритмико-интонационную организацию повествования. Значительное место занимают прямая речь и диалоги, обеспечивая динамику сюжета и характеристику персонажей. Повтор часто отображает накопительную структуру повествования: *Stick! stick! beat dog! dog won’t bite pig; piggy won’t get over the stile; and I shan’t get home to-night* (“The Old Woman and Her Pig”) [6, С. 19].

Особенно характерны для народной сказки: лаконичность, ритмичность, связь с устной речью, элементы юмора через абсурд и сатиру, а также рифмованные вставки и графические приёмы (например, капитализация для выделения). Среди ключевых стилистических средств отмечаются: олицетворение и эпитеты, гипербола и литота, повтор (анафора, эпифора), ирония и контраст, метафора, аллитерация, градация и общая музыкальность и ритмичность текста.

Языковые особенности текста русской народной сказки

Русские сказки богаты уменьшительно-ласкательной лексикой (типично национальное средство – создаёт теплоту, комизм и народный колорит): *репка, дедка, бабка, внучка, Жучка, кошка, мышка* («Репка»); *мышка-норушка, лягушка-квакушка, зайчик-попрыгайчик* («Теремок»); *Коровушка-матушка, Хаврошечка* («Крошечка-Хаврошечка»). Разговорная и оценочная лексика усиливает естественность и бинарную оппозицию: *большая-пребольшая, вытянуть не могут, била-била – не разбила* («Репка», «Курочка Ряба»); *мудрая, глупый* в загадках из сказки «Дочь-семилетка». Звукоподражания и рифмованные имена добавляют ритм и запоминаемость: *Кто-кто в теремочке живет?* («Теремок»); рифмованная речь в загадках и заклинаниях из сказок «Дочь-семилетка» и «Царевна-лягушка» (*Стань, моя стрелочка, в болоте…).*

Основными синтаксическими приёмами являются повтор и цепочная конструкция: *Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку… тянут-потянут, вытянуть не могут* («Репка»); *Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет?* – повторяется при каждом новом животном («Теремок»). Диалоги лаконичны и динамичны: *Коровушка-матушка! Дай мне молока…* («Крошечка-Хаврошечка»); *Кто, кто в теремочке живет? – Я мышка-норушка, а ты кто?* («Теремок»). Особенностью ритмико-интонационной организации представляется чередование коротких и длинных конструкций, параллелизмы, анафора: *Била, била – не разбила; била, била – не*

разбила («Курочка Ряба»); *Тянут-потянут, вытянуть не могут* (многократный рефрен в «Репке»). Инверсия встречается редко, преобладают простые предложения, имитирующие устную речь.

Сравнительный анализ английской и русской народной сказки

Сравнение английских народных сказок с русскими выявляет как универсальные фольклорные мотивы, так и национальную специфику. Анализ практического материала показал, что в русском и английском народном творчестве существуют сказки аналогичные по структуре, содержанию и языковым особенностям. Так, например, сказка "*The Old Woman and Her Pig"* (накопительная сказка с цепочкой просьб) [6, С. 19] схожа с русской народной сказкой «Репка» по принципу «одно за другое», т.е. накопление действий, создающих комический или нравоучительный эффект. Ещё один пример накопительной сказки – это *"Henny-Penny"* [6, С. 73]. Рифмованные имена и абсурдная паника сюжета напоминают «Курочку Рябу», в которой цепь событий и комический абсурд приводят к подвоху в финале.

Музыкальная басня с мотивом власти имени, рифмованной речью, суффолкским диалектом *"Tom Tit Tot"* [6, С. 9] напоминает известную сказку «Дочь-семилетка», в которой угадывается имя как победа силы слова. Сказка обладает ритмом повествования и использованием устного диалекта. Балладная форма с архаизмами и мотивом превращения как в сказке *"The Laidly Worm"* [6, С. 115], прослеживается и в сюжете «Царевны-лягушки» с трансформациями, спасением и магическими формулами.

В сказке «Теремок», сюжет объединяет животных, а в повествовании изобилуют ритмичные повторы, юмор о слабых и сильных, так же как английская сказка *"How Jack Went to Seek His Fortune"* [6, С. 21], представляет собой дролл с звукоподражаниями, описывающий сбор попутчиков, а комический эффект создаётся на основе непонимания. Другой короткий дролл "*Teeny-Tiny"* [6, С. 39] с лексическими повторами и внезапным финалом – аналог русской сказки «Крошечка-Хаврошечка», мотивом которой является миниатюризация, преувеличение малого и драматизм.

Заключение

Проведённый анализ показал, что английская народная сказка представляет собой яркий синтез устной традиции и национального колорита, где юмор, лаконичность и ритм создаются комплексом языковых средств – лексических, синтаксических и стилистических. Сравнение с русскими аналогами подтверждает универсальность ключевых фольклорных мотивов (накопление, превращение, власть слова, сатира), но при этом подчёркивает сохранение национальной специфики в каждой традиции.

Список использованной литературы

1. Суханова И. Г. Актуализация национально-культурного компонента концепта TRADITION в современной британской художественной прозе / И. Г. Суханова. – Текст

: непосредственный // Этнокультурная специфика когниции и ее манифестация в языке и дискурсе. – 2024. – С. 230-257.

2. Куражова И. В. Английские народные сказки как отражение особенностей национального менталитета / И. В. Куражова. – Текст : непосредственный // Тенденции развития языкового образования в современном мире. – 2024. – С. 48-51.

3. Лукьянова Н. А. Лингвокультурологическая ценность английских сказок в обучении английскому языку / Н. А. Лукьянова. – Текст : непосредственный // Конструктивные педагогические заметки. – 2024. – № 3 (23). – С. 48-54.

4. Беттельгейм Б. О пользе волшебства. Смысл и значение волшебных сказок / Б. Беттельгейм. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2020. – Текст : электронный.

5. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.

6. Jacobs J. English Fairy Tales / J. Jacobs. – Hazleton, PA : The Pennsylvania State University, Electronic Classics Series, 2005.– 152 p. – Текст : непосредственный.

Корниенко Е. Р., докт. филол. наук, доцент,
Северный государственный медицинский университет,
Россия, г. Архангельск
E-mail: er-kor@mail.ru

ПОЛЕ КОММУНИКАЦИИ ВО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена врачебной коммуникации, включающей научно-клинический язык, основанный на медицинском знании, и профессиональную медицинскую культуру. Автор представляет поле коммуникации, маркированное двумя пересекающимися сегментами – язык-речь и контекст. В связи с чем сделаны акценты на процессе речевого взаимодействия врача и пациента, его коммуникативно-деятельностном аспекте, речевой ситуации «врач-пациент».

Ключевые слова: врачебная коммуникация, взаимодействие «врач-пациент», поле коммуникации, речевая ситуация.

Kornienko E. R., D. of Philological Sciences,
Associate Professor,
Northern State Medical University,
Russia, Arkhangelsk
E-mail: er-kor@mail.ru

THE COMMUNICATION FIELD IN MEDICAL ACTIVITY

The article is devoted to medical communication, which includes the scientific-clinical language based on medical knowledge and the professional medi-

cal culture. The author presents the field of communication, marked by two intersecting segments – language-speech and context. In this regard, emphasis is placed on the process of speech interaction between the doctor and the patient, its communicative-activity aspect, and the speech situation "doctor-patient".

Keywords: medical communication, doctor-patient interaction, field of communication, speech situation.

В настоящее время профессиональное общение в медицинской сфере начинает приобретать свои лингвистические очертания и коммуникативные особенности. Интенсивное развитие здравоохранения, интеграционные процессы философии, психологии и лингвистики способствуют построению эффективной коммуникации между врачами и пациентами.

Врачебная коммуникация трактуется нами как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, представителей разных сфер социумности. Данный тип коммуникации является значимым фактором регуляции жизнедеятельности отдельно взятого «страдающего» человека с позиции «здоровье-болезнь»; базируется на различных способах и приемах общения; предполагает правильное восприятие и понимание информации. Эффективность врачебной коммуникации находится в прямой зависимости от знания врачом специфики социального ореола пациента, то есть биопсихосоциальной наполняемости его личности; в случае же неосведомленности – коммуникация будет безрезультатной. Биопсихосоциальный компонент включает элементы: биологическое, психологическое, социальное состояния пациента. Социальный элемент характеризуется в том числе и с позиции языка:

1. Лингвистики – вербальный аспект коммуникации врача и пациента;
2. Психолингвистики – мотивы определенного речевого поведения пациента и барьеры, затрудняющие процесс общения врача и пациента;
3. Паралингвистики – невербальный аспект коммуникации врача и пациента;
4. Социолингвистики – взаимообусловленность социальных и языковых фронтиров в коммуникативном взаимодействии врача и пациента.

Врачебная коммуникация предполагает использование научно-клинического языка, основанного на медицинском знании, которое «в первую очередь, это владение медицинской терминологией. Термин – необходимый инструмент профессиональной коммуникации, средство актуализации профессиональных знаний в процессе деятельности. Функционируя в медицинском дискурсе, термин выполняет не только номинативную, сигнификативную, а, в первую очередь, коммуникативную, прагматическую и ориентирующую функции» [1, С. 55].

Профессиональная терминология входит в понятие «врачебная культура», рассмотренная иссследователем Хлыстовой Н. А. как «1) предметный

мир, некая материально-техническая база, предназначенная для осуществления профессиональной познавательной и практической деятельности медиков; 2) процессуально-деятельностная составляющая, связанная с технологией диагностирования, врачевания, создания лекарственных форм, их апробации и использования в практической деятельности; 3) личностный элемент, включающий систему внутренних интеллектуальных, психологических и душевно-духовных качеств врачующего и, конечно, способ его личной практической деятельности в профессиональной сфере…» [2, С. 62]. На наш взгляд, врачебная коммуникация в качестве элемента культуры и медицинское знание как элемент культурного текста по достоинству также могут входить в понятие «врачебная культура». Профессиональная медицинская культура - это конгломерат медицинских знаний и профессионально важных качеств, в том числе моральных и ценностных качеств культуры врача, а также уровень их применения во врачебной практике.

Основное во врачебной деятельности – это интеграция лечебно-диагностического процесса и процесса общения, детерминирующая речевое взаимодействие врача и пациента. Поле коммуникации в данном случае маркируется двумя пересекающимися сегментами: язык/речь и контекст.

1. Сегмент «язык/речь» предполагает позиционирование языка как константы культуры в разрезе врачебной коммуникации, которая отражается в языковой личности и языковом сознании врача; в наборе понятий – ментальность личности медика, культурный опыт врача; медицинский дискурс, концепты здоровье и болезнь, душа и тело, др.

«Речь, которая представляет собой индивидуальный акт, реализующий языковую способность через посредство языка как социальной системы» и «речевая деятельность» [3, С. 12] определяется во врачебной коммуникации как речевое взаимодействие, которое представляет собой, с одной стороны, единое целое, с другой – два относительно нейтральных компонента: врачебный и пациентский, являющиеся разными по своей сущности и речевой наполняемости с точки зрения:

1) самосознания личности врача и пациента;
2) культуры врача и пациента;
3) ценностных ориентиров врача и пациента;
4) языковой культуры врача и пациента;
5) социальной характеристики пациента;
6) психологических и характерологических особенностей врача и пациента;
7) дискурсивных проявлений врача и пациента;
8) языковых приоритетов врача.

Сегмент «контекст» предполагает содержательное наполнение коммуникативно-речевой ситуации и рассматривается как ситуативный фон, формирующийся из реальной ситуации взаимодействия и языковой мат-

рицы ролевой коммуникации (коммуникация врача и коммуникация пациента). Необходимо отметить важность контекста во взаимодействии врача и пациента, так как он фиксирует форму коммуникативного акта и создает смыслы речевой ситуации.

Речевая ситуация «врач-пациент» организуется следующими элементами:

1) официальный фон общения;
2) ситуативный повод (здоровье, нездоровье);
3) целеполагание общения;
4) коммуниканты (врач, пациент) и их ролевые позиции;
5) смысловое наполнение коммуникативного процесса;
6) активность актора (врач) общения;
7) рефлексия пассивного коммуникатора (пациент);
8) результативность коммуникативного акта.

Ключевой спецификой указанной речевой ситуации является соблюдение этико-деонтологических принципов («не навреди», др.) коммуникативного взаимодействия, в ходе которого на первый план выходят ценностные основы культуры врача. Ядро речевой коммуникации составляет речевой этикет. Следует подчеркнуть, что контекст в коммуникативно-речевой ситуации имеет социально-культурную окраску:

1) лечебно-диагностические действия врача, коррелирующиеся с его профессиональным опытом, обусловливают социальное решение, то есть выход из трудной для пациента социальной ситуации;

2) медико-культурная цельность подхода к пациенту включает доверительные отношения врача и пациента и благо (пользу) для биопсихосоциального состояния пациента.

Речевая ситуация «врач-пациент» в целом соответствует принципу коммуникативности, декларирующему реальное речевое общение, и коммуникативно-деятельностному подходу, с помощью которого выстраивается система взаимодействия врача с пациентом. Коммуникативно-деятельностный аспект речевого взаимодействия врача и пациента основывается на коммуникативных актах слушания и говорения в ходе медицинского диалога, маркированного коммуникативно-речевой ситуацией, которую относим к специфическому компоненту коммуникативно-речевой деятельности.

По заявлению Ю. Подгорецки «в языкознании речевая деятельность рассматривается как один из аспектов языка, который выделяется наряду с речевой организацией и языковой системой. Это «языковой материал, включающий сумму отдельных актов говорения и понимания» [4, С. 160-161]. Заметим, что язык медика и императивы речевого поведения зависят от уровня владения речевой культурой и коммуникативной стратегией, как «процесса построения диалога путем выбора оптимального в конкретной ситуации типа речевого поведения, направленного на достижение цели и

обусловленного социальным контекстом и определенными психологическими установками» [5, С. 66]. Выбор коммуникативных стратегий и тактик в речевой ситуации «врач-пациент» обеспечивает успешность в целеполагании речевой ситуации, и наоборот, может быть неудачным актом общения; также он зависит от модели общения, например, партнерской или авторитарной, т.п.

Несомненно, эффективность врачебной коммуникации обеспечивают правильно смоделированная коммуникативно-речевая ситуация, интерактивная организация речи в диалогическом общении с учетом положительной степени проявления речевого поведения и речевого этикета в соответствии с профессиональной медицинской культурой; также вариативность коммуникативных стратегий и тактик.

Список использованной литературы

1. Маджаева С. И. Общие вопросы языкознания (филологические науки) / С. И. Маджаева. – Текст : непосредственный // Евразийский филологический вестник. – 2025. – № 1 (9). – С. 51-66.

2. Хлыстова Н. А. Феномен медицинской культуры. Методологический аспект медицинской культуры / Н. А. Хлыстова. – Текст : непосредственный // Бюллетень сибирской медицины. – 2008. – № 1. – С. 60-70.

3. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с. – Текст : непосредственный.

4. Подгорецки Ю. Социальная коммуникация – наука XXI века / Ю. Подгорецки. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 157-163.

5. Майборода С. В. Коммуникативные стратегии и тактики в речевой партии врача в диалоге о самолечении / С. В. Майборода – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 65-74.

Миллер В. И., канд. филос. наук, доцент,
Белоусова Д. В., обучающийся
Сургутский государственный педагогический университет,
Россия, г. Сургут
E-mail: miller815mailru@bk.ru
zzzvvih@inbox.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается феномен правовой культуры в контексте кризисных явлений современной культуры. Авторами анализируются аспекты, определяющие значимость правовой культуры, актуальность осуществления процессов правового просвещения современной молодежи.

Особое внимание уделяется вопросам правового воспитания и образования молодежи в рамках осуществления профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью.

Ключевые слова: социокультурные вызовы современности, правовая культура, правовое просвещение, работа с молодежью.

Miller V. I., Ph. D. in Philosophy, Associate Professor,
Belousova D. V., student
Surgut State Pedagogical University,
Russia, Surgut
E-mail: miller815mailru@bk.ru
zzzvvih@inbox.ru

LEGAL CULTURE AS A PHENOMENON OF CONTEMPORARY SOCIOCULTURAL REALITY

This article examines the phenomenon of legal culture in the context of the crisis in contemporary culture. The authors analyze aspects that determine the significance of legal culture and the relevance of legal education for today's youth. Particular attention is paid to issues of legal education and training for young people within the framework of the professional activities of a youth worker.

Keywords: contemporary sociocultural challenges, legal culture, legal education, youth work.

Проблема правовой культуры занимает особое место в системе социально-гуманитарного знания. Область правовой культуры изучается комплексно и рассматривается на стыке нескольких наук. Поскольку это явление одновременно и социальное, и юридическое, и духовное, его исследованием занимаются следующие научные дисциплины: юридические науки, в которых правовая культура рассматривается как часть правовой системы общества; философские науки, в которых анализируются ценностные и мировоззренческие аспекты права; социологические науки определяют нормы функционирования правовой культуры в реальной жизни общества и различных социальных групп; психологические науки фокусируются на внутреннем мире человека по отношению к праву; педагогические науки изучают способы формирования и повышения правовой культуры; исторические науки анализируют развитие правовой культуры во времени.

Обратимся к основным характеристикам правовой культуры, выступающей в качестве одного из важнейших элементов духовной культуры индивида и общества. Правовая культура – это не только знание нормативно-правовых актов, а сложное соединение следующих уровней: правовые знания (информированность о законах, правах и обязанностях); правосознание (отношение к праву, оценка его справедливости); правомерное поведение

(привычка действовать в рамках закона и уважать права других). Современные исследователи рассматривают правовую культуру, прежде всего, как результат и способ правой деятельности. Н.Л. Гранат и В.В. Панасюк отмечают, что «это не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в ее менталитете» [1, С. 2-8].

Правовая культура как неотъемлемое качество социально зрелой личности должно формироваться на протяжении всей жизни человека, однако ее первостепенные основы должны быть заложены в раннем детстве и юности. В рамках профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью, нами выделены основные направления работы, которые направлены на повышение правовой культуры молодых людей.

1. Просвещение и доступность информации. Правовая информация преподносится доступно и точно, а эффективными форматами взаимодействия с молодежью могут быть следующие: правовые квизы и квесты. Молодые люди часто узнают правовую информацию через социальные сети и видеоконтент: короткие ролики (Reels, Shorts) о том, как вести себя при задержании полицией, как не попасться на уловки кибермошенников или как составить договор аренды квартиры. Важную роль играет формат разбора кейсов: так теория подкрепляется анализом реальных жизненных ситуаций из практики (трудовые споры, защита прав потребителей).

2. Взаимодействие с государственными институтами. Актуальными формами могут стать встречи с практиками: приглашение судей, прокуроров, адвокатов и сотрудников полиции не для «лекций о вреде», а для открытого диалога и ответов на вопросы. Особую роль выполняют экскурсии в суды и юридические клиники, когда создается возможность увидеть процесс судопроизводства, получить бесплатную консультацию от студентов-старшекурсников под надзором преподавателей.

3. Воспитание уважения к праву в школах и вузах. В школьной практике может осуществиться процесс школьного самоуправления, популяризироваться работа совета школы, создание школьных служб примирения (медиации). В школах и вузах могут быть организованы кружки и факультативы. Их основная деятельность должна быть направлена на обсуждение законопроектов и правовых новостей.

4. Профилактика правонарушений должна быть направлена на объяснение последствий действий различных негативных девиаций, состояться информирование об ответственности, как уголовной, так и административной.

Важную роль в работе с молодежью и в процессе формирования правовой культуры играют спорт, творчество, волонтерство. В СМИ необходимо популяризировать образ грамотного, законопослушного и успешного

гражданина, который умеет решает вопросы юридически. Обосновывая значимость и сложность содержания правовой культуры, мы подразумеваем нечто больше, чем простое владение юридической и правовой информации. В первую очередь, следует отметить совокупность знаний и применения их в реальной жизни гранича с национальной культурой. Правовая культура – это не просто знание законов, а гораздо более широкий и сложный феномен, это совокупность знаний о праве, уважительного отношения к нему и готовности следовать правовым нормам в повседневной жизни. Правовая культура – важнейшее условие осознания гражданином своей ответственности перед обществом.

В настоящее время, когда старые правила законы и ценности уже не работают, а новые еще не появились, очень важно понять, как молодые люди относятся к закону и справедливости. Это позволяет выявить проблемы на разных правовых уровнях. Во-первых, это четкая взаимосвязь между развитием правовой культуры и становлением правовой государственности: если не будет достигнут высокий уровень правовой культуры, то не будет эффективным становлением и функционирование правового государств, так как в основе его лежит законность, а следованию этому принципу при низком уровне правовой культуры достаточно затруднительно. Во-вторых, это ценностный характер правовой культуры, что способствует отражению не только правовых ценностей общества, но и качественного состояния правовой жизни в целом с ориентацией на осознание интересов и потребностей общества в правовом регулировании общественных отношений. Над решением данной проблемы работает не только правовая мысль в лице выдающихся представителей, но и философия, социология, экономика, политология, поэтому без комплексного применения знаний решить эту проблему будет невозможно.

Почему правая культура необходима для молодежи? Если рассматривать молодых людей в качестве стратегического ресурса общества, который определяется этапом активной социализации, выбора жизненных ориентиров и моделей поведения, то именно в этот период закладываются основы мировоззрения, ценностные установки, в том числе отношение к праву и закону, формируется готовность к сознательному соблюдению правовых норм или, напротив, склонность к их игнорированию. От уровня правовой культуры молодых граждан во многом зависит будущее страны, стабильность социальных отношений, эффективность правовой системы и общий вектор развития общества.

Рассматривая молодежь как активную часть населения, ее можно отнести к активным участникам организационно-правовых отношений в современном Российском обществе. Если проанализировать нормативно правовые акты в сфере формирования и развития правовой культуры российской молодежи, в частности Федеральный закон от 30 декабря 2020 года №

489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» то можно отметить, что для граждан данной категории открыто много возможностей и льгот, такие как: участие молодежи в реализации молодежной политики, поддержка молодых семей, развитие института наставничества, воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации.

В настоящее время индивид и общество в целом сталкиваются с большим числом «современных вызовов» социокультурной реальности: правовой нигилизм: неверие в силу закона; экстремизм и радикализм: незнание границ дозволенного и правовых последствий; виктимность: молодые люди часто становятся жертвами мошенников из-за незнания элементарных правил безопасности при заключении сделок, пользовании интернетом или трудоустройстве.

К число актуальных проблем следует отнести правовой инфантилизм, который нередко сопряжен с потребительским отношением к праву, когда нормы воспринимаются исключительно как способ удовлетворения собственных интересов, но не как основа общественного согласия и взаимных обязательств. В этом контексте необходимо отметить, что, как справедливо подчеркивает А. С. Иванова, образовательные структуры, в том числе вузы, не всегда создают достаточные условия для целенаправленного формирования у студентов способности к правовой рефлексии и ответственности, что способствует пролонгации инфантильных моделей поведения и после достижения совершеннолетия [2, С. 109].

Другим вызовом современности стало влияние цифровизации на состояние правовой культуры общества. В 2025 году МВД России зафиксировало 663 тыс. киберпреступлений, сообщил замглавы ведомства Андрей Храпов. Это на 12% меньше, чем годом ранее. Число жертв кибермошенников уменьшилось в прошлом году на 5,5%, до 534,5 тыс. человек, добавил замминистра внутренних дел. «Цифровизация – это упрощение привычной деятельности в сфере правовой деятельности. Для актуализации данной темы, можно рассматривать молодежь в качестве объекта исследования, исследуя аспекты их осведомленности и тех возможностях, которые существуют в настоящее время в правовой сфере» [3, С. 66-67].

Таким образом, право есть система, которая постоянно развивается и видоизменяется, вбирая в свое содержание весь комплекс общественных трансформаций. Эти процессы порождают новые правовые традиции, которые являются частью правовой культуры и ранее существовавших традиционных представлений. Правовая культура играет важную роль не только в процессах формирования гражданского общества, но и является необходимым условием социальной зрелости молодежи. Полагаем, что очень важно специалисту в сфере работы с молодежью осуществлять мероприятия, направленные на правовое просвещение, чтобы современная молодежь

владела навыками и инструментами правовой культуры, а также транслировала модели поведения, характеризующие активную правовую гражданскую позицию.

Список использованной литературы

1. Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура / Л. Н. Гранат, В. В. Панасюк. – Текст : непосредственный // Юрист. – 1998. – № 11/12. – С. 2-8.
2. Иванова А. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере образования / А. С. Иванова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 49 (391). – С. 197-200.
3. Головкин Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2 (51). – С. 166.

Миллер В. И., канд. филос. наук, доцент,
Бакина Т. О., обучающийся,
Сургутский государственный педагогический университет,
Россия, г. Сургут
E-mail: miller815mailru@bk.ru
bakina_mila@inbox.ru

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Тема молодой семьи как культурологическая проблема является одной из ключевых для понимания процессов, происходящих в современном обществе. Если рассматривать это явление не только с точки зрения социологии или демографии, а именно культурологии, то в центре внимания оказываются кризис ценностей, трансформация традиций и поиск новой идентичности.

Ключевые слова: молодая семья, кризис ценностей, проблемы молодых семей, молодежная политика.

Miller V. I., Ph. D. in Philosophy, Associate Professor,
Bakina T. O., student
Surgut State Pedagogical University,
Russia, Surgut
E-mail: miller815mailru@bk.ru

YOUNG FAMILY IN THE MODERN WORLD AS A CULTURAL PROBLEM

The topic of young families as a cultural issue is one of the key to understanding the processes occurring in modern society. When considered not only from the perspective of sociology or demography, but specifically from the perspective of cultural studies, the focus is on the crisis of values, the transformation of traditions, and the search for a new identity.

Keywords: young family, crisis of values, problems of young families, youth policy.

В настоящее время проблема молодых семей становится не только значимой, но и одной из основополагающих для развития современного общества. С 2020 года в России действует Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике», согласно этому закону, молодая семья – это: лица, состоящие в официальном браке (зарегистрированном в ЗАГС), в возрасте до 35 лет включительно (наличие или отсутствие детей для данного статуса не имеет значения); либо одинокий родитель (мать или отец) в возрасте до 35 лет включительно, воспитывающий ребенка (детей).

Молодая семья как основа общественного развития выполняет ряд функций: демографическая (основной источник деторождения, который обеспечивает смену поколений); социальная (молодая семья закладывает основы личности человека, который через 20 – 30 лет будет определять политику, экономику и культуру страны); экономическая (молодая семья – это наиболее активная часть населения в трудоспособном возрасте); нравственно-психологическая (стабильные отношения в молодом возрасте учат людей поддерживать друг друга, что снижает уровень агрессии и тревожности в обществе в целом).

Анализ истории молодой семьи и форм ее современного существования становятся предметом исследования современных исследователей. Культура современной молодой семьи испытывает кризис, который «выражается в отсрочке брака, снижении рождаемости и популяризации неформальных союзов» [1, С. 15-16].

Данные следствия указывают на ряд причин, которые необходимо прокомментировать.

Во-первых, это кризис традиционных ценностей и нормативных моделей. Современная культура, в отличие от традиционной, предлагает плюрализм моделей. В настоящее время осуществляется процесс трансформации культурных кодов и ритуалов. Молодая семья часто находится в состоянии культурного конфликта с родительскими семьями. Это не просто спор поколений, это столкновение двух разных культурных эпох: аналоговой и цифровой, коллективистской и индивидуалистской.

Во-вторых, культ индивидуализма противостоят семейному «мы». Современная же культура потребления учит человека думать прежде всего о своем комфорте и развитии. Молодые супруги часто не готовы культурно и психологически к тому, что семья есть некое ограничение свободы.

В-третьих, революция гендерных ролей, когда молодые люди не знают, что значит «быть мужем» или «быть женой» в новых реалиях. Виртуализация семейной жизни, когда в социальных сетях создается идеальная картинка семейной жизни, которая часто не имеет ничего общего с реальностью. Это формирует у молодых людей завышенные ожидания и комплексы. Таким образом, проблемы молодой семьи есть отражение всех противоречий современной культуры.

В 2024 – 2025 году нами был проведен социологический опрос среди обучающихся бакалавриата 1-5 курсов Сургутского государственного педагогического университета. Возраст опрашиваемых обучающихся был от 21 до 24 лет, а само исследование выявило оценки молодежи к молодой семье как социокультурному явлению. Среди тех респондентов, которые планируют создать семью, половина опрашиваемых хотят это сделать в ближайшие 3 – 5 лет. Такие данные совпадают с результатами других исследований, в которых отмечается, что «молодежь не стремится в настоящее время создавать семьи, рожать детей…молодые люди ориентированы на построение карьеры» [2, С. 79].

Какие причины препятствуют тому, чтобы молодые люди планировали вступление в брак и рождение детей? Это сложный вопрос, на который нет единого ответа, так как причины носят комплексный характер и варьируются в зависимости от страны, культурного контекста и индивидуальных обстоятельств. В российском контексте можно выделить несколько ключевых групп факторов, которые заставляют молодых людей откладывать или вовсе отказываться от создания семьи и рождения детей. Рассмотрим наиболее распространенные причины подробнее.

Экономическая нестабильность и жилищный вопрос. Это одна из самых весомых причин. Отсутствие доступного жилья, а ипотека остается тяжелым бременем, а аренда «съедает» значительную часть бюджета молодой семьи, не оставляя запаса прочности для появления ребенка. Неуверенность в завтрашнем дне, когда молодые люди хотят сначала «твердо встать на ноги». Страх потерять работу, отсутствие значительных сбережений и ощущение экономической нестабильности заставляют откладывать важные решения. Высокая стоимость воспитания детей, а именно, расходы на медицину, качественное питание, одежду, а в будущем, на образование и кружки воспринимаются как неподъемные для старта карьеры.

Кризис идентичности и смена жизненных приоритетов. Современные молодые люди ориентированы на самореализацию иначе, чем предыдущие поколения. Установка «сначала я», так в общественном сознании закрепилась идея, что сначала нужно получить образование, построить карьеру,

«пожить для себя», попутешествовать, достичь определенного уровня дохода и личностной зрелости, и только потом заводить семью. Брак и дети часто воспринимаются как «ограничение» на пути к личным достижениям. Продление молодости, когда возраст вступления в первый брак и рождения первенца значительно сдвинулся (к 30 годам и старше). Период юности и молодости субъективно удлинился до 30 – 35 лет.

Психологическая неготовность и высокие требования. Страх ответственности, потому что семья и дети требуют высокой степени зрелости и готовности жертвовать личным комфортом и временем. Многие боятся не справиться с этой нагрузкой, особенно не имея перед глазами позитивных примеров родительских семей. Феномен «инфантилизации», когда молодые люди психологически не готовы к созданию семьи, оставаясь в позиции детей по отношению к своим родителям, не имея навыков решения бытовых и финансовых конфликтов. Перфекционизм выражается в страхе «неудачного брака», заставляет людей предъявлять к партнеру настолько высокие требования, что найти «идеального» кандидата становится невозможно. Трансформация института семьи и гендерных ролей выражается в углубляющемся кризисе традиционных ролей, когда модель (мужчина – «добытчик», женщина – «хранительница очага») перестала работать, а новая еще не устоялась. Возникают конфликты ожиданий: девушки хотят партнерства и участия мужчины в быту и воспитании, но часто при этом ждут от него традиционной финансовой состоятельности. Мужчины, в свою очередь, могут испытывать давление из-за невозможности быть «единственным кормильцем» в условиях современной экономики. Риск социального и карьерного падения особенно опасен для женщин, поэтому многие осознанно откладывают рождение детей, так как декретный отпуск в условиях нестабильности рынка труда часто означает потерю квалификации, места в карьере или дохода, вернуть который после перерыва достаточно сложно.

Социокультурные изменения выражаются в распространяющихся моделях альтернативных форматов отношений. Так, сожительство (гражданский брак) перестало быть чем-то порицаемым и стало полноценной альтернативой официальному браку. Это позволяет людям получать «блага» совместной жизни без юридической и моральной ответственности, которая традиционно сопутствовала регистрации. Цифровизация общения, а именно парадоксально, но обилие вариантов для знакомств (приложения, соцсети) приводит к «культуре потребления» в отношениях, где легко начать общение, но трудно приложить усилия для построения долгосрочного союза.

Идеологический и информационный фон, который формирует негативный нарратив. В информационном пространстве активно тиражируются темы разводов, «токсичных» отношений, сложностей родительства, что формирует тревожный фон для молодых людей.

Отсутствие государственной поддержки, которое выражается в том, что несмотря на наличие материнского капитала и других мер, многие молодые люди считают их недостаточными, чтобы покрыть фундаментальные риски, связанные с появлением ребенка (особенно в крупных городах, где стоимость услуг нянь и детских садов высока).

В совокупности эти факторы формируют ситуацию, при которой брак и дети перестают быть безусловными жизненными целями, превращаясь в один из возможных (и очень дорогих с точки зрения ресурсов) проектов, который люди решаются реализовать только при стечении максимально благоприятных обстоятельств.

Перспективы молодых семей в России сегодня выглядят противоречиво. С одной стороны, государство активно расширяет меры поддержки, с другой системные проблемы, особенно жилищная, остаются крайне острыми, а демографические показатели находятся на низком уровне. Ситуацию можно охарактеризовать как борьбу государства за создание благоприятных условий на фоне сохраняющихся структурных вызовов. «Современный мир характеризуется нарастающей неопределенностью: технологические, экологические, политические и социальные процессы развиваются нелинейно, производя эффекты, которые трудно предсказать или контролировать» [3, С. 91]. Тем не менее, исследование проблем современной молодой семьи необходимо осуществлять одновременно как в теоретическом, так и в практическом планах. С одной стороны, опираясь на социологические исследования, можно осуществлять целостный философско-культурологический анализ, отслеживая как традиционные установки современной культуры, так и инновационные механизмы, которые актуализируются за последнее время. При этом, теоретический анализ должен касаться не только перспектив ближайшего будущего, но и должен касаться долгосрочных планов, которые залают вектор общественного развития в данном вопросе.

Губернатор ХМАО Р. Кухарук объявил 2026 год Годом молодой семьи в Югре, что означает концентрацию всех ресурсов на поддержку данной категории. Обратимся к характеристике молодежной политики в 2026 году, когда заявлена практическая направленность перехода от общих мер к адресной поддержке молодых семей, и особенно, студенческих семей. Объявление Года молодой семьи означает, что в ближайшее время можно ожидать новых инициатив, одним из ключевых достижений 2026 года должна стать следующая инновация: студенческие семьи приравнены к многодетным в части получения регионального капитала.

На практике также необходимо осуществлять взаимодействие и работу с молодежью, чтобы прививать им вечные традиционные семейные ценности, которые сложились на протяжении длительной истории существования и развития нашей страны. Полагаем, что семейное воспитание должно опираться на этические, эстетические ценности, не вступая при этом в противоречие с религиозными установками и ориентирами. Современная

молодежь должна воспринимать институт семьи как ценность, как необходимое условие для раскрытия гуманистического потенциала всех членов семьи, эффективным механизмом проявления любви, милосердия, сострадания, взаимопомощи, в которых нуждается каждый индивид и наполненность которыми делает человека счастливым, а его существование целостным и завершенным.

Список использованной литературы

1. Полухина О. П. проблемы развития культуры семьи и ориентации на партнерство среди молодого поколения / О. П. Полухина, Е. А. Ерохина. – Текст : непосредственный // Территория науки. – 2025. – № 6. – С. 15-20.

2. Селезнева И. О. Молодая семья: современные проблемы и перспективы решения / И. О. Селезнева, Н. И. Ковальчишина, И. Р. Соболевский. – Текст : непосредственный // Молодая семья – демографический ресурс России : материалы XXII Междунар. конгресса, 23 мая 2024 г. – Москва, 2024. – С. 79-86.

3. Бытие и образы культуры : диалог смыслов / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, Ю. М. Дуплинская [и др.]. – Саратов : Саратовский источник, 2025. – 230 с. – Текст : непосредственный.

Аверьянова В. В., канд. филол. наук, доцент,
Алесенко Н. С., обучающийся,
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
Республика Беларусь, г. Гомель
E-mail: averyanovaviktoria@gmail.com
alesenkonadia@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена специфике интерпретации русских и английских паремий в контексте межкультурной коммуникации. Анализируется роль паремиологического фонда языка в отражении коллективного опыта и ценностных представлений общества. Особое внимание уделяется трудностям понимания и использования паремий представителями разных культур. В результате выявлены основные причины коммуникативных неудач и предложены способы их преодоления.

Ключевые слова: паремии, пословицы, культурные ценности, межкультурная коммуникация.

Aviaryanava V. V., Ph. D., Associate Professor
Alesenko N. S., student
Francisk Skorina Gomel State University
Belarus, Gomel
E-mail: averyanovaviktoria@gmail.com
alesenkonadia@gmail.com

INTERPRETATION OF RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION: A VALUE-BASED PERSPECTIVE

The article examines the interpretation of Russian and English proverbs (paremias) in intercultural communication. It analyzes the role of the paremiological corpus in reflecting collective experience and cultural values. Particular attention is paid to difficulties in cross-cultural understanding and the causes of communicative misunderstandings.

Keywords: paremias, proverbs, cultural values, intercultural communication.

Актуальность темы связана с интересом к культурной идентичности и особенностям мировосприятия разных народов. Сравнение русских и английских паремий позволяет увидеть как сходства, так и различия в представлениях о ценностях в различных культурах.

Паремиологический фонд языка понимается как совокупность устойчивых выражений, содержащих обобщённую народную мудрость, оценку жизненных ситуаций и нормы поведения. К паремиологическому фонду относят «…пословицы, поговорки, крылатые выражения, афористические формулы и другие короткие высказывания, закреплённые в коллективной памяти» [1, С. 5]. Подобные единицы сохраняют опыт поколений, фиксируя то, что оказалось значимым для общества на протяжении длительного времени. Устойчивость паремий не случайна: краткость, образность и ритмическая упорядоченность делают такие выражения удобными для запоминания и передачи.

Во многих паремиях наблюдаются семантические закономерности. Их смысл нередко скрыт за метафорической формой. В большинстве паремий образами выступают животные, предметы быта, явления природы и персонажи семейных отношений. Каждая паремия передаёт определённую мысль, оценку или рекомендацию. В большинстве случаев закрепленный за паремией смысл является отражением культурных ценностей народа, говорящего на данном языке. Народ, создавая подобные выражения, не формулировал абстрактных понятий, а опирался на конкретные ситуации, понятные каждому члену общества. Н. Р. Норрик делает особый акцент на то, как

воспроизведение паремий отражает элементы фольклора: «Произнося пословицу, говорящий цитирует традиционный элемент фольклора сообщества. Поскольку такие элементы восходят к общему культурному наследию, пословицы обладают силой проверенной временем мудрости, и говорящий может опираться на этот авторитет. … В каждом таком случае говорящий усиливает авторитетность и убедительность своего высказывания, отождествляя себя с традиционной мудростью, верованиями и предрассудками всего сообщества» [2, С. 28].

Культурные ценности представляют собой устойчивые представления общества о важном, значимом и желательном в человеческой жизни. В узком смысле они отражают то, что выдержало испытание временем, оказалось важным не только для отдельного человека, но и для целого народа. Они формируются на основе исторического опыта, религиозных традиций, социального устройства и коллективных норм. «Важнейшими критериями культурной ценности являются культурно-историческая устойчивость и возможность передачи другим поколениям» [3, С. 2]. Культурные ценности определяют, что считается правильным и достойным, какие качества личности поощряются, какие модели поведения воспринимаются как образцовые.

Язык не только отражает реальность, но и формирует отношение к ней. Через слова, выражения и устойчивые формулы закрепляются представления о мире. Это особенно проявляется в паремиологии, где культурные ценности выражены предельно ёмко. Однако для полноценного использования потенциала паремиологического фонда языка говорящий должен обладать достаточной языковой компетенцией. Предполагается, что он способен не только распознавать паремию в потоке речи, но и интерпретировать заключённый в ней смысл. Как правило, для носителей языка этот процесс протекает практически незаметно: они не задумываются о буквальном значении паремии, поскольку воспринимают не только её смысловое содержание, но и коммуникативную интенцию собеседника, использующего паремию в диалоге.

В условиях межкультурной коммуникации возникает ряд трудностей, связанных с восприятием и интерпретацией паремий. Во-первых, уровень языковой компетенции человека, свободно владеющего иностранным языком, не всегда предполагает наличие достаточных знаний о культуре данного языка. Реципиент, ранее не сталкивавшийся с конкретной паремией, может не распознать её в потоке речи, не понять скрытый смысл или интерпретировать её через призму собственной культуры, что приводит к искажению исходного значения.

Во-вторых, адекватная актуализация иноязычных паремий в речи представителей иной культуры сопряжена с рядом трудностей. Чаще всего для выражения своих мыслей они стремятся найти полный эквивалент в другом языке, однако такой эквивалент существует не всегда вследствие различий между культурами. Важно понимать, что «…сходство в значении

пословиц и поговорок определяется универсальным характером человеческого мышления» [3, С. 3], поэтому многие паремии до сих пор актуальны. В результате паремия может использоваться без учёта её культурного и прагматического подтекста.

В-третьих, в некоторых случаях коммуниканты пытаются дословно перевести паремию с родного языка на иностранный, рассчитывая на интуитивное понимание со стороны собеседника. Однако подобная стратегия нередко приводит к коммуникативным неудачам, поскольку образная и культурная основа паремий не всегда поддаётся прямому переводу.

Избежать коммуникативного коллапса и возможного столкновения культур можно посредством более глубокого изучения чужой культуры и её паремиологического фонда. В подобных ситуациях одной из наиболее эффективных коммуникативных стратегий является уточнение. Несмотря на то, что паремии разных языков могут иметь сходное значение, из-за различий в культурных акцентах их использование в одинаковых коммуникативных ситуациях не всегда оказывается уместным.

Например, английское выражение "*Don't bite the hand that feeds you*" часто переводится русской пословицей «*Не плюй в колодец – пригодится воды напиться*». В целом обе паремии выражают сходную идею о том, что не следует портить отношения с людьми, поскольку они – главный источник помощи. Однако между ними существует важное смысловое различие. Английская пословица подразумевает, что человек не должен поступать неблагодарно или враждебно по отношению к тому, кто уже оказывает ему помощь. Русская же пословица носит предостерегающий характер и акцентирует внимание на возможной помощи в будущем.

Смоделируем ситуацию, в которой носитель русского языка пытается предостеречь англоязычного собеседника от неблаговидного поступка по отношению к человеку, помощь которого может понадобиться в будущем. Если в такой ситуации используется выражение "*Don't bite the hand that feeds you*", реципиент может воспринять выражение негативно, поскольку он не имеет никаких обязательств перед человеком, о котором идёт речь, и до этого момента он не получал помощи от него. Подобная коммуникативная неудача возникает потому, что сама английская пословица не содержит намёка на возможную будущую выгоду. В английской культуре подобные выражения чаще ориентированы на текущую ситуацию и уже существующие отношения.

Анализ данной коммуникативной ситуации показывает, что русскоязычный коммуникант не смог в полной мере передать культурную ценность, заключённую в используемой им пословице, а именно идею о возможной помощи в будущем при поддержании хороших отношений с окружающими. Кроме того, использование не вполне корректного аналога пословицы могло задеть чувства англоязычного реципиента, поскольку созда-

ётся впечатление, что ему приписывается обязанность по отношению к другому человеку. Из данной ситуации можно сделать вывод, что культурный аспект паремии изначально может показаться несущественным, однако его неправильная интерпретация способна привести к ухудшению межличностных отношений, поскольку культурный код, заключённый в иностранной паремии, может восприниматься представителями разных культур по-разному.

Однако не всегда целью коммуникации является передача реципиенту сообщения с акцентом на определённую культурную ценность, закреплённую в пословице. Кроме того, не всегда представляется возможным однозначно оценить степень отражения культурных ценностей в паремиях. «С одной стороны, они фиксируют общепринятые ценности, такие как труд, семья, мораль и гармония с природой; с другой – они не всегда отражают индивидуальные и локальные вариации сознания» [4, С. 61]. Коммуникант может субъективно воспринимать культурную ценность той или иной паремии и использовать заключённый в ней народный опыт по своему усмотрению. В зависимости от коммуникативного контекста возможно варьировать степень эмоциональной выразительности высказывания, используя культурные ценности как средство подкрепления собственной позиции или, напротив, для противопоставления себя общепринятым нормам. Тем не менее, различия в интерпретации паремий не всегда обусловлены индивидуальным восприятием. «Так, как отмечал Г.Л. Пермяков, одни и те же формулы могут интерпретироваться различно в разных географических и культурных контекстах, что свидетельствует о гибкости и полисемии паремий» [4, С. 61]. Даже внутри одного языка столкновение культур в интерпретации паремий является неизбежным, поскольку их понимание во многом зависит от географического и культурного контекста. Это подтверждает, что сложность восприятия паремий заключается не столько в их переносном значении, сколько в культурных ценностях, которые люди вкладывают в данные высказывания.

Паремии являются уникальным хранилищем культурных ценностей, в которых закрепляются ценностные ориентиры общества и коллективный опыт народа. Интерпретация паремий определяется не только переносным значением высказывания, но и культурным контекстом, в рамках которого осуществляется коммуникация. В условиях межкультурного взаимодействия сходные по смыслу паремии разных языков могут содержать различный культурный подтекст, что может приводить к коммуникативным трудностям. Это подтверждает тот факт, что успешное использование паремий требует не только языковой, но и культурной компетенции участников общения.

Список использованной литературы

1. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки / В. П. Аникин. – Москва : Наука, 1988. – 239 с. – Текст : непосредственный.
2. Norrick N. R. How Proverbs Mean / N. R. Norrick. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1985. – 211 с. – Текст : непосредственный.
3. Теодориду Е. Паремиологические аспекты конструирования культурной идентичности : на материале греческого, английского и русского языков / Е. Теодориду. – Текст : непосредственный // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 10 (46). – С. 1-8.
4. Урманбетова А. А. Пословицы и поговорки как репрезентация народного мировоззрения / А. А. Урманбетова, Г. К. Жапарова. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 9-2 (108). – С. 59-62.

Хорькова Е. П., канд. филос. наук, доцент,
Удмуртский государственный университет,
Россия, г. Ижевск
E- mail: kalina05@inbox.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГАРМОНИЧЕСКИ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются вопросы повышения роли физической культуры в высших учебных заведениях и наполнения занятий более богатым содержанием для студентов. Обогащение физических упражнений должно происходить через соединение с духовным и интеллектуальным наполнением смыслов студентов, молодого поколения. В этом сущность реализации культурологического аспекта в занятиях физической культурой среди молодежи и студентов.

Ключевые слова: физкультура, студенты, гармония души, сознания и тела, образ жизни, концепции физкультуры.

Khorkova E. P., Ph. D. in Philosophy,
Associate Professor,
Udmurt State University,
Russia, Izhevsk
E- mail: kalina05@inbox.ru

PHYSICAL CULTURE AS A MEANS OF FORMING A HARMONIOUSLY DEVELOPED PERSONALITY OF UNIVERSITY STUDENTS (CULTURAL ASPECT)

The article discusses the issues of increasing the role of physical culture in higher educational institutions and providing students with a richer content for their classes. The enrichment of physical exercises should be carried out through a connection with the spiritual and intellectual content of the students and the younger generation. This is the essence of the implementation of the cultural aspect in physical education among young people and students.

Keywords: physical education, students, harmony of the soul, mind, and body, lifestyle, and physical education concepts.

В различных философских учениях на протяжении многовековой истории развития цивилизации всегда присутствует идея гармонии души, тела и сознания. Но, именно в сегодняшних условиях урбанизированного общества, эти основополагающие ипостаси человека обретают как особую ценность, так и проблему, так как определяют истинное качество жизни, искусство существования в современном мире.

В современных условиях процесс становления гармонически развитого человека очень актуален. Ценности физической культуры не осознаются и не осваиваются в процессе физического воспитания в полной мере, несмотря на то, что физкультура обязательный элемент вузовского образования. Ограничен перенос знаний и умений занятий физкультурой в школе и университете на сферу профессионального труда, на здоровый стиль и образ жизни. Это находит отражение в отношении к себе, своему здоровью, в содержательном использовании свободного времени.

Что касается досуга вузовской молодёжи, то здесь приходится сталкиваться с рядом проблем, которые стали уже привычными – это атрибуты субкультуры современного досуга: в том числе, гиподинамия, нездоровая еда, курение, употребление алкоголя, наркотиков. Невозможно представить себе дискотеку или концерт, которые обходятся без спиртного и сигарет. В сознании молодёжи плотно сидит представление о том, что полноценный отдых и релаксация невозможны без алкоголя [2].

Чтобы иметь аргументы для пропаганды здорового и качественного образа жизни через физические упражнения, необходимо обратиться к истокам науки о физкультуре. У оппонентов необходимости физических упражнений тоже есть свои аргументы: как улучшится моя жизнь, если я буду бегать, прыгать и отжиматься, ведь в жизни есть много других интересных и нужных занятий?

Петр Францевич Лесгафт создатель научной системы физического образования, педагог, врач занимался изучением физического и духовного

развития личности. Одной из ведущих идей научного мировоззрения и педагогической практики П.Ф. Лесгафта было гармоническое развитие человека, физическое и духовное, посредством физических упражнений. Сегодня многие психологи, социологи, теоретики физической культуры и спорта уделяю пристальное внимание данной проблеме [4].

П.Ф. Лесгафт говорил, что человек должен познать всю силу своего организма, научиться управлять своим телом. Существует целый спектр функций человеческого ума и тела, однако современный индивид не использует и части физических и умственных возможностей [6].

Свою систему физических упражнений П.Ф. Лесгафт назвал физическим образованием в отличие от физического воспитания. Конкретной целью своей системы физического образования он ставил цель – «развить в ребёнке любовь к труду. Её надо развивать не ремеслом, так как это не имеет общеобразовательного значения, а путем правильной постановки физического образования» [6].

П.Ф. Лесгафт писал, что телу требуется постоянное движение: «основное средство физического образования – физическое упражнение», так же как и для развития логического мышления требуется постоянная умственная работа. Физическое упражнение – едино, но является двухсторонним процессом духовного и физического совершенствования [6].

Таким образом, созданная Петром Францевичем Лесгафтом русская система физического образования была направлена на всестороннее развитие личности. Физические упражнения, обладая материальной (физической) и духовной (идеальной) сторонами, кроме образования, были нацелены на физическое развитие, совершенствование силы, выносливости, быстроты, ловкости, что влияет на интеллект, и духовное удовольствие от достижений (мышечная радость).

Растущая популярность здорового и красивого тела в современном мире является подтверждением того, что в этой сфере человеческой деятельности заложены уникальные возможности совершенствования личности. Кроме того, то, что в здоровом теле здоровый дух, это создает конкурентное преимущество в достижениях и личной жизни.

Физическую культуру человека можно формировать, развивать и поддерживать только с помощью регулярной физической активности. Физкультурно-спортивная активность человека является средством развития физической культуры личности, условием её формирования и мерой уровня её развития. Чем большее место занимает физическая активность в образе жизни, трудовой деятельности и свободного времени человека, тем более разносторонней будет его физическая подготовленность.

Связь здоровья с активной деятельностью понимали и наши далёкие предки, и сегодняшняя мода на регулярные занятия физическими упражнениями базируется в какой-то мере на преемственности традиций многих поколений.

Первобытный человек вынужден был много и активно физически работать, заниматься охотой, рыболовством, земледелием, спасаться от диких животных. Такие условия существования закаляли его, делали физически сильным. Пока человек был зависим от природы, он не мог быть слабым, иначе он исчез бы в процессе естественного отбора. В то же время беспомощность перед стихийными бедствиями, болезнями, отсутствие тёплого, удобного жилья и другие лишения сильно ослабляли биологический потенциал организма первобытного человека, подрывали его здоровье, сокращали продолжительность жизни.

В первобытнообщинном обществе многие племена своих вождей выбирали исходя из оценки их физических данных. Для определения физических возможностей кандидатов проводили, к примеру, такое испытание: ловили диких животных, в частности песцов, выпускали их перед строем, и тот, кому первому удавалось настичь и умертвить животное, объявлялся вождём племени [6].

Культура древнегреческих государств Афины и Спарта оставила заметный след в мировой цивилизации в деле целенаправленного и системного развития физических способностей человека. На протяжении 14 веков в Греции, с X века до н.э. по IV век н.э., осуществлялась строго продуманная система физического воспитания подрастающего поколения в специальных учебных заведениях, так называемых гимнасионах и военных формированиях. Идеология общественной жизни в Древней Греции подкреплялась философским учением, проводящим мысль, что совершенствование биологических компонентов жизнедеятельности организма является непременным условием духовного развития личности.

Древнегреческий девиз «В здоровом теле здоровый дух» сохранил своё значение до нашего времени [3].

В эпоху средневековья, несмотря на культивируемую церковью идею умерщвления плоти, правящие классы много внимания уделяли здоровью своих детей. Существовал культ рыцарских доблестей, который предусматривал овладение семью видами умений. Молодой человек из дома патриция должен был уметь охотиться, скакать верхом, стрелять из лука, фехтовать, плавать, играть в шахматы и сочинять стихи. В перечне видов деятельности значительное место отводилось развитию физических качеств и двигательных умений. Физически упражнения обеспечивали юношам крепкое здоровье, необходимое в военном деле для удержания власти и завоевания новых богатств [3].

Развитие цивилизации привело к существенным изменениям труда, который постоянно интенсифицировался и механизировался. В начале XIX века, на ранней стадии развития капиталистического общества, сохраняются тяжёлые условия труда сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Продолжительность рабочего дня доходит до 12 – 14 часов в сутки. Плохие жилищные условия, скудное питание, хроническое переутомление

отрицательно сказывались на здоровье человека. Средняя продолжительность жизни колебалась в пределах 40 50 лет.

XX и XXI век время развития химия и атома, освоение космоса. Современного человека окружают синтетические материалы, появившиеся в результате химических реакций. Набирает силу атомная энергетика. Ракеты, преодолев силу земного тяготения, выводят в космос исследовательские корабли. Нервно-психические стрессы захлестнули трудоспособное население и стали причиной отклонения в состоянии здоровья большого количества людей. Чрезмерный самоанализ – размышления над причинами неудач, плохого самочувствия, конфликтных отношений с другими людьми. Увлечение этим анализом, рефлексия становится причиной неврозов, нервных расстройств, психических заболеваний [3].

Современные тенденции, мода на восточные практики помогают человеку выйти из этого психо-эмоционального стресса. Китайская гимнастика цигун, практики традиционного ушу, йога, фудокан каратэ и многие другие учения, направлены на укрепление организма не только физически, но и эмоционально. Поиск душевного равновесия, гармонии с окружающим миром и самим собой главная цель восточных практик.

Фудокан каратэ исходит из убеждения, что человек создан из материи и духа и что изначально стремиться к совершенству. Это является исходным положением широчайшего определения занятия каратэ и его методов, цель которых заключаются в достижении высшей степени психофизического развития – комбинированного физического развития, психического, умственного и нравственного образования личности – идеал, к которому человек издавна тяготел.

Крепко стоящий дом или дом крепкого основания так переводится Фудокан. Это не только система боевых искусств, но и целый кодекс Будо с принципами нравственности, этическими нормами сочетающееся с уважением и почтением как к самому себе, так и к противнику как к человеку и каратисту. Этот чрезвычайно важный критерий, этот этикет, занимающий в Фудокане центральное место, своеобразен и представляет собой первую и последнюю ступень в достижении курая. Это стрежень и суть, облагораживающая и обогащающая дух каратэ [3].

Противоречивым направлением в отношении к телу и душе является пришедшее к нам с Запада течение «бодипозитива».

Полюби себя таким, какой ты есть. С одной стороны, принятие себя в существующей физической форме и духовном содержании, как правило, в комфортном несовершенстве. Это вступает в противоречие с греческой цивилизационной формой «калокагатии» – «в человеке все должно быть прекрасно, и тело и душа». А для этого нужно потрудиться через физическую культуру, образование, культуру, искусство.

Таким образом, для современного человека физическая культура является не просто оздоровительной тренировкой. Эффект физической активности распространяется на эмоциональную и мыслительную сферы жизнедеятельности человека, способствует приобретению жизненно важных социальных умений и навыков. Гармония души и тела главна я цель культурологического подхода в воспитании молодого поколения, которое будет элитой и ориентиром в совершенствовании общества.

Список использованной литературы

1. Аллянов Ю. Н. Физическая культура / Ю. Н. Аллянов, И. А Письменский . – Москва : Юрайт, 2024. – 451 с. – Текст : непосредственный.
2. Ангелова О. Ю. Основы инновационной деятельности в сфере физической культуры и спорта : учебное пособие / О. Ю. Ангелова. – Москва : Лань, 2023. – 102 с. – Текст : непосредственный.
3. Бишаева А. А. Физическая культура : учебник / А. А. Бишаева, А. А. Малков. – Москва : КноРус, 2020. – 312 с. – Текст : непосредственный.
4. Германов Г. Н. Теория и история физической культуры и спорта / Г. Н. Германов, А. Н. Корольков, И. А. Сабирова. – Москва : Юрайт, 2019. – 794 с. – Текст : непосредственный.
5. Казантинова Г. М. Физическая культура студента : учебник для вузов / Г. М. Казантинова. – Москва : Лань, 2024. – 304 с. – Текст : непосредственный.
6. Кузнецов В. С. Теория и история физической культуры / В. С. Кузнецов, Г. А. Колодницкий. – Москва : КноРус, 2020. – 448 с. – Текст : непосредственный.

Пластун Ю. А., ассистент,
Омский государственный аграрный университет
Россия, г. Омск
E-mail: julia257@bk.ru

РОССИЙСКИЕ «НУЛЕВЫЕ» В СЕРИАЛЕ «КАМБЭК»: МЕДИАНОСТАЛЬГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ

Данная статья является продолжением авторского исследования феномена медианостальгии и его типов. На примере российского сериала «Камбэк» рассматривается, как посредством ностальгии по медиа в популярной культуре репрезентируется эпоха «нулевых».

Ключевые слова: медиа, ностальгия, медианостальгия, культурная память, нулевые, сериалы.

Plastun Yu. A., teaching assistant
Omsk State Agrarian University
Russia, Omsk
E-mail: julia257@bk.ru

THE RUSSIAN ‘00s DEPICTED IN THE ‘COMEBACK’ SERIES: MEDIA NOSTALGIA AS A POP CULTURE TOOL FOR REPRESENTATIONS OF THE PAST

This paper is a follow-up article which considers media nostalgia and mediated nostalgia. It deals with a representation of the Russian ‘noughties’ paying attention to media nostalgia in a series called ‘Comeback’.

Keywords: media, nostalgia, media nostalgia, mediated nostalgia, cultural memory, Russian noughties, series.

Наша *современная* российская популярная культура, как бы парадоксально это ни звучало – это культура, воскрешающая прошлое. «Ностальгический» контент сегодня преимущественно существует в медиасфере, в пространстве которой и инструментами которой прямо на наших глазах активно определяется содержание культурной памяти российской нации. Целью статьи является анализ медиаинструментов репрезентации прошлого. Особенности медианостальгии мы проиллюстрируем при помощи современного российского сериала «Камбэк», изобилующего примерами ностальгии по медиа.

Необходимо сразу обозначить, что мы будем понимать под используемым в рамках статьи понятием ностальгии. Ностальгия во взаимосвязи с медиа будет рассматриваться в постмодернистской оптике Ф. Джеймисона как культурный модус эстетизации прошлого, как стиль в поп-культуре, отсылающий нас к тем или иным узнаваемым элементам различных периодов прошлого [1]. П. Грейндж развивает подход Ф. Джеймисона, обнаруживая в ностальгии как стилизации потенциал к трансляции исторических нарративов и сохранения культурной памяти, способных объединить нацию [2, С. 7-8]. П. Грейндж выделяет ностальгию как чувство тоски по прошлому, в данном контексте рассматриваемое как вызванное у потребителя «ностальгического» контента, и ностальгию как стиль, который можно воспроизвести при помощи определенных визуальных атрибутов [2].

Рассматривая взаимосвязь медиа и памяти (главным образом, в ее ностальгическом ракурсе), исследователи выделяют преимущественно два типа медианостальгии: ностальгию *по* медиа и ностальгию *через* медиа [4, 5]. Ностальгии по медиа (первому типу) свойственно то, что объектом ностальгии становятся сами медиа. Нами ранее, в рамках другой статьи, были рассмотрены основные разновидности ностальгии по медиа на примере ностальгии по VHS [3]. В ностальгии через медиа (во втором типе медиа-ностальгии) медиа выступают лишь посредниками для ностальгических переживаний, предоставляя площадку для различных репрезентаций прошлого [4, 5]. Например, к такому типу относится просмотр видеороликов с хештегом «#90е» или по подобному ключевому запросу в соцсетях или на видеохостингах или сериалы с «ностальгическим» сеттингом.

Действие сериала «Камбэк» происходит в 2000-е гг. Премьера первого сезона сериала состоялась осенью 2025 г., сериал был продлен на второй сезон. Для подсвечивания характерных черт и особенностей сериала мы периодически будем сравнивать его с сериалом, действие которого тоже разворачивается в прошлом – это «Мир! Дружба! Жвачка!» (показаны 1990-е гг., сериал 2020 – 2023 годов выпуска). Производством сериала «Мир! Дружба! Жвачка!» занималась компания Good Story Media, «Камбэк» – компания Russian Code. Обе компании основаны продюсерами А. Логиновым, А. Щукиным и А. Зайцевым и снимают сериалы для стриминговых платформ и телевидения.

В основе сюжета обоих сериалов лежит история о взрослении и похожий набор главных персонажей. Это вполне универсальный, вневременной нарратив, который может быть рассказан хоть в настоящем времени, хоть в любую другую эпоху: смысл и ценность самой истории от этого нисколько не утратятся. Однако, в обоих случаях для представления этой истории был выбран «ностальгический» сеттинг. Сегодня снимается огромное количество сериалов, репрезентирующих недавно прошедшие десятилетия истории нашей страны, особенно для стриминговых платформ. Популярность такого рода контента обусловлена текущей политической повесткой поиска национальной идентичности (что отражено в одном из слоганов кинокомпании Russian Code: «мы ищем и раскрываем русский код» [6]), потребительским спросом на прошлое (что показывают рейтинги подобных сериалов и фильмов), наконец, интересом авторов контента к «экранизации» коллективной памяти своего, уже повзрослевшего, поколения.

На наш взгляд, если в сериале «Мир! Дружба! Жвачка!» российские реалии 1990-х гг. (под которыми подразумеваются политические события и социально-культурные особенности того времени) влияют на развитие сюжета и раскрывают персонажей, создавая комплексный портрет эпохи, то в сериале «Камбэк» репрезентация «нулевых» достигается в основном за счет визуальных решений, отсылающих нас к тому десятилетию: интерьера квартир, выбора локаций, стиля одежды, предметов быта, а также соседства старых и новых медиа того времени в кадре (в сериале показана осень 2004 г.).

В сериале «Камбэк» присутствие медиа заметно много. И это наблюдение приводит нас к следующему заключению: рассматриваемый сериал – пример синтетического типа медианостальгии, необходимость в котором была заявлена еще в прошлой статье [3]. Путь к ностальгии *через* медиа у зрителей «Камбэка» лежит преимущественно через ностальгию *по* медиа: при помощи ностальгии по медиаконтенту, -носителям, -технике и –практикам [3], которые будут описаны ниже, достигается ностальгия по репрезентируемой эпохе. В нашем случае в сериале «Камбэк» оба типа медианостальгии неразрывно связаны.

Ностальгия по медиаконтенту. В начале каждой серии нам показывают несколько телевизионных сюжетов из «нулевых»: новостные сводки,

отрывки музыкальных клипов и развлекательных программ (например, «Последний герой», «Звездный час», «Пока все дома»). В дальнейшем показанный медиаконтент не влияет на сюжет серии, задавая временной ориентир и призывая нас вспомнить «золотую эру» телевидения «нулевых» и встроить представление о ней в память нового поколения. Погружение в «нулевые» достигается за счет саундтрека, который в основном состоит из музыки начала 2000-х гг. и композиций, написанных для сериала (так, один из треков называется «Где мой 2004?»). Органичное сочетание узнаваемых песен, отсылающих к эпохе «нулевых», и новой музыки, звучащей «по-старому», создает переплетение настоящего и прошлого. В обоих сериалах, рассматриваемых в этой статье, в качестве саундтрека использованы композиции исполнителя Mujuice (в сериале «Камбэк» в том числе в начале каждой серии – на заставке).

Ностальгия по медианосителям и технике. Герои сериала увлечены фотографией и музыкой, поэтому нам показывают технику и медианосители 2000-х гг.: снимки, висящие в комнате, а также цифровые фото – как на экране фотоаппарата Nikon D70 (выпущенном в 2004 г.), так и как отдельный кадр в сериале – получившееся с него фото с датой сбоку внизу; нам показывают аудиомагнитофоны и кассеты и в то же время – CD- и DVD-диски. Мы также наблюдаем, как один из героев смотрит видео соответствующего тем временам качества через персональный компьютер (на котором установлена актуальная на тот момент версия Windows) о встрече им и его друзьями нового года, которое снято «для канала MTV» в программе для просмотра видео (проигрыватель Windows Media). Также в одном из ключевых моментов сериала герой смотрит видео на экране видеокамеры и вспоминает свое забытое прошлое. Кроме того, знаковым является использование звука «перемотки» в сценах сериала «Камбэк», где герой, потерявший память, вспоминает отрывки из прошлой жизни, и визуального эффекта съемки на VHS в обоих сериалах, который используется по-разному: на протяжении всей заставки в «Камбэке» и на заставке компании Good Story Media в начале каждой серии сериала «Мир! Дружба! Жвачка!», а также в отдельных сценах сериалов для того, чтобы показать воспоминания или работу воображения героев в обоих сериалах. Некое улавливаемое «единение» двух упомянутых проектов достигается, таким образом, не только посредством идейно-сюжетного сходства, но и при помощи медиа: аудио и визуальных.

Ностальгия по медиапрактикам. Сюда относятся просмотр телевизора, чтение газеты, процесс копирования файлов на MP3-плеер через персональный компьютер, создание музыки в программе, предназначенной для этих целей и т.п. Наиболее показательной является сцена в школьной радиорубке, куда герои приносят диск с собственной музыкой, чтобы его поставили на перемене в школе.

Итак, на примере сериала «Камбэк» показано, что ностальгия *через* медиа, где медиа – лишь посредники для контента о прошлом, зачастую не может обойтись без ностальгии *по* медиа. По нашему мнению, чем дальше, тем больше медиа будут использоваться для репрезентации последующих культурных периодов, поскольку мы живем в эпоху медиаперенасыщения. Присутствие медиа становится все более автореферентным: медиа уже «цитируют» не только действительность, но и самих себя.

Более того, медиа не просто отражают культурную память, но и конструируют ее. 2004 год, показанный в сериале, на наш взгляд, предстает перед зрителем не разительно иной эпохой, в которую уже невозможно вернуться, а словно альтернативной версией настоящего, где все почему-то стали коллекционерами ретро-техники. В остальном же в провинциальных локациях и интерьерных декорациях сериала узнается и наше время, а показанные социальные проблемы актуальны для российского общества до сих пор. То есть, если зритель и ощущает некий разрыв между прошлым и настоящим, то лежит он, по большому счету, в плоскости потребительского опыта использования медиа.

В то же время репрезентация «нулевых», опирающаяся преимущественно на медиаартефакты эпохи и взаимодействие с ними, обладает значительным ностальгическим потенциалом, поскольку демонстрация техники и технологий, которыми мы уже не пользуемся, наглядно показывает ход времени и изменений в обществе. Несмотря на то, что предпосылки для создания ностальгического переживания у зрителя «Камбэка» были созданы, будет ли он испытывать ностальгию, зависит от субъективного опыта этого зрителя.

Список использованной литературы

1. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон. – Москва : Института Гайдара, 2019. – 808 с. – Текст : непосредственный.

2. Grainge P. Monochrome Memories : Nostalgia and Style in 1990s America / P. Grainge. – Nottingham, 2000. – 307 p. – Text : direct.

3. Пластун Ю. А. Ностальгия по VHS : теоретические аспекты ностальгии по медиа / Ю. А. Пластун. – Текст : непосредственный // Современные тренды : экономика, право, общество : Междунар. науч.-техн. конф., 16 окт. 2025 г. – Омск, 2025. – С. 71-78.

4. Jacobsen M. H. Intimations of nostalgia : Multidisciplinary Explorations of an Enduring Emotion / M. Hviid Jacobsen. – Bristol University Press, 2022. – 252 p. – Text : direct.

5. The Routledge handbook of nostalgia / ed. by T. Becker and D. Trigg. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2025. – 578 p. – Text : direct.

Шаравин А. В., докт. фил. наук, доцент,
Старцева И. Л., канд. пед. наук, доцент,
Резаков Я. О., канд. фил. наук, независимый исследователь,
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского,
Россия, г. Брянск, г. Щелково
E-mail: ekl1ier@mail.ru
kafedra338@mail.ru
ric.darko@mail.ru

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ И ПОЭТИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ Е. А. ЗВЯГИНА

Статья посвящена анализу механизмов культурной памяти и особенностей поэтики петербургского текста в прозе и эссеистике Е. А. Звягина. Рассматриваются город как носитель исторической памяти, интертекстуальные связи, мифологизация пространства, трансформация пушкинских кодов, а также роль ленинградской культурной среды в формировании авторской картины мира и художественного письма.

Ключевые слова: память, культура, Петербург, поэтика, интертекст, миф, традиция.

Sharavin A. V., D. Sc., Associate Professor,
Startseva I. L., Ph. D., Associate Professor,
Rezakov Ya. O., Ph. D., Independent Researcher,
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky,
Russia, Bryansk
E-mail: ekl1ier@mail.ru
kafedra338@mail.ru
ric.darko@mail.ru

CULTURAL MEMORY AND POETICS OF THE PETERSBURG TEXT IN THE WORKS OF E. A. ZVYAGIN

The article describes the analysis of the mechanisms of cultural memory and the features of the poetics of the St. Petersburg text in the prose and essay studies of E. A. Zvyagin. The article examines the city as a carrier of historical memory, intertextual connections, the mythologization of space, the transformation of Pushkin's codes, as well as the role of the Leningrad cultural environment in shaping the author's worldview and artistic writing.

Keywords: memory, culture, St. Petersburg, poetics, intertext, myth, tradition.

Творчество Е. А. Звягина занимает особое место в русской литературе конца XX – начала XXI века как явление, в котором органично соединяются культурная память, городская мифология, интертекстуальность и экзистенциальная рефлексия. Его проза и эссеистика укоренены в ленинградско-петербургском культурном пространстве и при этом ориентированы на осмысление города на Неве как сложного семиотического организма, насыщенного историческими, художественными и метафизическими смыслами. В этом отношении творчество Звягина оказывается внутренне сопряжено с традицией петербургского текста русской литературы, однако не воспроизводит ее механически, а обновляет и переосмысливает в контексте позднесоветской и постсоветской эпохи.

Память культуры в произведениях Звягина выступает одним из основополагающих принципов художественной организации текста. Она реализуется в постоянном возвращении к литературным архетипам, к фигурам прошлого, к забытым и полузабытым именам, к городским топосам, в которых сохраняется след прежних эпох. Для Звягина важно не просто воспоминание как личностный смысл, но восстановление культурной преемственности, нарушенной историческими катастрофами, идеологическим давлением и утратой целых пластов художественного опыта. Его письмо строится как собирание распавшегося культурного пространства, как попытка вернуть в современное сознание ускользающие смыслы городской и литературной истории.

Именно поэтому для анализа художественного мира писателя особенно продуктивным является понятие петербургского текста.В прозе Звягина современность неизбежно воспринимается сквозь толщу литературных ассоциаций, исторических отложений, мифологических проекций. Здесь любой городской объект – дом, набережная, мост, памятник, двор, квартира – может быть прочитан как знак, как элемент огромного художественного кода. Петербург у Звягина существует сразу в нескольких временных и смысловых измерениях: как имперский город классической русской литературы, как советский Ленинград с его бытовой конкретностью и андеграундной средой, как город культурной памяти, в котором прошлое продолжает воздействовать на настоящее.

Эта двойственность, а точнее, многослойность городского пространства, составляет одну из важнейших особенностей поэтики Звягина. Петербург и Ленинград в его текстах не противопоставлены как два разных города, но и не сливаются окончательно. Напротив, между ними сохраняется напряжение, создающее внутреннюю глубину художественного пространства. Петербург связан с культурным мифом, литературной вертикалью, памятью о классической традиции; Ленинград – с опытом повседневности, коммунального быта, полумаргинального существования, неподцензурной культуры, внутреннего выживания личности в условиях позднесоветской действительности. В результате город у Звягина предстает как палимпсест,

где каждый современный слой просвечивает через старые культурные записи.

С этим напрямую связана и интертекстуальная природа его прозы. Интертекст у Звягина не является посторонней литературной игрой и не сводится к набору реминисценций. Он выполняет более глубокую функцию: через переклички с Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Битовым и другими авторами современный опыт включается в длительное культурное время. Частная история героя, его блуждание по городу, его внутренний кризис или случайная встреча прочитываются как повторение, смещение или пародийное отражение уже существующих литературных сценариев. Благодаря этому настоящее в произведениях Звягина никогда не замкнуто в себе: оно всегда отсылает к уже сказанному, к уже пережитому культурой, и тем самым обретает дополнительную глубину.

Особенно наглядно эта работа культурной памяти проявляется в повести «Кладоискатель» (1984), где Звягин существенно переосмысляет жанровую модель пушкинской петербургской повести. Писатель не просто использует классический сюжетный каркас, а сознательно разрушает его, обновляя семантику жанрового ядра, связанного с образом Медного всадника. В результате в повести возникают новые, постмодернистски окрашенные смыслы, основанные на смещении привычных ролей, на деконструкции канона и на отказе от предзаданной трагической логики. В пушкинской традиции монумент Фальконе задаёт драму противостояния власти и «маленького человека», однако в «Кладоискателе» эта модель утрачивает завершённость. Петербургская эмблема сохраняется, но исчезает герой, обречённый повторить путь Евгения: персонаж Звягина отказывается от навязанного амплуа и тем самым переосмысливает код «Медного всадника». Петровский миф демифологизируется: имперская энергия предстает не как величие, а как насилие над «мудростью» и органикой жизни («Французский артист посмеялся над простодушными московитами. Символ империи топчет конём символ мудрости. Зеленеет старая бронза» [1, С. 134].

Освободившись от роли участника вечного сюжета о властелине судьбы, герой попадает в сферу другого пушкинского мифа – стремительного обогащения («Пиковая дама»). Однако и здесь классическая схема иронически разрушена: клад оказывается фикцией, старым пакетом облигаций акционерного общества «Брусницын и сыновья». Важно, что неудача не ведёт к безумию, как у Германна, а становится моментом внутреннего освобождения. Штамм начинает совершать «конвульсивные движения», которые постепенно делаются все более «раскованными» и превращаются в своеобразные «хореографические занятия» «вприсядку» [1, С. 146]. Мучительная мысль – «Опять неудачник!» – не разрушает его, а словно изживается в движении, в пластическом жесте, который становится формой выхода из тупика [1, С. 146]. Танец у Звягина приобретает ключевое значение: это

не комическая деталь, а способ существования в петербургском пространстве как художественном космосе. Неудача в материальном измерении переводится в иную плоскость – художественную и экзистенциальную. Богатство оказывается фикцией, но сама эта фиктивность не уничтожает личность. Герой отвечает на провал не безумием и не капитуляцией, а фантастическим танцем под песню «Новый поворот». Этот жест нельзя понимать, как бытовую эксцентричность или случайную комическую деталь. Напротив, перед нами форма экзистенциального сопротивления успеху как единственному критерию жизненной состоятельности. Не сумев вписаться в социальную динамику удачи, герой включается в другую динамику – художественную, ритуальную, внутренне свободную. В движении сохраняется жизнь, не подчиненная утилитарной логике поражения.

Подобно прозе Битова, танец становится языком внутреннего состояния, формой включённости в ритм города. В романе «Пушкинский дом» Лева «начинает плавно качаться у нас перед глазами на фоне выцветшего золота с силуэтом Медного Всадника, будто Лева, как Евгений, станцует нам сейчас свое па-де-де…» [2, С. 336]. Провал переводится в эстетическую и экзистенциальную плоскость, где сохраняется личность и внутренняя свобода. Провал, который в классической системе должен был бы обернуться катастрофой, в постклассической системе Звягина переосмысляется как шанс на иной, неутилитарный тип бытия. В этом проявляется не только авторская ирония, но и глубокое понимание культуры как пространства, способного спасать человека не через победу, а через внутреннее преображение. Финал повести решён в постмодернистском ключе: ирония, гротеск и самоотрицание выступают не знаком распада, а способом сохранения культуры. Звягин не разрушает традицию, а трансформирует её, приспосабливая к позднему историческому сознанию.

Культурная память у него носит деятельный характер: классические коды не воспроизводятся, а переосмысляются. Это позволяет понять специфику культурной памяти в творчестве Звягина: она носит деятельный, преобразующий характер. Писатель обращается к классическим кодам не для их канонического повторения, а для того, чтобы выявить их скрытые возможности в новой исторической ситуации. Отсюда и сочетание уважения к традиции с иронической дистанцией, глубокая укорененность в петербургской литературной мифологии и одновременно свобода в обращении с ней.

Эта же особенность проявляется и в эссеистике Звягина, связанной с ленинградским андеграундом, с памятью о неподцензурной культуре, о поэтах и художниках, оказавшихся на периферии официального литературного процесса. В этой части его творчества память культуры приобретает не только художественное, но и нравственное измерение. Восстановление забытых имен, возвращение вытесненных фигур, сохранение живого культурного контекста становятся формой сопротивления историческому забве-

нию. Тем самым проза и эссеистика писателя образуют единое пространство, в котором личная память, городская история и литературная традиция постоянно взаимодействуют.

Итак, творчество Е. А. Звягина включает петербургский текст как живую, развивающуюся систему, способную к внутреннему обновлению. В его прозе культурная память реализуется через многослойность городского пространства, интертекстуальные связи, мифологизацию Петербурга и трансформацию классических сюжетов. Повесть «Кладоискатель» особенно ярко показывает, каким образом пушкинские мифы продолжают существовать в литературе конца XX века: образ Медного всадника освобождается от привычной трагической двуплановости, мотив богатства из «Пиковой дамы» лишается фатальной силы, а герой, столкнувшийся с иллюзорностью успеха, изживает безумие через танец как форму преодоления неудачи. В этом соединении культурной памяти, постмодернистской игры и экзистенциальной интонации и раскрывается своеобразие поэтики Е. А. Звягина, продолжающего и одновременно обновляющего традицию петербургского текста в современной русской литературе.

Список использованной литературы

1. Звягин Е. Небесные бомжи / Е. Звягин. – Санкт-Петербург : Юолукка, 2012. – 304 с. – Текст : непосредственный.
2. Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Пушкинский дом / А. Г. Битов. – Харьков : Фолио ; Москва : ТКО АСТ, 1996. – 509 с. – Текст : непосредственный.

Попова Е. А., обучающийся,
Матонин В. Н., докт. культ., доцент, профессор
Высшей школы социально-гуманитарных наук и
международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова,
Россия, Архангельская область, г. Архангельск
E-mail: evgenia.popova12@yandex.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И ПОДХОДЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

В современной гуманитарной науке понятие благотворительности является многогранным и часто используется в широком семантическом поле. В статье рассмотрены такие термины, как филантропия, меценатство, милосердие, взаимопомощь, социальное попечение, но критически важно разгра-

ничить эти понятия, поскольку каждое из них несет специфическую культурную нагрузку и отражает различные мотивационные установки субъектов социальной деятельности.

Ключевые слова: благотворительность, филантропия, меценатство, милосердие, взаимопомощь, социальное попечение.

Popova E. A., student,
Matonin V. N., D. of Cultural Studies,
Associate Professor, Professor of the
Higher School of Social Sciences, Humanities and
International Communication
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov,
Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk
E-mail: evgenia.popova12@yandex.ru

CHARITY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: CONCEPTUAL APPARATUS AND APPROACHES OF CULTURAL STUDIES

In modern humanitarian science, the concept of charity is multifaceted and often used in a broad semantic field. The article discusses terms such as philanthropy, patronage, mercy, mutual assistance, and social care, but it is crucial to distinguish between these concepts, as each of them carries a specific cultural load and reflects different motivational attitudes of social actors.

Keywords: charity, philanthropy, patronage, mercy, mutual assistance, and social care.

История благотворительности на Архангельском Севере является одной из ключевых черт региона. В суровых условиях севера взаимопомощь людей, их социальная ответственность были и остаются необходимыми условием жизни и выживания. Актуальность темы обусловлена важностью благотворительности в решении социальных проблем, возникающих из-за экономического и социального неравенства населения.

Благотворительность, то есть умножение добра, восходит к этическим принципам христианства. В Нагорной проповеди (Евангелие от Матфея, главы 5-6) говорится о накоплении сокровищ на небе, защищённых от порчи и кражи, что подчёркивает важность добродетели для спасения души. Эти идеи вошли в русскую народную культуру и наполнили светскую и религиозную жизнь Русского Севера особым смыслом. При этом добро всегда противопоставлялось злу – основным категориям нравственности, которые определяли поведение как отдельных людей, так и всего общества. Этические идеалы формировали моральные ориентиры и критерии для оценки действий человека. Добро как этическая категория включает стремление к

гуманности, духовное развитие и создание материальных или нематериальных ценностей для общества. Это проявляется в помощи нуждающимся, передаче ресурсов ради общего блага и совершении безвозмездных актов милосердия [1].

В современной гуманитарной науке понятие благотворительности является многогранным и часто используется в широком семантическом поле, включающем такие термины, как филантропия, меценатство, милосердие, взаимопомощь, социальное попечение, но критически важно разграничить эти понятия, поскольку каждое из них несет специфическую культурную нагрузку и отражает различные мотивационные установки субъектов социальной деятельности. Принято считать, что благотворительность – это деятельность, направленная на общественную пользу, будь то материальная помощь или моральная поддержка нуждающимся [1].

Важно разграничить понятия благотворительности и меценатства. Если благотворительность в широком смысле направлена на поддержку нуждающихся лиц (инвалидов, сирот, бедных), то меценатство традиционно ассоциируется с поддержкой культуры, искусства, науки и образования. На Архангельском Севере начала XX века эти формы часто переплетались: купеческие пожертвования направлялись как на строительство больниц и приютов, так и на открытие школ и библиотек. Е.И. Овсянкин в своем исследовании архангельского купечества подчеркивает, что для северных предпринимателей разделение между благотворительностью и меценатством было условным, поскольку обе практики служили одной цели – укреплению общественного благосостояния и сохранению культурной среды региона [3].

Еще одним ключевым понятием является взаимопомощь. В отличие от благотворительности, которая часто предполагает вертикальную векторность (от богатого к бедному, от сильного к слабому), взаимопомощь носит горизонтальный характер и основана на принципах реципрокности. В крестьянской среде Архангельской губернии взаимопомощь была институционализирована в форме помочей, круговой поруки, мирских сборов. М.М. Громыко, исследуя традиционную культуру русских крестьян, указывает на то, что помочи представляли собой не просто экономический инструмент, а сложный ритуал, закрепляющий социальные связи внутри общины [2]. Культурологический анализ взаимопомощи позволяет увидеть в ней механизм поддержания социальной солидарности в экстремальных условиях существования.

Понятие милосердия занимает особое место в аксиологии благотворительности. Если благотворительность может быть мотивирована прагматическими соображениями (репутация, налоговые льготы, социальный статус), то милосердие подразумевает эмоциональное сопереживание и бескорыстие. В православной традиции Севера милосердие сакрализировалось: помощь страннику, юродивому, нищему воспринималась как встреча с Бо-

гом. Это создавало специфическую культуру принятия милостыни, где получающий помощь не чувствовал себя униженным, а дающий – возвышенным, поскольку оба участвовали в сакральном акте. Однако в советский период понятие милосердия было вытеснено из публичного дискурса как религиозное пережиток, замененное понятиями товарищеской взаимовыручки и социалистического гуманизма.

Культурологический подход к изучению благотворительности также требует рассмотрения ее как текста. Практики помощи, ритуалы подачи милостыни, отчеты благотворительных обществ, публицистические статьи о нуждающихся – все это знаки и символы, которые составляют культурный код эпохи. Дискурс-анализ этих текстов позволяет выявить, как конструировался образ нуждающегося в разные периоды XX века. В дореволюционной периодике нуждающийся часто изображался как объект христианского сострадания, в советской – как товарищ, попавший в трудную ситуацию вследствие объективных обстоятельств, в постсоветской – как клиент социальной службы или реципиент гранта. Изменение языка описания благотворительности отражает глубинные сдвиги в общественном сознании.

В данное иследование опирается на концепцию моральной экономики Э.П. Томпсона, которая позволяет анализировать нормы справедливости, регулирующие экономические и социальные отношения в традиционных сообществах. Для Архангельского Севера понятие справедливости было тесно связано с выживанием общины в условиях сурового климата. Накопление богатства без последующего перераспределения через благотворительность воспринималось как нарушение морального закона, что могло вести к социальной изоляции богатого человека. Таким образом, благотворительность выступала механизмом поддержания морального баланса в обществе.

Также необходимо учитывать теорию дара М. Мосса, которая объясняет обязательность взаимного обмена в архаических обществах. Хотя общество XX века является модернизированным, архаические пласты культуры на Севере сохранялись значительно дольше, чем в центральных регионах России. Практика помочей, где помощь сегодня обязывает принять помощь завтра, является классическим примером системы дарообмена. Культурологический анализ позволяет увидеть в этой практике не только экономическую целесообразность, но и глубокую символическую нагрузку: обмен трудом и ресурсами скреплял союз людей, делая их родственниками в социальном смысле.

Важным аспектом является различие между институциональной и неинституциональной благотворительностью. Институциональная форма предполагает наличие организации, устава, отчетности (благотворительные общества, попечительства, советские профкомы). Неинституциональная форма реализуется через личные контакты, частную милостыню, соседскую помощь. В разные периоды XX века соотношение этих форм менялось. В

начале века доминировало сочетание церковных институтов и общинных практик. В советский период институциональная форма была монополизирована государством, а личная благотворительность ушла в тень. В конце века произошло возрождение институтов, но параллельно развивалось волонтерское движение как новая форма неинституциональной активности. Культурологический анализ должен учитывать динамику этого соотношения.

Таким образом, понятий аппарат может включает в себя комплекс взаимосвязанных категорий, позволяющих рассмотреть благотворительность как многомерный феномен. Благотворительность может понимается как социокультурная практика, включающая в себя материальную поддержку, символический обмен, ценностную легитимацию и институциональное оформление. Специфика Архангельского Севера накладывает отпечаток на каждое из этих измерений, требует учета религиозных, общинных и климатических факторов.

Список использованной литературы

1. Бочаров Ю. Г. История и культура Русского Севера / Ю. Г. Бочаров. – Архангельск : Поморский университет, 2001. – 412 с. – Текст : непосредственный.
2. Громыко М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – Москва : Молодая гвардия, 1991. – 446 с. – Текст : непосредственный.
3. Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий / Е. И. Овсянкин. – Архангельск : Правда Севера, 2005. – 312 с. – Текст : непосредственный.

Мытько А. Д., обучающийся,
Потылицин А. П., обучающийся,
Путрюков С. И., обучающийся,
Фомина Н. В., канд. филос. наук, доцент,
Красноярский государственный педагогический
университет имени В. П. Астафьева.
Россия, Красноярск
E-mail: anton.mytko34@mail.ru
potilitsintoha@xmail.ru
semtroit@mail.ru

«КНИЖНЫЙ БУМ» В РОССИИ В БЛИЖАЙШИЕ ПЯТЬ ЛЕТ

В статье кратко обозревается история книжной культуры России с Советских времён до наших дней, анализируются тенденции в книжной культуре российского общества и выдвигается авторское предположение о интенсивном развитии книжного рынка страны и популяризации книжной культуры в России в ближайшие пять лет.

Ключевые слова: книжная культура, книжный рынок, «книжный бум», развитие.

Mytko A. D., student,
Potylitsyn A. P., student,
Putryukov S. I., student,
Fomina N. V., Ph. D., Associate Professor,
Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V. P. Astafyev.
Russia, Krasnoyarsk
E-mail: anton.mytko34@mail.ru
potilitsintoha@xmail.ru
semtroit@mail.ru

«BOOK BOOM» IN RUSSIA IN THE NEXT FIVE YEARS

The article provides a brief overview of the history of Russia's book culture from Soviet times to the present day, analyzes the trends in the book culture of Russian society, and presents the author's hypothesis about the intensive development of the country's book market and the popularization of book culture in Russia in the next five years.

Keywords: book culture, book market, «book boom», development.

Книжный рынок и книжная культура России имеет большую историю, за десятки лет массовой книгопечати они претерпели множество изменений.

Советский Союз традиционно считался страной с высоким уровнем грамотности и развитой культурой чтения. Государственная монополия на книгоиздание обеспечивала централизованное планирование производства и распределения литературы. Несмотря на жесткую цензуру и ограничение доступа к ряду художественных произведений, население имело широкий доступ к образовательной и научной литературе. Библиотека являлась важнейшим социальным институтом, а обладание домашней коллекцией книг символизировало интеллектуальное превосходство и культурный уровень семьи. Массовая пропаганда чтения создавала устойчивую привычку к регулярному приобретению и изучению книг, формируя поколение активных читателей.

Переход к рыночной экономике сопровождался либерализацией издательской деятельности и появлением частных предприятий, и наполнением рынка иностранной литературой. Отсутствие эффективного регулирования привело к заполнению рынка низкокачественными публикациями, ориентированными исключительно на массовые запросы. Высокие цены на качественную литературу, инфляция и нестабильная экономика затрудняли приобретение книг широкими слоями населения. Несмотря на это, советские привычки к сбору домашних библиотек сохранялись, обеспечивая относительную устойчивость спроса.

Развитие информационно-коммуникационных технологий в 2000-е и 2010-е гг. радикально трансформировало книжный рынок. Активное использование персональных компьютеров, смартфонов и планшетов стимулировало появление электронных книг и аудиоформатов книжных изданий. Зарубежные сервисы вроде Amazon Kindle Store, Google Play Books, Apple iBooks и др. начали активно завоевывать рынок. Онлайн-магазины и агрегаторы вытеснили традиционные книжные магазины, сделав покупку литературы доступной повсеместно. Одновременно снизилось значение физических библиотек и традиционных способов хранения книг. Российские читатели постепенно перешли к фрагментарному восприятию информации, выбирая короткие и легко усваиваемые произведения.

2020-е годы стали определяющими для Российского книжного рынка последних лет. Политико-экономическая изоляция России от западных рынков привела к сокращению импорта иностранной литературы и повышению зависимости от локальных производителей. Значительно подорожавшие сырье и производственные мощности обусловили удорожание книг, сокращение числа розничных точек продаж и уменьшение частоты покупок. Вместе с тем наблюдается постепенная стабилизация рынка благодаря адаптации местных издательств к новым условиям, активному внедрению китайских производственных решений и поддержке государством национальных проектов в сфере культуры. Параллельно формируются позитивные тенденции: растет интерес молодежи к чтению, увеличивается объем продаж художественной литературы, усиливается популяризация отечественной классики и молодежной литературы жанра Young Adult. Чтение вновь обретает социальную значимость, превращаясь из утилитарной потребности в осознанный личный выбор.

Для более глубокого анализа нами было проведено собственное исследование, где задали вопросы о чтении, покупке и предпочтениях печатных книг. Респондентами выступили студенты КГПУ им. В.П. Астафьева в количестве 80 человек, возраст опрашиваемых составил 17 – 26 лет. Анализ выявил ключевые тенденции в интересах к литературе, барьерах и источниках информации. Касательно демографии были получены следующие данные (таблица 1).

Таблица 1

Данные полученные касательно демографии

Род деятельности	Количество	Доля (%)
Студент/ученик	45	56
Школьник	15	18
Преподаватель/учитель	10	12
Другое (работающие)	10	12

Мы видим, что род деятельности респондентов разнообразен, но преобладают студенты и учащиеся.

По другим вопросам были получены следующие сведения (таблица 2).

Таблица 2

Другие вопросы

Вопрос	Да (%)	Нет (%)
Покупка одной или больше книги в год	65 %	35 %
Предпочтение печатных книг	72 %	28 %
Наличие домашней библиотеки	55 %	45 %
Покупка по рекомендациям	48 %	52 %

Большинство респондентов покупают хотя бы одну печатную книгу в год (65%) и предпочитают печатные версии электронным (72%). Домашняя библиотека есть у 55% опрашиваемых. По результатам следующих вопросов можно сказать, что интерес к классической русской литературе достаточно высокий – 82% респондентов интересуются. Книги дарят 60% опрошенных. Самый популярный источник выбора книг – рекомендации знакомых (40%), за ними социальные сети (25%) и интернет-магазины (20%) (таблица 3).

Таблица 3

Источники новинок

Источник новинок книг	Количество ответов
Рекомендации знакомых	32
Соцсети	20
Интернет-магазины	16
Книжные магазины	12

Главное препятствие перед покупкой книг стала высокая цена (более 50% респондентов), а также дефицит времени (30%) и отсутствие интересных книг на рынке (15%). По результатам опроса, большинство опрашиваемых готово платить 300 – 600 руб. за книгу (55%), 10% – до 1000 руб. Среди основных мест для покупок предпочитают книжные магазины (45%) и интернет (35%) (таблица 4).

Таблица 4

Результат опроса

Готовая цена (руб.)	Доля (%)	Место покупки	Доля (%)
300–600 руб.	55 %	Книжные магазины	45 %
До 300 руб.	25 %	Интернет	35 %
600–1000 руб.	15 %	Супермаркеты	10 %
>1000 руб.	5 %	Другие	10 %

Таким образом, результаты опроса демонстрируют, что молодёжная аудитория сохраняет приверженность печатной книге и традиционным формам читательской культуры, однако сталкивается с объективными экономическими ограничениями. Выявленные тенденции могут быть использованы при формировании издательских стратегий, ориентированных на молодёжную аудиторию, а также при разработке мер государственной поддержки книжного рынка, направленных на повышение доступности качественной литературы.

Анализируя эволюцию российского книжного рынка, можно заключить, что его динамика определяется комплексом социальных, технологических и экономических факторов. Каждый исторический этап характеризуется специфическими причинами и следствиями, определяющими облик индустрии. Современные тенденции указывают на постепенное восстановление позиций традиционного чтения, адаптацию рынка к новым условиям и сохранение фундаментальной роли книги как инструмента личностного и общественного развития.

Несмотря на временные трудности, вызванные геополитическими обстоятельствами и внутренними экономическими проблемами, книжный рынок демонстрирует способность к восстановлению и дальнейшему развитию. Ключевыми факторами успеха становятся государственная поддержка, технологическая модернизация производств и активная работа издательств по привлечению молодых читателей.

Таким образом, российское общество сохраняет потенциал для возвращения к культуре регулярного чтения, основанной на глубоких традициях и адаптированной к современным реалиям.

Список использованной литературы

1. Триалоги : «Будущее книжного распространения. Как изменится рынок в ближайшее десятилетие» : [сайт]. – URL : https://www.bookind.ru/events/21484/ (дата обращения : 19.03.2026). – Текст : электронный.

2. Новиков О. Экспертный опрос специалистов в области издательского и книготоргового дела Москвы. – Текст : электронный // Российский книжный союз : [официальный сайт]. – 2025. – URL : https://bookunion.ru/book-expert/oleg-novikov-2025/ (дата обращения : 19.03.2026)

Русак О. В., канд. филолог. наук, доцент,
Белорусский государственный технологический университет,
Республика Беларусь, г. Минск,
E-mail: rusak@belstu.by

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

В статье рассматривается внутренняя структура терминосистемы современного издательского дела. Корпус издательских терминов представлен тремя терминологическими полями, имеющими иерархическую структуру: «Издания», «Редакционно-издательские процессы», «Допечатные издательские процессы». Предложенная модель терминологии издательского дела может стать основой систематизирующего идеографического словаря.

Ключевые слова: термин, терминополе, терминосистема, лингвистическое моделирование, тематические группы, парадигматические связи.

Rusak O. V., Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Belarusian State Technological University,
Republic of Belarus, Minsk,
E-mail: rusak@belstu.by

INTERNAL ORGANIZATION OF THE PUBLISHING TERMINOLOGY

This article examines the internal structure of the modern publishing terminology. The corpus of publishing terms is represented by three terminological fields with a hierarchical structure: “Publications”, “Editorial and Publishing Processes”, “Prepress Publishing Processes”. The proposed model of publishing terminology can form the basis of a systematizing ideographic dictionary.

Keywords: term, term field, terminology system, linguistic modeling, thematic groups, paradigmatic relationships.

Важным этапом исследования любой терминологии является систематизация понятий соответствующей предметной области. Термин, как двусторонняя единица языка, неразрывно связан с мышлением, отражает динамический процесс познания человеком действительности. Как справедливо отметила Е.И. Голованова, «термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации» [1, С. 58]. Идеографическое описание терминологии позволяет продемонстрировать логические связи

между понятиями, уточнить место каждого понятия в понятийной системе, создать общую классификационную схему.

Издательское дело – это отрасль культуры и производства, занимающаяся подготовкой, созданием, выпуском и распространением печатной и цифровой продукции. Семантическое пространство издательских терминов имеет сложную иерархическую структуру, элементы которой связаны гиперо-гипонимическими, синонимическими, антонимическими, партитивными отношениями. Тезаурус лексики издательского дела может быть представлен в виде схемы, которая разделена на три терминополя: «Издание», «Редакционно-издательский процесс», «Допечатный издательский процесс».

Терминополе **«ИЗДАНИЕ»** включает 7 групп: «Виды изданий», «Единицы измерения оригиналов и издательской продукции», «Материальное оформление издания», «Художественно-техническое оформление издания», «Части и элементы текста издания», «Компоненты многотомных и сериальных изданий», «Апарат издания».

Тематическая группа **«Виды изданий»** является крупнейшей в указанном терминологическом поле и включает 11 количественно неоднородных подгрупп, объединяющих термины с учётом следующих критериев: 1) периодичность: *непериодические издания*, *периодические издания*, *сериальные издания*, *продолжающиеся издания*; 2) способ тиражирования: *печатные издания*, *электронные издания*; 3) природа информации: *текстовое издание*, *нотное издание*, *изобразительное издание*, *картографическое издание*, *аудиокнига*, *издание со шрифтом Брайля*, *комбинированное издание*; 4) состав основного текста: *моноиздание*, *сборник*, *дайджест*; 5) способ организации произведений: *многотомное издание*, *однотомное издание*, *собрание сочинений*; 6) читательский адрес: *издание для детей и юношества*, *молодежное издание*, *издание для слепых*, *издание для служебного пользования*; 7) характер аналитико-синтетической обработки информации: *библиографическое издание*, *реферативное издание*, *информационный листок*; 8) особенности представления содержания: *оригинальное издание*, *переводное издание*, *многоязычное издание*, *параллельное издание*; 9) повторяемость выпуска: *первое издание*, *переиздание*, *дополненное издание*, *исправленное издание*; 10) принадлежность автору/издателю: *собственное издание*, *совместное издание*, *контрафактное (пиратское) издание*; 11) тираж и характер распространения: *бесплатное издание*, *букинистическая книга*, *антикварная книга*, *малотиражное издание*.

Некоторые из перечисленных подгрупп имеют собственные гиперо-гипонимические отношения. Так, подгруппа ***«Виды изданий по периодичности»*** представлена микрогруппами *«Непериодические издания»*, *«Периодические издания»*, *«Сериальные издания»*, *«Продолжающиеся издания»*. При этом микрогруппа «Непериодические издания» демонстрирует разветвленную систему гиперо-гипонимических связей, формируя на их основе следующие микроподгруппы: *официальные и нормативно-производственные издания*;

научно-популярные издания; *словарно-энциклопедические издания*; *учебные издания*; *литературно-художественные издания*; *производственно-практические и нормативно-производственно-практические издания*; *справочные издания*; *рекламные издания*; *массово-политические издания*; *духовно-просветительские издания*; *информационные издания*; *издания для досуга*.

Подгруппа ***«Виды изданий по способу тиражирования»*** представлена микрогруппами *«Печатные издания»* и *«Электронные издания»*. Микрогруппа «Печатные издания» распадается на 4 микроподгруппы в соответствии с видами печатных изданий, выделенных по следующим критериям: 1) объём: *книга*, *листовка*, *брошюра*; 2) материальная конструкция: *книжное издание*, *журнальное издание*; 3) формат: *малоформатное издание*, *карманное издание*, *фолиант*; 4) особенности полиграфического исполнения: *пейпербек*, *улучшенное издание*, *кипсек*. Микрогруппа «Электронные издания» делится на 4 микроподгруппы, объединяя наименования видов электронных изданий, выделенных: 1) по природе основной информации: *текстовое электронное издание*, *изобразительное электронное издание*, *статическое изобразительное электронное издание*; 2) технологии распространения: *локальное электронное издание*, *электронное издание сетевого распространения*, *электронное издание комплексного распространения*; 3) характеру взаимодействия с пользователем: *детерминированное электронное издание*, *интерактивное (недетерминированное) электронное издание)*; 4) наличию печатного эквивалента: *самостоятельное электронное издание*, *деривативное электронное издание.*

К основным элементам тематической группы **«Единицы измерения оригиналов и издательской продукции»** относятся термины *лист*, *тираж*, *экземпляр*, *листаж*. Указанные термины характеризуются своими гиперо-гипонимическими отношениями: гипонимами термина *лист* являются *авторский лист*, *учетно-издательский лист*, *печатный лист*, *бумажный лист*; термин *тираж* выступает в качестве гиперонима к терминосочетаниям *тираж издания*, *годовой тираж*, *разовый тираж*, *дополнительный тираж*; с термином *экземпляр* в гиперо-гипонимические связи вступает сочетание *обязательный экземпляр изданий*, а с термином *листаж* – сочетания *учетно-издательский листаж*, *печатный листаж.*

Тематическая группа **«Материальная конструкция издания»** характеризуется наличием терминов, связанных партитивными отношениями (*книжный блок – корешок книжного блока*, *обрез книжного блока*; *переплет – переплетная крышка*, *форзац*, *нахзац*; *суперобложка – клапан суперобложки*), а также антонимическими отношениями (*форзац – нахзац*; *верхний обрез книжного блока – нижний обрез книжного блока – передний обрез книжного блока – боковой обрез книжного блока*).

Тематическая группа **«Художественно-техническое оформление издания»** состоит из подгрупп «Оформление текста», «Оформление страницы», «Книжные украшения».

Основным элементом подгруппы ***«Оформление текста»*** является термин *шрифт*. От него образовано множество составных терминов: *гарнитура шрифта*, *ёмкость шрифта*, *кегль шрифта*, *начертание шрифта*. Термин *кегль шрифта* образует микрогруппу с лексемами, выступающими наименованиями видов шрифта по размеру: *бриллиант*, *перл*, *нонпарель*, *миньон*, *петит*, *боргес*, *корпус*, *цицеро*, *миттель*, *терция*, *текст*. А составной термин *начертание шрифта* образует гипонимические микрогруппы по следующим признакам: 1) плотность: *узкое начертание шрифта*, *нормальное начертание шрифта*, *широкое начертание шрифта*; 2) насыщенность: *светлое начертание шрифта*, *полужирное начертание шрифта*, *жирное начертание шрифта*; 3) наклон: *прямое начертание шрифта*, *курсивное начертание шрифта*, *наклоненное начертание шрифта*.

В подгруппе ***«Оформление страницы»*** центральными являются понятия *строка*, *страница*, *лист*, *полоса*. Они путем дальнейшей конкретизации образуют гиперо-гипонимические микрогруппы: *начальная строка*, *абзацная строка*, *конечная строка*; *начальная страница*, *спусковая страница*, *рядовая страница*, *концевая страница*; *двойной титульный лист*, *разворотный титульный лист*, *главный титульный лист*; *полоса набора*, *текстовая полоса*, *иллюстративная полоса*, *спусковая полоса*.

В подгруппу ***«Книжные украшения»*** входят термины *заставка*, *концовка*, *инициал (буквица)*, *миниатюра книжная*, *виньетка*, *картуш*, *орнамент*, при этом название подгруппы (термин *книжные украшения*) выступает гиперонимом по отношению ко всем терминам подгруппы.

Группа **«Части и элементы текста издания»** объединяет множество терминов: *структура издания*, *абзац*, *часть*, *раздел*, *глава*, *параграф*, *введение*, *заключение*, *дополнение*, *посвящение*, *эпиграф* и др. В группе представлены термины, связанные гиперо-гипонимическими отношениями (*текст – основной текст*, *параллельный текст*, *дополнительный текст*; *заголовок – заголовок тематический*, *заголовок нумерационный*, *заголовок буквенный*) и партитивными отношениями (*рубрикация – рубрика*, *подрубрика*; *таблица – головка таблицы*, *ярусы таблицы*, *хвост таблицы*).

Среди основных элементов группы **«Составные части многотомных и сериальных изданий»** выделяются понятия *выпуск*, *номер издания*, *том*, демонстрирующие гиперо-гипонимические связи: *сдвоенный выпуск*, *отдельный выпуск*; *номер издания с продолжением*, *валовой номер*, *двойной номер*, *погодичный номер*; *том – сборный том*, *сводный том*, *справочный том*.

В последней группе **«Аппарат издания»** зафиксировано 4 подгруппы: «Сопроводительный аппарат издания», «Справочно-поисковый аппарат издания», «Опознавательный аппарат издания», «Библиографический аппарат издания». Многие термины, как и в предыдущих случаях, объединены гиперо-гипонимическими связями: *комментарий – реальный комментарий*, *исто-*

рико-литературный комментарий, словарный комментарий, текстологический комментарий; *ссылка – внутритекстовая ссылка*, *подстрочная ссылка, затекстовая ссылка*.

Терминополе **«РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЦЕСС»**, охватывающее понятия, связанные с работой над рукописью, приведением содержания и формы планируемого издания в соответствие с общепринятыми и специально установленными требованиями и нормами, на наш взгляд, состоит из следующих групп:

1) **«Издательские организации (и их структура)»**: *издательство, издательский дом*, *издательская группа*, *издательский центр*, *редакция*, *редакционный отдел*, *компьютерный отдел*, *маркетинговый отдел*;

2) **«Профессии и должности работников издательских организаций»**: *главный редактор*, *литературный редактор*, *технический редактор*, *художественный редактор*, *научный редактор*, *наборщик*, *верстальщик*, *вычитчик*, *корректор*, *правщик*, *дизайнер*, *художник*;

3) **«Этапы редакционно-издательского процесса»**: *тематическое планирование*, *план-проспект издания*, *авторский текстовый оригинал*, *редактирование*, *редакторский анализ*, *редакторское заключение*, *рецензирование*, *вычитка*, *корректура*, *правка*, *оригинал-макет*;

4) **«Издательская техника»**: *настольная издательская система*, *станция набора текста*, *станция вёрстки*, *графическая станция*.

Третье терминополе **«ДОПЕЧАТНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЦЕСС»** охватывает понятия, связанные с подготовкой текстовой информации, изобразительных оригиналов и графики, а также изготовлением готовых печатных форм, которые используются для изготовления тиража: *набор текста*, *ввод текста*, *форматирование текста*, *вёрстка*, *перевёрстка*, *электронный спуск полос*, *техническое задание*, *макетирование*, *дизайн-макет*, *обработка иллюстраций*, *цветопроба*, *ретуширование*, *цветокоррекция*, *цветоделение*, *эскиз страницы*, *растрирование*, *цветоделённые диапозитивы*, *фотоформа*, *типографская форма*, *формные пластины*, *формный материал.*

Таким образом, исследуемая терминосистема имеет сложную иерархическую структуру, отражающую систему издательских понятий и отношения между ними.

Список использованной литературы

Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учебное пособие / Е. И. Голованова. – Москва : Флинта, – 2011. – 224 с. – Текст : непосредственный.

Сафонова Т. В., канд. филол. наук, доцент,
Тульский государственный педагогический
университет имени Л. Н. Толстого,
Россия, г. Тула
E-mail: safonova76@mail.ru

ЦЕЛИ И СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ДИСКУРСЕ РЕКЛАМЫ

В статье на материале серии рекламных роликов «ВТБ – это классика» анализируется основной прием трансформации культурного контекста – упрощении ситуации (стратегия редукционизма). Такой способ переосмысления литературного источника позволяет решить следующе задачи: включение рекламы в единое поле культуры, формирование положительного имиджа компании, успешное продвижение продукта на рынке.

Ключевые слова: культурный контекст, дискурс, реклама, трансформация.

Safonova T. V., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Tula State Pedagogical University
named after L. N. Tolstoy,
Russia, Tula
E-mail: safonova76@mail.ru

PURPOSES AND METHODS OF TRANSFORMATION OF CULTURAL CONTEXT IN ADVERTISING DISCOURSE

The article analyzes the main technique of transformation of cultural context – simplification of the situation (reductionism strategy) based on the series of commercials “If only VTB had existed then!” This method of reinterpreting a literary source allows us to solve the following tasks: inclusion in a unified cultural field, formation of a positive company image, and successful product promotion in the market.

Keywords: cultural context, discourse, advertising, and transformation.

На сегодняшний день не вызывает сомнение определение медиапространства как сложной, многоуровневой системы, отличающейся своей спецификой в подаче и интерпретации информации. Главные составляющие медиа: единство вербального и невербального планов, различие каналов взаимодействия с адресатами, ярко выраженная прагматика коммуникации – определили потребность в формировании собственных методов исследования языка медиа и выделении отдельной отрасли языкознания – медиалинг-

вистики. Возникнув в конце XX, данное направление продолжает разрабатывать новые и спорные для лингвистики вопросов. Обратимся к употребляемым в рамках нашего исследования понятиям. Относительно терминов текст – медиатекст, дискурс – медиадискурс согласимся с утверждением Добросклонской Т. Г.: текст как более узкая категория являются частью дискурса, а медиатекст – «дискретной единицей по отношению к медиадискурсу» [2, С. 15], поскольку последний предполагает, кроме вербальных, участие паралингвистических и невербальных компонентов. Реклама рассматривается как один из жанров медиадискурса: это «разновидность маркетинговой коммуникации, для создания которой привлекаются различные визуально-вербальные, аудиальные и иные средства, что дает основание рассматривать ее как особым образом организованный дискурс».

Широкий подход к определению понятия «контекст» позволяет говорить о локальном контексте, определяемом временем, местом, обстановкой коммуникации, индивидуальными и социальными особенностями ее участников; глобальном контексте – специфика дискурса обусловлена национальными, идеологическими, культурными установками.

Рассмотреть рекламный продукт как сложное семиотическое единство вербальных и невербальных компонентов позволяют методы дискурс-анализа. На микроуровне это анализ степени участия языковых единиц, визуальных и аудиальных средств в реализации смысла и прагматики рекламного дискурса. На макроуровне – используемые с этой целью авторские стратегии воздействия на получателя информации и его потенциальный интерпретационный отклик.

В качестве материала для анализа была выбрана серия рекламных роликов «ВТБ – это классика». Уже в самом слогане заложена литературная аллюзия, т.к. под классикой принято понимать в числе прочего образцовые произведения литературы. Нельзя не усмотреть в этом и более глобальную цель – это попытка заявить о себе как о классике отечественной рекламы. Следует отметить, что рекламная серия ориентирована на широкую аудиторию, в большей степени заинтересованную в определенном банковском продукте, а не в литературоведческих концепциях, поэтому авторы весьма свободно преобразуют идеи и сюжеты литературных произведений. По сути, в русле парадигмы постмодерна создатели рекламы выстраивают свой диалог с классикой, характер которого в полной мере определяется маркетинговой стратегией. Данной интенцией объясняется и выбор произведений: они не просто общеизвестны, в каждом из них присутствует в той или иной степени трагическая ситуация, разрешающаяся благополучно по ходу рекламного действия («Пиковая дама» и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Мертвые души» и «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Бесприданница» А.Н. Островского и др.).

Чтобы отдельные серии рекламы выстроились в единый цикл так же используется известный литературный прием – наличие рассказчика: в

нашем случае это представитель банка. Невербальным способом актуализации культурного контекста является книга, которую рассказчик раскрывает в самом начале рекламного сюжета или в кульминационный момент литературного действия – переломный этап в судьбе героев произведений. Страницы книги заложены банковским талоном – своеобразный символ перехода от сюжета первоисточника к альтернативной версии банка. На вербальном уровне таким знаком является реплика его представителя – «Вот был бы тогда ВТБ!». Как уже отмечалось, реклама рассчитана на массового потребителя, которому важен счастливый финал, поэтому идея литературного произведения претерпевает кардинальные изменения: с помощью ипотеки москвичи решают квартирный вопрос, Герасим покупает вольную и сохраняет жизнь Муму, Лариса Огудалова открывает свой бизнес и проводит время в путешествиях. Общая прагматическая установка оказывается предельно ясной – с помощью кредитных предложений банка можно выйти из самых сложных жизненных ситуаций. Каждый ролик заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку отличается специфическими приемами актуализации и трансформации культурного контекста. В рамках статьи рассмотрим некоторые из них.

В основе рекламы, ориентированной на продвижение услуг по ипотечному кредитованию, открытию вкладов и кредитных карт, – выступление Воланда в Варьете. Первая часть рекламного ролика максимально близка сюжету первоисточника, чему способствуют различного рода аллюзии. Например, отсылкой к роману М.А. Булгакова на вербальном уровне становятся цитаты из произведения: «Однажды на Патриарших прудах в час небывало жаркого заката…»; «Люди как люди, любят деньги, но ведь так всегда было, и милосердие иногда стучится в их сердца, но вот только квартирный вопрос их испортил» и др. Однако нельзя не отметить, что это не дословное цитирование. В трансформации текста М.А. Булгакова наблюдается определенная закономерность: выбраны те фрагменты, которые, с одной стороны, способствуют развитию сюжета рекламы, с другой – связывают литературный источник и вторичный текст (место, время событий, ситуация). В рекламном варианте можно отметить явное упрощение структуры фраз: они становятся более лаконичными и в то же время более емкими в смысловом отношении, что в полной мере соответствует стилистике рекламного дискурса.

Отсутствие необходимой вербальной информации компенсируется визуальным рядом. Действующие лица рекламы – хорошо известные герои романа, что подтверждается их портретным сходством: Бегемот – огромных размеров черный кот, Воланд – высокий брюнет в элегантном черном костюме; Коровьев – мужчина средних лет, в несуразном клетчатом костюме и треснутом пенсне. Отмечается сходство и в событийном плане: Воланд располагается на сцене в кресле, в лапах кота мелькает колода карт, Фагот стреляет в воздух – на зрителей сыплются червонцы, исчезают наряды дам.

В целом стилистика визуальной части ролика приближена к атмосфере 30-ых годов XX века.

Во второй части литературная история переосмысливается и развивается уже в русле маркетинговой концепции банка. Слоган «Чтобы деньги не превращались в бумажки!..» и уже устойчивое выражение «квартирный вопрос» служат литературной аллюзией. Герои романа, которые благодаря первой части легко узнаются зрителями и в их современном обличии, интерьер квартиры № 50 на Садовой – невербальная отсылка к литературному источнику. Прагматическая установка реализуется посредством фразы, произносимой Воландом, – «Там, где ВТБ, нам делать нечего!» Прогнозируемый вывод со стороны адресата рекламы достаточно прост: решение похожих проблем возможно, если прибегнуть к услугам данного банка.

Апелляция к чувствам – такой стратегический ход избран авторами в рекламном ролике, литературной основой для которого стала история Герасима и Муму. Ключевая информацию данной сюжетной линии сфокусирована в цитатах: «Он назвал ее Муму. Муму, она была чрезвычайно умна. Ко всем ласкалась, но любила одного Герасима» и др. Видеоряд представлен следующими кадрами: барская усадьба, Герасим с маленькой собачкой, капризная барыня, толпа слуг в поисках собачки, Герасим и Муму в лодке на реке. Не может не тронуть зрителя кинематографический прием: милая мордочка собачки, безумно преданный, доверяющий взгляд крупным планом в тот момент, когда Герасим поднимает ее над рекой. Этот кульминационный эпизод служит отправной точкой для альтернативной версии банка: Герасим сохраняет жизнь Муму, покупает вольную и открывает прокат лодок под говорящим названием «Герасим и Муму». Счастливый финал не может не тронуть аудиторию. Ожидаемый положительный эмоциональный отклик со стороны реципиента будет способствовать формированию положительного образа банка, а значит, и продвижению его коммерческих услуг.

Культурный контекст, интерпретация которого требует определенных интеллектуальных усилий и знаний литературоведческих концепций, в дискурсе рекламы нивелируется, сводится до непростой, но решаемой житейской ситуации, выход из которой видится в реализации обычных потребностей человека – любовь, уважение, семья, финансовая стабильность и др. Основывается трансформация литературного контекста на когнитивной стратегии редукционизма [1, С. 140], что можно представить в следующей схеме: проблема («эксплуатируется» тот или иной литературный сюжет, образ) → упрощение ситуации (маркером является слоган «А вот был бы тогда ВТБ!») → предлагаемое банком решение. Конечно, данная интерпретация литературной классики носит провокационный характер и поэтому оценивается неоднозначно, что так же является манипулятивным приемом воздействия на потребителя.

Выводы исследования:

1. В основе трансформации эталонов культуры – стремление моделировать общественное сознание, подчеркнув актуальные идеи, отразив тренды современного общества. Такой способ позволяет создать узнаваемый и оригинальный образ рекламируемого продукта, что вызывает эмпатию у потенциального потребителя, увеличивает конкурентоспособность.

2. Трансформация осуществляется с помощью средств языка и знаков других семитических систем, участвующих в организации рекламного дискурса.

Список использованной литературы

1. Бронникова О. В. Мультимодальные средства репрезентации прагматического потенциала в рекламном дискурсе / О. В. Бронникова, А. С. Головко. – Текст : электронный // Вестник НГУ : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnye-sredstva-reprezentatsii-pragmaticheskogo-potentsiala-v-reklamnom-diskurse (дата обращения : 28.09.2025).

2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта ; Наука, 2008. – 263 с. – Текст : непосредственный.

Хамитова Д. С., магистрант,
Махортова Т. Ю., канд. филол. наук, доцент,
Волгоградский государственный университет,
Россия, г. Волгоград
E-mail: d-hamitoff@mail.ru
machortova@volsu.ru

ПЕРЕВОД ЮМОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: ТРАДИЦИОННОЕ И НЕЙРОСЕТЕВОЕ РЕШЕНИЕ

Статья посвящена проблеме передачи юмора при переводе иронического детектива с немецкого языка на русский. Рассматриваются особенности иронического детектива и приемы создания комического эффекта в данном жанре, проводится сравнительный анализ традиционного (человеческого) и нейросетевого перевода юмористических элементов произведения, дается оценка эффективности перевода нейросети в сравнении с профессиональным переводчиком.

Ключевые слова: художественный перевод, передача юмора, иронический детектив, переводческие приемы, нейросетевой перевод, искусственный интеллект.

Khamitova D. S., Master's student,
Makhortova T. Yu., Ph. D., Associate Professor,
Volgograd State University,
Russia, Volgograd
E-mail: d-hamitoff@mail.ru
machortova@volsu.ru

TRANSLATING HUMOR IN FICTION: TRADITIONAL AND NEURAL NETWORK APPROACHES

The article examines the challenges of rendering humor when translating an ironic detective novel from German into Russian. It explores the generic conventions of the ironic detective genre and the techniques employed to create comic effects. Through a comparative analysis, the study evaluates human translation versus neural machine translation of humorous elements, assessing the efficacy of neural networks in comparison to professional human translators.

Keywords: literary translation, rendering humor, ironic detective novel, translation techniques, neural machine translation, artificial intelligence.

В последние годы нейронные сети достигли значительных успехов в обработке естественного языка, став ключевым инструментом автоматизации перевода. Развитие языковых моделей позволило создавать системы, способные учитывать контекст и стилистику оригинала, что существенно повысило качество и скорость перевода. Однако, несмотря на очевидные достижения, нейросетевые технологии остаются несовершенными. Сохраняются проблемы передачи многозначности, культурных и лингвистических особенностей, эмоциональной окраски и смысловых нюансов. Кроме того, актуальными остаются этические вопросы, связанные с вытеснением человеческого труда и обеспечением стабильно высокого качества перевода [1, С. 643].

Особый интерес представляет перевод юмористических элементов в художественном тексте, что традиционно считается одной из наиболее сложных задач в силу тесной связи таких элементов с языковой игрой, культурным контекстом и авторской интенцией. Выявление особенностей нейросетевого перевода приобретает особую значимость при обращении к такому жанру, как иронический детектив, где языковая игра и стилистические нюансы являются основой художественного целого.

Целью настоящего исследования является выявление проблем передачи юмора на основе сравнительного анализа традиционного (человеческого) и нейросетевого перевода юмористических элементов в художественном произведении, относящемся к жанру иронического детектива, а также оценка эффективности перевода нейросети в сравнении с профессиональным переводчиком. Практическим материалом послужил роман на

немецком языке «Гленнкилл» автора Леони Суонн, его перевод на русский язык, выполненный Маргаритой Ключак, и варианты перевода, созданные с использованием нейросетевых технологий.

Иронический детектив представляет собой постмодернистскую интерпретацию традиционного детективного жанра, в которой каноническая структура расследования, предполагающая установление личности преступника и логически выстроенную интригу, органично сочетается с иронической тональностью. Ирония, находящая выражение в многообразных лингвистических средствах, композиционных особенностях и диалоге с читателем, реализуется посредством языковых механизмов как в авторском повествовании, так и в речи персонажей [2, С. 223].

Отметим, что лингвистические приемы создания комического в художественных произведениях отличаются многообразием и охватывают тропы, стилистические фигуры, а также специальные средства, включающие языковую игру, «говорящие» имена собственные, каламбуры. Ирония на лексико-семантическом уровне формируется через специфическую организацию языковых единиц как в ткани авторского повествования, так и в речевых партиях персонажей. Ироническая модальность создается посредством широкого спектра стилистических приемов: каламбура, метафоры, олицетворения, образного сравнения, оксюморона, гиперболы, зевгмы и аллюзии [3, С. 13; 4].

Анализируемый роман привлекает внимание благодаря уникальным авторским приемам создания комического эффекта, характерным для жанра иронического детектива. В ходе анализа было установлено, что наиболее частотными приемами создания комического в данном произведении оказались окказионализмы и авторские неологизмы, метафоры, абсурдные сравнения, повторы и каламбуры.

Исследователи отмечают, что «для достижения высокой степени эстетической адекватности воздействия художественного перевода на читателей необходимо прежде всего глубоко постичь интенции автора и тематическую направленность оригинала» [5, С. 22]. Переводчик иронического детектива выступает не просто как посредник между языками, но и как соавтор, объединяющий детективное повествование, литературную пародию и социальную сатиру в новых лингвокультурных условиях. Данная задача требует не только владения обоими языками, но и глубокого понимания средств создания комического, особенностей детективного жанра, а также культурных нюансов.

Далее приведем несколько примеров юмористических приемов, использованных в романе, а также сравнительный анализ перевода, выполненного профессиональным переводчиком, и результатов, полученных с помощью нейросети.

В качестве первого примера рассмотрим отрывок оригинального текста, содержащий авторский окказионализм.

Оригинал: *«Und wenn wir **den Spatenstecker** gefunden haben?», fragte Heide nervös. «Was dann?».*

Перевод М. Ключак: *– Допустим, найдем мы **втыкателя лопат**, – нервно сказала Хайде. – И что тогда?*

Перевод нейросети: *«А если мы найдем **того, кто вонзил лопату**?» – нервно спросила Хайде. «Что тогда?».*

Spatenstecker представляет собой сложное слово, образованное от существительного *Spate (лопата)* и глагола *stecken (втыкать, вонзать)*. Данный окказионализм обозначает гипотетического убийцу, совершившего преступление с помощью лопаты, и одновременно служит источником комического эффекта благодаря своей необычной, абсурдной форме. В переводе М. Ключак предлагается вариант *«втыкатель лопат»*, представляющий собой переводческий окказионализм, созданный по аналогичной словообразовательной модели, что позволяет сохранить не только семантику, но и стилистическую окраску оригинала, включая его комический потенциал. Нейросетевой перевод предлагает описательный вариант, который, хотя и передает общий смысл высказывания, полностью утрачивает окказиональную природу оригинального слова и, соответственно, его юмористический эффект.

Таким образом, сопоставление двух вариантов перевода демонстрирует принципиальную разницу в стратегиях: профессиональный переводчик стремится к воссозданию авторского приема через адекватную словообразовательную модель, тогда как нейросеть ограничивается смысловой передачей, жертвуя стилистическими нюансами и комической составляющей.

В следующем примере анализируется фрагмент, построенный на стилистическом приеме повтора и градации.

Оригинал: *«**Es ist** feucht», sagte Maude. «**Es ist** kalt», sagte Sara. «**Es ist** eine Frechheit», sagte Sir Ritchfield. Damit war die Sache entschieden.*

Перевод М. Ключак:

*– **Какая** сырость, – сказала Мод.*

*– **Какая** холодрыга, – протянула Сара.*

*– **Какая** наглость, – произнес Сэр Ричфилд, тем самым вынеся окончательный вердикт.*

Перевод нейросети: *«**Сыро**», – сказала Мод. «**Холодно**», – сказала Сара. «**Это возмутительно**», – сказал сэр Ритчфилд. На этом вопрос был решен.*

Оригинальный текст представляет собой конструкцию, где реплики персонажей объединены анафорическим повтором *Es ist....* Комический эффект возникает за счет неожиданного перехода от бытовых наблюдений к моральному негодованию. Перевод М. Ключак наиболее точно передает задумку автора. В нем сохранен синтаксический параллелизм (конструкция *«Какая…»*), усиливающий комический эффект. Перевод, сделанный

нейросетью, отличается дословностью и нарушением структуры: теряется единообразие реплик.

Данный пример наглядно демонстрирует, что для адекватной передачи юмора, основанного на синтаксических и стилистических приемах, недостаточно простой передачи смысла, для этого требуется воссоздание ритмико-интонационного рисунка и функционально-стилистических соответствий.

Сопоставительный анализ переводов, выполненных человеком и нейросетевой системой, показал, что, несмотря на способность машинных алгоритмов к адекватной передаче общего содержания текста, они значительно уступают профессиональным переводчикам в точности воспроизведения юмористических нюансов. В частности, в случаях, где комизм обусловлен контекстом или авторской интенцией, искусственный интеллект проигрывает профессионалу. Перевод, выполненный М. Ключак, ориентированный на сохранение абсурдности ситуаций и языковой игры, может рассматриваться как образец адекватного подхода к передаче юмора.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что успешная передача юмористической составляющей художественного текста при переводе с одного языка на другой в значительной степени зависит от способности переводчика понять замысел автора и стиль произведения, чтобы воссоздать его уникальную атмосферу.

Таким образом, сравнение человеческого и нейросетевого перевода выявило ограничения нейросетей в области передачи юмористических элементов. Исследование показало, что перевод юмористических произведений требует смелых и нестандартных решений, что пока остается прерогативой человека.

Список использованной литературы

1. Голованова В. О. Перспективы использования нейросетей в письменном переводе / В. О. Голованова, И. В. Пивень. – Текст : непосредственный // Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации в условиях реальной и виртуальной среды : материалы Междунар. конф., 18 апр. 2025 г. – Екатеринбург, – С. 641-654.

2. Леонов В. А. Иронический детектив как особое дискурсивное пространство / В. А. Леонов. – Текст : непосредственный // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2013. – № 4 (12). – С. 222-226.

3. Мухина Ю. Н. Средства репрезентации иронии в художественном тексте : на материале русского и английского языков : специальность 10.02.19. «Теория языка» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Мухина ; СГАП. – Саратов, 2006. – 22 с. – Текст : непосредственный.

4. Калашник Н. В. Соотношение юмора, сатиры, комического / Н. В. Калашник. – Текст : непосредственный // Наука и современность. – 2010. – № 6-2. – С. 204-208.

5. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода : учебное пособие / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – Москва : Академия, 2005. – 304 с. – Текст : непосредственный.

Борщевская С. В., обучающийся,
Долгова А. О., канд. филол. наук, доцент
Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: sofyab666@gmail.com
anna_dolgova@list.ru

ДИВЕРГЕНТНОЕ МЫШЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПИЛОТНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

В статье анализируются результаты пилотного тестирования языковых способностей студентов-лингвистов. Тест включал задания на память, индукцию, фонетический слух, грамотность и семантическую беглость. Выявлено, что высокая дивергентность не всегда коррелирует с успешностью: 12% наиболее дивергентных испытуемых показали низкие результаты. Выдвигается гипотеза о роли личностных факторов в реализации дивергентного потенциала.

Ключевые слова: языковые способности, дивергентное мышление, конвергентное мышление, тестирование, семантическая беглость.

Borschevskaya S. V., student,
Dolgova A. O., Ph. D., Associate Professor,
Belarusian State University,
Belarus, Minsk
E-mail: sofyab666@gmail.com
anna_dolgova@list.ru

DIVERGENT THINKING IN THE STRUCTURE OF LANGUAGE APTITUDE: ANALYSIS OF THE RESULTS OF A PILOT TESTING

The article analyzes the results of pilot testing of language aptitude in linguistics students. The test included tasks on memory, induction, phonetic hearing, literacy, and semantic fluency. High divergence does not always correlate with success: 12% of the most divergent subjects showed low results. A hypothesis suggests the role of personality factors in realizing divergent potential.

Keywords: language aptitude, divergent thinking, convergent thinking, testing, semantic fluency.

Проблема диагностики языковых способностей остается одной из ключевых в современной лингводидактике. Начиная с классических тестов MLAT (Modern Language Aptitude Test) и PLAB (Pimsleur Language Aptitude

Battery) [1], исследователи стремятся выявить когнитивные факторы успешности овладения иностранным языком. Традиционно эти тесты ориентированы на измерение конвергентных процессов: способности к фонетическому кодированию, грамматической индукции, механическому запоминанию.

Еще в середине XX века Дж. Гилфорд [2, С. 25] предложил разграничение конвергентного и дивергентного мышления, где последнее связано с генерацией множества оригинальных идей. В контексте изучения иностранного языка дивергентное мышление обеспечивает беглость и гибкость речи, способность к перифразу, языковую догадку.

Современные исследования показывают, что связь между когнитивными стилями и успешностью овладения языком может быть опосредована личностными факторами. Как отмечает Г. Айзенк, реализация креативного потенциала зависит не только от когнитивных способностей, но и от личностных характеристик [3, С. 231].

Цель данной работы – проанализировать соотношение конвергентных и дивергентных компонентов в структуре языковых способностей студентов-лингвистов на материале авторского теста в рамках пилотного исследования.

В исследовании приняли участие 17 студентов 1-го курса специальности «Современные иностранные языки» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета (возраст 17 – 19 лет). Уровень владения английским языком на момент тестирования – B1 – B2. Был разработан тест на способность к изучению иностранного языка, включающий две части. Психологическая часть содержала вопросы об академической успеваемости и самооценку личностных характеристик (любознательность, коммуникабельность, выносливость, мотивация, уверенность в себе). Данные самооценки в настоящей работе анализировались только как вспомогательные и не подвергались статистической обработке ввиду отсутствия обоснованной шкалы. Практическая часть состояла из 10 заданий, разработанных на основе анализа существующих тестов:

– задания 1 – 2 на механическую память;

– 3 и 7 на индукцию грамматических правил;

– 4 и 6 на грамотность на родном языке;

– 5 на музыкальный/фонетический слух;

– 8 – 9 на семантическую беглость (в качестве индикатора дивергентного мышления испытуемым необходимо было придумать максимальное количество способов использования карандаша и причин для изучения гренландского языка);

– 10 на связность речи.

При разработке теста не планировалось разделение на конвергентные и дивергентные субшкалы: задания 8 и 9 были включены как дополнительные для проверки креативности и мотивации, а выделение дивергентного

компонента произведено post-hoc, что накладывает ограничения на интерпретацию, но позволяет сформулировать гипотезы для дальнейших исследований. Важно отметить, что измерение дивергентности проводилось только по параметру «беглость» (количество предложенных идей), без учета их оригинальности, гибкости и разработанности, что является упрощением классической модели Дж. П. Гилфорда. Тестирование проводилось в офлайн формате, время выполнения – 60 минут.

Описательные статистики представлены в таблице 1. Общий процент правильных ответов варьируется от 49,78% до 77% (среднее – 64,3%). Показатель дивергентного мышления (сумма баллов за задания 8 и 9) варьируется от 5 до 16 баллов (среднее – 10,9).

Таблица 1

Результаты тестирования языковых способностей

Показатель	Среднее	Мин.	Макс.
Общий результат теста (%)	64,3	49,78	77,0
Дивергентное мышление (баллы)	10,9	5	16

Корреляционный анализ не выявил значимой линейной связи между показателями дивергентного мышления и общим результатом теста ($r = 0,21$; $p > 0,05$). Однако качественный анализ индивидуальных данных обнаружил устойчивый паттерн: выборка разделилась на группы в зависимости от сочетания уровня дивергентности и успешности выполнения теста (табл. 2).

Таблица 2

Распределение испытуемых по уровню дивергентности и успешности теста

Группа	Дивергентность	Результат теста	Количество
1	Высокая (≥13)	Высокий (≥70%)	6
2	Низкая (≤9)	Высокий (≥70%)	1
3	Высокая (≥13)	Низкий (≤60%)	2
4	Низкая (≤9)	Низкий (≤60%)	5
5	Средняя (10-12)	Разные	3

Отсутствие значимой линейной корреляции между дивергентностью и общим результатом теста ($r = 0,21$) согласуется с представлениями о дивергентном мышлении как о когнитивном стиле, а не как о компоненте способностей в узком смысле.

Выявленная гетерогенность выборки (наличие как успешных, так и неуспешных дивергентов) требует обращения к личностным факторам. Учитывая малый объем выборки, особый интерес представляют не столько количественные показатели, сколько качественные случаи (группа 3).

Можно предположить, что реализация дивергентного потенциала в условиях тестирования опосредована эмоционально-личностными характеристиками, в частности – уровнем нейротизма. Это согласуется с выводом Г.Ю. Айзенка о том, что высокий уровень психотизма (P) без достаточной силы эго может препятствовать успешной реализации творческих способностей [3, С. 236].

Испытуемые группы 3 (высокая дивергентность при низких тестовых результатах), предположительно, характеризуются повышенным уровнем нейротизма, что препятствует эффективной мобилизации когнитивных ресурсов в условиях тестирования. Напротив, в группе 1 (высокая дивергентность и высокие результаты) эмоциональная стабильность позволяет реализовать дивергентный потенциал. Однако подчеркнем, что данное предположение является гипотетическим, так как прямое измерение нейротизма в исследовании не проводилось.

Особого внимания заслуживает испытуемый из группы 2, продемонстрировавший максимальный результат теста (77%) при относительно невысокой дивергентности (8 баллов). Данный случай подтверждает, что конвергентные стратегии могут быть достаточны для успешного выполнения тестов MLAT-типа. Кроме того, это может косвенно указывать на возможную конвергентную направленность самого теста, в котором задания 1-7 и 10 составляют большинство и оценивают традиционные навыки.

Необходимо отметить ряд существенных ограничений: малый объем выборки (N=17), пилотный характер исследования, post-hoc выделение дивергентных заданий (изначально не планировавшееся), упрощенное измерение дивергентности (только по параметру «беглость»), отсутствие надежного личностного опросника для точного измерения нейротизма. Полученные результаты следует рассматривать как предварительные, требующие проверки на расширенной выборке с использованием стандартизированных психометрических инструментов (например, тестов Торренса и опросника Большой пятерки).

Проведенное исследование на выборке студентов-лингвистов показало, что дивергентное мышление не имеет прямой линейной связи с успешностью выполнения традиционных тестов языковых способностей ($r = 0{,}21$). Качественный анализ выявил гетерогенность выборки: наряду с испытуемыми, успешно реализующими дивергентный потенциал (группа 1), присутствуют высокодивергентные студенты, показавшие низкие результаты (2 человека, ≈12% выборки). Это позволяет предположить, что реализация дивергентного мышления в условиях тестирования опосредована личностными факторами, в частности уровнем нейротизма. Полученные данные подтверждают необходимость учета не только когнитивных, но и эмоционально-личностных характеристик при диагностике языковых способностей, однако для подтверждения этой гипотезы необходимы дальнейшие исследования с более строгим дизайном.

Перспективы исследования включают: (а) расширение выборки; (б) использование валидных личностных опросников (например, EPQ или NEO-FFI); (в) разработку дополнительных дивергентных заданий с оценкой не только беглости, но и оригинальности и гибкости мышления; (г) сравнение результатов теста с внешними критериями успешности (реальная коммуникативная компетенция).

Список использованной литературы

1. Modern Language Aptitude Test (MLAT) : [сайт]. – URL : https://lltf.net/aptitude-tests/language-aptitude-tests/ (дата обращения : 10.03.2026). – Текст : электронный.

2. Guilford J. P. New frontiers of testing in the discovery and development of human talent / J. P. Guilford. – Текст : непосредственный // Seventh Annual Western Regional Conference on Testing Problems. – Los Angeles, 1958. – С. 15-28.

3. Eysenck H. J. Creativity as a Product of Intelligence and Personality / H. J. Eysenck. – Текст : непосредственный // International Handbook of Personality and Intelligence. – 1995. – P. 231-247.

Акопян М. А., преподаватель,
Пятигорский государственный университет
Россия, Пятигорск
E-mail: mariannaA1999@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИЗНАК КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРАКЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье обосновывается категория ответственности как интегральный критерий классификации дискурсивных стратегий преподавателя в вузе. Показано, что ответственность структурирует университетскую педагогическую интеракцию в двух направлениях: управление интеллектуальной деятельностью студентов и регулирование социальной дистанции.

Ключевые слова: дискурс, педагогическая интеракция, ответственность, дискурсивная стратегия, университет, макростратегия, коммуникация.

Akopyan M. A., Lecturer,
Pyatigorsk State University
Russia, Pyatigorsk
E-mail: mariannaA1999@mail.ru

RESPONSIBILITY CATEGORY AS A FUNDAMENTAL CRITERION FOR CLASSIFYING DISCURSIVE STRATEGIES IN PEDAGOGICAL INTERACTION IN HIGHER EDUCATION

The article substantiates the category of responsibility as an integral criterion for classifying the discursive strategies employed by university teachers. It is shown that responsibility structures university pedagogical interaction in two directions: the management of students' intellectual activity and the regulation of social distance.

Keywords: discourse, pedagogical interaction, responsibility, discursive strategy, university, macrostrategy, communication.

Проблема классификации дискурсивных стратегий сохраняет актуальность в современной лингвистике, поскольку существующие типологии опираются на разнородные критерии – когнитивный, прагматический, риторический, семантический или диалогический. Продуктивность этих подходов не вызывает сомнений, однако каждый из них фиксирует лишь отдельный аспект речевого поведения и потому не всегда позволяет выявить единый системообразующий принцип. Подобная неоднородность описания стратегии как формы речевого поведения соотносится с общими наблюдениями о структуре речевого высказывания и его функциональной организации [1, С. 201-256]. Особенно отчетливо эта методологическая трудность проявляется в сфере университетской педагогической интеракции, где дискурс преподавателя одновременно выполняет информационную, регулятивную, аксиологическую и социально-организующую функции [2, С. 79-83].

В условиях высшего образования преподавательский дискурс представляет собой особый тип институционально обусловленного общения, в котором речевое воздействие направлено не только на передачу знаний, но и на организацию интеллектуальной активности студентов, контроль понимания, коррекцию ошибок, поддержание контакта и создание благоприятной коммуникативной среды. Следовательно, дискурсивные стратегии преподавателя не могут быть описаны только как средства влияния или способы диалогической организации. Их выбор и функционирование определяются более глубинным фактором, связанным со статусом преподавателя и с его профессионально-этической позицией. Таким фактором, на наш взгляд, выступает категория ответственности.

Ответственность в рамках педагогической интеракции следует понимать не в узко-нормативном, а в широком когнитивно-этическом и дискурсивно-институциональном смысле. Она включает осознание преподавателем своей роли, ориентацию на результат взаимодействия, понимание социальной значимости высказывания и учет последствий речевого воздействия. Иначе говоря, ответственность охватывает несколько взаимосвязанных планов: когнитивный, поскольку преподаватель соотносит речевые действия с

целями и задачами обучения; этический, поскольку его коммуникация регулируется нормами профессионального поведения; социальный, поскольку он действует в рамках институционально закрепленной роли; интерактивный, поскольку ответственность реализуется только в процессе общения; прагматический, поскольку речь ориентирована на достижение конкретного эффекта; психологический, поскольку она связана с эмоциональной регуляцией учебного процесса [3, С. 10-41].

Такое понимание позволяет рассматривать ответственность как категорию, которая не просто сопровождает педагогический дискурс, а организует его изнутри. Именно она определяет, какие речевые ходы выбирает преподаватель, как он структурирует объяснение, насколько категорично формулирует требования, каким образом корректирует студентов и как поддерживает коммуникативное равновесие. В этом смысле университетский дискурс может быть охарактеризован как зона повышенной дискурсивной ответственности.

Если исходить из категории ответственности, то в педагогической интеракции можно выделить два основных вектора преподавательской речевой деятельности. Первый связан с организацией интеллектуальной деятельности студентов. Преподаватель отвечает за отбор, подачу и концептуализацию материала, за его экспликацию, проверку понимания, коррекцию и закрепление. В рамках этого направления реализуется макростратегия управления интеллектуальной деятельностью студентов. Она включает стратегии введения и фокусирования нового знания, разъяснения, сопоставления, тематического контроля, проверки понимания и коррекции. Данный блок стратегий направлен на то, чтобы обеспечить движение студента от незнания к знанию, от фрагментарного восприятия к системному усвоению и от неустойчивого понимания к концептуальной ясности. Такая организация речевого воздействия соотносится с когнитивной природой стратегии как способа упорядочивания мыслительной деятельности адресата [2, С. 79-83].

Второй вектор связан с организацией социальной и межличностной дистанции. Педагогическое общение в вузе всегда обладает институциональной асимметрией: преподаватель должен сохранять профессиональный авторитет, но одновременно обеспечивать контактность, доброжелательность и психологическую приемлемость взаимодействия. Отсюда вытекает макростратегия управления социальной и межличностной дистанцией, в структуру которой входят стратегии установления контакта, поддержания доброжелательного взаимодействия, смягчения директивности, вежливого контроля, поощрения и сохранения институционального лица. В данном случае ответственность преподавателя проявляется как способность соотнести образовательную задачу с социально-психологическими условиями общения, не допуская коммуникативного давления и разрушения взаимодей-

ствия. Подобное понимание роли коммуникативной среды и межличностных отношений в организации речевого поведения согласуется с наблюдениями о психологической стороне коммуникации в организациях [3, С. 10-41].

Следует подчеркнуть, что обе макростратегии не существуют изолированно. В реальной педагогической коммуникации они взаимодействуют и часто реализуются одновременно. Например, объяснение нового материала может сопровождаться стратегией смягчения категоричности, а контроль понимания – стратегией поддержки и поощрения. Это означает, что ответственность преподавателя не сводится к отдельному речевому действию, а проявляется как постоянный принцип отбора и сочетания стратегий в зависимости от ситуации общения, уровня подготовленности студентов и характера учебной задачи. Иначе говоря, ответственность задаёт не только направление речевого поведения, но и меру допустимого воздействия, обеспечивая баланс между институциональной строгостью и коммуникативной гибкостью [4, С. 67-80].

Таким образом, категория ответственности позволяет объединить разнородные дискурсивные стратегии не по внешним формальным признакам, а по их функциональной соотнесенности с двумя базовыми направлениями преподавательской деятельности. Стратегии, направленные на объяснение, структурирование материала, проверку понимания и коррекцию, обслуживают ответственность за интеллектуальную организацию обучения. Стратегии, обеспечивающие контакт, регулирование дистанции, смягчение категоричности и создание благоприятной атмосферы, обслуживают ответственность за социально-психологическое качество интеракции.

Следовательно, ответственность выступает не частным, а системообразующим признаком классификации дискурсивных стратегий в педагогической интеракции высшей школы. Она объединяет когнитивный, этический, прагматический и интерактивный аспекты преподавательского дискурса и тем самым обеспечивает более целостное описание его стратегической организации. Данная перспектива представляется особенно продуктивной для анализа университетского общения, поскольку отражает его двуединую природу: с одной стороны, это инструмент познания, с другой – механизм институционального взаимодействия.

Список использованной литературы

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 256 с. – Текст : непосредственный.

2. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс. – Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. – 1999. – № 1. – С. 79-83.

3. Снетков В. М. Психология коммуникации в организациях : учебное пособие / В. М. Снетков. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2000. – 176 с. – Текст : непосредственный.
4. Кузнецов М. Как позволить другим делать по-вашему : речевые и поведенческие стратегии журналиста : учеб.-практ. пособие / М. Кузнецов, И. Цыкунов. – Москва : Приор, 1999. – 109 с. – Текст : непосредственный.

Хадынская А. А., канд. филол. наук, доцент,
Тимошенко М. А., обучающийся,
Сургутский государственный университет
Россия, г. Сургут
E-mail: opus2000@mail.ru
masha.timoshenko18@gmail.com

ПОЭЗИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО В РЕЦЕПЦИИ РОССИЙСКИХ РОК-ПОЭТОВ

В статье рассматривается рецепция поэзии В.В. Маяковского в лирике российских рок-поэтов. Рассматриваются различные варианты включенности текстов поэта XX века в современные тексты, выявляются особенности аллюзий на лирику Маяковского в зависимости от поэтических задач.

Ключевые слова: поэзия В.В. Маяковского, рок-поэзия, рецепция, аллюзия.

Khadinskaya A. A., Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Timoshenko M. A., student,
Surgut State University
Russia, Surgut
E-mail: opus2000@mail.ru
masha.timoshenko18@gmail.com

THE RECEPTION OF V. V. MAYAKOVSKY'S POETRY IN RUSSIAN ROCK POETS' WORKS

This article examines the reception of V. V. Mayakovsky's poetry in the works of Russian rock poets. It analyses the ways in which the texts of this twentieth-century poet are reworked and integrated into contemporary works, and identifies the specific features of allusions to Mayakovsky's poetry in relation to differing poetic aims.

Keywords: V. V. Mayakovsky's poetry, rock poets, reception, allusion.

Русская рок-поэзия представляет собой уникальное явление, органично соединившее музыкальную энергию западной рок-культуры и глубину отечественной литературной традиции. Возникнув в конце 1960-х – начале 1970-х годов XX века, она прошла сложный путь от подражательных англоязычных опытов до формирования самобытного художественного явления. К 1980-м годам рок-поэзия оформилась в полноценный культурный феномен, поэтические тексты стали предметом серьёзных литературоведческих изысканий, о чем свидетельствует, например, факт наличия спецкурса «Русскоязычная рок-поэзия» на филологическом факультете Московского государственного университета. Изучение отечественной рок-поэзии проводится в самых разных аспектах, но доминирующим остается комплексный, синтетический подход, рассматривающий художественный текст прежде всего, как песню, то есть как единство поэтического слова и музыки. Оставаясь «звучащей поэзией», где слово неразрывно связано с мелодией и личностью исполнителя, русская рок-поэзия продолжает привлекать внимание как учёных-гуманитариев, так и более широкой аудитории ценителей/любителей/фанатов, подтверждая свою значимость в культурном пространстве России. Среди исследователей, глубоко проникших в поэтику русской рок-поэзии, могут быть отмечены И. Кормильцев и О. Сурова [1], А.А. Щербенок [2], Ю. В. Доманский [3] и др.

Рок-культура – это социальный и художественный феномен, который глубоко затронул мировоззрение молодых творческих людей второй половины XX века в России. Доминирующий «образ молодости», нового поколения, решившего заявить о себе в условиях превалирующей «советской эстетики», позволил рок-культуре развить свою особую энергию свободы и максимализма в выражении своего мнения. Несмотря на явную декларацию новизны и «отстройки» от всего «советского», рок-поэзия с завидным постоянством обращалась к опыту русской классической литературы, использовала ее эстетические установки и достижения, чтобы «через голову советского» установить с ней контакт, продолжить литературную традицию.

Особую роль в формировании и развитии русской рок-поэзии сыграли обращения поэтов к творчеству авторов Серебряного века: А. Блоку, З. Гиппиус, С. Есенину, А. Ахматовой, Н. Гумилеву, О. Мандельштаму, Б. Пастернаку, М. Цветаевой, В. Хлебникову и др. Среди разнообразных поэтических течений привлекало в большинстве своем творчество футуристов их экспериментами в области поэтической ткани, приоритетом ритма, принципиально новым поэтическим языком. Одним из подобных идейных вдохновителей стал для рок-поэтов В.В. Маяковский – ярчайший представитель поэзии XX века, стоявший у истоков русского футуризма, «глашатай и главарь» новой литературы. Можно предположить, что в его бунтарстве, смелости и эпатажности рок-поэты видели сходство со своей эстетической позицией бунтарей и новаторов, создающих иную, андеграундную культуру.

Наше внимание привлекло творчество рок-группа «Сплин», которая в 2007 году в составе альбома «Раздвоение личности» выпустила песню «Маяк» [4], наполненную аллюзиями на знаменитое стихотворение В.В. Маяковского «Лиличка!». Как сообщил в интервью лидер группы Александр Васильев, песня словно родилась сама собой, столь были созвучны ему идеи поэта начала XX века: «…я начал читать под свои аккорды: совпало все один в один! Просто мистика. Я сижу и думаю: ни фига себе, песня нарисовалась из ничего» [5]. Как известно, Маяковский пишет о драматичной, неразделённой любви. Лирический герой испытывает всепоглощающую страсть, которая стала для него мукой. Его любовь сравнивается с «тяжкой гирей», висящей на возлюбленной. Герой не мыслит себя без объекта своей любви. Мир без нее теряет смысл и краски, что подчеркивается строками-параллелизмами: «Кроме любви твоей, мне нету моря», «Кроме любви твоей, мне нету солнца». Стихотворение тесно связано с реальными отношениями Маяковского и Лили Брик, которая не спешила хранить ему верность, что причиняло поэту сильную душевную боль. Музыка, написанная группой, звучит легко и непринуждённо, что создаёт контраст с уставшим голосом вокалиста и передаёт настроение стихотворения, в котором нежность и любовь, сплетается с тревогой и усталостью от невзаимных чувств.

Через год после «Сплина», 19 июля 2008 года, Владимир Рекшан в составе группы «Санкт-Петербург» выпускает песню «Наш марш» [6], также обращенную к стихам Маяковского. В ней мы находим аллюзии на три стихотворения Маяковского: «Ничего не понимают», «Наш марш» и знаменитого двустишия «Ешь ананасы…». В строфах рок-поэта перемежаются собственные и стихи Маяковского, создавая удивительный стихотворный узор. Припевы, собранные из второй, четвёртой и шестой строф «Нашего марша», создают ощущение радости и приподнятости (упоминаются *сердце, барабан, радуга, литавры, быстролетные кони, весна, радость* и т.п.). В куплетах из частей стихотворения «Ничего не понимают» и «Ешь ананасы…» лексика имеет противоположную эмоциональную окраску, она вызывает у читателя/слушателя скорее негативные эмоции (*сумасшедший, редиска, ругань, хихикать, толпа, день последний приходит* и т.п.). Вместе с тем, в складывающимся сюжете песни появляется конфликт (парикмахер и посетитель, буржуи и их противники). Из-за изменения порядка строф меняется смысл стихотворений. Если у Маяковского лексика припевов связана с советским образом жизни, а лексика куплетов – с буржуазным миром, то в современной трактовке Рекшана припевы ассоциируются у слушателей со счастьем, молодостью, свободой, куплеты же – с «тёмными» полосами человеческой жизни. Несмотря на существенное изменение смысла стихотворений, новая их трактовка и яркое музыкальное сопровождение держатся именно на эстетике Маяковского, его хлесткой экспериментальной рифме,

тоническому стиху и характерной лексике. По словам Н. Матвеевой, «Владимир Рекшан создаёт единый новый оригинальный целостный текст, сохраняя при этом присущий стихотворениям Владимира Маяковского характер» [7, С. 109].

Самой яркой и, если так можно выразиться, «агрессивной» песней с аллюзиями на лирику Владимира Маяковского, с нашей точки зрения, можно считать песню «Вам» глэм-панк группы «Последние танки в Париже» (дата выхода 7 апреля 2007 года). Музыкальная композиция вышла в составе альбома «Свобода слова», который позиционировался как обличительный сборник, поднимающий актуальные социальные, культурные и политические проблемы. Тематика альбома идейно отвечает главной теме оригинального стихотворения Владимира Маяковского – сатира на современную ему действительность. На момент его написания Россия терпела серьёзное поражение в Первой мировой войне, что раздражало Маяковского, отмечающего, что в такое время в стране полно людей, прожигающих свою жизнь, думающих не о высоких идеалах, а о мелких бытовых вопросах. Поэт использует громкие и даже оскорбительные эпитеты, подчёркивающие его сатирическое отношение к тем, о ком он пишет. Слушатели отмечают характерное, нарочито «неряшливое» исполнение этой песни бессменным вокалистом группы Константином Никоновым, которое отлично передаёт настроение оригинального произведения. Музыканты согласны с поэтом в осуждении праздности и безответственности «мелких людишек», и «гранжевое» звучание песни прекрасно сочетается с идеей Маяковского, который хотел, чтобы его услышали, чтобы ситуация в стране изменилась, а самое главное, чтобы изменились люди.

Сопоставляя песни рок-поэтов, написанные под влиянием лирики В.В. Маяковского, можно заметить, что авторы по-разному используют оригинальный текст поэта XX века. Группа «Сплин» актуализирует лирическую линию в поэзии Маяковского, его трактовку любви как самого сильного чувства в жизни человека. Группа «Сплин» использует стихи Маяковского как своеобразный «цитатник», и центонная техника рождает экспериментальный новый текст, словно повторяя опыт самого Маяковского времен футуризма. Группа «Последние танки в Париже» обращается к сатирическому наследию поэта, социальному потенциалу его лирики, находя в ней созвучие современной ситуации. Рецепция поэзии Маяковского в текстах российских рок-поэтов оказывается знаком времени: с одной стороны, в его лирике они находят ответы на вопросы и запросы своей жизни, с другой – осуществляют ту самую «связь времен», продолжают традицию великой русской литературы, для которой главным всегда было Слово поэта миру.

Список использованной литературы

1. Кормильцев И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция / И. Кормильцев, О. Сурова. – Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия : текст и контекст. – 1998 – № 1 – С. 5-33.
2. Щербенок А. В. Слово в русском роке / А. В. Щебенок– Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия : текст и контекст. – 1999 – № 2 – С. 3-9.
3. Доманский Ю. В. Русская рок-поэзия : проблемы и пути изучения / Ю. В. Доманский. – Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия : текст и контекст. – 1999 – № 2 – С. 26-38.
4. Новости музыки – Русский рок – музыкальные новости, рецензии, группы : [сайт]. – URL : https://reproduktor.net/gruppa-splin/mayak/ (дата обращения : 21.03.2026). – Текст : электронный.
5. «Я панк, но в душе». Интервью с Александром Васильевым. Сетевое издание «Timeout» : [сайт]. – URL : https://www.timeout.ru/msk/feature/1073 (дата обращения: 21.03.2026). – Текст : электронный.
6. Владимир Рекшан и группа «Санкт-Петербург» : [сайт]. – URL : http://rekshan.ru/diskografiya/ (дата обращения : 21.03.2026). – Текст : электронный.
7. Матвеева Н. М. Стихотворения Владимира Маяковского в песне Владимира Рекшана «Парикмахер / Н. М. Матвеева. – Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия : текст и контекст. – 2011. – № 12. – С. 104-110.

Мандик В. А., канд. филол. наук, доц.,
старший научный сотрудник,
Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: vieron9@mail.ru

ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ АССИМИЛЯЦИОННОЙ МЯГКОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНЕНИИ С ЛИТЕРАТУРНЫМ)

Статья посвящена анализу ассимиляционной мягкости согласных в белорусском диалектном языке в сравнении с литературным. Материалом исследования послужили архивные записи в фонетической транскрипции, сделанные на белорусской диалектной территории. Выявлены факторы, влияющие на распространенность ассимиляционной мягкости в диалектном языке. Эти факторы связаны с разными уровнями языка: лексическим, грамматическим, фонетическим, словообразовательным.

Ключевые слова: диалектная фонетика, литературная норма, консонантизм, ассимиляция, смягчение согласных.

Mandik V. A., Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Senior Researcher,
Center for Research of Belarusian Culture, Language and
Literature of the National Academy of Sciences of Belarus,
Belarus, Minsk
E-mail: vieron9@mail.ru

FACTORS INFLUENCING THE PREVALENCE OF ASSIMILATION SOFTNESS IN THE BELARUSIAN DIALECT LANGUAGE (COMPARED TO THE LITERARY LANGUAGE)

This article examines the assimilatory softness of consonants in the Belarusian dialectal language compared to the literary language. The study is based on archival recordings in phonetic transcription made in the Belarusian dialectal area. The analysis identifies factors contributing to the prevalence of assimilative softness in the dialectal language, which are associated with different linguistic levels: lexical, grammatical, phonetic, and word-formation.

Keywords: dialectal phonetics, literary norm, consonantism, assimilation, consonant softening.

Фонетический аспект белорусских говоров спорадически или более подробно представлен в региональных и национальных атласах, диалектных словарях, монографических трудах [1, 2, 3 и др.]. Ученые уделяют пристальное внимание специфике вокализма, а также тем особенностям консонантизма, которые отличают звучание диалектного слова от литературного (регрессивные ассимиляция и диссимиляция, метатеза, эпентеза). Не менее важно, на наш взгляд, изучать явления, одинаково характерные для обеих форм белорусской речи – литературной и диалектной. К таким консонантным явлениям относится ассимиляционное смягчение согласных – особенность, во многом определяющая фонетическое звучание белорусского слова.

Под влияние последующих мягких согласных как в литературном, так и в диалектном белорусском языке подпадают звуки [з], [с], [дз], [ц], [н]. Так, например, свистящие [з] и [с] смягчаются в литературном языке в начале слов и на стыке морфем: *бя[з’з’]ейна[с’ц’] (бяздзейнасць)*, *бярэ[з’н’]ік (бярэзнік)*, *бя[с’п’]ека (бяспека)*, *[с’н’]іць (сніць)*, *[с’п’]явак (спявак)*, *[с’п’]інны (спінны)*. Твердая реализация возможна только в качестве узуального, но не нормативного варианта. Нормативным признается лишь отсутствие ассимиляционного смягчения на сандхиальных границах: *прэ[зб’]юлетэнь (прэс-бюлетэнь)*, *бізне[здз’]ейнасць (бізнес-дзейнасць)* [4]. В диалектном языке вариантность реализации смягчения согласных имеет более широкий характер, что обусловлено рядом факторов, о которых пойдет речь в данной статье.

Материалом исследования послужили белорусские архивные записи, полученные в результате реализации проекта «Общеславянский лингвистический атлас» в соответствии с «Вопросником общеславянского лингвистического атласа» [5]. Эти материалы отражают орфоэпические особенности живой диалектной речи в той форме, в которой она существовала во второй половине прошлого века. Вопросник не имеет отдельного раздела, посвященного процессам ассимиляции. Однако ответы на вопросы других разделов (лексико-тематического, грамматического) позволяют отобрать слова и словоформы, фонетическая структура которых подразумевает возникновение ассимиляции по мягкости. Рассмотрим факторы, влияющие на распространенность этого явления в белорусской диалектной речи.

Специфика развития лексических наименований на белорусской диалектной территории.

Данный фактор проявляется в том, что на белорусском диалектном пространстве развились лексические единицы с корнем, отличным от праславянской реконструкции. И в этих единицах фиксируется ассимиляционная мягкость. Например, на вопрос 114 (ǫsenica – гусеница – gąsienica) в пункте 327 дан ответ *čыrˈv’ak’i k’ipu**s’ˈc’a**nы̯a*, который демонстрирует консонантное сочетание [s’c’]; на вопрос 1420 (‘сказка’) – не только *ˈskaska*, но и *ˈba**s’n’a*** (сочетание [s’n’]); на вопрос 1965 (‘пугливый’ – plašljiv, płochliwy) не только *pužˈl’ivы̯i*, но и *bы̯i**a**z’ˈl’i**v**ы̯i* (сочетание [z’l’]).

Особенности развития фонетического оформления лексем на белорусской территории.

В результате развития белорусского диалектного языка во многих лексемах возникли консонантные сочетания с последующим мягким согласным, хотя в праславянских реконструкциях эти звуки были твердыми. Таким образом возникли условия для реализации ассимиляционной мягкости. Так, на вопрос 174 (stьrva – strvina) в п. 328 зафиксирован ответ *ˈ**s’c’erva***, который иллюстрирует функционирование консонантного сочетания [s’c’].

Ответы на вопрос 566 (‘валик земли, откладываемый плугом’ – пласт – razor – brazda – skiba) демонстрируют значительное лексическое разнообразие в обозначении данного понятия (328 – pl’iˈta, 330 – byryzˈna, 335 – plast и др.). При этом вариант skiba часто реализуется с ассимиляционным смягчением [s] перед [k’], хотя такое явление не характерно для белорусского литературного языка. На это обстоятельство обращал внимание еще в начале прошлого столетия Б. Тарашкевич: «Перед мягкими согласными *з, с, ц, дз* смягчаются: *зьняць, сьляза, цьвіцець, дзьве* и т. д. Только перед ***г, к, х*** они не изменяются: *згінуць, схіліць, скінуць* и т. д.» [6, С. 55]. Проанализированный материал показывает, что вариант с умягчением (*ˈ**s’k’iba***) употреблен в пп. 327, 332, 334, 340, 381 (северо-восточные говоры), 337–339, 346, 347, 357 (среднебелорусские), 345, 354, 355 (юго-западные); без умягчения (*ˈ**sk’iba***) – в пп. 358, 368, 387

(среднебелорусские), 396, 400 (юго-западные), 384 (белорусский западнополесский тип). Надо полагать, это объясняется не только фонетическими, но и грамматическими факторами: в корневой морфеме смягчение свистящего происходит даже перед мягким заднеязычным, в то время как на стыке морфем (*скінуць, конскі*) такое явление либо вовсе не наблюдается, либо встречается спорадически.

Сосуществование грамматических, лексических, фонетических и словообразовательных вариантов слова на одной диалектной территории.

Благодаря действию этого фактора значительно расширяются возможности реализации ассимиляционной мягкости. Так, только в п. 327 вопрос 721 (‘узкая пешеходная дорожка, протоптанная в поле или в лесу’) иллюстрируется вариантами *ˈs’c’ešk**a*** и ***s’c’a**ˈžarka*; вопрос 849 (Npl gvozdь) – ***c’v’a**ˈk’i* и *ˈhvo**z’ʒ’i***); вопрос 1501 (tis(k)netъ) – *ˈc’i**s’n’i**c’* и *ˈ**s’c’i**s’n’ic’*; вопрос 2707 (dъva na desęte – двенадцать, dvadeset, dwadzieścia) – *dva ˈnacac’* и ***ʒ’v’i**ˈпасыс*. Ответами на вопрос 1976 (‘человек, который любит хвалиться’ – хвастун, hvaldžija, hvalisavac, samochvał) послужили суффиксальные дериваты *xva**s’**ˈc’el’*** и *xva**s’c’a**ˈl’uha***. Здесь условия для ассимиляционной мягкости возникли именно благодаря данным суффиксам.

Существование специфических грамматических форм.

Зачастую условия для проявления ассимиляционной мягкости возникают лишь в определенной грамматической форме слова. Например, формы 2-го лица множественного числа будущего времени глагола *даць* (*da**s’**ˈc’io***), множественного числа родительного падежа существительного *сястра* (*s’a**s’**ˈc’or***) иллюстрируют умягчение в сочетании [s] + [c’]; форма 2-го лица множественного числа повелительного наклонения глагола *падвінуць* (*paˈʒ’v’i**n’c’e***) – в сочетании [n] + [c’].

Проанализированный материал в некоторой степени позволяет проследить реализацию смягчения в сочетании [n] + [c’]. В литературном языке ассимиляционная мягкость [н] трактуется как вариантная, А. И. Подлужный отмечал, что «ассимиляционную мягкость *нь* на письме никогда не передавали» [7, С. 8]. Но некоторые исследователи придерживаются позиции последовательного умягчения [8, С. 182]. В диалектном языке на примере лексемы *лянцяй*, имеющей много лексических дублетов (327 – hulˈ’tˈaį̣ // l’anˈ’cˈaį̣, 329 – ɣulˈ’tˈaį̣ // ˈłodyr, 344 – hulˈ’tˈaį̣ // l’aˈn’ux // ab’iˈbok, 381 – l’inˈ’cˈaį̣ // hulˈ’tˈaį̣ // ˈłodыr’ // l’iżaˈbok), видим, что также наблюдается тенденция к вариантному умягчению [н] в сочетании [n] + [c’]. Так, реализации с мягким [n’] (327, 338, 357, 388 – l’anˈ’cˈaį̣, 381, 393 – l’inˈ’cˈaį̣, 371 – l’inˈ’tˈaį̣) сосуществуют с твердыми вариантами согласного (349, 350 – l’inˈcˈaį̣, 389, 390, 400 – l’enˈcˈaį̣). Эти сведения говорят в пользу обоснованности закрепления вариантного произношения и в литературном языке.

Таким образом, многообразие диалектных языковых репрезентаций на лексическом, грамматическом, фонетическом, словообразовательном

уровнях создает более широкие (по сравнению с литературным языком) возможности для реализации ассимиляционной мягкости согласных. Обобщение этих позиций позволяет уточнять и обосновывать орфоэпические нормы белорусского литературного языка.

Список использованной литературы

1. Аванесаў Р. І. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / Р. І. Аванесаў, К. К. Крапіва, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : АН БССР, 1963. – 976 с. – Текст : непосредственный.
2. Бурлыка В. Р. Вусная беларуская мова / В. Р. Бурлыка, І. Р. Бурлыка, Л. Ц. Выгонная [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 270 с. – Текст : непосредственный.
3. Клімчук Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: Фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 127 с. – Текст : непосредственный.
4. Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы / В. П. Русак, Ю. С. Гецэвіч, С. І. Лысы, В. А. Мандзік. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 757 с. – Текст : непосредственный.
5. Авесов А. И. Вопросник общеславянского лингвистического атласа / А. И. Аванесов. – Москва : Наука, 1965. – 270 с. – Текст : непосредственный.
6. Тарашкевіч Б. А. Беларуская граматыка для школ / Б. А. Тарашкевіч. – Вільня : Друк. М. Кухты, 1918. – 76 с. – Текст : непосредственный.
7. Падлужны А. І. Мяккія зычныя ў беларускай мове / А. І. Падлужны. – Текст : непосредственный // Беларуская лінгвістыка. – 1994. – № 44. – С. 3-12.
8. Выгонная Л. Ц. Спалучэнні гукаў у межах слова / Л. Ц. Выгонная. – Текст : непосредственный // Фанетыка беларускай літаратурнай мовы. –1989. – С. 142-224.

Никитина Н. Е., канд. филологических наук,
Сивак М. Ю., обучающийся,
Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Республика Беларусь, г. Брест
E-mail: msivak1503@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ «КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ» Р. КИПЛИНГА

В статье анализируются трансформации видо-временных форм глагола при переводе художественного текста «Книги джунглей» Р. Киплинга на русский язык. Выявлены и классифицированы основные типы преобразований, определена их частотность. Охарактеризована переводческая стратегия, обусловленная типологическими различиями языков.

Ключевые слова: видо-временные формы глагола, художественный перевод, Р. Киплинг, Н. Дарузес, переводческие трансформации.

Nikitina N. E., Ph. D. in Philology,
Sivak M. Y., student,
Brest State University named after A. S. Pushkin,
Belarus, Brest
E-mail: msivak1503@gmail.com

THE RELATIONSHIP OF VERB ASPECT AND TENSE FORMS IN THE TRANSLATION OF R. KIPLING'S "THE JUNGLE BOOK"

The article analyzes the transformations of verb aspect and tense forms in the translation of R. Kipling's "The Jungle Book" into Russian. The main types of transformations are identified and classified, and their frequency is determined. The translation strategy, conditioned by the typological differences between the languages, is characterized.

Keywords: verb aspect and tense forms, literary translation, R. Kipling, N. Daruzes, translation transformations.

Проблема соотношения видо-временных форм глагола при переводе с английского языка на русский традиционно привлекает внимание исследователей в силу глубинных типологических различий между двумя языковыми системами. Английский язык, обладающий разветвленной аналитической системой времен, передает широкий спектр временных отношений и оттенков протекания действия через формальные видо-временные показатели, тогда как русский язык выражает аналогичные значения преимущественно через оппозицию совершенного и несовершенного вида в сочетании с контекстуальными и лексическими средствами. В художественном переводе данная проблема приобретает особую остроту, поскольку адекватная передача временной перспективы и характера действия непосредственно влияет на сохранение стилистического своеобразия оригинала, его ритмико-интонационного рисунка и эстетического воздействия на читателя.

Связь грамматических свойств русского и английского языков обусловлена их общим происхождением из индоевропейской языковой семьи. Однако различия в принципах построения грамматики, обусловленные принадлежностью каждого языка к различным грамматическим группам, приводят к значительным отличиям в грамматической структуре, таким как наличие уникальных грамматических категорий: артиклей в английском языке и деепричастия в русском; полное согласование глаголов и существительных в русском и строгий порядок слов в английском языке [1, С. 6].

На практике грамматические трансформации при переводе часто тесно связаны с лексическими. Нередко изменение синтаксической структуры обусловлено именно лексическими соображениями, поскольку для точной передачи смысла требуется тщательный подбор слов. Как показывает практика, успех перевода во многом зависит от удачного выбора грамматической

формы языка, например, замена существительного в английском языке глаголом в русском может привести к полной перестройке предложения. Тем не менее, и с практической, и с теоретической точки зрения полезно рассматривать грамматические преобразования отдельно, в известной степени абстрагируясь от конкретной лексики [2, С. 76].

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации основных типов трансформаций видо-временных форм глагола при переводе «Книги джунглей» Р. Киплинга, выполненном Н. Дарузес. Актуальность исследования определяется необходимостью систематизации закономерностей передачи английских видо-временных форм при переводе на русский язык в условиях отсутствия прямых грамматических соответствий. Особый интерес представляет анализ переводческой стратегии Н. Дарузес – признанного мастера художественного перевода, чьи работы до настоящего времени не становились объектом детального лингвистического анализа в аспекте видо-временных трансформаций.

Материалом исследования послужили 147 пар глагольных эквивалентов, отобранных методом сплошной выборки из «Книги джунглей» Р. Киплинга и ее перевода на русский язык. Проведенный анализ позволил выявить две основные группы трансформаций: преобразования, связанные с категорией вида (132 случая), и преобразования, связанные с категорией времени (36 случаев).

Категория вида в русском языке выступает основным средством передачи характера протекания действия, закодированного в английских временных формах. Анализ показывает, что переводчик изначально выбирает подходящую видовую форму, исходя из интерпретации семантики действия в контексте.

Наиболее частотной моделью (84 случая) является передача английского Past Simple русским глаголом совершенного вида (далее – СВ) в прошедшем времени. Данная модель используется для обозначения единичных, завершенных действий, следующих друг за другом в хронологической последовательности. Так, в оригинале текста мы наблюдаем цепочку глаголов СВ, создающую динамичную картину пробуждения животного: *Father Wolf* ***woke up*** (букв. ‘проснулся’) *from his day’s rest,* ***scratched*** (букв. ‘поцарапал’) *himself,* ***yawne*** (букв. ‘зевнул’)…. → *Отец Волк* ***проснулся*** *после дневного отдыха,* ***зевнул, почесался***…. Выбор СВ здесь не случаен – он позволяет сохранить линию повествования, подчеркнуть смену действий и их результативность.

Характерно, что даже при описании сложных, составных действий переводчик последовательно использует СВ: *He* ***scuttled*** (букв. ‘поспешно отбежал’) *to the back of the cave, where he* ***found*** (букв. ‘нашел’) *the bone of a buck with some meat on it, and* ***sat*** (букв. ‘сел’) *cracking the end merrily.* → *Он* ***прокрался*** *в глубину пещеры,* ***нашел*** *оленью кость с остатками мяса и, очень довольный,* ***уселся****, с треском разгрызая эту кость*. Здесь все глаголы,

передающие последовательные действия шакала, создают четкую, ритмичную картину событий.

Второй по частотности моделью (41 случай) является передача Past Simple русским глаголом несовершенного вида (далее – НСВ) в прошедшем времени. Данная модель используется преимущественно для описания состояний, длительных процессов, фоновых действий или повторяющихся явлений. Например: *Mother Wolf* ***lay*** (букв. ‘лежит’) *with her big gray nose dropped across her four cubs... → Волчица Мать* ***лежала****, прикрыв своей большой серой мордой четверых волчат…*

В 7 случаях наблюдалась передача конструкций с модальностью соответствующими формами с сохранением или изменением вида: *Indeed, indeed, I* ***might have remembered*** (букв. ‘мог бы вспомнить’) *that the children of kings are men from the beginning. → Правда, правда,* ***мне бы следовало помнить****, что царские дети с самых первых дней уже взрослые*. Здесь модальный глагол *might* в сочетании с перфектным инфинитивом передан русским глаголом условного наклонения с частицей *бы* и инфинитивом НСВ.

Трансформации **категории времени** носят вторичный и подчиненный характер по отношению к выбору вида, однако их анализ позволяет выявить важные закономерности адаптации английского текста к русской грамматической норме.

Наиболее частотной временной трансформацией (15 случаев) является замена настоящего времени в прямой или косвенной речи на будущее время в переводе: “*I* ***go*** (букв. ‘иду’)” *– said Tabaqui, quietly. → Я* ***уйду****, – спокойно ответил Табаки.*

Противоположная тенденция – сохранение настоящего времени в косвенной речи (9 случаев) – также представлена в переводе. Например: *They* ***say*** (букв. ‘говорят’) *too – and it is true – that man-eaters become mangy, and lose their teeth. → Они* ***говорят*** *также – и это правда, – что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы*.

Упрощение сложных аналитических форм (7 случаев) представляет собой еще одну важную группу трансформаций. Past Perfect, Future-in-the-Past и другие сложные времена, не имеющие прямых аналогов в русском языке, передаются простыми формами: *The whine* ***had changed*** (букв. ‘изменился’) *to a sort of humming purr that seemed to come from every quarter of the compass. → Рев* ***перешел*** *в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом.*

В 4 случаях наблюдалась передача будущего времени формами с модальным оттенком или настоящим временем в контексте угрозы, обещания или общего правила: *...soon the day comes when he* ***cannot*** (букв. ‘не может’) *kill his buck, and then he will be leader no more. → Скоро настанет день, когда он* ***не сможет*** *убить буйвола, и тогда уже не будет вожаком.*

Особый интерес представляет случай, когда переводчик отступает от прямого следования оригиналу и вносит дополнительные смысловые нюансы через выбор видовой формы: *Mother Wolf* ***shook*** (букв. ‘встряхнулась’) *herself clear of the cubs and sprang forward… → Волчица Мать,* ***стряхнув*** *с себя волчат, прыгнула вперед...* Глагол *shook* передан деепричастием *стряхнув*, что подчеркивает резкость, отномоментность действия, тогда как возможный вариант НСВ *стряхивала* сместил бы акцент на процесс.

Таким образом, Н. Дарузес не осуществляет прямую подмену английских временных форм русскими эквивалентами, а заново выстраивает глагольную систему повествования на русском языке. Все преобразования носят системный, семантически обусловленный характер и продиктованы не субъективным мнением переводчика, а объективными различиями в грамматическом строе двух языков. Категория вида используется как основной инструмент для передачи характера протекания действия, в то время как синтаксическое упрощение временных конструкций служит способом достижения естественности, плавности и стилистической адекватности текста.

Список использованной литературы

1. Аликина Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода / Е. В. Аликина. – Москва : Восточная книга, 2010. – 192 с. – Текст : непосредственный.

2. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – Москва : Международные отношения, 1974. – 216 с. – Текст : непосредственный.

Филипенко Д. В., обучающийся,
Научный руководитель: Гулицкая Т. П., старший преподаватель,
Белорусский государственный
технологический университет,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: filipenkodiana43@gmail.com
hulickaya@yandex.ru

СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЦИКЛЕ «ЧАСТЬ РЕЧИ» И. А. БРОДСКОГО

В статье анализируются средства художественной выразительности цикла «Часть речи» И. Бродского и их роль как инструмента автора для создания образности и эмоционального воздействия на читателя.

Ключевые слова: средства художественной выразительности, тропы, стилистические фигуры, образность, эмоциональное воздействие.

Filipenko D. V., student,
Supervisor: Hulitskaya T. P., lecturer,
Belarusian State Technological University,
Republic of Belarus, Minsk
E-mail: filipenkodiana43@gmail.com
hulickaya@yandex.ru

MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION IN THE CYCLE "PART OF SPEECH" BY I. A. BRODSKY

This article analyzes the artistic means of expression in I. Brodsky's "Part of Speech" cycle and their role as the author's tool for creating imagery and emotional impact on the reader.

Keywords: artistic means of expression, tropes, stylistic figures, imagery, emotional impact.

Цикл И.А. Бродского «Часть речи» был опубликован в США на русском языке в 1977 году, а уже через три года, в 1980-м, там же вышла его английская версия-автоперевод. Цикл, состоящий из 20-ти стихотворений, рассматривается многими литературоведами как единый сверхтекст. Л. Лосев отмечает глубокую продуманность композиции и особую амбивалентность смыслов, где конкретные реалии переосмысливаются через экзистенциальные мотивы [1]. В. Полухина подчеркивает, что «порождение образа поэмы» внутри циклической структуры позволяет считать «Часть речи» поэмой, что дает возможность проследить трансформацию состояния героя от потерянности и растворенности в любви до попытки обуздать чувства через иронию и контроль стиля [2].

Вместе с тем, именно анализ совокупности тропов, стилистических фигур, фонетических приемов и синтаксических конструкций позволяет рассмотреть специфику формирования художественного замысла в знаковом для И. Бродского произведении. Для более глубокого понимания уточним, что «Часть речи» представляет собой «дневник» человека, пытающегося порвать связь с прошлым. Главные мотивы – одиночество, время, разлука с родиной, смерть и предназначение поэта, сводящаяся к его Слову [3].

В каждом стихотворении-миниатюре Иосиф Александрович раскрывает определенные переживания лирического героя как раз-таки с помощью средств художественной выразительности, отыгрывающих в контексте данного произведения определенную роль.

Эпитеты у Бродского лишены излишней теплоты и сентиментальности. Его определения часто направлены на фиксацию точного свойства, детали, которая может показаться незначительной, но несет в себе смысловую нагрузку. Например, атмосфера холодности, отчужденности, созерцательности, некоторой мертвенности мира отражается именно эпитетами:

«*безумное зеркало», «обагренный князь», «колючий снег», «цинковые волны», «блеклый голос», «щербатая изгородь», «чугунный лес»* [4].

В цикле «Часть речи» сравнения нацелены вызвать глубокое физическое ощущение боли и утраты. Они носят телесный, осязаемый характер, иногда доходящий до гротеска: «*Я любил тебя больше, чем ангелов и самого», «Лист …падающий, как обагренный князь», «Человек страшней, чем его скелет», «Тело покоится на локте, как морена вне ледника», «перекрученные канаты хлещут спины холмов, точно лопатки в бане», «Средиземное море шевелится за огрызками колоннады, как соленый язык за выбитыми зубами», «лающая собака вылетает из подворотни, как скомканная бумага»* [4]. Таким образом автор передает свое отношение, подчёркивает скрытые особенности предметов и создает яркие ассоциации.

Бродский уравнивает предмет и человека, или даже делает последнего менее одушевленным, чем окружающий мир. Именно олицетворение неживых предметов, явлений позволяет подчеркнуть одиночество, отчуждение, ощущение себя «вещью» в мире вещей: *«Север крошит металл, но щадит стекло», «Холод меня воспитал и вложил перо в пальцы», «Взгляд оставляет на вещи след», «В деревянных вещах замерзая в поле, по прохожим себя узнают дома», «Голос старается удержать слова, взвизгнув, в пределах смысла»* [4]. Одушевленные объекты часто становятся «зеркалом» внутреннего мира лирического героя.

Поэт в цикле «Часть речи» прямым, банальным названиям предпочитает более сложные, «отстраненные» описания. Читатель понимает, что за витееватым *«Вас приветствует с одного из пяти континентов, держащегося на ковбоях»,* скрывается образ Америки; Ленинград как место рождения поэта – это балтийские болота: *«Я родился и вырос в балтийских болотах»*; *«За огрызками колоннады»* – образ руин.

Гипербола у Бродского – это не просто преувеличение ради яркости, а способ подчеркнуть грандиозность или, наоборот, ничтожность явления: *«…всю-то ты проехал вселенную, дальше вроде нет страницы податься в живой природе», «С точки зрения воздуха, край земли всюду», «за морями, которым конца и края»* [4].

В цикле обращения не прямолинейно-эмоциональные, как в классической лирике. Адресат Иосифа Александровича – кто-то, кого уже нет рядом, или к кому в принципе нет возможности обратиться: *«…дорогой, уважаемый, милая, но неважно даже кто, ибо черт лица, говоря откровенно, не вспомнить»* [4]. Размышления о природе собственного искусства, его «немоте» и тяжести нашло художественно воплощение в обращении «*Тихотворение мое, мое немое»* [4]. Именно обращения к отсутствующим или безмолвным объектам еще сильнее концентрируют тему одиночества и невозможность полноценного общения, явно недостаточного Бродскому в эмиграции.

Эмиграция – жизнь «вне места». Для поэта в изгнании мир «треснувший», больше не являющийся цельным – он «здесь» (физически в Америке или Европе) и «там» (ментально в России). Поэтому единственным способом описать этот раскол, раздвоение представляется с помощью оксюморона – совмещения несовместимого. Именно такое столкновение противоположностей позволяет Бродскому выразить тонкие, в то же время амбивалентные чувства. Приведем несколько примеров: *«…пышный куст шиповника сдерживая, но крича жимолостью, не разжимая уст», «На пустой голове бриз шевелит ботву», «…зажмурившись от слепящего солнечного луча, видишь внезапно мучнистую щеку клерка»* [4]. Так автор избегает одномерности стихотворений, формирует многогранную реальность, где добро и зло, бытие и небытие, тепло и холод постоянно перетекают друг в друга.

Безусловно, одним из ключевых, если не самым главным, средством художественной выразительности являются метафоры. Название цикла «Часть речи» само по себе метафора, под которой понимается поэт, являющийся не самостоятельным, свободным существом, а элементом языка. Бродский использует метафору, чтобы «сломать» привычное восприятие вещей, а затем собрать их заново, в ином, неожиданном для читателя контексте. Они также придают ощущение отстраненности. Среди тропов в цикле преобладают сравнения, олицетворения и метафоры. Это можно объяснить характерным для творчества Бродского «принципом потока», в который читатель погружается через нагнетание интонации, создание хаоса при перечислении большого количества ситуаций и предметов.

Среди фигур речи можно выделить антитезу и инверсию. Резкое противопоставление понятий или состояний через антитезу, яркий контраст позволяют автору выделить ключевые идеи и создать структуру произведения. Бродский строит образы через столкновение противоположностей, причем не явное, а прослеживающееся в ходе чтения цикла. Присутствие сопоставляется с пустотой («*И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли да пустое место, где мы любили»*), тепло с холодом («*Холод меня воспитал и вложил перо в пальцы, чтоб их согреть в горсти /Замерзая, я вижу… Это – ряд наблюдений. В углу – тепло»*), настоящее с будущим *(«Я не то что схожу с ума, но устал за лето. Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла все это…/За сегодняшним днем стоит неподвижно завтра, как сказуемое за подлежащи»*) [4]. Контраст усиливает чувство безысходности, иронии, абсурда.

Инверсия используется И. Бродским для придания особой выразительности, эмоциональности и смыслового акцента. Обратный порядок слов выделяет ключевые моменты, создает ритмичность, вносит в текст динамичность, архаичный оттенок, иногда имитирует разговорную речь: *«…по прохожим себя узнают дома», «С мыса налетают порывы резкого ветра», «…на столетнем каштане оплывают тугие свечи*» [4].

Несовпадение интонационно-фразового членения в стихотворении с метрическим членением, где фраза (или её часть, составляющая цельное синтаксическое сочетание), начатая в одном стихе, переносится в следующий, то есть часть предложения переносится в другую строку или анжамбеман – одно из определяющих и узнаваемых средств художественной выразительности в творчестве Иосифа Бродского в целом.

В цикле фраза, перетекающая из строки в строку, создает впечатление непрерывной, спонтанной, идущей из глубины мысли или чувства речи, своеобразного монолога, тем самым имитируя естественный ход размышлений, когда одна мысль цепляется за другую.

Ключевым элементом звукописи в цикле «Часть речи» является аллитерация. Повторяя согласные звуки, автор усиливает эмоциональность, придает тексту музыкальность и ритм, а также создает яркие акустические образы. Например, шипящие и свистящие *[с], [ш], [щ]* имитируют звуки природы, а именно шорох снега, свист ветра и скрежет льда: *«Север крошит металл, но щадит стекло».* И. Бродский прибегает к твердым, «металлическим» согласным, чтобы подчеркнуть жесткость мира и осязаемость слов. Например, аллитерация на *[к]* в строке *«…то ли по льду каблук скользит, то ли сама земля закругляется под каблуком»* создает эффект размеренного стука по льду. Аллитерация здесь акцентирует не мелодичность, а раздробленность существования, в то время как повторяющиеся согласные и анжамбеманы создают прерывистый, рваный ритм.

Бродский мастерски преобразует привычные образы, смешивая повседневность с философскими размышлениями, что придает его стихам неожиданную глубину и многогранность, отражая запутанность человеческого существования. Его уникальный стиль создает эффект потока мысли, передавая внутреннее напряжение. Поэт активно использует отсылки к мифологии, религии, литературе и истории, обогащая свои произведения и вступая в диалог с вечными вопросами. Скрытая ирония позволяет ему избежать излишней патетики, предлагая трезвый и отстраненный взгляд на мир. В результате, в цикле «Часть речи» с помощью средств художественной выразительности И. Бродский формирует собственную модель мира, в которой лирический герой пытается преодолеть экзистенциальное одиночество посредством языка: «от всего человека вам остается часть речи. Часть речи вообще. Часть речи».

Список использованной литературы

1. Лосев Л. В. Иосиф Бродский : опыт литературной биографии / Л. Лосев. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 446 с. – Текст : непосредственный.

2. Полухина В. П. Словарь тропов Бродского : (на материале сборника «Часть речи») / В. П. Полухина, Ю. Пярли. – Тарту : Тартуский университет, 1995. – 342 с. – Текст : непосредственный.

3. Рувики Часть речи (цикл стихотворений) : [сайт]. – URL : https://ru.ru-wiki.ru/wiki (дата обращения : 28.02.2026). – Текст : электронный.
4. Иосиф Бродский : Полное собрание сочинений : [сайт]. – URL : https://iosif-brodskiy.ru/stikhotvoreniia-i-poemy/chast-rechi-tcikl-iz-20-stikhov.html (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

Мичугина С. В., канд. филол. наук, доцент,
Московский городской педагогический университет
Россия, Москва
E-mail: michuginasv@mgpu.ru

СИМВОЛИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются лингвокультурные особенности функционирования цветонаименований в русском и английском языках. На основе сопоставительного анализа выявляются универсальные и специфические черты символических микросистем цвета в европейской картине мира. Особое внимание уделяется аксиологической, регулятивной и эмоциональной семантике цветовых концептов, а также проблемам перевода фразеологических единиц с цветовым компонентом.

Ключевые слова: цветонаименования, лингвокультурология, символика цвета, фразеология, концепт.

Michugina S. V., Ph. D., Associate Professor
Moscow City Pedagogical University
Russia, Moscow
E-mail: michuginasv@mgpu.ru

SYMBOLIC MICROSYSTEMS OF COLOR TERMS IN THE EUROPEAN PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

The article examines the linguacultural features of color term functioning in the Russian and English languages. Based on a comparative analysis, it identifies universal and specific traits of symbolic color microsystems within the European picture of the world. Particular attention is paid to the axiological, regulatory, and emotional semantics of color concepts, as well as to the issues of translating phraseological units with color components.

Keywords: color terms, linguoculturology, color symbolism, phraseology, concept.

Цвет является одним из фундаментальных способов кодирования информации в человеческой культуре. В языке цветонаименования выходят за рамки физической характеристики объекта и приобретают статус культурных символов, формируя устойчивые ассоциативные ряды. В рамках европейской лингвокультурной парадигмы русский и английский языки представляют собой репрезентативный материал для выявления как общечеловеческих универсалий, так и национально-специфических черт восприятия цвета как части картины мира [1].

Цель данной работы – выявить и систематизировать универсальные символические микросистемы цветообозначений и продемонстрировать их проявление в дискурсе английского и русского языков.

Корпусные данные COCA, BNC и НКРЯ позволяют провести сравнительный анализ использования цветонаименований и определить схожие концептуальные зоны, которые образуют определенные микросистемы.

Первой универсальной концептуальной микросистемой является аксиологическая система цвета в двух языках. Базовые цветообозначения, такие как белый и черный, в европейской традиции определяется аксиологической системой координат от «хороший» до «плохой», с возможным переходом «нейтральный». Анализ материала показывает высокую степень межязыковой конвергенции на основе значений базовых цветов в русском и английском языках.

Белый цвет в обоих языках маркирует позитивные ценности: чистоту, невинность, добро, что зафиксировано в лексикографических статьях как производное значение. В русском языке устойчивы выражения – белая горница (чистая), белый свет (Земля), белая изба (дым от печи не коптит в избе, чистая), в английском частотны метафоры, связанные с социальной этикой –white lie (невинная ложь), white magic (белая магия), white wedding (свадьба, где невеста в белом платье как символ чистоты). Многие из них представляют собой общечеловеческие символы, такие как white dove (белый голубь) как символ мира или white terror (белый террор) как реакционные действия, направленные против официальных властей. К ним можно отнести и сравнительные обороты типа белый как снег (white as snow), который подчеркивает особую чистоту какого-то объекта как универсальную метафору чистоты.

Чёрный цвет выстраивает концептуальную систему, образующую оппозицию белому цвету, и универсально ассоциируется с негативом, трауром, опасностью и грязью. Примеры в русском языке отражают все перечисленные выше символы – чёрные мысли, чёрное дело, чёрная душа, черная изба – все они имеют прямой перевод, т. к. универсальны и для английской аксиологической микросистемы. Английские примеры black look (угрюмый взгляд), black humour (черный юмор), black deed (черные дела) легко декодируются русскоязычной аудиторией.

Серый цвет выполняет функцию маркера нейтральности, безликости и отсутствия ярких событий, рутины. Фразеологизмы серые будни (grey day) практически изоморфны. Однако в русском языке существует уникальное понятие «серый кардинал», обозначающее скрытого влиятельного деятеля, тогда как английский аналог отличается по второму компоненту, но по первому цветовому имеет полное сходство – grey eminence, а также имеет то же семантическое наполнение.

В аксиологическую микросистему могут входить не только оппозиция белого и черного, где серый занимает промежуточное положение и в спектральном пространстве цветов и в денотативном пространстве этих двух цветонаименований [2], но и другие цвета. Так, голубой цвет может символизировать значение социального престижа в идиоме blue blood (голубая кровь). В русском акцент на аристократизме сильнее, в английском языке данное выражение заимствовано и представляет собой дословный перевод испанского sangre azul.

Вторая микросистема, которую можно выделить в результате анализа корпусных данных – регулятивная система, связанная с культурой безопасности и дорожного движения. Она демонстрирует почти полную унификацию в современном европейском пространстве. Зеленый цвет символизирует разрешение (дать зелёный свет / give the green light), желтый предупреждает об опасности (жёлтая карточка / yellow card), красный традиционно обозначает запрет или опасность (красный свет / red alert).

В отличие от базовой аксиологии, политическая и эмоциональная сферы выявляют существенные расхождения, обусловленные историческим контекстом или культурной спецификой. В политическом дискурсе красный и белый цвета в русской культуре XX века приобрели ярко выраженную бинарную оппозицию, связанную с революционными событиями (Красная армия vs белая гвардия, красный террор vs белый террор). В английском языке red также может ассоциироваться с коммунизмом и имеет данное значение в лексикографических источниках, но в идиоматических выражениях red baiting (политическая травля), red flag (тревожный сигнал) этот семантический компонент не проявляется, красный здесь символизирует опасность.

В эмоционально-эстетическая микросистеме наблюдается интересная дифференциация оттенков. Розовый цвет в обоих языках символизирует идеализацию и нежность: розовые мечты и see through rose-coloured glasses, розовый цвет как символ девичества и принадлежности к женскому полу.

Синий-голубой спектр в двух языках имеет терминологическое несоответствие. В английском языке базовым цветом является blue, который охватывает как тёмные, так и светлые оттенки. В русском языке произошла лексикализация двух отдельных цветов: синий и голубой. Однако отличия наблюдаются не только в расхождении терминов, но и в символике этих двух цветов. Голубой в русском несет коннотацию возвышенности (голубая мечта, голубые души). Blue в английском часто маркирует меланхолию (the

blues, feel blue), что в русском передается через зеленый цвет (тоска зелёная).

Наблюдается сходство и в некоторых идиоматических выражениях с компонентом blue – blue stoking (синий чулок), но природа данного сходства основана на заимствовании данного словосочетания вместе с его значением. В русском языке исконным является выражение «старая дева», которое не содержит цветовой компонент. Так же следует отметить, что в русском языке «синий чулок» имеет пренебрежительную оценочную коннотацию.

Зеленый цвет имеет универсальную природу и образует абсолютные эквиваленты, такие как «зеленый от зависти», что является полной калькой английскому green with envy. В обоих случаях символическое значение построено на ассоциации цвета лица, выстраивая идентичный образ и соответственно смысл.

Разнообразие микросистем наблюдается и в наличии лакун, таких как «белые ночи» (период, когда ночь не наступает полностью; сумерки длятся от заката до рассвета). Концепт «белые ночи» представляет собой пример культурно-обусловленного цветонаименования, где лексема "белый" выходит за рамки физической характеристики и приобретает статус символа пограничного состояния, творческого вдохновения и экзистенциальной рефлексии. Уникальность русского лингвокультурного кода заключается в том, что природное явление, наблюдаемое и в других широтах, в русской традиции было эстетизировано, мифологизировано и интегрировано в национальную картину мира через литературу, музыку и городскую идентичность Санкт-Петербурга. Отсутствие прямого эквивалента в английском языке подтверждает культурную специфику данного концепта и актуализирует необходимость комментированного перевода в межкультурной коммуникации [3].

Анализ корпусных данных позволяет выделить типологию существующих лакун в двух языках (см. таблицу 1).

Таблица 1

Типология цветовых лакун

Тип лакуны	Характеристика	Примеры
Лексическая	отсутствие однословного эквивалента для оттенка	алый, багряный, бирюзовый ↔ mauve, puce, chartreuse
Фразеологическая	устойчивое выражение с цветовым компонентом, не имеющее аналога	белый танец, синь небесная ↔ feeling blue, white elephant
Концептуальная	цвет как маркер культурно-специфического понятия	белые места, чёрный передел ↔ black propaganda, black hat
Коннотативная	Одинаковый денотат, но разная оценочность	синий чулок ↔ bluestocking

Особую сложность при переводе представляют собой концептуальные лакуны, т. к. они основаны на культурно-специфическом понятии, входящем в национальную картину мира и редко становятся интернациональными и подвергаются заимствованиям. На пример, словосочетание black propaganda представляет собой сложный случай реализации символики цвета в политическом дискурсе в англоязычной картине мира. С одной стороны, черный цвет функционирует в рамках универсальной аксиологической системы, маркируя негатив и отрицательную моральную оценку, что обеспечивает высокую степень межъязыковой конвергенции денотативного значения, т.к., как указывалось выше, черный цвет имеет универсальную символическую коннотацию. С другой стороны, black обнаруживает существенные культурно-обусловленные отличие. В английском языке black propaganda входит в устоявшуюся трихотомическую систему квалификационного оценивания (white / grey / black), отражающую институциональное понимание эпистемологического статуса источника. При переводе black propaganda на русский как «чёрная пропаганда» с помощью кальки теряется вся культурная специфика и остается только оценочная метафора, в результате чего утрачивается семантическая точность оригинала. Данный пример подтверждает общий вывод исследования, который состоит в том, что наиболее устойчивыми к межъязыковой передаче оказываются не денотативные значения компонентов цвета, а их культурно-специфические коннотации и системные связи внутри национальной картины мира, в данном случае, англоязычной. В практике перевода подобных лакунарных выражений возникает необходимость перевода толкования и контекстуальной адаптации, что позволит передать культурную специфику языковой единицы.

Суммируя итоги проведенного исследования, следует отметить, что символические микросистемы цветонаименований в русском и английском языках могут опираться на общечеловеческие концепты, особенно в случаях базовой аксиологии и регуляции. Вместе с тем, исторический опыт, глубинные культурные коды и специфика языкового деления спектра формируют уникальные национальные символы, зафиксированные в цветонаименованиях.

Исследование лакунарных выражений с цветовым компонентом демонстрирует, что успешность межъязыковой передачи обусловлена прежде всего сохранением культурных коннотаций, а не точностью передачи оттенка. Следовательно, качественный перевод требует интерпретации не только лингвистической составляющей, но и глубокого понимания лингвокультурологического контекста.

Список использованной литературы

1. Мичугина С. В. Цветообозначения и картина мира / С. В. Мичугина. – Текст : непосредственный // Филология и культура : материалы IV Междунар. науч. конф., 16-18 апр. 2003 г. – Тамбов, 2003. – С. 67-68.
2. Мичугина С. В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке : специальность 10.02.04. «Германские языки» : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. В. Мичугина. – Москва, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.
3. Zaraiskiy A. A. The linguistic and cultural aspects of color meanings in the language picture of the world / A. A. Zaraiskiy. – Текст : непосредственны // Известия Саратовского университета : Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 42-47.

Дырыгина Н. Ю., старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
Россия, Казань
E-mail: nadezhda.dyrygina@yandex.ru

EL CONDICIONAL/ ПОТЕНЦИАЛ КАК МАРКЕР ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается *el condicional* в испанском языке, изучаемый в рамках функционально-семантической категории эвиденциальности.

Ключевые слова: категория эвиденциальности, испанский язык, потенциал, кондиционал, условное наклонение, пересказывательность.

Dyrygina N. Y., Senior Lecturer,
Kazan Federal University,
Russia, Kazan
E-mail: nadezhda.dyrygina@yandex.ru

EL CONDICIONAL/ POTENTIAL AS A MARKER OF EVIDENTIALITY IN THE SPANISH LANGUAGE

The article examines el condicional in Spanish, which is studied within the framework of the functional and semantic category of evidentiality.

Keywords: category of evidentiality, Spanish, potential, conditional mood, retelling.

Эвиденциальность (*evidencialidad*) – семантическая категория, указывающая на источник информации. Если говорящий передает информацию, которую он сам непосредственно наблюдал, его знание квалифицируется как полное, достоверное, то речь идет о прямой эвиденциальности. Если же информация была получена другими путями, то имеется в виду косвенная

эвиденциальность. К косвенным источникам информации В.А. Плунгян относит инферентив (когда говорящий судит о ситуации по тому, что он считает ее результатом) и презумптив (когда говорящий судит о ситуации на основании логических соображений общего характера) [1, С. 324]. В испаноязычной лингвистике косвенная эвиденциальность *evidencialidad indirecta* подразделяется на *transmitida/ citativa* (информация была получена посредством устной речи или через слухи, литературу, фольклор) и *inferida* (информация была выявлена говорящим логическим умозаключением). Последняя подразделяется на два типа в зависимости от того, основан ли вывод на дедукции из наблюдаемых результатов или дедукции посредством логического рассуждения. Косвенная эвиденциальность означает получение информации от третьих лиц [2, С. 2]. Ядром косвенной эвиденциальности является категория пересказывательности.

Эвиденциальность в Глоссарии грамматических терминов испанского языка имеет следующее определение: “Variedad de la modalidad relativa al compromiso del hablante con la veracidad de lo que afirma en un enunciado, con la fuente de la que proviene el contenido expresado o con el grado de certeza que se atribuye a dicha información”. ‘Разновидность модальности, соотносимая с истинностью того, что утверждает говорящий, указание на источник информации или степень уверенности в данной информации’ (здесь и далее перевод автора статьи – Н.Д.). К средствам выражения эвиденциальности относят такие времена, как *el futuro de conjetura*, *el condicional de rumor* (Habría negociado en secreto con la oposición – должно быть, он тайно вел переговоры с оппозицией).

Рассмотрим el *condicional de rumor* «условное наклонение, выражающее слухи» (вид глагольного времени/наклонения, использующегося для передачи чужого мнения или утверждения, подлинность которого находится в зависимости от какого-либо условия). ‘*Rumor’* в переводе с испанского – молва, слух. Пока еще не находим точный перевод этого термина в русскоязычных работах. Исследователи предпочитают давать термину описательный перевод. А.И. Ковригина говорит об этом кондиционале через выполняемую им функцию «для передачи новости, в подлинности которой имеются сомнения». Е.Д. Терентьева подчеркивает тот факт, что *el condicional de rumor* который позволяет журналисту формулировать информационные сообщения как собственную речь и, одновременно, сохранять некоторую отстраненность, не принимая на себя полностью ответственность за правдивость приводимой информации».

Грамматический статус *condicional* остается неоднозначным до сих пор. Отечественные романисты относят *condicional* к наклонению. Так, О.К. Васильева-Шведе и Г.В. Степанов в труде «Теоретическая грамматика испанского языка» указывают, что: «в современном испанском языке принято различать следующие наклонения: индикатив (Indicativo), субхунтиво (Subjuntivo), императив (Imperativo) и кондиционал (или потенциал)

(Condicional o potencial), существование которого спорно и служит предметом разногласий между романистами».

Авторы признают, что «одним из наиболее спорных вопросов, связанных с грамматической категорией наклонения и проблемой модальности, следует признать вопрос о кондиционале, так называемом условном наклонении (Condicional) в испанском языке». Отметим, что термин *potencial* преобладает в российских грамматиках и учебниках испанского, его переводят как условное наклонение, тогда как *condicional* – в испанских, включая грамматику Королевской академии испанского языка. В испанской лингвистике на современном этапе *condicional* относится к изъявительному наклонению: 'Tiempo relativo del modo indicativo que ubica la situación expresada por el verbo en un punto temporal posterior a otro del pasado, o bien en un marco hipotético' / относительное время изъявительного наклонения, которое размещает ситуацию, выраженную глаголом, в точке, предшествовавшей другому действию в прошлом, или говорит о гипотетическом характере ситуации. В первом издании Грамматики Королевской Академии 1913 года *condicional*/ кондиционал определялся как форма *pretérito imperfecto del modo subjuntivo*, то есть относился к условному наклонению. В изданиях 1917 и 1931 годов с целью отделить *condicional* от сослагательного наклонения, его помещают в особую модальную категорию – *modo potencial*, куда входили только простой и сложный кондиционал. И наконец с 1973 года кондиционал включается в изъявительное наклонение, как *postpretérito* / *futuro del pasado* / будущее в прошедшем. Как отмечает Bermúdez, ни одна глагольная форма не вызывала таких значительных проблем с классификацией и несмотря на то, что ее статус на сегодняшний день определен, возникают сложности с описанием и классификацией кондиционала, в частности из-за его дейктической природы.

Кондиционал имеет несколько значений: будущее по отношению к прошедшему: (1) *dijo que llegaría mañana* / сказал(а), что придет завтра; модальное значение, выражающее маловероятное действие: (2) *saldría al campo si no estuviera lloviendo* / вышел бы в поле, если бы не шел дождь; логическое умозаключение, несущее в себе компонент модальности (вероятности) и в то же время эвиденциальности (информация получена путем мыслительного процесса): (3) *tendría frío y por eso estaba temblando* / вероятно ему/ей было холодно, поэтому он/она дрожал(а); выражение вежливости: (4) *deberías cortarte el cabello* / тебе следует постричь волосы; эвиденциальное: (5) *Pampita y Benjamin Vicuña esperarían otro hijo* / Пампита и Бенджамин Викунья вероятно ждут еще одного ребенка. Источником информации в предложении 5 не является сам говорящий.

El condicional de rumor в основном используется в публицистическом дискурсе, где источником информации не является сам говорящий и выражается некоторая степень неуверенности высказывания, например, *según El País, el presidente estaría en estados Unidos* / по данным газеты Эль Паис,

президент должно быть находится в США. Здесь с помощью глагола *estaría* журналист показывает, что информация поступила к нему из стороннего источника и в то же время он не берет на себя ответственность за верность этого высказывания. Таким образом маркируется только косвенная эвиденциальность совместно с недостоверностью.

Таким образом, *el condicional* как грамматическая категория вызывала множество споров по поводу классификации, имеет несколько значений, одно из которых соотносится с эвиденциальностью, и в этом значении используется главным образом в публицистическом стиле.

Список использованной литературы

1. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с. – Текст : непосредственный.
2. Лутфуллина Г. Ф. Синтаксические конструкции косвенной эвиденциальности во французском языке / Г. Ф. Лутфуллина, О. В. Акимова. – Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3 (34). – С. 72-79.

Ким Ю. В., обучающийся,
Бочарова Т. И., канд. пед. наук, доцент,
Московский технический университет связи и информатики,
Россия, г. Москва
E-mail: kimjulia680@gmail.com,
t.i.bocharova@mtuci.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ БЛОГЕРА АНАСТАСИЗ

В статье рассматриваются языковые особенности письменной речи современных блогеров на материале текстов Анастасиз. Описывается актуальность исследования, которая обусловлена возрастающей ролью интернет-коммуникации, в рамках которой формируются новые речевые практики. Цель работы – анализ лексико-синтаксических средств, характеризующих особенности языка автора блога.

Приводятся итоги исследования, в ходе которого устанавливается, что в блогах Анастасиз демонстрируется синтез устной и письменной форм речи на уровне лексических и синтаксических средств.

Ключевые слова: письменная речь, гибридность речи, блогер, языковые особенности, экспрессивная лексика и синтаксис, интернет-дискурс.

Kim Yu. V., student,
Bocharova T. I., Ph. D. in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Moscow Technical University of
Communications and Informatics,
Russia, Moscow
E-mail: kimjulia680@gmail.com,
t.i.bocharova@mtuci.ru

LINGUISTIC FEATURES OF WRITTEN SPEECH BLOGGER ANASTASIS

The article examines the linguistic features of the written speech of modern bloggers based on the texts of Anastasis. The relevance of the research is described, which is due to the increasing role of Internet communication, within which new speech practices are being formed that require a systematic linguistic description. The purpose of the work is to analyze the lexical and syntactic tools that characterize the features of the blog author's language. The results of the study are presented, during which it was established that Anastasis blogs demonstrate the synthesis of oral and written forms of speech at the level of lexical and syntactic means.

Keywords: written speech, speech hybridity, blogger, language features, expressive vocabulary and syntax, Internet discourse.

«Демократизация современного общества, глобализационные процессы, новые форматы коммуникации в разнообразных мессенджерах с большой и многоликой аудиторией посредством сети Интернет создают условия для свободного, слабо регламентируемого общения» [1, С. 61].

Актуальность исследования связана со стремительными изменениями, которые происходят в современном интернет-пространстве, где цифровые коммуникаторы становятся значимыми фигурами в сфере языкового влияния. Их устный и письменный контент на разных ресурсах интернетах, который ежедневно просматривают миллионы, представляет собой интересный материал для исследования. Речь блогеров, которая существует одновременно и в письменной, и в устной формах, активно задает новые алгоритмы и речевые модели, особенно среди молодежи. Именно поэтому такие популярные авторы, как Анастасис с её более чем 6 миллионами подписчиков на интернет-площадках становятся типичными объектами для лингвистического исследования.

Цель работы – проанализировать языковые особенности письменной речи блогера Анастасиз.

Блог – это жанр цифрового общения, который, по словам О.А. Хабибуллиной, зачастую воспринимается как дневниковые записи, но при

этом приобретает собственные отличительные черты за счёт интерактивности и ориентации на самопрезентацию [6, С. 202]. К.В. Маркисова отмечает, что в центре блога стоит языковая личность автора, которая создаёт особое лингвистическое пространство, вовлекая пользователей в готовую форму коммуникации [4, С. 202].

Языковой выбор блогера напрямую связан с портретом его аудитории, что заставляет адаптировать речь так, чтобы максимально сблизиться с подписчиками. Непринуждённость речи – достигаемая за счёт просторечий, жаргонов и даже варваризмов – создаёт атмосферу доверия и лёгкости, что и притягивает зрителей [2, С. 211].

Спонтанность, близкая к неподготовленной устной речи, сознательно культивируется, чтобы создать эффект искренности и доверия, что проявляется в обилии разговорных синтаксических конструкций, недосказанности и импровизации, что придаёт речи особую живость. Эмоциональность же достигается за счёт широчайшего набора средств: начиная от диминутивов, которые, по данным Д.Н. Володиной, в речи блогеров-летсплееров выполняют экспрессивно-эмоциональные и фатические функции (например, «домик», «котик»), и заканчивая намеренной жаргонизацией и инвективизацией, которые, согласно О.А. Машкович, служат для налаживания контакта и демонстрации естественности [3, С. 242].

Тексты современных блогеров, характеризуется гибридностью с точки зрения форм речи, направленностью на диалог с конкретным адресатом, выразительностью индивидуально-авторского стиля с опорой на эмоционально-экспрессивные средства.

Выбор именно блогера Анастасиз обусловлен ее популярностью среди широкой женской аудитории (6,5 миллионов подписчиков) и сосредоточенностью на быте, психологии и красоте.

Материал для анализа был сформирован из выборки, включающей 30 публикаций Анастасиз, размещённых в 2025 году на платформе «ВКонтакте».

Хронологические рамки проведения исследования – 2025 год, что обеспечивают актуальность материала и соответствует современным тенденциям цифровой коммуникации. Посты Анастасиз отбирались методом случайной выборки. Это даёт возможность получить репрезентативный срез речевого поведения блогера.

Критерии лингвостилистического анализа: на лексическом уровне анализировались тематические группы слов, частотность, функции оценочной лексики, а также средства языковой выразительности. Синтаксический анализ строился на подсчёте средней длины предложений и их классификации по типу – простые или сложные, полные или неполные. Кроме того, выявлялись средства диалогизации: риторические вопросы, прямые обращения, а также имитация живой речи.

Для объективной обработки собранных данных использованы традиционные лингвистические методы: количественное и качественное исследования с целью выявления статистически значимых закономерностей.

Проведённое эмпирическое исследование позволило обосновать основные признаки в лексико-синтаксической организации авторского стиля Анастасиз.

Количественный подсчёт слов выявил несколько доминирующих тематических групп слов. Среди них – связанные с психологией: «осознание», «впечатлило» «восторг», «шокирована» и т.п.; внешностью и красотой: «тональник», «поры», «матовый» и т.п.; повседневностью: «покупки», «чемодан», «забывашка» и т.п. Эти группы отражают разные стороны жизни автора и ее аудитории. Синтаксис здесь отличается повышенной средней длиной предложений – 9 слов, а восклицательные предложения встречаются максимально часто.

На качественном уровне выявлено, что оценочная лексика у Анастасиз отличается яркой эмоциональностью и субъективностью, что делает тексты образными и насыщенными. Например, метафоры («мозг включил мне картинку») и сравнения («как научиться не забывать всё на свете?») помогают лучше понять внутренние состояния автора. Риторические вопросы – еще одна важная часть диалогической стратегии, они выступают как связующее звено с читателем («А что скажете?», «Вы знали?») – эти фразы приглашают к разговору, вовлекают в обсуждение.

Заимствования встречаются в основном при упоминании брендов и цифровых технологий – слова типа «прайм», «фишинг», «топ» и др. Это отражает современный контекст и интересы аудитории. Жаргонные и просторечные слова используются нечасто, чтобы создать эффект доверия и показать, что автор – «свой» среди подписчиков. Фразы типа «блин бесит», «фигня» делают текст менее формальным и более близким к обычной речи. В этом проявляется сосредоточенность Анастасиз на повседневности проявляется в словах молодёжного сленга – «вайбы», «пацантр», «залетайте», «чувак» – как бы подтверждает принадлежность автора к определённой социальной группе, что делает текст ещё ближе к целевой аудитории.

В целом лексика Анастасиз сосредоточена на темах психологии и красоты – она богата субъективной, эмоционально-оценочной лексикой (примерно 21 % от общего состава), причем часто используются диминутивы, которые создают ощущение доверительности, тепла. При этом бытовая лексика занимает значительное место, делая повествование более живым и приближенным к читателю. Параллельно лексика индустрии красоты служит отражением профессиональной сферы автора, показывая, что текст не только о чувствах, но и о конкретных знаниях и опыте. Социальная же лексика выполняет роль связующего звена, обеспечивая интерактивность и коммерческую направленность блога.

Что касается синтаксиса, у Анастасиз преобладают простые и сложносочинённые предложения, часто с однородными членами и вводными конструкциями, в результате чего создается впечатление потока мыслей, когда читатель будто слышит внутренний монолог. Блогер активно применяют вопросительные и восклицательные конструкции (14%), что довольно типично для диалогизированной интернет-речи, т.к. помогает создавать эффект беседы с читателем.

Итак, проведённый анализ постов Анастасиз в цифровом пространстве позволяет сделать вывод о том, что ее тексты представляют собой особый экспрессивный авторский стиль, в котором происходит смешение разных форм (устной и письменной) и регистров речи (непринуждённой беседы и элементов профессионального дискурса) и который имеет преимущественно гибридный устно-письменный характер форм речи, направленный на создание доверительного контакта преимущественно с женской аудиторией.

Таким образом, подобная манера письма закрепляет в цифровой среде новые коммуникативные нормы. Анастасиз, демонстрирует, как письменный язык интернет-коммуникации эволюционирует в сторону большей разговорности, эмоциональности и внешней спонтанности и непринужденности, что на деле оказывается продуманной стратегией удержания внимания и создания лояльности аудитории.

Список использованной литературы

1. Бочарова Т. И. Мнение студентов-бакалавров технических специальностей об употреблении сниженной лексики в интернет-коммуникации / Т. И. Бочарова. – Текст: непосредственный // Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 61-65.
2. Бочарова Т. И. Аспекты непринужденности в разговорной речи блогеров / Т. И. Бочарова, А. И. Михайлова. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2025. – №2 (47). – С. 211-214. – Текст : непосредственный.
3. Володина Д. Н. Способы образования и функционирование диминутивов в речи современных видеоблогеров-летсплееров / Д. Н. Володина, Е. В. Замятина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – № 10. – С. 182-188.
4. Маркисова К. В. Особенности языка блогосферы / К. В. Маркисова. – Текст : непосредственный // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. – 2023. – № 2. – С. 191-196.
5. Машкович О. А. Репрезентация аксиологической доминанты естественности в современной блогосфере / О. А. Машкович. – Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 11. – С. 242-247.
6. Хабибуллина О. А. Анализ лингвистического аспекта речевого портрета современного англоязычного блогера / О. А. Хабибуллина. – Текст : непосредственный // Филология : научные исследования. – 2023. – № 2. – С. 202-207.

Никитина Н. Е., канд. филол. наук, доцент,
Рокитская П. А, обучающийся,
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Республика Беларусь, г. Брест
E-mail: n.nikitsina@gmail.com
polinarokitskaa0@gmail.com

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ИНОСТРАНЕЦ»

В статье рассматриваются парадигматические связи (квазисинонимия, квазиантонимия, ассоциативные значения) лексических единиц, объективирующих концепт «Иностранец». Отмечены стереотипные представления о французах, американцах, турках, англичанах и бельгийцах.

Ключевые слова: лингвокультурология, парадигматические отношения, квазисинонимия, квазиантонимия, ассоциативные значения.

Nikitina N. E., Ph. D., Associate Professor,
Rokitskaya P. A., student,
Brest State University named after A. S. Pushkin,
Belarus, Brest
E-mail: n.nikitsina@gmail.com
polinarokitskaa0@gmail.com

PARADIGMATICAL FEATURES OF LINGUISTIC OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT “FOREIGNER”

This article examines the paradigmatic relationships (quasi-synonymy, quasi-antonymy, associative meanings) of lexical units objectifying the concept of “Foreigner”. Stereotypical notions about the French, Americans, Turks, English, and Belgians are highlighted.

Keywords: linguacultural studies, paradigmatic relationships, quasi-synonymy, quasi-antonymy, associative meanings.

В современном мире наблюдается различное отношение к представителям других государств и наций. Это отношение варьируется от одобрительного к осудительному, от принимающего к отрицающему. Исследование концепта «Иностранец» в современном русском языковом сознании позволит проникнуть вглубь современной проблемы.

Концепт – это многомерное ментальное образование, которое отражает культурно-исторический опыт народа и особенности. Важно учитывать разные уровни содержания концепта. Одним из таких уровней выступает парадигмати-

ческая объективация концепта. С данным термином тесно связано понятие «парадигма». Под парадигмой (в любом смысле) понимается множество любых единиц одного уровня: фонем, морфем, слов (словоформ) и предложений [1, С. 6]. Следует заметить, что языковые единицы парадигмы не линейны. Данная характеристика (линейность) отразилась в парадигматических отношениях между языковыми единицами. По словам Н. Г. Глебовой, под парадигматическими особенностями языковой объективации концепта понимается выявление синонимических (квазисинонимических), антонимических (квазиантонимических), гипо-гиперонимических, партитивных и ассоциативных связей и отношений слов концепта [2, С. 107].

Ввыделенные типы парадигматических отношений будут рассмотрены на примерах, взятых из следующих книг: «Мой французский паркур» М. Магра [3], «Я больше не бельгийская принцесса» А. В. Лусникова [4], «Американец. Инструкция по применению» Н. Миллер [5], «Любовь с иностранцем» Е. Котова [6], «Полный шыкыдым, или Дорогая, не выходи за турка» Ю. А. Акташ [7].

Основываясь на определении парадигматических особенностей языковой объективации, выделяются следующие языковые единицы, строящиеся на парадигматических связях:

Квазисинонимы – это близкие слова (выражения), но не являющиеся тождественными по смыслу. Среди квазисинонимов были выделены 2 группы:

1) внутреннее состояние:

1.1 ‘патриотичность’: *французы* ***гордятся своей страной****, французским языком, своей изысканной кухней* [3]; *они считают свой язык самым красивым и мелодичным*; *турки очень* ***преданны своим традициям*** [7];

1.2 ‘открыты’: *все американцы* ***открыты*** *настолько, чтобы позвонить другу и поплакаться насчет отношений* [5]; *турки* ***открыты*** [7];

1.3 ‘щедрость’: ***все расходы мужчины-турки****, из тех ярких примеров, что видела я,* ***берут на себя*** [7]; *многие американцы, зная о разнице в уровне жизни в разных странах,* ***готовы взять на себя расходы*** *женщины* [6];

1.4 ‘гедонистичность’: *мне кажется, «****комфорт****» – это любимое слово французов* [3]; *турки очень* ***ценят комфорт****, поэтому там все было по турецкому фен-шую: прилично, уютно и тепло* [7];

1.5 ‘педантичность’: *англичане очень* ***скрупулезны*** *и* ***педантичны*** [6]; *правда есть ограничения по нахождению в воде, не более 20 минут за один раз.* ***Иностранцы следуют этим предостережениям****, они повисят в центре озера недолго на надувных кругах, немного поплавают и выходят загорать* [4];

1.6 ‘религиозность’: *сами молятся с утра до ночи* [7]; *прячут жен в паранджу* [7];

1.7 ‘эмоциональность’: *турки импульсивны и все эмоции переживают на полную катушку* [7]; *турки в обществе:* ***горячи*** *и очень* ***эмоциональны*** [7];

1.8 ‘сдержанность’: *всем известна английская* ***сдержанность*** *и* ***холодность*** [6]; *дядюшка впервые посмотрел на меня с проблеском интереса* ***в сдержанном английском*** *взоре* [6];

1.9 ‘экономичность’: *даже с приступом аппендицита бельгиец скорее сядет в машину и сам помчится в больницу,* ***чем заплатит за вызов*** *медицинской кареты* [4]; *бельгийцы – люди* ***экономные****, если не сказать,* ***прижимистые****, – и под дождем стоят, и анкеты переписывают* [4];

1.10 ‘улыбчивость’: ***американская фирменная*** *улыбка* [5]; *но не старайся улыбаться во все 32,* ***такие улыбки выглядят натурально только у американцев*** [5];

2) социальное взаимодействие:

2.1 ‘женолюбивость’: *у красивых и ухоженных американок обычно* ***по несколько десятков поклонников****, готовых прощать их истерики, измены и беспричинную капризность, ведь в их мире женщина без толпы поклонников – большая редкость* [6]; *американцы живут в постоянной* ***конкуренции за женщин*** *и симпатичных девушек «уводят» даже у лучших друзей детства* [5];

2.2 ‘легкомысленность’: *красивые* ***ловеласы*** [7]; ***поматросят*** *(также красиво) и* ***бросят*** *(обидно), заводят* ***гаремы*** [7];

2.3 ‘требовательность’: *именно* ***американке****, а не американцу* ***общество будет*** *сочувствовать и* ***помогать скрывать любовника****, попутно жалея её чувства… ведь* ***во всём****, как известно,* ***виноват*** *её невнимательный* ***муж*** [5]; *американкам лень написать о себе хотя бы несколько слов в анкете…зато они с щедростью тратят буквы, чтобы объяснить, что им нужен такой-то и такой-то* [5];

2.4 ‘семейность’: *американцы (и канадцы), как были, так и продолжают оставаться* ***завидными кандидатами на роль мужа и отца*** [6]; *сам Джастин был* ***не против «чужих» детей****, как и большинство американцев* [6];

Квазиантонимы – это пары слов (выражений), отличающиеся не только противопоставленностью по какому-либо одному смысловому компоненту, но и по другим компонентам [8]. Выявленные квазиантонимы также позволили разделить их на 2 группы, основанные на противопоставлении ‘свой – чужой’:

1) ‘отношение к посторонним’: *турки* ***недоверчивы****, порой излишне* ***подозрительны*** [7] – *турки открыты* [7];

2) ‘отношение к женщинам’ – *женятся только на «своих»* [7]; *минус в том, что мужчин, ищущих себе жену-иностранку мало, и они* ***пугаются, когда узнают, что девушка*** *на самом деле находится* ***в другой стране*** [6]; *турки очень консервативны, поэтому* ***возможность породниться*** *с представительницей другой культуры априори* ***их пугает*** [7] – *иностранные женихи тоже не в восторге от того, как обстоят дела у них на родине и*

поэтому ***готовы платить калым****, лететь на другой конец света, есть «селедку под шубой» и т.д.* [4].

Проведя анализ ассоциативных значений, мы выделили 2 группы единиц, характеризующих:

1) внутренне состояние:

1.1 ‘легкомысленность’: ***поматросят*** *(также красиво) и* ***бросят*** *(обидно)* [7];

1.2 ‘аккуратность’: *вот у них, у этих бельгийцев, какие установки.* ***Лучше не разрешать ребенку рисовать, чтобы не испачкался****, чем дать возможность маленькому человеку почувствовать цвет* [4];

1.4 ‘трудолюбие’: *турки вообще* ***работают с упоением*** *и полной отдачей* [7];

1.5 ‘зацикленность на внешности’: *в Англии* ***пластические операции делают все подряд*** *– и мужчины, и женщины* [6];

2) внешнее состояние (социальное взаимодействие):

2.1 ‘беспардонность’: *турки вообще* ***не стесняются*** *задавать вопросы, касающиеся внешности или личной жизни* [7]

2.2 ‘доверчивость’: *часто доходит до того, что иностранец* ***начинает высылать деньги*** *на покупку билетов или на помощь бабушке, котёнку и ребёнку. Понятное дело, что никакой бабушки нет, а «невеста» через время исчезнет* [6];

2.3 ‘уважительность’: *адекватные американцы, как правило,* ***внимательны к просьбам женщин*** *и не будут продолжать разговор в неприятном для них русле* [5].

Проведенный анализ языковых единиц показал, что в современном русском языковом сознании сформировался устойчивый набор стереотипных качеств, приписываемых разным нациям. Выявленные парадигматические связи (квазисинонимы, квазиантонимы, ассоциативные значения) подтверждают, что восприятие иностранцев часто строится на клише, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Изучение данных механизмов помогает понять, как язык закрепляет образы и почему они продолжают влиять на межкультурное общение.

Список использованной литературы

1. Парадигматические отношения в языке : сб. тр. / Свердловский государственный педагогический институт ; сост. В. И. Томашпольский. – Свердловск : Свердловский государственный педагогический институт, 1989. – 128 с. – Текст : непосредственный.

2. Глебова, Н. Г. Когнитивные признаки концепта «Русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке : специальность 10.02.01. «Русский язык» : дис. … канд. филол. наук / Н. Г. Глебова ; НИНГУ имени Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2018. – 224 с. – Текст : непосредственный.

3. Магра М. Мой французский паркур / М. Магра. – URL : https://www.rulit.me/books/moj-francuzskij-parkur-read-878898-1.html (дата обращения : 13.02.2025). – Текст : электронный.
4. Лусникова А. В. Я больше не бельгийская принцесса / А. В. Лусникова. – URL : https://www.rulit.me/books/ya-bolshe-ne-belgijskaya-princessa-download-915687.html (дата обращения : 13.02.2025). – Текст : электронный.
5. Миллер Н. Американец. Инструкция по применению / Н. Миллер. – URL : https://www.rulit.me/books/amerikanec-instrukciya-po-primeneniyu-download-881303.html (дата обращения : 13.02.2025). – Текст : электронный.
6. Котова Е. Любовь с иностранцем / Е. Котова. – URL : https://www.litres.ru/audiobook/elizaveta-kotova/lubov-s-inostrancem-68638578/ (дата обращения : 13.02.2025). – Текст : электронный.
7. Акташ Ю. А. Полный шыкыдым, или Дорогая, не выходи за турка / Ю. А. Акташ. – URL : https://flibusta.su/book/147201-polnyiy-shyikyidyim-ili-dorogaya-ne-vyihodi-za-turka/read/ (дата обращения : 13.02.2025). – Текст : электронный.

Тищенко В. В., магистрант,
Научный руководитель: Махортова Т. Ю., канд. филол. наук, доцент,
Волгоградский государственный университет,
Россия, г. Волгоград
E-mail: va-ti02@yandex.ru
machortova@volsu.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СОЛДАТСКИХ ПИСЕМ

Статья посвящена проблемам перевода эмоциональной составляющей солдатских писем периода Второй мировой войны. Рассматриваются особенности солдатского письма как уникального эпистолярного жанра, выделяются лексические и синтаксические средства выражения эмоций, выявляются основные переводческие трудности, связанные с культурно-историческим контекстом и жанровой спецификой.

Ключевые слова: солдатское письмо, военный дискурс, эмоциональная составляющая, перевод эмотивной лексики.

Tishchenko V. V., Master's student,
Scientific supervisor: Makhortova T. Yu., Ph. D., Associate Professor,
Volgograd State University,
Russia, Volgograd
E-mail: va-ti02@yandex.ru
machortova@volsu.ru

CHARACTERISTICS OF CONVEYING EMOTIONAL CONTENT IN TRANSLATING SOLDIERS' LETTERS

The article discusses the challenges of translating the emotional component of soldiers' letters during World War II. It examines the characteristics of soldiers' letters as a unique epistolary genre, highlighting the lexical and syntactic means of expressing emotions, and identifying the main translation difficulties associated with the cultural and historical context and genre specifics.

Keywords: soldiers' letters, military discourse, emotional component, translation of emotive vocabulary.

Солдатские письма военного времени представляют собой уникальный эпистолярный жанр, включающий в себя элементы личной переписки, исторического документа и военного дискурса. Данные тексты находятся на пересечении институционального и персонального типов дискурса, что обуславливает их сложную прагматическую и эмоциональную структуру [1, С. 147]. В условиях военного времени письма становятся не только средством коммуникации с близкими, но и способом психологической адаптации к экстремальным условиям, а также формой рефлексии и осмысления переживаемого опыта. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема адекватной передачи эмоционального содержания таких писем при переводе, так как именно эмоциональный компонент обеспечивает их историческую достоверность.

Солдатские письма выполняют ряд важнейших функций, среди которых исследователи выделяют коммуникативную, информативную, мемориальную, экспрессивную и конспирологическую [2, С. 168]. Экспрессивная функция, отражающая настроения и переживания фронтовика, становится основной в условиях серьезного психологического напряжения.

В солдатских письмах эмоциональное содержание выступает не как периферийный, а как основной компонент, определяющий прагматический эффект текста. По мнению Т. В. Кривощаповой, фронтовые письма можно рассматривать как «дискурс личного чувства», в котором субъективное переживание войны становится главным сюжетообразующим фактором [3, С. 109].

Эмоции в языке представляют собой сложный лингвокогнитивный феномен, который находит выражение на всех уровнях языковой системы. В. И. Шаховский отмечает, что «эмотивный смысл как единица перевода может быть «упакован» в эмотивном аффиксе, в эмотиве, в свободном или устойчивом эмотивном словосочетании, в предложении, фрагменте текста или в целом тексте» [4, С. 139].

В ходе анализа писем немецких и советских солдат были выявлены особенные средства передачи эмоций. Эмоциональная составляющая в сол-

датских письмах проявляется на нескольких уровнях: лексико-семантическом (использование эмоционально-оценочной лексики, междометий), синтаксическом (преобладание простых и неполных предложений, восклицательных конструкций, повторов), текстовом (особые формы обращения и прощания, постскриптумы).

Как отмечает М. В. Можаров, военный дискурс, к которому принадлежат данные тексты, характеризуется особой системой ценностей и наличием клишированных формул, что создает дополнительные сложности при переводе [5, С. 222]. При переводе часто требуется не поиск прямого эквивалента, а контекстуальная замена или описательный перевод для адекватной передачи оттенка чувства. Кроме того, необходимо использование аналогичных стилистически сниженных единиц русского языка (военного или общеразговорного просторечия) для сохранения тональности. При переводе обозначений противника и политических врагов важно сохранить аутентичность высказывания как исторического документа, не становясь при этом проводником враждебной идеологии. Можно использовать нейтральную номинацию с сохранением оценочности или ввести редакторский комментарий.

Синтаксис солдатских писем характеризуется спонтанностью и близостью к устной речи, что является прямым отражением эмоционального состояния пишущего. Эмоциональное восприятие событий во многом опосредовано культурными концептами и реалиями, специфичными для немецкой картины мира периода войны.

Особую роль в формировании эмоционального фона писем играют грамматические ошибки и синтаксические нарушения. Как указывает К. А. Старостин, именно эти элементы, на первый взгляд кажущиеся недостатками, придают письмам подлинность и отражают психологическое состояние пишущего [2]. В немецких письмах встречаются нарушения порядка слов, свойственные устной спонтанной речи, например: *Schon wieder fährt ein Gedichtchen nach Deutschland und soll Dir einen Gruß mitnehmen*. При переводе подобных конструкций важно сохранить ощущение живой речи, избегая излишней литературной обработки, которая может нарушить аутентичность текста.

Лексические средства, используемые для выражения эмоций, достаточно вариативны. В немецких солдатских письмах широко представлены слова с уменьшительными суффиксами (*Gedichtchen, Päckchen*), передающие нежность и тоску по дому. Основным приемом для их передачи является подбор аналогов в русском языке, часто с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов.

В работах исследователей отмечается, что перевод эмотивной лексики осложняется ее безэквивалентностью и культурно-обусловленными различиями в оценках [6; 7].

При сравнение немецких и русских солдатских писем были найдены как общие, так и специфические черты. В немецком письме демонстрируется имплицитная эмоциональность, чувства передаются через описание телесных изменений (*Bauch weg*), бытовых лишений (*keine Post und vor allem keine Päckchen von daheim, Mittagskost sehr eintönig und mager*) и материальных запросов. Эмоциональная составляющая снижена из-за обилия фактов, что говорит о сдержанности. Письмо советского солдата характеризуется эксплицитной эмоциональностью, чувства прямо называются, используются императивы, вовлекающие адресата, и идеологически маркированная лексика, придающая личному переживанию общественную значимость (*Я не трус, гордись!, били фрицев по-гвардейски*). В обоих языках для передачи эмоций активно используется идеологически окрашенная лексика, однако ее коннотации различаются.

Для прагматически адекватного перевода солдатских писем необходимо придерживаться ряда принципов. Во-первых, переводчик должен обладать глубокими фоновыми знаниями исторического контекста, так как эмоциональные оценки событий неразрывно связаны с конкретными реалиями военного времени. Во-вторых, необходимо учитывать индивидуальный стиль автора. Каждый солдат имеет свою манеру изложения мыслей, которая должна быть сохранена при переводе.

Таким образом, перевод эмоциональной составляющей солдатских писем представляет собой комплексную переводческую проблему, требующую от переводчика не только владения техникой перевода, но и развитой культурологической компетенции. Успешность перевода определяется способностью адекватно интерпретировать эмоциональный код исходного текста, созданный в условиях экстремальной исторической эпохи, и реконструировать его средствами иного языка, сохраняя при этом его воздействующую силу.

Список использованной литературы

1. Карасик В. И. Дискурс / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. – 2015. – № 3-4 (20-21). – С. 147-148.

2. Старостин К. А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования / К. А. Старостин. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 165-177.

3. Кривощапова Т. В. Дискурс личного чувства на страницах фронтовых эпистолий и методика его анализа / Т. В. Кривощапова. – Текст : непосредственный // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны : от Первой мировой до Великой Победы : материалы всерос. науч.-практ. конф., 27-28 фев. 2015 г. – Ставрополь, 2015. – С. 104-109.

4. Шаховский В. И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Перевод и коммуникация. – 1997. – С. 138-151.

5. Можаров М. В. Особенности военного дискурса / М. В. Можаров. – Текст : непосредственный // Язык и культура : материалы XXVIII Междунар. науч. конф. – Томск, 2018. – С. 215-222.

6. Катермина В. В. Эмотивная лексика и перевод / В. В. Катермина. – Текст : непосредственный // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4 (23). – С. 82-91.

7. Петрова Ю. А. К проблеме перевода эмотивной лексики / Ю. А. Петрова. – Текст : непосредственный // Язык и культура : материалы XXIX Междунар. науч. конф., 16-18 окт. 2018 г. – Томск, 2019. – С. 241-246.

Жаркова А. В., аспирант,
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
Республика Беларусь, г. Витебск
E-mail: zharkovaalinka@yandex.by

БАЗИСНЫЕ АРХЕТИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *ВРАЧ*

Статья посвящена исследованию понятия *лингвокультурный типаж* (ЛКТ) как одной из ипостасей *языковой личности*. Целью статьи является выявление смыслоформирующих архетипов в основе ЛКТ ***Врач***. Произведенный анализ сути содержания профессии ***врач*** дает право констатировать, что в основе сущностной структуры указанного лингвообраза присутствуют архетипы ***Герой***, ***Персона***, ***Тень*** и ***Опекун***. Архетип же рассматривается как один из «инструментов исследования» глубинной структуры феномена языковой личности, в частности, ЛКТ.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, система архетипов, профессия ***врач***, речевое поведение, профессиональные характеристики.

Zharkova A. V., postgraduate student,
Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Republic of Belarus, Vitebsk
E-mail: zharkovaalinka@yandex.by

LINGUOCULTURAL TYPE DOCTOR BASIC ARCHETYPES

The article explores the *linguacultural type* (LCT) phenomenon as one of the *linguistic personality* hypostases. The article aims is to identify the meaning-forming archetypes underlying the LCT ***Doctor***. The analysis of medical profession essence suggests that ***Hero***, ***Persona***, ***Shadow*** and ***Guardian*** archetypes are present at the core of the LCT essential structure. The archetype is viewed as one

of the "research tools" for understanding the linguistic personality structure, particularly the LCP.

Key words: linguacultural type, archetype system, medical profession, speech behavior, professional characteristics.

В современном социально-гуманитарном знании большинство ученых склоняется к мысли, что в человеке генетически заложены базовые представления о мире, относящиеся к числу архетипичных.

Понятие архетип принадлежит выдающемуся психологу Карлу Гюставу Юнгу. Под ним ученый понимает универсальный символ, персонаж или ситуацию, представляющую собой типичную модель человеческого опыта или поведения, фундаментальную повторяющуюся тему [1]. Архетипы, являясь «продуктом» коллективного сознания, представляют собой некий ментальный субстрат, возникающий в индивидуальном сознании в виде своеобразных «трафаретов», очерчивающих формы наиболее значимых фрагментов действительности, и передаются из поколения в поколение посредством генетической памяти. Эмоциональный импульс поднимает их на поверхность из глубины подсознания и впоследствии определяет поведенческие стереотипы личности. «Наполненность» архетипов зависит от множества факторов: своеобразия культуры, религии, национальной истории, представителем которых является индивид. Приобретенный личный опыт также накладывается на архетипический образ и формирует его.

Аморфные и абстрактные, по мере развития цивилизации личностные формы конкретизируются в более узких проявлениях, одним из которых являются ЛКТ. Как одно из смыслообразующих понятий лингвоперсонологии, отрасли лингвокультурологии, изучающей языковую личность, ЛКТ представляет собой типизированные узнаваемые образы определенной культуры [2]. Авторство термина ЛКТ принадлежит В.И. Карасику. Как абстрактной сущности, ЛКТ присущ ряд свойств, среди которых наиболее важными являются рекуррентность, трансформируемость и культурная ценность.

Предметом нашего исследования является ЛКТ ***Врач*** как представитель одной из стратегически значимых профессий в обществе. Попытаемся проследить, какие архетипы находятся в основе данного лингвообраза, формируют его содержательную сущность.

Среди архетипов К.-Г. Юнга находим ***Героя*** – образную реализацию благородства и истинных мужских качеств, архетип ***Трикстера*** – воплощение озорства, творчества и бунта, часто с нарушением социальных норм и устоев, архетип ***Мудреца*** – персонификацию жизненной мудрости и зрелости, архетип ***Тень*** как проявление бессознательной противоположности того, что индивид настойчиво утверждает в сознании, архетип ***Персона*** – социальную роль человека, проистекающую из общественных ожиданий и обучения и т.п.

О.А. Дмитриева считает, что ЛКТ может рассматриваться как одна из культурных актуализаций архетипа. К примеру, в ЛКТ ***Врач*** четко прослеживается архетипичный прототип ***Героя***. В языке это репрезентировано посредством словосочетаний, заключающих в себе главные задачи представителя данной профессии: *стоять на страже жизни, защищать здоровье, бороться с болезнью, сражаться с недугом, спасать от смерти*. ***Врач***, готовый достойно ответить на любой профессиональный вызов, обеспечивает национальную безопасность страны, в кризисные моменты предотвращая масштабные эпидемии, поддерживая демографическую стабильность и обеспечивая надежный тыл, вселяя тем самым уверенность в завтрашнем дне. Он стоит на страже здоровья человека, а значит охраняет суверенитет и независимость страны. Безусловно, само предназначение ***врача*** является прямым свидетельством наличия архетипа ***Герой*** как основы ЛКТ ***Врач***. Такие качества, как решительность, смелость, способность брать на себя ответственность, самоотверженность, необходимые в структуре личности ***врача***, также являются доказательствами проявления архетипа ***Герой*** в содержании данного лингвообраза. Утверждение о том, что архетип является социальным прескриптивом и регулятором коммуникативного поведения ЛКТ, находит свое подтверждение в существующих коммуникативных моделях по линии общения ***врач*** – *пациент*: информационной (бесстрастный ***врач***, полностью зависимый *пациент*); интерпретационной (убеждающий ***врач***), где также прослеживаются основополагающие черты архетипа ***Герой***. Это также отражается в коммуникативных тактиках при общении с *пациентом* через прямое внушение посредством директив, с помощью которых ***врач*** как специалист является ведущим в данной коммуникативной паре и декларирует необходимую линию лечения *пациента* посредством приказов, рекомендаций и установок. В речевом портрете ***врача*** прослеживается явная, обусловленная профессиональной необходимостью, декларативность (свойство повелевать ***Героя***), выраженная посредством обилия директив, сопровождающих советы, рекомендации, инструкции и команды врача (*раздевайтесь, откройте рот, сделайте вдох/ не дышите*).

Мнения лингвистов, изучающих ЛКТ, сводятся к тому, что его содержание может предполагать наличие нескольких архетипов в его структуре. ЛКТ ***Врач***, чей лингвообраз, безусловно, обладает превалирующей положительной коннотацией и позитивным восприятием (архетип ***Герой*** как в коллективном сознании, так и в индивидуальном), при наличии отрицательного опыта, также может обладать и отрицательными характеристиками, восприниматься не вполне однозначно). Причиной тому могут послужить случаи некомпетентности, отсутствие предполагаемых профессиональных и личностных качеств, врачебные ошибки. На наш взгляд, присутствие таких отрицательных черт в содержании данного ЛКТ, обусловлено наличием в его основе также архетипа ***Тень***. Согласно концепции К.-Г. Юнга, ***Тень*** представляет собой бессознательную противоположность того, что индивид

настойчиво утверждает в собственном сознании. Вопреки шаблонным характеристикам, индивидуальные проявления личности, характера, морально-нравственных качеств индивида, обличенного социальной ролью ***врача***, не всегда соответствуют эталонным представлениям и профессиональным требованиям. В языке этот факт репрезентирован в паремиях. Обратимся к примерам пословиц и поговорок разных народов мира, в которых находим схожие отрицательные коннотации: *боль* ***врача*** *ищет* (русская поговорка); *новый врач – полдеревни в плач* (испанская пословица). *Плохая хозяйка – предвестница разорения, плохой* ***врач*** *– предвестник смерти* (монгольская пословица). *После долгой болезни сам становишься хорошим* ***врачом*** (китайская пословица). *Разговор о* ***враче*** *после похорон* (японская пословица). *Умеренность в еде полезнее, чем сто* ***врачей*** (индийская пословица). [3]

Апологетом архетипу ***Тень*** является архетип ***Персона***, представляющий собой, по К.-Г. Юнгу, социальную роль человека, проистекающую из общественных ожиданий и обучения. Архетип ***Персона***, наряду с архетипом ***Герой***, является тем социальным прескриптивом и регулятором коммуникативного поведения, который составляет суть ЛКТ ***Врач*** как реализации данной профессии. Подтверждением вышесказанному могут послужить постулаты, изложенные в Образовательном стандарте специального высшего образования по специальности «Лечебное дело» как официальном документе, регламентирующем совокупность необходимых профессиональных компетенций и декларирующем обязательные требования к дипломированному ***врачу*** как к специалисту.

В постъюнгианской психологии изучение архетипов находит свое продолжение. Так, несколько переосмыслив значение архетипа и используя это понятие для описания и характеристик типов личности, на основе системы архетипов К.-Г. Юнга психологами К. Пирсон и Х. Марру была разработана концепция 12 архетипов личности. Функции архетипов, лежащих в основе структуры личности индивида, остались практически неизменными: определять социальное (в том числе и речевое) поведение личности в обществе. В обновленной системе архетипов находим ***Простодушного***/ ***Невинного*** – оптимиста, мечтателя; ***Славного малого / Обычного человека*** – реалиста, практика; ***Искателя*** – первооткрывателя, свободную личность; ***Бунтаря***/ ***Разбойника*** – разрушителя правил, мятежника и т.д. Дублируются в вновь созданной системе архетипов такие, как ***Герой*** и ***Мудрец***. Для нас же интерес представляет архетип, получивший название ***Опекун*** – помощник, альтруист. Остановимся подробнее на соотнесении данного архетипа и ЛКТ ***Врач***.

Прототипичность архетипа ***Опекун*** также актуальна для ЛКТ ***Врач***. К основным его характеристикам, согласно трактовке автора концепции Кэрол Пирсон, причисляют функцию помогать, поддерживать и защищать.

Среди личностных и профессиональных качеств ***врача*** огромную роль играют такие, как доброта, эмпатия – способность к сочувствию, сопереживанию, состраданию, чуткость, человечность, понимание, проявления заботы и участия. Среди моделей общения по линии ***врач*** – *пациент* известны такие, как совещательная, основанная на доверии и взаимном согласии, а также патерналистская (***врач-опекун***). В речевом поведении ***врача*** архетип ***Опекун*** репрезентирован в коммуникативных стратегиях косвенного внушения посредством использования комплиментов, похвалы или осуждения, в гибкости и дипломатичности их вербального выражения. Так, в частности, лингвистическим свидетельством данному постулату является широкое использование в речи ***врача*** эвфемизмов – синонимичных конструкций, завуалированно передающих общий смысл лексемы или фразеосочетания с целью смягчения предполагаемого эффекта на коммуниканта. В медицине эвфемизмы часто используются для минимизации психотравмирующего воздействия. К примеру, весьма частотно употребление глагола *бороться* вместо глагола *лечиться* в словосочетаниях *бороться за жизнь, бороться с болезнью* и т.п. По понятным причинам глагол *умереть* традиционно замещается лексемами *уйти*/*потерять*, лексема *смерть* – лексемами *уход, потеря.* Личностные качества, необходимые в профессии ***врача***, подкрепленные релевантными коммуникативными стратегиями, являются свидетельствами присутствия архетипа ***Опекун*** в структуре ЛКТ ***Врач.***

Произведенный анализ необходимых профессиональных и личностных качеств представителя профессии ***врач*** и типизированной его ипостаси – ЛКТ ***Врач***, дают основание полагать, что в основе сущностной структуры указанного лингвообраза присутствуют архетипы ***Герой*** как воплощение мужества и благородства, архетипы ***Персона*** и ***Тень*** как дихотомическая пара конгломерата сути содержания исследуемого типажа, архетип ***Опекун*** как проявление таких качеств как сострадание, участие, забота и человечность, формирующих его ценностную составляющую. В связи с вышесказанным, есть все основания рассматривать архетип как «инструмент исследования», позволяющего проникнуть в глубинную структуру феномена языковой личности и сопряженных с понятий, входящих в конгломерат ее структуры, в частности, ЛКТ.

Список использованной литературы

1. Юнг К. Г. Аналитическая психология / К. Г. Юнг. – Москва : АСТ, – 368 с. – Текст : непосредственный.
2. Карасик В. И. Языковые ключи : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с. – Текст : непосредственный.
3. Рассохин, П. А. Пословицы и поговорки народов мира / П. А. Рассохин. – Москва : Издательские решения. 2024. – 128 с. – Текст : непосредственный.

Габитова Л. Х., старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Республика Татарстан, г. Казань
E-mail: corbita@list.ru

ДИСТРИБУТИВНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются основные подходы к интерпретации дистрибутивной семантики в английском языке. Особое внимание уделяется проблеме групповых существительных, для разграничения которых вводится механизм P-дистрибутивности и Q-дистрибутивности, а также теории «покрытий» (covers), позволяющей описывать неатомарное распределение действия по подгруппам.

Ключевые слова: дистрибутивность, множественность, английский язык.

Gabitova L. Kh., Senior Lecturer
Kazan (Volga Region) Federal University
Republic of Tatarstan, Kazan
E-mail: corbita@list.ru

DISTRIBUTIVITY IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article examines the main approaches to the interpretation of distributivity in English. Special attention is paid to the problem of group nouns, which are analyzed through the mechanisms of P-distributivity and Q-distributivity, as well as the theory of covers, which makes it possible to describe nonatomic distributivity of subgroups.

Keywords: distributivity, plurality, English language.

Дистрибутивность – это явление, при котором действие, приписываемое группе (множеству), относится к каждому члену этой группы или к их подгруппам [1, С. 290]. В английском языке глаголы во множественном числе могут читаться как коллективные, дистрибутивные и амбивалентные. Вопрос стоит в том, как определить, коллективное ли это прочтение или дистрибутивное.

На данный вопрос в западном языкознании имеется два подхода: лексический и операторный.

Согласно лексическому подходу (Scha, 1981), не существует формального различия между коллективными и дистрибутивными предложениями. Предикат всегда применяется непосредственно ко множеству, а интерпретация определяется лексическим значением предиката и нашими знаниями о мире [2, С. 174].

(1) a. *The children laughed. / Дети рассмеялись.*

b. The children gathered in the garden. / Дети собрались в саду.

К примеру, предложение (1a) требует дистрибутивного прочтения, так как смеяться могут только отдельные индивиды, для этого нужны определенные органы, которые есть у индивидов, но не у группы; смеется каждый отдельный ребенок в группе.

Предложение (1b) в свою очередь подразумевает коллективное прочтение. Собираться не может один индивид, а только группа, поэтому мы интерпретируем данное утверждение как действие группы в целом.

Таким образом, согласно анализу R. Scha (1981), коллективность и дистрибутивность обусловлены лексическим значением предиката.

Операторный подход, восходящий к G. Link (1987), утверждает, что дистрибутивность обеспечивается скрытым семантическим оператором (*D-operator*), похожим на явное кванторное слово *each* [2, С. 175]. Это не скрытое изменение семантики глагола, а скрытый маркер дистрибутивности, который «навешивается» на объект или субъект. *D-operator* не ограничен классом предикатов, его можно использовать с любым глаголом. Поэтому предложение (2) может иметь два значения.

(2) The girls ate a pizza.

Если подразумевается наличие *D-operator*, оно дистрибутивно. *Каждая девочка съела свою пиццу.*

Если нет *D-operator*, оно имеет коллективное значение. *Девочки съели одну пиццу на всех.*

В данном подходе дистрибутивность определяется наличием или отсутствием в структуре предложения скрытого оператора.

Однако встает вопрос о групповых существительных, слов в единственном числе, которые обозначают группу людей или предметов (комитет, класс, семья, команда и т.д.). Они обозначают целое или множество?

(3) a. The children laughed. / Дети рассмеялись.

b. The class laughed. / Класс рассмеялся.

Рассмотрим примеры (3a) и (3b), оба предложения означают, что смеялись отдельные люди. Но с грамматической точки зрения они различны.

В примере (3a) дети – это существительное во множественном числе. Мы можем легко представить, что в языке есть «скрытый оператор», который берёт слово *дети* и распределяет действие между ними: каждый ребёнок смеялся отдельно.

В примере (3b) класс – это существительное в единственном числе. Грамматически это один субъект. Как к нему применить тот же самый оператор? Оператор работает только с множествами, а класс – это не множество, это один объект.

Западные лингвисты пришли к выводу, что здесь работает два разных механизма определения дистрибутивности: *P-дистрибутивность* и *Q-дистрибутивность*.

(4) a. The children are hiding somewhere.

b. The class is hiding somewhere. / Класс где-то прячется.

Для настоящих множеств (дети, девочки) работает «скрытый оператор» (*Q-дистрибутивность*). В примере (4a) этот оператор позволяет слову *где-то* относиться к каждому ребёнку по отдельности. Поэтому возможно два значения:

Каждый ребенок спрятался отдельно от других (работает оператор).

Дети спрятались все в одном месте (применили глагол ко всей группе сразу).

Для групповых существительных (класс, комитет) работает *P-дистрибутивность*. Слово «класс» в грамматике оформлено как атомарный объект (единственное число), поэтому к нему нельзя применить оператор, работающий с множествами. Соответственно, предложение (4b) может иметь только одно значение: все спрятались в одном месте.

Но в примере (3b) мы понимаем, что смеялись ученики. Это понимание приходит не от грамматического оператора, а от лексического значения глагола смеяться и наших знаний о мире: если смеется класс, значит, смеются те, кто в него входит.

В данных подходах дистрибутивность означает, что предикат применяется к каждому атомарному члену множества. Но в языке дистрибутивность может быть не полностью атомарной. Поэтому в дальнейшем R. Schwarzschild (1991, 1996) вводит понятие «*покрытия»* (*covers*).

(5) The students wrote a paper.

Предложение (5) может иметь следующие значения:

Каждый студент написал свою собственную статью (атомарное покрытие).

Студенты работали в группах и каждая группа написала одну статью (групповое покрытие).

Все студенты вместе написали одну статью (максимальное покрытие).

Covers позволяют описать второй вариант, свойство распределяется по частям покрытия множества, а не обязательно по атомам [1, С. 302].

На практике большинство исследователей (*Y. Winter, L. Champollion*) занимают промежуточную позицию, так называемый гибридный подход. Для простых предложений работает лексический механизм (*P-дистрибутивность*), дистрибутивность заложена в само значение глагола. Для сложных случаев, где контекст может менять значение, работает «скрытый оператор» (*Q-дистрибутивность*) и выбор *покрытия*. Данные механизмы не исключают, а дополняют друг друга.

Список использованной литературы

1. Champollion L. Distributivity in Formal Semantics / L. Champollion. – Текст : непосредственный //Annual Review of Linguistics. – 2019. – № 5. – P. 289-308.
2. Vries H. Two kinds of distributivity / H. de Vries. – Текст : непосредственный // Natural Language Semantics. – 2017. – № 25 (2). – P. 173-197.

Габитов А. И., старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Россия, г. Казань
E-mail: gabit.azat@gmail.com

КОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО И АБСТРАКТНОГО ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДЛОГОВ IN И THROUGH)

Статья посвящена исследованию категории пространства в английском языке с учетом физического и абстрактного движения. Рассматривается отражение пространственных отношений в английском языке, где они сочетаниями глаголов с предлогами. Делается вывод о взаимосвязи физического и абстрактного движения, а также о роли языковых средств в их концептуализации.

Ключевые слова: пространство, движение, предлоги, английский язык, когнитивная лингвистика.

Gabitov A. I., senior lecturer
Kazan (Volga Region) Federal University
Russia, Kazan
E-mail: gabit.azat@gmail.com

COGNITIVE REPRESENTATION OF PHYSICAL AND ABSTRACT MOTION IN THE ENGLISH LANGUAGE (BASED ON THE PREPOSITIONS IN AND THROUGH)

The article is devoted to the study of the category of space in the English language with regard to physical and abstract motion. It examines the representation of spatial relations in English, where they are expressed through combinations of verbs and prepositions. The study concludes that there is an interrelation between physical and abstract motion, as well as highlights the role of linguistic means in their conceptualization.

Keywords: cognitive linguistics, English language motion, prepositions, space.

Пространство имеет отражение в языке в различных формах, реальных и абстрактных. Пространство изначально выступает обязательным компонентом языкового инвентаря, организуя способы описания действительности. В английском языке предлоги выступают одним из основных средств представления пространственной картины мира. Включенность человека в пространственные связи обусловливает существование категории пространства, которая находит системное отражение в языке. Пространство может описываться через ряд параметров, включающих местоположение объектов, расстояние между ними, протяжённость, форму, направление и взаимное расположение [1, С. 459]. Пространство можно условно разделить на физическое (реальное) и абстрактное (метафорическое, нереальное).

Физическое пространство обычно понимается как первичное, непрерывное и бесконечно делимое, равное самому себе в каждой своей части и независимое от материальных объектов, находящихся в нём. В лингвистической науке при этом нередко используется геометрическое понимание пространства. В. Д. Аракин рассматривает пространство как совокупность трёхмерных координат, определяющих положение предметов по отношению друг к другу. Пространственные отношения в этом подходе трактуются как связи, характеризующие положение одного объекта относительно другого [2]. Выражение пространственных отношений осуществляется на лексическом и синтаксическом уровнях языка. Существенную роль здесь играют пространственные предлоги, в семантике которых содержится информация как о характеристиках объектов, так и о характере пространственных связей между ними. Исследования Р. Джекендоффа показывают, что семантика предлогов включает сведения о геометрических отношениях, например, предлог “in” предполагает наличие внутреннего пространства [3].

При описании семантики пространственных предлогов используется геометрическое понимание пространства, в предложениях на английском языке, описывающих движение в переносном значении такая модель оказывается недостаточной. Согласно Н. Л. Шамне, учитывается взаимодействие конкретно-пространственного и абстрактно-пространственного восприятия окружающего мира, что позволяет анализировать пространственные значения языковых единиц не только в их прямом, но и в переносном значении [4]. Исходя из того, что все объекты и их свойства существуют в пространстве, пространственные отношения носят объективный характер и должны находить отражение в языке. Т.Н Маляр и О. Н. Селиверстова расширяют понятие пространства, вводя такие типы, как пространство класса, множества, действия или ситуации. Подобное толкование позволяет описать значительное количество слов с пространственной семантикой использующихся для выражения непространственных отношений. Посредством метафоризации пространственные характеристики переносятся в сферу мышления, эмоций и социальных процессов.

В лингвистике прослеживаются два направления в понимании движения. Одни исследователи отождествляют движение с перемещением, другие рассматривают движение более широко, как кинетическое состояние объекта, описывающее превращение потенции в акт [5, С. 57]. В контексте данного исследования мы трактуем движение как изменение положения тела в пространстве, а перемещение – как изменение месторасположения тела в пространстве не ограничиваясь, при этом, движение физическим, принимая в данную структуру также абстрактное движение, заключающееся в изменении других качественных характеристик.

В интерпретации Л. Талми событие движения включает элементы фигуры (the Figure), фона (the Ground) и пути (the Path). Согласно Л. Талми, движение указывает либо на фактическое движение, либо на статическую локализацию в рамках события. В дополнение к этим внутренним компонентам, событие движения может сопровождаться внешним сопутствующим событием, которое может функционировать как способ, то есть определять, как фигура движется или находится. Р. Лангакер утверждал, что движение используется для описания статичных ситуаций. Данные конструкции подразумевают значение движения, даже если движение не выражено явно. Р. Лангакер назвал это абстрактным движением (abstract motion). В данном контексте движение можно рассматривать как своего рода процесс, в котором каждое составляющее состояние определяет отношение между движущимся объектом и его непосредственным местоположением. Данное определение подчеркивает то, что глаголы движения, такие как “run” (бежать) могут быть использованы в абстрактном контексте.

А. С. Кожахметова и А. К. Казкенова рассмотрели функционирование глаголов движения в метафорической репрезентации базовых эмоций в казахском, русском, английском и немецком языках. Ученые пришли к выводу, что глаголы движения используются при метафорическом описании базовых эмоций во всех четырех рассматриваемых языках. Данный факт является подтверждением того, что физический мир, в частности движение в пространстве, является образцом для концептуализации мира эмоций.

Мы приходим к выводу, что пространство существует в физической и абстрактной формах. Физическое пространство понимается как объективная, непрерывная и делимая среда, в которой находятся объекты и происходят их перемещения. Абстрактное пространство возникает в сознании человека и языке, отражая метафорические, когнитивные и социальные отношения, которые не обязательно связаны с физическим миром. Аналогично движение может быть, как физическим, то есть изменением положения объекта в пространстве, так и абстрактным, проявляющимся в изменении качественных характеристик, эмоциональных состояний, социальных процессов или когнитивных событий. Таким образом, физическое и абстрактное измерения пространства и движения взаимосвязаны, язык фиксирует их одновременно,

обеспечивая возможность описания как материальной, так и концептуальной реальности, что может происходить с использованием одинаковых языковых средств. Показательными предлогами английского языка в выражении пространственных и абстрактных отношений являются "*in"* и "*through"*, демонстрирующие различные типы пространственных взаимоотношений.

Предлог *"in"* имеет следующую трактовку в словаре Cambridge Dictionary: "inside a container, place, or area, or surrounded or closed off by something", также "during part or all of a period of time". Он обозначает нахождение одного объекта внутри или в пределах другого в физическом и абстрактном значении: "*Research shows that exercise affects pretty much every cell in the body." – «Исследования показывают, что физические упражнения влияют практически на каждую клетку тела»* (здесь и далее перевод наш – Г. А.).

Joy resides in the heart. – *«Радость живет в сердце».*

Предлог "*in"* может указывать на временные рамки или точку во времени, в таком случае движение приобретает абстрактный характер: *We came in on that Monday. – «Мы пришли в тот понедельник».* Предлог "*in"* также может иметь логическое завершение или вывод в качестве точки во времени: "SpaceX *on Thursday tested its next-generation rocket designed for missions to the moon and Mars, ending in an explosion." – «SpaceX в четверг провела испытания ракеты нового поколения, предназначенной для полетов на Луну и Марс, которые закончились взрывом».* С определёнными глаголами возникает значение входа в область: "*She walked in the office." – «Она вошла в офис». New ideas came in during the meeting. – «Новые идеи пришли во время встречи».*

В словаре Cambridge Dictionary *"through"* определяется как "from one end or side of something to the other". Данный предлог может использоваться для указания движения одного объекта через другой: "*A deer came crashing through the restaurant's window." – «Олень своим телом пробил насквозь окно ресторана».* В приведенном далее примере мы можем наблюдать, что абстрактное движение возникает с физическим объектом относительно другого физического объекта: "*Californian prosecutors filed two counts of vehicular manslaughter against the driver of a Tesla who went through a red light, while using Autopilot, hitting another car and killing two people." – «Калифорнийские прокуроры предъявили два обвинения в непредумышленном убийстве водителю Tesla, который проехал на красный свет, используя автопилот, врезался в другую машину и убил двух человек».*

Возможны случаи, когда движение происходит через абстрактные объекты: "*Aston Villa took three years to eventually get up through the playoffs." – «Астон Вилле потребовалось три года, чтобы в конечном итоге пробиться в плей-офф».* Предлог *"through"* может обозначать движение по протяжённому пути или преодоление пространства: "*How life might hitchhike*

its way through the galaxy." – «Как жизнь может путешествовать автостопом по галактике». В случае, если движение проходит через временной отрезок или условие, возникает абстрактное значение движения: "*The spores can survive through heat and drought, lingering in the soil." – «Споры могут выживать в условиях жары и засухи, сохраняясь в почве».*

Таким образом, предлоги "*in"* и *"through"* позволяют выявить два различных способа концептуализации пространства, физический и абстрактный. Физическое и абстрактное значение движения с глаголами движения. С определёнными глаголами ("walk in", "come in", "go through") предлог приобретает смысл входа в область или проникновения через пространство, что может быть буквально физическим или переносным, например, в контексте идей, эмоций или событий. Оба предлога активно участвуют в переносе пространственных схем в сферу времени, процессов и абстрактных состояний, абстрактное движение опирается на метафоризацию физического перемещения.

Список использованной литературы

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.
2. Аракин В. Д. Практический курс английского языка / В. Д. Аракина. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Москва : Владос, 2000. – 336 с. – Текст : непосредственный.
3. Jackendoff R. S. Semantics and Cognition / R. S. Jackendoff. – Cambridge, MA : MIT Press, 1983. – XIII, 283 p. – Текст : непосредственный.
4. Шамне Н. Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н. Л. Шамне. – Волгоград : Волгоградского государственного университета, 2000. – 392 с. – Текст : непосредственный.
5. Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации / В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Исследования по теории грамматики : Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – 2002. – С. 57-98.

Куцобина Н. В., старший преподаватель,
Брянский государственный технический университет
Россия, г. Брянск
E-mail: tashakuz1972@mail.ru

О СПЕЦИФИКЕ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ НЕМЕЦКОГО УЧЕБНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА ДЛЯ ЕГО ПОНИМАНИЯ СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В данной статье рассматриваются примеры образования и использования сложносоставных терминов в учебных технических текстах на немецком языке электротехнической и железнодорожной тематики. Особое внимание уделяется своеобразию функционирования научно-технического

стиля. Целью работы является определить специфику немецкой сложносоставной терминологической лексики и выявить особенности функционирования терминов в научно-техническом тексте. Был использован метод наблюдения и контекстуального анализа. Работа обладает несомненной практической значимостью, поскольку может применяться в изучении теории перевода и быть полезной на академических занятиях со студентами вуза.

Ключевые слова: научно-технический стиль, термин, качество речи, студенты неязыкового вуза, терминологическая система, функционирование, немецкий язык.

Kutsobina N. V., senior lecturer,
Bryansk state technical university,
Russia, Bryansk
E-mail: tashakuz1972@mail.ru

ABOUT THE SPECIFICS OF THE COMPLEX TERMS OF THE GERMAN EDUCATIONAL TECHNICAL TEXT FOR ITS UNDERSTANDING BY STUDENTS OF A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

This article deals with examples of the formation and use of compound terms in technical educational texts in German on electrical and railway subjects. Special attention is paid to the uniqueness of the functioning the scientific and technical style. The purpose of the work is to determine the specifics of the German compound terminological vocabulary and to identify the features of the functioning the terms in a scientific and technical text. The method of observation and contextual analysis was used. The work has undoubted practical significance, as it can be used in the study of translation theory and can be useful in academic classes with university students.

Keywords: scientific and technical style, term, speech quality, students of a non-linguistic university, terminological system, functioning, German language.

В связи с реализацией Федеральных Государственных Образовательных Стандартов (ФГОС) третьего поколения для высшего профессионального образования по иностранным языкам в техническом вузе перед выпускниками стоит ряд требований, от удовлетворения которых зависит их успешное продвижение на рынке труда, реализация профессиональных и личностных амбиций. Студенты неязыковых направлений подготовки оказываются перед трудной задачей освоения профессиональных компетенций с учетом информации, полученной на занятиях по иностранному языку, усвоение базовых, проверенных временем знаний, умений и навыков (ЗУ-

Нов), формирующих культуру рефлексии, осознанное извлечение информации и вытекающую отсюда способность достойно коммуницировать с коллегами в рамках единого мирового информационного пространства.

Поэтому полученный в высшем учебном заведении комплекс знаний по иностранному языку может послужить фундаментом мастерства в своей профессии, толчком к приобретению новых представлений, понятий, сведений в своей квалификации, стимулом к расширению кругозора, постижению тонкостей ремесла, и, как следствие, информированности, опытности в выбранной области труда.

От уровня владения иностранным языком часто зависит востребованность инженеров-специалистов на рынке рабочей силы, и не секрет, что предпочтение отдается выпускникам со знанием одного, а то и двух иностранных языков.

Полученные ЗУНы на уроках иностранного языка помогут ему работать с иностранными источниками литературы, отбирать для себя нужное и применять по своему профилю.

Иностранный язык является развивающейся, подвижной системой, откликающейся на изменения в обществе и мире. Постоянно пополняется словарный запас языка, появляются новые отрасли информации, а вместе с ними и разнообразные онлайн программы по переводу с иностранных языков. Однако не владея основными приемами языка, терминологической профессиональной лексикой, основами грамматики, невозможно адаптировать пока еще несовершенные переводческие ресурсы Интернета для адекватного перевода специальных текстов. Чтобы добиться хорошего результата в работе с информацией на иностранном языке в рамках избранной специальности, чтобы подготовить студента к успешной профессиональной деятельности, нужно научить его правильно работать с научно-техническими текстами.

Научно-технический текст функционирует в информационном пространстве научно-технического функционального стиля, который ориентирован на группового адресата. «Его адресанты, как отмечают М. П. Брандес и В. И. Провоторов, как правило анонимны, отчего лишены субъективной эмоциональности. Общее содержание функции научно-технического стиля определяется ими как объяснение в широком смысле этого слова, которое включает в себя закрепление процесса познания, изложение результатов, так и фиксацию способов применения этих результатов» [1, С. 63].

Установка на определенное качество речи реализуется в научно-техническом стиле путем стилистических приемов с особыми способами применения языковых средств. Основными качествами научно-технического стиля разными исследователями-филологами в разное время выделялись следующие: логичность как последовательное изложение, когда одна мысль вытекает из другой, тем самым явно прослеживается главное и второстепенное; понятность или ясность; сжатость изложения; точность выражения с

точки зрения тщательного подбора лексики или грамматических конструкций, адекватно и однозначно отражающих смысл; нейтральность как отсутствие экспрессии, где, по мнению Е. С. Троянской, усиление выразительности речи достигается без участия эмоциональных средств (например, за счет более четкого членения на акцентные группы, более сильной акцентуации определенных групп и т. д.) [2, С. 75]; объективность, где автор и его оценка отодвигаются на задний план, уступая место самому процессу; официальность как противопоставление непринужденности; стандартность как качество речи, связанное с унификацией форм выражения; а также безобразность и неэмоциальность.

Говоря о стремлении к однозначности, подчеркнем в первую очередь функционирование в научно-техническом стиле терминов, составляющих, по оценкам лингвистов, до 30% всей лексики этого стиля. Автору ближе толкование этого понятия Л. К. Латышевым и Г. М. Стрелковским, которые трактуют «термин как слово или словосочетание, языковой знак которого соотнесен с одним понятием или объектом (либо несколькими одинаковыми объектами) в системе понятий данной области науки или техники» [3, С. 59].

Совокупность терминов составляет терминологическую систему определенной области знания. Термины возникают разными путями. Кроме использования обычных общеупотребительных слов родного языка в специальном терминологическом значении следует выделить словосложение, словообразование с помощью различных префиксов и суффиксов, образование различных словосочетаний. Сложные термины в немецком языке состоят, как правило, из нескольких составных компонентов, представляющих собой не только корневые основы, но и другие типы сложных слов с самыми разнообразными составляющими элементами. Кроме сложения существительных встречаются термины, имеющие в качестве своих компонентов глаголы, наречия, предлоги, прилагательные. Приведем некоторые примеры часто встречающихся сложных терминов:

Полученных при помощи сложения двух или нескольких существительных: *der Stromkreis, der Kreislauf, die Rohrleitung, die Wasserpumpe, das Magnetfeld, der Güterwagen, die Eisenbahnverkehr.*

Im Stromkreis vollzieht der elektrische Strom einen Kreislauf. – Электрический ток выполняет в контуре тока замкнутый цикл.

Auch ohne Wasserpumpe entsteht eine Strömung durch Rohrleitungen, und im Kühler (oder im Winter in der Innenraumheizanlage) als Verbraucher wird der größte Teil dieser Energie wieder abgegeben. – При отсутствии гидравлического насоса в трубопроводе возникает поток, а в охладителе (или зимой в батарее центрального отопления) в качестве потребителя энергии ее большая часть снова отдается вовне.

Ein Strom ist stets von einem Magnetfeld umgeben. – Ток постоянно окружен магнитным полем.

Bei den Güterwagen werden offene und gedeckte Wagen sowie Spezialwagen unterschieden. – Среди грузовых вагонов различают открытые, закрытые вагоны и вагоны специального назначения.

Viele Vorteile bestimmen heute die große Bedeutung der Eisenbahnverkehr für die Wirtschaft der BRD. – Многие преимущества определяют сегодня огромное значение железнодорожного транспорта для экономики ФРГ.

Полученных при помощи словосложения существительных, прилагательных и наречий: *die Kleinbahn, der Nahverkehr, die Sekundärbahn, die Lokalbahn, der Kühlmantel.*

Bei vielen Sekundär- und Lokalbahnen sowie Kleinbahnen wurden Personenwagen als Beiwagen gebraucht. – На многих вторичных и локальных железных дорогах, а также на внутренних путях пассажирские вагоны использовались как прицепные.

Die Fahrzeugen des Nahverkehrs haben eine zusätzliche Federung durch Einbau von Gummielementen in den Scheibenkörper. – Поезда пригородного сообщения имеют дополнительную амортизацию благодаря встроенным в диск резиновым элементам.

Rechts unten kann man die Ständernuten und den äußeren Kühlmantel des Motors unterscheiden. – Справа внизу можно увидеть пазы статора и внешний кожух двигателя.

Полученных из глаголов и существительных: *der Scheinwerfer, die Trennstelle, das Gleitlager, die Bremswirkung, der Bremsklotz, der Schlafwagen, der Sitzplatz, der Fahrgast, der Stehtisch.*

Die Bremswirkung durchgehender Bremsen muss sich stufenweise steigern lassen. Die Bremswirkung entsteht durch die Reibung zwischen dem Rad und einem Bremsklotz. – Тормозное действие следует наращивать постепенно. Оно возникает благодаря трению между колесом и тормозной колодкой.

Ein Schlafwagen ist ein Reisezugwagen, der liegendes Reisen ermöglicht. – Спальный вагон – это вид пассажирского вагона, который позволяет путешествовать с удобствами для сна.

Die Betten können zumeist für den Tagesverkehr in Sitzplätze umgewandelt werden. – Спальное место может быть преобразовано днем в сидячие места.

Viele Bahngesellschaften stellen den Fahrgästen DeLux – Abteile und Economy -Abteile zur Verfügung. – Многие железнодорожные организации предоставляют в распоряжение пассажиров купе эконом- и люкс- класса.

In einigen Speiseräumen der Züge gibt es Stehtische oder Tische mit halbrunden Sitzbänken. – В некоторых вагон-ресторанах есть стойки или столики с полукруглыми сиденьями.

Полученные при помощи предлогов и существительных: *das Unterwerk, die Anzapfung, die Aufhängung, die Beimengung, die Überlastung, der Umformer.*

In der Praxis bedeutet das eine um eine Größenordnung verringere Anzahl von Unterwerken. – На практике это означает сокращение на порядок подстанций.

Die einzelnen Anzapfungen sind an ein Nockenschaltwerk angeschlossen, über dessen Stufen der Strom den Motoren zufließt. – Отдельные отводы присоединены к кулачковому механизму переключения, по ступеням которого ток подводится к двигателю.

Dieser Motor kann sowohl für Tatzlageraufhängung als auch für einen Gummifederantrieb, d. h. als vollabgefederter Motor, geliefert werden. – Этот двигатель может поставляться как с подвеской с моторноосевыми подшипниками, так и с приводом с резиновой пружиной …, т. е. в качестве полнорессорного двигателя.

Die Leitfähigkeit von Halbleitern liegt zwischen der von Leitern und Isolierstoffen und lässt sich in starkem Maße durch bestimmte Beimengungen beeinflussen. – Проводимость полупроводников находится в пределах проводимости проводников и изоляторов и может в значительной степени регулироваться примесями.

Zum Schutz der Anlagen und Geräte gegen Stromüberlastungen werden Sicherungen eingebaut, die bei der Überschreiten einer bestimmten Stromstärke durchschmelzen. – Для защиты установок и приборов от перепадов электроэнергии встроены предохранители, которые расплавляются при повышении силы тока.

Der Umformer ist eine Maschine oder ein Maschinensatz, der elektrische Energie gegebener Form in elektrische Energie anderer Spannung, Frequenz oder Phasenzahl umformt. – Преобразователь электрического тока – это устройство или набор устройств, которые преобразуют электроэнергию одной формы в ток другого напряжения, частоты и числа фаз.

Как понятно из приведенных примеров, русские переводные эквиваленты представляют собой очень часто терминологические словосочетания. В немецком же языке словосложение является наиболее распространенным, в то время как в русский такой способ образования терминов встречается значительно реже.

Список использованной литературы

1. Брандес М. П. Предпереводческий анализ теста : учебное пособие / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – Изд. 3-е, стерео. – Москва : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с. – Текст : непосредственный.

2. Троянская Е. С. Лингво-стилистическое исследование немецкой научной литературы / Е. С. Троянская. – Москва : Наука, 1982. – 312 с. – Текст : непосредственный.

3. Стрелковский Г. М. Научно-технический перевод : пособие для учителей немецкого языка / Г. М. Стрелковский, Л. К. Латышев. – Москва : Просвещение, 1980. – 175 с. – Текст : непосредственный.

4. Electrolibrary.info : Электронная электротехническая библиотека : [сайт]. – URL : http://electrolibrary.info (дата обращения : 20.01.2026). – Текст : электронный.

5. Geschichte der Eisenbahn // Wikipedia de. : [сайт]. – URL : https:// de. wikipedia.org /wiki/ Geschichte der Eisenbahn (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.

Иляшенко Л. К., зав. кафедрой, канд. пед. наук, доцент,
Тетяйкин В. А., обучающийся,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, Сургут
E-mail: iljashenkolk@tyuiu.ru
tetajkinviktor@gmail.com

ИНФАНТИЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ СТЕРЕОТИПОМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

В данной статье исследуется феномен инфантилизации студенческой молодёжи в контексте современных образовательных и социальных трансформаций. Авторы проводят концептуальное различие между общественными стереотипами о «незрелости» поколения и реальными психолого-педагогическими проблемами, с которыми сталкивается высшая школа. Анализируются причины изменения сроков взросления, влияние цифровой среды на когнитивные установки студентов. В статье предложен комплекс методических рекомендаций, направленных на преодоление учебного патернализма и развитие субъектной позиции обучающихся как основы их профессиональной состоятельности.

Ключевые слова: социальный инфантилизм, студенческая молодёжь, педагогическая реальность, социальный стереотип

Ilyashenko L. K., Head of the Department,
Ph. D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Tetyaikin V. A., student,
Surgut Institute of Oil and Gas,
branch of Tyumen Industrial University in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: iljashenkolk@tyuiu.ru
tetajkinviktor@gmail.com

INFANTILIZATION OF UNIVERSITY STUDENTS BETWEEN SOCIAL STEREOTYPE AND PEDAGOGICAL REALITY

This article examines the phenomenon of the infantilization of university students in the context of contemporary educational and social transformations.

The authors draw a conceptual distinction between public stereotypes about the "immaturity" of the younger generation and the actual psychological and pedagogical challenges faced by higher education institutions. The study analyzes the reasons behind the shifting timeline of coming of age, as well as the influence of the digital environment on students' cognitive attitudes. The article proposes a set of methodological recommendations aimed at overcoming academic paternalism and fostering the development of students' agentic position as the foundation of their professional competence.

Keywords: social infantilism, university students, pedagogical reality, social stereotype.

Проблема инфантилизации молодежи в последние десятилетия приобрела статус одной из наиболее обсуждаемых в междисциплинарном научном пространстве. Педагоги, социологи и работодатели всё чаще отмечают разрыв между формальным возрастом выпускников вузов и их способностью к принятию самостоятельных, ответственных решений [1]. В академической среде это проявляется в снижении инициативности, привычке к внешнему контролю и эмоциональной лабильности студентов.

Актуальность данного исследования продиктована необходимостью глубокого переосмысления природы современного студенчества. С одной стороны, обвинения молодёжи в несамостоятельности стали устойчивым социальным клише. С другой стороны, педагогическая практика подтверждает наличие объективных трудностей в формировании профессиональной ответственности у значительной части обучающихся [3]. Цель статьи – деконструировать образ «инфантильного студента», выделив в нем навязанные стереотипы и реальные дефициты личностного развития, а также определить пути их коррекции в рамках вузовского обучения.

Инфантилизм (от лат. infantilis – детский) традиционно понимается как сохранение во взрослом возрасте особенностей поведения и психики, свойственных детству [2]. Однако применительно к студенческой среде важно разделять виды этого феномена.

Психологический ракурс акцентирует внимание на структуре личности. Для инфантильного индивида характерно преобладание эмоционально-волевой незрелости, превалирование принципа удовольствия над принципом реальности. В учебной деятельности это выражается в неспособности к длительной концентрации на рутинных, но необходимых задачах.

Социологический подход рассматривает инфантильность не как патологию, а как продукт «текучей современности». Социологи отмечают феномен «emerging adulthood» (возникающей взрослости), когда период между подростковым возрастом и полной социальной интеграцией растягивается на десятилетие [4]. Финансовая зависимость от родителей и длительный образовательный трек становятся социальной нормой, а не отклонением.

Педагогический аспект наиболее критичен для высшей школы. Здесь инфантилизация проявляется как «учебная беспомощность». Студент, привыкший к жесткому контролю в школе и системе ЕГЭ, ожидает от вуза аналогичной «сервисной» модели, где знания подаются в чрезмерно упрощённом и алгоритмизированном виде, а ответственность за результат лежит на преподавателе.

Прежде чем говорить о проблемах, необходимо признать, что значительная часть «инфантилизма» студентов – это результат смещения критериев взрослости. Старшее поколение склонно оценивать молодых людей по лекалам индустриальной эпохи.

К основным причинам формирования стереотипа об инфантильности можно отнести:

1. Трансформация бытовых навыков. Автоматизация быта привела к тому, что молодежи не требуется проявлять ту «житейскую смекалку», которая была обязательна 30 – 40 лет назад. Отсутствие этих навыков ошибочно трактуется как общая беспомощность.

2. Цифровой разрыв. Современные студенты – «цифровые аборигены». Их способы коммуникации, поиска информации и досуга непонятны старшим наставникам. То, что кажется «уходом от реальности» (игры, соцсети), зачастую является пространством их первичной социализации и даже заработка.

3. Изменение брачно-семейных установок. Отказ от раннего деторождения и брака воспринимается обществом как нежелание взрослеть, хотя с точки зрения экономики знаний – это прагматичный выбор в пользу карьеры и саморазвития.

Таким образом, часть претензий к студентам является субъективной. Молодёжь не стала «глупее» или «слабее», она адаптировалась к среде, которая требует иных компетенций. Инфантилизм в данном случае – это ярлык для обозначения инаковости ценностных ориентиров.

Тем не менее, за фасадом социальных мифов скрывается реальная педагогическая проблема. Инфантилизация становится угрозой, когда она препятствует формированию профессиональных компетенций. В техническом вузе, где подготовка связана с опасными производствами (нефтегазовая отрасль), недостаточная сформированность ответственности может привести к серьёзным профессиональным рискам.

Реальный педагогический инфантилизм проявляется в следующих аспектах:

1. Экстернальный локус контроля. Студенты склонны объяснять свои неудачи внешними факторами: «билет был сложный», «преподаватель ко мне предвзят», «система зависла». Отсутствие привычки искать причину в собственных действиях – ключевой признак незрелости.

2. Имитация деятельности вместо результата. Ориентация не на получение знания, а на формальное выполнение требований (сдача работы в последний момент, использование нейросетей для генерации текста без осмысления).

3. Зависимость от микроменеджмента. Неспособность работать без постоянных напоминаний и пошаговых инструкций. Студент теряется, если задача сформулирована в общем виде и требует творческого поиска.

4. Эмоциональная хрупкость. Низкая стрессоустойчивость перед лицом конструктивной критики. Любое замечание воспринимается не как рабочий момент, а как личное оскорбление, что ведет к демотивации.

Эта реальность требует от системы образования не просто передачи знаний, а целенаправленной работы по «доращиванию» личности студента до уровня взрослого субъекта деятельности.

Главная методическая ошибка в борьбе с инфантилизмом – попытка усилить административный надзор [2]. Избыточный контроль может закреплять зависимую позицию студента и снижать его готовность к самостоятельному принятию решений.

Для трансформации педагогической реальности предлагаются следующие рекомендации:

1. Создание ситуаций выбора. Образовательная программа должна содержать вариативные модули, где студент сам несет ответственность за выбранный путь и его последствия.

2. Внедрение проектной деятельности. Работа над реальными кейсами от индустриальных партнеров заставляет студентов сталкиваться с неопределенностью. В проекте нет «правильного ответа в конце учебника», что является лучшим лекарством от инфантилизма.

3. Изменение системы оценивания. Переход к рейтинговым системам, где баллы накапливаются за счет проявления инициативы, участия в конференциях, решения задач повышенной сложности. Это формирует понимание: «мой результат – это мои усилия».

4. Делегирование субъектности. Привлечение студентов к управлению кафедрой, институтом, организации научных мероприятий. Ощущение причастности к «взрослым» процессам стимулирует соответствующее поведение.

5. Психологическое просвещение и тьюторство. Преподаватель должен сменить роль «транслятора знаний» на роль ментора, который помогает студенту осознать его слабые стороны и выстроить стратегию профессионального роста.

Инфантилизация студенческой молодёжи – это сложный вызов, требующий от высшей школы гибкости и глубины анализа. Мы должны четко осознавать: где мы сталкиваемся с естественной сменой поколенческих привычек, которую нужно принять, а где – с дефицитом ответственности, с которым необходимо бороться.

Преодоление инфантилизма невозможно без изменения самой философии высшего образования. Вуз должен постепенно отходить от модели продолжения школьного контроля и становиться средой профессиональных проб, где цена ошибки ощутима, но есть поддержка для её исправления. Только через признание студента полноправным партнером, наделенным не только правами, но и реальными обязанностями, мы сможем подготовить поколение, способное отвечать за будущее технологического и социального развития страны.

Список использованной литературы

1. Анисимова О. С. Ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте кризиса социализационной системы трансформирующегося российского общества / О. С. Анисимова, Л. С. Николаева. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №. 5. – С. 659-659.
2. Ефимова Г. З. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества / Г. З. Ефимова. – Текст : непосредственный // Вестник евразийской науки. – 2014. – №. 6 (25). – С. 9.
3. Пахомова Е. А. Инфантилизм в студенческой молодежной среде как психолого-педагогическая проблема / Е. А. Пахомова. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2021. – №. 2. – С. 234-242.
4. Пеньков И. А. Психолого-педагогические аспекты онлайн-обучения: проявление инфантилизма студентов в дистанционном режиме / И. А. Пеньков, С. С. Выродов, Д. М. Дьякова. – Текст : непосредственный // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2023. – Т. 12. – №. 1. – С. 76-87.

Карпушина Ю. А., старший преподаватель,
Алексанова М. А., магистрант,
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева,
Россия, г. Орел
E-mail: jul-karpush@mail.ru
margaritaakeksanova85@gmail.com

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассматривается важность изучения иностранных языков в современном мире, их значение для разных сфер жизни человека. В работе представлены иностранные языки, которые россияне выбирают для изучения, а также рассмотрены причины их востребованности. Проанализированы основные подходы в изучении языков.

Ключевые слова: иностранный язык, международные отношения, саморазвитие, мотивация, подход в изучении иностранных языков.

Karpushina Yu. A., Senior Lecturer,
Aleksanova M. A., Master's Student,
I. S. Turgenev Oryol State University,
Russia, Oryol
E-mail: jul-karpush@mail.ru
margaritaakeksanova85@gmail.com

THE IMPORTANCE OF A FOREIGN LANGUAGE LEARNING: PRECONDITIONS AND TRENDS

The article discusses the importance of learning foreign languages in the modern world and their significance for various aspects of human life. It presents the foreign languages that Russians choose to learn and examines the reasons for their popularity. The article also analyzes the main approaches to language learning.

Keywords: foreign language, international relations, self-development, motivation, approach to learning foreign languages.

«Знать много языков – значит иметь много ключей к одному замку» – говорил один из главных представителей просветительской мысли XVIII века. Слова Вольтера являются актуальными и по сей день. Язык – это не просто набор слов и грамматических правил. Он является отражением истории, культуры и мировоззрения народа. Каждый язык уникален, и его изучение позволяет увидеть мир под новым углом, почувствовать различия в мышлении и восприятии действительности. Полиглот, подобно искусному путешественнику, исследует не только географические просторы, но и ментальные ландшафты.

В эпоху глобализации и активного международного сотрудничества, владение иностранными языками становится ключевым фактором успеха. Сегодня это не просто преимущество, а важный навык, способствующий карьерному продвижению, саморазвитию и расширению возможностей. Кроме того, владение иностранными языками способствует расширению кругозора, формированию толерантности и глубокому пониманию мира.

В России наблюдается увеличение интереса к изучению иностранных языков. Лидирующую позицию по-прежнему занимает английский язык. Это язык бизнеса, науки, кино и интернета. Он является ключевым инструментом в сферах бизнеса, науки, кинематографии и интернет-технологий. Свыше полутора миллиардов людей во всем мире используют английский язык в качестве средства общения, а 90% международных корпораций применяют его в своей повседневной деятельности. Знание английского языка необходимо для карьерного роста, путешествий и доступа к огромному объ-

ему информации. Какой язык занимает 2 место сказать трудно, в разных источниках указывают китайский язык, немецкий язык, французский язык, испанский язык и итальянский язык. Рассмотрим каждый из них. Исторически сложившиеся связи между Россией и Германией, а также привлекательность немецкого образования и рынка труда, стимулируют интерес к изучению этого языка. Французский язык привлекает своей элегантностью и богатой культурой, а испанский и итальянский языки становятся все более востребованными благодаря популярности туристических направлений и латиноамериканской культуры. Однако, если выбор европейских языков для изучения привычен, то в России в 2025 году резко начал расти спрос на изучение азиатских языков – китайский, японский языки и недавно добавился корейский язык.

Выбор языка для изучения – это индивидуальное решение, зависящее от личных целей и интересов. Однако, знание популярных языков, таких как английский, немецкий, китайский, французский, испанский и итальянский, открывает перед россиянами широкие возможности в карьере, образовании и общении.

Так, в начале прошлого года на российском рынке труда всё больше вакансий для сотрудников со знанием английского языка – 53%, китайского языка - 10% и японского языка – 9%. Как правило владение иностранными языками необходимо для переводчиков, учителей, специалистов по закупкам, менеджеров по продажам и няней [1].

Книжный сервис «Строки» проанализировал предпочтения россиян при выборе литературы для изучения иностранных языков. Исследование приурочили ко Дню переводчика, который отмечается 30 сентября. В 2025 году наибольшая доля пришлась на английский язык – 79% от общего объема потребления. Пользователи старше 25 лет чаще выбирают именно английский язык. Испанский язык занял второе место в рейтинге. Его доля выросла на 4% по сравнению с прошлым годом. Этот язык особенно популярен среди возрастной группы 35 лет – 44 года. Французский язык оказался на третьем месте, а немецкий – на четвертом. Разница между ними составила всего 1%. Молодежь младше 18 лет чаще всего выбирает французский язык. Кроме литературы в изучении иностранных языков сегодня используются и другие подходы в изучении языков.

Так, коммуникативный подход, упор в котором делается не на безупречное знание грамматики, а на способность выражать свои мысли, понимать собеседника и успешно разрешать коммуникативные ситуации. Одним из ключевых элементов коммуникативного подхода является использование аутентичных материалов – статей из газет и журналов, видеороликов, песен, подкастов.

Лексический подход позволяет выстраивать образовательный процесс, используя лексику (устойчивые фразы, выражения и словосочетания).

Грамматике при этом отводится второстепенное значение. Применение лексического подхода предполагает использование аутентичных материалов: фильмов, песен, книг, разговоров носителей языка. Это позволяет студентам погружаться в реальный контекст использования языка и осваивать лексику в естественной среде.

Лексико-коммуникативный подход (ситуативное изучение) широко распространён в государствах Европы, таких как Италия, Испания и другие. Ученики совершенствуют знания, занимаясь определенным общим делом. В Финляндии, например, организовывают специальные занятия кулинарии, во время которых можно улучшить знание [5].

Каковы цели изучения языков? В 2024 году среди опрошенных, 8% намерены изучать иностранный язык ради саморазвития, 38% – чтобы иметь возможность путешествовать, 19% – для коммуникации с носителями языка, 18% – в целях работы, и наименьшая доля, 9%, – для образовательных нужд.

Интересно, что самой многочисленной группой среди тех, кому языки нужны для путешествий, является молодежь в возрасте от 18 до 24 лет (44%), а также люди старше 65 лет (40%) [3].

Для каждой группы опрошенных характерна своя мотивация, для которой характерны определённые функции: стимулирующая, направляющая и организующая [2]. Данные аспекты наделяют процесс обучения целесообразностью и важностью. Наиболее существенной представляется смыслообразующая роль, которая занимает ключевое положение в системе учебной мотивации.

Смысл учения, как осознание личностной значимости получаемых знаний и умений, является мощным стимулом для активного вовлечения в образовательный процесс. Он позволяет учащимся увидеть связь между учебными задачами и своими жизненными целями, превращая учебу из обязательной рутины в осознанный путь к саморазвитию и достижению желаемого будущего.

Возрастающий интерес россиян к изучению иностранных языков – это отражение глобальных тенденций, в которых знание языков перестает быть просто бонусом, а становится необходимостью. В условиях расширяющихся международных связей, активного развития туризма и бизнеса, владение иностранными языками открывает новые горизонты для самореализации.

Владение иностранными языками становится ключом к успеху в современном мире и открывает новые возможности для личностного и профессионального роста. В эпоху глобализации, когда мир становится все более взаимосвязанным, знание иностранных языков превращается из приятного дополнения в насущную необходимость. Это не просто умение общаться с людьми из других стран, это возможность понимать их культуру, мировоззрение и ценности.

Список использованной литературы

1. Английский, китайский и японские языки наиболее востребованы у работодателей : [сайт]. – URL : https://www.audit-it.ru/news/personnel/1120962.html (дата обращения : 10.01.2026). – Текст : электронный.
2. Безбородова М. А. Мотивация в обучении английскому языку / М. А. Безбородова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2009. – № 8 (8). – С. 156-160.
3. Каждый второй россиянин планирует изучать иностранный язык в 2024 году : [сайт]. – URL : https://www.forbes.ru/education/518312-kazdyj-vtoroj-rossianin-planiruet-izucat-inostrannyj-azyk-v-2024-godu (дата обращения : 10.01.2026). – Текст : электронный.
4. Соловьев С. С. Социологический анализ вызовов роста популярности китайского языка в России / С. С. Соловьев. – Текст: электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiy-analiz-vyzovov-rosta-opul-yarnosti-kitayskogo-yazyka-v-rossii (дата обращения : 10.01.2026).
5. Способы изучения иностранного языка: от классики до нейросетей : [сайт]. – URL : https://erosheve.ru/blog/izuchenie-yazykov/sposoby-izucheniya-inostrannogo-yazyka/ (дата обращения : 10.01.2026). – Текст : электронный.

Иляшенко Л. К., зав. кафедрой, канд. пед. наук, доцент,
Боровинская М. В., обучающийся,
Сургутский институт нефти и газа,
филиал ТИУ в г. Сургуте,
Россия, г. Сургут
E-mail: iljashenkolk@tyuiu.ru
mznqa@mail.ru

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается конфликт поколений в высшей школе как отражение глобальных изменений, вызванных цифровизацией. Выявлены основные зоны напряжения между преподавателями (поколения X и старше) и студентами поколения Z. Показано, что конфликт носит не личностный, а педагогический характер и может быть преобразован в продуктивный диалог через адаптацию методов обучения, использование цифровых инструментов и смену роли преподавателя от транслятора знаний к наставнику. Предложены практические рекомендации по снижению конфликтности.

Ключевые слова: конфликт поколений, поколение Z, цифровизация образования, педагогический диалог, клиповое мышление, роль преподавателя.

Ilyashenko L. K., Head of the Department,
Ph. D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Borovinskaya M. V., student,
Surgut Institute of Oil and Gas,
branch of Tyumen Industrial University in Surgut,
Russia, Surgut
E-mail: iljashenkolk@tyuiu.ru
mznqa@mail.ru

FEATURES OF GENERATIONAL CONFLICT IN HIGHER EDUCATION: FROM CONFRONTATION TO PEDAGOGICAL DIALOGUE IN THE DIGITAL AGE

The article examines the generational conflict in higher education as a reflection of global changes caused by digitalization. The main areas of tension between teachers (generations X and older) and Generation Z students are identified. It is shown that the conflict is not personal, but pedagogical in nature and can be transformed into a productive dialogue through the adaptation of teaching methods, the use of digital tools and a change in the teacher's role from a knowledge transmitter to a mentor. Practical recommendations for reducing conflict are proposed.

Keywords: generational conflict, Generation Z, digitalization of education, pedagogical dialogue, clip thinking, teacher's role.

Современный университет переживает уникальную ситуацию. Впервые в истории в одной аудитории встречаются люди, чьи способы думать, учиться и общаться сформированы принципиально разными технологическими эпохами. Преподаватель, выросший в мире книг, библиотек и линейного текста, и студент, с детства погруженный в цифровую среду, интернет и социальные сети, часто говорят на разных языках [1]. Этот разрыв в восприятии реальности порождает острые конфликты, снижающие качество образования и тормозящие модернизацию высшей школы.

Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией общества и образования. Традиционная образовательная модель, основанная на передаче знаний от старшего к младшему, вступила в противоречие с новым поколением студентов, обладающих иным когнитивным стилем, ценностями и ожиданиями от обучения [2]. Конфликт поколений перестал быть фоновым явлением и превратился в серьёзный барьер на пути модернизации высшей школы.

Цель статьи – раскрыть природу конфликта поколений в вузе и предложить практические механизмы перехода от противостояния к конструктивному педагогическому диалогу.

Конфликт поколений – это фундаментальный социальный феномен, сопровождающий человечество на протяжении всей истории. Однако в цифровую эпоху он приобрёл новые, ярко выраженные черты, обусловленные технологическим разрывом.

Согласно теории поколений, Н. Хоува и У. Штрауса, каждое поколение формируется под влиянием ключевых событий своей юности. Преподаватели (преимущественно поколения беби-бумеров и X) ценят коллективизм, трудоголизм, уважение к авторитету, линейное глубокое чтение и длительную концентрацию внимания [4]. Студенты поколения Z, напротив, характеризуются: клиповым (мозаичным) мышлением; высокой мультизадачностью; предпочтением коротких видео- и визуальных форматов; прагматизмом и ориентацией на быстрый результат; горизонтальными связями и недоверием к традиционным институтам. В таблице 1 представлены причины конфликтов.

Таблица 1

Основные причины конфликтов

Причины	**Преподаватели**	**Студенты**
Отношение к информации и способам её восприятия	Ориентированы на глубокое линейное погружение	Быстрое сканирование и поиск ключевых слов. Длинные лекции воспринимаются как скучные и неэффективные
Стили коммуникации	Формальный, иерархичный стиль (обращение по имени-отчеству, официальная почта)	Ожидают быстрой, неформальной коммуникации в мессенджерах с использованием смайлов и коротких сообщений
Ожидания от учебного процесса	Передача фундаментальных знаний и формирование научного мировоззрения	Получение практических, монетизируемых навыков и персонализированный подход
Отношение к цифровым технологиям	Видят в гаджетах отвлечение	Гаджет – естественный инструмент обучения и поиска информации

Эти различия усугубляются технологическим разрывом и приводят к взаимным обвинениям: преподаватели упрекают студентов в поверхностности и отсутствии дисциплины, студенты – преподавателей в несовременности и равнодушии.

Важно понимать, что конфликт поколений в образовании – это не столкновение «плохих» студентов и «устаревших» преподавателей, а закономерное отражение смены культурных и когнитивных эпох [3]. Обе стороны находятся в состоянии стресса: преподаватель теряет монополию на

знания, студент тонет в информационном шуме и ищет смыслы и ориентиры.

Конфликты негативно влияют на успеваемость, мотивацию и социально-психологический климат, однако при правильном подходе могут стать движущей силой развития. Они отражают не личную неприязнь, а объективные изменения образовательной среды: переход от модели «трансляции знаний» к модели наставничества и фасилитации.

Анализ типичных учебных ситуаций и результатов опроса студентов и преподавателей позволил выделить ключевые зоны напряжения

В таблице 2 представлены Зоны напряжения в взаимодействии преподавателя и студента поколения Z.

Таблица 2

Зоны напряжения в взаимодействии преподавателя и студента поколения Z

Зона напряжения	**Как проявляется конфликт**	**Возможное решение**
Использование гаджетов	Преподаватель видит отвлечение, студент – инструмент обучения	Договорённость о правилах использования
Коммуникация	Студент ждёт быстрой обратной связи, преподаватель – соблюдения формата	Единые правила цифрового общения
Формат занятий	Студенту трудно воспринимать длинную лекцию	Чередование объяснения, обсуждения и практических заданий
Оценивание	Студент ждёт прозрачности критериев	Чёткие критерии и обратная связь

Анализ таблицы 1 показывает, что основные зоны напряжения между преподавателями и студентами поколения Z связаны с различиями в восприятии информации, коммуникации, форматах обучения и оценивании.

Конфликты возникают из-за несовпадения ожиданий: традиционные подходы преподавателей сталкиваются с потребностью студентов в быстроте, практической пользе и цифровых инструментах.

Вместе с тем, каждая зона имеет простые пути решения – через чёткие правила, адаптацию форматов занятий, прозрачные критерии и использование цифровых инструментов.

Таким образом, большинство конфликтов можно существенно снизить за счёт взаимной адаптации, превращая противостояние в продуктивный педагогический диалог.

Для перехода от противостояния к продуктивному диалогу рекомендуется комплексный подход:

1. Цифровые инструменты как мост. Использование Moodle/Google Classroom, общих чатов с чёткими правилами, коротких видео-пояснений и онлайн-опросов для мгновенной обратной связи.

2. Адаптация форматов обучения. Разбивка материала на короткие блоки, чередование теории и практики, широкое применение инфографики, кейсов и проектной работы. Сохранение глубины содержания при изменении формы подачи.

3. Смена роли преподавателя. Переход от транслятора знаний к наставнику-фасилитатору: развитие критического мышления, индивидуальная поддержка, признание ошибок и акцент на компетенциях.

4. Формирование взаимной цифровой культуры. Введение в начале курса совместных правил взаимодействия, проведение тренингов для преподавателей по работе с поколением Z.

Отметим, что конфликт поколений в высшей школе – это не катастрофа и не признак кризиса системы, а закономерный индикатор глобальных изменений. Он отражает переход от индустриальной к цифровой эпохе и требует от всех участников образовательного процесса гибкости, эмпатии и готовности к диалогу.

Преподаватель приносит глубину, системность и опыт. Студент – скорость, адаптивность и свежее видение мира. Только их продуктивное сотрудничество позволит подготовить специалистов, способных успешно действовать в условиях высокой неопределённости и быстрых технологических изменений.

Превращение потенциального противостояния в педагогический диалог возможно и необходимо. Первый шаг – признание различий и совместный поиск решений. Именно в этом заключается главный ресурс развития современного российского высшего образования.

Список использованной литературы

1. Попова Е. А. Образовательная политика высшей школы в эпоху искусственного интеллекта : экосистемный подход к интеграции технологий и трансформации педагогических практик / Е. А. Попова, Е. М. Медякова, З. С. Мартемьянова. – Текст : непосредственный // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 4. – С. 247-256.

2. Пуре Н. М. Поколение Z перед лицом антропологического кризиса / Н. М. Пуре. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета : Философские науки. – 2025. – № 1 (53). – С. 47-62.

3. Шамсутдинова И. И. Трансформация статуса и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации (на примере КФУ) / И. И. Шамсутдинова. – Текст : непосредственный // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 1 (48). – С. 95-98.

4. Педагогические эффекты для студентов поколения Z в условиях цифровизации высшего образования / С. А. Шевченко, И. А. Морозова, Е. В. Кузьмина, М. И. Кузьмина. – Текст : непосредственный // Московский педагогический журнал. – 2025. – № 1. – С. 62-74.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 2 ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ	3
Малютина Т. П. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ НАГЛЯДНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ НА ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ	3
Зятева Л. А. КВАЗИПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ	7
Объещенко Т. Е. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ	11
Тиняков С. В., научный руководитель: Щербатых Л. Н. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЕДОМСТВЕННОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КУРСАНТОВ	15
Савченко А. Ю., Грицев Д. Л. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАНЯТИЙ ПО ИГРОВЫМ ВИДАМ СПОРТА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	21
Моцовкина Е. В., Чижевская Е. В. ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	25
Дидык В. Н., научный руководитель: Иванова С. Ю. СТУДЕНЧЕСКИЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ КАК ЦЕНТР ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ВУЗЕ: ОТ ТЕЛА К СООБЩЕСТВУ	29
Лисова С. Ю. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА	33
Чистякова С. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	38
Кузнецова Е. Д., Кузнецова А. С. ВКЛЮЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ КАК СПОСОБ СОВМЕЩЕНИЯ УЧЕБЫ И ЗАНЯТИЙ СПОРТОМ	42
Хасанова А. И., Цветкова К. В., Павлова И. В.	45

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧЕНИКОВ: АНАЛИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ КВИЗА ПО ТВОРЧЕСТВУ А.С. ПУШКИН	
Цвигун Д. С. РОЛЬ РЕФЛЕКСИВНЫХ РЕСУРСОВ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ	49
Бикмурзина Н. С., Суматохина А. С. ПАТРИОТИЗМ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ	54
Аболина Н. С. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	57
Кожедуб М. С. ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА	62
Черных Т. Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА КУРАТОРСТВА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НАСТАВНИЧЕСТВА И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИМИ ГРУППАМИ	67
Григорьева Е. И., научный руководитель: Апарина М. В. ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ВОЛОНТЕРСКИХ СПОРТИВНЫХ ПРОЕКТОВ	72
Цветков О. Ю., Терещенко Т. Ю., Пачкалёва П. С. ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ПОЛЕВОЙ ГЕОДЕЗИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	77
Кошелева С. В. ВОСПИТАНИЕ В ДУХЕ ПРИОРИТЕТА ДУХОВНОГО НАД МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОСРЕДСТВОМ ТЕАТРА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	81
Захарова Л. И., Лисаневич А. П. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	85
Шарыпова Н. Х., Хисматуллина М. М. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	89
Корнеева Е. В. ИДЕИ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	97
Занфир Л. Н., Желев Д. Б.	101

РОЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МАНГАЗЕИ В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СИБИРИ	
Журавлева Т. А., Зимовец О. В. ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ	105
Латина С. В., Цветков О. Ю., Борисова Ю. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ВУЗе КАК ПУТЬ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА	113
Семак А. С. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КУРАТОРА С ИНОСТРАННЫМИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ	118
Жерлыкина М. Н., Лобанов Д. В. ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИВ ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	123
Клочко К. А., Нуриева А. А. ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА	127
Красовская Н. Н., Ковалёва В. В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ И КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ У СТУДЕНТОВ	131
Сусед-Виличинская Ю. С. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧЕБНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	135
Барабашёва И. В., Зубок Л. Д. АКАДЕМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МАГИСТРАНТОВ К ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	138
Самойлова М. В., Остапова Е. О. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОГИ	143
Красовская Н. Н., Орлова А. С. ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ ЮМОРА И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ	147
Павлов С. М. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ: СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ НАСТАВНИЧЕСТВА И ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	152
Пазухина С. В.	156

МОТИВАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОЛОДЕЖНОГО РАДИКАЛИЗМА И МЕТОДЫ ЕГО ДИАГНОСТИКИ	
Похомова А. А. ВИРТУАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	161
Астафьева Э. Н., Березнева Е. Ю. СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМАТЫ ЛИДЕРСТВА	164
Слюсарская Т. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА НРАВСТВЕННУЮ ТЕМАТИКУ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»	168
Игушкина К. Н. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК РЕСУРС ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У ПОДРОСТКОВ	173
Баярова М. Б., Аллаева А. О. ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ВУЗА	176
Баранова З. В., Морозова Д. Ф. ЦИФРОВАЯ МАЙЕВТИКА: ОТ ТРАНСЛЯЦИИ ЗНАНИЙ К РОЖДЕНИЮ СМЫСЛА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	181
Хакимов Р. М., Иванова Н. Л. ВЛИЯНИЕ РОЛИКОВОГО ТРЕНАЖЕРА-МАССАЖЕРА BODY ROLL НА ОРГАНИЗМ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ	185
Рубилина Е. С., Иванова Н. Л. ВЛИЯНИЕ КРАТКОВРЕМЕННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ НАГРУЗОК (ПРЫЖКОВ НА СКАКАЛКЕ) НА СНИЖЕНИЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ СТУДЕНТОВ	189
Баранкова Н. И., Петрова Т. Н. ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	196
Журавлева В. Д., Иванова Н. Л. ВЛИЯНИЕ СНА НА СТУДЕНТОВ ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ФИЛИАЛ В ГОРОДЕ СУРГУТЕ	199
Боталова Н. Е., Иванова Н. Л. ОЧНОЕ И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ 1 И 2 КУРСОВ ФИЛИАЛА ТИУ В Г. СУРГУТЕ)	205

Попов Е. А., Иванова Н. Л. РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ТРАВМЫ КОЛЕНА И ГОЛЕНОСТОПА НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТОМ	210
Калмазова Е. М., Иванова Н. Л. ПРИСЕДАНИЯ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ПРОФИЛАКТИКИ БЫТОВОГО ТРАВМАТИЗМА У СТУДЕНТОК ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА	214
Меркулова А. В., Иванова Н. Л. ВЛИЯНИЕ ПАССИВНОГО ТРЕКИНГА АКТИВНОСТИ НА МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ	219
Секция 3 КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕВЗГЛЯДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ	225
Бушев А. Б. ЖАНРЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ФАКТУРЫ РЕЧИ	225
Воронцова Ю. А. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	229
Люй Линчжи СОЧЕТАНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ: ПУТИ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	235
Мартынов П. С., Лаврова С. Ю. КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХОККЕЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕПОРТАЖЕЙ ТЕЛЕКОММЕНТАТОРОВ)	239
Губанов С. А. КОНЦЕПТ «ЗАРЯ»: ЭПИТЕТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ	245
Донскова Г. А., Ажигалиева А. М. ПОНЯТИЕ АЛЛЮЗИВНОГО ЗАГОЛОВКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ И ЕЕ ФУНКЦИИ	249
Тюрина С. Ю., Староверова Е. Б. КУЛЬТУРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ПЕРЕВОДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ	256
Макарова Ю. А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВА В НЕМЕЦКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР	259
Жарких О. И. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЙНЫХ ИМЁН В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (С ПРИМЕНЕНИЕМ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)	264
Сидорова Л. А.	267

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МАРКЕТИНГОВОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	
Карташова В. Н. ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРНОМ ЗАПАСЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ	272
Khasanov A. M. ALTERNATIVES TO AGRICULTURAL LEXICAL GAPS IN DIALECTS (ON THE EXAMPLE OF UZBEK LANGUAGE)	275
Смирнова М. Н., Белов С. В. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА	279
Мартынова И. С. ПРИМЕНЕНИЕ ЧАТ-БОТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	283
Никогосян А. А. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА «ТРУД» В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА	287
Лапунова О. В. ПРИЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЧУЖОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	291
Мартынова И. С., Фомина А. И, Бондарев Р. П. СПОСОБЫ ЗАПОМИНАНИЯ НЕПРАВИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	296
Карыбаева С. Е., Жумадилова М. Н., Жунисова К. К. МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ	300
Жумабекова А. К., Байгаскина А. А. СТРАТЕГИИ И КЛАССИФИКАЦИЯ КАЗАХСКИХ ТОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА «ТАР КЕЗЕҢ»	306
Олейников А. А., Удодов А. Б. РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА	310
Камалова А. Т., Жумабекова А. К. АНАЛИЗ АВТОРСКОГО СТИЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА СТИВЕНА КИНГА “FAIRY TALE”)	315
Фефелова Г. Г. КОМИЧЕСКОЕ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК МНОГОУРОВНЕВАЯ ЗНАКОВАЯ СТРУКТУРА	320
Кодирова Ф. Ю. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В ЗАГЛАВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО СМЫСЛОВОЙ КОМПРЕССИИ	323

Швабовская А. А., Мальцева И. Г. ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ГРАММАТИКИ: ОТБОР И СПОСОБЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА	326
Герман К. В., Жумабекова А. К. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ Г. ПИНТЕРА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ» В АСПЕКТЕ ПОЭТИКИ АБСУРДА (на материале перевода В. Денисова)	333
Жумабекова А. К., Қайрат А. Ж. ПЕРЕВОД ФИЛЬМА КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ФИЛЬМЕ «КАШ»	338
Попкова В. А. СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ФОЛЬКНЕТА И СЕТЕРАТУРЫ К НЕЙРОЛИТЕРАТУРЕ	344
Жумабекова А. К., Сембек А. А. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В АНАЛИЗИРУЕМОМ МАТЕРИАЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ TEDx Astana)	349
Козлова Л. Н., Тураев Т. Ю. ЭЛЕМЕНТЫ ИГРЫ СЛОВ В АНТРОПОНИМАХ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ФИЛЬМА «ЗВЕРОПОЛИС 2»)	353
Попова М. И., Зыкова А. В. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ МЕГИНО-КАНГАЛАССКОГО УЛУСА: ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	357
Мочкодан С. О. МОДА И ПРАКТИКИ ОДЕВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ	361
Царева Г. В., Буглаев Т. А. АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И СТУДЕНТ: ПОМОЩНИК, КОНКУРЕНТ ИЛИ УГРОЗА РАЗВИТИЮ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НАВЫКОВ	366
Гринфельд П. И., научный руководитель: Анисина Н. В. АКТУАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ЧТЕНИЯ ЛЮБОВНЫХ РОМАНОВ	370
Утегенова К. Т., Байбулова А. Т. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ	374
Кочурова В. Д., Анисина Н. В. КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ О ВАМПИРАХ КАК ЯВЛЕНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕДАКТОРСКИЙ АНАЛИЗ	379
Корепанов Т. М., Возмищева Н. В. К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	384
Тілеш Қ. Е., Дюсенгазин Д. М., Кожаеа А. Т.	389

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ ВУЗА	
Рыбакова Д. Д., научный руководитель: Анисина Н. В. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ АППАРАТА ИЗДАНИЯ ФЭНТЕЗИ, ОСНОВАННОМ НА МИФОЛОГИИ	394
Кононова А. А., научный руководитель: Анисина Н. В. ОФОРМЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ КАК СПОСОБ КУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	399
Соболева А. В., Умарова Г. С. ПОЭЗИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	403
Легостаева О. В. КОНЦЕПТ «МУДРОСТЬ» И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОЙ И ЧЕЧЕНСКОЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК	408
Шупляк П. С., научный руководитель: Гулицкая Т. П. КАЛЛИГРАММЫ КАК ФОРМА ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ: ОТ ГРАФИЧЕСКОГО РИСУНКА К ВИЗУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА	413
Бояркина Л. М., Резепов Д. Ю. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	418
Никитина Н. Е. ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МИР ПОВЕСТИ К. СТЕПАНЯНА «ГДЕ»	423
Шалина И. В., Шестакова В. С. РОЛЬ ИГРЫ СЛОВ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В СОЗДАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ФОНА И ВЫРАЖЕНИИ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЯПОНСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	427
Карел Э. В., Суханова И. Г. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	432
Грицай Л. А. ТЕМА СМЕРТНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВЕТСКОЙ БАРДОВСКОЙ ПЕСНЕ	437
Суханова И. Г. Петухова А. А. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	442
Корниенко Е. Р. ПОЛЕ КОММУНИКАЦИИ ВО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	446
Миллер В. И., Белоусова Д. В. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	450

Миллер В. И., Бакина Т. О. МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ КАККУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	455
Аверьянова В. В., Алесенко Н. С. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ	460
Хорькова Е. П. ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГАРМОНИЧЕСКИ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	465
Пластун Ю. А. РОССИЙСКИЕ «НУЛЕВЫЕ» В СЕРИАЛЕ «КАМБЭК»: МЕДИАНОСТАЛЬГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ	470
Шаравин А. В., Старцева И. Л., Резаков Я. О. ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ И ПОЭТИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ Е. А. ЗВЯГИНА	475
Попова Е. А., Матонин В. Н. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И ПОДХОДЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ	479
Мытько А. Д., Потылицин А. П., Путрюков С. И., Фомина Н. В. «КНИЖНЫЙ БУМ» В РОССИИ В БЛИЖАЙШИЕ ПЯТЬ ЛЕТ	483
Русак О. В. ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА	488
Сафонова Т. В. ЦЕЛИ И СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ДИСКУРСЕ РЕКЛАМЫ	493
Хамитова Д. С., Махортова Т. Ю. ПЕРЕВОД ЮМОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: ТРАДИЦИОННОЕ И НЕЙРОСЕТЕВОЕ РЕШЕНИЕ	497
Борщевская С. В., Долгова А. О. ДИВЕРГЕНТНОЕ МЫШЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПИЛОТНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ	502
Акопян М. А. КАТЕГОРИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИЗНАК КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРАКЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ	506
Хадынская А. А., Тимошенко М. А.	510

ПОЭЗИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО В РЕЦЕПЦИИ РОССИЙСКИХ РОК-ПОЭТОВ	
Мандик В. А. ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ АССИМИЛЯЦИОННОЙ МЯГКОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНЕНИИ С ЛИТЕРАТУРНЫМ)	514
Никитина Н. Е., Сивак М. Ю. СООТНОШЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ «КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ» Р. КИПЛИНГА	518
Филипенко Д. В., научный руководитель: Гулицкая Т. П. СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЦИКЛЕ «ЧАСТЬ РЕЧИ» И. А. БРОДСКОГО	522
Мичугина С. В. СИМВОЛИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	527
Дырыгина Н. Ю. EL CONDICIONAL/ ПОТЕНЦИАЛ КАК МАРКЕР ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	532
Ким Ю. В., Бочарова Т. И. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ БЛОГЕРА АНАСТАСИЗ	535
Никитина Н. Е., Рокитская П. А. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ИНОСТРАНЕЦ»	540
Тищенко В. В., научный руководитель: Махортова Т. Ю. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СОЛДАТСКИХ ПИСЕМ	544
Жаркова А. В. БАЗИСНЫЕ АРХЕТИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *ВРАЧ*	548
Габитова Л. Х. ДИСТРИБУТИВНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	553
Габитов А. И. КОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО И АБСТРАКТНОГО ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДЛОГОВ IN И THROUGH)	556
Куцобина Н. В. О СПЕЦИФИКЕ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ НЕМЕЦКОГО УЧЕБНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА ДЛЯ ЕГО ПОНИМАНИЯ СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА	560
Иляшенко Л. К., Тетяйкин В. А. ИНФАНТИЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ МЕЖДУ	566

СОЦИАЛЬНЫМ СТЕРЕОТИПОМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ	
Карпушина Ю. А., Алексанова М. А. ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕНДЕНЦИИ	570
Иляшенко Л. К., Боровинская М. В. КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	574

Научное издание

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Материалы
VII Международной научно-практической конференции-2026
Сборник научных трудов
Том 2

В авторской редакции

Подписано в печать Формат 60х90 1/16. Печ. л. 36,875
Тираж экз. Заказ №.

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52